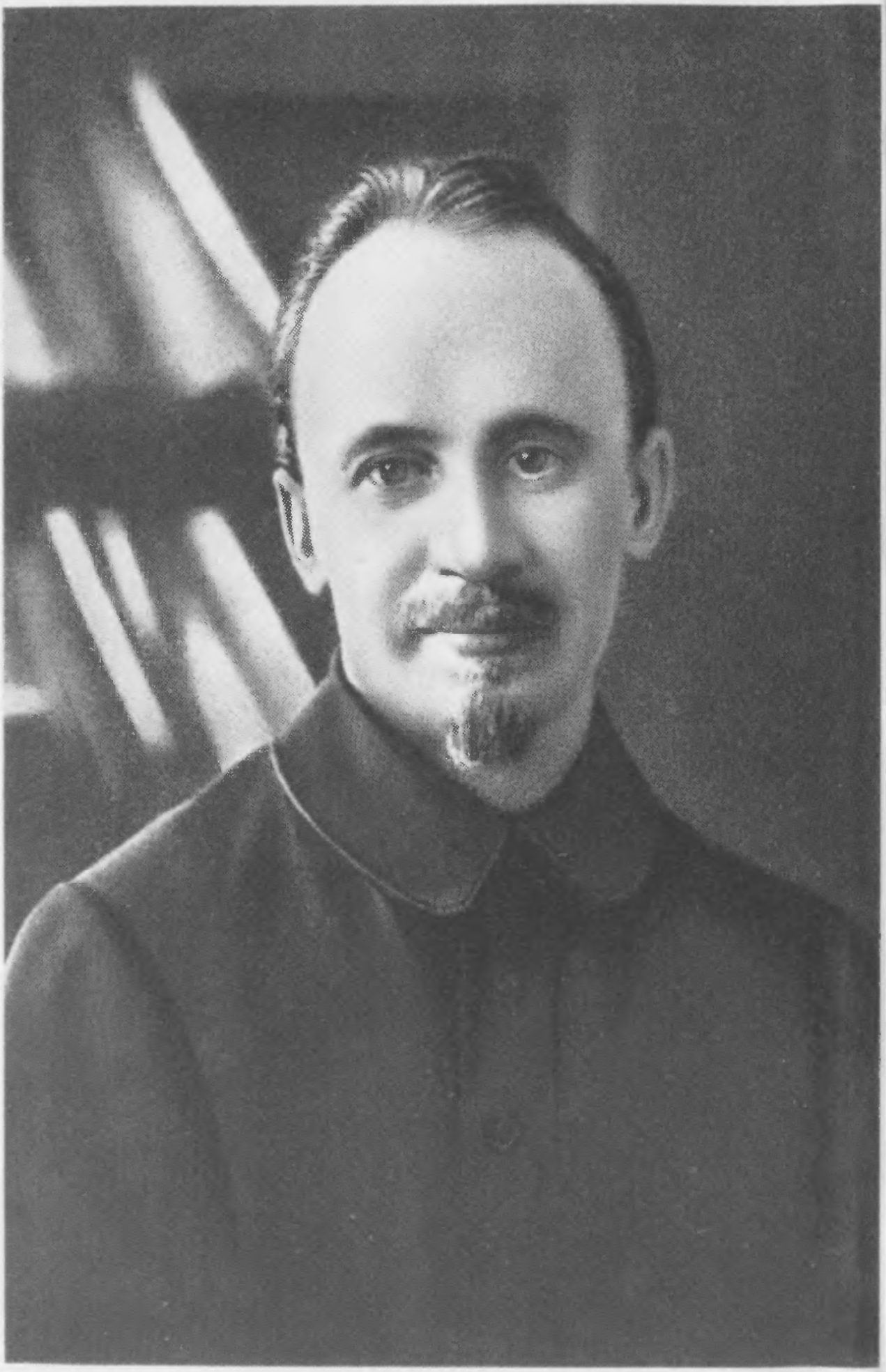
Н. И. БУХАРИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ



АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОТДЕЛ

Н. И. БУХАРИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ

ИСТОРИЯ И ОРГАНИЗАЦИЯ НАУКИ И ТЕХНИКИ

ПОД ОБЩЕЙ РЕДАКЦИЕЙ
академика Е. П. ВЕЛИХОВА

ЛЕНИНГРАД
«НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1988

Бухарин Н. И. Избранные труды: История и организация науки и техники/Ред. Е. П. Велихов. — Л.: Наука, 1988.

В книге публикуются статьи и доклады академика Н. И. Бухарина по вопросам истории и организации науки и техники. Публикуемые работы раскрывают многогранность творчества академика Н. И. Бухарина, его вклад в становление науки первых десятилетий Советской власти.

Книга представляет интерес для всех, интересующихся историей развития науки и промышленности в 1920—1930-е годы в нашей стране.

Составители:

А. И. МЕЛУА, В. М. ОРЕЛ, Г. И. СМАГИНА

Рецензенты:

А. В. Кольцов, В. С. Соболев

При составлении книги использованы материалы фондов Библиотеки АН СССР, Ленинградского отделения Архива АН СССР, Института истории естествознания и техники АН СССР, Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина.

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ БУХАРИН

Избранные труды
История и организация науки и техники
(Составители: *А. И. Мелуа, В. М. Орел, Г. И. Смагина*)

Утверждено к печати
Институтом истории естествознания и техники Академии наук СССР

Редактор издательства *Н. А. Никитина*
Художник *А. И. Слепушкин*
Технический редактор *Р. А. Кондратьева*
Корректоры *Г. А. Александрова, И. А. Корзинина* и *Г. В. Семерикова*

ИБ № 44311

Сдано в набор 1.07.88. Подписано к печати 16.09.88. Формат 84 × 108 $^{1}/_{32}$. Бумага офсетная № 1. Гарнитура обыкновенная. Печать офсетная. Фотонабор. Усл. печ. л. 26.46 + 0.11 вкл. Усл. кр.-от. 26.57. Уч.-изд. л. 29.08. Тираж 50 000 (3-й завод 25 001—50 000). Тип. зак. 972. Цена 4 р.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство „Наука". Ленинградское отделение. 199034, Ленинград, В-34, Менделеевская лин., 1.

Отпечатано с диапозитивов ф-ки «Детская книга» в Ордена Трудового Красного Знамени Первой типографии издательства „Наука". 199034, Ленинград, В-34, 9 линия, 12.

Б $\frac{1401020000—717}{042(02)—88}$ Без объявления

ISBN 5-02-025779-6

© Издательство «Наука», 1988 г.
Составление, статьи, комментарии

ДОРОГОЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Более 50 лет в нашей стране не издавались произведения Н. И. Бухарина, которого В. И. Ленин считал «ценнейшим и крупнейшим теоретиком партии» и «любимцем всей партии». [1]

13 марта 1938 г. жизнь Н. И. Бухарина в расцвете творческих сил была трагически оборвана. «Мудрый вождь» и почетный академик физически расправился с ближайшим соратником Ленина, ученым и организатором науки, признанным интеллектуалом и интеллигентом академиком Н. И. Бухариным.

Благодаря процессу революционного обновления нашего общества, начатого партией в апреле 1985 г., восстанавливается историческая справедливость. Доброе имя Н. И. Бухарина, очищенное от клеветы и необоснованных обвинений, возвращено истории партии и Советского государства и заняло в ней свое место. Безусловно, в нашу историю Н. И. Бухарин вошел прежде всего как один из соратников Ленина, революционер, видный теоретик и идеолог партии, деятель международного коммунистического и рабочего движения. Вместе с тем он был ученым, чьи работы читал и ценил В. И. Ленин. Он нередко критиковал отдельные положения Бухарина, его ошибки, вступал с ним в дискуссии и даже в конфликты, как, например, в период заключения Брестского мира, но вместе с тем сохранял и дружбу с ним и свою оценку его теоретического потенциала.

В начале 1929 г. Н. И. Бухарин был избран действительным членом АН СССР. Это были особые выборы в истории нашей Академии, так как они впервые проводились по первому Уставу Академии, принятому в советское время.

---

[1] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

До этого момента Академия жила по Уставу Санкт-Петербургской Академии наук, утвержденному Николаем I еще при жизни А. С. Пушкина в 1836 г.[2] В соответствии с новым уставом выборы в академию были поставлены на демократическую основу. Право выдвигать кандидатов в академики было предоставлено научным учреждениям, общественным организациям, отдельным ученым с обязательной публикацией списков в центральной печати и изданиях АН СССР. По каждой специальности создавались особые выборные комиссии, которые должны были представлять соответствующему Отделению АН СССР свое мнение обо всех зарегистрированных кандидатах для избрания в Академию. Н. И. Бухарин был выдвинут по специальности социально-экономические науки. В записке о научных трудах профессора Н. И. Бухарина, составленной особой комиссией, отмечается, что он «является талантливейшим ученым в области экономических наук, со всесторонним философским и социологическим образованием. В работах своих он является представителем марксистского направления, самостоятельно разрабатывая новейшие проблемы, выдвинутые новыми хозяйственными и общественными отношениями в области экономики и социологии первой четверти двадцатого столетия».[3] В список его научных трудов было внесено 83 работы.[4] О том, что к моменту избрания в Академию наук Н. И. Бухарин был признанным ученым, свидетельствует и статья о нем в восьмом томе Большой советской энциклопедии, вышедшей в 1927 г.,[5] помещенная в настоящем сборнике. Эта статья заканчивается словами: «Собрания сочинений Бухарина до сих пор нет».[6] Эти слова не потеряли своей актуальности и сегодня. К этому можно добавить, что нет не только собрания сочинений, но даже полной библиографии его работ.

Коллектив научных работников и издателей рассматривает этот сборник как свой скромный вклад во введение в научный оборот части работ академика Н. И. Бухарина. Как известно, Президиум АН СССР 10 мая 1988 г. принял решение посмертно восстановить Николая Ивановича Бухарина в звании академика. Наш сборник выходит к 100-летию со дня его рождения, которое отмечается 9 октября с. г. Научное наследие Н. И. Бухарина велико и многогранно. В настоящий сборник включены работы Н. И. Бухарина по вопросам организации науки, истории науки, техники и культуры. Они охватывают в основном период деятельности Н. И. Бухарина после 1929 г., когда он был выведен из состава Политбюро и освобожден от обязанностей главного редактора газеты «Правда».

---

[2] Уставы Академии наук СССР. М.: Наука, 1975. С. 92—190.

[3] Записки об ученых трудах действительных членов Академии наук СССР по отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 года. Л., 1930. С. 11.

[4] Там же. С. 15.

[5] См. наст. сб., с. 437—450.

[6] Там же. С. 450.

В 1930—1933 гг. Н. И. Бухарин работает заведующим Научно-техническим управлением в ВСНХ, а после ликвидации ВСНХ на аналогичной должности в Наркомате тяжелой промышленности. На этих постах, в общем-то незначительных по сравнению с ранее занимаемыми, Бухарин сумел сделать очень много ценного для организации науки в нашей стране. Прежде всего сюда следует отнести разработку им вопросов планирования научной работы и проведение на эту тему Всесоюзных конференций, первая из которых состоялась в апреле 1931 г. Сегодня, когда ведется перестройка работы Академии наук и научной работы в целом, весьма полезно, на наш взгляд, вспомнить исторический опыт. В августе 1931 г. ЦК партии рассмотрел докладную записку Н. И. Бухарина об организации технической пропаганды в стране. В докладной записке Бухарин отмечал «крайнюю отсталость, почти полное отсутствие выставок, музеев и домов техники». По его предложению была развернута масштабная работа по созданию Всесоюзной постоянной выставки техники и Центрального музея техники в г. Москве. Был проведен конкурс проектов музея, определена территория под его строительство, составлены экспозиционные планы многих разделов техники. В составе Наркомтяжа было создано управление по организации и строительству выставки и музея.[7] К сожалению, эта работа была прервана в период сталинских репрессий, и до настоящего времени наша страна остается единственной промышленно развитой страной, не имеющей национального музея истории науки и техники.

В эти годы Н. И. Бухарин был членом Президиума АН СССР и плодотворно работал в Академии: выступал с докладами на общих собраниях, вел большую исследовательскую и научно-организационную работу. Академик В. И. Вернадский передал ему руководство Комиссией по истории знаний, на базе которой в 1932 г. был создан Институт истории науки и техники, и Н. И. Бухарин был утвержден директором этого института.[8] В это же время он организовал выпуск прекрасного журнала «Социалистическая реконструкция и наука» (Сорена), который стал одним из лучших советских научно-популярных журналов. Н. И. Бухарин был главным редактором этого журнала. Из работ этого периода в области культуры прежде всего следует отметить его замечательный доклад на I Всесоюзном съезде писателей. Все эти годы его можно было прочитать только в стенографическом отчете о съезде писателей, который был практически недоступен широкому кругу читателей. Благодаря полной реабилитации Н. И. Бухарина, политике гласности и демократизации жизни нашего общества стала возможной публикация его научного наследия.

---

[7] См. Архив Политехнического музея. Документальный фонд архива по строительству и организации центрального музея техники и Всесоюзной постоянной выставки техники (Дворца техники). Москва. 1931—1935 гг.

[8] Эта сторона деятельности Н. И. Бухарина более подробно освещена в статье д.и.н. Кольцова А. В., помещенной в данном сборнике.

На состоявшемся в этом году июльском Пленуме ЦК КПСС М. С. Горбачев, говоря о развитии теоретических вопросов развития нашего общества, подчеркнул: «...Нужны дискуссии, семинары, конференции, публикации — словом, самые разнообразные формы научной деятельности, способные будить творческую мысль».[9]

Убежден, что введение в научный оборот работ академика Н. И. Бухарина будет способствовать решению этой задачи.

Е. Велихов

---

[9] Материалы Пленума ЦК КПСС 29 июля 1988 г. Политиздат, 1988. С. 36.

БУХАРИН НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ

(АВТОБИОГРАФИЯ)

Родился 27 сентября (по ст. стилю) 1888 г. в Москве. Отец был в то время учителем начальной школы, мать — учительницей там же. По специальности отец — математик (окончил физ.-мат. факультет Моск. унив.). Воспитывали меня в обычном интеллигентском духе: 4 $^1/_2$ лет я уже умел читать и писать, страшно — под влиянием отца — увлекался книжками по естественной истории: Кайгородов, Тимирязев, Брэм были моими любимцами. С азартом собирались коллекции жуков, бабочек; постоянно держали птиц. Увлекался также рисованием. Одновременно усваивалось постепенно ироническое отношение к религии. Когда мне было около 5 лет, отец получил место податного инспектора в Бессарабской губернии. Жили мы здесь около 4 лет. В духовном отношении эта полоса жизни была до известной степени полосой оскудения: не было книг, а общая атмосфера была атмосферой жизни провинциального окраинного городка со всеми ее прелестями. Я с младшим братом были теперь гораздо более «свободны» от рационального воспитания и «вышли на улицу», росли в садах, на полях, знали буквально каждую дырку тарантулов в саду, выводили «мертвых голов», ловили сусликов и т. д. Главной мечтой тогдашней жизни было получать «Атлас бабочек Европы и среднеазиатских владений» и другие аналогичные издания Девриена. Потом мы снова переехали в Москву, и около 2-х лет отец был без места. Мы терпели большую нужду. Нередко я собирал кости и бутылки, продавая их на 2—3 копейки; в мелочную лавку сносились старые газеты, чтобы выручить грош. За это время я поступил во 2-й класс городского училища. Нужно заметить еще, что отец мой — в жизни очень безалаберный человек — прекрасно знал русскую

литературу, а из иностранной у него в большой чести был Гейне. Читал я в этот период положительно все. Гейне знал страницами наизусть. Знал наизусть всего Козьму Пруткова. Перечитал совсем мальчиком классиков. Как курьез могу отметить, что в этом возрасте я прочитал почти всего Мольера, а также «Историю древней литературы» Корша. Это бессистемное чтение («как попало») приводило иногда к большим странностям. Вспоминаю, например, что после чтения каких-то глупейших рыцарских испанских романов я стал величайшим сторонником испанцев во время испано-американской войны. Бредил — под влиянием Корша — древностью и не без некоторого презрения смотрел на современную городскую жизнь. В то же время был в постоянном общении с так называемыми «уличными мальчишками», о чем отнюдь не сожалею. «Бабки», городки, драки и т. д. были непременной принадлежностью этой жизни. Примерно около этого времени или несколько позднее я пережил первый т[ак] н[азываемый] «душевный кризис» и окончательно разделался с религией. Внешне это, между прочим, выразилось в довольно озорной форме; я поспорил с мальчишками, у которых оставалось почтение к святыням, и принес за языком из церкви «тело христово», победоносно выложив оное на стол. Не обошлось и здесь без курьезов. Случайно мне в это время подвернулась знаменитая «лекция об Антихристе» Владимира Соловьева, и одно время я колебался, не антихрист ли я. Так как я из Апокалипсиса знал (за чтение Апокалипсиса мне был, между прочим, сделан строгий выговор школьным священником), что мать антихриста должна была быть блудницей, то я допрашивал свою мать — женщину очень не глупую, на редкость честную, трудолюбивую, не чаявшую в детях души и в высшей степени добродетельную, — не блудница ли она, что, конечно, повергло ее в величайшее смущение, так как она никак не могла понять, откуда у меня могли быть такие вопросы.

Окончил я школу «первым учеником», год не мог поступить в гимназию, а потом поступил во 2-й класс, сдав экзамен и предварительно подготовившись по-латыни. В гимназии (1-я Моск[овская])учился все время почти на пятерках, хотя не прилагал никаких к этому усилий, никогда не имел словарей, всегда «списывал» наспех «слова» у товарищей и «готовил» уроки за 5—10 минут до прихода учителей. В 4-м или 5-м классе гимназии начали организовываться «кружки», «журналы» и т. д., сперва совершенно невинные. Как полагается, мы прошли и через стадию писаревщины.

Потом началось чтение нелегальной литературы, затем кружки, «организации учащихся», куда входили и с.-р. и с.-д., а затем окончательное самоопределение в марксистском лагере. Сперва занятия экономической теорией произвели на меня тяжелое впечатление: после «высокого и прекрасного» — «товар — деньги — товар». Но, войдя in medias res марксистской теоретики, я почувствовал ее необычайную, логическую стройность. Должен сказать, что, несомненно, именно эта черта повлияла на меня больше всего. Мне эсэровские теории казались прямо какой-то размазней. Кроме того, либеральные знакомые вселяли в меня дух буйного протеста как раз против либерализма. Тут подходила революция 1905 г., митинги, демонстрации и пр. Конечно, во всем этом мы принимали живейшее участие. В 1906 г. я официально стал числиться членом партии и начал нелегальную работу. Во время выпускных экзаменов вел стачку на обувной фабрике Сладкова вместе с Ильей Эренбургом. Поступив в университет, использовал его, главным образом, или для явок, или для того, чтобы произвести какой-то теоретический «налет» на семинарии какого-либо почтенного либерального профессора.

В 1908 г. меня кооптировали в Моск[овский] комитет партии. В 1909 г. я по выборам прошел в его следующий состав. Имел в это время известную еретическую склонность к эмпириокритикам, причем прочитал все, вышедшее на русском языке по этому предмету. 23 мая 1909 г. был арестован на собрании МК, потом выпущен, потом снова арестован. Затем меня выпустили под залог, но в 1910 г. при разгроме всей Моск. организации партии (я в это время работал в легальных учреждениях) я был тоже арестован, много месяцев просидел в тюрьме, был выслан в Онегу, а затем, чтобы не получать каторги по суду (у меня была 102 ст.), убежал за границу. За время своей партийной работы в России все время был ортодоксальным большевиком (т. е. не был ни «отзовистом», ни «примиренцем»). За границей начинается новая полоса в моей жизни. Я первое время жил обычно в рабочих семьях, а целые дни проводил в библиотеках. Если в России я приобрел общие познания и довольно специальные познания в аграрном вопросе, то, несомненно, основной капитал дали мне заграничные библиотеки. Во-вторых, я познакомился с Лениным, который, конечно, оказал на меня огромное влияние. В-третьих, я приобрел знание языков и знание практики европейского рабочего движения. За границей же началась по-настоящему и моя литера-

турная деятельность (корреспонденции в «Правде», статьи в «Просвещении», первая печатная работа в «Neue Zeit» — о Туган-Барановском и т. д.). Повсюду старался принимать практическое участие в рабочем движении. Перед войной был арестован в Австрии, где, между прочим, слушал Бем-Баверка и Визера, и был выслан в Швейцарию; с большими трудностями перебрался потом (с промежуточным арестом в Нью-Кестле) в Швейцарию, где вместе со своим ближайшим другом Пятаковым усиленно работал в библиотеках, пока арест (т[ак] н[азываемый] процесс Хеглунда) не положил этому конец. Затем жил одно время в Норвегии (принимал ближайшее участие в издании «Klassekampen», органа «Молодых»), а затем вынужден был нелегально бежать в Америку. Там был редактором «Нового мира», принимал участие в формировании «левого крыла» соц. движения и т. д. После революции приехал через Японию в Россию, будучи в Челябинске арестован меньшевиками за агитацию среди солдат. По приезде в Москву стал членом Исполкома Моск[овского] Совета, членом МК, редактором «Соц.-Демократа» и журнала «Спартак». Был все время на левом фланге (еще за границей защищал тезис о неизбежности социалистической революции в России). На VI съезде партии был выбран в ЦК, в коем состою и по сие время. Из важнейших этапов моей политической жизни считаю необходимым указать на брестский период, когда я, будучи во главе «левых коммунистов», сделал крупнейшую политическую ошибку. Весь следующий период возрастающего влияния на меня со стороны Ленина, которому я обязан, как никому другому, в смысле своего марксистского воспитания и с которым имел счастье не только быть в тех же рядах, но и стоять близко к нему вообще, как товарищу и человеку. В настоящее время работаю как член ЦК и Политбюро, как член президиума ИК Коминтерна и как редактор «Правды», а равно как литератор, лектор, партийный агитатор, пропагандист и т. д.

Из теоретических работ важнейшими являются: 1) «Мировое хозяйство и империализм», 2) «Политическая экономия рантье» (критика теории ценности и прибыли т[ак] н[азываемой] «австрийской школы»); 3) «Экономика переходного периода» (попытка теоретического анализа основных закономерностей распада капитализма и общественной реорганизации в условиях пролетарской диктатуры); 4) «Теория исторического материализма»; 5) Сборник теоретических статей «Атака» (против Бем-Баверка, Струве.

Туган-Барановского, Франца Оппенгеймера и др.); «Империализм и накопление капитала» (анализ процесса воспроизводства, теория рынка и кризисов в связи с критикой теории Розы Люксембург и Туган-Барановского). Из популярных книжек особое распространение получили: «Азбука Коммунизма» (написанная вместе с Преображенским), «Программа коммунистов большевиков» и др. Особняком стоит историческая работа «От диктатуры царизма до диктатуры пролетариата» и «К вопросу о троцкизме» (в последнем сборнике дан теоретический анализ правильной и неправильной линии экономической политики в условиях советского режима и в связи с вопросом о соотношении города и деревни). Кроме этого, есть ряд второстепенных брошюр, журнальных статей и проч. Многие из этих работ, главным образом популярные брошюры, переведены на европейские и азиатские языки.

I

ГЕЙНЕ И КОММУНИЗМ

Гейне принадлежит к числу такого рода гениальных людей, вокруг имени которых ведутся ожесточенные бои: историко-литературные, критические, политические. Это — не случайность, не каприз истории, не идеологические выверты со стороны спорящих. Гейне настолько блестящ и ярок, так многогранен и прихотлив, что из драгоценного ларца его поэтического творчества можно выбрать кинжал тираномаха и брильянтовый перстень аристократа; весеннюю свирель и меч революции; жемчужины слез и циничную иронию; средневековый амулет и пурпурное знамя пролетарского переворота. Гейне — король видений и снов, сказочный принц романтической грезы. И в то же время великий насмешник, земное воплощение богини Иронии, гениальный «свистун». Вождь «партии цветов и соловьев». А на другой странице — лихой барабанщик революции. Духовный аристократ, утонченный индивидуалист, эстет, любимец самых изящных муз и граций. И в то же время друг Маркса и Энгельса, травимый всеми полицейскими собаками и всеми «христианско-германскими ослами». Великий проповедник реабилитации материи, плоти, чувственности. И наряду с этим пилот, мчащийся в высь мистических туманов. Яростный враг всякого филистерства, торгашей, бирж, капиталистических идолов. А вместе с тем восторженный поклонник буржуазной цивилизации, гурман, дитя этого мира, привязанное к нему миллионами тончайших звеньев и цепей. Певец грядущего коммунизма и одновременно его хулитель. Разве можно подыскать еще более пеструю и в то же время сверкающую драгоценным великолепием линий и красок поэтическую ткань? Личная жизнь: безмерная жажда наслаждений, поэтические и литературные сражения, любовные рыдания и утехи и ожесточенная политическая борьба,

трагическая агония, растянутая на ряд долгих мучительных лет; могучий светлый интеллект, погибающий в смертельной, неравной борьбе со сверлящим ядовитым штопором спирохеты.

Гейне — это филигранная работа всей эпохи. В *Германии* «крот истории» уже подкапывал устои дворянско-помещичьего хозяйства, средневекового ремесла и феодальную политическую раздробленность «страны поэтов и философов». Сдвиги социально-экономических реформ, разрушение мелкого производства, начала века машин и коммерциализации всей жизни вызвали и напряженную классовую борьбу, и великое идеологическое брожение, дифференциацию, размежевку школ и течений. Первые грозные громы рабочих бунтов потрясли воздух. Заговорили пауперизованные ткачи Силезии. Буржуазная интеллигенция уже нащупывала дороги своего грядущего. Критика религии, величественный синтез Гегеля, распадение гегелевской школы, «Молодая Германия», «истинный социализм», Вейтлинг; свержение романтиков, гегельянская левая, Фейербах. Из *Франции* — мощные потоки идеологического света. Утопический социализм Фурье и Сен-Симона, традиции Великой революции, культ Наполеона, учинившего в Европе репетицию разгрома обветшавших феодальных ценностей, Прудон. И в этом удивительном нестройном хоре — все возрастающий густой набатный гул *научного коммунизма*. Металл пролетарской теории, который определил все последующее развитие рабочего революционного движения. 30-й год во Франции. 48-й год в Европе. Венгерское восстание. Союз коммунистов. «Коммунистический манифест». На фоне этой эпохи, когда от романтических грез, полупатриархальной полицейской опеки, идиллического сонного спокойствия, теологического и метафизического тумана Германия была ввергнута в водоворот интенсивнейшей общественной борьбы, разыгравшейся под разными знаменами, символами, теоретическими лозунгами и выдвинувшей своих героев, появилась ослепительно яркая фигура Генриха Гейне. Она стояла на рубеже двух эпох, когда запоздало шла к власти буржуазия, из-за спины которой уже виднелись еще нестройные, еще не экипированные, еще не вооруженные полки пролетарской революции. Феодальный режим с его крепостными, цеховщиной, теологией, деспотизмом крахнул. Но на смену ему шла биржа, коммерция, пауперизм, кризисы; банкиры и торгаши, филистеры в науке и искусстве, пройдохи в политике. Великие идеи буржуазных революций уже обстреляны развер-

шимися безднами капитализма, бездонной глубиной его противоречий. Политические иллюзии конца XVIII в. испарились. Так называемый «социальный вопрос» стал исхудавшей рукой голодного паупера-пролетария все более настойчиво и грозно стучаться в ворота истории.

Вот эта двойственность переходной эпохи, основание для огромной «силы колебания» двойственной по своей природе мелкобуржуазной интеллигенции, которая начала рассаживаться по новым классовым местам, и отразилась исключительной яркостью на всем творчестве Гейне. Его личные свойства — огромный темперамент и волевая неустойчивость, крупный ум и бесхарактерность при исключительной впечатлительности богато одаренной «артистической» натуры — в своей дисгармонии замечательно гармонировали с дисгармонией и раздвоенностью квалифицированных «поставщиков идеологии» в период смутный, раздираемый противоречиями, переходный, весь наполненный конфликтами интересов, идей, теорий, этических норм, мировоззрений, мироощущений. Замечательно хорошо обрисовал общественный облик поэта ядовитый «разрушитель эстетики» Д. И. Писарев, бывший восторженным поклонником Гейне. Характеризуя политическое положение Европы, как эпоху, когда всю атмосферу отравлял «разлагающийся труп Жиронды», Писарев писал:

> «Лучшие люди, самые умные, самые честные и самые страстные, искали вокруг себя и внутри себя твердую точку опоры и не могли ее найти. Их мучило безверие в самом обширном и глубоком значении этого слова... Предшественники верили в политический переворот; преемники верят в экономическое обновление; а посредине лежит темная трущоба, наполненная разочарованием, сомнением и смутно-беспокойными тревогами; и в самом центре этой темной трущобы сидит самый блестящий и самый несчастный ее представитель — Генрих Гейне, который весь составлен из противоречий».

Писарев относил Гейне не к поэтам «текущей минуты», а к поэтам «мировым», которые «носят в себе думы и печали всего современного мира», которые охватывают «своим умом весь великий смысл человеческой жизни, человеческой борьбы и человеческого горя»... Гейне, конечно, был именно таким поэтом. «Великие теоретические интересы», центральные проблемы времени, вся мыслительная ориентация огромной эпохи, возвещавшей свое наступление паровой машиной, победоносным и беспощадным триумфальным шествием крупного капитала и первыми перекличками его

могильщиков, мучили Гейне: он ими болел. Радиус его интересов был огромен. Его образованность исключительна. Круг его знакомств охватывал лучших людей времени: Бальзак, Жорж-Занд, Готье, Фрейлиграт, Гервег, Лист, Берлиоз, Александр фон-Гумбольдт, Анфантен, Лассаль, Энгельс, Маркс — вся плеяда талантов и гениев эпохи, все звезды первой величины входили в орбиту общения с «последним и отрекшимся сказочным королем» романтизма, как величал Гейне самого себя. Гейне дышал не только атмосферой борьбы в Германии. Великий город, единственный центр тогдашней культуры, город мятежей, котел политических страстей, гигантская лаборатория мысли, Париж, был второй родиной поэта.

Середина XIX столетия, в сущности, уже достаточно ярко поставила проблему, которой суждено было стать центральной проблемой человеческого общества, — *проблему коммунизма*. В эту пору была создана первая и основная программа международной революции пролетариата — «Коммунистический манифест». В эту пору гениальные кузнецы научного коммунизма стали ковать теоретическое оружие. В эту пору мощный теоретический прожектор марксизма стал освещать магистрали всемирного исторического развития. В эту пору научному коммунизму пришлось выдержать первые авангардные схватки. Вполне естественно, что для характеристики Гейне его отношение к коммунизму представляет выдающийся интерес.

Фридрих Энгельс рассматривал научный коммунизм как преемника и наследника *немецкой классической философии, английской политической экономии и французского социализма*. Характерно, что и Гейне уже в 1833—1834 гг. говорил о немецких ремесленниках и рабочих как о наследниках гениальных философов. А относительно его идеологов — Маркса и Энгельса — он писал с чрезвычайной смелостью и с огромной степенью прозрения:

> «Пролетарии в их борьбе против существующего порядка вещей (gegen das Bestehende) имеют в качестве вождей самые прогрессивные духовные силы (Geister), философов великой школы. Они (эти вожди. — *Н. Б.*) переходят от доктрины к действию, последней цели всякого мышления, и формулируют программу».

Эта мысль поистине гениальна. Она выставляет, по сути дела, практический критерий истины, который Маркс с таким блеском защищал в своей критике Фейербаха. Но у Гейне нет никакой стройной системы. Он не проделал всей той

философской эволюции, которая произошла в среде гегельянской левой и привела к замечательному синтезу, *диалектическому материализму* Маркса. Его философские работы, шедевр художественного творчества, полные метких и умных характеристик, отдельных тонких замечаний, разящих сабельных ударов по врагу, означают разгром «христианско-германских ослов», поэму освобождающейся плоти. Но они полны колебаний от грубого сенсуализма до классического немецкого идеализма. Они прекрасно схватывают революционную сторону гегельянства в отличие от Берне, который Гегеля считал холопом без рифм, а Гете — холопом с рифмами. Но Гейне не мог ни проделать той огромной критической и в то же время творческой работы, которую проделал Маркс, ни усвоить себе философские взгляды последнего. И тем не менее одна его оценка немецкой классической философии, одно его замечание *о действии, как последней цели всякого мышления*, показывают, как близко временами он подходил к формулировке идей, которые послужили потом исходным пунктом необычайно богатого развития. И здесь Гейне очутился на полдороге. Его философствующая публицистика, его высмеивание религии, свист бича, которым он бичевал теологов и попов, едкие безбожные сатиры не помешали, однако, его «обращению». Этот ниспровергатель фетишей припал устами к библии, но тут же мучительно скосил полузакрытые глаза и перед смертью иронически подвел итог своих отношений с богом: «*Dieu me pardonnera. C'est son métier*» («Бог мне простит, это его ремесло»). Вряд ли, однако, господь бог в благости своей сможет простить профессионального грешника. Ибо все же, в конце концов, *основной* остается такая оценка идеологических вершин классической немецкой философии, данная Гейне:

> «Если сравнивать историю французской революции с историей немецкой философии, то можно подумать, что немецкая философия есть не что иное, как греза (Traum) французской революции. У нас (т. е. немцев. — *Н. Б.*) разрыв с существующим порядком вещей (mit dem Bestehenden) и преданием происходил в области мысли».

Эта оценка, как мы видим, шла по той же *линии*, что и оценка со стороны научного коммунизма. И если умирающий Гейне кокетничал с богом, тут же, впрочем, издеваясь над ним, то это не отменяет его пророчества, что семена, посеянные этой философией, дадут всходы, по сравнению с которыми французская революция покажется идиллией. У Гейне был орлиный взор: он один из первых познал на-

стоящую цену «алгебры революции» и в недрах идеалистической вавилонской башни Гегеля увидел скрытую революционную пружину, которая была так искусно реконструирована гениальными руками Маркса.

Французский социализм, другой источник научного коммунизма, был точно так же крайне близок мятущемуся поэту. *Сенсимонизм* и отчасти *фурьеризм*, великие утопические системы социализма, многими своими составными элементами вошли в плоть и кровь гейневской идеологии. Критика капиталистического общества, второстепенная роль вопроса о государственной форме, перенос центра тяжести на экономику и науку, космополитизм, борьба с религией и «старым христианством», наконец, евангелие плоти, возвещенное Сен-Симоном и развитое Анфантеном, — все это имеет своим источником французский социализм.

Auf diesen Felsen bauen wir
Die Kirche von dem dritten
Dem dritten neuen Testament;
Das Leid ist ansgeglitten
Vernichtet ist das Zweierlei,
Das uns so lang betöret;
Die dumme Leiberquälerei
Hat endlich aufgehöret. [1]

Но Гейне видел всеобщие связи вещей и явлений более зорко, чем утопические социалисты. Гегельянская школа не прошла бесследно. С другой стороны, Гейне был прекрасно знаком с такими историками, как Мишле и Минье, которые уже стали вводить в науку понятие класса, в то время как у Сен-Симона рабочие и капиталисты составляли еще одну «индустриальную» группу. Вот почему Гейне мог доходить до таких теоретических обобщений, которые обнаруживают гегельянскую выучку. «Народы, партии, сами массы являются героями нового времени», — писал Гейне, делая тем самым огромный скачок по сравнению с утопическим социализмом и его наивными представлениями о закономерностях исторического развития. Однако и здесь он оказался на полпути, не сведя концов с концами и постоянно шатаясь между

[1] «На этом камне строим мы
Церковь третьего завета.
Страдание исчезло.
Уничтожена двойственность,
Которая так долго нас дурачила;
Перестало существовать глупое умерщвление плоти».

почти материалистической позицией французских историков времен реставрации и рационалистическим идеализмом утопистов, у которых, в конце концов, идеи, наука и нравы являются исходными точками развития.

Английская политическая экономия оставалась для Гейне книгой за семью печатями, и тут у него налицо очевидный крупный провал. Но это не значит, что Гейне не понимал значения экономики. Достаточно, например, привести такого рода обоснование социализма:

> «Мы измерили земли, мы взвесили силы природы, мы высчитали средства индустрии и — смотрите! — мы обнаружили, что эта земля достаточно велика для того, чтобы каждому дать пространство (hinlänglichen Raum) для постройки хижины его счастья, что эта земля может всем обеспечить приличное пропитание, если мы все работаем, если никто не захочет жить за счет другого и если не будет нужды в том, чтобы адресовать более значительные и более бедные классы на небо».

Конечно, Гейне не мог дойти до понимания *теории научного коммунизма*, да и вряд ли интересовался *серьезно* духовным развитием и научной продукцией «красного доктора» и его друга. Но не подлежит сомнению, что по меньшей мере *два* «источника марксизма» были ему хорошо известны. В этом отношении он стоял сравнительно высоко, и поэтому как раз он выставлял иногда такого рода положения, которые оказались поистине пророческими. Он, во всяком случае, понимал «всеобщую связь вещей» *глубже*, чем главная колонна мелкобуржуазного радикализма во главе с Берне; он видел *дальше*, чем она; он, при всех своих шатаниях, неустойчивости, почти беспринципности, обнаруживал бесконечно *больше исторической прозорливости*, он, этот романтик, мот, прожигатель жизни, певец Венеры.

Он приветствовал восстание *силезских ткачей*, когда почти все видели в нем только бессмысленный бунт, лишнее кровавое пятно на исторической арене. Он, подобно Марксу, но чутьем гениального художника, понял все принципиальное значение этого выступления и воспел его в бессмертных строфах, предсказав похороны старой Германии:

Проклятье богу, кому сквозь голод
Молились мы, — сквозь голод и холод
Напрасно мы ждали за часом час:
Он обманул, одурачил нас.
Мы ткем, мы ткем!

Проклятье королю, злому владыке,
Кого не тронули наши крики,
Кто выжáл из нас последний грош
И дал нас, как скот, повести под нож.
Мы ткем, мы ткем!
Проклятье отечеству, родине лживой,
Где лишь позор и низость счастливы,
Где рано растоптан каждый цветок,
Где плесень точит любой росток.
Мы ткем, мы ткем!

Всем известно, с каким энтузиазмом Гейне приветствовал революцию 1830 г.

> «С материка, — писал он, — пришел пакет газет с горячими, знойно-жаркими новостями. То были солнечные лучи, завернутые в бумагу, и они произвели в моей душе самый дикий пожар. Мне казалось, что я мог зажечь весь океан до северного полюса тем огнем вдохновения и безумной радости, который пылал во мне».

Но гораздо изумительнее оценка поэтом *чартистского движения* английских рабочих. В чартистском движении он видел «важнейшее явление современности»; в нем, по Гейне, если говорить о последствиях, содержится «социальный переворот, по сравнению с которым французская революция покажется весьма ручной и скромной». Здесь уже речь идет о классовой *революции пролетариата.*

Гейне пел восторженные гимны великой революции XVIII в. во Франции, и каждое крупное революционное событие встречал с неподдельной радостью. Но герои мелкобуржуазной фразы, буржуазные мародеры революции, примостившиеся на запятках ее колесницы и загребавшие затем все в свои руки, его возмущали и приводили в негодование. *Он уже ясно видел внутреннюю фальшь буржуазной демократии и не мог не идти вперед, к коммунизму.*

Но здесь его встречал его собственный двойник, и Гейне метался из стороны в сторону, стремясь к коммунизму и отталкиваясь от него, понимая его историческую неизбежность и злостно его высмеивая.

Если посмотреть на этого замечательного поэта с точки зрения крупных черт эпохи, крупных черт «его» социальной группы и крупных черт его творчества, то нетрудно видеть целые массивы идей, образов, типов, приемов, которые находятся в глубокой коллизии друг с другом.

Мир сказки, рыцари, феи, гномы, принцы и принцессы, колдуньи, палачи, утопленники. Романтизм, мистика, поэтическое волшебство, сладостная греза, сказочный дурман. Это

еще в известной мере опоэтизированное средневековье, из дремотного царства которого рождался новый коммерческий мир, это апелляция к прошлому тех, кто слеп на будущее. Против этого средневековья стоит воин с мечом в руках и рубит головы церкви, королям, богам. Он поет звонким голосом «Марсельезу» и «Ça ira», громит христианство и спиритуализм, проповедует плотские наслаждения и пускает в фей, рыцарей и принцев разящие, острые стрелы смеха, иронии, издевательства. И тут же стоит другой и слушает, как мрут голодные, как «слышится лязг ножа, будто его точат», как зреет и растет великая армия мятежа, как история уже обрекает «новый» мир наживы на гибель через кровавую революцию. Эти основные противоречия заложены в Гейне. Он — поэт радикальной мелкобуржуазной демократии, барабанщик французской революции, апостол свободы личности. И в то же время он — яростный ненавистник купцов, биржи, золотого тельца, эксплоатации, филистерства, мещанства. Он уже не может загораться брильянтовым огнем энтузиазма при одном слове «la république», ибо капиталистическое общество кровоточит анархией, конкуренцией, голодом. Он *уже рвется* к коммунизму, но он *боится* этого коммунизма, боится пролетарской мастеровщины, грубого равенства, боится за цивилизацию, науку, искусство, танцы нимф и пение соловьев. Поэтому и его идеологические установки так отчаянно противоречивы. Он хочет вообще уйти от политической борьбы. Он высмеивает политику в поэзии. Но он вынужден идти и сражаться: «Не мы владеем идеей, — пишет он как бы в оправдание, — а идея владеет нами, и порабощает нас и гонит нас на арену, чтобы мы сражались за нее, как пленные гладиаторы». Он издевается над «тенденцией» и создает лучшую социалистическую лирику, которая стоит у колыбели пролетарской поэзии. Он хочет реабилитировать материю и объявляет себя в знаменитой «Доктрине» «лихим барабанщиком» революции:

Дробью людей буди от сна,
С юною силой мечту буди.
Шагай, барабаня, всегда вперед, —
В этом — жизни мудрость вся!
Философия Гегеля — вот она, здесь.
В этом — книг глубочайший смысл,
Я это понял, потому что умен,
Потому что лихой барабанщик сам.

А его противники «бьют» его как раз за «политику». Орган радикалов «Vorwärts» писал в 1844 г.:

Herr Heinrich Heine, der Dichter,
Der ist wohl lange tot.
Er starb am politischen Fieberstick
Im politischen Kot.[1]

Он сражается за «новое евангелие» Сен-Симона, усиленно, даже грубо, подчеркивая чувственно-материальные моменты:

На земле счастливыми быть мы хотим...
. . . . . .
Мы хотим, чтобы хлеба хватало на всех,
Чтоб у каждого было немножко
Миртов, веселья и красоты
И сахарного горошка.
Да, каждому, каждому сладкий горох,
Что лопается, полный соком!
А небо, — мы уступаем его
Ангелам и сорокам.

И в то же время он громит коммунистов, рабочих, пролетарскую революцию за то, что она якобы преследует только интересы «брюха», т. е. он издевается над тем самым «горошком», который он только что воспел. Если протянуть идеологические ниточки от этого противопоставления «брюха» и «души», «горошка» и «соловьев», то и получится то самое противоречие между «духовным» и «чувственным», ликвидировать которое Гейне обещался в своем манифесте о третьем священном завете и ликвидировать которое он не мог, не переходя на точку зрения *диалектического материализма.*

Он громит аристократию, а сам пишет злобные инвективы против «казарм республиканской добродетели», «спартанского супа», «ослов», которые будут все получать наравне с гением.

Он говорит, что *массы* — это герой нового времени. А сам издевается над «дурно пахнущими», «кривоногими подмастерьями», позабыв, что он только что произвел их в чин наследников немецкой философии.

---

[1] «Господин Генрих Гейне, поэт
Он уже давно мертв.
Он умер от политической лихорадки
В политическом дерьме».

Гейне ясно видел надвигающуюся революцию. Он видел неизбежную победу коммунистов. 15 июля 1843 г. (год знакомства с Марксом) он писал:

> «Я снова говорю о коммунистах, единственной партии во Франции, заслуживающей безусловного внимания. Такое же внимание обратил бы я и на обломки сен-симонизма, последователи которого под странными вывесками все еще живы, а равно и на фурьеристов, которые еще продолжают работать свежо и энергично; но этими людьми двигает только слово, социальный вопрос как вопрос, традиционное понятие, и они не побуждаются к действию демонической необходимостью, они не те заранее предопределенные слуги, посредством которых высшая мировая воля приводит в исполнение свои колоссальные решения. Рано или поздно рассеянная по свету семья Сен-Симона и весь генеральный штаб фурьеристов перейдут в армию коммунистов и как бы возьмут на себя роль отцов церкви».

Это написанное в тоне гегельянской патетики место звучит как настоящее пророчество. Здесь Гейне возвышается действительно до понимания главных движущих сил переворота, до понимания всей его чудовищной огромности, не говоря уже о том, что он идет далеко впереди и своих «радикальных» противников типа Берне и социалистов-утопистов Франции. Конечно, за этим слышится влияние титана революционной науки и революционного действия, Маркса. Но это не умаляет всего значения данного высказывания. Разумеется, Гейне понимал всем своим умом *неизбежность* коммунистического переворота. У него были широкие исторические горизонты. Он чувствовал ритмы мировой истории. Он вполне понимал *относительную* устойчивость того, что на марксистском языке называется «способом производства». Он прекрасно видел язвы капитализма и его противоречия. И при всем том он не был настолько буржуа, чтобы его психологическая ориентация раздавила или искривила рациональное познание. Но это *познание неизбежного* переворота, познание его во всей огромности, во всем его значении для мировой истории, вовсе не сопровождалось *эмоциональным*, чувственным «приятием» этого переворота *целиком*. Если Гейне был достаточно антибуржуазен, чтобы *понять* пролетарскую революцию; если он был достаточно антибуржуазен, чтобы метать громы и молнии *против капитала*, наносить раны его агентам и его дельцам; если он был достаточно антибуржуазен, чтобы в действительно замечательных стихах поднять на щит голодных героев Силезии, то он был достаточно *буржуазен*, чтобы испугаться за пол-

ную сохранность драгоценных сундучков буржуазной культуры, испугаться массы, испугаться коммунизма. В стихотворении «Странствующие крысы» он тщетно силится занять «надклассовую» позицию, высмеивая оба великие классовые лагеря:

Горе. Мы погибли. Смерть висит над нами.
Вот уж эти крысы перед воротами...
Бургомистр почтенный ужасом объят,
Растерялся мудрый городской сенат.
Город огласился криками и стоном,
Звуками оружья, колокольным звоном...
Страшная опасность... Все пропасть должно,
Что стоит на свете крепко и давно!
Тщетны все усилья, бедненькие дети!
Ах, ни эти пушки, ни мотивы эти,
Ни указы мудрых городских властей
Не спасут нас нынче от таких гостей.

Это буржуазия.

А вот пролетариат:

Странны и зловещи эти крысьи морды.
Головы скитальцев, поднятые гордо,
Выстрижены гладко: каждый волосок
Радикально срезан, ультракороток.
Радикалы-крысы ни во что на свете
Не имеют веры; об авторитете,
Чей бы там он ни был, слышать не хотят,
Все, от самых старых до птенцов-крысят,
Чуждые малейшей выспренней идее,
Только и хлопочут, как бы посытнее
Выпить и нажраться; в мысль им не придет,
Что наш дух бессмертный выше, чем живот...

Еще ярче эта двойственность сформулирована поэтом в предисловии к французскому изданию «Лютеции». Это известное место нельзя не процитировать:

«Действительно, — пишет он, — только с ужасом и трепетом думаю я о времени, когда эти мрачные иконоборцы достигнут господства; своими грубыми руками они беспощадно разобьют все мраморные статуи красоты, столь дорогие моему сердцу; они разрушат все те фантастические игрушки искусства, которые так любил поэт; они вырубят мои олеандровые рощи и станут сажать в них картофель и — увы! — из моей «Книги песен» бакалейный торговец будет делать пакеты и всыпать в них кофе или нюхательный табак для старых баб будущего. Увы, я предвижу все это, и *несказанная скорбь* охватывает меня, когда я думаю о погибели, которою победоносный пролетариат угрожает моим стихам, что сойдут в могилу вместе со всем старым романтическим миром.

И несмотря на это, я сознаюсь откровенно: *этот самый коммунизм, до такой степени враждебный моим склонностям и интересам, производит на мою душу чарующее впечатление, от которого я не могу освободиться».*

Здесь уже не только двойственность разума и чувств, интеллектуальное приятие и чувственное отрицание; здесь налицо раскол даже в самом эмоциональном отношении: с одной стороны, «скорбь», с другой — «очарование». Так бьется гений Гейне в сетях своей собственной противоречивой социальной природы, которая расставила ему свои ловушки, капканы и самострелы. Но это место отчасти вскрывает и некоторое добавочное обстоятельство. «Бакалейный торговец» отнюдь не есть категория коммунистического общества. Но он фигурирует у Гейне не случайно. Дело в том, что, к несчастью для поэта, он был больше знаком с «грубой и бессмысленной формой коммунизма», о которой Маркс писал, что это есть «лишь завершенная форма зависти», «абстрактное отрицание всего мира образования и цивилизации», «возвращение к неестественной простоте нищего», «отрицание личности человека» и т. д. Марксистскому коммунизму отнюдь не мерещится ориентация на постные идеалы христианской добродетели. Коммунизм хочет уничтожить и однобоких городских и однобоких деревенских животных. Коммунизм хочет осуществить лозунг: каждому *по потребностям.* Коммунизм хочет открыть все родники общественного богатства. Маркс с *презрением* писал о буржуазной политической экономии:

«Политическая экономия, эта наука о богатстве, есть в то же время наука о самоотречении и лишениях, о бережливости, и она действительно доходит до того, что сберегает человеку даже потребность в чистом воздухе или физическом движении. Эта наука о чудесной промышленности есть в то же время наука об аскетизме, и ее настоящий идеал, это — аскетический, но ростовщический скряга, и аскетический, но производящий раб. Ее моральным идеалом является рабочий, откладывающий в сберегательной кассе часть своего заработка, и она нашла даже для этого своего излюбленного идеала нужное ей холопское искусство — на сцене ставили сентиментальные пьесы в соответствующем духе. Поэтому политическая экономия, несмотря на весь свой мирской и чувственный вид, действительно моральная наука, наиморальнейшая из наук. Ее главный догмат — это самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем значительнее становится то твое достояние, которое не смогут съесть ни моль, ни ржавчина, — твой капитал».

В противоположность этому идеалу *скряги* коммунизм ориентируется на богатство жизни, развитие всех способностей, расцвет и многогранность их, гигантский *рост потребностей*. Коммунизм втягивает в орбиту своих интересов природу, общество, весь мир. Коммунизм уничтожает профессиональное калечение людей, сужение их опыта, разделение их на однобоких специалистов, их уродскую односторонность. Он крайне далек от того, чтобы фетишизировать средства производства или частицу домашнего быта. Он развивает *многостороннее* богатство, при *единой* целеустремленности. Разумеется, переходные этапы имеют свою логику, свою злобу дня, свой специфический упор. Смешно было говорить о соловьях и розах во время военного коммунизма. Нелепо не понимать, что строительные гиганты сейчас должны у нас стоять в центре внимания. Но нужно помнить о длительной ориентации на *развитие всех способностей массы*. Вопреки Гейне, у коммунизма будут и свои розы и свои соловьи, гораздо более интересные, чем старинные соловьи XIX в.

Гейне был полудругом-полуврагом коммунизма. Но он вонзал в капиталистический мир блестящие рапиры своей сатиры, своей гениальной иронии. Наш Щедрин — писатель огромной силы. У него точно реторты и колбы с крепчайшими кислотами и смертоносными ядами, от которых на теле противника остаются кровавые выжженные рубцы. Но Щедрин глубоко национален: его трудно переводить. Гейне — великий *мировой* сатирик. Он пускает легкие стрелы Аполлона, он фехтует изящной шпагой. Но эти удары смертоносны. Оттого до сих пор на родине поэта он окружен еще среди господствующих классов грязным облаком ненависти, а среди пролетариев — атмосферой любви. Его пытаются интерпретировать по-разному. Тютчев и Аполлон Григорьев видели в нем одно, Писарев — другое, Блок — третье; пролетарские поэты трактуют его по-своему. В его творчестве есть разные моменты, и нечего их скрывать. Не подлежит сомнению, что только марксисты могут дать его объективно-историческую оценку.Нам не надо приукрашивать действительности. Но ведь не мелкие выпады Гейне против Берне будут жить в веках. Не те лавры, которые он получал от французского правительства. Только пошляки судят о Некрасове с точки зрения карточной игры или о Глебе Успенском — с точки зрения водки, хотя это — отнюдь не наш идеал. Гейне будет жить в веках, как боец революционного фронта, как ненавистник мещанства, как певец первых вос-

станий подымающихся рабов. А позднее он будет жить, как проповедник всей огромной радости жизни во всем ее многоцветном богатстве, как враг пуританского ханжества, аскетизма скряг, идеологии кастратов.

Гейне был *гениальным поэтом.* Он дышал всеми ароматами своего времени. Он мучился всеми его проблемами. Он был огромной культурной силой. И сверкающая парча его поэзии переливается всеми красками громадного искусства. Оттого он будет жить не только в *предистории, но и в настоящей истории человечества.* Оттого и победоносный пролетариат склоняет свое знамя перед великой могилой гения.

БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ЗАДАЧИ НАУКИ

(НАУКА СССР НА ВСЕМИРНО-ИСТОРИЧЕСКОМ ПЕРЕВАЛЕ)

Основным фактом всемирной истории теперешнего времени является глубокий *раскол мира*. Все прежние переломы и зигзаги исторических путей, все известные исторические перевалы, — будь то великие крестьянские революции древнего Китая или падение античного мира, разгром старинных восточных деспотий или буржуазные революции начиная с английской, эпоха возрождения и так называемая реформация или распадение гигантского царства Чингис-хана, — все эти этапы всемирно-исторического маршрута человечества и количественно и качественно, и по широте, и по глубине, и по своему ходу, и по своим историческим последствиям не могут идти в сравнение с теми историческими сдвигами, которые характерны для переживаемого времени.

Разложение античного способа производства и переход к средневековому феодализму, формирование «азиатского способа производства», рождение капитализма в войнах и революциях в колониальных заморских экспедициях и внутренних потрясениях отступают на задний план перед огромнейшей национальной ломкой наших дней, когда на смену мировому капитализму идет новый, социалистический уклад. Если раньше речь шла об известной части какого-либо контингента, то теперь идет речь *о всем мире;* если в прежние времена движение развивалось на сравнительно узкой технической основе, то теперь переход к новой общественной формации вызывается богатой, развитой, крайне разнообразной и поразительно *могущественной* техникой, которая рвет рамки капитализма; если в прежние эпохи история лишь перетасовывала группы собственников и рабовладельцев, то теперь *миллионы угнетенных* становятся твор-

цами истории, берут под уздцы свою собственную судьбу. *Уровень* развития придает перевороту замечательную многосторонность, разнообразие форм, исключительное богатство содержания: переворачиваются тяжелые глыбы экономических соотношений, опрокидывается «вечная» социально-классовая пирамида, рушатся старинные предрассудки, борьба вторгается во все поры социального бытия, она пронизывает науку, искусство, философию, она разъедает старый быт, она переплавляет все привычные и традиционные соотношения; борьба хозяйственных принципов, материальная борьба классов превращается в великую борьбу двух культур, двух мировоззрений, в небывало огромную борьбу идеологий.

В этом сложнейшем и величественном историческом процессе только одна теория выдерживает испытание: это — *теория марксизма.* Много раз велись на нее атаки, как на продукт революционно-утопической мысли. Неоднократно подвергалась нападению ее центральная идея о закономерности исторического процесса. Считались продерзостными ее положения о возможности прогнозов в общественных науках. Конкретные гениальные предсказания ее о крахе капитализма, о диктатуре пролетариата, о смене капитализма социализмом презрительно трактовались как эсхатологические утопии, как хилиастические бредни, как мистические пророчества о тысячелетнем царстве, подобном магометову или христианскому раю, как сказка о грядущем золотом веке, сага о спасении человечества новым мессией пролетариатом. Такова была уверенность буржуазии в вечности и нерушимости капиталистического строя, что самая бесстрашная, самая трезвая, самая историческая, самая жизненная, материалистическая теория объявлялась *мистикой* именно потому, что срывала мистическое покрывало вечности с преходящего, исторического, способа производства, капиталистического способа производства, уже обреченного на смерть.

Теперь всемирная история подводит итоги целой огромной, необычайно интенсивной, бурной, напряженной полосы общественного развития. Марксистская теория *уже* проверена целой эпохой. Блестяще оправдались все основные «законы движения» капитализма, вскрытые теоретическим гением Маркса: концентрация и централизация капиталов, обострение классовых противоположностей, рост противоречий капитализма, неизбежность кризисов, воспроизводящихся на все более широкой основе, рыночная экспан-

сия, войны, социалистическая революция, диктатура пролетариата. «Экспроприация экспроприаторов» *уже* началась. Теперь человечество переступает пороги всего предшествовавшего развития и идет к совершенно новому историческому бытию. Это подведение итогов «пред»-истории человечества. Эти итоги подводятся в огне всесокрушающей ломки, *взрывая* гигантские противоречия капиталистической системы, раскалывая мир пополам, потрясая капитализм, из недр которого уже поднялся во весь рост молодой гигант нового общественного миропорядка. Ненавистный всем буржуа «крах» («Zusammenbruch») капиталистической системы становится самым непререкаемым фактом исторической действительности. Решающие марксистские предсказания облекаются в плоть и кровь.

1. КРИЗИС

Исторически создавшееся и выросшее противоречие между движением производительных сил и производственными отношениями капиталистического общества — противоречие, обнаруживавшее себя на различных стадиях развития, прежде всего в целой серии промышленных кризисов, достигло могущественного напряжения, проявившегося *в мировой войне*. Именно отсюда ведет свое летосчисление эпоха кризиса всей капиталистической системы в целом, — эпоха, которая отображается в борьбе между капиталистическим миром и СССР и в совершенно исключительном по своим размерам и по своей глубине экономическом мировом кризисе, в котором падение кривой промышленного цикла сочетается с острым аграрным кризисом. Беспомощная буржуазная мысль, современное убожество которой есть рефлекс капиталистического упадка, дает образчики самых разнородных «объяснений» этого кризиса и самых разнообразных средств его «лечения»: здесь и «недостатки статистики» с предложением наладить учет «социальной экономики», чтобы «помочь выйти из состояния маразма»,[1] здесь и «ошибки», которые «мы» наделали (Кейн вещает: «мы раньше не ошибались. Но теперь мы попали в колоссальную сумятицу, так как совершили грубые ошибки при управлении чувствительной машиной, законов которой мы не знаем»);[2] здесь и «недостаток золота», и «нехватка ка-

[1] J. P. Haesaert. Considerations methodiques sur la crise. Revue Economique internationale. Avril. 1931. P. 30.

[2] Wirtschaftsdienst. № 51. 1930.

питалов» и «высокая зарплата» и даже «эксцессы техники». Маэстро современной буржуазной науки г. В. Зомбарт, как всегда, старается переоригинальничать всех и выставляет следующее диковинное положение: «Нынешний кризис... сам по себе не имеет ничего общего с капиталистическим хозяйством».[3]

Таким образом оказывается, что кризис разыгрывается в каком-то социально-экономическом «безвоздушном пространстве», в пустоте. Оказывается, что наемные рабы капитала, пролетарии, которых кризис вышвыривает десятками миллионов на мостовые городов, заставляет голодать, выбрасывает из жилищ, превращает в нищих, напрасно ополчаются против капитализма и его классовых носителей. Раньше, когда шла «великая» резня народов, организованная империалистическими правительствами, массам преподносили сказку о том, что в этом виноват не капитализм, а злые свойства той или иной расы, нации или же что простая историческая «случайность» привела к физическому истреблению более десяти миллионов наиболее здоровых людей. Теперь ученые мужи капитала снова стремятся разорвать реальную связь вещей и объявить несуществующим то, что является самой действительной реальностью, что ежечасно и ежедневно проверяется опытом широчайших масс. Эти нарочито придуманные утешительные мысли мало, однако, утешают ученых коллег г-на *В. Зомбарта*, ибо они никак уже не могут содрать со всего хозяйства его капиталистическую кожу, а некоторые из них начинают даже понимать, что речь идет о чем-то гораздо большем, чем об одном из периодических кризисов «нормального» капитализма: «мы, если говорить правду, — заявляет Julien Dalemont, — присутствуем не при кризисе, а при революции... Налицо революция, когда, после более или менее насильственного нарушения равновесия, элементы этого равновесия перевернуты в такой степени (assez bouleverses), что исключается всякая возможность возврата к прежнему состоянию.[4] Английский «Economist»[5] констатирует, что настоящий кризис есть самый глубокий из всех бывших кризисов и т. д. и т. п.

---

[3] Доклад по радио, отпечатанный в «Neue Freie Presse», март 1931 г.

[4] Julien Dalemont. La crise. Revue Economique internationale. Avril. 1931.

[5] Economist. 14 II 1931.

В действительности, конечно, речь идет вовсе не об одном из «моментов» *нормального* цикла, не об обычной «конъюнктуре», которая приходит и уходит с известной правильностью чередования подъема и кризиса: речь идет *о глубоком кризисе системы, как таковой.* С этой точки зрения протекающий мировой кризис есть *новая фаза* упадка капиталистической мировой системы, — упадка, наиболее ярким выражением которого является *раздвоение* современного мирового хозяйства на его капиталистический и социалистический сектор. Это противоречие хозяйственного порядка есть, однако, принципиальное противоречие между такого рода способами производства, которые длительно, à la longue исключат взаимно друг друга и которые сосуществуют лишь на определенном историческом этапе *перехода. Поэтому раздвоение хозяйства есть в то же время раздвоение политики, поляризация классов, раздвоение не только «способа производства», но и «способа представления», раздвоение мировой культуры, антагонизм мировоззрений, формирование разного типа людей, борьба двух миров.*

В *хозяйственной* области *капитализм* воплощает стихийную неорганизованность рынка; могучие капиталистические организации финансового капитала — банки и тресты — сами составляют часть слепой в целом системы, стихийным ходом которой никому не дано овладеть; все судорожные попытки ее рационализации, познания законов конъюнктуры и овладения этой конъюнктурой заранее обречены на полный провал, ибо овладеть — значит *организовать*, организовать — значит выйти *за* пределы частного капитала, картеля, треста, рынка. Любая другая «рационализация» в пределах частно-капиталистических групп становится сама моментом *роста* стихийности, ибо она включена в анархическую систему и лишь воспроизводит хаос на высшей ступени исторического развития. Эксплоататорский характер системы развивает такое противоречие между производством и потреблением, которое ведет к возмущающим, пертурбационным явлениям, а осложненный выпадением ряда колоний и СССР'овской части Евразии из мирового товарооборота приводит к неизлечимой и смертельной болезни. Этой структуре противостоит новая складывающаяся структура *социализма* с ее плановым принципом, с превращением стихийной закономерности в закономерность сознательную, с ростом действительной рационализации всего общественного механизма, со все большим сужением стихийно-рыночных отношений, со все большим вовле-

чением массы, — которая, как класс, является собственником средств производства, — в дело реального управления производством, с совершенно новой ролью людского массива в самом процессе производства, с собранным кулаком хозяйственных сил на мировом рынке, с возможностью маневрировать всей совокупностью хозяйственных средств и ресурсов. Это противопоставление разных хозяйственных систем получает свое замечательно-яркое выражение в *противопоставлении разгула стихийного кризиса разумному активному строительству пятилетки.*

В области *политики* принципиальное раздвоение мира вырисовывается с еще большей яркостью. Ведь политика, это — «концентрированная экономика», а не пассивная пристройка к экономическому фундаменту общества: господство разных классов, полярная противоположность их социальной природы и их интересов есть кричащий факт всемирной истории; именно здесь сказывается непосредственно классовый «смысл» переворота. Но точно так же, как в области хозяйственных связей антагонизм способов производства не исключает взаимных хозяйственных влияний (экспортно-импортные операции, кредит и т. д.), полярная противоположность классовых структур не есть абсолютная политическая изоляция СССР. Эти связи между *разными* классами — связи, которые означают известную форму борьбы, не играют, однако, такой роли, как глубокая внутренняя *солидарность* — связь между *пролетариатом* разных стран. По существу дела, это *мировой* пролетариат в лице рабочих Союза строит свое государство, *вызревает* в руководящий класс, копит организационные силы, создает плацдарм против мирового капитализма. Поэтому государство пролетариата есть эмбрион мирового государства, которое возникает для того, чтобы умереть, уступив место безгосударственному обществу коммунизма. Тем ярче подчеркивается раздвоение *мировой политики.* Из раздвоения хозяйства и политических надстроек вытекает *раздвоение всей культуры.*

Буржуазия необычайно гордится своей цивилизацией и своей культурой. Исторически она сделала, в свое время, огромное дело. Однако этот *тип* культуры должен неизбежно отойти в прошлое, должен быть ниспровергнут и будет ниспровергнут вместе со своим хозяйственным и политическим основанием. Буржуазная культура так же исторически преходяща, так же мало вечна, как отношение между капиталистом и наемным рабочим, между рейхсканцлером

и почтальоном, между генералом Жоффром и пролетарием, надевшим форму империалистической армии. «Высочайшим» типом духовной культуры буржуазии является форма *религиозного* и идеалистического сознания, которая рассматривает строй всего мироздания по типу деления на господ и рабов, закрепляет во всех человеческих головах проклятье земного мира, которое должно быть разбито революционной практикой, делает из отношения рабства модель для всего космоса, возводит это отношение в вечную истину общества и природы, в непреложный закон всякого бытия. Буржуазная культура неразрывно связана с *разделением между умственным и физическим трудом*, которое обрекает трудящихся, т. е. действительную производительную силу общества, на умственное варварство, давая им обрывки знаний лишь в той мере, в которой это необходимо для работы на современных сложных машинах и аппаратах: «кусочек» арифметики плюс библия, переплетенная в свиную кожу, на предмет «мировоззрения» и для послушания. Буржуазная культура неразрывно связана с калечением людей: *город* высасывает соки из *деревни* и обрекает ее на духовный идиотизм; убожество профессий превращает людей в однобоких и кастрированных узких специалистов, в придатки машины, канцелярии, бюро. Буржуазная культура формирует и лепит эгоистических, жадных животных, спекулянтов в области жизни, действия, философии, филистеров и мещан, для которых власть денег есть высший закон. Буржуазная культура создает двойную бухгалтерию в морали, религии и искусстве, подобно тому, как она неизбежно должна опираться на тайную дипломатию в политике. И здесь *социализм* выступает со своими принципами. Он уничтожает противоположность между городом и деревней и, следовательно, их культурную противоположность. Он выставляет на своем знамени уничтожение полярности умственного и физического труда, объединяя их, связывая теорию и практику, мысль и дело, науку и труд. Он впервые в человеческой истории делает всю сумму знаний доступной всем и втягивает в активное культурное строительство миллионы. Он уничтожает формы идеалистического и религиозного сознания, ставя на его место активный, преобразующий мир *диалектический материализм.*

Таким образом, общий кризис мирового капиталистического хозяйства есть кризис всемирной капиталистической культуры. Борьба классов есть борьба способов производства и в то же время борьба двух культур. Это есть настоя-

щая борьба двух миров, одному из которых суждено погибнуть.

Протекающий мировой хозяйственный кризис *ставит новую веху на пути упадка капитализма*; того «заката Европы», который по сути дела есть *закат всей буржуазной цивилизации.* Его разрушительная сила настолько огромна, его катастрофический характер, особенно подчеркнутый предыдущими песнопениями в честь «процветания», настолько поразителен, что дельцы трестов должны предпринимать спешные меры по *искусственному разрушению производительных сил.* Они топят запасы товаров, они искусственно сокращают посевы пшеницы и хлопка, они тушат доменные печи, они сокращают и производство средств производства и производство средств потребления. Они прибегают к неслыханным ухищрениям и обнаруживают огромную изобретательность в деле *удушения производительных сил.* Процесс загнивания капитализма перешел, таким образом, в высшую фазу, принял широчайшие размеры «обобществления».

В начале XIX столетия, когда введение машин ломало кости рабочим, в Англии возникло движение «луддитов», объединенных мифом о таинственном короле Лудде, вожде рабочих, истребителе машин. В одной луддитской песне говорилось:

Эти машины злосчастные осуждены на смерть
Единодушно всеми рабочими,
И Лудд, презирая все преграды,
Будет великим исполнителем приговора.

Это движение, с которым буржуазия расправилась при помощи *виселиц*, было движением несознательных отчаявшихся пролетариев, видевших в технических силах, а не в их капиталистическом применении, источник своих мучений. Но кто бы подумал, что через сто слишком лет в качестве машиноборцев выступят собственники машин!? А между тем, потрясающая сила кризиса такова, что уже создалась целая литература, протестующая против «чрезмерности техники», против «засилья техников», против «недоучета экономики», против нарушения «соотношений между техникой и экономикой» и т. д. Уже ведется пропаганда возврата «к кирке и мотыге». Уже создается идеология *технического регресса.* Уже техники вынуждены занять оборонительную позицию и «оправдываться» перед коммерсантами, «выгораживая» технику и снимая с нее ответствен-

ность за разразившуюся катастрофу.[6] Один из крупных немецких промышленников г. Людвиг в своем докладе подвел достаточно солидный базис под эту идеологию, утверждая, что «мы» (т. е. капиталисты) исходим еще из установок *молодого* капитализма, когда рынок поглощал все, тогда как теперешний капитализм стоит в упор перед проблемой сбыта.[7] Ретроспективно анализируя прошлое, Julien Dalemont проливает слезы по поводу того, что раньше царила одна воля: производить больше.[8] Орган солидного Берлинского конъюнктурного института «Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung»[9] останавливается на аграрном кризисе и видит его причину в механизации сельского хозяйства и применении химических удобрений. «Производство жизненных припасов, — читаем мы здесь, — расширяется в объеме, который прежде считался невозможным». «Тенденция перепроизводства охватывает... и скотоводство. Кризис земледелия становится кризисом всего сельского хозяйства». Анализируя экономический фон кризиса в САСШ, журнал боязливо замечает: «спрос со стороны последнего потребителя отставал от производства. Это объясняется, в первую голову, вытеснением живого труда. Значительная часть *трудоспособного населения перестала фигурировать в качестве регулярных потребителей*». Эта последняя фраза, переведенная с капиталистически-гелертерского языка, означает, что «значительная часть трудоспособного населения» *безработна и голодает* как раз в то самое время, когда механизация и химизация сельского хозяйства поставила на голову и теорию *Мальтуса*, и так называемый «закон убывающего плодородия почвы», и другие аналогичные идеи.

Этим вскрываются все корни действительного положения вещей.

А именно:

1. Капиталистические производительные силы пришли в громаднейшее столкновение с покупательной способностью масс, суженной тем же самым капиталистическим развитием.

2. Капитализм стал оковами дальнейшего технического прогресса. Он г н и е т.

---

[6] См. статью А. Гертцля: «Ist die rasende Technikschuld an der Weltwirtschaftskrise» («Maschinenbau». 18 VIII 1930).

[7] Weltwirtschaft. № 11. 1930.

[8] Julien Dalemont, l. c., 28.

[9] Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Heft 2. 1930.

3. Капиталисты сознательно начинают душить дальнейшее продвижение т е х н и к и.

4. Появились уже уродливые ростки идеологии технического регресса.

Это и есть глубокий упадок, старчество, симптом смерти и тлена, хотя было бы наивно полагать, что капиталистический великан, еще могучий, умрет сам собой. Его «естественная смерть есть его *насильственная смерть*».

Хозяйство *Советского Союза* знает пока свои огромные трудности. Но здесь все наоборот: мы зовем не назад, от машины к кирке, а вперед, к самым совершенным машинам, не к сокращению производства, а к его могучему развертыванию: не к выключению рабочих рук из процесса производства, а к их включению. Это — молодость, энергия, сила творчества. Тяжести нашей жизни есть жертвы для будущего, жертвы огромные. Но они с лихвой окупятся дальнейшим развертыванием хозяйства. Именно это начинают чувствовать и на Западе, в стане противников. В своей книге об американском «процветании» проф. Бонн дает такую замечательную характеристику советского строительства с точки зрения американского инженера:[10]

«Сердце американского инженера, который слышит о возможностях строительства в России, бьется сильнее, потому что там он может создавать технические сооружения без оглядки на ограничивающую принудительную силу рентабельности, которой требует капиталистическая система, — сооружения, которые превосходят все бывшее до сего дня» (158—159). «В России (речь идет теперь о сельском хозяйстве. — *Н. Б.*) все делается шаг за шагом по продуманному плану на пространствах такой величины, перед которыми американские пшеничные фабрики являются карликовыми фермами. *Здесь действительно начался золотой век техники*, здесь нет ни традиций, ни сантиментальности, которые бы парализовали гигантское планирование и смелость проведения. Здесь «хотеть», «действовать», «мочь» сливаются в одно единство невероятно огромного размера» (154—160). «Страстный оптимизм молодой коммунистической России затрагивает родственную ноту в сердце настоящего американца» (161).

Конечно, Бонн совершенно неправ, оперируя понятием «настоящего американца», ибо и Гувер — «настоящий аме-

---

[10] М. Б о н н. «Prosperity». Wunderglaube und Wirklichkeit im amerikanischen Wirtschaftsleben. G. Fischer. 1931.

риканец». Но фактом является то, что инженер *по-своему* может прийти к коммунизму, при определенных исторических условиях. Фактом является то, что и *кризис* в капиталистических странах, и *строительство* в СССР «вдалбливают диалектику» в некоторые головы, которые ранее были, в общем, почти безнадежны.

Идеологический кризис крадется по пятам за кризисом хозяйственным. Его уже не отрицают, настолько он очевиден. В *общественных науках* начинает приобретать право гражданства «социология смысла» (verstehende Soziologie), про которую ее сторонник Зомбарт в своей последней книге «Три политические экономии»[11] утверждает, что она не имеет никакого практического значения, т. е. никакого смысла. В естественных науках, наряду с витализмом в биологии, процветает философский агностицизм, «обосновываемый» кризисом понятий квантовой механики и «удачно» дополняемый верой в бога. Идея «внутреннего созерцания», «чувствования» и т. д., т. е. кликушеского, так называемого «ясновидения», вместо разумного познания реет сейчас над буржуазной мыслью, которая не прочь уже обращать свои взоры на «идеал *средних веков*». Идеологии технического регресса соответствует идеология средневековой теологической метафизики или экстатического религиозного «созерцания целого». Ученые физики, вроде *Эддингтона*, католические философы, вроде *Маркса Шеллера*, задающие тон экономисты, вроде *Отмара Шпанна*, — все они берут одну идеологическую ноту: от действительного *знания* к *вере*. Это чрезвычайно наглядно выражает *Шпанн*, оплевывая героические времена своего собственного класса и обнажая все корни своего собственного мракобесия.

«Я говорю, — вещает новый Заратустра, — *прошлое время хотело знания без бога и знания без добродетели. Но такого знания нет в вещах духовных и общественных.*

Я не хочу... употреблять патетических слов, я хочу лишь констатировать *чисто эмпирический* факт. Знание без бога! Хотели — и это было гордыней века — познать связи мира и духа аналитически (zergliedernd) без последних основ бытия. Знание без добродетели! Ни в какую эпоху *до эпохи просвещения* не было знания, которое могло бы требовать от мудреца, от того, кто познает, познания и понимания без силы, действия, без добродетели. Это требо-

[11] W. Sombart. Die drei Nationalökonomien.

вание ставилось лишь эпохой просвещения, которое нас привело туда, где мы обретаемся сейчас, — что как раз сегодня выражают коммунистические перестрелки в берлинских предместьях».[12]

Итак: долой эпоху просвещения! Да здравствуют более ранние эпохи (т. е. средние века)! «Добродетель» и «бог» да станут вновь столпом и утверждением истины. Этот «выход из кризиса» вполне аналогичен выходу, предлагаемому империалистскими машиноборцами. Это наилучшее «свидетельство о бедности», которое выдает себе современная буржуазия.

II. ДИСТАНЦИЯ

Еще более резко, ярко и выпукло предстанет перед нами вся глубина дряхлости и расслабленности отмирающего капиталистического мира, если мы представим себе все те его неисчислимые ресурсы и богатства, в которых затвердел тысячелетний трудовой пот десятков человеческих поколений. Вооруженный броней могучей техники, опираясь на средства и запасы богатейших хозяйств, повелевая миллионами вышколенных, квалифицированных производственно-дисциплинированных рабов, стоит старый седой Голиаф капитализма перед только что родившимся, молодым социалистическим обществом. По своему типу советское хозяйство стоит выше капитализма: западным странам в родовых спазмах жестоких кризисов и в творческих битвах пролетарских резолюций уже приходится и еще придется догонять авангард мировой истории — Советский Союз.

Но по своему *уровню*, по своему вооружению, по своему богатству хозяйственная система более передового типа должна еще догонять своего собственного предшественника. Историческое своеобразие борьбы молодого мира социализма с капиталистическим миром как раз и состоит в том, что переплетение исторических сил «выдвинуло» отсталую страну, — отсталую в сравнении с передовыми в техническом отношении капиталистическими странами, на роль носительницы невиданно передового способа производства. Но так же, как полный жизненными соками рабочий выдвиженец может в короткий срок превзойти опытного,

---

[12] O. S p a n n. Die Krisis in Volkswirtschaftslehre. S. 18.

искусного, но искушенного чиновника, так же, как только что изобретенная, плохо слаженная, примитивная паровая машина все же неизмеримо выше самого ловкого и квалифицированного ремесленника, — так же и Советский Союз, уже благодаря само́й своей исторической революционной и новаторской роли, имеет мощные движущие силы для «соревнования» с кольцом капиталистических стран.

Но пока строительство материального фундамента нового общества не достигло еще той черты, на которой находятся передовые технические отряды мирового капитализма. Пока еще власть капитализма над силами природы распространяется *шире* и *глубже*, чем власть социализма.

В главной цитадели капиталистического хозяйства — в САСШ — общая мощность всех двигателей во всех отраслях народного хозяйства в 1923 г. равнялась 662,6 миллионам лош. сил, из которых 507,3 миллиона лош. сил падают на автомобили. Общая же мощность всех двигателей Сов. Союза в 1927—28 г. равнялась 33,5 миллионам лош. сил. С 1927—28 г. мы совершили огромный прыжок вперед, но все же пока различие в энергетических устоях САСШ и СССР остается еще громадным. Тот же разрыв мы имеем и по линии энерговооруженности рабочих: если в промышленности СССР в 1926—27 г. на 1 рабочего приходилось 1,5 лош. силы мощности механических двигателей, то в САСШ в 1925 г. приходилось 4,3 лош. силы, а в Германии — 2,4. Этим сводным показателям нашей технической отсталости соответствуют и частичные показатели отдельных отраслей. Средняя выплавка чугуна на 1 кв. метр объема домны, выплавка стали на 1 работающий мартен, производительность 1 ткацкого станка или тысячи веретен у нас гораздо ниже, чем в промышленности Америки или Германии. Средняя мощность 1 двигателя на наших электростанциях общего пользования равна 600 лош. силам, а в САСШ — 2970 лош. силам. Уровень централизации производства электроэнергии у нас ниже, чем в САСШ. Если у нас станции общего пользования давали в 1928 г. 47,8% производимой энергии, то в САСШ — 71,2%, а в Германии — 56,7%.[1] Но уже к 1930 г. мы довели долю наших станций общего пользования до 65%.

Если во всем мире средний % использования наличных ресурсов водяной энергии равнялся в 1928 г. 6%,

---

[1] Сборник: Энергетическ. хозяйство СССР. 1931. Данные статьи Вейца.

в САСШ — 33,4%, в Азии, взятой в целом, — 2,1%, то у нас было использовано всего 1,1% имеющихся ресурсов белого угля.[2]

Электрифицированность железных дорог в % к длине железнодорожной линии: в Канаде равна 4,3%, в Германии — 2,4%, в САСШ — 0,7, в Сов. Союзе — 0,1%.

По пятам технической отсталости следует отсталость в области материального производства. Она со стороны нашей позиции в мировом хозяйстве выражается прежде всего в том, что наш удельный вес в мировом индустриальном производстве, в мировом имуществе, в мировом «национальном доходе» пока еще ниже, чем наша доля в населении земли, не говоря уже о нашей доле в территории и естественных богатствах.

Мы имели в 1928 г. всего 2,2% мирового производства электроэнергии, 2,8% мировой добычи угля и около 4% мировой выплавки чугуна и стали. Через 2 года, на основе бурных темпов социалистического строительства, наша доля в добыче угля выросла до 4%, а выплавка чугуна и стали — до $6^1/_2$%. Но она еще не достигла нашей доли в мировом населении. В процентах производства чугуна к САСШ наша продукция в 1930 г. дала 16,3%, а в процентах к германскому производству 53,6%. Еще в 1925 г. соответствующие цифры были 3,5% и 12,8%.

Производство угля в СССР в 1925 г. было равно 3% сев.-америк. и 12,1% германского, а в 1930 г. — 11,4% американского и 39,2% германского. За этот период наше производство электроэнергии с 2,8% американского выросло до 7,7% и с 11,3% германского до 26,8%. Дистанция уменьшилась самым коренным образом, но она все еще велика.

Пресмыкающиеся всех пород и всех стран скажут по поводу этих цифр, что отсталая страна хочет учить передовые, что низкий уровень нашего национального дохода обрекает на неудачу все наши попытки. Мы же скажем: если пролетариат отсталой России сумел на основе нищенского наследства показать такие образцы строительства, такие образцы штурмовых темпов, такие примеры культурного роста масс, такие достижения техники и науки, такие новые формы сел.-хоз. производства, то он победит *наверняка*. А когда получит в свои руки орудия социали-

---

[2] Die wirtschaftischen Kräfte der Welt. 1930.

стической организации общества, когда сможет по-своему использовать колоссальные сокровища, хищнически и варварски расточаемые сейчас капитализмом, пролетариат передовых стран добьется еще более невиданного расцвета производительных сил всей земли.

Наши трудности состоят не только в технической отсталости, но и в нашем низком уровне культуры труда. Если раньше буржуазные соглядатаи и мудрецы обосновывали неосуществимость социалистической индустриализации недостатком финансовых средств, низким исходным уровнем техники, то теперь, когда эти «непреодолимые преграды» преодолены пролетарским напором, пророки и соглядатаи цепляются за свою новую надежду, за нашу новую трудность: они усиленно подчеркивают неспособность якобы советских пролетариев работать у сложных станков, невозможность в короткий срок индустриализировать людей. Так, член германского рейхстага г. Windschuh пишет в «Deutsche Wirstchaftszeitung»: «Удастся ли также в пять лет заново создать индустриальных рабочих и индустриальные кадры руководителей и их помощников, которые доросли до поставленных задач... Крестьянин не может быть в 5 лет перевоспитан в современного индустриального рабочего, так же как и привыкший к грубой работе рабочий не может в этот срок стать точно работающим специализированным рабочим машинной индустрии. Для этого нужно по крайней мере одно поколение... Людской резервуар имеется, но методы, при помощи которых можно создать и сформировать смену рабочих, еще не развиты... Той любви к машинам и тех навыков к этой работе, которые имеются у немецкого и американского рабочего, русский рабочий еще не имеет. Но он должен ее иметь для того, чтобы пятилетний план удался».

Патентованный орган биржевиков «Börsenkurier» идет еще дальше этого, пытаясь с напускной беззаботностью прикрыть свою трусливую злобу. Бывший министр инженер Готгейм, надергивая факты о низкой производительности труда при новом оборудовании, о поломках, об авариях, о неквалифицированности рабочих, пишет: «в общем и целом западно-европейская промышленность может не опасаться русской конкуренции, она может и дальше спокойно поставлять русской промышленности сложные машины. Русские достаточно быстро их разрушат».

Ну, что же, посмотрим, милостивые государи! Вы ничему не научились на провале прежних ваших предсказа-

ний. Это говорит только о слепоте умирающего класса, его неспособности увидеть титанический порыв рабочей массы, ее штурм технических позиций, неспособность видеть огромный процесс массовой переделки людей, выдвижение тысяч и тысяч новых инженеров, техников и квалифицированных рабочих. У нас нет еще достаточной квалификации. Мы ее создадим.

III. ДИСПОЗИЦИЯ

Таким образом, в великую борьбу со своим капиталистическим противником СССР вступает в условиях, когда этот противник еще крайне силен, когда он намного выше по своей *технической мощи*, по своей производительной способности, по показателям *продукции*, по совокупной мощи своего *научного* аппарата, по квалификации своих сил. Нам нужно ясно видеть, в чем лежат наши преимущества, *чем* мы можем «догнать и перегнать» своего капиталистического противника, *где* те исторические архимедовы рычаги, при помощи которых социализм, как *хозяйственная* система, опрокинет навзничь своего антагониста.

Здесь прежде всего следует остановиться на *естественных* предпосылках строительства социализма в нашей стране.

Если *экономически* социализм утвердился в стране, уровень развития которой находится на мировой средней, то с точки зрения *естественных* условий социализм отвоевал себе страну, которая является самым мощным *единым* участком мировой территории. *Великобритания* территориально больше, но она разбита и разъединена на куски и географически и еще более экономически. СССР занимает 16% территории мира, в то время как Соединенные Штаты — всего 6%. Наша территория есть *единая* территория, значительная часть евразийского материка. Таким образом, *«строительная площадка социализма занимает лучший участок мира»*. По разведанным запасам нефти, водяной энергии, леса, торфа СССР занимает *первое* место. Но остальные категории естественных богатств (уголь, металл, нерудные ископаемые и т. д.) *наверняка* должны дать гораздо более высокие показатели, чем обычно принимается, ибо коэффициент разведанности естественных богатств у нас *жалок*, мы ведь только *приступаем* к геологическому освоению нашей гигантской социалистической родины. А это есть

первый шаг и необходимое условие для *технико-экономического* освоения страны.

Вряд ли вообще можно думать, что капитализм сладил бы с такой задачей, как освоение исключительно огромного евразийского континента: это требует такого размаха строительной энергии, таких вложений, такого *плана* (ср., напр., гидроэлектростанции, электросеть и т. д.), что весьма и весьма позволительно сомневаться насчет сил капитализма применительно к *этой* задаче. Исторически вопрос о борьбе капиталистического и социалистического сектора мирового хозяйства стал *так* и в *такой* форме, *что* социализм получил в свое распоряжение первоклассную величину, будучи поставлен перед задачей освоения «Евразии». Если наиболее передовой *капитализм* вырос в Америке и обнаружил «американский» размах, социализм должен иметь еще больший, «большевистский» размах.

Но эти естественные предпосылки строительства могут оказаться никчемными, могут быть мертвым грузом, если они не сомкнутся в живое единство с предпосылками *общественного* порядка.

Социализм есть хозяйство, ставящее себе целью покрытие *массовых потребностей*. Он поэтому не может страдать тем пороком, который загоняет в тупик современный капитализм. Кризис сбыта для СССР никак не страшен. Нам тяжело недопроизводство, нехватка «товаров», дефицитность их, малый размер производства, слабость техники. Поэтому у нас не может быть *тормозов для технического прогресса*. Их не может быть также и потому, что у нас сейчас нет безработицы, а, наоборот, недостаток рабочих рук, особенно квалифицированных. Следовательно, *все* экономические причины (давление потребностей, рост эффективного спроса, временное недопроизводство, господствующая позиция рабочего класса, отсутствие безработицы) гонят *кривую техники вверх*.

Мы имеем хозяйство, которое все в возрастающей степени становится *плановым* хозяйством. Если не так давно буржуазные экономисты, опьяненные успехами капитализма, предрекали неизбежное банкротство «связанного» социалистического хозяйства, полагая, что убиение коммерческой инициативы торгующего эксплоататора означает смерть всякого хозяйства вообще, то теперь в Европе и Америке размножилась уличная quasi-ученая буржуазная литература, наперерыв предлагающая рецепты капиталистического «планирования», с рабскими заимствованиями

некоторых «госплановских» моментов. Эти предложения имеют, однако, тот маленький недостаток, что они усиленно занимаются выделкой деревянного железа и сухой воды, чего нельзя достигнуть, даже принимая во внимание учение о превращении элементов. Плановое хозяйство, которое получает у нас особо твердую почву вместе с *коллективизацией* селького хозяйства (это, разумеется, не исключает ряда промежуточных этапов по пути развития внетоварных форм), оказывается, таким образом, в наших руках оружием исключительной силы как внутри страны, так и на мировом рынке: не даром вой о так называемом советском дэмпинге был направлен против монополии внешней торговли.

Дальнейшим исключительно огромным и еще мало оцененным у нас преимуществом является возможность нового сочетания *теории и практики и, прежде всего, естествознания, техники и материального труда.*

Современный капитализм в высокой степени применял науку и применяет ее и сейчас. Огромные лаборатории и исследовательские институты могущественных трестов, специальные научные организации государства, заводские лаборатории и т. д., спросшиеся с потребностями финансового капитала, питаемые финансовым капиталом, организационно от него зависимые, делают свое дело. И армия (война) и эксплоататорский процесс производства (мир) обслуживаются богатейшей сетью научно-исследовательских учреждений, от заводских и школьных лабораторий до Академии наук. Но в то же время этот процесс обслуживания, который был внутренне скован конкуренцией, получает новый *неслыханный удар.* Применение науки *расширяет* производственные возможности, а их теперь необходимо *суживать.* Тем самым надевается хомут на науку. Здесь мы должны отдать себе полный отчет в положении вещей. Мы можем получить в свои руки *исключительные мощности,* если поставим *дело научного исследования и его практического приложения на самую широкую ногу.* Бесконечно невежественными являются рассуждения на тему о том, что в результате пострадают интересы науки. Наоборот, если наука начнет выходить (а она уже начала выходить) на широкую дорогу обслуживания нашей *великой* практики, она неизбежно станет *великой* наукой. Целесообразная, т. е. плановая, исследовательская работа, сознательное ее приспособление к потребностям строительства, во много раз повысят и *эффективность науки и эффективность всего хозяйственного целого.*

Наконец, следует остановиться на наиважнейшем пункте, на вопросе о *рабочей силе*, этой *решающей производительной силе* общества. Мы видели, как загнивающий капитализм выключает прогрессивную роль *техники*, как он начинает душить движение *науки*. Но он сейчас выключает из производства *десятки миллионов работников*, деквалифицирует их. Ведь именно теперь настало время так называемой «технологической безработицы»! У нас, таким образом, на руках есть *решающая величина:* господствующее положение пролетариата, хозяина и организатора производственного процесса, растущего количественно, растущего качественно, овладевающего техникой, хозяйством, наукой, вызревающего по всей линии развития в *массовую и великую творческую силу*. Статистические курсы капиталистического мира, понимающие одну сухую абстрактную форму цифр и не видящие их жизненного значения, не могут осмыслить некоторых особо крупных наших успехов. А эти успехи в конечном счете зависят от принципиально нового положения *рабочей силы* в производственном процессе, — рабочей силы, которая стала *субъектом хозяйственной истории*. Именно отсюда растут ударничество, социалистическое соревнование, трудовой героизм.

Все эти преимущества социализма не суть механически, в один ряд, поставленные явления: это разные стороны одного и того же исторического процесса, особенности этого процесса, которые и обусловливают его неизбежную победу.

Мы остановимся теперь на одной из этих сторон, — на вопросе о *науке*. Мы видели, какие огромные *технические* задачи стоят перед нашей страной, технические в самом широком смысле слова.

Нам нужны новые железные дороги, новые магистрали и сверхмагистрали; новые гигантские гидро-электростанции, обуздывающие исполинские реки; металлургические гиганты; очаги тяжелого машиностроения, мосты и радиостанции, автомобили и тракторы, комбайны и блюминги; нам нужны химические заводы, постройка новых баз черной и цветной металлургии; нам нужны мощные промышленные агрегаты, революционизирующие *все* сельское хозяйство, превращающие сельское хозяйство *целиком* в одну из отраслей индустрии, имеющей дело с органическими процессами; нам нужны новые сплавы, легкие металлы, твердые стали; нам нужны целые новые отрасли промышленности, работающие на синтетическом сырье, нам нужны новые и новые виды сырья, топлива, строительных материалов. Совершен-

но очевидно, что по всем линиям технического развития мы идем не только к новым *количествам*, но и к новым *качествам*. Нам нужно решение целого ряда технических задач, связанных с *обороной* страны, — задач, от действительного решения которых зависят дальнейшие судьбы всего человеческого развития. Поэтому нам *нужно в науке обязательно перегнать капиталистические страны, чтобы догнать и перегнать их в технических и экономических показателях.*

Перед наукой возникают, таким образом, задачи, на масштаб науки еще более грандиозные, чем перед техникой. Если, по свидетельству профессора Бонна, сердце настоящего инженера бьется сильнее, когда он видит гигантский размер стройки в СССР, то еще сильнее должно биться сердце настоящего ученого при виде той перспективы, которая открывается перед развитием науки в нашей стране. Наиболее разительным примером является здесь, пожалуй, пример с дисциплинами, прямо или косвенно связанными с *сельским хозяйством*. Они росли всюду на основе обслуживания мелкого производства, и американская капиталистическая ферма была наиболее крупной единицей в этом отношении. Переход к крупному социалистическому земледелию у нас сразу обнаружил все убожество прежней экспериментальной базы, узость кругозора, мелкость задач, рамки возможностей. А теперь вопросы генетики, агрофизики и т. д. ставятся во всем объеме. То, что некоторое время показалось бы диким — проблемы организации крупных агрофизических институтов в совхозах, — является злободневным вопросом. Но то же самое происходит и в ряде других отраслей науки, спрос на которую нарастает с каждым днем, нарастает лавинообразно. Элементарнейшая задача (элементарная с точки зрения дальнейшего движения вперед) *геологического обследования* территории, изучения водных ресурсов, обследования целых гигантских территорий означает исключительный толчок для соответствующих дисциплин. Наша геологическая служба оказалась опять-таки *мизерабельной* по сравнению с задачами, которые сейчас стоят перед нею. А наиболее экономная, разумная и целесообразная научная практика предполагает здесь не только наиболее совершенный метод разведки и соответствующие комплексы инструментов, но и руководство со стороны наиболее совершенной *теории*. Перед всеми *естественными* науками, а также перед *математикой* раскрываются поэтому действительно безбрежные перспективы, которых не в состоянии будут залить никакие мутные волны

вредительства. Но и перед *общественными* науками открываются новые перспективы. Буржуазия не в состоянии понять всей исторической ситуации, и ее анализ заменяется простой апологией или грубо эмпирическими попытками схватить за хвост меняющуюся конъюнктуру. Основные связи и закономерности экономического развития (и упадка) — вне ее поля зрения. Между тем изучение современных форм движения капитализма, изучение нового рождающегося социалистического общества и его закономерностей, изучение нового исторического типа работающих людей и т. д. — все это ставит перед общественными науками задачи гораздо более широкие, чем когда-либо раньше. Великое разнообразие рас, народов, племен, поднятых революцией на новые культурные высоты, выдвигает на первый план ряд соответствующих проблем (этнография, история хозяйственных форм, лингвистика и т. д. и т. п.). Рост новой культуры ставит все проблемы науки, и искусства, и *философии*. Новая эпоха создает свой *культурный стиль*.

Мы еще недостаточно осознали, какой огромный *внутренний процесс* переделки переживает наше растущее общество. Мы еще недостаточно поняли, как переход к плановому хозяйству и его *реальный рост* сказываются на всех человеческих связях и отношениях. А он их переделывает *радикально*. Тысячелетиями существовала разорванность физического и умственного труда. А мы ее *постепенно* преодолеваем. Тысячелетиями знание было *монополией избранных*. А мы это уничтожаем. Специализация самих наук и их дробность создала ряд мостов между ними и разъединила их. А мы их объединяем. Ибо план есть основа величайшего объединения теории и практики, наук между собой, разных отраслей практики друг с другом, *всей* науки и *всей* практики. План будет все больше и больше становиться все более совершенным продуктом *научной обработки практики* и продуктом практической *проверки теории*. Он, с другой стороны, будет становиться все более и более могущественным *орудием практического действия*, которое переделывает мир, преобразует его, революционируя его в самих основах укрепления и расширяя могущество организованного общества над силами природы, доламывая сопротивление остатков капиталистического режима и обороняясь от капиталистических внешних врагов. План, обеспечивая этот грандиозный синтез, объединяя науку и практику, тем самым является основанием для торжества единого *метода*. Таким методом является *диалектический материализм*.

План, единство метода, коллективная организация труда, объединение теории и практики есть то новое, что обеспечивает в данной сфере вопросов крупнейшие успехи дальнейшего движения.

Здесь можно коротко подвести некоторые крупные итоги. В борьбе с капиталистическим миром наш Союз стоит, как все более и более *организующаяся сила*. Капитализм корчится в последствиях своей анархической природы. Союз обнаруживает *единство воли*, решительной и не сгибаемой. Воля капиталистического мира распадается на антагонистические воли групп. Союз опирается на миллионы. Капиталистический мир вступает в решительное противоречие с их интересами.

Союз выдвигает и несет, как знамя, *великую идею*, более великую, более осязаемую, чем все идеи, которые водили массу по широким путям человеческой истории. Капиталистический мир *уже* перестал быть поставщиком великих идей. Он берет на прокат затасканные идеи режима, который он опрокидывал в дни своей молодости. Один из немецких профессоров, Курт Зингер, дает такого рода характеристику теперешнего состояния капитализма:

«Настоящий момент характеризуется увиливанием от выбора, от выбора между решительным хозяйственным универсализмом и определенным народнохозяйственным индивидуализмом. Если угодно продолжать говорить о кризисе мирового хозяйства, то его следует усматривать именно здесь. Это, конечно, не кризис какого-либо существующего хозяйственного организма (!), а кризис *идеи*, именно идеи мирового хозяйства, которая столькими же силами вызывается к жизни, сколько и задерживается в своем возникновении. С этой точки зрения именно кризис *самих идей* капитализма и мировой хозяйственной организации сообщает переживаемому застою его непроницаемый характер и мучительную остроту. И неожиданный затяжной рост обнищания в результате безработицы, равно как и неукротимое перепроизводство вследствие недостатка сбыта, являются в таком случае той ценой, которую наша эпоха платит за то, что она считает *жизнь в потемках высшей премудростью* и робкое увиливание от твердых решений — данью смирения перед могуществом рока и ограниченностью человеческих сил» (Wirtschaftsdienst. № 11. 1930).

В этой характеристике, где соотношение идей и вещей ставится на голову, все же верно схвачено межеумочное по-

ложение современного капитализма, которого история *тащит в пропасть*.

Итак, на одной стороне мы имеем отсталый технический уровень — жалкое наследство царской России, необъятные малонаселенные степи, тундры и пустыни СССР, низкую культуру труда, крупное превосходство — по линии размеров промышленного производства — отсталого капитализма над передовым социалистическим строем. В этом состоят наши минусы, наши слабые стороны.

На другой стороне мы имеем преимущества советского строя, этой гигантской *единой* целеустремленной научно руководимой организации широчайших пролетарских, колхозных, бедняцких и средняцких масс. В этой невиданной организации масс, опирающейся на неистощимые сокровища наших природных ресурсов, — наши плюсы, наши силы, наши преимущества.

Каковы же первые итоги борьбы миров? Каков же первый баланс этих плюсов и минусов?

Этот баланс сейчас запечатлен и вдавлен в политическую и хозяйственную картину мира. Кризис и разложение, с одной стороны, подъем и строительство — с другой. Самоубийства десятков тысяч трудящихся Запада и творческий энтузиазм советских пролетариев. Десятки процентов упадка продукции в капиталистических странах и бурные темпы ее роста у нас. Поиски бога и тоска по средневековью среди гелертеров Запада и научный расцвет у советских ученых — вот какой баланс подвела история последних лет. Все наши минусы и наши слабые стороны доказывают свой преходящий характер. Все наши плюсы и преимущества составляют неотъемлемую суть советской системы. Все слабое мы *изживаем* и *изживем*, все сильное, все, дающее нам преимущество, мы развиваем и доведем до невиданной мощи.

Общеизвестно то, что мы дали рекордные во всей истории человеческого хозяйства *темпы роста промышленности и сельского хозяйства. Несмотря* на нашу техническую отсталость и *благодаря* нашим преимуществам, мы на фоне капиталистической деградации дали величественную картину промышленного расцвета. 196% довоенного производства угля в СССР при 106% в остальном мире; 207% довоенной продукции стали в СССР — при примерно 100% в остальном мире; 190% выплавки чугуна в % к довоенной в СССР и около 90% в остальном мире.

Вот какую картину дает современное мировое хозяйство. Даже такой «объективный» орган, как «Лига наций», вы-

нужден поместить Советский Союз на первое недосягаемое для других стран место по росту электрической энергии в 1925—28 г.: СССР дал за эти годы 125% прироста, в то время как *ни одна* капиталистическая страна не смогла вскарабкаться выше, чем на 50—60%, а большинство из них ползали на уровне 20—30% за четыре года. И это предкризисные годы хоть и гнилого, но все же какого-то подъема. Осмелится ли «Лига наций» опубликовать аналогичные данные за теперешние годы *кризиса*, когда десятки процентов *падения* энергопроизводства в капиталистическом мире будут по своей быстроте «соревноваться» с *ростом* советского хозяйства? Разноцветные филистеры пытаются ослабить впечатление от этих цифр ссылкой на низкий абсолютный уровень электропроизводства в СССР, будто бы и создающий высокие темпы. Но эти жалкие души «забывают» сказать, что опять-таки в наиболее благоприятные для капитализма годы 1925—26 и 1929—30 абсолютный прирост производства энергии у нас уже примерно сравнялся с приростом в Англии и Франции (у нас приросты за все эти годы, вместе взятые, 4,5 миллиарда киловатт-часов, в Англии — 4,5 миллиарда, во Франции — 4,8 миллиарда). Начиная с последних лет этого четырехлетия, мы уже по абсолютным размерам прироста обгоняем Англию и Францию. А со времени кризиса наш рост идет параллельно с *падением* производства электроэнергии капиталистических стран.

И ни один писатель буржуазных листков не смеет и заикнуться о *качественном* превосходстве, о большей *эффективности* наших производительных сил. Между тем непререкаемым фактом является то, что благодаря большому использованию наших электростанций один миллион киловатт новой мощности дает прирост годового энергопроизводства в Англии на 1,7 миллиарда киловатт-часов, а у нас — примерно на 6 миллиардов киловатт-часов. Один миллион киловатт новой мощности имеет у нас, таким образом, *в 3 раза больший эффект*, чем в Англии. В отношении удельного веса потерь энергии в сетях и на собственное потребление станций достигли нормы САСШ — 18%. В отношении быстроты повышения коэффициента полезного действия мы шагаем быстрее Америки, добившись за пять лет снижения удельного расхода топлива на 1 киловатт-час в 21%, в то время как за этот период САСШ дали только 14% снижения.

Преимущество планового хозяйства сказывается в том,

что для размеров северо-американских железнодорожных перевозок в 2 362 миллиона тонн грузов нам было бы достаточно *вдвое меньшего* протяжения путей, чем в САСШ (424 737 миль пути). Параллелизм железнодорожных линий в Америке и их плановое использование в СССР выявляются здесь с необычайною яркостью. По грузовым автомашинам мы сможем перевозить такой же, как в САСШ, груз, имея *втрое* меньше машин. Миллион тракторов в Америке по своему производственному эффекту дает *вдвое-втрое меньше*, чем миллион тракторов у нас. Словом, *та же техника в новых* условиях дает больше продуктов, сил, средств, вооружает общество пролетарской диктатуры лучше и сильнее, чем она это делает по отношению к капиталистическому обществу. *Сама машина голосует за социалистический строй.*

Великая борьба классов, которая есть борьба двух миров на теперешнем перевале мировой истории, должна неизбежно выйти за пределы одного государства. Упомянутый господин Виндшу пишет в «Deutsche Wirtschaftszeitung»:

> «Пятилетний план есть вторая программа большевизма, мировая революция будет его третьей программой, коль скоро удается вторая».

Г. Виндшу ошибается. Такой принудительной последовательности во времени *нет*. Но он правильно, что, впрочем, не ново, отмечает *международный* характер движения. Ибо речь идет действительно о крупнейшем и самом замечательном этапе в развитии *всего* человечества. Капитализм подготовил огромные производительные силы. В его лоне выросли мощная техника и чудеса науки. Он объединил мир под своей броней. Но он уже стал железными цепями для техники, науки, мысли. Он стал несовместимым с дальнейшим прогрессом. Он превратился уже в паразита, мучителя и палача, величайший исторический тормоз, который должен быть разрушен. Он породил миллионы своих могильщиков. Он их уже объединил в огромную материальную и идейную силу. Он уже вступил в полосу последних огромных и решающих битв. Мир раскололся. Есть два мира. Наука раскололась. Есть две науки. Культура раскололась. Есть две культуры.

Что же должна делать наука у нас? В труде, в борьбе, в познании — всюду быть в рядах пролетариата, — того класса, который строит новый мир, — того класса, который

под руководством железной партии, доламывая сопротивление капиталистических элементов внутри страны, защищает страну вовне, — того класса, который в героическом труде и героической борьбе завоевал себе историческое право на всемирную победу, — того класса, который эту победу *одержит*, какие бы силы ни стояли на его пути. *Этот класс догонит и перегонит капиталистические страны. Этот класс осуществит мировой коммунизм.*

ГЕТЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Фигура Гете стоит в веках, как монументальный памятник исполинских размеров, aere perennius, pyramidum altius. В истории человечества, мучительной и кровавой, в истории вечного напряжения, творческих усилий и классовой борьбы, немного таких колоссальных гениев, которые, отражая какую-либо крутую историческую эпоху, нетленны, живы, современны, «вечны». Они стоят на великих исторических магистралях, как действенные символы сложных общественных комплексов, как живые вехи, как знаменосцы, как ослепительные прожекторы, освещающие дальнейший путь. Германия, которая на историческом перевале конца XVIII и начала XIX века, едва выкарабкиваясь, под пинками истории, из захолустного и провинциального европейского болота, стала плацдармом международных переворотов и глубоких внутренних потрясений, дала почти одновременно трех замечательнейших идеологических вождей, настоящих титанов человеческого творчества. Это — Бетховен, Гете, Гегель. По универсальности своего гения, по напряженности и интенсивности своего творчества, по сходству внутренней логики этого творчества, по громадности своего исторического влияния они — дети одной матери. Этой матерью была Великая французская революция. Ее торжественные и могущественные ритмы, победные марши, ее динамическая мощь звучат в творениях величайшего композитора, величайшего поэта и величайшего философа буржуазии. Музыка «Феноменологии Духа», философия «Фауста» и логика героических симфоний Бетховена совпадают по своему общественно-культурному, социально-классовому существу. Это кульминационные точки, грани, пределы, до которых поднималась буржуазия в периоды наибольшего творческого кипения. Это — самые блистательные ее пред-

ставители. И именно поэтому они имеют тенденцию какими-то своими элементами выйти за пределы буржуазного кругозора. Именно поэтому их можно «поставить на ноги». Именно поэтому их творения и образы суть «вековые» образы, которые еще долго будут жить, несмотря на физическую смерть их творцов и историческую гибель тех материальных общественных условий и тех эпох, идеальным отображением которых они являлись.

I. ЭПОХА

На грани XVIII—XIX веков Германия представляла собой медвежий угол Европы, расположенный в стороне от основного тракта, от большой дороги, исторического развития: Англия, а затем Франция — держали в своих руках ключи истории. В Германии царило настоящее средневековье. Страна, экономически ослабевшая с изменением морских торговых путей, еще не оправилась от Тридцатилетней войны, когда ее земли попирались полчищами солдат Тилли и Валленштейна, Густава-Адольфа и Конде, князей светских и духовных, которые с одинаковым усердием грабили и выжигали города, опустошали деревни и превратили огромные территории в чумные очаги запустения и нищеты. Страна потеряла $^3/_4$ своего населения. В Пфальце было выбито и вымерло более 90%. Цветущие вольные торговые города пошли ко дну. Великая Ганза почти добита. Крупнейшие капиталистические фирмы, вроде Фуггеров, были подорваны. Вестфальский мир (1648) был заключен на дымящихся развалинах. Этот «мир» создал порядок, в основе своей продержавшийся до французской революции: он был сметен лишь ураганом наполеоновских войн. Семилетняя война (1756—1763) повторно опустошила Германию, покрытую вдоль и поперек кровавыми рубцами тридцатилетнего лихолетья: рана на рану, рубец на рубец. Жалкая экономика, с заглушенными и примятыми, полураздавленными центрами капиталистического развития и подорванным бюргерством. Внизу, в основании социальной пирамиды, — разоренное, ограбленное крепостное крестьянство, подчиненное телом и душой «отцу-помещику» и административной саранче. Еще Общеземское Прусское Уложение 1794 г. (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten) цинически-наивно фиксировало по параграфам проклятие, нависшее над тружениками:

«§ 125. Особенно помещик должен заботиться о том, чтобы дети его подданных получали доброе и христианское воспитание».

«§ 133. Подданные обязаны по отношению к своему помещику верностью, уважением и послушанием».

«§ 134. Они несут в его пользу барщины и платежи, как подробно о сем следует ниже».

«§ 152. Если где до сих пор помещикам разрешалось передавать подданных вместе с их дворами друг другу, там и впредь оставаться по-старому».

«§ 227. Ленивую, не подчиняющуюся порядку и строптивую дворню помещик может понуждать к выполнению долга умеренными наказаниями. Это право он может передавать своим арендаторам и служащим по хозяйству».

«Прибавление. § 105. Наказание палками по закону не полагается. Разрешается применение ременной плети, именно умеренное число ударов по спине через платье».

Крепостной труд, «ременная плеть», христианско-германская патриархальность быта находили свое адекватное выражение в политической надстройке страны. Со времени Вестфальского мира Германия была разбита на 300 слишком суверенных «государств» и значительно более 1000 полусуверенных рыцарских имений. Эти иногда крошечные политические единицы («бургграфство Рейнек состояло из двух дворов и мельницы, и под скипетром бургграфа находилось 12 подданных и один еврей») чувствовали себя настоящими «дворами»: каждый князек хотел быть маленьким Людовиком XIV, иметь свой роскошный Версаль, свою прелестную маркизу де-Помпадур, своих придворных шутов, своих лейб-поэтов, своих министров и — прежде всего — свою полицию и армию. Полиция была крайне разнообразна: горная и земледельческая, охотничья и рыболовная, фабричная и торговая, «культурная» и церковная — смотря по типу данного княжества, «пользы и нужды» которого она должна была охранять. Армия служила прямым и непосредственным объектом купли-продажи: князьки-помещики «по-рыцарски» продавали пуды живого солдатского мяса за гульдены и на сроки другим государствам — и германским, и не германским: Франции, Голландии, Англии. Помимо систематической эксплуатации крепостных, продажа армий, выколачивание налогов и тамо-

женных сборов, учреждение монополий и практика мошеннических лотерей составляли основные статьи доходного бюджета этих маленьких, грубых, невежественных и претенциозных «государей-помещиков». XVII и XVIII века были периодами чрезвычайно медленного экономического прогресса, которому войны наносили сокрушающие удары, а политическая раздробленность служила железными оковами. Карабкаясь на четвереньках, капитализм медленно пропол-зал вперед. Но вся обстановка была такова, что прогрессивное бюргерство было связано путами феодального режима и феодальной мелкопоместной государственной чересполосицей. Его интересы и вся его ориентация были направлены против крепостничества, дворянского засилья, княжеских привилегий, всех рогаток, стоявших на путях и перепутьях капиталистического развития. Однако оно было бессильно; его спинной хребет — захиревшие городские торговые общины — был перебит; его мощь подорвана. Оно не могло быть тем «третьим сословием», которое во Франции стало из «ничего» «всем». Оно на каждом шагу зависело от дворянских зубров в шитых золотом камзолах, от князьков, которые — после великого разоренья Тридцатилетней войны — создали наиболее могущественные центры своего владычества на окраинах «Священной Римской Империи», в Австрии и, прежде всего, в Пруссии. Попытки «просвещенного абсолютизма» отдавать дань модному кокетству с науками и искусствами были внешней поли-ровкой когтей феодального хищничества, пытавшегося стянуть и централизовать свои силы на феодальной основе. Они сопровождались совершенно исключительным сервилизмом, «собачьим пресмыкательством» значительной части образованной бюргерской интеллигенции и грубым солдафонским издевательством князей. Позднейшие буржуазные историки поют дифирамбы «Великому» «Фрицу» и его славным предшественникам; но разве, в самом деле, неизвестно, что Фридрих-Вильгельм Первый конфисковал деньги Берлинской Академии наук, чтобы выплатить жалованье своим придворным шутам? Разве неизвестно, что он заставил франкфуртских профессоров разыграть комедию словесного турнира под угрозой наказания палками? Разве неизвестно, что философ Вольф в двадцать четыре часа, под угрозой повешения, был выслан из пределов Пруссии за философские положения, показавшиеся еретическими сиятельному правителю? Разве неизвестно, далее, что «сам» «Великий» «старый Фриц», так долго и упорно кокетничавший с Воль-

тером, за его спиной жаловался, что поддержка такого шута обходится ему слишком дорого? Разве неизвестно, наконец, что Клопшток должен был бежать в Данию, Гердер — в Россию, Винкельман — в Саксонию и затем в Италию? Винкельман, этот блестящий историк искусства, заявлял, что предпочел бы родиться в Турции, — таков был режим «просвещенного абсолютизма» прусаков.

При таком сложении классовых сил внутри Германии загремел и зарокотал великолепный вулкан французской революции. Мощные, ослепительные, разящие ее лучи зажгли пылкие бюргерские сердца. Влияние на умы огромное. Точно в запущенной, грязной и прокуренной комнате, с затхлым и спертым воздухом, вдруг раскрылось настежь окно, за которым — лес и пенье птиц, откуда бурной струей ворвался свежий целительный воздух. Но бессилие буржуазии лишило ее политической действенности: зазвенели мечи, заблестели латы, засверкали щиты; восстали титаны, вихрем пронеслись с воинственными песнями валькирии, прозвучали удары грома и засияли молнии. Но — увы! — это все было в облаках идеологии, в тумане понятий и образов, в царстве мыслей и чувств, которые так и остались сокращенными рефлексами действия, его эмбрионами, навеки сморщенными в силу внутренней классовой немощи своих носителей. Между тем, во Франции гремели настоящие громы, и лилась настоящая, красная и горячая кровь. Классовая борьба развертывалась с поразительной ожесточенностью, и монтаньярам приходилось в героических усилиях обороняться на тысячах фронтов. Ножи «святой матери — гильотины», напряженность борьбы, плебейство у власти стали уже пугать немецкое бюргерство, воплощавшее «Bildung» и кое-какое «Besitz». К его бессилию присоединился его классовый испуг: Клопшток, начавший с оды Генеральным Штатам и получивший звание гражданина Франции, в 93-м году уже проклинает «кровавую» свободу; Виланд, воспевавший Национальное собрание, не может спокойно думать «об этих миллионах законодателей — плотников, мясников, портных»; и даже Шиллер спешит отречься от звания французского гражданина, которое ему дала победоносная революция за его «Разбойников».

Эта двойственность отношения к французской революции со стороны немецкого бюргерства еще более осложнилась дальнейшим развитием европейских событий. Термидорианский переворот, первый консул, император Наполеон

вместо якобинца Робеспьера. Эра великих войн. Снова Германия стала плацдармом кровавых военных сеч. Массовые армии всех европейских стран, разноцветные мундиры и знамена всех государств, смертоносное боевое оружие бесконечных полков лавой хлынули на территорию Германии. Огромные исторические «битвы народов» разыгрывались на ее вытоптанных полях. Одна за другой менялись группировки сил, одна коалиция сменяла другую. Наполеон, как демон, в руках которого лежали ключи исторической судьбы (так он представлялся многим, в том числе и Гете), — опрокидывал царства и мечом войны разрубал жилистые феодальные узлы, дерзко перекраивал политическую карту Европы, сажал королями своих маршалов «без роду, без племени», женил их на принцессах крови, плевал на старинные и священные традиции, к ужасу богобоязненных католиков заставил самого святейшего папу подчиниться своей воле. Легионы Франции сдирали коросту дворянско-поповских привилегий, рубили устои крепостного права, вводили «кодекс Наполеона», насильственно выжигали сыпь мелких княжеств, экспроприируя мелкопоместных государей в пользу крупных вассалов императора из бывших якобинцов. Но диктатура Наполеона в Германии, расчищая дорогу капиталу, означала, с другой стороны, ее национальное порабощение. Военные поборы, бесцеремонные и жестокие контрибуции, перекладываемые и на массы, были экономической подосновой антифранцузских течений. Немецкая буржуазия вырастала, в исторической суматохе и в грохоте сражений, в известную национальную силу с лозунгом объединения Германии и избавления «нации» от «поработителя»: родился страстный германский патриотизм, который нашел свое наиболее пламенное выражение в «Речах к германскому народу» Фихте. Однако и здесь сочетание классовых сил привело к своеобразным результатам: слабость буржуазии и ее низменная трусость, которая при данных исторических условиях была ее необходимым социальным свойством, привели к блоку с помещиками и князьями, возглавившими борьбу с Наполеоном. Буржуазный патриотизм оказался объективно на службе юнкерства, от которого на десятки верст несло кнутом и контрреволюционной конюшней. «Освобождение Европы» от «тирании Бонапарта» означало, таким образом, общеевропейскую реакцию, «Священный Союз» миропомазанных монархических жандармов, «Deutscher Bund» с 38 государствами в Германии, универсальное господство юнкерства и гегемонию Прус-

с и и, этой высокомерной, заносчивой и тупой помещичьей родовитой военщины. Понадобились последующие революции (1848, 1918), в которых уже пролетариат вырывал гнилые и ядовитые зубы крепостнических остатков в стране «христианско-германских ослов». А пока что — полузамерзшие ветераны французской армии были выбиты из златоглавой «матушки Москвы». Зато казачьи полки всероссийского императора вошли в славный город революции, в Париж, где каждая мостовая обагрена героической кровью борцов революции, где каждый камень таит предсмертный вздох ее солдат, где всегда в угнетенных массах цветет надежда на лучшую долю.

Из этого конкретного сочетания классовых сил на громадном историческом перевале с железной неизбежностью вытекало формирование идеологии германской буржуазии. Она не могла быть ориентирована на прямую революционную борьбу ни на одной стадии развития. Она была бесплодна и бесплотна. Sturm und Drang, при всей своей абстрактной тираномахии, истекал в слезах и умилениях, чтобы разрядиться выстрелом плаксивого самоубийцы Вертера. Действительная и реальная казнь Людовика вызвала припадок испуга у смирных немецких монархоборцев: их кинжалы оказались картонными и промокшими от слез бессилия и испуга. Реальные интересы вызревающего в недрах феодализма капиталистического общества были сублимированы в абстрактных категориях самых верхних идеологических этажей, при громадном разрыве между «теорией» и «практикой», разрыве, который сам объяснялся материальными общественными условиями той эпохи. Наполеон реально овладевал во имя капитала реальным миром, Фихте — «овладевал» им, объявляя весь мир продуктом своего творчества, а Кант выражал реальное бессилие немецкой буржуазии в учении о принципиальной непознаваемости идеальных «вещей в себе». Но это расхождение между теорией и практикой вовсе не абсолютно. Рассматриваемый период был периодом создания новой, буржуазной «семейной литературы», соответствующей новому быту: против ложно-классических придворных трагедий, дворцовых од, салонного тона, этикета «порядочного общества» выстроились добродетели филистера, «дела и дни» нового буржуазного человека, быт «Германа и Доротеи». С другой стороны, эпоха выдвинула людей, которые схватили ее и в самых высоких, всемирно-исторических, определениях. Таким человеком был Гете. Таким был Бетхо-

в е н. Таким был Г е г е л ь. Гете не раз и не два разражался выходками против французской революции: в «Венецианских эпиграммах», в «die Aufgeregten», в «Гражданине-генерале», в «Германе и Доротее» и ряде других. Но все эти мелкие змеиные яйца, которые Гете откладывал в большом количестве на потребу своего окружения, не помешали ему все же понять всемирно-исторический характер событий. В день поражения немцев при В а л ь м и Гете заявил: «С нынешнего дня возникает новая эпоха всемирной истории, и вы можете сказать, что присутствовали при ее зарождении». А в своем самом глубоком творении, которое является концентратом всей его мысли, в «Фаусте», Гете дал поэтическую энциклопедию своего времени, художественно-философскую поэму, где в несравненной форме, с проникновением гения во все стороны бытия, он — volens nolens — воспевает великую эпоху и где его орлиный взгляд уже прозревает контуры всемирного освобождения человечества.

II. ГЕНИЙ

В своей статье: «Немецкий социализм в стихах и прозе» Ф. Э н г е л ь с писал о Гете:

> «Гете в своих произведениях двояко относится к немецкому обществу своего времени. Он враждебен ему; оно противно ему, и он пытается бежать от него, как в «Ифигении» и вообще во время итальянского путешествия; он восстает против него, как Гец, Прометей и Фауст, осыпает его горькой насмешкой Мефистофеля. Или он, напротив, дружит с ним, примиряется с ним, как в большинстве его «Кротких ксений» и во многих прозаических произведениях, прославляет его, как в «Маскараде», защищает его от напирающего на него исторического движения, особенно во всех произведениях, где он говорит о французской революции. Дело не в том, что Гете признает будто бы лишь отдельные стороны немецкой жизни в противоположность другим сторонам, которые ему враждебны. Часто это только проявление его различных настроений; в нем происходит борьба между гениальным поэтом, которому убожество окружающей его среды внушало отвращение, и опасливым сыном франкфуртского патриция, либо веймарским тайным советником, который видит себя вынужденным заключить с ним перемирие и привык-

нуть к нему. Так, Гете то колоссально велик, то мелочен; то это непокорный, насмешливый, презирающий мир гений, то осторожный, всем довольный, узкий филистер. И Гете не в силах победить немецкое убожество; напротив, оно побеждает его; и эта победа убожества (misère) над величайшим немцем является лучшим доказательством того, что «изнутри» его вообще нельзя победить. Гете был слишком универсален, слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней, как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, de guerre lasse, перед незначительным веймарским министром. Мы не упрекаем Гете, как это делают Берне, Менцель, за то, что он не был либерален, а за то, что временами он мог быть филистером; мы не упрекаем его и за то, что он не был способен на энтузиазм во имя немецкой свободы, а за то, что свое эстетическое чувство он приносил в жертву филистерскому страху перед всяким современным великим историческим движением; не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные Авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейшими делами и menus plaisirs ничтожнейшего немецкого двора».

Эта замечательная характеристика, с такой исчерпывающей энергией подчеркивающая внутреннюю расколотость «целостного» Гете, совпадает с характеристикой двойственного положения немецкого бюргерства той эпохи. Другой, более поздний, гениальный поэт, Г. Г е й н е, зажженный энтузиазмом, как свеча перед великолепным образом «короля поэтов», олимпийского Зевса-громовержца, в восторге писал о нем: «Этот гордый стан никогда не сгибался в хри-

стианском смирении червя; эти глаза не взирали грешнобоязливо, набожно или с елейным умилением; они были спокойны, как у какого-то божества... Взгляд Гете оставался таким же божественным в глубокой старости, каким он был в юности. Время покрыло снегом его голову, но не могло согнуть ее. Он носил ее все так же гордо и высоко, и, когда он говорил, он словно рос, а когда он простирал руку, то казалось, будто он может указывать звездам их пути на небе». Увы! «Последний романтик» ошибался и грешил против исторической правды. «Гордый стан» Гете сгибался не раз, и божественный рот строил тоже не раз лицемерные почтительные улыбки перед князьями мира сего. Здесь Гете был полной противоположностью республиканцу Бетховену. Известна историческая сцена, когда в Теплице, при встрече с Францем, Гете кланялся до земли, между тем как Бетховен действительно гордо нес свою львиную голову с суверенным презрением к монархам. Современные буржуазные софисты, в своих монотонных панегириках желающие присвоить себе всего Гете целиком, «примирив» все непримиримые противоречия, объявляют такой λεοσχύγησις высшей мудростью. Так, например, Friedrich Gundolf обвиняет именно Бетховена в том, что музыкальный «титан» «стрелял из пушек гения по воробьям повседневного быта» (nach Spatzen des Alltags), а Гете «был в этом случае не только свободнее (! *Н. Б.*) и значительнее, но и глубже...»[1] Если свободу от убеждений о свободе считать истинной свободой и если глубину раболепных поклонов возводить в сан глубины характера и даже мировоззрения, то это так. Но эти предпосылки суть предпосылки растленной и беспринципной буржуазии капиталистического fin de siècle'я. У Гете действительно было глубокое и трагическое внутреннее противоречие. Оно гнездилось в конфликте между его колоссальным мировым гением и гундольфовскими «воробьями повседневного быта», этими напыщенными германскими провинциальными воробьями, которые выклевывали ему его орлиные очи, заставляли низкопоклонничать, приводили к компромиссам, тупой ограниченности, к восхвалению в стройных строфах жалкой мудрости Spiessbürger'а, к преклонению перед «уютом», «домовитостью», спокойствием мещан, к животному испугу собственника перед плебеями, перед «большинством», якобы состоящим «из немногих сильных вожаков, из плутов, которые приспособляются,

[1] Friedrich Gundolf. Goethe. Georg Bondi. Berlin. 1920. S. 548.

из слабых, которые ассимилируются, и из массы, которая ковыляет за ними, не зная и в отдаленной степени, чего она хочет». Гете отлично сознавал всю ничтожную ценность золоченого мелкопоместного уклада и его бюргерского бессильного союзника. Но он в жизни еще больше боялся потрясений, трагических социальных коллизий, неизвестного будущего. Noli tangere circulos meos! Не трогай моих кругов! О французской революции он писал:

> Franztum drängt in diesen verworrenen Tagen, wie ehmals
> Luthertum es getan, ruhige Bildung zurück.
> («В эти смутные дни, как некогда лютерианцы,
> Спокойную мудрость наук вытесняет безумный француз».)

Он не стеснялся в «Zahme Xenien» объявить себя даже роялистом:

> Warum ich Royaliste bin,
> Das ist sehr simpel:
> Als Poet fand ich Ruhms Gewinn,
> Freie Segel, freie Wimpel.

Он, наконец, пытался не раз подвести здесь и философский фундамент. Так, он говорил Эккерману: «Вы знаете, как радуюсь я каждому совершенствованию, которое сулит нам будущее. Но мне противно все насильственное, всякие скачки, потому что это не сообразно с природой». Он демонстративно записывает в своих дневниках в горячие дни осени 1806 года: «Astronomica zur Ableitung der Politicorum», чтобы показать свою предельную удаленность от «злобы дня»: смотреть на звезды, когда бушуют политические страсти, хранить «внутренний мир», который дороже всего, — вот его пароль. Здесь Гете обнаруживает трусливо-консервативную сторону германского бюргерства, гениальным выразителем которого он был. Совершенно пустым и вульгарно-апологетическим является поэтому утверждение Гундольфа, будто Гете был «свободным индивидуумом», а не «представителем сословия или партии против учреждений, связанных с другой партией или правительством».[2] Но одновременно нельзя не протестовать против попытки Houston'a Stewart'a Chamberlain'a, который во что бы то ни стало хочет причесать Гете под дворянина и возвести его в сан «индо-арийца» и «первобытного

[2] Ibidem.

германца» по всем правилам реакционной и человеконенавистнической «расовой теории», которая подводит quasi-научный базис под тевтонского сверхчеловека, т. е. прусского юнкера pure sang, выступающего в творениях своих идеологов под этим своеобразным псевдонимом.[3]

Однако наряду с этой мелкотравчатой стороной есть другие, великие, черты, которые делают Гете, Гете Прометея и Фауста, действительным колоссом мировой литературы. У Гете было точно два мира: маленький мир дрянного быта, с его филистерскими радостями и заботами, с его жирным довольством, с его идеалом «давить» на народ, но не «угнетать» его (drücken, nicht unterdrücken), как выражается одна просвещенная гетевская графиня (в «die Aufgeregten»), с его тупостью и коротким горизонтом, этот м и к р о к о с м, которому соответствует поэтическая м и к р о л о г и я даровитого веймарского министра и испуганного революцией буржуа. И другой мир, большой, огромный: мировая арена, всемирная история, восходящая звезда молодого капитализма, борения освобождающегося от феодальных кандалов нового человека, бюргера, его техника, его наука, его разум, его движение вперед, его блестящие перспективы, радуга его надежд, небывалый творческий порыв, которого не знали ни Средние века, ни глубокая и седая древность, ни Эллада, ни Индия, ни Вавилон. Это м а к р о к о с м, здесь слышна железная поступь мирового процесса, здесь раскинуты необъятные горизонты, здесь историческое общество «вонзает зубы в святую мишень» великой матери-природы, здесь развертывается борьба со стихиями. Минуты сменяются эпохами, жалкие «индивидуумы» — персонифицированными общественными укладами, проблемы домашнего уюта — величайшими проблемами культуры. Здесь новому миру и новому времени раскрывается неизмеримое богатство Космоса, горизонты внезапно расширяются, у познания расправляются могучие крылья. Все масштабы вырастают, встают, как проснувшиеся великаны; пафос огромной исторической перемены, нового рождающегося строя, новой эпохи, новых ритмов жизни слышится в гениальных поэмах художника, в могучем творчестве ученого, в страстных муках нового человека. Это — м а к р о л о г и я капитализма, его опоэтизированное выражение, его идеология как величайшей прогрессивной силы своего времени, героическая песня

---

[3] H o u s t o n S t e w a r t C h a m b e r l a i n. Goethe. Verl. von F. Bruckman. München. 1912. S. 310.

его юности и зреющего мужества, которая теперь, в наши дни, уже не может служить ему, старому, изжившему себя, умирающему разбойнику. Здесь действуют титаны: богоборцы, тираномахи, протестанты, мученики борьбы и творчества, великие отрицатели и великие созидатели. Здесь, сверкая всеми красками, зажигается основная лейтлиния исторического движения восходящего капитализма: не тактика и стратегия трусливого германского бюргера, а могучие общественные передвижки, «демон» капитализма, персонифицированные законы его движения, его могучий рост, втягивающий всю поверхность земли в водовороты новейшей истории. Здесь ограниченно исторический конфликт между молодым капитализмом и феодальными препонами представляется, как «вековечный» конфликт между индивидуумом и обществом и разрастается в еще более грандиозный конфликт между «человеком» и «Космосом»: Гец — «Железная Рука» перерастает в Прометея и Фауста. Слабая дифференцированность классовых отношений еще скрывала пружины кровавых противоречий капитализма, и не звучал еще на весь мир голос его грядущих могильщиков. Борьба была в основном повернута против старых оков, и проблема «капитал — пролетариат» на германской почве не стояла еще как проблема проблем. Скептический яд, отрава сомнений еще не вползли в головы идеологов, ибо материальные недра общества не раскрыли еще своих ужасающих ран. Оптимизм, жизнь, познание, творчество, рост — это черты восходящего класса, носителя восходящего способа производства, именинника новой истории.

Величайшие литературные произведения многосторонне выражают «дух эпохи». При всем своем внутреннем единстве они воплощают огромное многообразие, все богатство времени, всю переливчатую чешую событий, вереницу жизненных коллизий, череду противоречий, типов, проблем. Это — не ходульные абстракции формальной логики, иссохшие мумии тоскливо-скучного школьного мышления. Это — великие энциклопедии эпохи, где предельно широкие типы насыщены и конкретны, несмотря на свою «абстрактность», где бьют горячие родники жизни, где сверкает всеми оттенками, нюансами и переходами перламутровая ткань общественного бытия и становления, где движение общественной материи и ее «духовного» выражения сгущено в замечательных идеологических конденсаторах несравненного искусства.

Гете, как нельзя более, подходил к такого типа творцам. Георг Зиммель очень удачно говорит, что «это бытие

более всего соответствовало лейбницевской монаде: совершенное зеркало мира, которое, однако, творит (hervorbringt) свои образы, как развитие своих собственных сил».[4] Удивительна универсальность этого гения: оккультные «науки» и тайные занятия каббалистической магией, ведовством, алхимией; связь с экстатическими христианскими мистиками; философия — Бэкон и Спиноза, Гольбах и Кант, Шеллинг и Гегель; физика и химия, геология и минералогия, биология и физиология; метеорология, ботаника; глубокие ключи народной мудрости, история (Гердер); литература всех времен и народов, Запада и Востока, от фантастических мифов Индии, ярких и цветистых ковров Персии, стройных форм Эллады, германских саг до Шекспира и Байрона; изобразительные искусства, архитектура, театр, музыка, государственно-административная работа, педагогика, хозяйство, техника, — все входило в круг творческих интересов, неустанной работы, пытливой мысли, напряженных исканий.

...Чтоб силу понять,
Коей движется мир и живет все живое,
Как обниму я тебя, необъятная?
Тайный родник бытия
Где я найду? Он могучей струею
Небо и землю поит...

И при всей этой интеллектуальной многоцветности, при всем сиянии благородного ума — необычайно богатая и бурная эмоциональная жизнь, с мощными стихийными порывами страстной и чувственной натуры, которая способна переживать весь мир, как одну величественную и трагическую симфонию любви. Недаром у Наполеона при встрече с Гете невольно вырвалось восклицание: «Voilà un homme!». Это был действительно «человек» в том смысле, что здесь, в этой удивительной голове, сошлись, сочетались, встретились и завязались в один узел бесконечные нити разнообразнейших проблем и достижений, интересов и стремлений, мыслей и чувств, образов и понятий громадной исторической эпохи, преемственность мировых культур, порывы в грядущее. Этот исключительный универсализм, в сущности, выдвигал Гете далеко за рамки его «родной» немецкой почвы. В своем «макрокосме» Гете был настоящим

[4] Georg Simmel. Goethe. 5. Aufl. Verl. von Klinkhardt und Biermann. 1923. S. 3.

«гражданином мира», и именно поэтому он мог схватывать эпоху в ее целостных и мощных определениях.

Как философ, Гете подходил к таким проблемным постановкам, которые выдвигают его в первые ряды самых крупных мыслителей. При крайней разносторонности его пенящегося и играющего ума, который восторженно созерцал и хороводы звезд, и римские руины, откликался на «Молот Ведьм» и пантеизм Спинозы, засматривал во все щели бытия, во все поры общества и природы, нетрудно найти гетерогенные философские мотивы и разражаться упреками по поводу непричесанности всех посылок и выводов. И здесь у Гете можно различать большие и малые круги, гениальные прозрения и теологические филистерские привески. У него были, несомненно, элементы мировоззрения, которые некоторыми своими гранями соприкасаются с мировоззрением молодого класса нашей эпохи, пролетариата, и нового уклада, социализма: это говорит молодость, энергия, жажда творчества, уверенность в победе. Если гниющий капитализм сегодняшнего дня объявляет внешний миг иллюзией, сном, фикцией, то Гете реагирует на подобные взгляды блестящей, резкой и гневной отповедью.

> «Этот Гете, — сообщает Шопенгауэр, — был до такой степени реалистом, что прямо неспособен был понять, что объекты, как таковые, существуют лишь постольку, поскольку они представляются познающим субъектом. „Что? — сказал он мне раз, взглянув на меня своими глазами Юпитера, — свет существует, по-вашему, лишь поскольку вы видите его? Нет! Вас не было бы, если бы свет вас не видел!“».

Так решал он проблему реальности внешнего мира. Но он так же смело решал и смежный теоретико-познавательный вопрос, вопрос о познаваемости внешнего мира, о границах познания, о «вещах в себе» Канта. В настоящее время стало модным делать из Гете кантианца на том «достаточном» основании, что Гете считал Канта великим философом. Но нет ничего более легкомысленного, чем это утверждение. «Я обязан критической и идеалистической философии тем, — писал Гете Шульцу, — что она побудила меня обратить внимание на меня самого...; однако она никогда не доходит до объекта». Это — разящий удар и признание пропасти между Гете и Кантом. «Ignora-

bimus» по отношению к миру Гете отвергал со всей мужественной решительностью интеллекта. Он, напр., писал Мерку:

Sieh, so ist Natur ein Buch lebendig,
Unverstanden, doch nicht unverständlich.

В других местах: «в природе нет такой тайны, которую она где-нибудь не раскрыла бы перед глазами внимательного наблюдателя»; «письмена природы все можно прочесть»; «как далеко и как глубоко в состоянии человеческий дух проникнуть в свою и его (мира) тайны, этого никогда нельзя ни определять, ни ограничивать»: «если хочешь уйти в бесконечное, иди только во все стороны в конечном». Это глубоко, верно, великолепно. Замечательно отвечает Гете и на дальнейший вопрос, о критерии истинности знания. «В искусстве и науке, — пишет он, — так же, как и в практической деятельности, все сводится к тому, чтобы объекты отчетливо воспринимались и трактовались сообразно своей природе». Здесь, следовательно, критерием истины берется соответствие с объектом. Но Гете знает и проверку практикой. Более того, он необычайно ярко, последовательно и горячо защищает этот тезис: «истинно — только плодотворное»; «моим пробным камнем для всякой теории является практика»; «мышление и деятельность, деятельность и мышление — вот итог всей мудрости»; «в начале Дело было» (а не «Слово», не Λόγος», не «Разум», а именно «Дело», вернее «Деяние», «die Tat», «πράγμα»); «наука должна бы действовать на внешний мир только путем повышенной практики». Все это, как небо от земли, далеко от кантианства и от идей «Критики чистого разума». Что же касается «Критики практического разума», то он писал о ней Гердеру: «...Кант, затратив долгую человеческую жизнь на то, чтобы очистить свой философский плащ от разного рода грязных предрассудков, измарал его позорным пятном «первородного греха»—приманка и для христиан целовать его подол». Язык терпкий, жесткий, колючий, злой, почти революционный. Пожалуй, еще более примечательными являются суждения Гете относительно общественного характера процесса познания, где у него налицо прямой стык между теорией познания и некоторыми изумительными общественно-историческими взглядами. «Природа потому неисследима, — пишет он Шиллеру, — что один человек не в состоянии понять ее, все человечество могло бы понять ее.

Но так как это милое человечество никогда не бывает в своей совокупности (beysammen), то природе так хорошо и удается играть с нами в прятки». «Лишь все люди вместе познают природу». «Людей надо рассматривать как органы их века, двигающиеся большей частью бессознательно». «Что носится в воздухе и чего требует время, то может возникнуть одновременно в ста головах, без всякого заимствования». «Некоторые идеи созревают в определенные эпохи; так плоды одновременно падают в разных садах». «Многие мысли вырастают из общей культуры, как цветы из зеленых веток. В период цветения повсюду распускаются розы». Конечно, Гете не видит и не понимает проблемы классов. Конечно, он здесь не расчленяет ни общества, ни эпохи. Но при всем том нельзя не признать с исторической точки зрения всю полновесность его гениальных философских афоризмов.

К числу замечательных философских идей Гете следует отнести и з а р о д ы ш и д и а л е к т и к и. Идеи закономерности, всеобщей связи, движения, противоречивости, взаимопроникновения противоречивых моментов, перехода их друг в друга и т. д. мы находим и здесь. «Разум имеет дело со становящимся, рассудок — со ставшим». «Динамический способ представления: становящееся, действенное, возбуждающее, поступательно движущееся, производящее». «Противоположность крайностей, возникая в некотором единстве, тем самым создает возможность синтеза». «Диалектика — развитие духа противоречия, который дан человеку, чтобы он учился познавать различие вещей». «Все одинаково, все неодинаково; все полезно и все вредно, все говорит и все немо, все разумно и все неразумно. И то, что утверждают об отдельном предмете, часто бывает противоречивым». «Все замечаемые нами в опыте действия... связаны между собой полной непрерывностью, переходя одно в другое; они идут волнами от первого до последнего. Что их разделяют, противопоставляют, смешивают, это неизбежно; но благодаря этому в науках должно было возникнуть безграничное противоречие. Косный, все разграничивающий педантизм и все сливающий мистицизм приносят оба одинаковый вред». «Люди обладают вообще только понятием рядоположности и совместности, не чувством внедрения и взаимопроникновения...»[5] Эти и аналогичные суждения драгоценными, изумрудными блестками рассеяны повсюду.

---

[5] Большинство цитат мы берем по переводу тов. В. О. Л и х т е н ш т а д т а: Гете. Пб., 1920.

Идея целого, с качественными особенностями, соотношение между общим и частным, абстрактным и конкретным, «внешним» и «внутренним», количеством и качеством и ряд других проблем; вскрытие некоторых основных ошибок механического материализма — все это сложено в кованной философской сокровищнице мыслителя.

Однако и в этой области, на горных вершинах философии, Гете двоился так же, как во всей своей жизненной ориентации. И здесь он отдавал низкие поклоны фетишам и небесным кумирам, как в области более низменной — ничтожным земным князьям. Он, этот жадный до жизни эпикуреец, этот прославленный великолепный «язычник», этот magister in eroticis, которого Мечников в своих «Этюдах оптимизма» приводит как физиологический образец здоровой и полнокровной чувственности, набожно превращает своего любимца Спинозу, с его «математическо-раввинской» культурой, в христанского теиста («theissimus und christianissimus»), всячески открещивается от материализма и атеизма, проламывает брешь в своих же собственных положениях. В целом Гете — пантеистический гилозоист, у которого художественная интуиция и рациональное познание, чувственный опыт и опосредствованное знание сливаются в одно органическое целое необычайной энергии и целеустремленности. Но своеобразное эстетическое переживание у него доминирует. Отсюда целый ряд следствий. На самом деле никогда не бывает беспримесного «чистого ощущения»: в его порах всегда гнездится аккумулированный опыт, «опосредствованное знание», «культура». И точно так же нет чистого погружения в природу, «чистого созерцания», «чистого» переживания связи с природой и обществом, с Космосом, с коллективом. Всегда здесь налицо исторически оформленные моменты идеологии, религиозной, философской или какой-либо иной, в зависимости от общественной формации и фазы ее развития, от класса и его конкретно-исторического положения. Поэтому переживание природы, окрашенное пантеистически, имеет тенденцию перевестись на логический язык в виде действительного признания всебожества; художественный образ, олицетворяющий силу природы или ее творящую энергию, может перерасти в религиозный образ, а при определенных условиях он приводит и к признанию того или другого господствующего церковного культа. Гете довольно тонко кокетничал своим «адогматизмом». В одном из писем к Якоби он развивает ту мысль, что как естествоиспытатель он — пантеист, как поэт — политеист и как

нравственная личность — монотеист. Но отсюда еще один шаг — и «язычник», «солнцепоклонник» Гете стоит — увы! — на обоих коленях перед насквозь фальшивой церковной традицией христианства: «Я считаю, — говорит он Эккерману, — все четыре Евангелия совершенно подлинными, потому что в них действует отблеск возвышенного, которое исходит из личности Христа и которое так божественно, как только когда-либо божественное являлось на земле. Если меня спросят, соответствует ли моей природе воздавать Ему молитвенное почитание, то я скажу: конечно!.. Если же меня спросят, соответствует ли моей природе почитать солнце, то я опять-таки скажу: конечно!» Это «конечно» — гигантский шаг назад по сравнению с материалистами и другими просветителями из великой французской энциклопедии, этого грандиозного и, по-своему, великолепно-дерзкого научно-философского памятника французской революции, монумента, насквозь пронизанного золотыми лучами утренней капиталистической зари. Было бы интересно проследить, как играет и танцует у Гете диалектическая звезда основных мотивов его философского мышления. Вот он борется против телеологии; он энергично бичует и преследует ее, он стремится изгнать из пределов своего мышления даже понятие причинности, ибо боится, что оно антропоморфично. Но неистово раздувая костер этой боязни, он предается интуитивному созерцанию, через него «ощущает Космос» и на путях иррационального благополучно приходит к теологии, т. е. наиболее грубой и вульгарной форме телеологии. Вот он выставляет практический критерий истины, как бич против заоблачных туманов, идеалистических бредней, позорных иллюзий. Но, расширительно трактуя «практику», «плодотворность» и т. д., он, как много-много лет спустя школа В. Джемса, так называемый прагматизм, приходит к «плодотворности» религиозных soit-disant «истин». Вот он поднимает остро отточенный меч против бескачественных атомов механического материализма во имя объективных качеств, свойственных объективному миру; но бескачественность переходит у него в «бездушие», серую скуку, безразличную монотонность мертвого; отсюда перескок к гилозоизму, всеобщему органицизму, и снова, в конечном счете, к религии. Вот он мечет громы и молнии против Вагнеров науки, книжных червей и педантов, рассекающих живую природу на плахе и воображающих, что механическое сложение ее омертвевших и угасших кусков даст «целое», органическое единство, новое качество. Но, не сумев решить проблему целого

и части диалектически, он — volens-nolens — противопоставляет рациональному познанию «созерцание» и «погружение», которое развило из себя, рядом повторных потуг, иррациональное по существу непосредственное чувствование «истины», причем последняя сразу же взвилась на небеса. Вот он, в яростной схватке с вымученными призраками идеализма, выставляет грубо сенсуалистическое положение: «Кто не доверяет своим чувствам, тот дурак и неизбежно превратится в умозрителя». Но, расширяя чувство в переживание («наше изначальное ощущение, по которому мы составляем одно с природой»), как впоследствии Джемс расширил понятие опыта, он, в конце концов, начинает доверять так называемому чувству божественного, замыкая круг полярною противоположностью. Вот он, под влиянием Бэкона, объявляет войну «идолам». Но, развязав свой «адогматизм», т. е. признав равноправие разных позиций, он тем самым вновь реабилитирует теологию, следовательно, возводит на трон «наивысший» принцип идолопоклонства и догматики. Так качается философский маятник Гете: от признания божественности четырех евангелий до гениальных прозрений в духе диалектики и материализма. В величавых торжественных строфах, подобных звукам мирового органа, выразил Гете всеобщую закономерность сущего:

Nach ewigen, ehernen	«По вечным, железным
Grossen Gesetzen	Великим законам
Müssen wir Alle	Все мы должны
Unseres Daseins	Бытия своего
Kreise vollenden	Круги завершить».

И его «Дух Земли», дух пламенный и беспокойный, символизирует неустанное движение материи, ее вечную диалектику:

В буре деяний, в волнах бытия,
Я подымаюсь,
Я опускаюсь...
Смерть и рожденье —
Вечное море;
Жизнь и движенье
В вечном просторе...
Так на станке проходящих веков
Тку я живую одежду богов.

Философские взгляды Гете находились в ближайшей связи с деятельностью Гете, как у ч е н о г о-е с т е с т в о и с п ы т а т е л я. Его работы в этой области, которые де-

лают из него своеобразного, но несомненного предшественника эволюционной теории, отражают и его философское величие, и его философское филистерство одновременно. Чрезвычайно интересны его суждения об отношении философии к естествознанию и к науке вообще. «В каждом адепте опыта — а такой адепт ведь всегда, раз из него получается что-нибудь дельное, есть philosophe sans le savoir — я допускаю своего рода опасливость по отношению к философии, в особенности когда она проявляется так, как в настоящее время (намек на метафизическую, так называемую «натурфилософию». — *Н. Б.*); но эта опасливость не должна вырождаться в отвращение, а должна разрешаться в спокойную и осторожную склонность. Если этого нет, открывается, не успеешь и оглянуться, путь к филистерству, на котором хорошему уму приходится тем хуже оттого, что он так неловко избегает хорошего общества, тогда как оно и могло бы помочь ему в его стремлении». Здесь звучит почти тот же мотив, что у Энгельса в «Диалектике природы», где Энгельс вытаскивает на свет божий естествоиспытателей, «особенно усердно бранящих философию» и именно поэтому становящихся «рабами самых скверных вульгаризированных остатков самых скверных философских систем».[6] Исходя из спинозовской идеи единства и всеобщей связи природы, Гете с особенной вдумчивой пристальностью останавливался на переходных звеньях в цепи развития, на промежуточных типах, на гранях и пределах, чтобы, вскрыв их связь между собой, включить их в общую закономерность. Необходимо «созерцание различного как тождественного»; «...когда дано какое-либо явление природы, в особенности — значительное и бросающееся в глаза, не нужно останавливаться на нем, прикрепляться, прилепляться к нему, не нужно рассматривать его изолированно, а нужно осмотреться во всей природе и поискать, где проявляется нечто сходное, родственное. Ибо только из сопоставления родственного возникает малопомалу некоторая цельность, которая сама себя толкует и не нуждается в дальнейшем объяснении». У Гете весь упор на качество, образ, форму, «Gestalt», μορφή (самый термин «морфология» принадлежит Гете) при явной недооценке количества, которое у него как бы отрывается от качества и познавательно зачеркивается. Отсюда у него пренебрежение к математике и почти средневековое отвращение к точным измерительным приборам, к сложным испытательным

[6] См.: Архив Маркса и Энгельса. Кн. II. Стр. 37.

инструментам, ко всей той изумительной искусственной научной машинерии и аппаратуре, которая во все стороны удлиняет наши естественные, «натуральные» органы чувств. Этот наивный естественно-научный «руссоизм» приводит его к целому ряду грубейших ошибок, которые он сам, однако, считает как раз за перлы своего научного творчества.

Исходя из рассмотрения пограничных форм, Гете в «Опыте из сравнительной остеологии» (1784) почти одновременно с Ф. Вик д'Азиром открыл межчелюстную кость у человека, связав его, таким образом, с человекообразными обезьянами и включив вид homo sapiens в эволюционный биологический ряд. Или, как говорит Ф а л е с во II части «Фауста»:

Gib nach dem löblichen Verlangen,
Von vorn die Schöpfung anzufangen!
Zu raschem Wirken sei bereit!
Da regst du dich nach ew'gen Normen,
Durch tausend, abertausend Formen,
Und bis zum Menschen hast du Zeit.

Дальнейшие изыскания на этом пути привели Гете к позвоночной теории черепа (ранее Гете она была выдвинута Оке́ном, обвинявшим Гете в плагиате, и разработана английским анатомом Оуэном). В 1870 г. Гете выступил с «Опытом метаморфозы растений», где различные элементы растения трактовались как видоизменения одной основной «праформы», а именно «листа». Свои обобщения Гете сводил к тому, что генезис новых форм (а он настаивал на г е н е т и ч е с к о м методе неоднократно) складывается из консервативных сил, удерживающих данную форму, и ее ломки, изменения, трансформации под влиянием внешней среды. Чрезвычайно сжато и выпукло он выразил это основное свое положение в чеканной стихотворной форме:

Alle Glieder bilden sich aus nach ew'gen Gesetzen,
Und die seltenste Form bewahrt im Geheimen das Urbild.
Also bestimmt die Gestalt die Lebensweise des Tieres,
Und die Weise zu leben, sie wirkt auf alle Gestalten
Mächtig zurück. So zeiget sich fest die geordnete Bildung,
Welche zum Wechsel sich neigt durch äusserlich wirkendes Wesen.

(«Всюду меняются способы жизни, согласно устройству,
Всюду устройство меняется, способу жизни согласно;
Вечный порядок божественный правит созданьями всеми,
Вечно они изменяются, внешним покорны влияньям»).

Неудивительно, что он — оригинальный и своеобразный предшественник Ламарка и Дарвина — с величайшей страстностью реагировал на исторический спор Кювье с Жоффруа Сент-Илером во Французской Академии наук, буквально вскипев всем своим организмом и заняв с пламенностью упорного борца науки место рядом с Сент-Илером в защите эволюционной идеи. Один из парадоксальнейших умов буржуазной философии, Фридрих Ницше, посылая свистящие стрелы своих эпиграмм немецким последователям Дарвина «в защиту» Гете, восклицал:

Deutsche, dieser Engeländer
Mittelmässige Verständer
Nehmt ihr als „Philosophie"?
Darwin neben Goethe setzen
Heisst: die Majestät verletzen,
Majestatem genii.

Эти оценки со стороны Ницше, философа-художника, мастера афористического стиля, биологизирующего эстета и в то же время творца бестиально-хищнической идеологии открыто агрессивного и открыто разбойнического капиталистически-юнкерского блока, вскрывают многое. Не в том дело, что здесь идет атака на относительную и традиционную узость английского эмпиризма, черты которой были и у гениальнейшего из биологов. Дело в том, что Ницше видит суть гениальности как раз в иррациональном, в интуиции, в «органической» реакции, противопоставляемой рациональному познанию; в такой трактовке целого, которая уводит за ворота и рассудка, и разума; в метафизическо-мистической «первосущности», интерпретируемой по образцу платоновских идей. У Гете и здесь налицо два мотива: революционный и консервативный; непрерывность, но такая, которая начисто отрицает прерывность и голо ей противостоит; эволюция, включающая даже человека в природную цепь, но отрицание скачков, катастроф, переворотов; изменение видов, но абсолютизированный, штампованный, идеализированный «пратип», «первосущность»; «целое», а не механическая сумма частей, но такое целое, которое доступно лишь интуитивному созерцанию; качественная определенность формы, но такая, которая не имеет связи с изменениями количеств. Это последнее с необыкновенной выпуклостью проявляется в физических исследованиях Гете, и в особенности в его знаменитом «учении о цветах» («Farbenlehre»), вызвавшем настоящий (хотя и не-

обоснованный) восторг Гегеля. Здесь Гете удалось дать ряд правильных теорем, касающихся большей частью физиологии зрения (контрасты, дополнительные цвета и т. д.). Но его погоня за только качественной физикой, его непонимание диалектики количества и качества привели к возмущенным протестам против разложения белого цвета, что казалось ему почти кощунственным актом, и к наивной теории цветов вообще. Антипатия к «скачкам» в особенности резко проявилась в геологии и развивалась рука об руку с отвращением к социальным переворотам, как к чему-то, противоречащему природе, хотя тот же Гете является автором афоризма о естественности неестественного:

Nie war Natur und ihr lebendiges Fliessen
Auf Tag und Nacht und Stunden angewiesen.
Sie bildet regelnd jegliche Gestalt,
Und selbst im Grossen ist es nicht Gewalt.

Так и в области теоретического естествознания у Гете есть своя «десница» и своя «шуйца», глубокие противоречия заложены в его естественно-научных воззрениях, разодранных внутренней борьбой между консервативным, теологическим, антиреволюционным хламом и ракетами самых прогрессивных взглядов, которые в известной своей части навсегда вошли уже в аппаратуру человеческого знания.

Этот гигант мысли был, однако, по натуре своей прежде всего художник. Здесь лежала его творческая доминанта. Он весь мир воспринимал как великое творение, которое есть само творящая сила. Божественное — это прекрасное. Прекрасен Универсум, бесконечное целое, с его мириадами светил, громадами созвездий, стройностью законов; упоительны яркие и нежные цвета, звуки и запахи; вечная завязь новых форм, вечное движение, вечное борение — великолепны; и даже человеческая трагедия, страдания и самая смерть — моменты величественных круговоротов Матери-Природы, единой и нераздельной, которая есть бог, «всеобщность», всеобъемлющее, «все», Allheit. Gundolf остроумно замечает, что Гердер был пантеист истории (Geschichtspantheist), тогда как Гете был пантеист природы (Naturpantheist). Но для Гете характерен эстетический «цвет» его пантеизма, который именно поэтому должен был воплотиться в насыщенных образах, развивающих огромную силу воздействия. В своих художественных творениях Гете спрессовал могучие культурные энергии: бесконечное разнообра-

зие ассоциаций, весь ряд предшествовавших культур, вся наука, вся философия, все искусство получили свое предельно концентрированное выражение в огромных синтетических образах монументального творчества. Это — полотна на небосводе. Искусство Гете всеобъемлюще. Оно трагически жаждет вместить в себя весь Космос, чтобы погрузиться в нем в высочайшем эстетическом восторге. Такова эстетическая основа всего Гете: и Гете-ученого, и Гете-философа, и Гете-человека и Гете-художника.

Богатству содержания соответствует и необычайное богатство, роскошное изобилие художественных форм: щедрою рукой разбрасывает гений разноцветные драгоценные камни, чудесные таинственные жемчужины, груды сверкающих слитков, узорчатые ковры и заморские диковины своего творчества. Элегическая нежная свирель; базарная перебранка, ярмарка и жаргоны улицы; торжественные хоралы межпланетных пространств; кипящая лава стремительных строф; кухня грязных ведьм и светлая гармония эллинского храма — все дано в совершенном выражении. «Прометей» и «Римские элегии», «Ueber allen Gipfeln ist Ruh» («Горные вершины спят во тьме ночной») и «Фауст», «Гец» и «Лесной царь» — для всего адекватная форма, без которой само содержание разрешается в ничто, разлетается на куски, превращается в пыль и прах. В каждый период своего развития и после каждой «линьки» Гете давал шедевры новой формы стиля: варваризмы «Геца» и классицизм «Ифигении» одинаково совершенны. Поэтому куски сердца великого поэта являются такими мощными аккумуляторами: «Вертер» вызвал целую эпидемию самоубийств; «Фауст» создал гигантскую литературу, вся западно-европейская культура была окрещена «фаустической», а «Евангелие от Фауста» («в начале бе Дело») становится нормой мировоззрения нашего времени. Но среди всего неисчерпаемого творчества мудреца и поэта ясно проступает его непобедимое влечение к ступеням в развитии человечества, к историческим массивам, к бурным эпохам, имевшим своих трагических носителей. Цезарь, Христос, Магомет; Гец, Эгмонт; Прометей, Вечный Жид, Фауст — вот герои истории или ее символы, которые пленяют Гете, наполняют его целиком, мучают его, пока он не изживет этой творческой муки в великолепии новой поэмы. «Фауст» мучил его всю жизнь. Это потому, что «Фауст» есть сила сил, возведение в степень всего предшествовавшего, синтез синтезов, предел творчества Гете и самое совершенное его выражение.

Характерным для всех этих художественных типов является дух бунта, протеста, исканий; широкий размах исторического действия; драматическая напряженность событий; развитие трагической коллизии между титаном, носителем нового принципа, и косным миром и его владыками. Совершенно неслучайно, что разработка этого мотива овладела лучшими умами века: Шелли и Байрон, Лессинг и Гете, весь немецкий «Sturm und Drang» отражали, в разнообразных исторических вариантах, «бурю и натиск» нового общественного мироздания: против тиранов, против деспотии, против мертвой хватки феодальных кандалов, против гнетущего сумрака теологии, против узких, невыносимых колодок, в которых мучится, терзается и беснуется личность нового человека, против мрачного, человеконенавистнического аскетизма монахов, который точит кровь живой плоти, умерщвляемой во имя страшных идолов, черной тенью нависших над миром. Продвижение новой, буржуазной, личности, с ее принципом либеральной свободы, «Разума», освобождения плоти, приняло в мире идеологии универсальную форму. «Гец» еще носит исторический характер, в смысле ограниченности эпохи, как исторические драмы гениального Шекспира: здесь настоящее апеллирует к прошлому. Гете, который «пировал» и за столом Нибелунгов, и за столом Гомера, и на пирах великих поэтов Персии, находит свой арсенал в прошлом германского народа, со всеми мечами и доспехами конкретной исторической эпохи, с ее костюмами и ее жаргоном, со всем временным и пространственным «couleur local». Это был еще период увлечения Гердером, средневековой готикой, родниками национальной истории, ее своеобразной красотой. «Прометей» дает наиболее абстрактный вариант, где вождь человечества прямо противостоит вождю богов Зевсу:

Закрой, Зевес, парами облаков,
Твое разгневанное небо
И забавляйся, как мальчишка,
Сбивающий головки у волчцов;
Громи дубы и горные вершины,
Моя земля останется за мною,
И хижина, что создал я, не ты,
И мой очаг,
Чей жгучий пламень
В тебе тревожит зависть.

В «Фаусте» Гете развернул всю мощь своего исключительного и всеобъемлющего дарования. На вопрос об

одной идее «Фауста» Гете с умной иронией говорил: «...хорошенькая бы получилась вещь, если бы я богатую, пеструю и в высшей степени многообразную жизнь, как я ее представил в «Фаусте», вздумал нанизать на тощую нить какой-нибудь одной проходящей идеи». Действительно, вряд ли можно найти во всей мировой литературе другое произведение, столь блистательное и столь многогранное, как «Фауст», впитавший в себя все соки культуры, все многообразие жизни, все цветение идей своего времени. Но это вовсе не значит, что «Фауст» представляет собой циклопическое нагромождение мыслительных и эстетических глыб, лишь поверхностно озаренных лучами единого замысла. Наоборот, «Фауст» есть монументальное прекрасное здание, величественно-дивный храм художества, где размерная торжественность частей, включая все противоречия и мучительные диссонансы, выражает высшее трагическое единство. Вульгарной легендой является представление об абсолютной светлой уравновешенности и лучезарной гармонии эллинов, или о безмятежной успокоенности Гете, или — позднее — о целостной радостности Пушкина. Вульгарной является и трактовка второй части «Фауста», как бегства Гете от жизни в мир гармонически сделанных и искусственно построенных идеальных символов, с умиротворенным исходом в физическое небытие великого чернокнижника, который, после сладостных объятий Елены Прекрасной и созерцания эллинских форм, в конце концов, успокоился в ложе господнем, в прибежище абсолютного «Добра» и «Красоты». «Фауст» Гете есть трагедийная философская поэма, весь внутренний пафос которой это — пафос борьбы, состязания разных принципов и начал, их развивающихся конфликтов. Трагедия познания, трагедия любви, трагедия искусства, трагедия личности и общества — эти громадные проблемы культуры составляют настоящие движущие пружины «Фауста». Принцип полярности проведен в обрисовке противоположных художественных типов, в их мучительном раздвоении и их мучительном взаимном тяготении. «Господь» и Мефистофель, Фауст и Мефистофель, Фауст и Вагнер, «ученик» и Мефистофель, Маргарита и Марта, как ранее Гец и Вейслинген, Тассо и Антонио и т. д., это — в известном сечении — полюсы магнита, живые носители внутренней борьбы. В «Фаусте» одновременно даны как бы широчайшие ступени исторического человеческого бытия, по которым поднимается человечество, олицетворенное в ищущем, беспокойном, творящем Фаусте. По существу, Мефи-

стофель есть отколотая и получившая сверхавтономию половина самого Фауста, вместе с которой, рука об руку, в постоянных внутренних конфликтах, он «занимает позицию» по отношению к мучительным проблемам культурной истории и исторической культуры. Вереницей проходят перед нами эпохи, мировоззрения, исторические символы, реальнейшие типы повседневного быта, представители многоликих мировых идей, герои различных эпох, аллегорические носители целых отраслей творчества, могучие стихийные силы природы — вся игра главных струн бытия и становления.

В первой части «Фауста» даются трагические поиски истины и любви, взятые с точки зрения творящего субъекта, в первую очередь. Во второй части эти проблемы воспроизводятся в широких общественно-исторических масштабах, где на экране грандиозного художественного полотна реют образы целых эпох и целых мировоззрений, где культурные проблемы ставятся сразу в их общественных масштабах. Здесь, после громадного цикла испытаний, после пережитых драм, после вдохновенных взлетов и падений, вся трагедия находит свое разрешение в величественном апофеозе коллективного труда. Поиски истины, муки познавательной страсти погружаются и растворяются в практике труда, а мятущаяся личность, творящий индивидуум, сливается с обществом. Умирающий великий грешник и великий герой, творческий дух истории, Фауст, кончает свою жизнь чудесной апологией грядущего человечества и его борьбы с злой стихией природы:

Стоит болото, горы затопляя,
И труд оно сгубить готово мой,
Я устраню гнилой воды застой, —
Вот мысль моя последняя святая!
Пусть миллионы здесь людей живут,
И на земле моей свободный труд
Да процветет!. . . . . .
. . . . . .
Конечный вывод мудрости один —
И весь я предан этой мысли чудной:
«Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной».

Так создается синтез теории и практики, личности и общества, творческого индивидуума и человеческого коллектива. Здесь гений буржуазии уже перелетает на своих мощных крыльях пограничные столбы своего собственного клас-

са, и колосс поднимается во весь свой исторический рост. Жалкая позолоченная министерская ливрея валяется в историческом хламе, пыли и мусоре. Но живыми смотрят зевсовы очи Великого Поэта.

III. ВЕКА

Из всех существовавших в истории человечества эпох — если мы рассматриваем даже не историю средиземноморского orbis terrarum, а все континенты и все расы — две эпохи войдут в сознание объединенного грядущего человечества, как крутые изломы истории, как геологическое смещение пластов социального бытия, под действием грандиозных взрывов вулканических сил. Это — эпоха смерти феодализма и рождения капитализма, эпоха буржуазных революций и освободительных войн; это, с другой стороны, еще более великая, еще более грандиозная, неизмеримо более значительная и еще более катастрофическая эпоха крушения капитала, разгрома его сил и рождения социализма, эпоха, когда в гуле и грохоте кровавых войн и восстаний, в титанической борьбе миллионов против проклятия Железной Пяты, во всесветной революции пролетариев, разрушающих центры империалистского могущества, складываются новые экономические отношения, новые формы быта, культуры и мировоззрения.

Сто лет тому назад против громады феодального режима, против сумрачных Бастилий тела и духа, поднялись новые классы, и вся история шагнула на небывалую еще ступень. Ибо история не повторяет одних и тех же вековечных кругов, неизменно возвращаясь к исходным точкам своего движения: она знает и катастрофические срывы вниз, когда кривая развития бессильно начинает падать, как аэроплан, у которого вдруг остановился мотор; но она знает и буйное развитие по спирали, со все ускоряющимися темпами, когда общественная жизнь как бы задыхается от избытка своей собственной напряженности и полноты, и когда старые ее формы насильственно уничтожаются, ибо приходят в принципиальное противоречие с этой напряженностью, с новыми мощностями и энергиями, с ростом производительных сил. Феодализм взлетел на воздух, ибо вся его система отношений — экономического рабства, политической придавленности, церковного удушающего гнета и затейливого дворянского искусства — не могла ужиться с капиталом, свободой торгового оборота, с рациональным познанием, наукой и,

наконец, с принципом, неизвестным раньше нигде и никогда: с машиной. В человеческую историю ворвался новый стальной огнедышащий демон, бешеная пляска органов которого сообщила лихорадочно буйный ритм всему развитию. Поспешные и уверенные шаги нового жизненного уклада раздались в феодальных монастырях, во дворцах королей, с их напудренными париками, косицами, бонтонными танцами и потреблением благ, которые были последними каплями крови, этого «совсем особенного сока», дико эксплоатируемых крепостных масс.

Уже раннее предчувствие этого нового строя, материально опирающееся на рост торгового капитала итальянских республик, дало Ренессанс, с его Бокаччио, Челлини, Рафаэлями, Микель-Анджело, Петраркой и таким универсальным и единственным гением, как Леонардо. А много лет спустя рождение новой эры на континенте Европы выдвинуло сияющее созвездие Гете, Бетховена и Гегеля, в творчестве которых ясно слышится мощная пульсация крови нового уклада всемирной истории. Все предыдущее развитие и все предыдущие этапы истории рассматриваются здесь как мучение общественного человека, впервые причащающегося только теперь настоящей свободе и настоящему творчеству. В категориях «liberté», «egalité«, «fraternité» вращается вся идеология эпохи, от лозунгов маленького провинциального французского митинга до самума наполеоновских войн. И именно этот «дух эпохи» лежит в основе творений трех ее несравненных гениев.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс писал:

> «Гете, как и Гегель, был, каждый в своей области, Зевсом — Олимпийцем, но оба они никогда не могли целиком освободиться от немецкого филистерства. Все это отнюдь не помешало гегелевской системе обнять неизмеримо большую область, чем всякая другая предыдущая система, и в этой области развито такое богатство мыслей, которое поражает и сейчас. Феноменология Духа (которую можно было бы назвать параллелью эмбриологии и палеонтологии духа, развитием индивидуального сознания через его различные ступени, понятые как сокращенное воспроизводство ступеней, которые сознание людей проделало исторически), логика, натурфилософия, философия духа, и эта последняя опять-таки разработанная в своих отдельных исторических производных формах (Unterformen):

философия истории, права, религии, история философии, эстетика и т. д. — во всех этих разнообразных исторических областях Гегель работает над тем, чтобы разыскать и вскрыть проходящую нить развития; и так как он был не только творческим гением, но и человеком энциклопедической учености, то повсюду он выступает с эпохальными открытиями (epochenmachend)».[1]

Эта глубоко проникновенная характеристика в своей внутренней основе приложима и к Гете, в особенности к Гете как к творцу «Фауста», этой, как ее назвал Гегель в своих лекциях по эстетике, «абсолютной философской поэмы». Разве Фауст не повторяет в своем индивидуальном развитии сокращенно эпохи исторического развития человечества? Разве его индивидуальные муки и индивидуальные творческие акты не суть художественные символы борений общественного человека, восходящего по ступеням своего исторического развития? Разве здесь мы не видим генетически одной и той же социальной базы, на которой была создана и гениальная философская поэма Гете, и гениальная поэтическая философская система Гегеля? Архитектонические принципы — универсальная энциклопедичность, объективизм, непреоборимое движение вперед, через частоколы противоречий, огромный оптимизм, всемирные масштабы, историзм, глубокая активность, исключительная монументальность целостного построения — они и здесь, и там. Это сходство есть сходство внутренней структуры, лишь взятой в двух своих ипостасях: чисто логической и художественной. Недаром Гегель в своей «Феноменологии Духа» прямо оперировал «Фаустом».

Третьей — музыкальной — ипостасью является героическое творчество Бетховена. Уже самая тематика бетховенской огненной музыкальной лавы говорит о внутреннем интимном сродстве: «Кто свободный человек?» — ранний «гимн свободе», музыка к «Творению Прометея», «Эгмонт», могучая «Героическая симфония», с ее первоначальным именем «Буонапарте», всепобеждающая «9-я симфония» и масса композиций на тексты Гете. Творчество исключительной мощи, гигантского силового диапазона, монументальное, как вершины Гималаев. Бурная творческая страсть, напряжение и борьба, выраженная в суровых и му-

---

[1] F. Engels. Ludwig Feuerbach. Verl. für Literatur und Politik. Berlin. S. 20—21.

жественных ритмах колоссальной силы, какие-то героические победные марши богатырей, громадных масс, идущих на штурм, преодолевающих препятствия, творящих и — в конце концов — побеждающих. И — венец всего — как конец «Фауста» — всечеловеческая радость коллективного творческого труда, всемирной победы и всемирного братства, незабываемый и потрясающий финал «Девятой симфонии» заключительный экстатический восторг освобожденного человечества, океан победных звуков, идущих исполинскими волнами и покрывающих собою все.

По-разному относились субъективно три гиганта к конкретному ходу современных им событий, от упорного и открытого сторонника революции Бетховена до автора «die Aufgeregten». Но и тот, и другой, и третий — дети одной эпохи, и ее они выражали в пламенных звуках огнедышащих симфоний, в величавых поэмах и стройных философских системах мысли. Когда Бетховен хаос своих бурлящих чувств оформлял по принципам стройных строф Гете; когда Гете ставил себя на одну доску с Гегелем, посылая ему полушутливые послания с посвящениями, вроде: «Dem absoluten — empfiehlt sich schönstens zu freundlicher Aufnahme — das Urphänomen»,[2] или когда Гегель приходил в восторг от «Farbenlehre» или «Фауста» — все это было неслучайно: здесь внешне проявлялась глубокая внутренняя связь идеологии, взятой и со стороны ее общественного содержания, и со стороны ее формальных архитектонических моментов, которые сами неотделимы от этого содержания, сами «содержательны»; здесь, в конечном счете, обнаруживала себя глубокая общественная закономерность: новое молодое общество, прорвавшее скорлупу обветшавших форм, сильными голосами заявляло о своей буйной энергии, о своем праве на жизнь, о своей борьбе, о своих победах.

Сила этих гениальных творцов была так велика, что они некоторыми гранями своего творчества переступали пределы кругозора, свойственного их классу. Конец «Фауста» — уже смутное предчувствие, пророческая греза о социализме. Да и сам Гете писал о себе, суммируя свой жизненный путь: «Что такое я сам? Что я сделал? Я собрал и использовал все, что я видел, слышал, подмечал. Мои труды вскормлены тысячами различных индивидов, невеждами и мудрецами, умницами и глупцами; детство, зрелый возраст, старость —

---

[2] Karl Rosenkranz. G. W. F. Hegel's Leben. Verl. Duncker und Humblot. Berlin. 1844. S. 339.

все приносило мне свои мысли, свои способности, свои надежды, свой уклад жизни; часто я снимал жатву, посеянную другими, мой труд — труд коллективного существа, и труд этот носит имя Гете (mon oeuvre est celle d'un être collectif et elle porte le nom de Goethe)». Это — точка зрения, отнюдь не свойственная индивидуализму молодой буржуазии: это уже зародыш социалистической идеологии, один из моментов нового мира. Гегель, выражая историю и поступательный ход буржуазного общества, настолько поднялся в своем полете универсального мыслителя, что его система могла стать «алгеброй революции»: Маркс «поставил ее на ноги», Ленин считал возможным читать его «материалистически». Бетховен так могуч в своей общности и так общ в своей мощи, что, будучи сыном буржуазной революции, он заражает своей титанической музыкой людей новых эпох, новые классы, нового типа революционеров, массу борцов пролетариата. Ибо здесь повсюду — огонь революционной стихии, творческая борьба, великая радость побед, жгучие надежды на грядущее, уверенность в окончательном торжестве. И поистине символично отношение Гете к Байрону, этому лорду — карбонарию, открыто отрекшемуся от своего класса, поднявшему свой голос за рабочих бунтарей и погибшему как повстанец и инсургент: Гете воспел его в образе Эвфориона, прекрасном образе безумной храбрости и славной преждевременной смерти. Мудрый старец оплакивал здесь своего духовного сына, который уже ступил одной ногой на пути новой, невиданной борьбы, опередив свою среду и проклявши ее, на что не хватало ни смелости, ни характера у самого Гете — Фауста.

Сто лет прошло с тех пор, сто лет бурного развития, исторической костоломки, когда капитализм подмял под себя все страны и народы и в то же время создал производительные силы необычайной мощности. Теперь пришел черед и его исторической гибели. Он обнажил все свои противоречия, доведя их до невыносимых конфликтов. Он превратился в могильную чугунную плиту, которая давит все побеги молодой творческой жизни. Лозунг свободы, равенства и братства сменился лозунгом кавалерии, инфантерии, артиллерии, оружие которых направлено против масс. Всемирный капитал, потрясенный недавней чудовищной по своему размаху войной, с грохотом раскололся: революционный обвал дал жизнь пролетарскому Союзу. Жив и еще силен искалеченный седовласый разбойник. Но у него нет ни уверенности в победе, ни необходимой бодрости. Волной катится по капи-

талистическому миру кризис, с грохотом и ревом опрокидывая остатки процветания, ворочая тяжелые камни капиталистического благополучия, вытесняя миллионы своих рабов из производства, превращая заводские гиганты в мертвые груды камня и металла, не оплодотворяемые пламенным дыханием живого труда. За красными границами, в труде безымянных героев, подымаются сотни новых заводов, реет пурпурное, багряное знамя, и на весь мир раздаются дерзостные лозунги победоносного пролетариата. Через сто слишком лет после войн монархических коалиций против революционной Франции организуется злодейская коалиция буржуа против революции пролетариата. Всемирная история делает новый поворот, самый принципиальный из всех, которые были сделаны в прошлом.

В эту великую эпоху историческое мужество, героическое дерзание, творческая смелость принадлежат только одному классу, п р о л е т а р и а т у, и только одному движению, к о м м у н и з м у. Старый строй кровоточит и гноится. Его идеологи заклинают «судьбу», проклинают технику, уходят к средневековью. Его боевики — без внутренней уверенности — принимают рыцарскую позу, а из-за угла выбивают лучших людей пролетариата. Его государственные мужи хватаются за последнее отчаянное оружие, оружие новой войны. И только коммунизм скликает армии бойцов на последний бой за действительное, а не иллюзорное счастье человечества.

Так мерной поступью, железным шагом, идет вперед мировая история. Она идет по промоченным кровью полям, по разрушенным городам, среди буйства ветров, когда выпущены на волю все духи бури и громов. Она, через великие страдания и великую борьбу, подымается еще раз на новую ступень, первую ступень, ведущую к концу нищеты, войн и угнетения. Борьба наших дней есть всемирная борьба за коммунизм, настоящая и величайшая героическая симфония жизни. Ее герой — угнетенные массы человечества, их организованный пролетарский авангард. В буре этой борьбы, которая звучит как суровый и торжественный железный марш миллионов, рождается новое общество. Оно включит в себя все славное и героическое старого мира. Оно поднимет на щит и понесет в века и имя великого Гете, зарыв в могилу его министерские мундиры, его филистерство, его компромиссы, его падения. Оно сделает своими его гениальные прозрения, ибо вместе с ним оно пишет на своем знамени:

Лишь тот свободной жизни властелин,
Кто дни свои в борьбе проводит трудной.

ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ

На протяжении XIX столетия нельзя отметить двух других имен, кроме имен Дарвина и Маркса, которые бы выражали целые громаднейшие перевороты во всей мыслительной ориентации многих миллионов людей. Обе теоретические концепции — и дарвинизм, и марксизм — выросли из практической потребности эпохи, и это их происхождение можно почти прощупать руками, — настолько ярко и осязательно оно выражено. Обе они являются громадными синтезами, хотя и далеко не равновеликого порядка. Обе они служат мощными рычагами практического действия, совершенными орудиями изменения мира. И наконец, несмотря на их различный социальный генезис, марксизм включает в свое мировоззрение, сформировавшееся, как величайший из исторически данных синтезов, теорию Дарвина, взятую в ее существенных моментах. Обе теории стоят, таким образом, в исключительно специфических соотношениях.

I. СОЦИАЛЬНЫЙ ГЕНЕЗИС ДАРВИНИЗМА

«Происхождение видов» Дарвина вышло в 1859 году, в том же году, когда появилась на свет работа Маркса: «К критике политической экономии». Эпоха, которую переживал в то время английский капитализм, была эпохой его победоносного утверждения и триумфального мирового шествия. В 1848 году английская буржуазия раздавила последнее выступление чартистов, выставив под командой герцога Веллингтона полтораста тысяч белогвардейских «констэблей», сынков перепуганной лондонской буржуазии, против славного движения пролетариев. Почти одновременно она сокрушила повстанцев Ирландии, переживавшей по-

лосу страшного голода. Она прочно уселась у руля государственной власти и в порах общинного самоуправления, обеспечив себе, при помощи рабочего класса, еще с 1832 года основные рычаги политического господства. Английский капитал, жестокий, коварный, хитрый и крайне дрессированный и маневроспособный, тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр, hors concours, мирового рынка. Здесь она уже была монополистом, и ее фритрэдерская идеология как нельзя более соответствовала исключительному перевесу ее технических, коммерческих и военных сил. Под пацифистско-либеральную трескотню о «мире, экономии и реформе» («pease, retrenchment and reform») пираты капитала отхватывали себе один колониальный кусок за другим, выполняя заповеди бога прибыли и прогресса. Индустриальная мощь страны быстро возрастала, опираясь на развитие машинной базы и на лихорадочное железнодорожное строительство.[1] Сельское хозяйство после периода депрессии и низких цен обнаружило вдруг неожиданный поворот в сторону огромного подъема как раз вслед за отменой так называемых «хлебных законов». Технически прогрессивное капиталистическое хозяйство сделало громадный скачок вперед: комбинация зернового хозяйства и скотоводства,[2] введение плодосменного хозяйства, дренажа, импортного искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин создали рациональное сельскохозяйственное производство.[3] Открытия в области агрохимии, животноводства, растениеводства, сельскохозяйственного машиностроения и т. д. сразу получили крупнейшую базу. Механики, архитекторы, геологи, химики, физиологи, ботаники, зоо- и фитотехники мобилизуются и приводятся в движение. Крупнейшую роль играет Королевская Сельскохозяйственная академия (Royal Agricultural Society), работы Либиха становятся настольной книгой капиталистического фермера.

---

[1] См.: J. H. Clapham. An Economic History of Modern Britain. The early railway age 1820—1850. Cambridge. At University Press. 1926.

[2] Hermann Levy. Entstehung und Rückgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebes in England. Berlin. Julius Springer. 1904. S. 68 ff., особенно 70.

[3] См. прежде всего: K. Marx. Das Kapital. B. I, где весь процесс обрисован с исключительной выпуклостью. Ср. также: «Agriculture» in Encyclopaedia Britannica, изд. 1929 г., т. I; James Caird. English Agriculture in 1850—1851. London. Longman, Brown, Green, and Longmans. 1852; проф. И. Кулишер. История экономического быта Зап. Европы. Т. II, изд. 2. ГИЗ. 1926.

James Caird оценивает в 1852 году положение так: «ни один предыдущий период не имел большего генерального прогресса в области агрикультурных усовершенствований, чем настоящий период».[4] А журнал «Quarterly Review» в 1858 году с восторгом пишет: «Фермеры процветают (are prosperous), лэндлорды намереваются улучшать свои имения, рабочие перестали ненавидеть сеялку и молотилку; во время последней жатвы в употребление вошла жнейка; компетентные судьи держатся того мнения, что почти готов и экономичный паровой культиватор».[5] Английский капитал чувствует свое собственное полнокровие и лондонской всемирной выставкой 1851 года хочет показать urbi et orbi свое мировое могущество, мощь своей техники, непобедимую силу своей цивилизации. Он становится дирижером и законодателем всемирной моды; англомания делается религией каждого «образованного» буржуа, который преклоняется перед английской машиной и английскими баками, английским парламентом и по-английски подстриженной кобылой, перед английским искусством и английским ростбифом. Даже русские помещики испытывали на себе это обаяние английских чар.

Сочетание классовых сил за этот период было чрезвычайно оригинальным. Исходным пунктом развития был, как мы упоминали, разгром чартизма. В течение долгого ряда лет мужественное движение английского пролетариата создавало не раз критическую революционную ситуацию. Руками рабочих была проведена реформа 1832 года, социально-политически давшая власть промышленной и средней торговой буржуазии, но на базе компромисса с поземельной аристократией, этими «джентльменами без профессий». В 1834 году либералы провели преобразование «закона о бедных», введя каторжный режим работных домов и вызвав возмущение тружеников. В 1846 году были отменены «хлебные законы», и удовлетворенная мелкая буржуазия отошла от рабочих. Невероятная эксплоатация пролетариата, женщин и детей была фоном, который использовался «тори» против «вигов»: из рядов дворянства вышли своеобразные печальники о судьбе рабочих, заострившие жало своей критики против безжалостной буржуазной эксплоатации, агитаторы за фабричное законодательство: таковы,

---

[4] J. Caird, op. cit., p. 527.

[5] Quarterly Review. 1858. № 206. Art. IV: «The progress of English Agriculture», p. 391.

напр., письма Ричарда Остлера в «Лидском Меркурии» «о невольничестве в Йоркшире». Грозный гром рабочего движения и его использование со стороны дворянства привели к фабричному законодательству. Наиболее прозорливые из тори (ср. лорда Эшли) видели в этом законодательстве самое действительное средство отвлечения рабочих от чартизма, который выдвинул уже «партию физической силы», готовил восстание и рядом с государственным парламентом собирал свой «Конвент», по сути дела Совет Рабочих Депутатов. Поражение чартизма означало крутой перелом во всем движении; это было начало гибели, на целую историческую эпоху, героических традиций революционного движения английского пролетариата: идеи «физической силы», интернационального братства, завоевания власти, социального равенства уступали свое место идеям реформистского трэдюнионизма и кооперации. На мировом рынке складывалась исключительная монополия расцветающей «владычицы морей», великой колониальной империи британского капитала. Господство буржуазии, но на базе умеренных подачек рабочим; борьба буржуазии с дворянством, но компромисс с ним, респектабельность, уважение к священным традициям, корона короля, шлейф королевы, парики в парламенте, господь бог — в голове. Эта система сохраняла долгие годы свою устойчивость, пока развитие мирового хозяйства не опрокинуло английской супрематии и не вызвало могущественнейших тенденций совсем другого порядка.[6]

Вот в такую эпоху выступил со своими работами величайший из биологов, Чарлз Дарвин. Он прямо вырос из почвенных сил прогрессивного сельского хозяйства Англии, с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливой добротностью эксперимента, трезвой проверкой фактов. Колониальные научные экспедиции — ориентирующие щупальцы английского капиталистического миродержавия, его познавательные сосуны, расширяющие горизонт — доставляя добавочный разносторонний материал, а через

---

[6] Elie Halévy. Histoire du peuple Anglais au XIX siècle. III. De la crise du reform bill a l'avènement de Sir Robert Peel (1830—1841). Librairie Hachette. Paris. 1923; Carl Brinkmann. Englische Geschichte. 1815—1914. Berlin. 1924; «Великобритания» в Б. Сов. Энциклопедии; Ф. А. Ротштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии. ГИЗ. 1920; Герман Шлютер. Чартистское движение. ГИЗ. Москва.

ввоз искусственных удобрений и новые виды животных и растительных пород прямо обслуживали процесс материального производства. Таким образом, развитие английской промышленности, колониальная экспансия и, прежде всего, прочный подъем английского рационального сельского хозяйства были базой, на которой возникла теоретическая концепция Дарвина. Недаром у него фигурирует так часто «искусный заводчик», столь ненавистный Дюрингу. Дарвин рос из многообразной живой практики, и в этом была его сила. «Заводчики, — пишет он, — обыкновенно говорят об организации животного как о пластическом материале, которому они могут придать какую угодно форму».[7] Обоснование и объяснение великой идеи изменяемости видов выросли, следовательно, из теоретического обобщения реальной практики «заводчиков» (другой практики здесь, как известно, не было). «В начале моих исследований, — сообщает Дарвин, — мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разводимых человеком, всего скорее может повести к разрешению этого темного вопроса. И я не ошибся... Я осмеливаюсь выразить мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими, по большей части, пренебрегают естествоиспытатели».[8] Дарвин не устает ссылаться на этот исходный пункт, цитируя на сотнях страниц «искусных заводчиков»: Иоуэтт, «едва ли не лучший знаток сельскохозяйственной литературы и хороший знаток животных», свидетельствует у Дарвина: «Оно (начало искусственного подбора. — *Н. Б.*) сельскому хозяину дает возможность не только видоизменять характер своего стада, но и вовсе изменить его. Это — магический жезл, посредством которого он может вызывать к жизни всякую форму, какую захочет».[9] Далее идут лорд Сомервиль, «искусный заводчик сэр Джон Себрайт» и т. д. При этом Дарвин тут же отмечает, ссылаясь на Маршалла, что подобного рода практика требует массовых операций, когда, напр., растения разводятся «в огромных количествах», что возможно лишь на базе крупного производства.[10] Практика садовода, скотовода, сельского хозяина дает мате-

---

[7] Ч. Дарвин. О происхождении видов путем естественного подбора. Пер. с англ. С. А. Рачинский. Изд. 3. Москва. 1873. Стр. 24.

[8] Ч. Дарвин, там же, стр. 3

[9] Ч. Дарвин, там же, стр. 24.

[10] Ч. Дарвин. О происхождении видов путем естественного подбора. Пер. с англ. С. А. Рачинский. Изд. 3. Москва. 1873. Стр. 32. The Life and letters of Darwin, ed. by F. Darwin, vol. 1, p. 83.

риал для обобщения Дарвина: она доказывает эмпирически изменяемость видов, она дает идею «искусственного подбора», от которой Дарвин отправляется для обоснования идеи «естественного подбора»: садовник, выпалывающий слабые растения, скотовод, подбирающий «породу», — вот его экспериментальная массовая основа. Но Дарвин, как известно, формулировал свою теорию, как теорию «борьбы за существование», — формула, которой не было у его предшественников, Ламарка, Жоффура, Сент-Илера и других. Здесь на него оказал могущественное влияние Мальтус.[11] Однако и вопрос о влиянии Мальтуса, и об оценке этого влияния не так прост, как это бычно полагают.

«Поп Мальтус», как величает его Маркс, кроме своей функции «священнослужителя», был профессором политической экономии в цитадели колониального грабежа, в коллегии знаменитой Ост-Индской компании. Он идеологически выражал в самой резкой форме английскую контрреволюцию, активизировавшуюся под влиянием событий на континенте; французская революция, мятежи в Англии, неслыханный рост пауперизма, бурная история классовой борьбы, пароксизм животного испуга поземельных собственников и владельцев машин породили «Опыт закона о народонаселении». Социально-классовая установка «Опыта» формулирована у Мальтуса так: «Чернь (a mob), которая есть следствие излишнего населения, возбужденная обидой за свои реальные страдания, но совершенно незнакомая с источниками их происхождения, является из всех чудовищ наиболее роковым для свободы».[12] Это боязнь за свободу эксплуатации и выдвинула апостола реакции на передовые позиции пропаганды против бедноты, пролетариата, «черни». Один из английских филантропов предлагал даже — в своей брошюре, изданной под псевдонимом Маркуса, — подвергать всех новорожденных детей рабочих безболезненной смерти, лишь бы только предупредить угрозу восстаний и «мятежей». Не подлежит ни малейшему сомнению, что ожесточенная классовая борьба и гибель десятков тысяч людей в пре-

---

[11] См.: Ч. Дарвин. Происхождение видов, стр. 3. Там же, стр. 50.

[12] T. R. Malthus. On the principle of population. Vol. II, p. 187. Everyman's Library ed. Ernest Rhys. London: «A mob, which is generally the growth of a redudant population goaded by resentment for real suffering, but totally ignorant of the quarter from which they originate, is of all monsters the most fatal to freedom».

дыдущий период английской истории не могли не оказать на Дарвина огромного влияния. Не подлежит также никакому сомнению, что факт bellum omnium contra omnes и контрреволюционное теоретическое выражение этого факта оказали на Дарвина свое давление и подсказали ему формулу: «борьба за существование». Но если внимательно присмотреться к работам Дарвина, то мы увидим и нечто другое. Коротко сформулировав основные положения своего учения, Дарвин прибавляет: «Это — учение Мальтуса, приложенное к растительному и животному царству, и приложенное в строжайшем его смысле; потому что тут невозможно ни искусственное умножение пищи, ни осторожное воздержание от брака».[13] Дарвин не замечает, что этим он целиком уничтожает теорию Мальтуса, ибо злостная «ошибка» Мальтуса и состоит в том, что он выбрасывает возможности производства, возводя капиталистическую нищету масс в вечный закон общественного бытия. Жало всей концепции Мальтуса направлено против «черни». Жало всей концепции Дарвина направлено: мировоззренчески — против теологии, технически-экономически — против остатков средневекового хозяйства. Для Мальтуса характерен антиисторизм, для Дарвина, наоборот, сугубый историзм. Поэтому так различна судьба этих учений. Теория Мальтуса, воспетая многими обскурантами, просто смешна, в особенности теперь, в свете мрачных лучей развернутого кризиса перепроизводства. Теория Дарвина жива в своих основных моментах. Но социальный генезис дарвинизма не смог не наложить своей печати на все его великое построение. Вообще, уже самая идея «историзма» и «эволюции» у буржуазных идеологов имела — на разных флангах идеологии разный — оттенок консерватизма. Будучи в основе глубоко прогрессивной, она нередко включала идею абсолютной постепенности, голой непрерывности процессов: особенно ярко это проявилось в «исторической школе» права, в «исторической школе» политической экономии, в «органической школе» социологии и т. д. Если некоторые историки времен французской реставрации (в особенности Гизо, Минье и Огюстэн Тьерри) представляют собой в высокой степени передовое явление и в известном отношении могут быть даже рассматриваемы, как предшественники социально-исторической теории Маркса (учение о классовой борь-

[13] Ч. Дарвин, l. c., p. 50.

бе),[14] то нельзя, с другой стороны, не отметить, что в борьбе с механистически-математическим рационализмом ряда философов XVIII века идея исторической постепенности противопоставлялась антиисторизму, как аргумент против социальных катастроф, что идея «органической» связи (против механической связи социальных атомов, рассматриваемых как геометрические точки) и идея «органической» иерархии выдвигались как аргумент против абстрактного равенства просветителей, как заслон против радикальных перемен, как теоретическое выражение поговорки: «всяк сверчок знай свой шесток»; что самое погружение в глубины истории и идея медленной эволюции должны были «доказать» прочность исконных традиций и начал, медленность образования новых форм общества, их неизбежно эклектический характер. Дарвин отдал дань этому, хотя его же собственный материал нередко бунтует против обручей такой концепции. Дарвин отдал дань и компромиссному буржуазному «духу времени», снабжая свои работы искусственными теологическими привесками, которые, как жалкое тряпье, болтаются на великолепном здании его теории. Но это последнее он переживал уже как внутреннюю трагедию, о чем свидетельствует его знаменитое письмо к титану пролетарского мировоззрения, Марксу, положившему начало совершенно нового этапа в развитии науки и философии.

II. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ ДАРВИНИЗМА

К дарвинизму, чтобы его понять и оценить, необходимо подходить, как и к другим объектам исследования, исторически. До Дарвина типичны были теологические и телеологические представления о животных видах; идея их постоянства, вопреки практике садоводов и скотоводов, была communis doctorum opinio. На протяжении многих столетий и даже тысячелетий, в разнообразных формах господствовали, по сути дела, донаучные взгляды на происхождение и развитие органического мира. Фантастические космогонии религиозно-поэтического характера, вроде грандиозных концепций вавилонян и евреев, Индии и Китая, скандинавов и финнов;

[14] См. о них: Г. В. Плеханов. Ог. Тьерри и материалистическое понимание истории (Соч., т. VIII). Он же: К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. II. Французские историки времен реставрации. Он же: Предисловие к русск. пер. «Манифеста Коммунистической Партии».

натурфилософские системы старинных мыслителей; средневековая католическая схоластика; натурфилософия позднего времени, не говоря уже о широкой идеологии, распространяемой для всеобщего употребления, почти целиком стояли на точке зрения «творческого акта», однократного или многократного, грубо-антропоморфического или тонкоодухотворенного. В старой Индии бог выступает то как гончар или архитектор, то как Vāc, голос, разум, нечто вроде греческого Λόγος'а; то он почти — философская тень, то он «устает» от акта творения, почти «бездыханен», «измучен до смерти». То бог творит мир из хаоса, из первичной материи, из глины, из чего-то. То он — как у блаженного Августина — творит из ничего. Но во всех этих случаях мир обязан существованием своему Демиургу, творцу и созидателю. Так называемые «конечные причины», мистические causae finales, a priori данные и определяющие собою реальные изменения, поскольку они признаются, есть другая форма того же теологически-телеологического начала, от «энтелехии» Аристотеля до «elan vital» Анри Бергсона. Еще Лейбниц (1646—1716) представлял себе космос как царство ступенчатых монад, непрерывно связанных друг с другом, но отнюдь не переходящих друг в друга, во главе с высшей монадой, которая есть бог. Женевский натуралист Charles Bonnet (1720—1793) — в своем Traité d'Insectologie — построил целую «лестницу естественных существ» (échelle des êtres naturelles), включающую и ангелов, серафимов и херувимов, созданных божеством. Знаменитый шведский натуралист Линней считал, что видов существует столько, сколько их сотворило «бесконечное существо». «Tot numeramus species, quot ab initio creavit infinitum ens». «Species tot sunt, quot formae ab initio creatae sunt». В своей речи «De telluris habitabilis incremento» он серьезно заявляет, что «рай» был островом под экватором, ибо: «если бы от сотворения мира твердь была так же велика и суша нашего земного шара так же распространена, как теперь, то Адаму было бы трудно, даже невозможно, найти всех животных».[1] Знаменитый Кювье стоял на точке зрения одного творческого акта, но уже его ученик д'Ор-

[1] Heinrich Schmidt. Geschichte der Entwicklungslehre. Alfred Kröner Verl. Leipzig. 1918. S. 271. (Однако у него есть и другие высказывания. См. назв. соч., стр. 464). См. также: H. F. Osborn. From the Greeks to Darwin. London. 1929. С другой стороны: E. T. Brewster. Creation. A History of Non-Evolutionary Theories. Indianopolis. The Bobbs-Merrill Company. 1927.

бинье ввел повторные творческие операции господа в связи с повторными геологическими катастрофами.[2] Разумеется, и Дарвин имел своих отдаленных и близких предшественников. Великие построения никогда не возникают, как deus ex machina; они имеют, как и все на свете, историю своего возникновения. Сам Дарвин в предисловии к американскому изданию «Происхождения видов» называет целый ряд авторов, трудами которых складывалась новая теория, в том числе Жоффруа Сент-Илера и Ламарка. Исключительное влияние на Дарвина оказал геолог Ляйэлл, этот антипод Кювье. Однако — как совершенно справедливо говорит в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс — «не следует забывать того, что во времена Ламарка науке далеко еще не хватало материала, чтобы высказаться по вопросу о происхождении видов иначе, чем в виде пророческих, так сказать, предвосхищений». Интересно, между прочим, отметить, что основатель «критической философии» и автор «Всеобщей естественной истории и теории неба», И. Кант, подойдя совсем близко к идеям изменения видов, отшатнулся от них, ибо они «так чудовищны, что разум с дрожью отступает перед ними (vor ihnen zurückbebt).[3]

Происхождение видов, в частности происхождение человека, законы органической эволюции, как естественно-исторические законы, — вот проблема, которую поставил и решил Чарлз Дарвин. Его работа, в основе своей обусловленная техническим прогрессом капитализма и борьбой его с феодальными традициями, была окружена атмосферой напряженного умственного творчества. В 1842 и 1845 гг. Роберт Майер обосновал «закон сохранения силы», в 1844 г. вышли знаменитые «Химические письма» Юстуса Либиха; за год до появления «Происхождения видов» Рудольф Вирхов обосновал целлюларную патологию («Лекции врача по целлюларной патологии»); в 1860 г. Марселен Бертло издал свою «Органическую химию, основанную на синтезе» («Chimie organique, fondée sur la synthèse»); в 1861 г. Пастер выступил со своими открытиями по микробиологии. На другом полюсе общества это время дало: в 1845 г. — «Святое семейство», в 1847 г. — «Манифест Коммунистической Партии», в год издания «Происхождения видов» — «Zur Kritik»;

---

[2] Ю. Филипченко. Эволюционная идея в биологии. М. Изд. Сабашниковых. 1923. Стр. 29.

[3] H. Schmidt, l. c., S. 64.

а в 1867 г. вышел первый том самого великого творения Маркса.

Итак, Дарвин начинает от практики. Из наблюдений над материалом «искусных заводчиков» он заключает: 1) об изменчивости организмов, 2) о наследственной передаче части изменений, 3) о произвольном направлении органических изменений путем скрещивания и искусственного отбора. Затем Дарвин ставит аналогичный вопрос уже по отношению к стихийным процессам органической природы. Что з д е с ь заменяет регулирующее искусственное влияние человека? Каков стихийный регулятор процесса органических изменений, дающих ему то или иное направление? На это Дарвин отвечает: «борьба за существование», «struggle for life», «естественный отбор». Его основа — противоречие между огромной воспроизводительной силой и ресурсами питания, а также другими необходимыми для организмов ресурсами окружающей природной среды.

> «Борьба за существование, — пишет Дарвин, — необходимо вытекает из быстрой прогрессии, в которой стремятся размножиться все органические существа. Всякий организм, производящий в течение своей жизни много яиц или семян, должен подвергаться истреблению в известные возрасты или в известные времена года; не то, в силу геометрической прогрессии, число его потомков быстро возрастало бы так безмерно, что никакая страна в мире не была бы в силах их пропитать. Следовательно, так как родится больше особей, чем сколько может их выжить, во всяком случае должна происходить борьба за существование либо с особями того же вида, либо с особями другого вида, либо с физическими условиями жизни».[4]

Какие же особи выживают? Те, которые приспособлены к среде. Любое отклонение, хотя бы самое небольшое, обеспечивающее большую приспособленность, есть лишний шанс на выживание. При массовости процесса мы получаем закон: выживают наиболее приспособленные. «Борьба» губит слабых, поддерживает сильных. «Борьба» выпалывает неприспособленных, как садовник выпалывает из грядки неполноценные экземпляры растений. Борьба, следовательно, отбирает по признакам объективно полезных организму

[4] Ч. Д а р в и н. Происхождение видов, стр. 50.

отклонений; «естественный подбор» подхватывает эти отклонения, передаваемые по наследству, закрепляет и усиливает их. Так, на основе индивидуальных отклонений, причины которых разнообразны и многозначны, т. е. случайны в объективном смысле слова, получается закономерность направленности изменений, закономерность естественного отбора. Это и есть основной закон развития органического мира, открытый Дарвином. Таким образом, процесс в целом складывается по Дарвину: 1) из изменчивости, 2) из наследственности, 3) из естественного отбора. Эти три фактора Дарвин монически синтезирует, причем примат принадлежит у него естественному отбору, как формирующему принципу, определяющему процесс эволюции вида, взятый в его целом. Из этого, однако, вовсе не следует, что Дарвин не делал никаких попыток анализировать причины отклонений, являющихся, так сказать, сырым материалом для процесса отбора, и не ставил перед собою вопроса о законах наследственности, которые — метафорически говоря — используются его механизмом. На вопрос о наследственной изменчивости Дарвин, не дав здесь строго выдержанной научной концепции, отвечал очень просто: по его мнению, приобретенные признаки по правилу все наследуются. Здесь он, как показало дальнейшее развитие науки, явно ошибался. На вопрос о причинах изменений он отвечает следующим образом: «Изменчивость подлежит множеству неизвестных нам законов, из которых особенно важен закон соотношений развития. Некоторую долю изменений следует приписать прямому действию жизненных условий, некоторую — употреблению и неупотреблению органов. Окончательный результат, таким образом, становится бесконечно сложным».[5] Здесь Дарвин в значительной мере использует работы своих предшественников: Кювье (соотносительная — «correlated» изменчивость Дарвина соответствует «corrélation organique» Кювье) и Ламарка (прямое влияние среды, упражнение или неупражнение органов, как причины изменений). Особняком, но в связи с теорией наследственности стоит у Дарвина его так называемая «временная гипотеза», учение о «пангенезисе», которое сам Дарвин считал впоследствии «вздором» и которое несущественно с точ-

[5] Ч. Дарвин, l. c., стр. 33. См. также: Ч. Дарвин. Прирученные животные и возделанные растения, том II, главы о законах изменчивости.

ки зрения его концепции в целом.[6] Итак, для дарвинизма, как определенной биологической теории, специфическим, существенным, резко выделяющим эту теорию от всех других теорий эволюции моментом является учение об естественном отборе: именно в этом, а не в чем-либо ином и заключается научная «суть» дарвинизма. Но Дарвин проделал и дальнейшую работу: он включил в цепь органической эволюции и человека, как биологический вид. Он рассмотрел и этот «венец творения» естественно-исторически, как необходимый и закономерный исторический результат органической эволюции. В своей работе «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Дарвин чрезвычайно смело по тогдашним временам заявляет:

> «Тот, кто не смотрит, подобно дикарю, на явления природы как на нечто бессвязное, не может думать, чтобы человек был плодом отдельного акта творения. Он должен будет признаться, что великое сходство между человеческим зародышем и зародышем, например, собаки, тождество плана в строении черепа, конечностей и всего тела, независимо от употребления, которое могут иметь эти части у человека и других млекопитающих; случайные возвраты различных образований, напр. особенных мышц, которых человек обыкновенно не имеет, но которые свойственны четырерукими, и множество других аналогичных фактов, — что все это ведет весьма положительным образом к заключению, что человек и млекопитающие произошли от одного общего прародителя».[7]

Необходимо помнить, что именно на этот вопрос было наложено священное табу всеми богословами, учеными, философами и так называемым «общественным мнением»: как раз здесь обретался тот punctum saliens, перед которым в величайшем смятении остановился даже кантовский «Чистый

---

[6] См.: E. Study. Eine lamarckistische Kritik des Darwinismus. Sonderabdruck aus der Ztschr. für induktive Abstammungs — und Vererbungslehre. 1920. Bd. XXIV. Heft I: «Dahin gehört... Darwins «provisorische» Pangenesishypothese, zu der Darwin nicht wegen der Selektion, sondern wegen des lamarkistischen Faktors in seiner Theorie sich genötigt glaubte» (S. 57).

[7] Ч. Дарвин. Происхождение человека. СПб. 2-е изд. 1983. Т. II. Стр. 293.

Разум». Необходимо помнить, что как раз боязнь этого тезиса была тем тяжелым прессом, который давил на развитие биологии как науки и превращал ее в своеобразный привесок догматического богословия и теологизирующей фантастической натурфилософии. Дарвин проломил здесь огромную брешь и сразу продвинул науку на неизмеримо более высокую ступень ее развития: именно Дарвин доказал факт и объяснил механизм органической эволюции, объяснил исторически факт разнообразия видов, их трансформацию, явления так называемой целесообразности в органическом мире — проблема, которая являлась камнем преткновения для научного мышления и золотоносной жилой для «старателей» из лагеря теологии и метафизики — включив в эволюционный исторический ряд и носителя «божественной искры», человека.

Разумеется, нельзя требовать от Дарвина того, чтобы все без исключения его теоремы оправдались в ходе дальнейшего развития науки: многое из теперь известных фактов и обобщений он просто не мог знать, как не мог, например, знать теории империализма или искусства управления автомобилем системы Форда. Его научное величие отнюдь не пострадало от того, что частые элементы его теории (пангенезис, наследование приобретенных признаков и т. д.) оказались превзойденными и отброшенными дальнейшим прогрессом биологии: существенно как раз то обстоятельство, что сердцевина его теории — учение о селекции — целиком выдержало, в боях с антидарвинизмом, суровую историческую проверку. Эта проверка касается прежде всего двух основных пунктов: 1) вопрос об изменчивости, ее характере и ее отношении к селекционному принципу; 2) вопрос о значении отбора в общем процессе эволюции. Современная генетика, наука, порожденная в значительной мере самим развитием дарвинизма, ставит своей специальной и специфической задачей раскрытие законов наследственности и изменчивости.[8] За весь последарвиновский период накопилось огромное количество новых фактов, новых экспериментов, новых проблем. Дарвин констатировал многочисленность и многозначность факторов, обусловливающих изменчивость и пестроту самой этой изменчивости как в приспособительном характере этой изменчивости (полезные,

[8] См.: W. E. Castle. Genetics and Eugenics. Cambridge, 1930. «This things (данные соврем. генетики. — *Н. Б.*) came as fruits of the evolution theory» (44).

вредные, нейтральные вариации), так и в ее степени (незаметные отклонения и крупные «скачки», вооде указанных Дарвином «sporting plants», окрещенных де-Фризом «мутациями»).

Современная генетика подтверждает этот взгляд Дарвина. Опыт показал, что: 1) на организмы действуют самые разнообразные факторы, вызывающие те или иные мутации (воздействие рентгеном, радием, ультрафиолетовыми лучами, температурой и т. д.); 2) одинаковые факторы могут вызывать в принадлежащих к одному виду организмах различные мутации (напр., разные мутации у Drosophila под влиянием одинаковых доз рентгеновских лучей); 3) разные факторы могут вызывать одинаковые мутации; 4) мутации не только качественно, но и количественно носят самый разнообразный характер; 5) пестрота мутаций, однако, имеет известные границы, в пределах которых и колеблются соответствующие наследственные изменения: об этом, по-видимому, между прочим, и говорит так называемый «закон гомологических рядов» Н. Вавилова, являющийся пока «эмпирическим законом» (родственные систематические единицы дают сходные ряды мутаций). Разумеется, дело не в одних только мутациях в смысле де-Фриза, ибо они не являются монопольным поставщиком материала для механизма отбора. Нельзя, по-видимому, наголо отрицать и случаев прямого действия среды, и постольку некоторые элементы ламаркизма не просто должны быть отвергнуты, а лишь, выражаясь гегелевским языком, «сняты». Но уже одной теорией мутаций опрокидывается ламаркистская концепция прямого приспособления, которая пытается объяснить эволюционный процесс без отбора, полагая, что воздействия внешней среды обязательно вызывают необходимую целесообразную реакцию, передающуюся — точно так же в обязательном порядке — по наследству.

С другой стороны, и другие попытки построить эволюционную теорию, выключая механизм отбора, оказались не в состоянии материалистически объяснить процесс трансформации органического мира: все они неизбежно скатываются к телеологической концепции, роковым образом вводящей в той или иной форме старинную мистику аристотелевой «энтелехии». Крупные открытия генетики (учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение «о чистых линиях» Иогансена, обобщения американской школы во главе с Морганом) ни в

коей мере не затрагивают основ дарвинизма и могут быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма.

Таким образом, позднейшее развитие науки подтвердило основные положения дарвинизма. По Дарвину, изменчивость не имеет строго направленного (так называемого «ортогенетического») характера, и соответствующие изменения могут быть — как мы упоминали — либо полезны, либо нейтральны, либо вредны. Другими словами, «совершенствование», возрастающая приспособленность, эволюция объясняется не изменчивостью, взятой «в себе», а отбором на основе изменчивости. Бесконечное количество опытов показало, что изменения действительно не имеют однотипной направленности, и их законы являются неизмеримо более сложными, хотя диапазон возможных вариаций и имеет известные границы. Развитие генетики показало также громадное значение наследственных комбинаций (менделевские соотношения). У Дарвина этот фактор, как материал для механизма отбора, почти отсутствовал. Но совершенно очевидно, что он может быть включен в концепцию Дарвина без всякого для нее вреда, ибо здесь ни в малой степени не затрагиваются роль и решающее значение механизма отбора. Ламаркисты и автогенетики нападают именно на этот пункт и терпят здесь наиболее жестокое поражение. Отбор есть реальный фактор, объективный закон развития органической жизни, а отнюдь не «чисто логическая» конструкция. Отбор, с другой стороны, отнюдь не есть «чисто негативный» фактор, ибо как раз он и оказывается решающим для направления эволюции. Именно здесь лежит основная закономерность развития. Но из этого не следует, что не нужно искать и специфических закономерностей изменчивости и наследственности, на базе которых действует механизм отбора со своей решающей закономерностью. Здесь еще — огромнейшее поле работы. Значительные успехи достигнуты в области изучения законов наследственности (напр., законы образования новых комбинаций на основе работ Менделя-Моргана); что касается закономерностей изменчивости, то здесь выяснен ряд лишь очень приблизительных «эмпирических» закономерностей. Однако, каковы бы ни оказались законы изменчивости, это не разрушило бы концепции Дарвина, как синтетической теории эволюции, где закономерности изменчивости и наслед-

ственности соподчинены основной закономерности естественного отбора.[9]

Яркую общую характеристику дарвинизма дал Фридрих Энгельс еще в 1859 году в своем письме к Марксу. «До сих пор, — писал Энгельс, — еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом». Эта характеристика была целиком оправдана всем развитием общей биологии, ее частных дисциплин, прогрессом смежных отраслей знания и исключительной ролью дарвинизма, как несокрушимого оплота науки в ее борьбе с виталистической мистикой.[10]

---

[9] Поэтому неправильны и возражения, напр., Kronacher'a: Züchtungslehre. Eine Einführung für Züchter und Studiernde. Berlin. Verl. Paul Parey. 1929. S. 6.

[10] Здесь необходимо отметить, что у Маркса и Энгельса были крупнейшие разногласия по поводу оценки различных факторов дарвиновской теории и что Маркс долгое время стоял на точке зрения, довольно резко расходящейся с дарвинизмом. В письме к Ф. Энгельсу от 7 авг. 1866 г. Маркс, сообщая своему другу о книге P. Tremaux (Origine et transformations de l'Homme et des autres Etres, Paris. 1865), пишет: «При всех замеченных мною недостатках, это очень значительный прогресс по сравнению с Дарвином. Его два главных положения: croisements порождают не различия, как обыкновенно полагают, но, наоборот, — типическое единство вида. Напротив, геологические наслоения создают различия (не сами по себе, но в качестве главнейшей основы). Прогресс — у Дарвина чисто случайный — здесь вытекает с необходимостью, на основе периодов развития земного шара... Такою же необходимостью является постоянство... однажды сложившегося espèce...» и т. д. Энгельс взял Тремо под энергичнейший обстрел и разгромил его в ответных письмах к Марксу. Его общее заключение: «Книга ничего не стоит, это чистая конструкция, которая вопиюще противоречит всем фактам» (письмо от 2 окт. 1866 г.). В письме от 5 окт. Энгельс дает подробный разбор Тремо. Во всей этой переписке сугубого внимания заслуживает то обстоятельство, что Маркс отнюдь не предлагает успокаиваться на случайных (хотя бы и в гегелевском смысле) изменениях, а считает нужным и здесь искать необходимые закономерности. Это ad notam восторженным почитателям комбинации случайного и необходимого в дарвиновой теории. См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения. Том XXIII. ГИЗ. 1930. Что касается телеологической мистики, то Дарвин со скрытой иронией цитировал в свое время Ходэна с его finalité: «puissance mysterieuse, indeterminée; fatalité pour les uns; pour les autres, volonté providentielle, dont l'action incessante sur les êtres vivants détermine, à toutes les époques de l'existence du monde, la forme, le volume et la durée de chacun d'eux, en raison des déstinés dans l'ordre des choses dont il fait partie. C'est cette puissance qui harmonise chaque membre à l'ensemble en l'appropriant à la fonction qui est pour lui sa raison d'être». (Ч. Дарвин. О происхождении видов, предислов. к америк. изданию).

III. ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ

В речи над гробом Маркса (17 марта 1883 г.) Энгельс говорил:

> «Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, до сего дня скрытый под идеологическими нагромождениями факт, что люди должны в первую очередь есть, пить, где-нибудь жить и одеваться, прежде чем они смогут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что, следовательно, производство непосредственных материальных средств к жизни и вместе с тем каждая (jedesmalige) экономическая ступень развития народа или какого-либо отрезка времени образуют основу, на которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, представления в области искусства и даже религии соответствующих людей и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это случалось до сего времени».[1]

Эта мысль Энгельса о соотношении между дарвиновскими законами исторической эволюции органического мира и марксовыми законами исторической эволюции человеческого общества, между исторической трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур можно было бы хорошо иллюстрировать на сопоставлении заключительной страницы «Происхождения видов» и вводной страницы «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Подобно тому, как Дарвин сжато формулирует материалистическую основу изменяемости видов, формулируя селекционную теорию, Маркс дает классическое чеканное выражение теории исторического материализма.[2] Внутреннее родство теоретических постро-

---

[1] Friedrich Engels. Rede am Grabe von Karl Marx. Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Verl. für Lit. und Politik. Wien-Berlin.

[2] См. Charles Darwin. On the Origin of species. London. 1901: «These laws, taken in the largest sense, being Growth with Reproduction; Inheritance which is almost implied by reproduction; Variability from the indirekt and direkt action of the external conditions of life, and from use and disuse; a Ratio of Increase so high as to lead to a Struggle for Life, and as a consequence to Natural Selection, entailing Divergence of Character and the Extinction of

ний вытекает здесь из внутреннего родства объектов исследования: ибо само человеческое общество есть звено в цепи исторического развития. Оно есть продолжение органической эволюции, но продолжение качественно особое, специфическое, имеющее поэтому, несмотря на общую основу, свои исторические закономерности, свой особый, свойственный только обществу, тип развития. Материальное единство мира (или единство материального мира) не состоит из голой тождественности его элементов: оно в то же время состоит из их различия, их объективной качественной особенности. Поэтому и единство неорганического, органического и социального моментов предполагает их различие. Главный недостаток механического материализма, недостаток, питающий однобокость и фальшь всех идеалистических построений, заключался именно в том, что он не видел качественных особенностей, вводил универсальную количественную обезличку, крайне обеднял действительность, был абстрактен, антиисторичен, «сер» и не мог поэтому втиснуть богатое многообразие природы и общества

---

less-improved forms. Thus, from the war of nature, from famine and death, the most exalted object which we are capable of conceiving, namely, the production of the higher animals, directly follows» (p. 376). («Эти законы, в обширнейшем их смысле, суть развитие и воспроизведение: наследственность, почти необходимо связанная с воспроизведением; изменчивость, обусловленная прямым или косвенным действием внешних условий жизни и употреблением или неупотреблением органов; прогрессия размножения, столь быстрая, что ведет к борьбе за жизнь, а следовательно, к естественному подбору, включающему расхождение признаков и вымирание менее совершенных форм. Так, из войны в природе, из голода и смерти, непосредственно следует самое высокое явление, какое мы можем себе представить, а именно производство наивысших животных»). Ср. с этим: K. Marx. «Zur Kritik der Politischen Oekonomie», Vorwort: «In der gesellschaftlichen Production ihres Lebens gehen die Menschen bestimmte, notwendige, von ihrem Willen unabbängige Verhältnisse ein, Produktionsverhältnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe ihrer materiellen Produktivkräfte entsprechen. Die Gesamtheit dieser Produktionsverhältnisse bildet die ökonomische Struktur der Gesellschaft, die reale Basis, worauf sich ein juristischer und politischer Ueberbau erhebt, und welcher bestimmte gesellschaftliche Bewusstseinsformen entsprechen. Die Produktionsweise des materiellen Lebens bedingt den sozialen, politischen und geistigen Lebensprozess überhaupt. Es ist nicht das Bewusstsein der Menschen, das ihr Sein, sondern umgekehrt ihr gesellschaftliches Sein, das ihr Bewusstsein bestimmt. Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Produktivkräfte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Produktionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür ist, mit den Eigentumsverhältnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Produktivkräfte schlagen diese Verhältnisse in Fesseln derselben um. Es tritt dann Epoche sozialer Revolution ein. Mit der Veränderund der ökonomischen Grundlage wälzt sich der ganze ungeheure Ueberbau langsamer oder rascher um».

в прокрустово ложе своих исключительно количественных теорем.[3] Родство органической эволюции и социальной истории отнюдь не есть их тождество. Поэтому нелепо переносить законы биологии на явления общественной жизни, точно так же, как, например, нелепо было бы переносить, скажем, «законы кратных отношений» из химии на развитие видов или таблицей Менделеева объяснять происхождение человека. Но если нелепо переносить законы физики и химии непосредственно на биологию, то так же неостроумно переносить законы биологии на историю общества. С другой стороны, эта нелепость ни в малой степени не опровергает исторического происхождения органического мира из неорганического, исторического развития общества из развития и трансформации биологических видов.

Если мы стали бы искать аналогий в теории подбора и в теории исторического материализма, мы могли бы говорить об известной аналогии между «органами» животных и техническими «орудиями» человека, между «видом» и «обществом», между «образом жизни» («Lebensweise») и «способом производства материальной жизни», между трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур, между эволюцией организмов, сопряженной с эволюцией естественных органов-орудий, и сменой общественных формаций, сопряженной с изменением в системах искусственных орудий труда. Но из этих аналогий никоим образом нельзя «выводить» общих законов какого-либо «био-социологического» порядка: это значило бы зачеркивать весь реальный исторический процесс, создавший новые качества, принципиально новые, специфи-

---

[3] «В Бэконе, как первом творце материализма, в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности. В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому, или математическому движению, геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть человеконенавистнический, бесплотный дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное существо, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка». (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. III. Святое семейство. Стр. 157).

ческие, закономерности; это значило бы не видеть тех огромных, исторически возникших различий, которые появляются вместе с возникновением «производящего общества». В подобную ошибку, которая имеет и свои социально-классовые основания, впадают все направления и оттенки так называемой органической школы в социологии (Конт, Спенсер и его школа, Вагнер, Шеффле и их новейшие эпигоны, а также вся школа так называемых «социальных дарвинистов»). Не имея никакого познавательного значения, упражнения такого рода ученых вырождаются в игру понятиями, классификациями, бесконечными вымученными и часто курьезными схемами. Еще у Гоббса в «Левиафане» верховная власть государства — его искусственная душа, судейские чиновники — сочленения, награды и наказания — нервы и т. д. У Спенсера (ученика Конта и современника Дарвина) земледелие и промышленность — это органы питания, торговля — социальное кровообращение, полиция и армия — социальная защита; внешняя ткань (экзодерма) — класс военных и судей; внутренняя ткань (эндодерма) — класс земледельцев и промышленников; средняя ткань (мезодерма) — класс торговцев. Шеффле с величайшим тщанием перечисляет различные «органы» общества, его «центры», «ткани», «нервные узлы» и т. д. Из государствоведов нового времени Bluntschli писал о мужском поле государства и женской сущности церкви, а если брать новейшие примеры, достаточно назвать нашумевшую работу шведского социолога Rudolf'a Kjellen'a: «Der Staat als Lebensform», где мы, между прочим, читаем следующие рассуждения насчет сексуальных характеристик государств:

> «...все мы знаем «moder Svea», женщину, точно так же, как «la belle France», и не нужно долго перелистывать Review of Reviews, чтобы встретиться с «John Bull'ем» или «Uncle Sam'ом»... Правительства меняются, поколения сменяют друг друга, а государства, по-видимому, остаются теми же или изменяются, во всяком случае, со столетия на столетие... Они суть объективные реальности вне и над индивидуумами, и одновременно в них, и подчиняются по-своему власти основных законов жизни».[4]

---

[4] R. Kjellen. Der Staat als Lebensform. 4. Aufl. 1924. S. 36. Даже некоторые буржуазные ученые издеваются над органической школой. Так,

Все это в высокой степени напоминает акробатические фокус-покусы социологизирующих фрейдианцев (вроде Кольнаи), видящих в системе ломбардских оросительных каналов сублимацию уретрально-эротического характера, а в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» гомосексуальные влечения рабочего класса. Этот пошлый вздор есть неизбежное следствие механического перенесения биологических закономерностей на общество, приема, который с силой древнегреческой ἀνάγκη влечет к бессмысленной и пустопорожней словесной игре. Маркс, которого Л. Вольтман чуть ли не причисляет к лику святых органической школы,[5] едко высмеял подобную «методологию» в одном из своих писем к Кугельману:

> «Господин Ланге, — пишет он, — сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается во фразе «struggle for life», «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом, вместо того, чтобы анализировать struggle for life, как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «struggle for life», а эту

напр., у Лориа (Социология. СПБ. Изд. «Общественная Польза». 1903. Стр. 45) мы читаем: «Немецкий ученый Шеффле дошел прямо до смешного, перечисляя социальные полости, органы, сегменты, двигательные центры, нервы и нервные узлы. Но остальные социологи этой школы не более умеренны: они описывают социальное бедро, социальный главный симпатический нерв, социальные легкие; сосудистая система общества олицетворяется, по их мнению, сберегательными кассами; один сорбоннский профессор назвал духовенство ожиревшей... тканью.., другой социолог сравнивает нервные волокна с телеграфными проводами... Третий пошел так далеко, что различает государства мужские и женские: мужскими... являются государства, подчиняющие себе другие по праву завоевания, тогда как завоеванные государства... суть женские». Хорошую сводку новых упражнений на эту тему можно найти в работе Hans'a Kelsen'a: Allgemeine Staatlehre. Berlin. 1925. Verl. Julius Springer. S. 375 ff. Однако сам автор — кантианец, и его собственные построения, несмотря на остроумную критику органической школы, как крайней формы гипостазирования, поднятого до мифа, должны быть решительно отвергнуты по всему фронту.

[5] См. его статью в сб.: Дарвинизм и марксизм. ГИЗ Украины. Харьков. 1923.

фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. нельзя не признаться, что это очень глубокий метод — для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли».[6]

Чтобы понять закономерности общественно-исторической жизни, необходимо выйти за п р е д е л ы категорий биологии, ибо «вид» через «стадо» уже превратился в нечто совершенно особое, в производящее общество, с его особенностями и, следовательно, со специфическими определениями; со своими особыми «законами движения» и, следовательно, со своим особым теоретическим выражением этих законов. Исторически завязался новый «узел» — человеческое общество, имеющее свое собственное движение.

В и д — есть совокупность сходных организмов, дающих при скрещивании плодущее потомство и ведущих сходный образ жизни. О б щ е с т в о есть прежде всего совокупность производственных отношений, есть сотрудничество — противоречивое или «организованное», классовое или бесклассовое, опирающееся на систему орудий труда. О р г а н ы ж и в о г о играют «орудийную» роль. Работы ак. С е в е р ц о в а[7] особенно ярко подчеркнули тот факт, что приспособленность данного организма в среде есть не что иное, как приспособленность строения и функций орудий-органов, которые, в свою очередь, связаны со строением всего организма в целом. М а р к с, который называет «Происхождение видов» трудом, «создающим эпоху» («epochenmachendes Werk»),[8] считает теорию животных органов «естественной технологией». Но органы животного совсем не то, что о р у д и я о б щ е с т в е н н о г о т р у д а.

«Дарвин, — пишет Маркс, — обратил внимание на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов, как инструмент производства жизни растений и животных. Разве история образования производительных органов общественного человека, история материального базиса каждой особенной общественной организации не заслужи-

---

[6] К. М а р к с. Письма к Л. Кугельману. Пер. с нем. М. Ильиной, под ред. и с предислов. Н. Ленина. ГИЗ. Пб. 1920. Стр. 101.

[7] А. Н. С е в е р ц о в. Эволюция и психика. См. также: К. Т и м и р я з е в. Ч. Дарвин и К. Маркс, в сб.: Дарвинизм и марксизм.

[8] K. M a r x. Das Kapital. Volksausgabe. S. 288, Fussnote 31.

вает равного внимания? И не легче ли было бы ее создать (liefern), ибо, как говорит Вико, человеческая история отличается от естественной истории тем, что одну мы проделали, а другую нет? Технология раскрывает (enthüllt) активное поведение (Verhalten) человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, вместе с тем и его общественных жизненных отношений и вытекающих отсюда духовных представлений». [9]

Здесь Маркс блестяще вскрывает все принципиальное различие между системой натуральных органов и системой технических орудий труда, хотя и в том, и в другом случае говорит о «технологии». Органы — естественны. Орудия — искусственны. Органы образовались стихийно. Орудия сделаны человеком (человек, в отличие от животного, «a tool making animal»). Органы — средства пассивного приспособления. Орудия — инструменты активного приспособления. Поэтому история вида делается, а историю общества делают сами люди.

Вид — как мы упоминали — нечто совершенно отличное от общества. Искать во внутривидовых категориях общественные классы или наоборот — бессмысленно, хотя и там, и здесь есть «борьба». Маркс прекрасно выясняет и эту сторону дела с глубиной, которая подымает его на недосягаемую высоту по сравнению с пигмеями буржуазной социологии и кликушествующими ныне «социальными дарвинистами». В том же 1-м томе «Капитала» мы читаем:

> «Природа не создает, с одной стороны, — владельцев денег или товаров, а с другой — владельцев только собственной рабочей силы. Отношение это — совсем не естественно-историческое; столь же мало оно — общественное отношение, которое было бы общим для всех исторических периодов. Очевидно, оно само — результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда прежних формаций общественного производства».

Общественные классы предполагают средства производства, общественный труд, отношения собственности и т. д.

---

[9] K. Marx. l. c. S. 317, Fussnote 89.

Искать эти категории в недрах животного мира — значит стать на грубо антропо-социоморфическую точку зрения, поистине достойную дикаря. Легко понять поэтому, что «образ жизни» животных не то (и не может быть тем), что «способ производства» у общественного человека. Легко понять, что не может быть поэтому и одинаковой конкретной закономерности в «органическом» и в «социальном» круге явлений. Теория естественного подбора потому и неприложима к обществу, что она верна по отношению к животным видам. Теория исторического материализма потому и неприложима к животным видам, что она верна по отношению к человеческой истории. В сущности, сам Дарвин понимал, хотя и недостаточно отчетливо, огромную принципиальную разницу между развитием биологических видов и развитием общества. Мы уже видели, как он, в связи с теорией Мальтуса, делает замечание, что в обществе возможно искусственное расширение питательной (в широком смысле слова) базы через производство и, далее, регулирование процесса размножения. Эти замечания опрокидывают теорию Мальтуса, который оперирует с более или менее стационарной техникой (как и позднейшие мальтузиански окрашенные концепции, вроде пресловутого «закона убывающего плодородия почвы» или «diminishing returns»). Непонимание (или злостное игнорирование) этого факта как раз и лежит в основе «биологических», «органических» и т. д. «социологий», имеющих поэтому более или менее легко обнаруживаемое антиреволюционное острие.[10] «Людей можно отличать от животных по сознанию, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличаться от животных, лишь только начинают производить необходимые для своей жизни средства — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь».[11] Но законы

[10] См., напр.: Oscar Hertwig. Der Staat als Organismus. Jena. 1922, где мы читаем такие строки: «В своих крайних направлениях, как напр., в коммунизме, рабочий социализм со своими учениями противоречит (verstösst gegen) не только закону разделения труда и дифференциации, но и фактам размножения народонаселения; он противоречит, следовательно, двум естественным законам, которым подчиняется вся органическая жизнь» (S. 172).

[11] К. Маркс и Ф. Энгельс. О Фейербахе. Архив Маркса и Энгельса, кн. I.

движения материального производства, проходящего в конкретно-исторических формах общественного труда, есть нечто особое и специфическое, для чего биологические законы составляют лишь известную «естественно-историческую основу», как неоднократно выражался Маркс. Проблематика социологии не есть поэтому проблематика биологии и не может быть ею. История природы и история общества есть части единой истории. Величайшей заслугой Маркса было то, что он само историческое развитие общества включил в общую цепь развития. «Маркс, — писал Ленин, — рассматривает общественное движение, как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения (к сведению для гг. субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами).[12] Другими словами, законы истории общества суть тоже объективные законы, включенные, как звено, в совокупность законов движущейся материи. В этом смысле они естественно-исторические законы. Однако из этого отнюдь не вытекает голое тождество законов, которым «подчинены» качественно различные группы явлений объективного мира. Общество есть часть природы: оно не супра-натуральная, не «сверх-естественная» категория. Но в то же время оно в известном смысле не только отлично от природы, но и противостоит ей: это такой «составной элемент» природы, который активно приспособляется к ней, приспособляя ее к себе, подчиняя ее, овладевая ее законами, изменяя ее через и посредством процесса производства, производственной практики, порождающей процесс теоретического познания природы, в свою очередь опосредствующий материальный процесс труда. Поэтому разные фазы развития материи и разные, качественно отличные, формы ее движения имеют и свои отличные законы, свою специфическую научную проблематику. Здесь есть налицо специфичность объективных законов, относительная их особность, а не абсолютный разрыв, предлагаемый идеалистами, для которых человек выпрыгивает из системы объективных закономерностей, подлежит исключительному ведению телеологии и даже сам диктует

---

[12] Ленин. Что такое друзья народа... Соч. 1. 2-е изд. Стр. 94.

внешнему миру его законы. Качественные особенности закономерностей, но в пределах объективных закономерностей материального мира; смена одних закономерностей другими, более сложными, по мере того как мы идем по пути исторического развития материальных форм, от простых к более сложным, со все более богатым содержанием и нарастанием все новых «моментов» — такова точка зрения, адекватная действительности.[13]

Но из того обстоятельства, что животный мир отличается от человеческого общества, хотя последнее есть продукт исторического развития этого животного мира; из того обстоятельства, что органический мир отличается от неорганического, хотя он есть тоже его историческое порождение, не вытекает, однако, что не существует всеобщих связей всех явлений, всеобщих законов движущейся материи. Мир есть единство в многообразии и многообразие в единстве. Многообразие его раскрывается в специфических законах его различных качественных форм. Его единство вскрывается законами материалистической диалектики, которые являются самыми общими законами бытия и становления, законами, которые неразрывно связаны со всем многообразием специфических связей и закономерностей.

Дарвинизм — есть биологическая теория, имеющая огромное значение для всего мировоззрения. Впервые ею были вскрыты объективные законы развития органического мира. Впервые процесс развития этого мира был понят как естественно-исторический процесс. Впервые были вскрыты причинные основы целесообразности в природе, — загадка, которая до тех пор иллюзорно «разрешалась» апелляцией к мудрости и планам творца-вседержителя. Впервые человек, как биологический вид, сам был понят как продукт исторического развития. Но биологический вид «человек», «homo sapiens», сам исторически трансформируется в производящее человеческое общество. Закономерности развития вида трансформируются в закономерности историко-общественного развития. Качественно особым продолжением истории вида является история общества в чередовании его конкретных экономических формаций. Таким

---

[13] См.: Ф. Энгельс. Диалектика природы, passim. О соотношении законов биологии и истории см. также письма Энгельса к Лаврову.

образом, между дарвинизмом и марксизмом неизбежно возникает особая связь, диктуемая связью объектов познания, их исторической преемственностью и материалистической основой метода. Теория Дарвина более или менее непосредственно увязывается, таким образом, с теоретическими построениями Маркса. «Значительнее всего, — писал Энгельс в своей работе о Людвиге Фейербахе, — три следующие великие открытия, благодаря которым наше знание общей связи явлений природы сделало гигантские шаги. Первое — открытие клеточки... Второе — открытие закона о превращении энергии... Наконец, третье открытие сделано Дарвином». Оставалось еще общество и исторический процесс его развития. «В этой области, — продолжает Энгельс, — предстояло сделать то же, что и в области понимания внешней природы, — устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача, в конце концов, должна была привести к открытию всеобщих законов движения, господствующих в истории человеческого общества».[14] Эти «всеобщие законы» движения общества были открыты Марксом в его теории исторического материализма. Но Маркс этим не ограничился: он создал, с одной стороны, на базе развития классической немецкой философии, новую форму материализма, диалектический материализм, этот гениальнейший синтез синтезов; с другой — он вскрыл частные законы движения определенной общественной формации, «капиталистического способа производства», где с невиданной в истории идей прозорливостью предсказал неизбежное превращение капитализма в социализм через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. То обстоятельство, что марксизм есть грандиознейшее и самое величественное построение, какое только знала мировая история; то обстоятельство, что дарвиновская теория лежит на линии общей концепции марксистского материализма, делает необходимым включение этой теории в общее мировоззрение пролетариата. Но это включение отнюдь не означает «принятия» дарвинизма в его «химически чистом виде». Выше мы видели, что дарвинизм носит на себе родимые пятна своего социального генезиса. Его теологические привески есть механически прилепленные побрякушки, страха ради иудейска

[14] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах. (Разрядка наша. — *Н. Б.*).

помещенные на страницах дарвиновых работ: весь дух теории и даже все ее буквы вопиют против этого насильственного бесплатного приложения. Иначе обстоит дело с толкованием эволюции как только непрерывного процесса. «Natura non facit saltus» есть не случайная формула у Дарвина. На это Дарвину указывал еще Huxley, который, прочтя впервые «Происхождение видов», писал автору: «Что касается Вашей доктрины, то я готов взойти на костер для поддержания главы IX и большей части глав X, XI и XII...» И далее, перечисляя свои критические замечания, он прибавляет: «во-первых, Вы создали себе ненужную трудность, принимая так, без оговорок, Natura non facit saltus...»[15] Здесь у Дарвина налицо либерально-буржуазная трактовка эволюции, которая является истоком самых вульгарных последующих «эволюционистских» построений. Эту сторону дарвинизма необходимо подвергнуть остракизму. Таким образом, в своем очищенном и освобожденном от скверны виде дарвинизм включается в наше мировоззрение, что налагает на нас обязанность дальнейшей обработки проблем биологии при сознательном (а не стихийном) применении метода диалектического материализма.

IV. ДАРВИНИЗМ, МАРКСИЗМ, СОВРЕМЕННОСТЬ

Дарвинизм вырос из практики. Но, выросши из практики в мощное теоретическое построение, он сделался рычагом дальнейшего практического действия. Его значение во всем потоке общественно-исторической жизни развивалось по двум главным руслам: мировоззренческому, идеологическому, непосредственно связанному с практикой теоретической классовой борьбы, и производственно-техническому, непосредственно связанному с борьбой экономических общественных укладов, имевших, разумеется, своих классовых носителей. Через полстолетие после смерти великого биолога в корне изменилась вся историческая картина: другие сочетания экономических формаций, другое соотношение классовых сил, иные всемирно-исторические проблемы, иные масштабы, иные идеологии. Буржуазия в значительной мере перестала быть носителем технического прогресса и адекватного ему рационального познания.

[15] См.: А. Некрасов. Борьба за дарвинизм. Стр. 49—50.

Она уже ни в какой мере не ведет борьбы с идеологическим средневековьем: наоборот, она, кликушествуя против атеизма пролетариата, сама развивает — по всему фронту идеологии — телеологические и теологические тенденции. С другой стороны, впервые в истории пролетариат, как господствующий класс, класс-диктатор, имеет свой собственный экономический уклад, строящийся социализм. Поэтому, если ранее дарвинизм, включенный в общую цепь марксистского мировоззрения, играл роль тарана против теологии, то теперь — главным образом через генетику — он имеет для рабочего класса практическое значение и по линии производства. «В отличие от XIX века исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как инженер... Мы ставим перед собой совершенно конкретную, больше того, утилитарную задачу овладеть этапами формообразования, строительным материалом для того, чтобы на основе его развертывать творческую работу биолога по созданию видов и форм по произволу».[1] Огромные задачи социалистического строительства при соответствующих материальных предпосылках дают всей научной работе невиданную базу и невиданные возможности.

В области теоретической буржуазия переживает кризис исключительной остроты. Идет атака на самые основы рационального познания: громится принцип причинности, объявляется упраздненным детерминизм, устарелой — идея объективной закономерности вообще. Всерьез развивается — через многоразличные формы идеализма — тяга к мистике, магии, «парафизике», «астральным телам», таинственным «эманациям духа». Блестящие успехи физики (радиактивность, квантовая теория и т. д.) натыкаются на ограниченные методы познания и стремятся как бы замереть, передвигая мысль в область метафизики худшего сорта. Эддингтон прокламирует конец детерминизма, Эйнштейн объявляет пространство единственной реальностью, Дирак впадает в прямую мистику. В области биологии свирепствует витализм всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологетику. Известный дарвинист Ludwig Plate не гнушается «прилагать» биологические законы к обществу,

---

[1] Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции. Л., 1929. Ст. Н. И. Вавилова «Проблема происхождения культурных растений в современном понимании». Стр. 1—2.

в целях грубо-империалистической политики и вовне и внутри страны, объявляя религию «высшим добром» и обосновывая милитаризм тем, что «die ganze Natur ist militaristisch» («вся природа милитаристична»). Венский биолог K. C. Schneider объявляет галлюцинации «высшей реальностью», говорит о «духовном продолжении существования» («spirituelle Fortexistenz») человека за гробом. «Социальные дарвинисты», исходя из неравенства биологических расовых типов, стремятся придать ему характер вечного закона и обречь не-арийцев на перманентное пребывание в рабах, одновременно обрекая пролетариат на бесконечную эксплоатацию ad majorem gloriam «органической теории». «Арийская», «тевтонская», «бело-расовая» разнузданность доходит до крайних границ и до своеобразной циничной откровенности. Фашизм, так называемые «фундаменталисты» в Соединенных Штатах и другие аналогичные течения идут в ногу с откровениями Davenport'a, East'a, Lundborg'a, Lenz'a и других теоретиков современного обскурантизма. Таким образом, по отношению к дарвинизму, с одной стороны, мы имеем его полное отрицание: Driesch, столп и утверждение виталистической истины, объявляет его сплошным и смешным заблуждением; с другой — «социальные дарвинисты» «прилагают» закон естественного подбора к обществу, биологизируя социальные явления и объявляя биологически устойчивыми преходящие категории капиталистического общества. И в том, и в другом случае перед нами идеологическая реакция. Только марксистский синтез обеспечивает прогрессивную функциональную роль великому творению Дарвина.

Не иначе обстоит дело с другим руслом практического воздействия дарвинизма. Колоссальные технические успехи конца прошлого столетия и начала нынешнего не подлежат сомнению. Сам Дарвин писал еще:

«Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве; но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может дать им пищу, которою они не питались в своем естественном состоянии...».[2]

Это — явная ограниченность, продиктованная ограни-

---

[2] Ч. Дарвин. Прирученные животные и возделанные растения. Т. I. Пб., 1868. Стр. 2 (Разрядка наша. — *Н. Б.*).

ченностью современной Дарвину техники, ограниченностью производительных сил. С тех пор появился легион новых пород, изменился весь лик земли, естественный ландшафт превратился в производственный, в штандорты качественно различной продукции, в систему специализированных хозяйственных районов и зон. Но и здесь общий кризис капитализма делает свое дело. Он подрывает корни дальнейшего технического прогресса, он создает антитехническую идеологию, реакционную до мозга костей. В то же время в стране строящегося социализма создаются основы громадного расцвета технической культуры. Здесь впервые практически можно ставить вопросы о рациональном размещении производительных сил, о планомерной специализации районов, о распределении животных и растительных пород, о гигантских мелиорациях, о селекционной практике в масштабах громадных пространственных зон, о научном использовании ряда факторов и их комбинаций с точки зрения оптимальных результатов. Генетика, селекция, зоо- и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и новые, невиданные возможности практической реализации теоретических достижений — все это *пролетариат* подымает на щит. Дарвинизм становится таким образом *зоо- и фитоинженерией в общественном масштабе*. Будучи включен в марксистское мировоззрение, он функционирует одновременно и как пожиратель теологии и телеологии, как таран против виталистического мракобесия современной буржуазии, как самострел против «социального дарвинизма», так и в качестве *научной производительной силы*, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, превращающим сельское хозяйство в научно поставленную отрасль социалистической промышленности.

Вокруг проблем дарвинизма идет ожесточенная борьба течений, которая есть выражение и великих социальных конфликтов нашей эпохи. «Сумерки богов» капиталистического режима все сгущаются, и из мрачных облаков уже начинает сочиться зловещая кровавая роса. В полумраке этой эпохи, озаренной молниями революции, капиталистический мир выдвигает на сцену своих новых героев, которым уже не по плечу доспехи и латы рационального познания, технического прогресса, социального оптимизма. Унылые воители настоящего, неудачные душегубы будущего, они атакуют сейчас и дарвинизм, заменяя его мистическими концепциями, от витализма до оккультизма включительно. Они

же, не смущаясь, проституируют теорию отбора Дарвина, «применяя» ее к социально-историческим проблемам дня и строя самые бестиальные, самые постыдные концепции зоологического хищничества, циничного угнетения народов, оправдания и возвеличения наиболее грязных и кровавых сторон современного империализма. В боях — материальных и идейных — с капиталом, грозящим гибелью всей культуры, варварством и одичанием на долгие годы, — пролетариат берет то оружие, которое осталось ему в наследство от буржуазии. Он очищает его от ржавчины и мобилизует его как составную часть своих вооруженных сил. Против теологов, мистиков, кликуш — за рациональное познание; против идеалистов — за материалистическую диалектику; против виталистов — за очищенный дарвинизм; против проповедников кирки и лопаты — за технический прогресс; против капитализма — за революцию, за строительство социализма, за коммунизм. Так ставит сейчас вопрос история. Знамя прогресса выпало сейчас из рук дарвиновских искусных скотоводов и заводчиков. Оно в руках миллионных армий пролетариата.

УЧЕНИЕ МАРКСА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

(ОПЫТ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ХАРАКТЕРИСТИКИ)

ВВЕДЕНИЕ

В грозную и суровую эпоху катастрофического крушения капитализма, войн, революций, пролетарского Sturm und Drang'а могущественной, энергичной, разрушительной и творящей, выводящей из хаоса идеологией является р е в о л ю ц и о н н ы й м а р к с и з м, который в своей развитой и обогащенной форме выступает, как м а р к с и з м-л е н и н и з м. Этот факт не могут отрицать даже заклятые враги пролетариата, даже те, кто в героической борьбе и циклопических творческих усилиях нового, идущего к мировому господству, класса видят мрачное пришествие люциферова начала и кровавое подавление современного освободительного движения пролетариата рассматривают как элементарную предпосылку иллюзорного обновления гнилой буржуазной культуры. Марксизм есть, действительно, В е л и к а я Д о к т р и н а н а ш е г о в р е м е н и. Учение «красного доктора», как звали лондонские филистеры гения пролетарской революции, овладело миллионами: оно овладело массой, и масса овладела им. Но революционный пролетариат чрезвычайно далек от «vita contemplativa»: он является носителем «vitae activae», жизни бурной и деятельной; это он выражает все напряжение и все освобождающее «мучение» общественной материи, в победе разрешающуюся трагедийность исполинской исторической борьбы. Именно поэтому марксизм сформировался как его к л а с с о в а я идеология: марксизм есть мировоззрение пролетариата, которое, выросши из практики его борьбы и переплавив в реторте революционной критики все ценные завоевания эпохи

в драгоценнейший сплав, является самым совершенным практическим орудием революционного преобразования мира. Марксизм есть не догма, а «руководство к действию».

Здесь налицо небывалый охват масс in praxi: все действительно революционное движение века идет под этим знаменем, на всех континентах, во всех государствах, среди всех рас и наций.

Марксизм есть самое глубокое во всей истории человечества революционное учение. Как и сама пролетарская революция, он имеет две ипостаси единого целого: разрушительную, деструктивную, острый меч которой направлен против всего капиталистического миропорядка, от его экономических глубин до его ядовитых философских и религиозных рефлексов,[1] и созидательную, силы которой направлены на постройку новых, социалистических, форм общественного бытия и новой, социалистической, культуры. В СССР марксизм стал государственно признанной идеологией, вся концентрированная мощь которой является великолепным орудием грандиозного созидания нового общества. «Совокупный», «собирательный» рабочий в СССР, т. е. всеединство разнообразных рабочих сил этой стройки, есть коллективный «философ», который не только «объясняет» мир, но и самым решительным образом его «изменяет».

По своему огромнейшему массовому влиянию, по своей могучей революционно-преобразующей роли марксизм есть сам по себе явление совершенно своеобразное и исключительное. Между тем его противники и классовые ненавистники нередко трактуют его лишь как новое массовое вероучение. Верно, конечно, что человечество, на разных этапах своего развития, в лице совершенно разных классов, выдвигало идейные течения, которые поднимались мощными горными кряжами на поверхности общественной жизни, будучи идеологическими доминантами в течение длительных исторических периодов. Сюда относятся, прежде всего, владевшие миллионами умов религиозно-философские концепции, так называемые «мировые религии»: культы Египта и Вавилона, парсизм, религия Ягве, христианство, буддизм,

---

[1] Отсюда бешенство против марксизма со стороны идеологов и практиков капитализма. См.: Th. Nixon Carver. Capitalism sur vives. Current History. April. 1932; сводную работу W. Sombart'a: Der proletarische Sozialismus. 2 Bände; современную фашистскую литературу и т. д.; антимарксистская литературная продукция поистине необъятна.

конфуцианство, учение Магомета; сюда относятся европейские идеологии новейшего времени: идеология так называемого «Просвещения» в первую очередь. Последняя грандиозная философская доктрина европейской буржуазии — всеобъемлющая система Гегеля — уже никак не может идти в сравнение с ними по широте и глубине своего действительного влияния; да она и не претендовала никогда на то, чтобы рассматривать себя, например, как конкурента исторически сложившегося христианства: наоборот, она объявила себя его философской опорой. Марксизм выходит за все эти рамки: и по своему социальному генезису, и по своему логическому составу, и по своему общественному значению. В то же время он претендует на исключительность: он есть воинствующее учение, он «нетерпим» (хотя он критически усваивает все действительно ценное наследство буржуазной культуры); он рассматривает себя, как единственного последовательного носителя всех удушаемых капитализмом прогрессивных тенденций эпохи. Его социологическое самопознание выражается в формуле: выход из капитализма есть выход из прежних форм мышления, смена «способов представления». Марксизм сознает свое всемирно-историческое право на идеологическую гегемонию веков. И несмотря на это, — вернее, отчасти и поэтому — он превращается во всемирно-историческую массовую силу.

Одной из распространеннейших форм идеологической классовой борьбы с марксизмом является его трактовка как учения эсхатологического, со всеми сопутствующими моментами хилиазма, сотериологии, мифа. С этой точки зрения теория кризиса капиталистической системы, революционного переворота и т. д. представляется как апокалиптические «последние вещи» *τά ἔσχατα;* коммунизм как «тысячелетнее царство» хилиастов; пролетариат — как Мессия, а спаситель, Σωεήρ; прогнозы Маркса — как «пророчество» или «обетование»; анализ капиталистических противоречий — как обличение грехов мира; переход к социализму — как его «преображение» и т. д.[2] Все эти анало-

---

[2] См.: W. Sombart. Der proletarische Sozialismus. I. Bd. Jena. G. Fischer. 1924: «Der Glaube an den Sozialismus hat sich nun in die Form eines Mythos gehüllt... Das ist der Mythos vom verlorenen und wiederzugewinnenden Paradiese» (317). См. всю главу «Die mythische Begründung» (317—383; 423). См. также: Dr. Fritz Gerlich. Der Kommunismus als Lehre vom Tausendjährigen Reich. Verl. Hugo Bruckmann. München. 1920: «Im Marxismus steckt eine verderbte christliche Idee, nämlich ein materialistischer Chilias-

гии — словесная игра. Верно то, что различные типы эсхатологических идеологий (национально-революционных, революционных и даже контрреволюционных[3]) были связаны с более или менее крупными национальными и социальными движениями: и «еретические» движения в Азии, и иудейские «пророки», и первичное христианство, и огромное движение Ислама, и средневековые анабаптисты, и английские «истинные левеллеры», и целый ряд других движений «за веру» на самом деле выражали глубокие сдвиги общественного порядка. Но этого как раз не понимали противники Маркса; между тем то, что раньше трактовалось с точки зрения суверенной религиозной мысли, подлежит целиком научной трактовке, которая может быть лишь историко-материалистической.[4] Следовательно, приводимая историческая «аналогия» должна быть обращена против теологических исторических концепций, которые за религиозными формами борьбы, исторически неизбежными на опре-

---

mus» (S. 19); есть целая глава: «Der orthodoxe Marxismus als Chiliasmus» (17 ff.); J. Plenge. «Revolutionierung der Revolutionäre». Об эсхатологии и хилиазме см.: Jevons. An Introduction to the History of Religion. 1902; Max Weber. Gesammelte Aufsätze zur Religionssoziologie. 3 Bände. Tübingen, 1920; Steinbuchel. «Chiliasmus» in «Staatslexicon» («In Lassalle und trotz der positivistischen Geschichtsauffassung, auch in K. Marx lebt ein enthusiastischer Zukunftsglaube an das sozialistische Reich der humanen «Freiheit», das von dem gesellschaftlich, notwendigen Klassenkampf des zum «Erlöser» erhobenen Proletariats zur Befreiung der gesamten Menschheit... herbeigeführt werden wird»); «Eschatologie» u. «Chiliasmus» in «Die Religion in Geschichte und Gegenwart». 2 Bd. Tübingen Verl. von Mohr. 1910; Chiapelli. Le idee millenara del Christiani (1888); Ernst Troeltsch. Gesammelte Schriften. IV Bd. Aufsätze zur Geistesgeschichte und Religionssoziologie; hg. von Dr. Hans Baron, Tübingen, Verl. Mohr, 1925; особенно: «Glaube und Ethos der hebräischen Propheten» u. «Epochen und Typen der Sozialphilosophie des Christentums»; N. Berdjajew. Christentum und Sozialismus. Das Neue Reich. Wien — Innsbruck. Jahrg. 7. № 14 (1925).

[3] Контрреволюционные эсхаталогии и сотериологии имелись еще в Египте (ср. изыскания Эрмана в связи с вопросом о так называемом нашествии «гиксов»).

[4] Даже E. Troeltsch говорит об этом так: «Die neueren Methoden der Geschichtsforschung stehen unter dem starken Einfluss der soziologischen Denkweise, d. h. der Auffassung alles Geschehens in seinem Zusammenhang mit der gessellschaftlichen Lage, die ihrerseits wieder durch wirtschaftliche Verhältnisse und politische Machtverhältnisse bestimmt wird». (E. Troeltsch. Gesammelte Schriften. B. IV. S. 122). В исследовании базельского теолога C. von Orelli «Allgemeine Religionsgeschichte» (I. B., Bonn. Verl. A. Marcus u. E. Weber. 1921) мы читаем, напр., о современной религии в Японии: «Der Buddhismus ist am meisten Volksreligion, die Gebildeten halten sich an die Sittenlehre des Kongtse, der Schintoismus hat seine Stütze an Regierung und Politik» (S. 119).

деленных этапах общественного развития, проглядывают материальное содержание этой борьбы, то движение «общественной материи», которое имеет своих классовых носителей с исторически адекватными идеологическими «формами сознания».

Однако общее положение, гласящее, что любая идеология, любое мировоззрение, любое вероучение и любая доктрина имеют свои земные корни, отнюдь не есть аргумент за суммарное, безжизненно пустое и абстрактное, внеисторическое рассмотрение этих идеологий. Наоборот, общественная детерминированность их связана с проблематикой морфологического порядка, проблематикой конкретной фазы исторического развития, конкретного «способа производства», конкретного «способа представления», конкретных национальных и социально-классовых группировок, конкретных вопросов конкретной исторической борьбы. Это — с социологической стороны. Логический же состав, соответствующий своему социологическому эквиваленту, точно так же подлежит конкретному анализу. Только после такого анализа возможно научное суждение.

1. Социологически марксизм есть идеология революционного пролетариата, основного эксплоатируемого класса капиталистического общества, с его могущественной техникой, с его специфически исторической экономической формацией, с его огромной культурой вообще и научной культурой в частности, со специфическими «законами движения», со специфическими противоречиями и такими же специфическими перспективами перехода в другую общественно-историческую фазу развития. Как бы нас ни восхищали циклопические стройки Египта или Ассирии, римские дороги и акведуки, индийская архитектура, ткацкие изделия Китая — все же ни одна из «техник» прошлых исторических формаций не идет ни в какое сравнение с техникой машинного капитализма с его паровыми двигателями, дизельмоторами, сверхмощными электрическими машинами, с системой совершенных станков, телефоном и радио, авиацией и автотранспортом, телевидением и кино. Как бы внимательно мы ни анализировали развитие денежного хозяйства и зародыши ростовщичества и торгового капитала в Вавилоне и Китае, в Греции и Риме, в Карфагене и на берегах Малой Азии, эти моменты не идут ни в какое сравнение с современным мировым рынком. Как бы мы ни оценивали удельного веса рабских «мануфактур», вроде греческих «эргастерий», или незначительные порции наемного труда в прошлых исто-

рических эпохах, все же — и это основное — только новейшее время создало специфические отношения между владельцами средств производства и неимущими: отношения наемного труда в массовом масштабе как основу совершенно специфической формы эксплоатации. Пролетариат — это не античные рабы, не люмпены Рима, не ремесленники Греции, не крепостные и не колоны: это класс, лишенный средств производства, продающий свою рабочую силу, концентрированный в огромных массах, вышколенный механизмом капиталистического производства, способный к организации, самостоятельному действию и самостоятельному революционному мышлению. И точно так же капиталистическая буржуазия — не египетские теократы и не греческие торговцы времен Аристофана. Это новые социальные категории, это новые классы нового способа производства. Наконец, как бы мы ни ценили ученых старого Китая, блестящие догадки гениальных греческих натурфилософов, александрийских изобретателей, египетских геометров, алгебру Индии и арабов, астрономию Вавилона, — это только эмбрионы того, что дает могущественная точная наука современного капитализма. Марксизм есть продукт совершенно своеобразной эпохи и идеология совершенно особого класса, которого не знали прежние времена.[5]

---

[5] Имеется, в связи с огромным влиянием Маркса, целая необозримая литература по вопросу об определении капитала и капитализма. Экономисты и социологи (Бём-Баверк, Зомбарт, Макс Вебер и легион других), историки (Э. Мейер, фон-Белов, Допш), философы (напр., Зиммель) дают каждый свои определения. См. сводную работу Passow'a. Все эти определения стоят бесконечно ниже развитого Марксом учения о капитализме как особой историко-экономической формации. За последнее время, в связи с поворотом буржуазной идеологии от количественного анализа к качественному и в связи с увлечением гетеанской морфологией, имеются и попытки абсолютизирования морфологического начала, когда исторический процесс абсолютно и категорически разбивается на замкнутые и не связанные друг с другом круги. Это особо ярко выражено у O. Spengler'a (Untergang des Abendlandes. 2 Bände). Не говоря уже о совершенном непонимании внутренних закономерностей исторического процесса у Шпенглера, следует заметить, что такая точка зрения безжизненно схематична и антидиалектична, ибо своеобразие не отрицает ни наличия связи, ни перехода одного в другое, ни присутствия моментов прошлого в «снятом» виде; но это — особая тема. Кстати заметим, что один из самых крупных «критиков» Маркса E. Hammacher (Das philosophisch-ökonomische System des Marxsismus. Leipzig. Verl. Duncker u. Humblot. 1909) оценивает Маркса прежде всего как историка; «Dagegen sind Marx und Engels anzuerkennen als Historiker selbst. Nach verschiedenen Richtung. Einmal für die Vergangenheit, wo namentlich auf dem Gebiete der

2. Логически марксизм есть научная система, научное мировоззрение и научная практика, и уже по одному этому не подлежит нелепому «сведению» к иудейским пророкам, средневековым таборитам и т. д. с соответствующими эсхатологиями. Совершенно вздорным является приравнивание научных прогнозов Маркса к эсхатологическим утопиям. Все попытки логического разгрома марксизма, опровержения его прогнозов, попытки quasi-научных доказательств его логической несостоятельности сами потерпели грандиозное крушение под тяжелыми ударами действительности. Мечущимся буржуа остается объявить теперь мифом самый факт всеобщего кризиса капитализма, самый факт пролетарских революций, самый факт существования СССР. Но это значит ставить на голову действительный мир действительных отношений. В 1909 г. В. Зомбарт писал: «В 1883 г. Маркс считался всеми теоретиками бужуазной ориентации (bürgerlicher Observanz) давным давно «опровергнутым». [6] В том же сочинении сам он заявлял: «Маркс теоретически и практически «преодолен» (überwunden), он исчерпал свою историческую миссию». [7] А в 1923 г. его ученик Arthur Prinz приходит к такому заключению: «Если когда-либо «одна-единственная мысль» давала столетиям другую форму (Gestalt), если когда-либо отдельный человек тем, что от него исходило, навязывал целой эпохе (Zeitalter) специфические черты (das Gepräge), то это — Карл Маркс и его теория крушения капитализма. Если половина земного шара, от Тихого океана до Атлантического, лежит сейчас в тяжелейших судорогах, которые К. Маркс приветствовал бы как родные муки нового общества, то его деяния (sein Werk) являются одной из главных причин» [8] этого. С точки зрения своего логического генезиса марксизм был гениальным творческим синтезом, возникшим на основе наиболее ценных мыслительных продуктов эпохи: великая идеалистическая философия Герма-

---

Wirtschaftsgeschichte seit dem Mittelalter durch Marx Bedeutsames geleistet worden ist. Aber noch grösser steht er da als Geschichtsschreiber der grösskapitalistischen Gesellschaftsordnung» (S. 722).

[6] W. Sombart. Das Lebenswerk von Karl Marx. Jena. Gustav Fischer. 1909. S. 8.

[7] Ibidem, S. 1.

[8] Arthur Prinz aus Guatemala: Das Marxische System in psychologischer Betrachtung. Inaugural-Dissertation, genehmigt von der philosophischen Fakultät der Fr.-Wilh. Univ. zu Berlin. Tag der Promotion 2. Juni 1923. S. 193.

нии, критически переработанная и поставленная на ноги, преодоление фейербахианства и создание теории диалектического материализма, революционизирование итогов английской политической экономии от В. Петти до Рикардо и построение своей замечательной экономической теории; французский социализм и превращение социализма из утопии в науку — вот главные магистрали идейного генезиса марксизма, имевшего свои социальные корни в росте и оформлении как класса промышленного пролетариата. На базе изумительного и совершенного знакомства со всеми дисциплинами, на основе упорного изучения современного естествознания, от математики до геологии, исключительного знакомства с литературой по истории всех времен и народов, самостоятельной упорной работы над первоисточниками, первоклассного знания мировой литературы и мирового искусства вообще, марксизм вырос как всеобъемлющая идеология титанического класса, оформленная титаническим гением Маркса. Поэтому эсхатологические фантазмы мятежных движений прошлых тысячелетий относятся к научным прогнозам Маркса, как магические формулы шамана к радиовещанию или книги по начальной алхимии к таблице Менделеева. Диалектический материализм, как учение о всеобщих связях и законах бытия и становления; теория исторического материализма, как учение о законах общественного развития; теория капиталистического хозяйства, его развития, его крушения; теория пролетарской революции и диктатуры пролетариата; гениальное научное предвосхищение дальнейшего развития (диктатура пролетариата, социализм, коммунизм) — это грандиознейшее научное мировоззрение, каких не знала ни одна прежняя эпоха. И именно поэтому революционная теория Маркса, организуя, сплачивая, ведя в бой миллионные массы пролетариев, оказала такое исключительное влияние на весь ход исторического развития.[9]

Ее влияние огромно не только на все международное рабочее движение, но и на официальную буржуаз-

---

[9] Насколько буржуазные ненавистники марксизма не сводят концов, достаточно здесь одного примера. Проф. Пленге (Johann Plenge. Die Revolutionierung der Revolutionäre. Der Neue Geist. Verl. Leipzig. 1918) одновременно недоволен тем, что Маркс не расписывал деталей «будущего общества» — это-де отсутствие конструктивной мысли; а с другой стороны, он же утверждает, что «durch Marx ist der Sozialismus nicht zur Wissenschaft, sondern aus der Utopie zur Prophetie geworden» (97), что марксизм есть «Ideologie der proletarischen Verheissung».

н у ю н а у к у. Оно выражается в разных формах: марксизм то является объектом ожесточенной критики, ибо мимо него пройти нельзя никому; то он является причиной антитетических построений, и его могущественный напор сказывается в теориях, где каждое принципиальное положение его берется с другим логическим знаком; то он служит источником, откуда усваиваются отдельные части, с обычным «смягчением» всех революционных «углов»; то он «принимается» для того, чтобы быть задушенным «посредством объятий» и т. д. При жизни М а р к с, страстно ненавидевший буржуазию и ее идеологов и, в свою очередь, смертельно ненавидимый ими, как известно, был окружен «заговором молчания». Его «признание» началось с признания как э к о н о м и с т а, затем оно продвинулось в области и с т о р и и и м е т о д о л о г и и и с т о р и и, и теперь оно начинает оказывать все большее влияние на ф и л о с о ф и ю и е с т е с т в е н н ы е н а у к и. В 1878 г. Adolf Held, [10] один из немногих экономистов, знавших работы Маркса, писал, что у него нужно различать два момента: «с одной стороны, элемент экономического социализма, то есть теорию ценности и дохода, которая, будучи рассматриваема сама по себе, правда, неверна и утопична (!! — *Н. Б.*), но вполне достойна того, чтобы быть обсужденной (diskutirt zu werden), и, с другой стороны, политически-революционный момент и лежащую в его основе материалистическую, противоречащую всем признанным законам морали (allen anerkannten Sittengesetzen widerstrebende) тенденцию». Этот богобоязненный профессор, у которого, кстати сказать, З о м б а р т почерпнул свое учение о дуалистической природе Маркса-ученого и Маркса-революционера, не подозревал, что в скором времени именно эта «тенденция» охватит даже его коллег железными клещами своей несокрушимой логики и что даже крупнейшие теологизирующие историки религий такого калибра, как E. T r o e l t s c h, должны будут делать заявления вроде следующих: «Из всех имевшихся решений вырастали новые проблемы... И тогда с величайшей силой захватило меня марксистское учение о базисе и надстройках...». [11] После М а р к с а, который дал могучее оружие в руки п р о л е т а р и а т а, буржуазная общественная наука переживает хронический упадок: ее

---

[10] A d o l f H e l d. Grundriss für Vorlesungen über Nationalökonomie. 2. Aufl. 1878.

[11] T r ö l t s c h, l. c., S. 11.

действительно ценные моменты, поскольку они вообще есть, в огромной степени имеют своим источником Маркса, который тем ожесточеннее критикуется, чем больше служит объектом трусливого обкрадывания и сознательного искажения. В области экономической литературы достаточно назвать учение Бём-Баверка как пример антитетического построения, опиравшегося на «критику» всех основ марксовой теории, учение, одно время господствовавшее в широчайших кругах университетской официальной науки; сюда же относятся Vilfredo Pareto и M. Pantaleoni; всем известно исключительное влияние Маркса на Зомбарта, Туган-Барановского, Бюхера, Ф. Оппенгеймера. В европейской экономической литературе нет ни одного мало-мальски крупного ученого, который теперь осмелился бы просто «замолчать» Маркса. В области истории и методологии истории теперь уже никто не решается пройти мимо так называемого «экономического фактора». Все выдающиеся историки так или иначе подпадают под влияние марксова гения: Максим Ковалевский, Эдуард Мейер, Лампрехт, Л. Гумплович, Фон-Белов, Допш, Матьез, Эритье, Зелигмэн, Виппер и др.; методологи и философствующие историки, а затем и философы отдают дань гению пролетариата: Бенедетто Кроче, Штаммлер, Макс Вебер, Трёльч, Тенниес, Зиммель, Лориа, Р. Михельс, Джентиле (теперешний официальный философ фашизма) — все они вкусили от древа познания добра и зла. Даже философы ультра-новейшей формации, такие как Max Scheler, теоретик католической философии современности, в огромной степени черпают «свои» идеи из величайшей сокровищницы марксова гения. Целые школы в других областях знания, смежных с историей, иногда развиваются под обаянием марксовой доктрины: такова была, например, вся антропологическая школа в Италии, во главе с Энрико Ферри. [12] Наконец, за самое последнее

---

[12] См. Roberto Michels. Storia del Marxismo in Italia. Compendio critico. Roma. Luigi Mongini. 1909, особенно глава: Lotte e influenze del marxismo nella scienza ufficiale (p. 91 sq.): «Il fatto più importante fu però l'influsso decisivo che il marxismo esercitò sulla nuova scuola criminalista-antropologica» (p. 92). «I modi con cui gli scienziati ufficiali si occupavano di Marx furono vari, ne possiamo qui additarli tutti. Ci basti dire che ci sono molti che, come per esempio Camillo Supino, pur non aderendo a tutte le dottrine del

время, в особенности под влиянием русской марксистской литературы, началось проникновение марксизма в область теоретического естествознания. Если раньше это наблюдалось главным образом в связи с вопросами биологии (специально тема: марксизм и дарвинизм), то теперь представители теоретической физики (напр., Ph. Frank) начинают вовлекаться в орбиту марксистских постановок различных методологических вопросов. Специально-критическая литература о Марксе необозрима.[13] Маркс есть центральная проблема идеологической жизни современности, точно так же, как коммунизм есть центральная проблема всего общественно-исторического развития нашего времени.[14]

Разумеется, это влияние Маркса на официальную науку имеет и другую сторону: буржуазная наука и сама и через теоретиков социал-демократии, этой агентуры буржуазного влияния на пролетариат, фальсифицирует и извращает Маркса: она его выхолащивает, она вытравляет из него революционное содержание, она до неузнаваемости извращает его; здесь между революционным марксизмом и ею — настоящие идейные баррикады. Но это обстоятельство, что она вынуждена таскать кое-какое оружие из арсенала своего противника, показывает, насколько велика идейная мощь великого теоретического творения Маркса.

Марксизм есть синтез революционной теории и революционной практики. Если небывало велико значение теоретической концепции Маркса, если под знаменами научного коммунизма сейчас идут миллионы — одни на

---

maestro, nelle loro pubblicazioni ne approfittano onestamente riferendosi spesso a brani dei suoi scritti e manifestando una profonda conoscienza delle sue dottrine». (93). В цитируемой книге имеется подробнейшая библиография по марксизму в Италии.

[13] См. по этому поводу библиографические работы E. Drahn'a. См. также: Bibliographie. Die Literatur über Marx, Engels und über Marxismus seit Beginn des Weltkrieges (mit Ausnahme der russischen). Zusammengestellt von E. Czobel und P. Haidu. Marx-Engels. Archiv. I. Band.

[14] В 1909 г. Зомбарт писал: «Marx ist zum Mittelpunkt aller irgendwie ernst zu nehmenden Erörterungen sozialwissenschaftlichen Inhalts geworden (Das Lebenswerk von Marx, S. 8). Теперь это воспроизводится на высшей ступени. См.: Tönnies. K. Marx. Leben und Lehre. Erich Lichtenstein Verl. Jena. 1921 («der merkwürdigste und tiefste Sozialphilosoph», «Entdecker der kapitalistischen Produktionsweise», «Marx wird... seinen Rang als eines epochenmachenden Mannes und Denkers durch Jahrhunderte behaupten». S. IX ff., S. 145). См. также: Sven Helander. Marx und Hegel. Jena. G. Fischer. 1922. S. 39, 54, 82.

штурм капитализма, другие — напрягая свои мускулы и нервы над практическими проблемами социалистической стройки, то тем самым дано общественно-функциональное значение марксизма. Человечество переживает эпоху, наиболее критическую. Катастрофа капитализма развивается. Мир расколот. Могучие массивы нового, социалистического, миропорядка уже сложились, как результат творчества победоносного пролетариата СССР. Марксизм начинает завоевывать себе все новые области. Маркс, многажды убиенный критиками и фальсификаторами, поднимается во весь свой рост, как всеобъемлющий гений веков. Марксизм непосредственно превращается в теоретическую практику и практическую теорию величайшего общественного переворота. Против него ополчаются в бешеной классовой борьбе все террористические и боевые силы умирающего старого мира, во главе с фашизмом, все их пособники, все их резервы. Лозунг фашизма: искоренить марксизм имеет поэтому глубочайший исторический смысл. Гегель говорит, что философия есть эпоха, выраженная в мыслях. Но наша эпоха есть эпоха величайшего раздвоения, ибо она есть эпоха рождения нового общественного строя, социализма; ибо она есть эпоха классовой борьбы, поднятой на такую принципиальную высоту, как никогда; ибо она есть эпоха, когда на всемирную арену истории, как ее грядущий творец, выступает новый класс, пролетариат, уже овладевший рулем власти, хозяйства и культуры на огромной территории Союза; ибо она есть эпоха, когда противоречия отживающего свой век капитализма свели его организм небывалой судорогой небывалого кризиса; ибо она есть эпоха, когда все действительные силы и потенции нового мира идут под лозунгами нового, беспощадно-смелого, научного и в то же время революционного учения, охватившего всю сумму проблем нашего времени, мировоззрения, творцом и основоположником которого был Карл Маркс. Буржуазия, напуганная и потерявшая уверенность в прочности своего режима, уходит в мистику и сочиняет свою апокалиптическую контрреволюционную эсхатологию. Пролетариат идет под знаменем революционной науки.

I. ФИЛОСОФСКИЙ СИНТЕЗ МАРКСА

Еще сравнительно недавно было чрезвычайно модным среди официальных ученых говорить, что в области философии Маркс по существу не дал ничего нового. Такой признанный философ, как Вильгельм Вундт писал в своем «Введении в философию»: «эта неясность метафизических предпосылок (марксизма. — *Н. Б.*) имеет свое понятное основание в том, что для социологического материализма вообще интерес имеют только практические вопросы. Поэтому у данной системы нет даже необходимой теоретической базы, которую она явным образом предоставила разрабатывать физиологическому материализму».[15]

Нельзя высказать суждения, столь многосторонне невежественного и неверного, как вышеприведенное суждение Вундта. Однако ход общественной борьбы и огромные идеологические сдвиги, которые, как сокрушающее движение горных пород, выражают глубочайшие конфликты гибнущего капиталистического мира, поставили вопрос о Марксе, как философе. После опубликования новых работ Маркса и Энгельса (прежде всего «Немецкой идеологии» и «Диалектики природы» Энгельса) стало совершенно ясным, насколько правы были ортодоксы, считавшие, что и в области философии Маркс занимает подобающее ему зевесово место.

Действительно, Маркс является творцом величайшего философского синтеза, перед которым все новейшие и модернейшие философские построения не идут ни в какое сравне-

---

[15] W. Wundt. Einleitung in die Philosophie. 7. Aufl. Alfred Kröner Verl. in Leipzig. 1918. S. 346. «Diese Unklarheit der metaphysischen Grundlagen hat aber ihre begreiflichen Gründe darin dass für den soziologischen Materialismus überhaupt nur die praktischen Fragen ein Interesse besitzen. Immerhin fehlt es dadurch diesem System selbst an dem erforderlichen theoretischen Unterbau, den auszuführen es offenbar dem physiologischen Materialismus überlassen hat». У Вундта во «Введении» нет даже термина «диалектический материализм» (по существу вышеприведенной цитаты можно лишь сказать, что она покоится на грубом незнании предмета). Этот термин есть у Виндельбанда (W. Windelband. Einleitung in die Philosophie. 2. Aufl, Tübingen, Verl. Mohr. 1920. S. 122—124), но он относит его к учению Л. Фейербаха: «Um die Mitte des neunzehnten Jahrhunderts ist zu der Verbindung dieser beiden Argumente, der metaphysischen und der anthropologischen, noch Feuerbachs dialektischer Materialismus hinzugetreten». О диалектическом материализме Маркса, вышедшем далеко за пределы антропологизма Feuerbach'а, у почтенного патриарха кантианства — ни звука.

ние. Маркс, как известно, пришел к своему диалектическому материализму от Гегеля через Фейербаха, включив в свою систему все рациональные моменты предшествовавшего тысячелетнего философского развития: он прекрасно знал историю философии, и нет более блестящих историко-философских характеристик (и с точки зрения социальной обусловленности доктрин, и с точки зрения их «имманентной» логики), чем некоторые характеристики Маркса.[16]

Чтобы показать всю оригинальность философского творчества Маркса, целесообразно начать анализ с вопроса об отношении субъекта и объекта, где сразу обнаруживается, что Маркс открыл совершенно новую эпоху в историческом развитии философии.

Маркс исходил из предпосылки объективной реальности независимого от субъекта внешнего мира (в противоположность берклеански-юмистской, субъективно-идеалистической философской традиции, при своем последовательном развитии приводящей к солипсизму); Маркс был противником объективного идеализма и философии тождества, поставив на ноги философскую концепцию Гегеля; Маркс, следовательно, был материалистом. Но его материализм в своих исходных пунктах резко отличается и от механического материализма великих просветителей, от «вульгарного материализма» Бюхнера — Молешотта и от антропологического учения Людвига Фейербаха.

Объект в философии Маркса трактуется на совершенно особый манер.

1. Он — исторически развивающаяся «величина». Мир, космос, имеют свою историю. Природа не есть неизменная «данность»: наоборот, она диалектически изменяется, ее законы тоже историчны.

2. Она не есть абстрактная, бескачественная, серая материя, как это представлялось механическому материализму: она включает многообразие качественных определений, с разными видами переходящих одно в другое движений.[17]

---

[16] Здесь нужно иметь в виду, что Марксова первая интеллектуальная любовь была именно философия. Его докторская диссертация — работа о Демокрите и Эпикуре (еще идеалистическая). Особенно важны: «Святое семейство или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и К» и «Немецкая идеология», «Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie».

[17] В связи с этим стоит характеристика материализма после Бэкона: «В своем дальнейшем развитии — пишет Маркс — материализм стано-

3. Объект, как объект, и с т о р и ч е н и в другом смысле, а именно: он в ы р а с т а е т по мере того, как расширяется вторжение человека в природу. «Даже предметы простейшей «чувственной достоверности» даны ему (субъекту. — *Н. Б.*) только благодаря общественному развитию, благодаря промышленности и торговым сношениям. Известно, что вишневое дерево... появилось в нашем поясе лишь несколько веков тому назад благодаря торговле...». [18]

4. Объект и с т о р и ч е н, следовательно, и потому, что он в известной мере есть сам п р о д у к т исторической деятельности исторического субъекта. Фейербах, например, «не замечает того, что окружающий его чувственный мир не есть вовсе какая-то непосредственно от века данная, всегда самой себе равная вещь, а продукт промышленности и общественного состояния, продукт в том смысле, что он является в каждую историческую эпоху результатом деятельности целого ряда поколений, из которых каждое стоит на плечах предшествующего ему поколения...». [19] «Конечно, — добавляет при этом М а р к с, имея в виду умников, которые могут абсолютизировать эти положения, раздуть их и п р о ц е с с «очеловечения» природы превратить в доказательство отсутствия объективного мира, — при этом с о х р а н я е т с я п р и о р и т е т в н е ш н е й п р и р о д ы, и, конечно, все это не имеет никакого отношения к первичным, порожденным путем generatio aequivoca людям». [20]

С у б ъ е к т равным образом трактуется так, как его не трактовали до М а р к с а.

1. Он — не а б с т р а к ц и я и н т е л л е к т у а л ь н о й с т о р о н ы человеческой деятельности, возведенная в самостоятельную сущность. По сути дела субъект буржуазной философии есть кастрированный субъект, лишенный целокупности своих жизнедеятельных функций. Субъект марксистской философии есть ц е л о с т н ы й субъект. Тощая и сухая абстракция одной интеллектуальной стороны

вится односторонним. Г о б б с является с и с т е м а т и к о м б э к о н о в с к о г о м а т е р и а л и з м а. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность г е о м е т р а. Ф и з и ч е с к о е движение приносится в жертву м е х а н и ч е с к о м у, или м а т е м а т и ч е с к о м у, движению, г е о м е т р и я провозглашается главной наукой» (К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с. Соч. Т. III. Святое семейство, стр. 157).

[18] Маркс и Энгельс о Фейербахе (из «Немецкой идеологии»). Архив Маркса, Энгельса, кн. 1. М. 1924. Стр. 217.

[19] Ibidem.

[20] Ibidem, p. 218. Разрядка наша.

человека, это — рефлекс разделенного общественного труда, когда мыслительные функции застывают в определенных общественных группах, когда так называемое «духовное производство» отрывается от материального, т. е. от «непосредственного производства жизни», когда относительная разодранность общественного бытия вызывает разодранность и абсолютизирование категорий мышления и создает иллюзию отъединенного интеллекта.

2. Субъект — не изолированный человеческий атом, а «обобществленный» человек. В порах философского «я» уже содержится «мы». Робинзонады философские так же недопустимы, как робинзонады в общественных науках.[21] «Индивид есть общественное существо. Поэтому его проявление жизни (если бы оно даже не выражалось в непосредственной форме коллективного, происходящего одновременно с другими, выражения жизни) есть проявление и выражение общественной жизни».[22] Он есть, как сказано выше, целокупность. Но это есть целокупность обобществленного, общественного человека. Фейербахианская позиция исходит из антропологии, тогда как реальное основание здесь не биологический вид (homo sapiens), а новая форма бытия, специфическая, качественно отличная форма, форма человеческого общества. Поэтому — блестяще определяет Маркс — хотя человек и есть некоторый особенный индивид, — «именно его особенность делает из него индивида и действительное индивидуальное общественное существо, — но он есть также и целокупность.., субъективное бытие мыслимого и ощущаемого общества для себя, подобно тому, как он существует и в дей-

---

[21] См.: K. Marx. Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie: «In Gesellschaft produzierende Individuen, daher gesellschaftlich bestimmte Produktion der Individuen ist natürlich der Ausgangspunkt. Der einzelne und vereinzelte Jäger und Fischer... gehört zu phantasielosen Einbildungen des XVIII Jahrhunderts» (S. XIII). «Die Produktion der vereinzelten Einzelnen ausserhalb der Gesellschaft... ist, ebensolches Unding als Sprachentwickelung ohne zusammen lebende und zusammen sprechende Individuen» (ibidem).

[22] К. Маркс. Подготовительные работы для «Святого семейства». Маркс и Энгельс. Собр. соч. Т. III, стр. 624. «Но даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т. д. деятельностью, — деятельностью, которую я могу выполнить сам, без непосредственного общения с другими, — я все же действую общественным образом, ибо действую, как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности, в том числе и сам язык, при помощи которого проявляется деятельность мыслителя, — но и мое собственное бытие есть общественная деятельность...» (ibidem).

ствительности, с одной стороны, как созерцание и действительный дух общественного бытия, а с другой — как целокупность человеческого проявления жизни. Таким образом, хотя бытие и мышление и о т л и ч н ы друг от друга, но в то же время они находятся в единстве друг с другом».[23]

3. Но субъект не только общественный субъект, но он — и о б щ е с т в е н н о-и с т о р и ч е с к и й с у б ъ е к т. Общество — есть конкретно-историческое общество, оно проходит различные фазы своего исторического развития. Ф е й е р б а х «рассматривает «человека вообще», вместо «реального, исторического человека».[24] Особенности общественной структуры, исторического способа производства, имеют и особенности адекватного «способа представления», особые мыслительные формы, в зависимости от исторической фазы общественного развития, классовых доминант жизни и т. д. Следовательно, субъект есть не абстракция человека, не персонифицированный «вид» или «род» и даже не общественный человек вообще. Субъект есть о б щ е с т в е н н о-и с т о р и ч е с к и й человек.

4. Из предыдущего следует также, что субъект есть д е я т е л ь н ы й субъект, и прежде всего п р а к т и ч е с к и-д е я т е л ь н ы й, производящий непосредственные условия своего существования. Самое глубокое расщепление общества — это разделение между умственным и физическим трудом. «Разделение труда становится действительным разделением труда лишь тогда, когда наступает разделение материального и духовного труда. С этого момента сознание м о ж е т действительно вообразить себе, что оно нечто иное, чем сознание существующей практики. С того момента, как сознание начинает действительно представлять что-нибудь, не представляя чего-нибудь действительного, с этого момента оно оказывается в состоянии освободиться от мира и перейти к образованию «чистой» теории, теологии, философии, морали и т. д.».[25] До Маркса и м е н н о это оторвавшееся теоретическое сознание искалеченного и разобщенного индивидуума, самое разобщение которого есть общественно-исторический факт, и застывало в философского субъекта. Мыслительно-созерцательные функции, оторвавшиеся от активно-практических, м ы ш л е н и е о м и р е, относительно удалившееся от п р а к т и к и и з м е н е н и я

---

[23] Ibidem, стр 625.
[24] К. М а р к с и Ф. Э н г е л ь с О Фейербахе. Архив, т. I. стр. 217.
[25] Ibidem, p. 221.

мира, вызвали иллюзию самостоятельного и суверенного «движения духа», с его независимой «имманентной» логикой этого движения.[26]

Из предыдущего вытекает и особая позиция Маркса в вопросе о соотношении между субъектом и объектом. На этом вопросе следует остановиться, в особенности потому, что с ним связана и проблема реальности (rsp. нереальности) внешнего мира, и проблема познания этого последнего, и вопрос о критериях познания, т. е. почти все основные вопросы философии.

Дело в том, что в домарксовой философии отношения между объектом и субъектом рассматривались лишь как отношения между абстракцией интеллекта и объектом познания. Это отношение и было тем, что составляло исходный пункт всего дальнейшего анализа. Маркс в корне изменил здесь всю постановку вопроса. Особенно выпукло его точка зрения формулирована им в следующей критике методологического подхода А. Вагнера.[27] Маркс пишет: «...у профессора-доктринера отношения человека к природе с самого начала выступают не как практические отношения, т. е. основанные на действии, а как теоретические... Но люди никоим образом не начинают с того, что «стоят в теоретическом отношении к предметам внешнего мира». Как и другие животные, они «начинают» с того, что едят, пьют и т. д., т. е. не «стоят» в каком-нибудь отношении, а активно действуют, при помощи действия овладевают известными предметами внешнего мира и таким образом удовлетворяют свои потребности (они, следовательно, начинают с производства)».

---

[26] После всего этого приходит Макс Адлер, который в течение долгих лет «оплодотворяет» Маркса Кантом, и выставляет следующий «марксистский» тезис: «In der Tat, die Welt ist nicht die fremde Schöpfung (еще бы! — *Б. Н.*) einer aüsseren Macht, in welcher wir uns mit unserem Denken bloss zurechtfinden, sondern sie ist eine fortwährende Schöpfung unseres Denkens selbst». (M. Adler. Marx als Denker. 2. Aufl. Wien, 1921. S. 9). Лучше понимает дело даже Rodolfo Mondolfo, который по поводу тезисов Маркса о Фейербахе пишет: «I punti fondamentali dunque, sui quali verte la critica del Marx, sono questi quattro: la teoria della conoscienza, nel suo rapporto col problema, dell'essere (framm. 1° 2° 3° 11°); il concetto della praxis (1° 2° 5° 11°); la concezione dell'uomo come essere sociale e non individuale (неверная терминология. — *Н. Б.*) (6° 7° 9° 10°); la concezione della società come processo storico dela praxis (3° 4° 8° 10°)». Rodolfo Mondolfo. Sulle orme di Marx. III ed. Vol. II. Lineamenti di teoria e di storia critica del marxismo. Licinio Capelli. Bologna — Trieste. 1923. P. 159.

[27] К. Маркс. О книге А. Вагнера. Архив, кн. V, стр 387—388, М., 1930. Разрядка Маркса.

Таким образом, у Маркса и историческим, и логическим prius является практика. Это вовсе не означает, что Маркса не интересовали теоретические вопросы (сверхнелепое утверждение, которое школьная философия выразила устами Вильгельма Вундта); это означает, что глубокая теория выставляет теоретическое положение, которое вскрывает основные реальные, действительные связи. Prius — практика, практическое действие, практическое изменение мира как основная функция жизнедеятельного общественно-исторического человека. «Сознание (Bewusstsein) — как гениально определяет Маркс — никогда не может быть чем-то иным, как только сознанным бытием (bewusstes Sein), а бытие людей — это реальный процесс их жизни». [28] Следовательно, на базисе практики растет общественно-историческое сознание общественно-исторического человека. [29]

Эти суждения целиком опрокидывают обычные исходные позиции школьной философии. В самом деле, считается логически неопровержимым первоначальная данность «мне» «моих» «ощущений». Если это есть исходный пункт, материал etc. процесса познания, то выпрыгнуть из круга этой «данности» нельзя, как нельзя вытащить самого себя за волосы из болота. Но этот «исходный пункт», будучи на самом деле продуктом сложного анализа, не является действительным, исходным пунктом: у субъекта нет беспримесных «чистых ощущений», если только он не мифический первозданный Адам: наряду с ощущениями, в связи с ними и т. д. налицо и понятия, которые суть общественный продукт: за каждым понятием стоит весь путь общественно-исторического развития (именно потому, что субъект — обобществленный субъект; за «я» уже скрывается «мы»); не пассивное получение ощущений есть первоначальное и исходное, а активное практическое действие. [30] Следовательно, в

---

[28] К. Маркс и Ф. Энгельс о Фейербахе. Архив, кн. I, стр. 216.

[29] A. Meusel. Untersuchungen über das Erkenntnisobjekt bei Marx. Jena. Fischer. 1925: будто «Karl Marx, der das Naturgeschehen wie das Gesellschaftsleben unter dem Gesichtspunkt der «Entwickelung», d. h. der auf ein bestimmtes Ziel gerichteten Bewegung (!!) sah, beobachtete auch die Erkenntnis unter dem Aspekt eines langen und mühevollen, dialektisch verlaufenden Wegen «nach oben». (S. 4). Превратить Маркса, который изгнал телеологию и теологию из последнего убежища, в телеолога pur sang и плоского сторонника «прогресса» — это значит действительно выяснить «Erkenntnisobjekt bei Marx»!

[30] Этот вопрос мы более подробно разбирали в своем докладе на Международном конгрессе по истории науки в Лондоне. См.: Н. Бухарин.

обычном quasi-неопровержимом доказательство субъективности первоначального данного» — нам «даны» чрезвычайно существенные логические п р о р е х и, которые о п р о к и д ы в а ю т весь ход этого доказательства. Робинзонада с пассивно-созерцательной характеристикой есть «исходный пункт» разобранного «исходного пункта» школьной философии.

Но отсюда вытекают и с этим, в свою очередь, связаны дальнейшие положения марксизма.

Внешний мир (объект) и общественно-исторический субъект поставлены в отношение взаимодействия, причем основной чертой этого взаимодействия является а к т и в н о е и з м е н е н и е м и р а. Отсюда — вопрос о г н о с е о л о г и ч е с к о м з н а ч е н и и п р а к т и к и вообще, техники в частности. Вопрос о возможности п о з н а н и я связывается у М а р к с а с вопросом возможности материального и з м е н е н и я мира. В гносеологию непосредственно вплетается «п р а к с е о л о г и ч е с к и й» момент. Прав гетевский Фауст, который в своем философском монологе говорит:

«Написано: «В начале было Слово!»
Уж затрудненье! Кто поможет снова?
Я с л о в у не могу воздать такую честь,
Иначе должно перевесть.
Коль разум правильно мне светит в глуби дум,
То здесь написано, что «был в начале Ум».
Обдумай первую строку глубоко,
И пусть перо не пишет раньше срока!
Умом ли создано, сотворено все было!
Должно стоять: «Была в начале Сила».
Но вот, пока пером я это выводил,
Как что-то требует, чтоб вновь я изменил.
Дух руководит мной. Решенье вижу. Смело
Пишу: «В н а ч а л е б ы л о Д е л о!».

Можно поставить вопрос и таким образом. Проблема соотношения между субъектом и объектом есть проблема процесса овладевания объектом. Но овладевание может быть практическим и теоретическим. Практическое овладевание (исходный пункт) порождает овладевание теоретическое, проверяемое и практически, обогащающее практику и, в свою очередь, получающее от практики добавочные импульсы развития на все новой основе. Практика и теория

Этюды. Ст. «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма».

суть деятельность. Они — при примате практики — взаимно связаны, они «взаимодействуют», они переходят одна в другую: здесь нет тождества, но есть единство. Если поэтому с теорией а) связана практика α), которая производит заданное изменение во внешнем мире х), то это есть проверка практикой истинности теории. «Проклятый» вопрос о «вещах в себе», которые Кант объявил лежащими по ту сторону познания, еще Гегелем был дискредитирован как беспредметный, ибо «вещь в себе» есть абстракция от всякого отношения к другому, то есть ничто, «wahrheitslose, leere Abstraktion». [31] Маркс [32] формулирует эту проблему с точки зрения своей теории познания так: «Вопрос о том, свойственна ли человеческому мышлению предметная истина, вовсе не есть вопрос теории, а практический вопрос. На практике должен человек доказать истинность, т. е. действительность и силу, посюсторонность своего мышления. Спор о действительности или недействительности мышления, изолированного от практики, есть чисто схоластический вопрос». Это не наивность, как полагают некоторые наивные (или наивничающие?) критики Маркса: это наиболее глубокая постановка вопроса, ее постановка на новой непривычной основе. [33] В круговороте (практика — теория — обогащенная практика) — теория есть момент этого, выражаясь фигурально, расширенного воспроизводства жизни, расширенного процесса овладевания природой. Не может быть такого овладевания (то есть целесообразного «изменения мира»), если этому не соответствует адекватная практика; не может быть успешной практики, если не «истинно», т. е. не адекватно действительности ее теоретическое выражение («сознанная практика»). Это вовсе не исключает противоречий между звеньями процесса овладевания природой, взятого как целое. Но это сразу же делает ясным вопрос о критериях истины, ибо критерий соответствия с действительностью и так называемый «практический критерий истины» (если речь идет о практике действительного

---

[31] G. W. Fr. Hegels Werke. Berlin. 1833. B. III. Wissenschaft der Logik, S. 127. См. об этом у Ленина: Ленинский сборник, IX, стр. 66; там же Ленин солидаризируется со следующим заявлением Гегеля: если мы спрашиваем, что такое вещи в себе, «so ist in die Frage gedankenloser Weise die Unmöglichkeit der Beantwortung gelegt».

[32] К. Маркс. Тезисы о Фейербахе. 2-й тезис.

[33] О позднейшем «прагматизме» речь будет идти ниже.

изменения действительного мира) совпадают, а «сила мышления», его истинность, его адекватность доказываются процессом реального овладения миром, процессом его изменения.

Таким образом, Маркс поднял материализм на небывалую высоту. Ограниченность старого материализма: его чисто количественные теоремы, его механистический характер, бескачественность его материи, отсутствие понимания специфических форм движения и специфических законов; его антиисторический характер; его пассивно-созерцательный характер и т. д. — все это было преодолено Марксом.

Ему удалось это сделать потому, что он дал синтез материализма и диалектики: он поднял на высшую ступень диалектический метод, критически его переработав, опрокинув навзничь громадину гегелевской идеалистической концепции, покончив раз навсегда с гегелевским панлогизмом и с «пьяной» философской спекуляцией.[34] Движение понятий, которое у Гегеля составляло сущность исторического процесса, у Маркса превратилось в идеологический рефлекс истории реальной человеческой жизни, диалектика мысли — в рефлекс диалектики материального общественного развития. Но диалектические формы движения, обнимающие собой природу, общество и само мышление, стали у Маркса составным элементом его собственного грандиозного философского построения.[35]

---

[34] B. Groethuysen (Les Jeunes Hégéliens et les origines du socialisme contemporain en Allemagne. Revue Philosophique. 1923. № 5 et 6) пишет: «La Heilige Familie et la Deutsche Ideologie sont une véritable déclaration de guerre à la philosophie». «K. Marx... avait abandonné le terrain de la spéculation pour s'en tenir aux faits concrets» (p. 399). «La rupture avec les philosophes forme un des événements décisifsdans le développement intellectuel et moral de Karl Marx. Ce ne fut qu'après avoir renoncé à prendre pour point de départ des généralisations d'ordre philosophique qu'il devint le fondateur du socialisme moderne» (p. 400). Все это совершенно неверно: покончить с «пьяной спекуляцией» мистико-идеалистической философии, с которой Маркс так основательно рассчитался, это не значит покончить с философией; Маркс обращался к конкретным фактам, чтобы их, как он выражался, «теоретически потреблять». Превращать Маркса в эмпирика типа исторической школы или вообще в противника широких обобщений, значит не знать ни буквы, ни духа марксовых работ, что, впрочем, нередко является моральным императивом у официальных ханжей официальной буржуазной науки.

[35] С точки зрения классовой борьбы чрезвычайно любопытной страницей истории является как раз время распада гегелевской доктрины в Гер-

Глубочайший революционный историзм, который пронизывает все учение Маркса, от его самых обобщающих вершин до непосредственно практических выводов, генетически связан с гегелевской диалектикой, критически переработанной. Общеизвестна сжатая характеристика, которую Маркс дает диалектике в предисловии к I тому «Капитала»:

> «Мой диалектический метод не только в корне отличен от гегелевского, но представляет его прямую противоположность. Для Гегеля процесс мысли, который он под названием идеи превращает даже в самостоятельный субъект, есть Демиург действительности, представляющей лишь его внешнее проявление. Для меня, наоборот, идеальное есть не что иное, как переведенное и переработанное в человеческой голове материальное. Мистифицирующую сторону гегелевской диалектики я подверг критике почти 30 лет тому назад, в то время, когда она была еще в моде... Та мистификация, которую претерпела диалектика в руках Гегеля, отнюдь не помешала тому, что именно Гегель первый дал исчерпывающую и сознательную картину ее общих форм движения. У Гегеля диалектика стоит на голове. Надо ее поставить на ноги, чтобы вскрыть рациональное зерно под мистической оболочкой.
>
> В своей мистифицированной форме диалектика стала модной в Германии, так как, по-видимому, давала возможность набросить покрывало на существующее положение вещей. В своей рациональной форме диалектика внушает буржуазии и ее доктринерам-идеологам лишь злобу и ужас, так как в позитивное понимание существующего она включает в то же время понимание его отрицания, его необходимой гибели, каждую осуществленную форму рассматривает в движении,

---

мании; в основном три крыла прежде единой теории — правая гегельянская, гегельянская левая и родившийся из недр последней марксизм — соответствовали идеологии «прусского государства» (юнкерско-буржуазному блоку) — с одной стороны, радикальной буржуазии — с другой, пролетариату — с третьей. Между тем эта борьба разыгрывалась в самой сублимированной форме самых абстрактных философских категорий. Таким образом, если Абсолютный дух (он же христианский бог) проявлял себя в эпигонах старого гегельянства, то, очевидно, Маркс был воплощением Люцифера. Недаром г. Бердяев в своей «Философии неравенства» советскую власть трактует как «сатанократию». Таков конечный итог движения «от марксизма к идеализму».

следовательно, также и с ее преходящей стороны, так как она ни перед чем не преклоняется и по самому существу своему критична и революционна».[36]

В этом коротеньком отрывке спрессованы основные линии синтеза (отнюдь не механического «рядоположения»!) материализма и диалектики. Примат — материи. Сознание есть новое свойство, новое качество особого вида материи. Материальное — «отражается» в сознании. Поэтому познание адекватно действительности. Но это «отражение»[37] не есть пассивное отражение: познание активно и эффективно; это вовсе не констатация полученных от внешнего мира ощущений и образование «комплексов» этих ощущений, на базе которых — как утверждают современные «только-эмпирики» — строятся одни тавтологии. С одной стороны, по мере развития человеческой практики, расширяется сам материал познания, его «сырье», удлиняется познавательный радиус; с другой — познание активно перерабатывает этот материал, мышление вгрызается в него (проблема так называемого «опосредствованного знания»), и результаты этого процесса, его продукты, гораздо более истинно «отражают» объективную действительность (поэтому теоретическое и действительно научное знание выше, истиннее, глубже поверхностного эмпиризма).[38] Оно никогда не абсолютно, оно всегда более или менее односторонне, оно ассимптотически приближается ко «всей» истине — в этом процесс исторического развития. Но чем оно богаче и многостороннее, тем оно — «истиннее», тем оно успешнее, тем шире практика, на основе которой оно растет и которую оно, в свою очередь, оплодотворяет. «Идеальное» есть, следовательно, «переведенное и переработанное в человеческом мозгу материальное»: диалектика становится мате-

---

[36] К. Маркс. Капитал. Т. I. Партиздат. М. 1932. Стр. XXIII.

[37] Об «отражении» см. в первую очередь: Н. Ленин. «Материализм и эмпириокритицизм» (блестящая работа, в центре которой стоит проблема внешнего мира и которая раз навсегда кончает с берклеански-юмистскими концепциями и теориями).

[38] «Мышление, восходя от конкретного к абстрактному, не отходит... от истины, а подходит к ней. Абстракция материи, закона природы, абстракция стоимости и т. д., одним словом все научные (правильные, серьезные, не вздорные) абстракции отражают природу глубже, вернее, полнее». (В. И. Ленин. См. Ленинский сборник, т. IX).

риалистической. С этой точки зрения она рассматривает «каждую осуществленную форму в движении», т. е. «с ее преходящей стороны».

Какое значение Маркс и Энгельс придавали диалектике, видно и с другой стороны: если Маркс подчеркивал в вышеприведенном отрывке необходимость материализовать диалектику, то Энгельс с неменьшей силой подчеркивает необходимость диалектизировать материализм: подходя к критике так называемого «естественно-научного» материализма, он делает замечание: (необходим. — *Н. Б.*) «переход к диалектике. Два философских направления: метафизическое с неизменными категориями, диалектическое (Аристотель и в особенности Гегель)[39] — с текучими»; «Гегель — чей синтез и рациональная группировка естествознания являются бóльшим делом, чем вся материалистическая чепуха вместе взятая».[40] Здесь нет никакого противоречия: наоборот, такой подход показывает, что речь идет об органическом синтезе, созданном творческим гением Маркса.

Преходящесть всякой формы, ее возникновение, развитие, уничтожение; отсутствие абсолютных граней и в то же время скачкообразный характер развития, переход количества в качество; количественная непрерывность и качественная прерывность; раздвоение единого, внутренняя противоречивость каждой целокупности; развитие этого противоречия, борьба противоположностей как имманентный закон движения; переход одной противоположности в другую, отрицание старой формы и соприсутствие ее в новой «в снятом виде», противоречие между формой и содержанием; отношение каждой вещи к другим, многосторонность связей, универсальность связей; разные типы связей (не только каузального порядка, но и связей сосуществования) и другие общие законы бытия и становления составляют отличительные

---

[39] Ф. Энгельс. Диалектика природы, стр. 5.

[40] Ibid., p. 7. (В русском переводе стоит: «...Гегель — который своим синтезом и рациональной группировкой естествознания сделал большее дело, чем все материалистические болваны, вместе взятые». Вряд ли этот смягченный перевод правилен. В немецком тексте мы имеем: «Hegel, dessen Zusammenfassung und rationelle Gruppierung der Naturwissenschaft eine grössere Tat ist als all der materialistische Blödsinn zusammen». Не нужно забывать, что острие критики здесь направлено против Бюхнера — Молешотта, с их крайним упрощенством и крайними в то же время претензиями).

особенности диалектики, которая фиксирует и теоретически формулирует эти законы.[41]

«Вкратце диалектику можно определить как учение о единстве противоположностей. Этим будет схвачено ядро диалектики», — замечает Ленин.[42] И это совершенно справедливо. Именно поэтому диалектика, диалектический историзм и диалектическое учение о развитии в корне отличаются от буржуазной «теории эволюции», как она процветает и в естественных, и в общественных науках буржуазии. Именно поэтому диалектика является «алгеброй революции», если с нее содрать мистическую коросту специфической «гегельянщины» («Hegelei», как выражался Маркс). Буржуазный историзм и эволюционизм возникли в известной мере как реакция против теории катастроф и революционного рационализма просветителей: постепенность, непрерывность, «органология» выставлялись, как тяжелая артиллерия против «скачков» общественной истории. Сама идея историзма стоит гораздо выше абстрактного рационализма. Но она носила внутренний порок, и даже у Гегеля прусское государство прекратило течение истории, причем противоречие между по существу революционным методом и консервативной системой было внутренней причиной разложения и гибели этой поразительной философской концепции. Маркс устранил эти противоречия. В его материалистическом учении диалектика стала органической составной частью, основой всей концепции. Выше мы видели, что, в отличие от всех прошлых философий, у него резко подчеркнут исторический характер объекта, который сам диалектически развивается; исторический характер субъекта, который проходит также фазы своего диалектического развития: в самом отношении между объектом и субъектом проявляются основные законы диалектики: объект и субъект — это единство, ибо общество не сверхъестественная величина; но это единство не есть тождество: объект и субъект противоположны; борьба этих противоположностей гонит историю, причем эти противоположности взаимно проникают друг в друга (процесс влияния природы на общество, процесс «очеловечения» природы);

---

[41] Наиболее полно и всесторонне «материалистически прочитаны» и сформулированы эти законы у Ленина (Ленинский сб., кн. IX, стр. 274 и след.).

[42] Ibidem.

общество, в конечном счете, выросло из природы, но оно не мертвая материя и не биологический вид: оно — материя со специфическим качеством; отношение к природе есть активное отношение — практическое и теоретическое; теория и практика есть единство, но противоречивое единство; само общество есть единство, но опять-таки противоречивое: противоречие между его формой и его содержанием (производительные силы и производственные отношения), выражающееся в противоположности классов (в классовом обществе) — движущий момент исторического развития и т. д. и т. п. Таким образом, материалистическая диалектика формулирует всеобщие связи и законы природы, общества и самого мышления: материалистическая диалектика есть основа всего учения Маркса и в то же время всеобщий метод исследования: к формальной логике, с ее застывшими, статическими категориями, она стоит в таком же отношении, как высшая математика по отношению к низшей: это есть логика противоречивых процессов и универсальных связей, где абстракции конкретны, где анализ и синтез нераздельны, где границы условны, где понятия максимально гибки.

Так диалектика, став материалистической диалектикой, вступила в новую фазу своего развития.

«В своем собственно логическом смысле, — вынужден написать даже Трёльч, — диалектика сохранилась и была значительным и плодотворным образом развита дальше, за познавательные пределы Гегеля, только в марксизме»,[43] здесь «плодотворность» Маркса и Энгельса оказалась «изумительной, а ими созданная постановка проблемы является одной из самых поучительных, какие принесло с собой все столетие»; длительную ценность имеет, таким образом, прежде всего «новая концепция диалектики».

Теория познания марксизма, как это следует из всего предыдущего, имеет свои совершенно исключительные особенности, потому что исходные пункты непохожи на исходные пункты других философских концепций,

---

[43] E. Troeltsch. Der Historismus und seine Probleme. Gesammelte Schriften. B. III. Tübingen. Verl. Mohr. 1922: «In ihrem eigentlichen logischen Sinne aufrecht erhalten und über Hegels Erkenntnisse hinaus bedeutsam und fruchtbar fortgebildet worden ist die Dialektik nur im Marxismus» (S. 315); «ihre (т. е. Маркса и Энгельса. — *Н. Б.*) Fruchtbarkeit eine erstaunliche und

в том числе и материалистических: другой объект, другой субъект, другое соотношение между ними. Теория познания марксизма социологична: ее абстракции суть абстракции совершенно иного логического порядка, чем обычные абстракции философии. В связи с этим перед марксизмом стоит и особая проблема о формах знания, являющихся производными от форм материальной жизни; [44] другими словами, если определенному «способу производства» соответствует определенный «способ представления», то эта проблематика «способа представления» в ее связи с исторически классовым субъектом, носителем того или иного «способа представления», есть проблематика sui generis. Отношение между социально-обусловленным способом представления и степенью адекват-

---

die von ihnen geschaffene Problemstellung eine der allerreichsten die das Jahrhundert hervorgebracht hat» (317). «Das eigentlich Bleibende... ist dabei die neue Fassung der Dialektik» (318). Трёльч признавал, таким образом, заслуги марксизма (он вообще стоит несколькими головами выше обычных буржуазных «фабрикантов идеологии»), в то же время, как полагается, негодует по поводу лишения диалектики бога, духа, метафизического смысла и т. д. Совершенно неправильной у Трёльча является трактовка марксизма, как реализма (а не материализма) на том достаточном основании, что в марксизме отсутствует материалистическая метафизика (!). Сама конкретная характеристика изменений, произведенных марксизмом в диалектике, частью неверна, частью неполна, а там, где правильна, неверно оценена: «In Kürze ist zu sagen: die dialektisch-realistische (!) Kontemplation ist verkoppelt mit einem revolutionären Naturrecht (это у Маркса-то!!). Die Dialektik ist entgeistet und naturalisiert (какой ужас!). Die Dialektik ist ökonomisiert. Die dialektischen Gegensätze formallogischer Bestimmtheiten sind in reale Klassengegensätze verwandelt». Трёльч не знал ни «Deutsche Ideologie», ни «Диалектики природы». Но это все же не есть извинение. Трёльч 1) неправ, выступая против материализма вообще; 2) неправ в своей характеристике материализма; 3) неправ, считая научный прогноз «пророчеством»; 4) неправ, поскольку он не понимает, что общие законы диалектики проявляются в специфических формах в зависимости от специфических сфер своего действия и т. д., и т. п.

[44] Max Scheler, наимоднейший католический философ, чрезвычайно много «позаимствовавший» у Маркса, пишет, что у него есть «prinzipielle Ueberzeugung», «dass erkenntnistheoretische Untersuchungen ohne gleichzeitige Erforschung der gesellschaftlich-geschichtlichen Entwicklung der obersten Typen menschlichen Wissens und Erkennens zu Leere und Unfruchtbarkeit verurteilt sind» (Max Scheler. Die Wissensformen und die Gesellschaft. Probleme einer Soziologie des Wissens, Erkänntnis und Arbeit. Lpz. MCMXXVI. Der Neue Geist Verl. S. V). «Eine absolute geschichtliche Konstanz menschlicher Vernunftformen und Prinzipien, die der grösste Teil aller bisherigen (до Шелера? или до Маркса? — *Н. Б.*) Erkenntnistheorie als unwandelbaren Gegenstand ihrer Forschung naiv vorausgesetzt hat, ist nach der in diesem Buche vertretenen Ansicht ein Idol». (L. c., S. V).

ности познания заключается, в общем и целом, в том, что класс, являющийся носителем более высокого способа производства (т. е. такого способа производства, где производительные силы более могущественны, где процесс овладевания природой идет более интенсивно и производительность труда выше), является и носителем более высокого «способа представления» (т. е. такого способа представления, который позволяет более быстро и более адекватно познавать объективный мир).

Философия марксизма, будучи самым совершенным из философских построений, в первую очередь обязана этим материалистической диалектике, с ее широчайшим горизонтом (историзм и изменяемость в прошлом, в настоящем и в будущем, тогда как буржуазия тяготеет к «вечным категориям»; смелая постановка вопроса о прерывности и непрерывности, тогда как буржуазия боится «скачков»; строгий детерминизм, расширяющий поле науки до бесконечности, и индетерминизм буржуазно-идеалистических учений; учение о бесконечных возможностях познания и различные формы агностицизма и кантовского учения о непознаваемости вещей в себе и т. д. и т. п.). Эта двойственность форм сознания эпохи есть выражение антагонистического способа производства и противоположности между буржуазией, формы мышления которой стали оковами для его дальнейшего развития, подобно тому как формы капиталистического общества стали оковами для развития производственных сил, и пролетариатом, который выдвигает новые формы мышления, новый «способ представления», теоретически формулированный как диалектический материализм.

Рациональные зерна есть в каждой системе. Буржуазия не могла бы существовать, если бы ее теория была во всех своих частях, от начала до конца, только чепухой.[45] Так

---

[45] Замечательно хорошо об этом говорит Ленин: «Философский идеализм есть только чепуха с точки зрения материализма грубого, простого, метафизического. Наоборот, с точки зрения диалектического материализма философский идеализм есть одностороннее, преувеличенное, überschwengliches (Dietzgen) развитие (раздувание, разбухание) одной из черточек, сторон, граней, познания в абсолют, оторванный от материи, от природы, обожествленный. Идеализм есть поповщина. Верно. Но идеализм философский есть («вернее» и «кроме того») дорога к поповщине через один из оттенков бесконечно сложного познания (диалектического) человека. Познание человека не есть (rsp. не идет по) прямая линия, а кривая линия, бесконечно приближаю-

могут рассуждать только рационалисты и метафизики. Но это не мешает ей быть реакционной по отношению к теории пролетариата. Поэтому там, где идеологи буржуазии выдвигают «модную» доктрину, она в нашу эпоху, эпоху величайших напряжений, кризисов, гниения капитализма, обыкновенно реакционно-мистична, а ее рациональные зерна в рациональной форме содержатся уже в марксистской концепции. Приведем здесь несколько примеров, поясняющих нашу мысль.

1. Сейчас известное значение в официальной буржуазной науке имеет так называемая аксиология, «философия ценностей» (Риккерт и др.).[46] Выросши из проблем «философии истории» и методологии общественных наук, она стала целым метафизическим построением. В методологии истории, как известно, Риккерт выступает за генеральное размежевание с естественными науками: естественные науки — генерализирующий метод; общественные науки — историчны; их объект — неповторяемое и индивидуальное; выбор этого индивидуального — должен идти по линии соотнесения с ценностями, rsp. «культурными ценностями». Отсюда рафинированное учение о ценностях, в результате чего вся философия превратилась в учение о ценностях. Логически вся эта история не выдерживает никакой критики: природа так же имеет историю, как и общество, хотя история природы это не то, что история общества; поэтому все обоснование двух методов, принципиально отличных, в корне неверно. Введение ценностно-телеологического момента сугубо недопустимо принципиально; его же конкретное выражение просто невозможно, так как критерии ценностей (которые все у этих идеологов тендируют к тому или иному варианту кантовской морали) совершенно неопределенны. Все учение вырождается в морализирующую метафизику и метафизическую мораль «аксиологии».

щаяся к ряду кругов, к спирали. Любой отрывок, обломок, кусочек этой кривой линии может быть превращен (односторонне превращен) в самостоятельную, целую, прямую линию, которая (если за деревьями не видеть леса) ведет тогда в болото, в поповщину (где ее закрепляет классовый интерес господствующих классов)» (Н. Ленин. К вопросу о диалектике. Соч., XIII. 2-е изд. Стр. 303—304).

[46] H. Rickert: System der Philosophie. 1921. Münsterberg: Philosophie der Werte. 1908. Troeltsch: Der Historismus (§: Was ist die allgemeine Wertlehre oder Axiologie? S. 201 ff.) В этой связи см., между прочим: М. И. Туган-Барановский. Влияние идей политической экономии на естествознание и фолософию. Укр. Ак. Наук. Сборник Соц.-Эк. Отделения. 1925.

В мистической форме, однако, здесь скрывается действительная проблема, а именно проблема общественно-культурной функции знания (как естественных, так и общественных наук). Но эту проблему превосходно решает марксизм во всем своем учении о соотношении теории и практики, об общественно-жизненных функциях знания, выпроваживая при этом за дверь всякую телеологию.

2. Не так давно во всей совокупной буржуазной идеологии чрезвычайно высок был удельный вес прагматизма (W. James в первую очередь).[47] Прагматизм усиленно подчеркивал практический критерий истины, «инструментальную» точку зрения. Практической полезностью измеряется «истинность» всякого положения. С этих позиций Джемс рассматривает и религиозные — sit venia verbo — «истины». Они утешают — следовательно, они истинны (ибо полезны). В опыте — в том числе опыте религиозном, в мистическом озарении, в экстазе, в любом «переживании», — точно так же, как в грубой эмпирике повседневной жизни, раскрываются эти «истины», практически ценные и полезные.[48] Логически это учение несостоятельно. Оно расширяет понятие опыта до любого индивидуального переживания, точка зрения, с которой, например, бытие галлюцинации эквивалентно бытию любого материального предмета, бог — такая же реальность, как президент Соединенных Штатов, а практика молитвы, торговли векселями и добычи руды ничем принципиально не отличаются друг от друга. В прагматизме основная ошибка — неверное в корне понимание практики как теоретико-познавательного момента. В действительности только такая практика может иметь здесь значение, которая изменяет материальный мир («revolutionäre Praxis» Маркса). Только в таком случае критерий практики не отрывается от критерия соответствия с действительностью. Только при

---

[47] W. James. Pragmatism. New York. 1908; он же. The varieties of religious experince. London. 1909.

[48] «If theological ideas prove to have a value for concrete life, they will be true, for pragmatism, in the sense of being good for so much» (W. James. Pragmatism, p. 73). «Rationalism sticks to logic and the empyrean. Empiricism sticks to the external senses. Pragmatism is willing to take anything, to follow either logic or the senses and to count the humblest and most personal experiences. She will count mystical experiences it they have practical consequences. Shi will take a God who lives in the very dirt of private fact — if that should seem a likely place to find him» (ibid., p. 80).

таких условиях может быть правильно поставлен и правильно решен вопрос об адекватности познания (а это и есть, в конце концов, решающий гносеологический вопрос). В мистических формулировках прагматизма, этой моднейшей реакционной доктрины конца девятнадцатого и начала двадцатого века, таилось рациональное зерно. Но этот момент в своем действительном значении и во вполне разработанном виде имелся уже у Маркса как одна из важнейших составных частей его философского синтеза.

3. За самое последнее время по всему фронту философии и высших областей науки идет огромная переориентация с количественного анализа на качественный. Идея «целокупности», «целого», «всего» («Totalität» das «Ganze», «Ganzheit» etc.), идея качественно особой целостной формы («Gestalt») есть самая модная идея в настоящее время. Философски это выражается в воскрешении фихтеанства и гегельянства («новогегельянство»), в переходе от каузального метода к так называемому «органическому» и телеологическому и т. д.

Нередко «целое» принимает форму сверхчувственной субстанции, недоступной рациональному познанию и доступной лишь «интуиции», «вчувствованию», мистическим формам непосредственного «ви́дения». [49] На этой базе вырастает биологическая метафизика Дриша, с его учением об органической целокупности, с его учением об энтелехии, которая дает «цель и направление» развитию. На этой же базе вырастают такие построения, как «универсализм» O. Spann'a в экономических науках. Таким образом, антимеханистическая идея качественно-специфического целого принимает идеалистический, телеологический и даже теологический характер. Качество здесь абсолютно отрывается от количества, целое абсолютно отрывается от своих частей и гипостазируется как сверхъестественная кате-

---

[49] См. против этого: Study. Die Realistische Weltansicht und die Lehre vom Raume. 2. umgearbeitete Aufl. I. Teil. Das Problem der Aussenwelt, Braunschweig. Verl. von Vieweg u. Sohn. 1923. S. 7: «Allerdings spuckt unter dem Namen einer Intuition oder eines «Sich — hinein — Fühlens» in die Dinge oder einer «Wesensschau» die alle kindiche Auffassung auch heute in einzelnen bevorzugten Geistern (Bergson u. a.) noch weiter. Sie passt ja auch vorzüglich gerade in unsere Zeit, die mit ihrer blinden Bewunderung für alles stark-Subjektive (Nietzsche!) und ihrer Abneigung gegen diszipliniertes Denken sich, im grossen u. ganzen, als eine Zeit des intellektuellen Niederganges erweist». Sehr richtig!

гория, лежащая вне объектов рационального познания. Все такие построения ультрареакционны, и против них необходима беспощадная война. Но идея целого, рационально понятая, т. е. взятая в ее относительной противоположности к своим частям, в ее материалистической характеристике — правильна. Однако в такой интерпретации она целиком включена в диалектический материализм Маркса. У Маркса дана настоящая диалектика целого и части, количества и качества, формы и содержания, и притом на материалистической основе. Этот синтез бесконечно выше современных жалких потуг на глубокомыслие, единственный «глубокий смысл» которого состоит в обслуживании практики самых реакционных классов нашего времени и самого мрачного обскурантизма.

4. Наконец, следует упомянуть о философских проблемах, связанных с кризисом современной математики и физики. Carnap [50] по этому поводу пишет: «Еще более настоятельной сделалась необходимость в новом построении логики, когда стали заметны известные противоречия («антиномии») первоначально в области математики, которые затем в скором времени выявились, как противоречия общелогического значения. Они могли быть преодолены лишь путем основательной реорганизации логики». Аналогичные мысли развиваются рядом выдающихся физиков, от которых также идет лозунг «новой логики».

Развитие механики (квантовая теория) поставило на очередь дня вопрос о соотношении между прерывностью и непрерывностью, которые, будучи противоречивыми, выводят за пределы школьной формальной логики («дуализм» волны-частицы); за пределы формальной логики выводит и проблематика динамической и статической закономерности, целого и его частей, материи и энергии, времени и пространства, массы, с одной стороны, и времени и пространства — с другой и т. д. Вся эта огромная проблематика, выдвинутая за последнее время развитием точных наук, уже не укладывается в односторонние и неподвижные, рассудочные катего-

---

[50] K. Carnap. Die alte und die neen Logik: «Dringender nochwurde die Notwendigkeit eines Neuaufbaues der Logik, als man gewisse Widersprüche («Antinomien») zunächst auf mathematischem Gebiete bemerkbar, die sich aber bald als solche allgemeinlogischer Natur herausstellten. Sie konnten nur durch gründliche Neugestaltung der Logik überwunden werden» (См. «Erkenntnis», B. I., Heft 1, S. 15).

рии старой логики, законы которой значимы лишь при определенных и ограниченных условиях. «Антиномии» современного естествознания властно требуют методологического подхода, соответствующего новым, более сложным, многосторонним, объективно-диалектическим формам реальных связей и закономерностей бытия и становления. Отсюда — на основе буржуазных форм мышления, при всех социологических предпосылках современности — и совершается переход к алогической, сверхразумной, иррациональной и даже религиозной трактовке предмета. Но сам этот переход скрывает, как мы видели, действительную научную проблематику, покрывая ее туманными облаками новой мистики. Действительное решение вопроса может быть, однако, дано и здесь на основе положительного применения метода диалектического материализма, разработанного Марксом.

Таким образом, марксистская философия выступает перед нами, как грандиознейший философский синтез, как величественное теоретическое построение, которое вобрало в себя все действительно ценное, что дало развитие человеческой культуры и человеческой мысли. Этот гигантский синтез мог возникнуть лишь как идеология такого класса, который практически вынужден в своем труде и в своей борьбе преодолевать — сперва внутри себя, а затем и во всем обществе — разодранность капиталистического общественного порядка и, следовательно, разодранность и абсолютизирование его мыслительных категорий, их ограниченность и их метафизическую статичность. Субъект и объект, теория и практика, мышление и действие, представление и воля — все это берется не только в их противоположности, но и в их единстве. Философия впервые достигает своего социологического самопознания. Она в то же время становится мощным орудием пролетарской борьбы; она критична и революционна в высшей степени; она свергает всех кумиров и фетишей старого мира; она — антитеологична, антителеологична, антиидеалистична; она действенна; она полна познавательного оптимизма и с презрением отбрасывает всякое принципиальное «ignorabimus». На фоне современного распада буржуазной идеологии вообще и буржуазной философии — в особенности она вырастает как единственное теоретическое обобщение, которое воплощает все будущее человечества. Буржуазное общество, непрерывно развивая свои внутренние противоречия, достигло такой критической точки, когда его латентное раздвоение становится открытым и взрывает

всю капиталистическую оболочку. Пролетариат, дитя капитализма, реально становится его могильщиком. Буржуазное общество достигло высшей формы своего самопознания в универсальной системе Гегеля. Развивая свои противоречия, эта система породила марксизм, ставший идеологией пролетариата. Буржуазия вновь хватается сейчас за консервативную сторону когда-то величественной системы своего крупнейшего философа и, очищая ее от всех действительно ценных моментов, выступает под флагом неогегельянства. Но не Кронос пожрет своих собственных детей. Это останется старым мифом. Пролетариат наносит смертельный удар капитализму. Марксизм ликвидирует износившиеся мыслительные категории капиталистического мира.

II. ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Законы материалистической диалектики суть всеобъемлющие, наиболее общие, законы становления. В основе их лежит, как мы видели, глубокий и тоже всеобъемлющий историзм, то есть такой историзм, который охватывает все формы движения. Этот марксистский диалектический метод гораздо шире и универсальнее идеалистической диалектики Гегеля, ограниченность которой заключалась не только в том, что ограниченную сферу сознания она возводила в субстанцию универсума. Ограниченность гегелевской диалектики заключалась еще в двух важнейших ее свойствах: во-первых, у Гегеля природа не знает истории; [1] во-вторых, сама история успокаивается на буржуазно-помещичьем государстве (здесь система Гегеля как раз приходит в конфликт с его методом); обе эти ограниченности, значение которых исключительно огромно, стояли, несомненно, в связи с идеалистиче-

---

[1] См.: Энгельс. Диалектика природы, стр. 371—373: «Само собой разумеется, что старая натурфилософия, как бы много она ни содержала в себе действительно хорошего и сколько бы в ней ни было плодотворных зачатков, нас не могла удовлетворить... Она в своей гегельянской форме грешила тем, что не признавала за природой никакого развития во времени, ничего, идущего «одно за другим», но лишь «одно возле другого». Причины этого коренились, с одной стороны, в самой гегелевской системе, которая только «духу» приписывала историческое развитие, а с другой стороны, и в тогдашнем общем состоянии естествознания. Таким образом, в этом отношении Гегель стоит далеко позади Канта...»

ским характером гегелевской диалектики. Отсюда, между прочим, видна вся непроходимая мизерабельность и убожество тех «мыслителей» («фабрикантов идеологии», как их называл Маркс), которые полагают, что отличие марксовой диалектики от диалектики Гегеля состоит лишь в перемене этикетки и что по сути дела Маркс остался гегельянцем до конца своих дней.[2] Между тем, марксова диалектика, как учение об историческом развитии, впервые завоевала всю область природы, понимаемой тоже с точки зрения исторического процесса, и разорвала те оковы, которые наложил Гегель на понимание общественного развития. Это исключительное раздвижение горизонтов целиком идет от Маркса, чего не могут понять буржуазные исследователи. Даже в новейшее время такого рода разрыв между природой и обществом играл — и играет до сего дня — большую роль. Вся концепция школы Риккерта исходит из исторического характера общества и а-исторического характера природы. Все вымученные различения между генерализующим методом естественных наук и индивидуализирующим методом общественных наук, между номотетикой (или номографией), с одной стороны, и идиографией — с другой, между «естественным законом» и «отнесением к ценности» покоятся в конечном счете на абсолютном разрыве между обществом и природой. Это, по сути дела, смягченная и утонченная теология, превращающая человеческое общество в супранатуральную, сверхъестественную величину. Между тем общество и при-

---

[2] См.: A. Kronenberg. Historischer und naturwissenschaftlicher Materialismus. Die Naturwissenschaften. VI. Jahrg. Heft 26 (28 Juni 1918): «...Und in dieser Abänderung allein besteht das Wesen des historischen Materialismus». Marx ist und bleibt also Hegelianer» (S. 383). Автор даже не различает теории диалектического материализма и теории исторического материализма, обнаруживает незнакомство с основами марксова учения, но при всем том развязно заявляет, что Маркс «не имел никакого интереса к естественно-научному исследованию и никогда серьезно им не занимался»... (384). Удивительно, однако, соответствующее невежество Tönnies'a, который в специальной работе о Марксе (K. Marx. Leben und Lehre. Jena. 1921) утверждает, будто Маркс не знал Ламарка (!!) и будто ни Маркс, ни Энгельс не знали Шопенгауэра («sie scheinen ihn gar nicht gekannt zu haben». S. 123, 124). Ср. с этим: Энгельс. Диалектика природы, стр. 127: «Среди публики стали... иметь успех, с одной стороны, приноровленные к духовному уровню филистера плоские размышления Шопенгауэра, впоследствии даже Гартмана, а с другой — вульгарный, в стиле странствующих проповедников, материализм разных Фохтов и Бюхнеров». А в «Людвиге Фейербахе» Энгельс прямо говорит о Гёте и Ламарке, как предшественниках Дарвина. Sapienti sat.

рода есть единство, но единство противоречивое. Общество само есть продукт исторического развития природы, но продукт, который относительно противостоит природе, воздействует на нее и даже превращает, в процессе исторического развития, саму внешнюю природу в свой продукт (так называемый культурный ландшафт). Поэтому Маркс говорил, что, в сущности, есть одна наука, наука истории, охватывающая собой и историю неорганического мира, и историю органического мира, и историю общества. [3] В области наук о природе, естественных наук, это означало решительный разрыв с механическо-математическим рационализмом, что связано у Маркса с критикой механического материализма.

Природная материя представлялась, как единообразная, только количественно определяемая величина, как сочетание качественно однородных частиц; многообразие качества, с этой точки зрения, было лишь иллюзией субъективного характера. «Материя, как таковая, это чистое создание мысли и абстракция. Подводя вещи, рассматриваемые нами, как телесно существующие, под понятие материи, мы отвлекаемся от качественных различий в них. Поэтому материя, как таковая, в отличие от определенно существующих материй (разрядка наша. — *Н. Б.*) не является чем-то чувственно существующим... Она (эта точка зрения, «односторонняя математическая точка зрения». — *Н. Б.*) является даже возвратом к Пифагору, который уже рассматривал число, количественную определенность, как сущность вещей». [4] Другими словами, бескачественная материя возвращала бы нас к позиции так называемого логического реализма, в противоположность номинализму. Из этого, однако, никак не следует, что «материя исчезла»: из этого следует лишь, что она объективно и независимо от нашего сознания существует во всем богатстве своих качественно различных многообразных форм, с историческим процессом перехода из одних форм в другие, со специфическими видами движения и, следовательно, со специ-

---

[3] K. Marx und F. Engels. Die deutsche Ideologie. Отрывок о Фейербахе.

[4] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Стр. 147.

фическими закономерностями этого движения. Уже в пределах неорганической природы механическое движение и движение химическое отличны, хотя и переходят одно в другое; органический мир вырастает из неорганического в процессе исторического развития, но, раз возникнув, развивает свои специфические формы движения; общество исторически возникает из биологического вида, через стадо, но, раз возникнув, опять-таки развивается по своим усложненным законам; оно само пробегает различные стадии развития: оно всегда исторично, т. е. реально существует лишь в своей исторической форме, имеющей опять-таки свои исторические определенные закономерности и т. д. и т. п. Таким образом, мы имеем здесь все богатство, все многообразие мира, которое в историческом процессе мышления, на основе исторического процесса развития общественной практики, все более адекватно «схватывается» этим мышлением. Всякая новая форма движущейся материи имеет, таким образом, свои особые закономерности. Но эта обогащенная форма и эти новые закономерности не отгорожены китайской стеной от исторически предшествующих: последние «в снятом виде» существуют в них: в этом и состоит историческая преемственность процессов. С другой стороны, разнообразие не исключает единства. Поэтому речь идет не о плоском монизме познания, для которого нет многообразия и у которого все кошки серы, и отнюдь не о плюрализме, для которого нет единства, а о диалектическом и материалистическом монизме, который адекватен реальному единству в многообразии и многообразию в единстве, со всеми формами противоречий, с взрывами и катаклизмами, с переходом одних форм в другие, который адекватен величественному и всеобщему историческому процессу развития.

Исторический взгляд на общество предполагал поэтому сокрушение математическо-атомистическо-индивидуалистической концепции рационализма. [5] Однако суть

---

[5] Эта точка зрения была очень характерна для идеологии так называемого «Просвещения». Социально-классовой основой была здесь борьба буржуазии за «свободную личность», что реально означало свободного «экономического человека», т. е. товаропроизводителя, освобожденного от феодальных препон и пут. Лозунги: «laissez faire, laissez passer», теории «общественного договора» (Руссо) и «естественного права» все исходили из человеческого атома. Попытки «онаучить» эту идеологию неизбежно были связаны поэтому с «законами природы», когда «вечный закон природы»

дела заключается здесь вовсе не в том (как это полагают кантианцы), [6] что общество должно быть вырвано напрочь (абсолютно) из своей естественно-исторической среды и превращено в субстанцию, из своих духовных недр творящую мир и диктующую космосу его законы, а в выяснении специфических общественных закономерностей на основе исторического взгляда на самое природу. Великая ограниченность естественно-научных теорий до Маркса заключалась в «вечности» законов природы, т. е. в предположении, что связи между вещами и процессами постоянны: это предполагало постоянство и неизменность вещей. Между тем «вечные законы природы превращаются все более и более в исторические законы. Что вода от 0 до 100° С жидка — это вечный закон природы, но чтобы он мог иметь силу, должны быть: 1) вода, 2) данная температура и 3) нормальное давление... Вся наша официальная физика, химия и биология исключительно геоцентричны и рассчитаны для земли». [7] Следовательно, здесь нет принципиального развития между обществом и природой. Кантианцам, и идеалистам вообще, приходится употреблять один софизм: они хотят — исходя из правильного соображения о своеобразии общественного развития — сделать такой вывод, что это своеобразие принципиально в смысле сверхъестественности общества. Точно так же как «дух» вообще не цветение материи, а настоящая субстанция мира, так и человеческое общество есть настолько особая величина, что она противопоставляется природе не относительно, а абсолютно. Поэтому законы общественного развития (ежели они есть) суть сверхприродные, ничего общего с общими законами природы не имеющие, супранатуральные законы: специфичность здесь перерастает, по сути дела,

---

должен был подтвердить незыблемость «естественного», т. е. буржуазного порядка вещей. Черзвычайно любопытно проследить это хотя бы на физиократах, в особенности на Quesnay. Законы «нормального» у него суть незыблемые законы, подобные законам механики, и только «незнание» может приводить к несоответствующим «положительным законам». В связи с этим стоят и всевозможные попытки обоснования естественного права, моральных норм etc. more geometrico.

[6] См.: Н. Н. Алексеев. Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов. Очерки по истории и методологии общественных наук. Ч. I. Механические теории общества. Исторический материализм. М. 1912.

[7] Ф. Энгельс. Диалектика природы. Стр. 85.

в сверхъестественность, которая является, в свою очередь, мостиком к божеству. [8]

Понятно, следовательно, чем объясняется своеобразная терминология Маркса. Маркс неоднократно, начиная с I тома «Капитала», говорит об общественном процессе, как «естественно-историческом» процессе, о законах общественного движения, как «естественных законах на манер закона тяжести» и т. д. С другой стороны, Маркс усиленно подчеркивает специфичность общественных отношений и соответствующих законов («Природа не создает, с одной стороны, владельцев денег, а с другой — владельцев только собственной рабочей силы. Отношение это — совсем не естественно-историческое». Там же). Но только плоские умы могут вывести отсюда «непоследовательность» Маркса. Ибо ясно, в чем заключается его основной подход: общество — звено в цепи всеобщего исторического развития мира, звено, развитие которого закономерно, так же как и развитие природы (в этом смысле законы общества суть естественно-исторические законы, как бы «критически мыслящим» личностям ни хотелось выпрыгнуть в мир сверхприродного бытия); но эта закономерность есть закономерность особая: эта — закономерность ни физического, ни химического, ни биологического типа: это специфически-общественная закономерность, которую нужно «теоретически схватить» именно в этой специфичности; в одном случае (против идеалистов) Маркс подчеркивает связь с природой;

---

[8] Н. Н. Алексеев ставит во главу угла стихотворение Гёте:

Denn unfühlbar
Ist die Natur
Es leuchtet die Sonne
Ueber Böse und Gute.
Und dem Verbrecher
Glänzen wie dem Besten
Der Mond und die Sonne...
. . . . . .
Nur der Mensch
Vermag das Unmögliche
Er unterscheidet,
Wählet und richtet,
Er kann dem Augenblick
Dauer verleihen.

Но из всего этого отнюдь не следует, что можно вырывать «человека» из всей цепи развития природы. Тогда отрезывается весь путь к познанию этого «человека».

в другом (против механического материализма, «органологии» биологизирующих социологов, позитивистов типа Конта — Спенсера и их эпигонов) — он подчеркивает специфически общественный характер, новое качество. При мало-мальски вдумчивом отношении к предмету совершенно ясным становится все богатство марксова метода по сравнению со всеми другими школами и направлениями. [9] Преодоление «натуралистической» точки зрения

---

[9] W. Sombart, как известно, получающий огромные проценты с марксова «Капитала», написал не так давно целую работу, посвященную анализу понятия закономерности у Маркса (W. Sombart. Der Begriff der Gesetzmässigkeit bei Marx. Schmollers Jahrbücher. 47. Jahrg.): «Kein Begriff, — заявляет автор, — ist von Marx so salopp (!!). behandelt worden, wie der der Gesetzmässigkeit» (!!) «Математический закон», эмпирический закон, естественный закон (Naturgesetz), естественно-исторический закон, диалектический закон и т. д. — все спутано. Зомбарт, у которого есть много свойств гейневского профессора с его ящичками, не понимает 1) того, что связи (закономерные) бытия и становления разнообразны; 2) что «эмпирические законы» не отделены китайской стеной от «законов в научном смысле слова» (они — форма проявления этих последних); 3) что законы диалектики суть наиболее общие законы и природы, и общества; 4) что общественные законы лишь относительно противопоставляются естественным; 5) что поэтому все его умствования основаны на профессиональном убожестве профессионального классификатора. Корень же вещей лежит в следующем его богобоязненном замечании: «Es ist ein ungeheurliches Gedanke, die Hegel'sche Dialektik auf die empirische Welt anwenden zu wollen. Sie ist durchaus logogenetisch, emanatistisch und verliert jeden, aber auch jeden Sinn, wenn man auf empiristischem Standpunkt steht (l. c., S. 28). Другими словами, диалектика может быть только мистической, метафизической, идеалистической, и спустить ее с небес Абсолютного Духа — значит не только профанировать ее, но и убить. Таким образом, все дороги ведут в один и тот же Рим. Забавно отметить, что другой критик Маркса, бывший автор первого русского с.-д. манифеста и теперешний крайний монархист, г. П. Струве, выдвигает прямо противоположное утверждение: «Не диалектический метод заимствовал в действительности Маркс у Гегеля, а логический реализм в его подлинно онтологическом истолковании и расширении. Обоим им, и Гегелю, и Марксу, был поэтому глубоко чужд дух эмпиризма, для которого такого рода «реализм» есть яд» (П. Струве. Хозяйство и цена. Критические исследования по теории и истории хозяйственной жизни. М. 1913. Изд. Рябушинского. Часть I, стр. XXVI). Из конфронтации этих двух мнений вытекает такая «verité»: Маркс не является ни плоским эмпириком, ни творцом пустых абстракций, что и будет соответствовать действительности. W. Sombart полагает также, что общественные закономерности, как их понимает Маркс, берут безличную массу людей («demokratisch-proletistischen Wertung»!! Sombart'у невдомек, что «гении» сами функционируют, как выражение общественной жизни). То же у W. Lexis'a. Ст. «Gesetz» (im gesellschaftlichen und statistischen Sinne.). Hndw. d. Staatsw. 4. Band. 4. Auflage. S. 886. Все это связано со школой Риккерта. Против — см.: F. Eulenburg. Gesellschaft und Natur. Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. N. F. B. XXI. S. 523.

(которая исходит не из единства общества и природы, при их противоположности, а из их тождества) отнюдь не означает обязательного (как этого добиваются буржуазные идеологи) перехода на позиции идеалистической метафизики: идея историзма — вовсе не частная собственность идеалистических направлений: исторические «законы движения» общества могут быть вскрыты как раз лишь при помощи материалистической диалектики.

Итак: законы общественного развития суть специфические законы. Поэтому, например, в корне неверно и методологически недопустимо механическое перенесение закономерностей биологического порядка на процессы общественного развития. Общество исторически развилось из животного стада, но оно уже не стадо. «Образ жизни» животного вида, т. е. единообразие жизненного поведения животных одного вида, все же не есть «способ производства». Естественные органы животного отличаются в корне от искусственной техники, которая есть сама продукт активного труда, т. е. активного приспособления к среде. И т. д. и т. п. [10] Переход от стада к производящему обществу есть с точки зрения всемирной истории скачок, хотя это был, в свою очередь, целый огромный и длительный исторический период. Но поскольку общество уже сложилось как новое звено всеобщего и универсального исторического процесса, оно развивает свои особые противоречия и обнаруживает особую форму движения. «В этой области предстояло сделать то же, что и в области понимания внешней природы, — устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача, в конце концов, должна была привести к открытию всеобщих законов движения, господствующих в истории человеческого общества». [11] Эти «всеобщие законы движения, господствующие в истории человеческого общества», были формулированы Марксом в его теории исторического материализма, гениальном учении, создание которого означает действительно совершенно новую эпоху в развитии общественных наук. Таким образом, общие законы диалектики нашли здесь себе особую конкретную, общественную, форму про-

---

[10] См. по этому поводу нашу статью «Дарвинизм и марксизм». Сб.: Этюды. М. — Л., 1932. Там же литература.

[11] Ф. Энгельс. Людвиг Фейербах.

явления. [12] Общество включалось, как звено, в универсальную историческую цепь, в полном соответствии с объективной исторической действительностью.

Но именно здесь и должно было с буйной мощностью сказаться преимущество смелой и бесстрашной, революционной и материалистической, диалектики Маркса. Необходимо еще раз со всей энергией подчеркнуть своеобразие марксова историзма по сравнению с историзмом «исторической школы» в ее многообразных проявлениях. Известно, как гневно бичевал ее Маркс: [13] практически ориентируясь на увековечение данного, теоретически она просто выключала всякий «перерыв постепенности», тогда как революционная диалектика Маркса исходит из неизбежной смены общественных форм, включая исторически обусловленную противоречивость развития, обострение внутренних противоречий, классовую борьбу, катастрофический переход одной общественной формы в другую через революцию и т. д.

Строгое познание объективных законов общественного развития отнюдь не предполагает у Маркса — вопреки тому, что говорят многочисленные его критики, ведущие перманентную партизанскую войну карликов против этого гиганта мысли и действия, — какого-либо «Fatum'a», «Рока», «Судьбы». Сама история у Маркса отнюдь не гипостазируется и не превращается в своеобразного

---

[12] Günther Jacobsohn (Die materialistische Geschichtsauffassung im Lichte der neueren soziologischen Forschungen. Dissertation. Albertus-Univ. zu Königsberg i. Pr. Febr. 1921. S. 41) пишет: «Seine (Marxens. — *Н. Б.*) materialistische Geschichtsauffassung tritt mit dem Anspruch auf, den gesellschaftlichen Zusammenhängen den Schleier abgenommen zu haben. Sie erklärt, dass zwischen Natur-und Sozialgesetzen kein Wesensunterschied bestehe. (Это верно. — *Н. Б.*) Natur- und Sozialgesetze unterscheiden sich graduell voneinander, nach der Zahl ihrer Determinanten». (Это вовсе неверно). Речь идет не о количестве — и только: речь идет именно о новом качестве. Но качество — качеству рознь: здесь есть весьма новое качество, но все же не «сверхъестественного» порядка.

[13] К. Маркс. К критике гегелевской философии права. Соч., т. I, стр. 401: «Школа, узаконяющая подлость сегодняшнего дня подлостью вчерашнего, школа, объявляющая мятежным всякий крик крепостных против кнута, если только этот кнут — старый и прирожденный исторический кнут; школа, которой история показывает, как бог Израиля своему слуге Моисею, только свое a posteriori, эта историческая школа права изобрела бы немецкую историю, если бы она не была изобретением немецкой истории. Она, этот Шейлок, но Шейлок лакей, клянется в каждом фунте мяса, вырезанном из народного сердца, ее векселем, ее историческим векселем, ее христианско-германским векселем».

субъекта, стоящего над людьми. Наоборот: еще в полемике с Бруно Бауэром Маркс обрушивался на подобную трактовку вопроса. «История, — писал он в «Святом семействе», — не есть какая-то особая личность, которая пользуется человеком как средством для достижения своих целей. История — нечто иное, как деятельность преследующего свои цели человека». [14] В связи с этим следует отметить и другое обстоятельство. Маркса часто превращают в вульгарного апостола «прогресса». Это тоже не соответствует действительности. «Вопреки претензиям «прогресса» всегда замечаются случаи регресса и кругового движения». [15] У Маркса, следовательно, нет ни намека на фатализм, с одной стороны, ни на панглоссовскую телеологию — с другой. [16]

Но из того факта, что «люди делают историю», не вытекает, что эта людская деятельность стоит вне какой бы то ни было закономерности. Общество не есть сумма изолированных и механически объединенных индивидуумов. Это есть определенная целокупность, расчлененная и противоречивая, с многообразием своих моментов. Поэтому объективные общественные законы не совпадают с субъективными целеполаганиями и их нельзя выводить из индивидуальных «мотиваций»; наоборот, каждый индивидуум уже рождается «обобществленным» и его действия детерминируются совокупностью его жизненных условий. Эту жизненную обстановку он уже преднаходит, хотя на нее и воздействует. Следовательно, для Маркса важно найти «законы движения» особой формы целокупности, человеческого общества, и притом исторического общества. Интересно отметить, что ряд критиков Маркса, обрушивающихся на него за якобы механистический подход к обществу, в то же время делает ему упре-

---

[14] Маркс и Энгельс. Святое семейство. Соч. Т. 1. Стр. 118.

[15] Ibidem, p. 107. Ср. с этим германско-патриотическую и империалистскую «обработку» Маркса у Troeltsch'a, l. c. S. 355, со ссылками на автора подделки проф. Oncken'a (Preussische Jahrb. 1914).

[16] Это понимают даже некоторые (впрочем, немногие) буржуазные ученые. Ср. Edwin R. A. Seligman. The economic interpretation of history. 2. ed., revised. New York. Columbia Univ. Press. 1924: «To the extent, then, that the theory of economic interpretation is simply (!) a part of the general doctrine of social environment, the contention that it necessarly leads to an unreasoning fatalism is baseless. Men are the product of history, but history is made by men» (pp. 100—101).

ки за то, что он исходит из общества, а не из человеческой единицы. Между тем именно из преодоления механической, бескачественной, количественно-математической концепции общества как раз и вытекает своеобразие законов специфической целокупности («Totalität»): целокупности (а не ее «составной части») специфически общественной (а не родовой, видовой, биологической, физико-химической).

Но эта целокупность, общество, не берется у Маркса как тощая абстракция.

Если мы начинаем анализ, например, с населения — то это абстракция, если опустить классы; классы — абстракция («leeres wort»), если мы не знаем их элементов и т. д. «Следовательно, — говорит Маркс, — если я начинаю с населения, то это было бы хаотическим представлением о целом, и путем ближайших определений я бы дошел аналитически до все более простых понятий; от представленного конкретного ко все более тонким абстракциям (Abstrakta), пока бы не дошел до простейших определений. Оттуда путешествие началось бы снова обратным путем, до тех пор, пока я наконец снова не достиг населения, на этот раз не как хаотического представления о целом, но как богатой целокупности многих определений и связей». [17] Метод этого перехода —

---

[17] K. Marx. Einleitung zu einer Kritik der polit. Oekonomie. «Zur Kritik» hg. von K. Kautsky. Stuttgart. Dietz. 1909. S. XXXV. Ср. также: «Hegel geriet daher auf die Illusion, das Reale als Resultat des sich in sich zusammenfassenden, in sich vertiefenden und aus sich selbst sich bewegenden Denkens zu fassen, während die Methode, vom Abstrakten zum Konkreten aufzusteigen, nur die Art für das Denken ist, sich das Konkrete anzueignen, es als ein Konkretes geistig zu reproduzieren» (XXXVI). «Das Ganze, wie es im Kopfe als Gedankenganzes erscheint, ist ein Produkt des denkenden Kopfes der sich die Welt in der ihm einzig möglichen Weise aneignet, einer Weise, die verschieden ist von der Künstlerisch-religiös-praktisch-geistigen Aneignung dieser Welt» (ibid., S. XXXVII). Отсюда ясно, насколько остроумен П. Б. Струве, додумавшийся до превращения Маркса в Фому Аквината и уличающий великого материалиста в «логическом» реализме, т. е. в положении о субстанциональном существовании общих понятий («universalia sunt realia», а не «nomina»). С другой стороны, нужно особо подчеркнуть разницу между общими понятиями и понятиями реальных целокупностей. В объективном мире первому соответствуют повторяющиеся черты во многом; второму соответствует непосредственно реальная целокупность. Материя бескачественная, «геометрическая», только количественная — это одно. Материя — как целостность всех переходящих одна в другую и качественно различных материй — это другое «Universalia» и «Totalitäten» — разные вещи. Это положение чрезвычайно существенно для понимания целого ряда сложных методологических вопросов обществоведения.

от хаотического представления конкретного к простейше-абстрактному и затем обратно к обогащенной конкретной целокупности есть метод Маркса, метод, который не укладывается в формально-логические и обычные противопоставления индукции и дедукции, анализа и синтеза, конкретного и абстрактного. Поэтому уже понятие общества является у Маркса не пустым абстрактным и внеисторическим понятием, а понятием, включающим все расчлененное многообразие своих конкретных исторических определений, которые даются в их развитии, в соответствии с действительным ходом действительного исторического процесса. Здесь по-настоящему разрешается у Маркса та познавательная проблема, которую Риккерт счел специфической для человеческой истории — проблема «индивидуального» и «типичного». Маркс, на основании кропотливейшего изучения истории, пришел к понятию экономической структуры общества, являющейся морфологическим принципом всего общественного целого, «способа производства», как исторически «индивидуального» (и в то же время «типичного»), как специфической фазы исторического развития. Уже Макс Вебер отметил, что «индивидуальное» нельзя понять без «номологического знания». [18] Но индивидуальное, даже «малого порядка», нельзя представлять как кантовскую вещь в себе, без соотнесения к «другому», вне связи с другим, вне общественной целокупности. Поэтому Вебер вынужден восстанавливать «генерализирующий метод», похороненный Риккертом, на базе риккертианских посылок, которые имеют совершенно определенный социальный смысл, как и все установки кантовского «практического разума», [19] и прибегать к построению так называе-

---

[18] Max Weber. Сб. Gesammelte Aufsätze zur Wissenschaftslehre. Tübingen. 1921. Ст. «Die Objektivität sozialwissenschaftlicher und sozialpolitischer Erkenntnis». S. 178—179.

[19] Ibid., 214: «И во всех нас живущая в той или иной форме вера в сверхэмпирическую значимость последних и наивысших идей ценности, на которых мы утверждаем, как на якоре, смысл нашей жизни» ...«Свет, который проливают эти высочайшие идеи ценности»... и т. д. Каким образом регулятивную идею о сверхэмпирических ценностях связать с научной объективностью познания — понять трудно. «Die Soziologie wie die Geschichte deuten zuerst «pragmatisch», — замечает M. Weber (Ueber einige Kategorien der verstehenden Soziologie. Logos. Band IV 1913. Heft 3. S. 255). Если производить выбор, исходя из мелкой лавочки буржуазной практики, хотя бы освещаемой вышеупомянутыми лучами, тогда могучее познание невозможно. Но если, как у пролетариата, практика требует по-

мых «идеальных типов», плохого, идеалистически искалеченного, сколка с марксовых «экономических формаций» (rsp. «экономических структур», rsp. «способов производства»),[20] причем у него преобладают, как справедливо говорит Трельч, «интеллектуальное созерцание (Anschauung) больших социологических комплексов и эволюционных связей».[21]

Итак:

1. У Маркса общество есть часть природы, но противопоставленная ей часть, особая и специфическая, исторически возникшая (здесь, следовательно, налицо единство, но не тождество; раздвоение единого).

2. Она действует на природу активно и изменяет ее (взаимное проникновение противоположностей).

3. Она имеет свои специфические законы (общественные законы), качественно отличающиеся от законов неорганического мира и законов биологии (исторически возникшее новое качество), но отнюдь не «законы» сверхнатурального свойства (материализм).

4. Общество берется в многообразии своих исторических определений и в процессе своего исторического развития (диалектика абстрактного и конкретного).

5. У Маркса нет никакой телеологической «всемирной концепции» («цели истории», «прогресс», «единое человечество»; «в действительности же то, что обозначают словами «назначение», «цель», «зародыш», «идея» прежней истории, есть не что иное, как абстракция позднейшей исто-

---

знания всего развития капитализма и т. д. в целом, т. е. ставит широкую познавательную (практически весьма ценную, поскольку разрешена) задачу, то внутри этой задачи подбор фактов должен лежать уже не по линии ценностей: ибо «логика» этих «ценностей» и «логика» «важностей» с точки зрения объективного хода вещей отнюдь не совпадают и совпасть не могут, выщипывание «ценного» «индивидуального» теряет всякий смысл.

[20] «Идеальные типы» М. Вебера построены по гетерогенным принципам, с отвлечением от совокупных признаков исторически данных способов производства, с непониманием существенных черт формации (недооценка наемного труда при капитализме), с ударением на психологических мотивах «хозяйствующих субъектов». «Прагматически» и с точки зрения ценности для буржуазии это означает: 1) подкрепление религии, 2) возможность находить капитализм и социализм всюду и везде и тем самым путать все карты в исторической игре.

[21] E. Troeltsch. Der Historismus. S. 367—368. Тут же Трёльч отмечает сильное влияние Маркса.

рии, абстракция активного влияния, оказываемого прошлой историей на позднейшую»). [22]

Самым замечательным изложением теории исторического материализма, за исключением блестящего и лапидарного предисловия к «Zur Kritik der politischen Oekonomie», является, несомненно, «Немецкая идеология», в особенности та ее часть, которая посвящена критике Фейербаха.

С самого начала авторы ставят всю проблему в широкие рамки: «Мы знаем только одну-единственную науку, науку истории. Историю можно рассматривать с двух сторон и делить на историю природы и историю людей. Но нельзя отделять друг от друга обе эти стороны: пока существуют люди, история природы и история людей обусловливают друг друга». [23] Это раздвоение единой природы на противоположные начала и обусловливает все дальнейшее движение как последняя инстанция; движение этой противоположности, борьба общества с природой, возрастающий процесс «очеловечения» природы, постоянное проникновение одной противоположности в другую лежит в основе всего движения: это есть закономерность развития производительных сил общества и основа его самодвижения. Отношение к природе есть активное, деятельное отношение — это есть труд, процесс производства. Общественный человек — это, прежде всего, не animal rationale, а homo faber, toolmaking animal. Таким образом, первая предпосылка — это «телесная организация индивидов и данная этим связь с природой». Производство жизненных средств и средств производства — есть производство материальной жизни. Но это производство — не механическое рядоположение отдельных трудящихся индивидов, а производство, субъектами которого являются общественные индивидуумы в определенного типа общественной связи. Типы этой связи выясняются эмпирическим наблюдением. Это «производственные отношения», основное общественное расчленение (в классовом обществе, прежде всего, расчленение на классы), тот «базис», на котором вырастает политическая, моральная, философская, религиозная и т. д. «надстройка». Практика порождает теорию, материальное производство выделяет производство духовное; это последнее, с ростом многообразного разделения труда и фиксацией разделенных функ-

---

[22] К. Маркс и Ф. Энгельс. О Фейербахе. Архив. 1. Стр. 225.
[23] Ibid., p. 214

ций за классами (которые отличаются друг от друга своим отношением к средствам производства, прежде всего, своим положением в процессе производства и распределения), относительно отрывается от своей основы и получает в сознании своих агентов иллюзорную суверенную самостоятельность. Так возникает иллюзия «самостоятельной» истории религии и морали, права и философии, науки и искусства и т. д. Люди, общественно-исторические люди, люди «как они обусловлены способом производства их материальной жизни», «являются производителями своих представлений, идей и т. д. и т. п.». [24] Эти последние являются, таким образом, «идеологическими рефлексами и отражениями этого жизненного процесса», [25] что вовсе не исключает, а, наоборот, предполагает их активный характер. Таким образом, на арене истории действует общество в его конкретно-исторической определенности. Его производительные силы (единство средств производства и рабочих сил), его экономическая структура, соответствующая технико-производственной основе и уровню производительных сил; его государственная организация, его «способ представления» — составляют известное морфологическое единство. Следовательно, эта историко-общественная целокупность (Totalität) выступает, как конкретный субъект истории, с множеством своих конкретных свойств и соответствующих определений; задача науки — в том, чтобы «изобразить все дело в его совокупности, а потому и взаимодействие этих различных сторон друг на друга». [26] Но вся эта совокупность взаимодействия и связей имеет, вплоть до самых туманных сублиматов, свою материальную основу: материальный способ производства, следовательно — в движении — процесс непосредственного материального производства жизни, активную общественную практику, которая получает свое выражение в общественном сознании. Не общественное сознание определяет собой общественное бытие, а, наоборот, общественное бытие, как основа, определяет собой общественное сознание.

Но историческое общество само есть диалектическое единство противоположностей. Его материальным содержанием, основным и непосредственным, является процесс производства жизни, т. е. процесс труда, процесс роста произво-

---

[24] Ibid., p. 215—216.
[25] Ibid.
[26] Ibid., p. 227.

дительных сил. Его содержательной формой, в которой конкретно-исторически происходит движение производительных сил, является «экономическая структура общества». Противоположность формы и содержания превращается в противоречие. Когда это противоречие между производительными силами и производственными отношениями взрывает все единство, происходит социальная революция, общество из одной фазы переходит в другую. Юридические отношения собственности (юридический перевод производственных отношений), государственная надстройка, старые «способы представления» — все разрушается и уступает место новым формам. [27] Старые формы были когда-то «формами развития»—они диалектически превратились в «оковы развития», в свою собственную противоположность. Это противоречие «снимается» в процессе революции. Но процесс революции не есть автоматический процесс: люди делают свою собственную историю. [28] Однако выясненные Марксом законы общественного развития говорят нам о том, как ведут себя большие массы людей, расчлененных и объединенных общими жизненными условиями, при изменениях этих жизненных условий. Противоречие между способом производства и развитием производительных сил отражается и выражается в ряде других противоречий, которые обнажают противоположность классов, усиливают классовую поляризацию, обостряют классовые интересы, производят идеологическое размежевание классов, форсируют формирование классового самосознания революционного класса и его союзников и через революцию живых людей, через борьбу революционного класса против класса, закрепившего старые производственные отношения в концентрированной форме своей государственной власти, через разрушение этой власти и разгром сил противника, через освобождение производительных сил и организа-

---

[27] K. Marx. Zur Kritik der politischen Oekonomie. S. LV.

[28] Поэтому, вероятно, C. Bouglé (Chez les prophètes socialistes. Paris. Félix Alcan. 1918) пишет о марксизме: «Le noyau du matérialisme historique c'est la croyance à ce qu'on pourrait appeller l'automatisme technologique» (213). Вопрос о «фатализме» в марксизме (партия, борющаяся за неизбежное затмение луны) в особенности муссировался в связи с известной книгой R. Stammler'a (Wirtschaft und Recht etc.), о которой с большим пренебрежением писал в свое время его кантианский коллега Max Weber. См. статью последнего: R. Stammlers, «Ueberwindung» der materialistischen Geschichtsauffassung. Archiv für Soz.-Wiss. und Soz.-Politik. 24. B. 1907.

цию новых форм движения этих сил общество переходит в другую форму своего исторического бытия.

Общество рассматривается Марксом, таким образом, как исторически конкретное общество, историческая форма которого есть преходящая форма. «Всеобщие законы» исторического развития включают, следовательно, законы перехода одной общественной формы в другую и предполагают специфически исторические особенные законы различных общественно-экономических формаций.

В основе теории исторического материализма лежит та материалистическая предпосылка, что все жизненные богатства общества, все содержание его жизненного процесса в целом, в конечном счете, определяются уровнем власти над природой, степенью реального овладевания (и, следовательно, реального изменения) внешнего мира, т. е. движением и самодвижением производительных сил, процессов материального труда, который проходит всегда в конкретной исторической общественной форме, т. е. неразрывно связан с экономической структурой общества. По отношению к движущимся материальным производительным силам и меняющейся экономической структуре общества естественные предпосылки, как таковые, суть относительная константа, хотя она и чрезвычайно важна, как исторически исходный пункт развития; более того, движение этих естественных предпосылок, как предпосылок общественного развития, есть производная от движения производительных сил: скрытые, так называемые «естественные богатства» общественно не функционируют; они должны перестать быть «скрытыми»; лишь тогда, когда они из материи превращаются в материал, из «вещей в себе» в «вещи для нас», вступая в поток искусственной материальной трансформации, т. е. в поток материального трудового процесса, становясь объектом изменения, они изменяются (и количественно и качественно), как «моменты» общественного развития. Но это количественное и качественное изменение есть следствие развития производительных сил. Точно так же дело обстоит и с биологической «природой человека», т. е. другой стороной «естественных предпосылок» общественного развития. «Телесная организация», «родовой» или «видовой» человек, есть историческая предпосылка общественно-исторического человека, относительно константная. И опять-таки: из-

менение «природы человека» (и телесной, и ее духовного коррелята) есть производная от общественного развития: закономерность ее развития определяется закономерностью развития всего общества, в основе чего лежит закономерность развития производительных сил, т. е. специфически-общественная закономерность. Тем самым отвергается односторонний «географический» материализм, выводящий все историческое развитие из условий климата, почвы, оро-гидрографических и т. д. моментов, а равно и биологический материализм (rsp. позитивизм), механически переносящий биологические закономерности на общество и выводящий законы общественного развития из так называемой «природы человека», как его биологической природы. Но материалистическое понимание истории поражает насмерть, прежде всего, все виды идеализма в общественных науках. Явления общественного сознания суть производное от явлений общественного бытия. Материальный факт процесса развития производительных сил (или их упадка) в его общественно-исторической форме, т. е. изменения в производительности общественного труда и людских отношений в процессе этого труда (производственных отношений), суть основные детерминанты, в последнем счете — то есть прямо или косвенно, непосредственно или через ряд промежуточных звеньев — обусловливающие изменения всей сферы надстроек: политических, юридических, моральных, научных, эстетических, философских. Морфологическое единство общества (хотя и противоречивое, и притом с развитием этих внутренних противоречий по разным направлениям) именно и обусловливается тем, что оно имеет единую материальную основу. Поверхностная идеалистическая точка зрения в общественных науках исходит из разного рода форм общественного сознания, не ставя даже вопроса об объективных детерминантах этого сознания. Наоборот, материалистическое понимание истории анализирует именно эти материальные детерминанты, движение которых определяет движение соответствующих мыслительных форм. [29] «Соответственно различным спосо-

---

[29] Здесь уместно отметить, что буржуазные «критики» марксизма в области философской нередко стремятся объявить признание внешнего мира, материи, «мистикой». Подобно этому в области общественных наук они объявляют «мистикой» производительные силы. См. напр.: «Туган-Барановский. Теоретические основы марксизма;

бам производства в различных странах и в разные эпохи, определенной экономической иерархии отвечает... своя иерархия душ, умов и понимания... Иерархии социальных отношений и экономическому развитию классов соответствует психология классов».[30] Классовая борьба наполняет собой всю историю классовых обществ — это жизненный нерв исторического процесса. Но сама эта борьба, расстановка классовых сил, их конкретное сочетание обусловливаются развитием определенного способа производства; с другой стороны, она разыгрывается не только в области борьбы непосредственных материальных интересов, но и в самых высоких сферах идеологии: даже общие мыслительные формы эпохи выражают и

Masaryk, l. c., и легион других. Не менее ходовым является и другой прием, а именно заявление, что марксово материалистическое понимание истории ничего общего не имеет с философским материализмом, что оно отнюдь не материалистическое понимание исторического процесса. На этом поприще подвизаются и откровенно буржуазные критики, и социал-демократические фальсификаторы марксизма á la Max Adler, O. Bauer, A. Braunthal e tutti quanti («реалисты», «позитивисты», «неокантианцы» и прочие). См. также: E. Lederer. Grundzuge der ökonomischen Theorie. J. Mohr. Tûbingen. 1922. 5.6. «Diese (материалистическое понимание истории. — *Н. Б.*) hat mit dem philosophischen Materialismus nichts gemein».

Явно позитивистская интерпретация (а не диалектическо-материалистическая) учения Маркса имеется и у Каутского, и притом не только в его «Materialistische Geschichtsauffassung», но и в ранних работах. Насколько беззаботны были здесь теоретики Второго Интернационала, видно хотя бы из сборника статей Neue Zeit «Исторический материализм» (сост. Семковским). В этом отношении бесконечно выше стояли Г. В. Плеханов и Антонио Лабриола, чрезвычайно ценимый Лениным и, к сожалению, незаслуженно забытый (см. его «Исторический материализм» и «Исторический материализм и философия. Письма к Сорелю»).

[30] Антонио Лабриола. К вопросу о материалистическом взгляде на историю (Essais sur la conception matérialiste de l'histoire). Изд. Березина и Семенова. СПБ. Стр. 24. В настоящее время одним из наиболее ярких выразителей бесноватого идеализма является Othmar Spann, который определяет общество и его закономерности следующим образом: «Die Gesellschaft und alles, was in ihr enthalten ist (sohin auch die Wirtschaft) ist ein Geistiges, kein Materielles. Als Geistiges, ist sie Ganzheit und nicht Summa oder Haufen von getrennten Einzelheiten, daher nicht Mechanismus, nicht Atomhaftes; daher auch nicht ein von mechanischen Gesetzen der Ursächlichkeit, sondern ein von den Gesetzen der Gliederung, der zweckgiltigen, teleologischen Ordnung Beherrschtes» (O. Spann. Tote und lebendige Wissenschaft. Zwei Abhandlungen zur Auseinandersetzung mit Liberalismus und Marxismus. Jena, Gustav Fischer. 1921). Забавно при этом, что г. Spann считает Маркса представителем атомистического и индивидуалистического метода.

отражают ее специфический стиль и ее классовое расчленение, т. е. в конечном счете способ производства, связанный с уровнем производительных сил.

Учение Маркса о движении общественно-экономических формаций отнюдь не является искусственным головным построением: оно обобщает громаднейший практический и теоретический опыт. Конечно, «экономические структуры» с их надстройками не могут отразить всей полноты конкретного исторического потока целостной жизни во всем ее многообразии. Но, как было уже замечено раньше, будучи беднее жизни, эти обобщения богаче мозаики, преподносимой плоским эмпиризмом, обычно сдобренной порцией «моралина». Они выражают основные и решающие соотношения, те, которые определяют маршруты исторического движения. «Чистый капитализм» есть, безусловно, абстракция, хотя и во многих случаях весьма полезная абстракция. Но капитализм «нечистый» есть реальность — и как сочетание «капитализмов», и как «мировой капитализм», в порах которого еще держатся остатки докапиталистических укладов. «Чистая классовая структура» — конечно, абстракция. Но классовая структура реального капитализма в действительности именно такова, что массы составляются из наемных рабочих, а командуют хозяйством (и государством) монополисты средств производства. «Чистый пролетариат» — это абстракция. Но живое единство массы пролетариев разных квалификаций с периферией и крепким реальным ядром есть реальность, которая реально борется за свое реальное господство. Поэтому учение о смене историко-экономических формаций, как учение о процессе «истории», адекватно отображает реальный исторический процесс. Виндельбандовско-риккертианское противопоставление «истории» и «теории» нужно сдать в архив: история, как механическая груда отдельных фактов, не есть история как наука; координирование индивидуальных фактов и их шеренга под телеологическо-теологической командой кантовского категорического императива не есть наука; «Zweckwissenschaft» à la Штаммлер, Штольцман [31] и др. не есть наука. С другой стороны, не может являться научным построение, которое дает голую схему абстрактного порядка. Но вопрос о пусто-абстрактном характере той или другой теории есть

[31] R. Stammler, l. c.; R. Stolzmann. Der Zweck in der Volkswirtschaftslehre.

конкретный вопрос, вопрос фактического разбора этой теории, вопрос ее проверки.[32] Противопоставление «теории» и «истории» есть остаток того воззрения, которое полагало, что природа не имеет истории и потому ее законы вечны. «Естественный» вечный закон и застывшая система соотношений, фиксированных этими «вечными законами», есть база «теории». «Теория», по этому представлению, есть система поставленных в связь и формулированных «вечных законов». Наоборот, история есть истечение свободного творческого духа, который творит новое, производя, главным образом, все новые и новые этические ценности. Поэтому человеческая история есть, как выражается Штаммлер, «Gegenstück» по отношению к природе, а науки о духе суть «Gegenstück» по отношению к естественным наукам. Вместе с уничтожением принципиального дуализма природы и общества, естественных и общественных законов, падает и принципиальное противопоставление теории и истории.

Итак, материалистическое понимание есть материалистическая диалектика в ее специфической и обогащенной форме, есть диалектика общественно-исторического процесса, вскрывающая его объективную диалектику. Маркс первый, на основании богатейшего материала, гигантского моря фактов, огромного знакомства с историческим материалом разных эпох и народов, необычайно богатого опыта новейшей европейской истории, практики общественной классовой борьбы, великим мастером которой он был сам во всех ее областях, вывел законы исторического развития. Это монументальное, теоретическое построение, равного которому не знает мир. Там, где раньше царил «случай», деяния полководцев и царей, носы Клеопатры и желудок Наполеона; там, где люди видели непонятную борьбу абстракций и символов, кровавые сечи за форму причастия или знак полумесяца против креста; там, где идеалистическая философия давала суррогат объяснения, заставляя своего «духа» перманентно воплощаться в реальном историческом процессе, — там впервые заняла свое место настоящая наука, уничтожившая

---

[32] Образцом пустяковой quasi-проверки может служить ультраповерхностная статья проф. H. Delbrück'a «Die Marxische Geschichtsphilosophie» (Preussische Jahrbücher. B. 182).

иллюзорные связи вещей и процессов и поставившая на их место действительные связи. Общество, историческое общество, было научно «открыто», как живое и многосложное, внутренне противоречивое и движущееся, связанное с природой и активно на нее воздействующее единство, развивающее свои противоречия и переходящее из одной качественно определенной формации в другую, с особыми, специфическими законами. Таким образом, всеобщие законы общественно-исторического развития (Энгельс) уже таят в себе особые законы движения специфических общественно-исторических формаций, выражающие специфические формы движущих противоречий: законы развития феодализма, например, не те, что законы развития капитализма; законы движения каждой такой формации оригинальны, хотя они и «действуют» на основе общих законов мерностей, устанавливаемых теорией исторического материализма. Иначе и не может быть, ибо различны производительные силы (и количественно и качественно), различны экономические структуры, различны классы, различны надстройки; все жизненное единство и все его противоречия другие. Поэтому, например, закон периодических кризисов перепроизводства нелепо искать в натуральных формах хозяйства, как нелепо искать в застойных обществах подвижных форм научного мышления, вроде счисления бесконечно малых. Это — не контовский consensus, с деревянными иерархическими категориями. Здесь все противоречиво, подвижно, диалектично: здесь играет живая историческая жизнь. Маркс установил бесконечное множество общих и частных закономерностей «второго порядка», кроме тех огромных и величественных обобщений, которые составляют «ядро» материалистического понимания истории: его блестящий анализ групп внутри класса, идеологов и практиков; его анализ разделения труда и влияния этого разделения на весь строй мышления; его анализ отдельных форм надстроек и, в первую очередь, его учение о государстве, которое уже само по себе есть целая мыслительная революция и наиострейшее орудие практически политической борьбы пролетариата[33] и т. д. и т. п. — все это важнейшие достижения науки. Без всякого преувеличения можно сказать, что его подстрочными примечаниями кормится

---

[33] Об этом ниже, в другой связи. См. классическую работу В. Ленина: Государство и революция.

(теоретически, разумеется) целая плеяда наиболее крупных голов из лагеря официальной науки. Так, например, его замечание о роли протестантизма для генезиса капитализма[34] вызвало целую литературу (Зомбарт, особенно Макс Вебер, Трёльч и др.).[35]

Особое значение имеет в теории исторического материализма учение о классах и классовой борьбе. Классы — живые собирательные носители противоречий каждого (классового, т. е. предполагающего классовое общество) способа производства. Движение этих противоречий и их революционное разрешение идет через классовую борьбу в ее триединой форме — экономической, политической и теоретической. Ведь и господствующие идеи суть идеи господствующего класса, и господствующий «способ представления» (или «Wissensform» как его «для оригинальности» называет Max Scheler) есть «способ представления», ему свойственный. Таким образом, здесь внутри общества формируются свои живые «Totalitäten», из которых один становится в ходе развития революционным классом par excellence. При определенных исторических условиях он и делается могильщиком старого общества.

Материалистическое понимание истории, с его учением о классовой борьбе и революции, есть объективная научная теория: она выясняет, опираясь на самые общие законы бытия и становления (материалистическую диалектику или диалектический материализм), общие объективные законы человеческой истории.[36] Это не есть субъективистское построение; это — не волюнтаристская теория с волей как первичным и всеопределяющим факто-

---

[34] K. Marx. Das Kapital, B. I. S. 239. Fussnote.

[35] В сборнике, посвященном памяти Макса Вебера, самого крупного из буржуазных ученых-обществоведов, «Hauptprobleme der Soziologie» (München u. Leipzig. 1923. S. XV) помещена статья Schulze-Gaevernitz'a: Max Weber als Nationalökonom und Politiker. В этой статье автор пишет о работе М. Вебера по религии (лучшее, что дала буржуазная наука в этой области): «Ihre Bedeutung ist zunächst eine grundsätzliche, indem Max Weber hier den Zentralgedanken des Marx'schen Lehrgebäudes weiterbildet. Er knüpft an Marx an, wie dieser den Geist des Kapitalismus schildert, aber er verwirft (уж конечно! — *Н. Б.*) die Einseitigkeit der Marx'schen Lehre, die von Hegelschen Dialektik (!!) abstammt».

[36] Поэтому ее «Weiterbildung», т. е. прямое извращение (она — только «эвристический принцип»; она должна быть «этизирована»), о котором con amore говорит проф. E. Brandenburg (Die materialistische Geschichtsauffassung. Leipzig. Verl. von Quelle u. Meyer. 1920), — должно быть решительно отброшено.

ром. Воля лимитирована в каждый данный момент определенными условиями. Но эта теория в высшей степени активна и революционна: она ничего общего не имеет с той отвратительной фаталистической карикатурой на марксизм, организованным носителем которой является социал-демократия; «объективизм» этой карикатуры есть исторический фатализм, являющийся, в свою очередь, орудием фашистского активизма. Марксово учение о законах общественного развития есть инструмент ниспровержения капитала. Оно получает свою дальнейшую расшифровку в теории капиталистического развития, где общие законы общественной диалектики принимают еще более конкретную форму законов развития и гибели капиталистического общества и законов его неизбежного перехода в социализм через революцию пролетариата и его диктатуру.

III. ТЕОРИЯ КАПИТАЛИЗМА

Капиталистическое общество берется у Маркса, как специфически-историческая категория. Это — общество, опирающееся на машинную технику, экономическая структура которого обладает особыми отличительными признаками: это есть общество, производящее на рынок (товарное производство); это есть общество, где товаром становится и рабочая сила (наемный труд); это есть общество, где средства производства принадлежат особому классу, покупающему рабочую силу (капиталистическая буржуазия) и противостоящему своему антиподу, лишенному средств производства и продающему рабочую силу (пролетариат). Только при совокупности таких условий средства производства становятся капиталом, решающая масса продуктов и рабочая сила — ценностью, труд — производством прибавочной ценности; при таких условиях общественное производство есть капиталистическое производство, процесс самовозрастания капитала. Открыть особый «закон движения» этого специфического общества и есть задача теоретической экономии в «узком смысле» (в отличие от политической экономии в «широком смысле», которая охватывает и другие историко-экономические форма-

ции).[1] Уже самая постановка проблемы есть целая революция в науке, ибо до Маркса (и после Маркса, поскольку речь идет о буржуазной науке) категории политической экономии брались как «вечные» и «естественные» категории всякого производственного процесса; в этом именно и состоит «вся премудрость современных экономистов, которые доказывают вечность и гармонию существующих социальных отношений».[2] Таким образом, «капитал есть не вещь, а определенное, общественное, принадлежащее определенной исторической общественной формации производственное отношение, которое проявляет себя в вещи и придает этой вещи специфический общественный характер».[3] Только когда средства производства (вещи) являются средствами эксплоатации, и при том на основе товарного производства, и при том наемной рабочей силы — они становятся капиталом.[4] Марксизм отвергает всякую общую, внеисторическую, вещную постановку вопроса, вульгарно-натуралистическую, исходящую непосредственно из вещи, или «психологическую», исходящую из отношения человека к вещи: закономерности экономической теории суть общественно-исторические закономерности. Но марксизм неизбежно отвергает и попытки оторвать общественные отношения от вещей и тем самым спиритуализировать эти отношения. Капитал не есть вещь, но отношение, проявляющееся в вещи, то есть не голое отношение между людьми вне материаль-

---

[1] Энгельс дает такое разграничение в «Анти-Дюринге».

[2] K. Marx. Einleitung zu einer Kritik der politischen Oekonomie. S. XVI. После Маркса так поступала резко апологетическая австрийская школа предельной полезности (см. Böhm-Bawerk. Geschichte u. Kritik der Kapitalzins-Theorie. II. Aufl. Insbruck, 1900; он же: Kapital und Kapitalzins. II Abt. Positive Theorie des Kapitals. Insbruck. 1912), вся математическая школа, начиная от L. Walras; англо-американская школа (Clark, The distribution of Wealth); так поступают эклектики и современные «конъюнктуроведы», которые, впрочем, уничтожили всякую экономическую теорию. Так поступают, по существу, даже сторонники «социального направления», ибо они всемерно стирают точность исторических определений, топя их в «социальном» вообще.

[3] K. Marx. Das Kapital. Bd. III. 2. Teil. S. 349.

[4] См. недавно опубликованную (впервые) подготовительную 6 главу I тома «Капитала»; здесь Маркс издевается над внеисторическими определениями капитала: «Таким же образом я мог бы доказать, что греки и римляне причащались, потому что они пили вино и ели хлеб, и что турки ежедневно кропят себя католической святой водой, потому что они ежедневно моются» (Архив Маркса-Энгельса. Т. VII. 1933, стр. 51).

ной отнесенности к вещи. Вещь не была бы капиталом, если бы не было определенного общественного отношения; но, с другой стороны, если бы не было «вещи» (средств производства), то не было бы и капитала. По отношению к процессу труда, как таковому, общественно-историческая структура является формой, по отношению к исторической структуре труд является содержанием. Но это содержание всегда дано в своей конкретно-исторической форме: вне ее оно просто немыслимо, оно — тощая и бессодержательная абстракция. Отсюда вытекает, что объектом экономической теории капитализма является процесс производства и воспроизводства в его исторической форме. Марксова теория капитализма опирается ведь не на идеалистическую социологию, а на материалистическое понимание истории.[5] Материалистическое понимание истории теоретически схватывает, как мы видели, «всеобщие законы» (Энгельс) общественного развития, в то же самое время включая «законы движения» различных исторических структур в целом, воспроизводство всей общественной жизни, от ее материальных основ вплоть до ее идеологических сублиматов. Экономическая теория анализирует воспроизводство только этих материальных основ. Экономическая теория капитализма (политическая экономия в «узком смысле») анализирует специфические «законы движения» одной только, исторически ограниченной, структуры, законы движения капиталистической экономики, т. е. воспроизводство (понимаемое в его возникновении, развитии и неизбежной гибели) материальной основы капиталистического общества. Таким образом, материалистическое понимание истории логически является предпосылкой теории капитализма. Величайшая стройность теоретического

---

[5] «Социальное» направление в буржуазной политической экономии (R. Stolzmann, A. Ammon и др.) ведет свою родословную от Канта через Rickert'a и Stammler'a. В кругах социал-демократии сильное влияние этого идеализма сочится через M. Adler'a и отчасти R. Hilferding'a. Своеобразным продуктом этого направления явилась работа F. Petry: Der soziale Inhalt der Marxschen Werttheorie (есть русский перевод, Франц Петри: Социальное содержание теории ценности Маркса. Моск. Раб. М.—Л.), который (как у нас Струве) видит у Маркса дуализм «натуралистического» и «социологического» и по сему случаю дематериализует общественные отношения по всему фронту. См. также: D-r Th. Surányi-Unger. Die Entwicklung der theoretischen Volkswirtschaftslehre im érsten Viertel des 20. Jahrhund. Jena. Fischer. 1927.

здания, построенного Марксом, сказывается и здесь. Совершенно нелепыми являются, следовательно, попытки оторвать экономическую теорию Маркса от его социологической теории, как нелепо отрывать его социологическое учение (теорию исторического материализма) от его философского учения (теории диалектического материализма). Если процесс труда имеет такое огромное значение с точки зрения теории исторического материализма, то совершенно ясно, что он должен иметь решающее значение и в теории политической экономии. Если понятие способа производства является одним из основных понятий теории исторического материализма, то совершенно ясно все значение этой категории для экономической науки и т. д. Не случайно, конечно, что классическое изложение историко-материалистической концепции дано Марксом как предисловие к «Zur Kritik der Politischen Oekonomie». Здесь речь идет не только о внешности: здесь заложен глубочайший внутренний смысл: материалистическое понимание истории есть предпосылка («предисловие» в широком смысле слова) экономической теории вообще, экономической теории капитализма — в частности. Следовательно, марксизму совершенно чужды и глубоко враждебны все виды теоретического экономического идеализма, субъективизма, внеисторичности. «Отношения между людьми» берутся здесь не как формы психологической связи, а как объективно-историческое оформление материального трудового процесса. Отрыв этой исторической формы от содержания ведет неизбежно к отрыву и от материализма, и от диалектики: ибо основное противоречие и лежит в плоскости конфликта между этим содержанием и его формой. Анализ этого объективного, действительного, противоречия есть стержень всей теории. Категории политической экономии поэтому должны отражать материальный процесс производства в его специфически исторической социальной форме.[6]

---

[6] Подробный анализ методологии буржуазных экономических теорий см. в работе Н. Бухарина: «Политическая экономия рантье» (неск. изданий). Ультрановейшее «учение» О. Spann'a, как и вся фашистская апологетика, фальшива в самых своих корнях. Spann, например, говорит о теории ценности и цены: «Die Wert — und Preistheorien Ricardos, Marxens und mit wenigen Einschränkungen selbst (!! — *Н. Б.*) der Grenznutzenlehre,

Капиталистическое производство есть обобщенная форма товарного производства, когда товаром становится и рабочая сила, что сообщает всей экономической структуре совершенно своеобразный вид. Товарное производство вообще имеет одну чрезвычайно существенную особенность, неизвестную ни одной форме натурального хозяйства. Особенность эта состоит в том, что общественная связь между отдельными товаропроизводителями создается через обмен. Общественный характер труда в этом расчлененном общественном целом, агенты которого формально независимы друг от друга, не осознается хозяйствующими субъектами. Здесь налицо стихийный характер развития, его «слепой» ход; здесь стихийная и иррациональная общественная закономерность прямо противостоит отдельному товаропроизводителю. Здесь, следовательно, налицо особая связь между каузальным и телеологическим рядом явлений. Товарное и товарно-капиталистическое общество не есть целеполагающий субъект, не есть «телеологическое единство», как, напр., при социалистическом способе производства. Оно раздроблено, хотя относительно и едино. Оно не есть механическая сумма частей, от-

---

haben alle einen individualistischen Preisbegriff ausgebildet, der sich notwendig von einem individualistischen Tauschbegriff ableitet» (O. Spann. Tote und lebendige Wissenschaft. Zwei Abhandlungen zur Auseinandersetzung mit Liberalismus und Marxismus. Jena. G. Fischer. 1921. S. 37). Превратить Маркса в сторонника индивидуалистического метода — это значит не знать азов марксизма. Поставить школу предельной полезности на последнее место в ряду индивидуалистических школ — это значит не знать азов теории предельной полезности (ср., например, Böhm-Bawerk'a в Zeitschrift für Privat- und öffentliches Recht der Gegenwart, Wien. 1884. B. XI. S. 220: «...die Absetzung der historischen und der organischen Methode als herrschender Methode der theoretischen Forschung in den Sozialwissenschaften... und... die Wiedereinsetzung der exacten, atomistischen Richtung» — в этом основа теории предельной полезности, формулированная ее классическим представителем; аналогично у W. Stanley Jevons'a, The theory of political economy, London and New York, 1871, p. 27: «The general form of the laws of Economy is the same in the case of individuals and nations»). «Универсализм» Spann'a — есть возврат к органической школе, с прибавлением прямой телеологии и столь же открытой теологии, что долженствует доказать прочность «холопской иерархии» (Маркс) капиталистического общества путем апелляции к божественной инстанции; г. Spann ругает всю науку до него такими выразительными словами: «Es ist das individualistische, mechanistische, atomistische ursächliche (sic! — *Н. Б.*) Verfahren und ergibt eine entgeistigte, am äußerlichen klebende, ursächliche, nie ins Herz vordringende Wissenschaft» (S. 5). Теперь г. Гитлер наглядно показал и что такое «lebendige Wissenschaft» и как оно «проникает» «ins Herz». См. также: E. Lederer. Grundzüge der ökonomishen Theorie. J. Mohr. Tübingen. 1922. S. 6.

дельные товаропроизводители и предприятия не суть membra disjecta: общество все же существует как таковое. Но тип междухозяйственной связи через обмен есть совершенно особый тип: характер общественного единства здесь чрезвычайно оригинален; это не есть единство целеполагающей организации, а стихийное, анархическое, в высокой степени противоречивое и относительное единство формально самостоятельных, но объективно связанных друг с другом через обмен агентов товарного производства. Общество, как целое, не может себе здесь — по самому своему существу — ставить какие-либо цели, ибо оно не есть объединенный субъект, а всего лишь стихийно функционирующая анархическая совокупность (не сумма!) связанных друг с другом своих «сочленов»: они, отдельные товаропроизводители, ставят себе цели, ибо каждый из них есть «целеполагающий субъект», подчиняющий свои действия принципу хозяйственной рациональности sub specie — прибыли. Но общественная результанта их перекрещивающихся воль и соответствующих действий отнюдь не совпадает с этими целями, а часто прямо им противоречит (разорение в конкурентной борьбе, банкротство во время кризиса, понижение средней нормы прибыли и т. д. и т. п.). Это — так называемый закон гетерогонии целей, который чрезвычайно типичен для капиталистического общества. Поэтому здесь каузальные законы развития не имеют непосредственного телеологического выражения, которое их бы покрывало и было бы их телеологической ипостасью. Здесь нет такого положения вещей, которое давало бы возможность одно и то же явление рассматривать и теоретически (научно, каузально), и нормативно (телеологически, практически): можно говорить о причинах кризисов, но нельзя говорить о целесообразности их с точки зрения действующих агентов капиталистического производства и сознанной рациональности действия (кризиса не добиваются, кризисов не делают, кризисы делаются, т. е. стихийно возникают). Здесь для всего общества нет свободы как познанной необходимости, а есть одна лишь необходимость, стоящая перед агентами этого общества, как внешний по отношению к ним, от их воли не зависящий, объективный закон, «слепой», «железный», против которого нет средства в рамках данного общества, ибо он ему имманентен. Сама общественная структура есть воплощение этой стихии: общество здесь «Gesellschaft», а не «Gemein-

schaft», если говорить в терминах Tönnies'a. [7] Вскрыть «законы движения» этого общества в его развитой форме, т. е. общества капиталистического, и есть задача «Капитала». Всякое общество, в любой его исторической форме, должно распределять (или в нем должен распределяться) свой совокупный труд — худо ли, хорошо ли — между различными отраслями производства. «Соответствующие различным массам потребностей массы продуктов требуют и количественно определенных масс совокупного общественного труда. Что эта необходимость рас-

---

[7] См. Маркс. Капитал, т. I: Энгельс: Л. Фейербах. Эта стихийность капиталистического развития уже сама по себе служит аргументом против телеологической ориентации «социального» направления (R. Stolzmann). Рассматривать общество как «Zweckgebilde» («целевое образование») здесь просто смехотворно. По сути дела, от этого недалеко ушла и «verstehende Soziologie» M. Weber'a. См.: M. Weber. Ueber einige Kategorien der verstehenden Soziologie. Logos. B. IV. 1913. H. 3. S. 263. «Das Ziel der Betrachtung», «Verstehen» ist schliesslich auch der Grund, weshalb die verstehende Soziologie... das Einzelindividuum und sein Handeln als unterste Einheit, als ihr «Atom» — wenn der an sich bedenkliche Vergleich hier einmal erlaubt ist — behandelt». Между тем, в стихийном обществе, где стихийность и анархия являются его конститутивными признаками, где рост организаций (трестов и других монополий) лишь увеличивает и интенсифицирует эту анархию, ничего нельзя понять, исходя из «понимания» «внутренних мотивов», «смысла поведения» и т. д. отдельных индивидуумов; что же касается общественных масштабов и методов исследования, то они a limine исключают такую постановку вопроса. В последней работе W. Sombart'a (W. Sombart. Die drei Nationalökonomien, Geschichte und System der Lehre von der Wirtschaft. Verl. von Duncker und Humblot. 1930) автор, исходя из «социологии смысла», провозглашает невозможность познания внешнего мира (его «сути») при практической годности естественно-научного знания и полную возможность смыслового понимания общественных явлений на базе переживания «внутренних мотивов», при полной бесполезности этого знания. Модная телеологическая абракадабра особенно нелепа в применении к капиталистическому обществу, которое современные идеологи капитала тщетно пытаются рационализировать и теоретически и практически. Новейшая апологетика «универсалистических» теорий, являющихся возвратом к вульгаризованной и теологизированной форме старинных органических школ, отбрасывает специфику товарного хозяйства вообще, чтобы с тем большим самодовольством отбрасывать специфические черты капитализма. Маркс в «Theorien über den Mehrwert» дал блестящий разбор и смертоносную критику всех любителей «гармонии» капиталистического общества. Этот апологетический гармонизм особенно ярко проявляется у O. Spann'a. Все капиталистическое общество рассматривается у него как организованное единство иерархически расположенных составных — и тоже организованных — других единств. Здесь нет, по сути дела, никаких противоречий. Вся специфическая проблематика капитализма тем самым уничтожается. Поистине: как легка «живая наука» г. Отмара Шпанна!

пределения общественного труда в определенных пропорциях не может быть никоим образом отменена, а только может изменить форму своего проявления, — is self evident (само собой очевидно. — *Н. Б.*)... И формой, в которой это пропорциональное распределение труда прокладывает себе дорогу в таких общественных условиях, когда связь общественного труда действует как частный обмен индивидуальных продуктов труда, именно и является меновая ценность этих продуктов».[8] Другими словами, в анархическом, «слепом» обществе, где развитие стихийно, должна быть закономерность развития, которая бы стихийно, как противостоящий людям «слепой закон», все же так или иначе регулировала бы распределение труда по различным отраслям производства. Этот «слепой» и стихийный регулирующий «закон движения» и есть закон ценности, который действует через рынок и через «барометрические колебания цен». Ценность есть количество общественно-необходимого труда, затраченного на производство единицы товара, в отличие от потребительной ценности, полезности, определяемой натуральным веществом товара. Рыночным эмпирическим выражением ценности является цена. Что цена стоит в определенной связи с производительностью общественного труда и, следовательно, с величиной ценности (в марксовом ее понимании), это очевидно с первого взгляда. Но дело обстоит еще более глубоко, если посмотреть с точки зрения всего общественного воспроизводства, т. е. регулярных повторений производственного цикла. С этой точки зрения обмен есть определенный «момент» воспроизводства, опосредствующий его дальнейший ход. Эмпирически поверхностные закономерности обмена таят поэтому в себе более глубокие закономерности, идущие из сферы производства и проявляющиеся в обмене. Эмпирически поверхностные факты — это факты рынка, чему соответствует категория цены. Но за спиной цены стоит ценность. Это отнюдь не метафизическое удвоение цены, а наиболее глубокий и наиболее общий закон движения товарного хозяйства, только на основе которого можно понять и движение цен. В простом товарном хозяйстве цена колеблется около ценности как своего центра: произведено слишком много данного товара — цена падает, происходит перераспределение рабочих сил в сторону от этого производства;

---

[8] K. Marx. Briefe an Kugelmann. Neue Zeit. Jahrg. 19/20. S. 222. Разрядка наша.

произведено м а л о — происходит обратное: цены повышаются, сюда приливают рабочие силы, следовательно, происходит другое перераспределение совокупного рабочего времени. В к а п и т а л и с т и ч е с к о м обществе механизм колебания с л о ж н е е: здесь цены колеблются вокруг «цен производства», а не непосредственно вокруг ценности. Общественная взаимозависимость между различными дробными частями разделенного общественного труда, о б ъ е к т и в н а я с в я з ь между с у б ъ е к т и в н о н е з а в и с и м ы м и товаропроизводителями устанавливается за их спиной. Много ли, мало ли произведено товара, a, b, c, — устанавливается лишь косвенно, по сигнализациям, даваемым ценами. Пропорции в распределении труда постоянно меняются в связи с изменением производительности труда. Таким образом, «слепой» объективный закон общественных связей и отношений между людьми, регулирующий процесс материального производства, принимает форму с в о й с т в а в е щ и (ц е н н о с т и товарной штуки). В раздробленном обществе, где даже отрасли производства не являются органическим целым и где основным принципом служит крайняя противоречивость всей структуры, законы распределения и перераспределения производительных сил (в конечном счете, масс труда, мертвого и живого) не могут проявляться иначе, чем через свое выражение в т о в а р н ы х ш т у к а х, к а к ц е н н о с т я х, в свою очередь имеющих свой всеобщий денежный эквивалент. Если нет организованного производства и организованного распределения; если процесс обмена складывается из ряда отдельных и разнородных меновых актов, где выступают отдельные товарные единицы, то только через ценность штуки товара и, соотносительно, ее цену, может совершаться процесс перераспределения масс труда в его о б щ е с т в е н н о м масштабе. «Общественное» в смысле распределения масс труда по общественным отраслям производства здесь не дано с р а з у, оно дано не сплошным фронтом, не как однократные акты распределения труда, охватывающие целые отрасли в их целостности: «общественное» образуется здесь из «индивидуального», которое, в свою очередь, вырастает на основе объективно данных общественных детерминант. С этим связано и функционирование д е н е г, как всеобщего ценностного эквивалента: роль мерила ценности, масштаба цен и т. д. — все это «приспособлено» к обслуживанию такого рода воспроизводства, которое опосредствуется бесконечной массой меновых актов, а не организованным

распределением масс труда сразу в масштабах целых отраслей общественного производства. Поэтому деньги и являются «душой» товарного хозяйства. Итак, общественный закон, регулирующий распределение трудовых масс между отраслями производства и выражающий взаимную работу людей, связанных разделением труда, приобретает форму свойства вещи. На этой основе получается универсальная аберрация, характерная для товарно-капиталистического мира: отношения людей воспринимаются как отношения вещей. Это есть то явление, которое Маркс назвал товарным фетишизмом и которое чрезвычайно выпукло проявляется в категориях буржуазной политической экономии, от фетишизма элементарного товара через фетишизм денег и кончая фетишизмом капитала.[9] Общественные отношения людей, проявляющиеся в веществе денег, представляются как свойство вещей (золото, власть золота, золотой телец); общественные отношения людей, лишь проявляющиеся в веществе капитала, представляются как свойства средств производства вообще; эти средства производства сами по себе наделяются сверхъестественной силой, порождающей прибыль (теории «производительности капитала»), подобно тому как земля сама по себе наделяется иллюзорной силой, порождающей ренту. Из подобного рода категорий и состоят концепции буржуазной теоретической экономии.

Если А. Смит исследовал «богатство народов», то К. Маркс начинает свой «Капитал» с анализа «богатства обществ, в которых царит капиталистический способ производства», богатства, элементарной формой которого является товар. В двойственном характере труда (абстрактный и конкретный труд), в противоречии между ценностью и потребительной ценностью товара, уже заложены дальнейшие противоречия, движение которых обусловливает движение всего капиталистического общества.

Развитие обмена вовлекает в свою орбиту и рабочую силу (исторические и насильственные предпосылки этого описаны Марксом с потрясающей мощью). Рабочая сила

---

[9] K. Marx. Das Kapital. B. I. Volksausgabe. Stuttgart. 1914. § 35 ff. Здесь особо следует подчеркнуть, что у Маркса, когда говорится о ценности, идет речь об объективном законе, а не о субъективных оценках и тем более отнюдь не о моральной оценке. Дело в выяснении законов движения специфической общественной структуры: это — не «Zweckwissenschaften» современных идеологических банкротов.

становится уже товаром, но товаром sui generis, товаром особым и специфическим, хотя и «подчиненным» общим законам товарного обращения.

Рабочая сила имеет и ценность, и потребительную ценность. Ее ценность определяется так же, как ценность всех других товаров. В большом кругообороте жизненного процесса, с точки зрения всего воспроизводства, т. е. с точки зрения циклического повторения производственного процесса, воспроизводство рабочей силы есть необходимый момент. Воспроизводство рабочей силы есть процесс потребления (в этом сказывается единство производства и потребления: единство, не исключающее, а предполагающее противоречия). Этот процесс потребления есть, в свою очередь, процесс переноса ценности средств потребления в новую сферу производства рабочей силы. Таким образом, ценность рабочей силы определяется ценностью необходимых средств существования (которые различны в связи с различными квалификациями этого своеобразного товара). Потребительная ценность рабочей силы (из-за чего ее и покупает капиталист) определяется тем ее свойством, что она может развить большее количество труда, чем то, которое нужно для ее собственного воспроизводства.[10] Поэтому даже если капиталист оплачивает рабочую силу по ее полной ценности, у него остается прибавочная ценность. Общая формула капитала: Д (деньги) — Т (товар) — Д′ (наросшие деньги). Наращение создается, таким образом, не в сфере обращения, а в сфере производства, лишь реализуясь в обращении. Процесс капиталистического производства есть, следовательно, процесс производства прибавочной ценности.[11]

---

[10] Это учение Маркса подвергалось многочисленным нападкам. Туган-Барановский в своей «социальной теории распределения» совершенно отвлекается от специфически-исторической формы ценности. Franz Oppenheimer во всех своих работах «критикует» теорию Маркса (в свое время мы давали разбор этих атак). Georg Hanisch (Die Marxsche Mehrwerttheorie. Berlin. Puttkamer und Muhlbrecht. 1915), указывая на особые свойства товара — рабочая сила (и считая это за достаточное опровержение), предлагает такую формулу: «In Wirklichkeit produziert der Arbeiter niemals Arbeitskraft, sondern immer nur Waren, Nützlichkeiten, die von den Konsumenten begehrt werden, und verkauft (наша разрядка. — *Н. Б.*) auch niemals seine Arbeitskraft, sondern in allen Fällen das Ergebnis seiner Arbeit (!!), die von ihm hervorgebrachte-Nützlichkeit» (S. 30). Комментарии излишни.

[11] Antonio Graziadei (Preis und Mehrpreis in der kapitalistischen Wirtschaft, Berlin. Prager. 1923) считает, что сперва есть труд,

Это раскрытие тайны прибавочной ценности есть раскрытие основных рычагов капиталистического механизма, основных внутренних пружин его самодвижения. Ни Смит, ни Рикардо не различали между трудом и рабочей силой и поэтому запутывались в противоречиях, как только нужно было на основе теории трудовой ценности объяснить факт прибавочной ценности.[12]

Прибавочная ценность, в свою очередь, распадается на накопляемую часть и на часть, потребляемую капиталистами и их челядью. Накопляемая, т. е. присоединяемая к функционирующему капиталу, часть прибавочной ценности, в свою очередь, как и весь капитал, распадается на постоянную часть (идет на средства производства) и переменную (идет на рабочую силу). В процессе производства постоянный капитал (constantes Kapital, «c») лишь переносит свою ценность на ценность продукта: переменный капитал (variables Kapital, «v») не только воспроизводит свою ценность, входящую в состав ценности произведенного продукта, но и создает прибавочную ценность (Mehrwert, «m»). Рабочий день распадается на две части: необходимое рабочее время, когда рабочие воспроизводят ценность своей рабочей силы, и прибавочное время, когда создается прибавочная ценность. Соответственно масса прибавочной ценности может увеличиваться либо 1) в силу увеличения рабочего дня («абсолютная прибавочная ценность»), либо 2) в силу сокращения необходимого рабочего времени («относительная прибавочная ценность»). Первое связано с прямым нападением на рабочих. Второе непосредственно связано с повышением производительности труда в производстве средств потребления.

Капитализм отличается от других видов эксплоататорского хозяйства (рабовладельческие системы, феодализм) тем, что жажда прибавочной ценности неограничена. Если натуральные эксплоататорские формации имели границы в потребностях господствующих классов, то здесь — налицо безграничная «погоня за прибылью», и заранее данных

потом производство ценностей, сперва (речь идет о капитализме, а не о преемственности исторических формаций) прибавочный продукт, а потом — прибавочная ценность. Раздирая так единый во времени процесс на иллюзорные последовательные части, Graziadei считает, что он «поправляет» Маркса, не замечая, что впадает здесь в наивную и элементарную ошибку, которая тащит его назад минимум на столетие.

[12] Подробный анализ теории прибавочной ценности у Маркса: «Theorien über den Mehrwert» hg. von K. Kautsky. Verl. Dietz.

границ накопления нет. В то же самое время внутренние тенденции развития мощно форсируют весь процесс. Механизм здесь — в условиях свободной конкуренции — был таков: ценность товара определяется количеством общественно необходимого труда (т. е. необходимого для производства данного товара) при средней технике и других средних величинах, предприятие с более высокой техникой имеет большую производительность труда, следовательно, гораздо более низкую индивидуальную ценность товарной единицы; но на рынке речь идет об общественно-необходимом рабочем времени; следовательно, разница между этими величинами есть основа для получения дифференциальной прибыли (прибавочная ценность разбивается на разные потоки, причем прибыль есть часть совокупной прибавочной ценности, притекающая промышленному капиталисту в противоположность другим формам капитала и землевладению, получающему ренту). Условия рыночной конкуренции заставляют остальных равняться по этому образцу; то, что было исключением, становится типичным — весь уровень повышается, все масштабы меняются, начинается новый круг. Таким образом, если технической основой капитализма является применение машин, причем машина является сама исторической категорией, то экономические условия капитализма имеют тенденцию непрерывного революционизирования методов производства и его технической основы; но, с другой стороны, это возрастание производительных сил капиталистического общества приходит в конфликт с ограниченными условиями капиталистического присвоения. Анализ этого противоречия составляет одну из существенных частей экономической теории Маркса.

Вместе с процессом накопления повышается органический состав капитала ($\frac{c}{v}$), отношение постоянного капитала к переменному, т. е. увеличивается масса средств производства, сырья и т. д., приводимая в движение одним рабочим, и одновременно гигантски возрастает производительность общественного труда.

Процесс производства капитала, рассматриваемый как регулярно повторяющийся процесс, есть процесс воспроизводства простого — когда накопления нет, расширенного, когда накопление есть. Этот процесс воспроизводства представляет сам по себе огромную теоретическую проблему, ибо ход воспроизводства предполагает единство производства и обращения, а также опре-

деленные не только ценностно-количественные, экономические, но и натурально-качественные, технические, соотношения и пропорции.[13] Схематически учение Маркса о воспроизводстве капитала можно изобразить так:

Пусть совокупный общественный продукт $=c+v+m$

A (производство средств производства) $=c_1+v_1+m_1$

B (производство предметов потребления) $=c_2+v_2+m_2$

В случае простого воспроизводства мы имеем следующие его необходимые условия:

1. Так как весь продукт A (т. е. сумма $c_1+v_1+m_1$) целиком состоит из средств производства (условно: железо-угольно-машинная вещественная кожура), то он должен целиком уйти на возмещение постоянных капиталов обоих подразделений, т. е. необходимым условием воспроизводства является положение, выражаемое равенством:

$$c_1+v_1+m_1=c_1+c_2$$

2. Так как весь продукт B (т. е. $c_2+v_2+m_2$) целиком состоит из предметов потребления (условно: текстильно-хлебная натуральная форма), то он целиком должен уйти на все потребление капиталистов и рабочих обоих подразделений в условиях простого воспроизводства. Это приводит к равенству: $c_2+v_2+m_2=v_1+m_1+v_2+m_2$.

3. Так как A само производит для себя свой постоянный капитал c_1 и должно для B отдать остаток (т. е. v_1+m_1), а B само производит для себя v_2+m_2 и должно отдать A c_2, то это $c_2=(v_1+m_1)$.

Первые два равенства при преобразовании дают третье равенство; это и есть условие простого воспроизводства: сумма доходов первого подразделения должна равняться постоянному капиталу второго подразделения.

---

[13] Анализ процесса воспроизводства в его общественном масштабе был дан впервые физиократами (знаменитая «Tableau économique» F. Quesnay), по отношению к которому у классиков английской политической экономии не было сделано решительных шагов вперед. Настоящее учение о воспроизводстве капитала развито лишь Марксом («Капитал», т. II), причем так наз. «схемы» II тома легли в основу ряда теоретических построений, оказав огромное влияние, главным образом в связи с теорией реализации и кризисов. См.: Туган-Барановский. Промышленные кризисы; С. Булгаков. О рынках при капиталистическом производстве. М. 1897; R. Luxemburg. Die Akkumulation des Kapitals (неск. изд.); ее же: Антикритика. М. 1922; Н. Бухарин. Империализм и накопление капитала (неск. изд.). См. также: Marx. Theorien über den Mehrwert; Ленин: Собр. соч., т. II.

Много сложнее обстоит дело в случае р а с ш и р е н н о г о воспроизводства. Здесь тоже можно вывести систему равенств, которые покажут возможность такого воспроизводства и соответствующие условия всего процесса.

Предположим, что:

$m_1 = \alpha_1$ (идет на потребление капиталистов) $+ \beta_1$ (капитализируется);

$$m_2 = \alpha_2 + \beta_2$$

Предположим далее, что:

$\beta_1 = \beta_{1c}$ (подлежит накоплению, как часть постоянного капитала) $+ \beta_{1v}$ (накопляется, как часть переменного капитала):

$$\beta_2 = \beta_{2c} + \beta_{2v}$$

Тогда общий продукт обоих подразделений выразится в формуле:

$$\begin{array}{lll} & & \beta_1 \\ A \ldots & c_1 + v_1 + \alpha_1 & + \beta_{1c} + \beta_{1v} \\ B \ldots & c_2 + v_2 + \alpha_2 & + \beta_{2c} + \beta_{2v} \\ & & \beta_2 \end{array}$$

В отрасли А должно остаться, в силу своей натуральной формы, $c_1 + \beta_{1c}$; остальное $[(v_1 + \alpha_1) + \beta_{1v}]$ должно быть обменено. В отрасли В остается $v_2 + \alpha_2 + \beta_{2v}$; наоборот, $(c_2 + \beta_{2c})$ должно быть обменено.

Таким образом, получается равенство

$$[(v_1 + \alpha_1) + \beta_{1v}] = c_2 + \beta_{2c},$$

каковое равенство и является условием расширенного воспроизводства в самой общей форме. Разумеется, реально весь процесс, будучи противоречивым, идет отнюдь не гладко, и самые схемы можно рассматривать лишь как выражение тенденции с определенной закономерностью — не более того.

Чрезвычайно важно отметить, что анализ условий воспроизводства, данный М а р к с о м в его знаменитых арифметически формулированных схемах II тома «Капитала», затрагивает как ценностную (экономическую), так и натуральную (техническую) сторону воспроизводства: процесс обмена между отраслями предполагает не только ценностную, но и техническую «логику», вытекающую из закономер-

ной технической связи различных отраслей производства друг с другом. Таким образом, здесь наглядно проявляется вся недопустимость отрыва от «вещей», в которых проявляются «общественные отношения».

Процесс воспроизводства есть процесс воспроизводства товаров; он далее есть процесс воспроизводства прибавочной ценности; наконец, он есть процесс воспроизводства самих производственных отношений и их классовых носителей. Структура капиталистического общества, как специфически исторической категории, есть особая классовая структура. Поэтому в специфических категориях политической экономии отражается и выражается этот классовый характер капитализма. Если ценность отображает объективно данный факт общественного сотрудничества людей во всяком товарном хозяйстве (здесь, следовательно, идет речь о пучке общественных связей по горизонтали, вне вертикальной классовой иерархии), то уже категория прибавочной ценности отображает отношение классовой эксплоатации, объектом которой является наемный рабочий. Если деньги являются наиболее абстрактным выражением сотрудничества в товарном хозяйстве, то капитал (в том числе и денежный капитал) есть классически классовое отношение эксплоатации. Если форма товара еще не говорит о классовой структуре общества (товар есть и в простом товарном хозяйстве), то товар — рабочая сила есть уже категория классового капиталистического общества. Деление на классы непосредственно основано на отношении людских групп к средствам производства; из полярно противоположного отношения к средствам производства вытекают и разные функции в производственном процессе, и разные позиции в процессе распределения (разные виды «дохода»), и разные (для классовых полюсов полярно-противоположные) материальные интересы, обусловливающие классовую борьбу. Классовое расчленение капиталистического общества проходит поэтому красной нитью через все основные категории политической экономии Маркса, адекватно отражая противоречивое движение капиталистической действительности. Для буржуазной экономической теории характерным является превращение исторически преходящей формы в «естественную» и «вечную»; иллюзорное «уничтожение» всех действительных противоречий капитализма и подстановка на их место социальной «гармонии»;

всемерное скрытие и затушевывание классовой борьбы.[14] Наоборот, у Маркса дан гениальный анализ всех противоречивых моментов капитализма, а классовая борьба скрыта в порах всех основных категорий. «Заработная плата» таит в себе «момент исторический и моральный»; будучи превращенной ценой (ценностью) рабочей силы, она в то же время выражает соотношение борющихся классовых сил; прибавочная ценность — коррелятивна с ценностью рабочей силы; длина рабочего дня, норма эксплоатации (отношение m:v), накопление, расчлененные формы прибавочной ценности (прибыль, рента и т. д.) — все эти категории выражают реальные классовые соотношения капиталистического общества. «Экономическое» и «социальное» у Маркса нераздельны. Основные классовые категории экономической теории, специфичные для капитализма, носят неизбежно ценностную форму.[15]

Следовательно, проблема «Machtgesetz — ökonomisches Gesetz», проблема соотношения «экономического закона» и «классовой силы», решается у Маркса таким образом, что силовые соотношения классов включены в движе-

---

[14] Ср., например: Albion W. Small. The Sociology of profits. The American Journ. of Sociology. January 1925 (Vol. XXX, № 4). Автор, полагая, что «Marx's entire interpretation of profits is basead upon the conception that profit is always and every where a parasitical and piratical levy on labor» (p. 440), трактует прибыль целиком, как «a wage» (439). Отрицая самый факт присвоения прибавочного труда, который (факт), например, в рабском хозяйстве выступает в прямой и неприкрытой форме, будучи при капитализме скрыт под фикцией «свободного договора» между капиталистом и рабочим и купли-продажи рабочей силы, автор осмеливается говорить, что марксова «theory falsifies the facts, and it rouses suspicions of fallacy in all the rest of the system...» (p. 441).

[15] В этом Heinrich Dietzel, подобно Туган-Барановскому, видит основную «ошибку» марксовой экономической теории: «Der Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre in der leicht fertigen Uebertragung des Wertgezetzes für die «Waren» auf die «Ware Arbeitskraft» liege — sieht es so aus als ob bei Marx die Verteilungslehre entkeime der Wertlehre... Tatsächlich leitet Marx seine Verteilungslehre ein mit dem behaupteten, nicht bewiesenen «ehernen Lohgezetz» zwischen welchem und dem Wertgezetz kein logischer Zusammenhang besteht» (H. Dietzel. Vom Lehrwert der Wertlehre und vom Grundfehler der Marxschen Verteilungslehre. Leipzig. Erlangen. 1921. S. 17). Маркс рассматривает рабочую силу как товар всерьез, и это имеет весьма глубокие основания. Теперешняя безработица, наряду с перепроизводством товаров, очень убедительно доказывает всю основательность такой именно трактовки предмета. Что касается «железного закона», то Дитцель спутывает Маркса с Лассалем: Маркс был противником этого «закона», о чем черным по белому написано в I томе «Капитала» и о чем г. H. Dietzel'ю следовало бы, казалось, знать.

ние экономических величин: не «чисто-экономические» и «внеклассовые», «асоциальные» категории, лишь «и з в р а щ а е м ы е» другого рода категориями, категориями «социального», «классового» порядка; не «экономика — с одной стороны, классы — с другой стороны», а с о ц и а л ь н о-э к о н о м и ч е с к и е категории, где классовое расчленение включено в них как характерная черта их специфическо-исторической природы, — вот что характерно для марксистской экономической теоретики. В соответствии с этим капиталистический способ производства есть, по Марксу, «одновременно и процесс производства материальных условий человеческой жизни, и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства самих этих отношений производства, а следовательно, и носителей этого процесса».[16] Буржуазная политическая экономия видела три «чисто экономических», «внеисторических» «фактора производства»: капитал — земля — труд, которые «естественно» порождают три вида дохода: процент — ренту — заработную плату. В то время, как в действительности здесь происходит раздел произведенной трудом ценности, с распадением прибавочной ценности на основе монополизации специфических средств производства, агентам капитала и их идеологам эти «факторы» фетишистски представляются независимыми и самостоятельными и с т о ч н и к а м и дохода и даже самой ценностной субстанции этого дохода:[17] «рента растет из земли», «золото родит золото». На этой фетишистской иллюзии построены и все новые и новейшие теории «вменения» («Zurechnungstheorien»), «производительности» и т. д.

Процесс воспроизводства капитала в целом, как единство производства и обращения, требует для своего объяснения и понимания закономерностей отклонения цен от ценности. В п р о с т о м т о в а р н о м хозяйстве ценность есть н е п о с р е д с т в е н н о проявляющийся в ценах «закон движения». В к а п и т а л и с т и ч е с к о м хозяйстве колебания цен происходят вокруг «производственных цен», закон ц е н н о с т и с этой точки зрения превращается в з а к о н ц е н п р о и з в о д с т в а, являющийся историческим развитием закона ценности и могущий быть понятым лишь на основе этого последнего.

---

[16] К. М а р к с. Капитал, t. III[2], стр. 289—290 (Изд. 3. М.—Л. 1928).
[17] К. М а р к с. l. c., гл. 48: «Триединая формула».

Для понимания этой трансформации существенным является то обстоятельство, что капиталистов интересует прибыль на весь затраченный капитал. Если отвлечься от землевладельцев и т. д. и принять, что вся прибавочная ценность равна сумме прибыли, а общество состоит только из рабочих и капиталистов, то последних будет интересовать величина $\frac{m}{c+v}$. Между тем существуют капиталы с разным органическим строением. Так как прибавочная ценность создается лишь живым трудом, т. е. переменным капиталом, то $\frac{m}{c+v}$ неизбежно было бы различно всюду, где есть различие в органическом строении капитала. Между тем совершенно очевидно, что через переливание капиталов и на основе конкуренции должна образоваться стихийная и непреоборимая тенденция к средней норме прибыли, т. е. норме прибыли, соответствующей органическому составу всего совокупного общественного капитала. Маркс показал, что в силу этого цены в отраслях производства с высоким строением капитала отклоняются вверх, а с низким — вниз от ценности и что цены колеблются не непосредственно вокруг ценности, а вокруг так называемых производственных цен (издержки производства плюс средняя прибыль). Таким образом, закономерность здесь оказывается гораздо более сложной, чем в простом товарном хозяйстве: поверхностный и непосредственно-эмпирический факт рыночной цены объясняется ценами производства, эти последние — средней прибылью, средняя прибыль — органическим составом капитала, который, в свою очередь, объясняется всей суммой прибавочной ценности и всей суммой капитала.[18]

---

[18] Это и есть так наз. «противоречие» между I и III томом «Капитала», которое систематически «открывали» многочисленные критики Маркса: Masaryk, Böhm-Bawerk, Туган-Барановский, Борткевич и т. д. Не так давно F. Petry (l. c., стр. 68 и след. русского перевода) обвинил Маркса в «проблематической экономической метафизике». Между тем никакой метафизики здесь нет. В простом товарном хозяйстве цена колеблется вокруг ценности, не совпадая с ней. Однако никто из этого несовпадения не может сделать вывода о «метафизике», «метафизическом удвоении цены», «противоречии», которое должно ниспровергнуть самое положение о колебании цен вокруг ценности. Исторически товарное общество превращается в капиталистическое, экономические законы осложняются, связь между ценой и ценностью тоже усложняется. Но уже один

Мы не можем здесь останавливаться на всем гигантском богатстве идей, данных Марксом в трех томах его циклопического произведения (в частности, на огромной важности вопросе о превращенных формах прибавочной ценности, на теории земельной ренты и т. д.), и переходим к изложению наиболее основных тенденций развития капитализма, вытекающих из его анализа и им сформулированных.

1. Погоня за прибылью, являющейся специфическим регулятивным принципом капитализма, ведет к тому, что индивидуальный капиталист стремится получить добавочную прибыль и получает ее путем введения новой техники. Новая техника, повышая производительность труда данного предприятия, создает для него временно эту добавочную, дифференциальную, прибыль. Но процесс конкуренции и, как результат, повышение всего технического уровня приводит к огромному росту органического состава капитала в его общественном масштабе $\frac{c}{v}$ и быстрому росту производительности общественного труда. А так как совокупная прибавочная ценность создается совокупным v, рост которого отстает от роста c, то отсюда неизбежно вытекает тенденция нормы прибыли $\frac{m}{c+v}$ к понижению.[19]

тот факт, что рост производительности труда является решающим фактором ценообразования, говорит о существовании этой связи. Ее сложность есть повод для ее отрицания только для слабых умов прошлых и современных «критиков» Маркса.

[19] Еще в 1900 г. г. П. Струве видел «основную антиномию трудовой теории ценности» (см. «Жизнь», февраль 1900 г.) в том, что рост производительности труда, с одной стороны, должен означать рост «свободного продукта» по отношению ко всему общественному капиталу, а с другой — этот же рост означает падение этой величины $\frac{m}{c+v}$. Ошибка г. Струве заключалась в том, что он примитивнейшим образом смешал m, как продукт, как потребительную ценность, с m, как ценностью. Масса m — чрезвычайно возрастает при решительном падении ценности любой товарной штуки и при падении сравнительной ценностной величины $\frac{m}{c+v}$.

Любопытно отметить, что, когда Бём-Баверк обокрал Маркса в своем учении об «окольных путях производства» (Productionsumvege), никто из «doctores» не открывал у него аналогичных «антиномий».

2. Накопление, находящее свое выражение в росте $\frac{c}{v}$, создает специфически капиталистические законы движения населения. Создаются избыточные «рабочие руки», так называемая «резервная армия промышленности», которая растет тем быстрее, чем «больше общественное богатство, функционирующий капитал, объем и энергия его роста».[20] Чем больше резервная армия по сравнению с активной, работающей, частью пролетариата, тем больше массовое хроническое перенаселение и тем сильнее официально признанный пауперизм. «Это есть абсолютный, всеобщий закон капиталистического накопления».[21]

3. Погоня за прибылью, как движущий мотив накопления, т. е. процесса возрастания капитала, делает производство самоцелью, отрывая его от потребления. Уже в элементарной форме товара, в противоположности абстрактного и конкретного труда, ценности и потребительной ценности, эмбрионально заложена возможность конфликта. Движение капитала, систематически революционизируя технику и в возрастающей степени создавая массовое производство, имеет тенденцию к его безграничному расширению. Если, с одной стороны, рост означает огромный рост производства, то, с другой стороны, он же означает и постановку определенных границ этому росту, ибо он означает тенденцию к относительному сокращению массового эффективного спроса, определяемого движением величины совокупного переменного капитала (v). Здесь, таким образом, налицо противоречие между ростом производительных сил капитализма и его экономической структурой («капиталистической оболочкой»), которая определяет отставание v. Анализ условий воспроизводства показывает, что, вообще говоря, расширенное капиталистическое воспроизводство вполне возможно даже без так называемых «третьих лиц» (т. е., напр., крестьян). Но противоречивые тенденции развития, при стихийном его ходе, при возможности огромных предварительных

---

[20] K. Marx. Das Kapital. Volksausgabe. B. I. S. 581.

[21] Ibidem. F. Oppenheimer неоднократно полемизировал против этой «цитадели марксовой систематики». Его основное утверждение, что образование резервной армии «mit dem Kapital überhaupt nichts zu tun hat» (F. Oppenheimer. Die Soziale Frage und der Sozialismus. Eine kritische Auseinandersetzung mit der marxschen Theorie. Jena. G. Fischer. 1912. S. 105), выглядит особенно «умно» в свете теперешнего кризиса.

инвестиций в производство средств производства, инвестиций, которые лишь потом почти неожиданно проявляются в массе готовых предметов потребления, периодически приводят к коллизии между производством и эффективным массовым спросом, коллизии, разыгрывающейся в форме периодических промышленных кризисов.

4. Конкурентная борьба между капиталистами приводит к неизбежному победному шествию крупного производства. Докапиталистические формы гибнут. Капитал давит их своими машинами, следовательно, высокой производительностью труда, следовательно, низкими ценами. Крупное производство имеет все эти преимущества в конкурентной борьбе. Поэтому простое накопление (и соответствующая ему концентрация капитала) идет рука об руку с разорением побежденных, с гибелью ремесла, с гибелью мелких и средних капиталистов, с переходом их капиталов в руки победителей, с централизацией капитала. Концентрация и централизация капитала есть, таким образом, следствие глубоких причин, коренящихся в самом строе капиталистических отношений вообще и капиталистической конкуренции в частности.

5. Накопление богатства на одном полюсе сопровождается накоплением нищеты на другом. Классовые противоречия не только не смягчаются, а, наоборот, обостряются. Гигантские человеческие массы превращаются в наемных рабочих, обрабатываются механизмом самого капиталистического производства и противопоставляются капиталу, как ниспровергающая революционная массовая сила.

6. С другой стороны, в огромной степени возрастает концентрация и централизация мощных средств производства и обобществление труда. Эти материальные предпосылки нового общества, выражая рост производительных сил капитализма, вступают в конфликт с его производственными отношениями: общественный характер труда вступает в противоречие с индивидуальным характером присвоения, производство вступает в конфликт с потреблением, производительные силы восстают против производственных отношений. Это основное противоречие периодически взрывается и периодически «разрешается» в кризисах только для того, чтобы воспроизвестись на новой, еще более широкой, основе. Другими словами: процесс капиталистического расширенного воспроизводства выступает и как процесс расширенного воспроизводства всех его противоречий,

что неизбежно связано с конечным взрывом относительного единства общества, т. е. с социалистической революцией пролетариата. Таким бразом, постоянный технический переворот и рост производительных сил капитализма приводят с железной необходимостью к революции, уничтожающей капитализм. Это не автоматический процесс гибели капитализма. Но объективное развитие его противоречий таким образом детерминирует классовую волю, что пролетариат выступает открыто, как могильщик буржуазного общества.

> «Наряду с постоянным уменьшением числа магнатов капитала, которые узурпируют и монополизируют все выгоды этого процесса переворота, растет масса нищеты, гнета, порабощения, вырождения и эксплоатации, но вместе с тем растет и возмущение рабочего класса, непрерывно увеличивающегося, вышколенного, объединенного и организованного самим механизмом капиталистического процесса производства. Монополия капитала становится оковами того способа производства, который вместе с нею и благодаря ей достиг расцвета. Централизация средств производства и обобществление труда достигают уровня, на котором они становятся несовместимыми с их капиталистической оболочкой. Последняя разрывается. Бьет час капиталистической частной собственности. Экспроприаторы экспроприируются».[22]

Такими огненными словами, за которыми стоит глубочайшее проникновение в тайники общественной диалектики, характеризует Маркс «историческую тенденцию капиталистического накопления». То, что в «Коммунистическом Манифесте», этой гениальной героической песне революционного научного творчества, было лапидарно сформулировано как основа практики пролетарского переворота, получило здесь, в «Капитале», всю полновесную силу во всех связях и опосредствованиях доказанного научного прогноза.

Маркс сам таким образом оценивал свой научный труд еще в раннее время, в 1852 г., еще до выхода «Капитала»:

---

[22] К. Маркс. Капитал, т. I. М. 1920, стр. 786.

«Что касается меня, то мне не принадлежит ни заслуга открытия классов в современном обществе, ни заслуга открытия их борьбы между собою. Буржуазные историки задолго до меня изложили историческое развитие этой борьбы, а буржуазные экономисты — экономическую анатомию классов.

То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими формами борьбы развивающегося производства (dass die Existenz der Klassen bloss an bestimmte historische Entwiklungskämpfe der Produktion gebunden); 2) что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; 3) что эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к установлению общественного строя, в котором не будет места делению на классы».[23]

Итак, главное он видел в учении о пролетарской диктатуре и переходе к бесклассовому коммунистическому обществу. Научный анализ движения капитализма есть лишь средство предвидения, а само предвидение есть средство для практического действия. Ленин прекрасно сказал в одном месте, что Маркс дает образцы «материализма, рассматривающего общество в движении, и при том не только с той стороны движения, которая обращена назад»... Он схватывает грядущее, чтобы тем энергичнее, полнее, активнее, успешнее «изменять мир». Его анализ капиталистического общества велик и несравненен: его прогнозы оправдались всем последующим ходом исторического развития, как целиком оправдалось всем последующим ходом исторического развития и основанное на этом анализе учение о пролетарской диктатуре и переходе к бесклассовому коммунистическому обществу.

---

[23] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Письма. Партиздат. 1932, стр. 68.

IV. ТЕОРИЯ ПРОЛЕТАРСКОЙ ДИКТАТУРЫ И НАУЧНЫЙ КОММУНИЗМ

Анализ капиталистического общества, сделанный Марксом, выясняет основные «законы движения» этого общества, специфические законы этой специфической историко-экономической структуры. Оказывается, что развитие капитализма развивает все его объективные внутренние противоречия, подготовляет в лоне капиталистического общества материальные предпосылки социализма; обостряет противоречия интересов между классами, которые являются носителями основных противоречий капитализма, приводит к революции пролетариата и обеспечивает его победу. Однако самый ход пролетарской революции, которая знаменует собой высший тип классовой борьбы и переходит в гражданскую войну, выводит проблематику революции далеко за пределы «чисто-экономического» анализа, требуя анализа диалектических соотношений между экономикой и политикой, общественно-экономической структурой и политической ее надстройкой, а равно и тех преобразований катастрофического порядка, которые неизбежно возникают в ходе победоносной борьбы пролетариата.

Здесь следует прежде всего остановиться на общей теории государства, развитой Марксом и Энгельсом. Пожалуй, ни в одной области обществоведения не было сгущено столько идеалистического и даже мистического тумана, сколько в учении о государстве, этой цитадели сконцентрированного могущества господствующих классов. Идея «вечности» этого института, его обязательности для всякой формы человеческого общежития, его универсальности и внеисторичности[1] была и до сей поры пребывает в качестве основного догмата большинства буржуазных теорий государства и права, независимо от того, имеем ли мы пред собою элаборaты «социологии» или специфического

---

[1] Б. А. Кистяковский. Социальные науки и право. Очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М. Изд. Сабашниковых. 1916: «В отношениях господства и подчинения, как социально-психического явления, есть в конце концов какая-то загадка, нечто таинственное и как бы мистическое» (471). Эти явления «происходят вне зависимости от места и времени» (471).

«юридического формализма», рассматривающего государство и право как автономную область, развивающуюся по своим собственным законам, никак в основе своей не определяемым другими сторонами общественного развития. У Маркса — Энгельса государство есть прежде всего историческая категория и притом историческая в двояком смысле слова: во-первых, оно возникает лишь при определенных общественно-исторических условиях, вместе с возникновением частной собственности и распадением общества на классы; оно «отмирает» вместе с исчезновением классов; таким образом, оно имеет свое историческое начало и свой исторический конец; его бытие не совпадает с бытием общества, как такового; оно не является его непременным атрибутом; во-вторых, оно исторично и в том смысле слова, что оно реально существует лишь в своей конкретно-исторической форме, адекватной исторически-конкретной общественно-экономической формации. Следовательно, как в области экономических категорий средства производства становятся капиталом лишь при определенных условиях, при определенности своей исторической формы, точно так же и общество выступает в государственной форме лишь при определенных условиях; как в области учения об обществе в целом, «всеобщие законы» (Энгельс) включают в себе богатство законов исторически определенных конкретных «формаций», «способов производства», «экономических структур», так и в области учения о государстве его общие определения включают богатство конкретных и специфических форм государственной власти.

«Государство никоим образом не представляет собою силы, извне навязанной обществу. Государство не есть также «действительность нравственной идеи», «образ и действительность разума», как утверждает Гегель. Государство есть продукт общества на известной ступени развития; государство есть признание того, что это общество запуталось в неразрешимое противоречие с самим собой, раскололось на непримиримые противоположности, избавиться от которых оно бессильно. А чтобы эти противоположности, классы с противоречивыми классовыми интересами, не пожрали друг друга и общества в бесплодной борьбе, для этого стала необходимой сила, стоящая по видимости (scheinbar) над обществом, сила, которая умеряла бы (dämpfen) столкновение (den Konflikt), держала его в границах «порядка». И эта сила, происшедшая из общества, но ставящая себя над ним,

все более и более отчуждающая себя от него, есть государство».[2]

Таким образом, государство есть продукт классового расчленения общества в целом, оно в то же время есть насквозь классовая организация. Функционируя, как сила, которая «умеряет» столкновения классов, она отнюдь не является «нейтральной», «надклассовой» величиной: она «умеряет», но отнюдь не «примиряет»; она «умеряет», отнимая у порабощенных и эксплоатируемых средства и орудия борьбы, отупляя их рядом идеологических воздействий, охраняя «порядок», являющийся условием процесса эксплоатации.[3] Само бытие государства есть выражение принципиальной непримиримости классов. В основе возникновения государства лежит, следовательно, процесс образования классов; процесс образования классов означает, однако, превращение процесса производства и воспроизводства в процесс производства и воспроизводства прибавочного продукта, отчуждаемого господствующим классом. Это и есть экономическая основа для появления и последующего функционирования государства: экономические условия производства, являющегося в то же время процессом эксплоатации, нуждаются в «порядке», то есть в своей объективной силовой гарантии; поэтому хозяйственная эксплоатация дополняется политическим угнетением, хозяйственное «отношение господства и порабощения» («Herrschafts- und Knechtschaftsverhältnis», Маркс) фиксируется в функциях охватывающей все общество свои-

---

[2] F. Engels. Der Ursprung der Familie, des Privateigentums und des Staates. 3. Aufl. Stuttgart. 1889. S. 135. См. также: «Anti-Dühring»; Marx. Zur Kritik der Hegelschen-Rechtsphilosophie; Marx. Elend der Philosophie; Маркс. К критике готской программы; Он же: Гражданская война во Франции; 18-е брюмера; Маркс и Энгельс: Предисловие к «Коммунистическому манифесту» от 24/VI 1872. Энгельс: Dell Autorità; Энгельс: Письма к Бебелю; Он же: Критика Эрф. программы, и т. д. Совершенно конгениальной работой необходимо считать работу Н. Ленина «Государство и революция», которая не только восстанавливает учение марксизма о государстве, но и развивает его дальше. Что это так, вынуждены были признать даже такие выдающиеся государствоведы, как H. Kelsen. См. его Sozialismus und Staat. Eine Untersuchung der politischen Theorie des Marxismus. 2. erweit. Auflage. Hirschfeld Verl. Leipzig. 1923.

[3] «По Марксу, государство есть орган классового господства, орган угнетения одного класса другим, есть создание «порядка», который узаконяет и упрочивает это угнетение, умеряя столкновение классов» (Н. Ленин. Государство и революция. Гл. I, § 1).

ми органами политической организации, государства; экономика порождает политику, которая сама есть «концентрированная экономика» (Ленин), «ökonomische Potenz» (Энгельс). Классовое общество есть относительное, сугубо противоречивое, единство: поэтому и его категории носят такой отпечаток. Отсюда же и своеобразная диалектика общества и государства: государство есть и продукт общества, и его политическое выражение; но это выражение может быть только классовым. Категория угнетения, соответствующая категории эксплоатации, предполагает отношение между общественным субъектом угнетения (rsp. эксплоатации) и его объектом. Все общество есть в таком случае эксплоататорское общество. Государство — насквозь классовая машина угнетения, ибо это есть господствующий класс, «конституировавшийся как государственная власть». Здесь поэтому нет и речи об общественном «солидаризме», о действительно надклассовой силе, о репрезентанте «общих» интересов, «общей» воли и так наз. «целого».[4] Но под государством подразумевают часто две вещи, не покрывающие одна другую: либо под государством разумеется только организованный субъект угнетения, т. е. организация господствующего класса, охватывающая все общество, имеющая своим объектом эксплоатируемый класс, но рассматриваемая без включения этого объекта (подобно тому, как под трестом разумеется обычно «аппарат» треста с его руководством, но без рабочих, являющихся объектом высасывания прибавочной ценности); либо под государством разумеется все общество в его государственной политической форме, т. е. организация господствующего класса, как субъект, со включением и всех своих «подданных», всех своих «граждан», в том числе и политически угнетенных, хозяйственно-эксплоатируемых классов

---

[4] Какие пошлости проповедуются здесь до сих пор, свидетельствует, напр., Harold Lasky, который в своей «A grammar of Politics», London, George Allen and Unwin Lmt, 1925, пишет: «From such an outlook we may derive a sense of the purpose embodied in the State. In this aspect in becomes an organisation for enabling the mass of men to realise social good on the largest possible scale» (p. 25). И далее: «From such a standpoint, the problem of political obligation can, of course be easily resolved. We obey the state because in the end it most truly represents ourselves» (30). Объявить всю проблематику несуществующей (классов нет — есть «мы»; угнетения нет — есть social good и т. д. и т. п.) и затем восторгаться легкостью задачи — это мелко даже для буржуазного уровня!

(rsp. класса). Однако даже и в последнем случае мы можем говорить только о классовом государстве, ибо включение всех классов в так понимаемое государство ни капли не противоречит его классовой угнетательской функции, опосредствующей «нормальный» ход процесса эксплоатации: ведь в данном случае эксплоатируемый класс вводится только как объект;[5] он — не соучастник «машины» угнетения. Подобно тому как все общество является эксплоататорским как тип, хотя его угнетенные классы суть лишь объекты эксплоатации, и государство есть организация порабощения, хотя, в данном понимании, оно включает не только поработителей, но и объект порабощения. «С политической точки зрения государство и устройство общества — не две разные вещи: государство есть устройство общества»,[6] а «политическая власть есть именно официальное выражение антагонизма классов в гражданском обществе».[7] Можно рассматривать государство и как организацию господствующего класса в узком смысле слова, как «машину» угнетения без включения объекта этого угнетения — так именно в зрелых своих работах и рассматривает ее Маркс.[8] «Общеполезные функции» государственной

---

[5] Проф. Hans Dellbrück излюбливает поэтому определение Гегеля: «Народ есть та часть государства, которая не знает. чего она хочет» («Das Volk ist derjenige Teil des Staates der nicht weiss, was er will»). См.: H. Dellbrück. Regierung und Volkswille. Verl. v. G. Stilke, Berlin. 1914. S. 41.

[6] K. Маркс. Соч., т. III, стр. 11.

[7] К Маркс. Нищета философии (Соч., т. V, стр. 416, изд. 1929 г.).

[8] В теории государства точно так же заметно огромное влияние Маркса (и в смысле заимствований, и в смысле антитетических построений, и в смысле извращений). См.: Ad. Menzel. Begriff u. Wesen des Staates. Handw. der Politik. I. Band; Fr. Oppenheimer считает содержанием «исторического государства» «die Bewirtschaftung der Untergruppe durch die Obergruppe», которая есть группа завоевателей (Fr. Oppenheimer. Staat u. Gesellschaft; Он же. Der Staat, hg. von M. Buber); до него сходная концепция у L. Gumplovitz: Geschichte der Staatstheorien, Innsbruck, 1905 (о теории Маркса: она «enthält in sich eine neue und grösstenteils richtige Auffassung des Staates» — S. 373); Edg. Loening. Der Staat (Allgemeine Staatslehre) im Handw. d. Staatsw. («Ohne Herrschaft — kein Staat», S. 694; но: «Die Herrschaft bedarf der Gewalt; aber sie beruht sich nicht auf der Gewalt, sondern auf dem Bewusstsein ihrer Notwendigkeit, von dem die Beherrschten durchdrungen sind»); Adolf Wagner. Staat in nationalökonomischer Hinsicht, Hndw. d. St. («der historische Staat vielfach... zur wirtschaftliche Ausbeutung... gedient hat»; но это только «злоупотребления»); Achille Loria. Les bases économiques de la constitution socilale. 2 éd.: Paris, 1903 («Ainsi, la politique n'est qu'une méthode de persistance, un instrument de conservation et d'extension de la propriété» — p. 362); Leon Duguit. Traité de droit constitutionnel. 2 éd.

власти (постройка железных дорог, борьба с заразными болезнями etc.) — вовсе не выражение «солидаризма», а необходимое условие «нормального» хода эксплоатации; «социальное законодательство» — обычно такой же учет сил, как уступка рабочим во время стачек, с переводом процесса эксплоатации на высшую ступень. Здесь, следовательно, никогда не идет речи об изменении классовой сути государства, как таковой, и классового значения его функций. Это нетрудно видеть на анализе основных функций государства любого исторического типа, в том числе и на анализе современного капиталистического государства: им издаваемые законы (законодательная функция) по разным направлениям охраняют и помогают расширенному воспроизводству капиталистических отношений (интересы собственности, торгового

Tome II. La théorie générale de l'état. Paris. 1923. («Par lá, on est ramené à l'élément essentiel de tout État: la plus grande force... Il n'y a différenciation entre gouvernants et gouvernés que lorsque les gouvernants peuvent en fait, imposer par la contrainte leur volonté aux gouvernés. A cette seule condition, il y a différenciation entre gouvernants et gouvernés, et par conséquent, à cette seule condition, il y a un État», 3). Новейший шведский государствовед R. K j e l l e n развивает своеобразную биологическо-органическую концепцию, до сексуальной характериологии государства включительно (Der Staat als Lebensform, 1917. Hirzelin, Leipzig, особ. S. 35, ff); чрезвычайно обнаженно для буржуазного ученого ставит вопрос о государстве M a x W e b e r. Wirtschaft und Gesellschaft Grundriss der Sozialökonomik. III. Abt. Tübingen. 1922. S. 29. «P o l i t i s c h e r Verband soll ein Herrschaftsverband dann und insoweit heissen als sein Bestand und die Geltung seiner Ordnungen innerhalb eines angebbaren geographischen G e b i e t s kontinuierlich durch Anwendung und Androhung physischen Zwanges seitens des Verwaltungsstabes garantiert werden. Staat soll ein politischer A n s t a l t s b e t r i e b heissen, wenn und insoweit sein Verwaltungsstab erfolgreich das M o n o p o l l e g i t i m e n physischen Zwanges für die Durchführung der Ordnungen in Anspruch nimmt» (см. также стр. 615). Чисто идеалистическую (к а н т и а н с к у ю) позицию занимает H. K e l s e n («Allgemeine Staatslehre») и др., а также специальная работа против марксизма: «Sozialismus und Staat. Eine Untersuchung der politischen Theorie des Marxismus». 2. erw. Auflage. Hirschfeld-Verlag. Leipzig. 1923; у него государство — идеология (=нормам права) с «этическо-политической» ориентацией; у O. S p a n n 'a: Gesellschaftslehre. 2. neubearb. Auflage. 1923. Quelle u. Meyer in Leipzig, «der Staat ist niemals Klassenstaat» (461), а расчлененное единство с благородными органами вверху и неблагородными — внизу («Es gehörte die ganze Hassnatur eines Marx... um den Begriff des Staates als «Klassenstaat»... anzunehmen. «Staat» erwies sich als Organisationshöchstmass im Sinne vom Lebenshöchstmass des Ganzen und der Glieder» (460). Чрезвычайно наивны плоские определения у J. A. R. M a r r i o t. The Mechanism of the modern State. Vol. I. Oxford. 1927. 14. Всé растущая ф а ш и с т с к а я литература идет по линии теоретизирования над проблемами так называемого «корпоративного государства», с изничтожением самой идеи класса, заменяемого ad usum fashismi, «сословием»; разумеется, «национальное целое» служит регулятивным принципом всех этих фальшивых quasi-теоретических построений.

оборота, накопления; интересы обеспечения власти, подавления и соответствующего воспитания угнетенных классов; интересы «защиты» и нападения против конкурентов и т. д.); «охрана личной безопасности и общественного порядка» (полиция, жандармерия, армия); «охрана наследственных и приобретенных прав» (юстиция); культурные функции (просвещение, гигиена и т. д.) и государственная церковь, борьба с конкурирующими государствами, — все это носит ярко выраженный классовый характер по существу, будучи прикрыто специфической идеологией «права» как более или менее идеальных норм человеческого общежития. Машина угнетения, имеющая свою материальную технику (средства физического истребления, наказания и устрашения), мощные, снабженные этой техникой, организации (армия, полиция, суд и т. д.), составляющие части универсальной и объемлющей все общество организации господствующего класса, — эта машина выступает под псевдонимом совокупности правовых норм, идеального комплекса, функционирующего в силу своей внутренней логики и убедительности. Такой фетишизм государственной власти и соответствующий ему специфический «юридический кретинизм», который рассматривает право, как самодовлеющую общественную субстанцию, движущуюся исключительно логикой своих внутренних имманентных законов, застывает в систему «чистого права». Весь мистицизм, однако, рассеивается, как только мы вскрываем следующие основные факты и связи.

1. Государства по своим типам соответствуют общественным формациям: экономическое устройство общества определяет собой тип государственной власти и ее структуру.

2. Господствующий экономически класс à la longue является классом, конституированным как государственная власть, т. е. является политически господствующим.

3. Основной функцией государственной власти является обеспечение процесса эксплоатации.

4. Отличие от всяких других организаций господствующего класса — в том, что государство есть всеохватывающая, самая общая организация, представляющая интересы всего господствующего класса в целом[9] и монополизи-

---

[9] См.: К. Маркс и Ф. Энгельс: Архив, I, стр 251/2: «Так как государство это та форма, в которой индивиды некоторого господствующего класса выявляют свои коллективные интересы и в которой концентри-

рующая материальные средства насилия и основные средства духовного порабощения.[10]

5. Правила государственной организации, т. е. общеобязательные нормы поведения, за которыми стоит весь аппарат принуждения, охраняют и облегчают воспроизводство процесса эксплоатации того конкретно исторического типа, который соответствует данному способу производства и, следовательно, данному типу государства.

Идеологи буржуазии, поскольку они вынуждены признать кусочки марксизма в построениях «Machttheorie» (теории социальной силы, господства — подчинения и т. д.), обычно вырывают революционное жало марксовой теории, затушевывая понятие класса, топя основную функцию опосредствования процесса эксплоатации в многоразличных функциях «общеполезного» характера, сводя эксплоататорски-угнетательскую роль государства к его историческим истокам и трактуя современные явления этого типа, лишь как «эксцессы» и «злоупотребления». Последовательно проведенная марксова теория им ненавистна, ибо — как откровенно писал один из корифеев буржуазного государствоведения G. Jellinek, «практические последствия силовой теории состоят не в обосновании (Begründung), а в разрушении (Zerstörung) государства»; «она прокладывает пути перманентной революции».[11]

Наиболее значительное направление современного буржуазного государствоведения — школа H. Kelsen'a — исходит — методологически — из телеологически-нормативной концепции права и из чисто-идеалистической трактовки государства, приравниваемого к системе его норм. Вообще говоря, все модное учение о «цели в праве», о «цели в государстве» и т. д. покоится на том, что государство в капиталистическом обществе вопло-

---

руется все гражданское общество некоторой эпохи, то отсюда следует, что все учреждения общего характера создаются государством, получая благодаря этому политическую форму». Необычайно откровенно ставит вопрос проф. H. Dellbrück (l. c., S. 133): «Aber es gibt ja noch andere Kräfte... und vor allem eine, die immer an letzter Stelle den Ausschlag gibt. Wo liegt zuletzs die wahre Macht? Sie liegt in den Waffen. Die entscheidende Frage für den inneren Charakter eines Staates ist deshalb immer: Wem gehört die Armee?».

[10] «Материальные привески» Энгельса (тюрьмы, оружие etc.) играют немаловажную роль. Это техническая основа аппарата насилия, определяющая структуру его важнейших частей (напр., армии).

[11] G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre. 3. Aufl. Berlin. 1914. S. 195, 196.

щает до известной степени рациональное начало в противоположность иррациональному потоку экономической жизни. «Гражданское общество» («bürgerliche Gesellschaft») — анархично, стихийно; это — бессвязная связь, «бессвязное общество», как его определял еще Фурье; оно, как мы видели, не есть «целеполагающий субъект», оно — не «организованный капитализм» и не может быть им. Государственно-политическая организация есть организованная величина (хотя она и не организует основных производственных отношений капитализма); она есть целеполагающий субъект: ее общие цели формулированы в ее законах (система норм — это система целей); ее оперативная функция — это ее политика.[12] Но из этого отнюдь не следует, чтобы эти самые цели нельзя было рассматривать как функции, а эти функции рассматривать в их историческом возникновении, развитии и гибели как явления, причинно-обусловленные. Вся бездонная ошибочность построения Kelsen'а теоретически покоится на том, что ему совершенно чужда диалектика свободы и необходимости, каузальности и телеологии; телеологический ряд у него пожирает «причинную необходимость», тогда как он сам должен быть именно на этой основе объяснен; ему чуждо также понимание специфических соотношений «гражданского общества», с его стихией, и капиталистического государства, сфера могущества которого весьма лимитирована этой стихийностью (ср. тему: капиталистическое государство и экономический кризис) и самый тип которого (в том числе и с точки зрения ограниченности) определяется (причинно определяется!) экономической структурой капитализма.[13] Трактовка H. Kelsen'ом государства как величины, имеющей лишь «идеальное» существование, причем автор апеллирует здесь к Марксу, причисляющему государство к надстройке, покоится на сме-

---

[12] Поэтому и у Маркса и у Энгельса нередко встречается предлог «zu» или «für» при трактовке вопросов права и государства («машина для угнетения» и т. д., на что с победоносным видом указывает г. Kelsen).

[13] См.: Маркс, защит. речь в связи с процессом «Neue Rheinische Zeitung», Соч., т. III, 254: «Общество покоится не на законе. Наоборот, закон... должен покоиться на обществе... Вот этот Code penal, который я держу в руке, не создал современного буржуазного общества. Напротив, буржуазное общество, возникшее в XVIII в. и продолжавшее развиваться в XIX в., находит в этом кодексе только свое правовое выражение».

шении идеологии и надстройки: последнее понятие ш и р е: государство есть социально-политическая надстройка, но «материальные привески» (оружие, вся материально-техническая основа аппарата принуждения, тюрьмы etc.), людская организация (армия, бюрократия) только с точки зрения явного скудоумия могут быть объявлены феноменами, имеющими «лишь идеальное существование».[14] Критика, направляемая Kelsen'ом против марксизма по другим линиям, донельзя слаба (хотя мы в его лице имеем одного из самых выдающихся представителей современного буржуазного государствоведения): «конечно», — утверждает он — «можно рассматривать современное государство как средство для (Mittel zum Zweck) хозяйственной эксплоатации одного класса другим».[15] Но это, по Kelsen'у, не суть дела, ибо: a) были государства, где нельзя говорить о хозяйственной эксплоатации, как существенном их содержании; b) хозяйственная эксплоатация «никоим образом (keineswegs) не является единственной целью современного государства»;[16] c) «но прежде всего государственная организация м ы с л и м а» (denkbar; наша разрядка. — *Н. Б.*) и такая, когда она имеет своим предметом помеху (Verhinderung) хозяйственной эксплоатации; d) это выражается в том, что современное государство, которое не в состоянии было путем социального законодательства уничтожить эксплоатацию, все же этим законодательством обнаружило тенденцию «в н а п р а в л е н и и (разрядка автора. — *Н. Б.*) ликвидации (Aufhebung) классовой противоположности».[17] По этому поводу следует

---

[14] См. H. K e l s e n, l. c.: «Hinsichtlich der Frage der Identität der Staatsordnung mit der Rechtsordnung... Die Annahme dieser Identität scheint mir gerade von Standpunkt der materialistischen Geschichtsauffassung geboten. Was die Einsicht verhindert, ist die Vorstellung, der Staat sei eine r e a l e, natürliche (? — *Н. Б.*). Macht und als solche wesensverschieden (очень неточно. — *Н. Б.*) von dem Recht, das eine bloss i d e e l l e Existenz habe, während in Wahrheit der Staat ebenso wie das Recht etwas Ideelles, eine «Ideologie» ist, und das Recht wie der Staat als Ideologie seine natürlichen «realen» Bedingungen hat» (S. 11, Fussnote).

[15] K e l s e n, l. c., S. 13/14.

[16] I b i d e m, S. 14.

[17] I b i d e m: «Gewiss hat auch die sozialpolitische Gesetzgebung der letzten Jahrzehnte den Klassengegensatz und die wirtschaftliche Ausbeutung nicht grundsätzlich beseitigen können. Aber sie zeigt, dass das politische Mittel, d. h. der Staat, geeignet ist, in d e r R i c h t u n g der Aufhebung des Klassengegensatzes zu wirken, dass es nur auf den Inhalt der staatlichen Zwangsordnung ankommt». Еще резче у O. S p a n n 'a (Gesellschaftslehre, S. 460, 461): «U n t e r w e r f u n g i m S i n n e v o n A u s b e u t u n g i s t Z e r s t ö r u n g d e r G e m e i n s c h a f t, d a h e r U n t e r w e r f u n g s- u n d

заметить, что: ad a) таких государств, как раз à la longue, не было; ad b) «единственную» «цель» (следует говорить точнее о функции) нельзя смешивать с основной «целью», которой соподчинены другие; дело в том, что основной функцией является обеспечение процесса эксплоатации, а эта функция, в свою очередь, опосредствуется другими, имеющими производное значение; ad c) «мыслимое» государство H. Kelsen'a есть противоречие в самом себе, и оно не мыслимо, если принять предпосылку о классовой сущности государства, за исключением пролетарской диктатуры, которая есть и государство, и не-государство, о чем ниже, но у Kelsen'a речь здесь как раз и не идет о пролетарской диктатуре; ad d) ссылка на современное буржуазное государство отнюдь не убедительна: это государство вовсе не обнаруживает тех тенденций, о которых говорит H. Kelsen; его утверждения, по существу, должны покоиться либо на признании «тенденции» к смягчению классовой борьбы вообще, что решительно противоречит фактам, либо к внеклассовой трактовке государства; он стремится доказать последнее практикой самого государства; однако и эта практика коренным образом противоречит его теории, построенной на фак-

---

Ausbeutungsstaaten wesenswidrig und in der Geschichte niemals Dauererscheinung sind» (разрядка автора), «zu einem gemeinschaftsgestaltenden Vorgang muss sich alle Anwendung von Unterwerfungs- und Knechtungsgewalt verwandeln — sofern sie wirklich zu «Staat» wird». Разумеется, русские идеалисты не отстают. Еще в 1916 г. Кистяковский писал: «Одухотворяющая идея или нравственное оправдание государственной власти становится постепенно основным и наиболее важным признаком этой власти» (Социальные науки и право, стр. 478, разрядка автора). Это звучит прямо забавно в эпоху Гитлера и японской дипломатии. С точки зрения раскрытия всей этой мистики чрезвычайный интерес представляют компендиумы советов для правителей, начиная от индийских сборников, продолжая «Il principe» Макиавелли и кончая учением о «salus publica», «raison d'état», «Staatsraison», о так наз. «arcana imperii» и «arcana dominationis» («государственные тайны», политические хитрости, внутренние мотивы государственной политики); о так наз. «simulacra», т. е. декоративно-обманных институтах государственной организации, прикрывающих ее действительные и реальные функции. Любителям «всеобщих интересов», якобы представляемых государством, вроде Kelsen'a (а также и с.-д. «теоретикам»), полезно иметь в виду уже давным давно сформулированное правило: «populo tumultuanti et feroci satius ultro concedere vel ea quae contra bonos mores postulant, quam Rem publicam in periculum vocare. Nam postea sedato populo retractari possunt» (см.: Carl Schmitt. Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf. München u. Leipzig. 1928. Verl. von Dunker und Humblot).

тах, когда буржуазия маневрировала и отступала (это обстоятельство и было возведено «на принципиальную высоту», как «высшая справедливость» «нейтральной» и «надклассовой» государственной власти); последующие «факты» опрокинули навзничь всю теорию Kelsen'a. По существу, гораздо менее интересный, но гораздо более откровенный O. Spann формулирует потрепанную подоснову всех идеалистических аргументов против марксовой теории государства, связывая их с «аргументацией» против материалистического понимания истории, которому делается упрек в «отсутствии истинного идеализма»: «поэтому мы видим — в чрезвычайно чистой выработанности предпочтительного положения для действия, прежде всего хозяйственного, по отношению ко всему духовному (von der Geistlichkeit), в историческом материализме Карла Маркса законченный способ мышления (Denkweise), в основе своей варварский, ибо враждебный духу и культуре. Исторический материализм — это система, которая обесценивает внутренние благороднейшие создания культуры, науки, искусства, религии, морали, рассматривая их как рефлексы или «надстройки» чисто хозяйственных процессов развития».[18] Каузально объяснить явление, раскрыть его социальный генезис — по этой странной логике значит его обесценить; объявить войну религиозному средневековью — значит очутиться в варварах; с этой точки зрения принять учение Дарвина — значит начать выть по-волчьи. «Ирония истории», однако, приводит к совершенно иным фактам и логическим выводам.[19]

Итак, государственная организация закрепляет определенный исторически возникший, эксплоататорский способ производства, будучи по своему типу выражением специфическо-исторической общественно-экономической структуры. В государственной организации аккумулированы все основные средства физического насилия и духовного порабощения. Переход к новой экономической формации не может произойти поэтому без свержения господствующего класса, а следовательно, и без частичного, а при пролетарской революции полного, разрушения его государственной ор-

---

[18] O. Spann. Gesellschaftslehre. S. 147.

[19] «Культурные» подвиги германских учеников O. Spann'a говорят сами за себя. Если Max Scheler в одной из своих больших работ облыжно утверждал, что в СССР в index librorum prohibitorum входят все классики философии, то германские ауто-да-фе горят достаточно яркими маяками фашистской «культуры».

ганизации: победа над классовым противником означает дезорганизацию его основных сил. Таким образом, социальная революция обязательно имеет свою политическую сторону. Эта обостреннейшая классовая борьба, переходящая в гражданскую войну, имеет своей подосновой объективный конфликт между ростом производительных сил и формой производственных отношений, конфликт, субъективным выражением которого и является решающее столкновение классов. Таким образом, никак нельзя отрывать эту острую борьбу от катастрофических объективных ее условий в экономике общества, условий, эту борьбу детерминирующих. Kelsen и здесь атакует марксово учение; его аргументация такова: развитие «базиса» (Unterbau) — есть непрерывный эволюционный процесс, «ein Kontinuum», всякое изменение есть «цепь бесконечно малых «революций», каждое изменение есть такая «революция»;[20] поэтому революция может быть только в сфере идеологии, «или, другими словами: «революция» есть понятие, которое может быть конституировано лишь в сфере нормативного, этическо-политического или юридического анализа».[21] Софизм от малых «революций» не трудно раскрыть: конечно, противоречие между прерывностью и непрерывностью имманентно всему процессу развития, и всякое изменение есть изменение качественного порядка; но есть «скачок» и «скачок»; есть «качество» и «качество»: вот эта проблема качества самого качества совершенно вне поля зрения H. Kelsen'a: капиталистическое общество развивается в противоречиях все время: оно даже проходит крупные фазы этих изменений (промышленный капитализм, империализм); но эти изменения не того качественного типа, как изменения при переходе от капитализма к социализму; в последнем случае и скачок другого типа, неизмеримо более «принципиального», с выходом за структурные формы капитализма вообще, и новое качество есть качество совершенно другого измерения. С точки зрения капиталистической структуры вообще новое качество есть только социализм и скачок есть только пролетарская революция. Ставить на одну доску изменения внутри капиталистической структуры

---

[20] Kelsen, l. c., S. 61, Fussnote.

[21] Ibid., S. 59, Fussnote: «Oder, mit anderen Worten: «Revolution» ist ein nur in der Sphäre normativer ethisch-politischer oder juristischer Betrachtung konstituierbarer Begriff».

с ликвидацией этой структуры и переходом к социализму — значит не видеть и не понимать основных закономерностей процесса. Именно поэтому нельзя растворить революцию в эволюции и новую форму всего общественного бытия разменять на мелкую монету молекулярных перемен обычного эволюционного ряда. Вторая основная ошибка заключается в механическом отрывании разных сторон жизнедеятельного общества друг от друга. Исторический процесс есть противоречивый, но единый процесс воспроизводства общественной жизни. «Базис» и «надстройки» проходят свой жизненный кругооборот, находясь в постоянном взаимодействии и «подчиняясь» единой закономерности общественного развития всего «целого», каковая и есть определяющая закономерность развития базиса. Поэтому самая возможность того, что одна часть общественного бытия подлежит каузальному рассмотрению, другая нормативно-телеологическому (и только!) — заранее исключена. Революцию, как победоносную борьбу пролетариата против буржуазии, как «скачок», нельзя выдирать из всего общественно-исторического контекста: она есть «момент» воспроизводства общественной жизни, воспроизводства, возможного лишь в его новой историко-экономической форме: должны быть разбиты оковы старых производственных отношений (это — базис, а не «идеология», к сведению H. Kelsen'a), условием чего является разрушение государственной машины буржуазии.[22]

---

[22] У C. Schmitt'a мы находим сходный строй мыслей: «Die Entwicklung zum kommunistischen Endzustand muss nach der ökonomischen Geschichtsauffassung des Marxismus «organisch» (im Hegelschen Sinne) vor sich gehen, die wirtschaftlichen Verhältnisse müssen reif sein für die Umwälzung, die Entwicklung ist (ebenfalls im Hegelschen Sinne) «immanent», die Zustände können nicht gewaltsam reif «gemacht» werden, ein künstliches, mechanisches Eingreifen in diese organische Entwicklung wäre für jeden Marxischen sinnlos. Aber die bolschewistische Argumentation sieht in der Tätigkeit der Bourgeoisie... ein äusserliches Eingreifen in die immanente Entwicklung, ein mechanisches Hindernis, durch das der organischen Entwicklung der Weg verbaut wird und das ebenso mechanischen und äusserlichen Mitteln beseitigt werden muss. Das ist der Sinn der Diktatur des Proletariats (die eine Ausnahme von den Normen der organischen Entwicklung und deren Kernfrage ebenso rein geschichtsphilosophisch ist, wie die Argumentation, mit der sie sich rechtfertigt» (l. c., S. VIII). Здесь масса неверного: нет диалектики развития, нет противоречий; нет сгущения этих противоречий, которое вызывает решительное столкновение классов; «деятельность» буржуазии (здесь разумеется экономическая категория, «производственные отношения» капитализма) — вовсе не «внешняя» величина и вовсе не «mechanisches Hindernis» и т. д. А в основном — то же непонимание раз-

Здесь Маркс подчеркивает именно этот разрушительный процесс,[23] необходимость для пролетариата «сконцентрировать против нее (государственной машины. — *Н. Б.*) все силы разрушения».[24] Вопрос о разрушении государственной машины буржуазии или об ее использовании со стороны пролетариата отнюдь не есть терминологический вопрос: и теоретически, и практически он имеет, вопреки Kelsen'у, огромнейшее значение. Теоретически — ибо он говорит о своеобразной закономерности процесса, он ставит вопрос об организации нового типа государства (и по классовому содержанию, и по его организационным формам, и по тенденциям его развития); практически — ибо он соответственно направляет всю стратегию и тактику пролетариата: и по этой линии проходит кровавая борозда между социал-демократией и коммунизмом.

Итак:

1. Основные тенденции капиталистического развития приводят к конфликту между развитием производительных сил, подготовившим материальные предпосылки нового общества — концентрация средств производства, обобществление труда, — и капиталистической его оболочкой (Hülle, Маркс), конфликту такого напряжения, когда эта оболочка становится несовместимой с дальнейшим развитием производительных сил, а следовательно, и всего общества.

2. Это обусловливает крайнее обострение классовых интересов и напряжение классовой борьбы: «более или менее прикрытая гражданская война внутри существующего общества» «превращается в открытую революцию».[25]

3. Концентрируя против государственной машины буржуазии все разрушительные силы, пролетариат насильственно ломает эту машину.

вития всего общества и развития его противоречий, что и у H. Kelsen'a. Обоим чрезвычайно хочется изобразить революцию пролетариата как искусственное «вмешательство» механических сил, тогда как на самом деле она есть необходимое звено в цепи имманентного общественного развития, хотя это и скачок, хотя это и деспотическое вторжение пролетариата в имущественные отношения капиталистического общества.

[23] Маркс. 18-е брюмера Луи Бонапарта («все перевороты совершенствовали эту машину, вместо того, чтоб сломать ее»); Маркс. Письмо к Кугельману от 12 IV 1871 г. («разрушить эту машину»); Маркс и Энгельс. Предисловие к «Комм. манифесту» от 24-VI 1872, и т. д.

[24] Маркс. 18-е брюмера.

[25] Маркс и Энгельс. Коммунистический манифест.

4. Он создает новый тип государства, диктатуру пролетариата; классовая борьба «неизбежно ведет к диктатуре пролетариата».

5. «Пролетариат использует свое политическое господство для того, чтобы постепенно вырвать у буржуазии весь капитал, централизовать все орудия производства в руках государства, то есть организованного, как господствующий класс, пролетариата и возможно более быстро увеличить сумму производительных сил».[26]

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом, — писал Маркс в «Критике Готской программы», — лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ничем иным, кроме как революционной диктатурой пролетариата».[27] На диктатуре пролетариата следует прежде всего остановиться с точки зрения определения государственной организации, как всеобщей классовой организации господства, обеспечивающей процесс хозяйственной эксплоатации. Ясно, что она под это определение не подходит. Но это вовсе не означает, что государство пролетариата оторвано от своей материально-экономической основы: если эксплоататорские типы государственной власти, во всем многообразии их исторических форм, имели своей основной функцией расширенное воспроизводство тех производственных отношений, на которые они опирались и концентрированным политическим выражением которых они являлись, то и диктатура пролетариата имеет своей основной функцией расширенное воспроизводство новых, социалистических, отношений производства; если, например, капиталистическое государство облегчало съедание докапиталистических хозяйственных форм, то диктатура пролетариата, после экспроприации экспроприаторов, является средством даль-

---

[26] Ibidem.

[27] Маркс. Критика Готской программы. Партиздат. М. 1933. Стр. 43. Отсюда ясно, как оценивал Маркс учение о диктатуре пролетариата. С одной стороны, он специфической чертой своей теории считал научное открытие той основной тенденции, что классовая борьба неизбежно ведет к диктатуре пролетариата; с другой — что диктатура пролетариата есть государственное выражение всего переходного строя; с третьей — что она сама есть орудие перехода к бесклассовому коммунистическому обществу. Из этого г. К. Каутский препарировал «словцо» о диктатуре, случайно оброненное Марксом!

нейшего роста социалистических форм, мощным рычагом ликвидации капиталистических и переделки мелкособственнических хозяйственных отношений. Но именно потому, что экономическое развитие в переходный период есть не что иное, как исчезновение до конца остатков прежних хозяйственных формаций и укладов, следовательно, исчезновение остатков эксплоатации и материальных отправных точек ее возникновения, — именно поэтому диктатура пролетариата несет в себе зародыш своей собственной ликвидации; ее развитие влечет за собой ее отмирание. Таким образом, уже с точки зрения своей экономической функции диктатура пролетариата есть и государство, и не-государство. Это — последняя историческая форма государства, где оно, в конечном счете, погружается в общество и растворяется в нем. Следовательно: 1) это есть организация господствующего класса, пролетариата; 2) эта организация имеет своей экономической функцией расширенное воспроизводство социалистических производственных отношений; 3) она является всеобщей, самой широкой и универсальной организацией пролетариата, руководимого авангардом — партией; 4) она монополизирует все средства физического принуждения и духовной переработки людей; 5) ее непосредственной функцией является подавление сопротивления эксплоататоров, их разгром и ликвидация; эта функция решительной и беспощадной классовой борьбы, доведенной до конца, есть, разумеется, важнейшая предпосылка для всего остального. Здесь, следовательно, есть отношение господства; но и это отношение есть исчезающая величина, поскольку в ходе классовой борьбы исчезают, на определенной ступени развития, сами классы: вовлекая в свою непосредственную организацию всех, государство перестает быть самим собой и, всасывая в себя общество, само без остатка растворяется в нем; классовое господство над людьми превращается в бесклассовое господство над вещами. Этот процесс перехода к «управлению вещами» обусловливается тем, что диктатура пролетариата включает совершенно специфическое соотношение между экономикой и политикой и тенденцию к ликвидации классов. В капиталистической формации стихийное и анархическое «гражданское общество» лишь охватывалось «политическим государством», отнюдь не сливаясь с ним, не организуя основных форм его движения; в «гражданском обществе» — частная собственность, частные сделки между капиталистом

и рабочим, конкуренция, иррациональность; в государственной организации — представительство интересов всего капиталистического класса, известная рациональность, но узкая, не достигающая самых основ «гражданского общества». При пролетарской диктатуре государство сливается с хозяйством: основные рычаги хозяйства, все важнейшие сферы его — в руках пролетарского государства; государственная организация есть и хозяйственная организация; управление социалистическим хозяйством есть непосредственная функция государства, борющегося за преодоление классовых противоположностей. Здесь, следовательно, принципиально другое соотношение между «обществом» и «государством», между «политикой» и «экономикой», между «управлением людьми» и «управлением вещами». Развитие производительных сил в таких условиях и победоносный ход классовой борьбы готовят систематически переход к поглощению политических функций функциями административно-хозяйственными, т. е. переход к бесклассовому и безгосударственному коммунистическому обществу. Таким образом, по всем своим основным функциям и тенденциям развития диктатура пролетариата вообще не может идти в ряд с другими типами государственной власти, ибо она, понимаемая исторически, уже выходит за пределы государства, как такового. Поэтому поистине жалки попытки Kelsen'a примером пролетарской диктатуры, которая уничтожает эксплоатацию, опровергнуть угнетательско-эксплоататорский характер капиталистического государства.[28] Не более удачна попытка того же автора сконструировать гибельное противоречие между экономическим учением Маркса и его теорией пролетарской диктатуры. Здесь H. Kelsen выставляет такого рода аргументы: а) экономическая теория Маркса, который преодолел научно

---

[28] H. Kelsen, l. c., S. 41, 43 (Fussnote), 44. До чего доходит классовая злоба этих «надклассовых» и «общеполезных» господ, видно из такой, напр., тирады этого ученого: «Die Berufung (М. Адлера. — *Н. Б.*) auf die «Geschichte des Bolschewismus» muss aber darum zurückgewiesen werden, weil der Staat der Bolschewisten zwar eine ausgesprochene «Unterdrückungsorganisation» ist, aber niemals ein Proletarierstaat im Sinne des Marxismus war... ist er ein Kapitalistenstaat (моя разр. — *Н. Б.*), dessen Unterdrückung des Proletariats sich von der bisher bekannten nur dadurch unterscheidet, das sich die Unterdrücker «Revolutionäre» nennen». (S. 43, Fussnote). Таким образом, выходит, что капиталистические государства все более

наивности Прудона и анархистов, приводит к взгляду на коммунистическое хозяйство, как на централизованную плановую систему, которая требует принуждения; в то же время в области политики — выдвигается «ярко выраженный анархический идеал»;[29] b) нет и не может быть такого управления над вещами, которое не было бы управлением над людьми; c) отношение разных людских группировок к проблемам религии, искусства «и прежде всего к эротическим проблемам» будет выражаться не только в разных ориентировках, но и приводить к громадным конфликтам; все это требует вмешательства государственной власти. Против этого следует выдвинуть такие контраргументы: ad a) «безгосударственный» и «анархический» одно и то же только филологически; «анархический идеал» как раз отрицает централизацию; безгосударственная централизация будет возможна и исторически необходима, ибо рост производительных сил ведет к централизации; сложная кооперация людей вполне мыслима без принуждения (оркестр); процесс преодоления классовых противоположностей, «холопской иерархии» (Маркс) и отмирания государства будет создавать самодисциплину, мало-помалу вытесняющую не только остатки классового принуждения, но и авторитаризма вообще; централизация общественных функций только тогда является государством, когда она дается с классовой характеристикой; ad b) под управлением над людьми разумеется процесс административного командования ими, то есть превращение их в объект, в простых исполнителей приказов, что предполагает иерархию людей, принуждение, повиновение; поскольку все эти момен-

---

отходят от эксплоатации, а СССР все более угнетает и эксплоатирует. Отсюда недалек «оргвывод»: бесклассовая Лига Наций versus капиталистический СССР. С голоса этих поспод и поют «марксисты» II «Интернационала».

[29] Буквально то же у O. Spann'a: Der wahre Staat. Vorlesungen über Abbruch und Neubau der Gesellschaft. 2. Aufl. 1923. Verl. von Quelle und Meyer in Leipzig. S. 165: «Nach Marx soll das, was nach Aufhebung der Klassenunterschiede folgt, eine «freie Assoziation», d. h. eine Gesellschaft ohne Zwangsorganisation und somit ohne Staat sein! Da oben doch wohl auch diese «Gesellschaft» in Rechtspflege, Kulturpflege und Verwaltung tausendfachen Zwang notwendig ausüben muss, so wäre sie ohne diesen Zwang notwendig ausüben muss, so wäre sie ohne diesen Zwang eine anarchische Utopie, d. h. vollkommene freiwillige Genossenschaftlichkeit oder Chaos... Eine zentralistische Planwirtschaft ohne Zwangsorganisation ist ein Widerspruch in sich».

ты исчезают, управление людьми в смысле административного командования тоже исчезает; объектами остаются только вещи, средства производства, орудия труда (врач не управляет больным, когда дает рецепт; управление оркестром не есть управление в административном, командном смысле слова); ad c) религия в коммунистическом обществе вообще исчезнет, ибо, будучи рефлексом расколотого мира и проекцией на «небо» «земных» категорий господства — подчинения, она потеряет всякую основу существования; что касается «эротических проблем» (здесь у Кельзена виден венско-фрейдианский «couleur local»), то они уже наверное не будут подлежать решению в принудительном порядке; вообще, мыслить себе эротику как базис государственной власти значит совершенно ничего не понимать в реальных исторических процессах.

К проблеме отмирания государства Маркс и Энгельс подходили также и со стороны анализа государства, как паразитического нароста на теле общества. Чем острее классовые противоречия, чем сильнее центробежные силы, раздирающие относительное единство общества, тем больше государственный аппарат (армия, чиновничество и т. д.), тем громаднее непроизводительные издержки на него, настоящие faux frais эксплоататорских общественных формаций. Государство превращается в силу, стоящую над обществом, отъединяющуюся от него, непропорционально разрастающуюся даже с точки зрения своих собственных функций. Эта своеобразная гипертрофия государственного аппарата и его крайняя бюрократизация,[30] это существование над обществом и сверх общества стоящей силы, эти чудовищные непроизводительные расходы, вытекающие из черт специфической (эксплоататорской) общественной формации и приумноженные ростом ее внутренних противоречий, — уничтожаются в первую очередь, и в этом уничтожении точно так же заложены зародыши преодоления государства.

В настоящее время cri de mode является провозглашение конечной цели коммунизма, как ее трактует Маркс, анархическим идеалом. Если ранее революционная с головы до ног и мужественная теория Маркса бралась под одну скобку с прусско-помещичьим социализмом К. Родбертуса и национал-«рабочим» полубисмаркианским социа-

---

[30] К. Маркс: 18-е брюмера.

лизмом Ф. Лассаля, то теперь она нередко берется за одни скобки с построениями Бакунина, Кропоткина и др. В одном месте Маркс действительно говорит об анархии, утверждая, что «все социалисты подразумевают под анархией... конечную цель пролетарского движения».[31] Но одно обстоятельство отличает коренным образом теорию Маркса: это — научная теория. Она ставит все проблемы с точки зрения развития, с точки зрения истории, а не абстрактно. Поэтому у Маркса речь идет о диктатуре пролетариата, как переходной исторической фазе развития к коммунизму и о разных этапах движения общества к безгосударственной коммунистической общине.[32] Это безгосударственное (в этом смысле анархическое) общество, однако, в высшей степени отличается от федераций небольших коммун полуремесленного типа, как представляет себе дело анархизм, социальный генезис которого весьма далек от коренных и

---

[31] K. Маркс. Les prétendues scissions de l'Internationale. 1872. p. 72: «tous les socialistes entendent par l'anarchie ceci: le but du mouvement prolétaire, l'abolition des classes, une fois atteint; le pouvoir de l'Etat, qui sert à maintenir la grande majorité productrice sous le joug d'une minorité exploitante peu nombreuse, disparaît et les fonctions gouvernementales se transforment en de simples fonctions administratifs».

[32] Этого никогда не понимали даже те из анархистов, которые «благожелательно» относились к марксизму. Так, Luiggi Fabbri (Rom) в «Die historischen und sachlichen Zusammenhänge zwischen Marxismus und Anarchismus», Arch. für Soz.-Wiss. u. Soz.-Politik, Band 26, говорит о «Коммунистическом манифесте»: «Interessant an dem Schiftchen (!!) sind ferner die heftigen Angriffe auf den Staatssozialismus und die Gutheissung der insurrektionellen Methode, die freilich in sonderbarer Weise mit dem Rekonstruktions-Programm kontrastieren, welches sich am Schluss des zweiten Kapitels befindet. In den zehn Artikeln dieses Programms stossen wir bereits auf den staatlichen und rein reformerischen (!!!) Kollektivismus unserer heutigen Revisionisten, auf Vorschläge zur Konzentrierung des Kredits in den Händen des alleinbesitzenden Staates, auf die despotische Reglementierung der Arbeit, auf die Drohung mit der Konfiskation gegenüber Emigranten und Rebellen u. s. w. Es ist unbegreiflich (!!), wie Marx einen solchen falschen Stein in sein wertvolles Mosaik (!!) einfügen konnte» (S. 577). Fabbri не понимает, что речь идет о диктатуре пролетариата, а не о буржуазном государстве, под дудку которого пляшут реформисты, что конфисковать имущество контрреволюционеров и контрреволюционных мятежников вовсе не реформистская задача, что без диктатуры пролетариата этот пролетариат безоружен и т. д. Еще меньше понимает суть дела F. Domela Nieuwenhuis («Der staatssozialistische Charakter der Sozialdemokratie». Arch. für S.-W. u. S.-P. Band XXVIII, 1909), который очень хорошо вскрывает чудовищный оппортунизм социал-демократии, но совершенно не в состоянии понять учения Маркса, и приходит к заключению, что «Marx steht Bismark näher an, als dem Anarchismus», ибо «wer die Formel der Eroberung der politischen Macht annimt... der muss beim Staatssozialismus endigen».

основных слоев индустриального пролетариата. Марксизм, с другой стороны, не имеет ничего общего и со своей жалкой социал-фашистской карикатурой, которая идейно восходит к Лассалю, врастая всеми своими побегами в идеологию фашистского «национального», «сословного», «корпоративного» государства, с полным закабалением пролетариата капиталу и террористической его диктатурой, преподносимой под псевдонимом «нации» и «целого», с огромным количеством разнообразных «simulacra» (демагогическая сторона фашизма) и «arcana dominationis».

Диктатура пролетариата, будучи единодержавием рабочего класса, является в то же время внутриклассовой пролетарской демократией, в противоположность буржуазной демократии, которая, покоясь на капиталистической собственности, эксплоатации и, следовательно, глубоком экономическом неравенстве, создает целую систему демократических simulacra, т. е. обманно-маскировочных институтов формально-юридического равенства всех. Реально — это есть фикция, ибо экономическое неравенство делает нереализуемым равенство формально-правовое. Но реальность этих фикций в их превентивных и маскировочных функциях, которые вполне реальны. Внутренний механизм государственной власти, даже в самых демократических системах, которые, в основном, лежат уже в историческом прошлом, обеспечивают целиком единодержавие, т. е. диктатуру, буржуазии, что анализировано даже некоторыми буржуазными государствоведами, например R. Michels'ом,[33] Острогорским[34] и др. Механизм партий, малых кабинетов, так называемых «кокусов» (С. Штаты), закулисных «высших инстанций» со всей системой «arcana imperii», есть действительная «машина», которая, несмотря на свое определяющее значение и роль в действительной жизни, играет минимальную роль в качестве объекта буржуазной теории государственного права, анализирующего с формально-юридической стороны систему многочисленных simulacra в первую очередь. Диктатура пролетариата не нуждается в этой системе фикций: она открыто заявляет о своем классовом характере и о своих функциях, что в сознании буржуазных государст-

---

[33] R. Michels. Zur Sozialogie des Parteiwesens. Leipzig. 1910.

[34] Русск. пер.: М. Острогорский. Демократия и политические партии. Изд. Комм. Ак., т. I. 1927.

воведов отражается, как признание антидемократического (а не антибуржуазного, не пролетарски-демократического) характера пролетарской диктатуры. «Диктатура пролетариата, — заявляет, например, Hans Gmelin,[35] — есть форма правления (Regierungsform), при которой государственная власть (die Staatsgewalt), в противоположность к демократии, должна исходить не от всего народа, а только от работающих физически классов (sondern nur von den handarbeiten Klassen). Хотя народные слои, участвующие в государственной власти, весьма многочисленны (здесь. — *Н. Б.*), все же следует диктатуру пролетариата ставить в один ряд с аристократией и олигархией, ибо как здесь, так и там речь идет о господстве (Herrschaft) одного класса». Маркс со всей беспощадностью научного анализа вскрыл действительный смысл и действительное значение теории «народного», «свободного» государства, защищаемой «вульгарными демократами». С другой стороны, диктатура пролетариата, будучи его единодержавием, реально обеспечивает демократию для пролетариата, воспитывающего и переделывающего и самого себя и своих союзников, ибо она «экспроприирует экспроприаторов» и строит социализм, подымает жизненный и культурный уровень трудящихся, непрерывно и систематически развертывая все их внутренние силы и потенции и приближая уничтожение глубочайшего разрыва между умственным и физическим трудом.[36] Только здесь «народ», который в аристократическом государстве Платона трактовался, как θηρίου ποικίλου καὶ πολυκέφαλου (зверь пестрый и многоглавый), обнаруживает себя — в процессе своей исторической переделки — как настоящий творец и организатор нового общества, знаменующего переход «от предистории человечества к его действительной истории». У Маркса, следовательно, 1) имеется своеобразная диалектика диктатуры и демократии;

---

[35] Hans Gmelin. Diktatur des Proletariats. Politisches Handwörterbuch, hg. v. Paul Herre. Leipzig. Verl. von Koehler. 1923.

[36] «Диалектика (ход) развития такова: от абсолютизма к демократии буржуазной; от буржуазной демократии к пролетарской; от пролетарской к никакой». См. Ленин: о «Критике Готской программы». Из тетради «Марксизм о государстве» (январь — февраль 1917). Прилож. к «Критике Готской программы». Партиздат. М. 1933 г., стр. 77. Замечательный анализ диктатуры пролетариата, как пролетарской демократии, дан Лениным в ряде работ. Особенно важны «Ренегат Каутский», соответствующие части программы ВКП (б), тезисы Ленина, принятые Коминтерном, и др.

2) сама демократия трактуется не в своей внеисторической абстрактности, когда она превращается в ничто, а в своей исторической, конкретной, т. е. классовой особенности, которая 3) в свою очередь анализируется с точки зрения исторической смены способов производства и типов государственной власти. Таким образом, диктатура пролетариата является новым, высшим типом демократии, и притом таким ее типом, который, развиваясь, уничтожает, в конце концов, всякую государственную власть, т. е. отрицает и самое себя.

Диктатура вообще, и диктатура пролетариата в частности, кроме единодержавия класса, включает особый момент несвязанности даже своими собственными законами; она сама, в силу особых условий «заповедей момента», известной «Notlage», диктует целесообразные с точки зрения своих задач действия; она, прежде всего, решает.[37] Эта оголенность функции и повышенная «свобода действий», сугубая целеустремленность характерны в особенности для диктатуры пролетариата, которая выступает с отрытым историческим забралом. Всасывая в свой аппарат управление всем «народным хозяйством», крайне обогащая и разнообразя свои задачи, подводя под себя базис все более и более планового социалистического хозяйства, диктатура пролетариата в высочайшей степени рационализирует весь жизненный процесс общества в целом; классовая борьба пролетариата, организованного как государственная власть, принимает многообразные

---

[37] C. Schmitt, l. c.: «Wenn die Dictatur notwendig «Ausnahmezustand» ist, kann man durch eine Aufzählung dessen, was als das Normale vorgestellt wird, die verschiedenen Möglichkeiten ihres Begriffes aufzählen»... (VI). И далее, о пролетарской диктатуре: «Der eigene Staat heisst in seiner Gesamtheit Diktatur, weil er das Werkzeug eines durch ihn zu bewirkenden Ueberganges zu einem richtigen Zustand bedeuted, seine Rechtfertigung aber in einer Norm liegt, die nicht mehr bloss politisch oder gar positivverfassungsrechtlich ist, sondern geschichtsphilosophisch. Dadurch ist die Diktatur — weil sie als Ausnahme in funktioneller Abhängigkeite von dem bleibt, was sie negiert — ebenfalls eine geschichtsphilosophische Kategorie geworden» (VII). Эти рассуждения много выше, чем трактовка той же проблемы у H. Kelsen'a. Dictator est qui dictat (о личной диктатуре в прежних формациях); у Макиавелли: диктатор — «un huomo che senza alcuna consulta potesse deliberare et senza alcuna appelaggione eseguire le sue deliberazioni» (Discorsi sopra la prima deca di Tito Livio, цит. у Шмитта, стр. 7). «Daher herrscht gerade in der Diktatur ausschliesslich der Zweck, von allen Hemmungen des Rechts befreit und nur durch die Notwendigkeit bestimmt, einen konkreten Zustand herbeizuführen». Это последнее относится и к диктатуре класса, какие бы конкретные формы она ни получала.

формы, пропитывая все области общественной жизни, от техники до философии включительно. Этот процесс превращения общества из дробно-стихийного в рационально-организованное, это превращение бессубъектного общества в общество-субъект, в корне меняет и самый тип закономерности общественного развития. Меняется соотношение между каузальным и телеологическим рядом. Это не значит, что исчезают объективная закономерность и объективные законы развития. Но это значит, что они теряют свою характеристику слепой и внешней силы, стоящей над человеком и противоположной его действиям. Условным «пределом» развития является развернутый коммунизм, о закономерностях которого Маркс писал:

«Как дикарь, чтобы удовлетворять свои потребности, чтобы сохранять и воспроизводить свою жизнь, должен бороться с природой, так должен бороться и цивилизованный, и он должен делать это во всех общественных формах и при всех возможных способах производства. С его развитием расширяется это царство естественной необходимости, потому что его потребности расширяются; но в то же время расширяются и производительные силы, которые служат для их удовлетворения. Свобода в этой области может заключаться лишь в том, что социализированный человек, ассоциированные производители регулируют этот свой обмен веществ с природой, ставят его под свой общий контроль, вместо того, чтобы, напротив, он, как слепая сила, господствовал над ними... Но тем не менее это все же остается царством необходимости. По ту сторону его начинается развитие человеческой силы, которое является самоцелью, истинное царство свободы, которое, однако, может расцвести лишь на этом царстве необходимости, как на своем базисе. Сокращение рабочего дня — основное условие».[38] «Царство свободы начинается в действительности лишь там, где прекращается работа, диктуемая нужной и внешней целесообразностью, следовательно, по природе вещей, оно лежит по ту сторону собственно материального производства.[39]

---

[38] К. Маркс. Капитал, т. III, ч. II, стр. 357 2-го изд. ГИЗ. Разрядка наша.

[39] Ibidem.

Другими словами: переход от капитализма к социализму вовсе не означает вступления в царство чистой случайности или чистой «свободы воли» в общественном масштабе (индетерминизм), он отнюдь не означает ликвидации категории необходимости, т. е. объективной закономерности; она остается; развитие материального производства всегда подчинено объективным законам, как и все на свете. Но уничтожение анархии производства и иррациональности производственного процесса, т. е. организация социалистического производства, его плановость, его рациональный характер («общий контроль») уничтожают форму «слепого» закона, — закона, как «слепой силы», господствующей над людьми, им внешней. Следовательно, здесь необходимость проявляется, как свобода («свобода есть познанная необходимость»), каузальная связь находит свое непосредственное телеологическое выражение, все более совпадая по своему «объему»: так, например, в плане хозяйства, который есть система установок для действия (система норм, телеологическая система), эта причинная необходимость находит свое прямое выражение. Если вообще отвлечься от «необходимости», «объективного закона» — тогда вместо марксизма получится чистый субъективизм и волюнтаризм; если отвлечься от уничтожения «слепоты» закона, от нового соотношения между каузальным и телеологическим рядом — тогда получится механическое перенесение категорий капитализма на социализм, то есть буржуазно-либеральная карикатура на марксизм, насквозь антидиалектическая и антиисторическая. Поэтому — в сфере экономической — при социализме продукт перестает быть товаром, категория ценности перестает существовать, отмирает, уничтожается слепой «закон ценности»,[40] но остается — в других, разумеется, соотношениях (и качественных и количественных) необходимость распределения общественного

---

[40] К. Маркс. Критика Готской программы. «Внутри товарищеского общества, основанного на общественном владении средствами производства, производители не обменивают своих продуктов. Столь же мало выступает здесь труд, затраченный на производство продуктов, как стоимость этих продуктов, как некое присущее им вещественное свойство, потому что теперь, в противоположность капиталистическому обществу, индивидуальный труд существует как составная часть совокупного общественного труда уже не каким-то окольным путем, но непосредственно» (стр. 25).

труда по различным отраслям общественного производства: план, следовательно, имеет свою объективную основу. Становясь все более и более научным планом, он все более и более является выражением познанной необходимости, которая и есть свобода. Но самая наука была бы беспредметна, если бы не было объективных закономерностей, ибо наука имеет своим предметом именно их анализ и их теоретическое выражение, становящееся непосредственным орудием практического действия.

Государство, как мы видели, может трактоваться как аппарат государственной власти и как общество в своей государственной форме, т. е. с выключением и с включением объекта своего воздействия. Последняя трактовка по отношению к диктатуре пролетариата может быть применима особенно потому, что: а) диктатура пролетариата не стоит над обществом; b) потому, что здесь экономика срастается с политикой, с) политика (в том числе и экономическая) в грандиозном масштабе быстро объективируется как течение общественно-исторического (и экономического, в первую очередь) процесса. Поэтому фазы развития диктатуры пролетариата суть фазы развития всего общества к коммунизму.

Диктатура пролетариата, включающая моменты прямой классовой борьбы, кровавой и бескровной; борьбы и руководства своими союзниками, переделки техники, экономики, людей и их сознания; их воспитания, организации и т. д. означает в области экономики постоянный рост социалистического планового хозяйства. С точки зрения соотношений между промышленностью и сельским хозяйством она форсирует возрастающее сближение города и деревни, уничтожение «идиотизма деревенской жизни», изживание собственнических (и мелкособственнических) отношений на земле. Развитие производительных сил, раскрепощенных революцией, которое неизбежно умножает техническую и экономическую мощность индустрии, не может мириться с отсталой формой производственных отношений в сельском хозяйстве; формой, химически выделяющей новые и новые элементы капитализма; поэтому либо задерживается все развитие, либо развернутая индустрия создает такой спрос на продукцию сельского хозяйства, который может быть покрыт лишь при решительных сдвигах в агрикультуре. В необычайно резкой форме Маркс выразил это в письме к Энгельсу от 14 августа 1852 г.: «Чем больше

я занимаюсь этим навозом (речь идет о Прудоне. — *Н. Б.*), тем более я убеждаюсь, что реформа агрикультуры, а следовательно, и основанного на ней собственнического свинства, является альфой и омегой грядущего переворота. Без этого прав будет отец Мальтус».[41] Первая фаза коммунизма, еще имеющая на себе «родимые пятна» старого общества, характеризуется: a) неполным развитием производительных сил, b) неуничтоженным еще разделением между умственным и физическим трудом, c) распределением не по потребностям, а по труду (что является неизбежным на данном уровне производительных сил), d) сохранением остатков буржуазного права (равная доля продукта за равный труд при неравенстве способностей и сил есть выражение неравенства), e) остатками иерархии, подчинения, государства. Высшая фаза коммунистического общества, исторически возникающая на основе дальнейшего развития производительных сил, преодолевает эти рамки: «На высшей фазе коммунистического общества, после того как исчезнет порабощающее подчинение его разделению труда; когда исчезнет вместе с этим противоположность умственного и физического труда; когда труд перестанет быть только средством для жизни, а станет сам первой потребностью жизни; когда вместе со всесторонним развитием индивидуумов вырастут и производительные силы, и все источники богатства польются полным потоком, — лишь тогда можно будет совершенно преодолеть узкий горизонт буржуазного права, и общество сможет написать на своем знамени: «Каждый по способностям, каждому по потребностям».[42] Высшая фаза коммунизма характеризуется, следовательно: a) исключительно огромным развитием производительных сил; b) жизненно-творческой, совершенно свободной формой труда; c) уничтожением разделения труда, т. е. вечных «профессий»; в частности — уничтожением противоположности умственного и физического труда: d) исчезновением всех остатков

---

[41] Der Briefwechsel zwischen F. Engels u. K. Marx 1844 bis 1883. hg. von A. Bebel und Ed. Bernstein. I. Band. Stuttgart. 1913. Verl. Dietz Nachf. S. 226: «Als echter Franzose beschränkt er (Прудон. — *Н. Б.*) die Assoziation auf die Fabrik, weil er weder einen Moses and son noch a midlothiam farmer. Der französische Bauer, der französische Schuster, Schneider, merchant erscheinen ihm als des données éternelles et qu'il faut accepter. Je mehr ich aber den Dreck treibe, um so mehr überzeuge ich mich, dass die Reform der Agrikultur, also auch der darauf basierten Eigentumssauerei, das Alpha und Omega der Kommenden Umwälzung ist. Ohne das behält Vater Malthus recht».

[42] К. Маркс. Критика Готской программы, стр. 28.

классового деления, «холопской иерархии» (Маркс), подчинения; e) распределением по потребностям в связи с уничтожением какой бы то ни было «дефицитности» продуктов по отношению к потребностям; f) уничтожением (отмиранием) последних остатков права и государства.[43]

Глубочайшее отличие марксовой постановки вопроса от всех «систем будущего» заключается в научности, в историчности, в анализе действительных тенденций объективной исторической диалектики; у Маркса нет и речи о какой бы то ни было «схеме» рационально построяемого «идеального общества»; он с крайней суровостью относился к прекраснодушным фантазиям и сантиментальным идеологиям, сотканным из иллюзорных образов. Маркс, открывая законы движения капиталистического общества, давал гигантские исторические прогнозы, научные прогнозы. Он предсказал неизбежную гибель капитализма и диктатуру пролетариата на основе анализа тенденций капиталистического развития, и, давши на этой основе главные черты грядущей эпохи, обрисовал ее неизбежные фазы развития, ее фундаментальные формы в их историческом течении. Нет поэтому ничего более плоского, чем определение Зомбарта: «Социализм есть практическая социальная рационалистика с антихрематистической тенденцией», со следующим дальнейшим подразделением двух «главных групп» социализма:

«1) органический, морфический, тектонический, конкретный, наглядный (geschaute), сословный, национальный, государственный социализм, представителями которого... являются Платон, Кампанелла, Фихте, Сен-Симон, Родбертус, в известной степени также Фурье и Вейтлинг;

2) механический, аморфный, плоский, абстрактный, выдуманный, эгалитарный, интернациональный, обществен-

---

[43] Уничтожение разделения труда «некомпетентности массы» есть то, чего никак не поймет R. Michels, заимствовавший у Вильфредо Парето так называемую «theorie de la circulation des élites», по которой все общественные перемены сводятся лишь к смене «вождей» «избранных». R. Michels отрицает возможность, как он неграмотно выражается, «бесклассового государства» на том основании, что «управление громадными капиталами (опять неграмотная терминология. — *Н. Б.*)... передает администраторам по крайней мере такую же меру власти, как и владение собственным капиталом, частная собственность» (S. 370). Суть дела, однако, прежде всего в том, что в развитом коммунистическом обществе не будет профессии «администраторов».

ный социализм»,[44] куда относится, в первую голову, социализм Маркса.

Общее определение социализма здесь не только узко, но и убого-неверно, ибо ничего не говорит об уничтожении процесса эксплоатации, классов и т. д.; разграничение двух групп охватывает некоторые реальные моменты (государственность — общественность, национализм — интернационализм и т. д.), но смешивает совершенно разнородные вещи и является в существеннейших чертах вульгарным пасквилем на марксизм. Главное — историческая диалектика — здесь опущено. То отличие, которое имеет научный коммунизм Маркса по сравнению со всеми «системами» утопического социализма, здесь исчезает. Зомбарту «не нужно» понимать научного прогноза, данного Марксом, прогноза, на который опирается практика коммунистического движения. С другой стороны, H. Kelsen полагает, что социализм есть «политическая теория», т. е. система норм, даваемая на основе «этическо-политических постулатов», в то время, как марксизм, будучи политической теорией, надевает на себя маску «научно-каузального исследования» — и только.[45] Во всех подобных «критических» аргументах нет ни грана понимания диалектики причинности и телеологии, необходимости и свободы, теории и практики и т. д. «Этически» социализм недоказуем, ибо есть разные «этические системы», разные нормы поведения, разные цели и ориентации с резко выраженной классовой характеристикой: бытие здесь целиком определяет сознание и, например, «доказывать» «желательность» социализма с точки зрения капиталиста — нелепо. Научный анализ капиталистического общества дает, однако, выводы, идущие по одной линии с основными ориентировками пролетариата. Это объясняется, в свою очередь, объективным положением пролетариата в капиталистическом обществе. Но именно данное обстоятельство делает теоретический анализ орудием практического действия, сливает в коммунистическом движении теорию и практику, превращая эту практику в научную практику: с этой точки зрения партии научного комму-

---

[44] W. Sombart. Grundlagen und Kritik des Sozialismus. Askanischer Verl. Berlin. 1919. I. Teil. S. VII, VIII. Критические упражнения г. Зомбарта, имеющиеся в этой книге, превосходят по своему бесстыдству и низкопробности весьма многие фабрикаты буржуазной идеологии.

[45] H. Kelsen, l, c. S. 4—5.

низма суть единственные партии, способные вообще вести научную политику; а благодаря этому обстоятельству сокращаются родовые муки нового, социалистического, общества. Классовое движение пролетариата получает совершенно исключительную теоретическую опору; теория научного коммунизма, являясь высшим продуктом самосознания пролетариата, подымает его на такую ступень, когда он сознает свою историческую роль в целом, как ниспровергающая революционная сила и творец нового общества, организатор революционной диктатуры, которая ликвидирует самое себя, превращаясь в бесклассовое коммунистическое общество.

Если брать теперь всю теорию Маркса в целом, это грандиозное здание, начиная от теории познания, общих законов материалистической диалектики, и кончая учением о переходном к коммунизму периоде, то нетрудно прийти к заключению, что такого научно-философского синтеза мир не знал. Профессиональные ученые буржуазии, которые теперь потеряли голову от грохота исторических обвалов, делали не раз вылазки против Маркса, думая уязвить его практической стороной его универсальной деятельности и рассекая этого исполинского гения на ученого — с одной стороны и революционера — с другой. Но это и показывает все убожество и ограниченность доктринеров.

Маркс всей своей жизнью и деятельностью доказал, что он был великим ученым потому, что он был великим революционером. И великим революционером он был именно потому, что он был великим ученым. Вся его монументальная теория проверяется небывалой исторической практикой. Практический критерий истины и соответствия с действительностью по отношению к ней, этой мужественной, стройной, грандиозной теории прилагается в масштабе мирового переворота. Какое учение, какая концепция, какая доктрина, какое «руководство к действию» знали такие количества, такие качества? Маркс дал нам оружие всесильное. Этот универсальный гений, который построил творческий синтез всех мыслительных завоеваний, дал в то же время невиданный синтез теории и практики. И если творец диалектического материализма, материалистического понимания истории, творец «Коммунистического манифеста» и «Капитала» был в то же время организатором и вождем Интернационала, руководителем-мудрецом, первоклассным стратегом и тактиком революционной борьбы, то его учение — раз-

витое и обогащенное его славными продолжателями — есть орудие революции — разрушения старого, стройки нового.

После смерти Маркса, который видел лишь первые зародыши монополистического капитализма, они выросли, создав целую новую фазу в развитии капитала, его последнюю, империалистическую фазу. Она довела до крайности все капиталистические противоречия: наступила самая катастрофическая эпоха, эпоха империалистических войн и пролетарских революций. Эта эпоха вызвала дальнейшее развитие и внутреннее обогащение марксизма, его превращение в марксизм-ленинизм. Ленин на основе огромной научной работы, опыта великих исторических событий, на основе практики революционного движения и громадных классовых битв, на основе пролетарской революции в России и массовых движений в метрополиях и колониях всех стран, создал новый этап и в теории марксизма: учение об империализме, о диктатуре пролетариата и советской власти, как ее форме, о союзниках пролетариата (крестьянстве в первую очередь) и гегемонии пролетариата, о роли партии, о национальном вопросе, о колониях и т. д. и т. п. получило такую высокую теоретическую разработку и внесло столько нового, что продвинуло вперед всю теорию Маркса. Революционный марксизм теперь есть только марксизм-ленинизм. После смерти Ленина руководящая практическая и теоретическая роль перешла к тов. Сталину. На основе опыта невиданного по своему размаху строительства социализма, индустриализации и гигантского переворота в агрикультуре, «с уничтожением собственнического свинства» на землю, на основе опыта обостренной классовой борьбы с остатками капиталистических классов т. Сталин сделал целый ряд новых теоретических обобщений, которые являются теперь силой, направляющей многосложную практическую работу партии.[46] Учение Маркса выросло и по своему содержанию, и по своей исторической роли. Миллионы идут за этим учением, которое будет жить и развиваться вместе с продвижением

---

[46] Этот новый этап в развитии марксизма составляет предмет специального изложения и не может быть трактован en passant. Настоящая работа, являющаяся расширенным докладом, сделанным на торжественном заседании Академии наук, есть часть более обширной работы, подготовляемой автором, где будет освещено развитие марксизма после смерти Маркса, соотношение его с quasi-марксистскими фальсификаторскими теориями социал-демократии и т. д.

вперед победоносных боевых армий пролетариата. В борьбе с фашистскими варварами, нависшими мрачной и кровавой тенью над культурным миром, в борьбе с фальсификаторами марксизма, в борьбе с выродившейся и предательской социал-демократией ведет массы Коммунистический Интернационал и его авангард — наша партия, центр марксистской мысли и марксистского действия, к мировой диктатуре пролетариата и братской мировой коммуне бесклассового человечества.

О ПОЭЗИИ, ПОЭТИКЕ И ЗАДАЧАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В СССР

Товарищи, я отношу ваши аплодисменты по адресу той великой партии, членом которой я состою и которая поручила мне на данном собрании сделать свой доклад (*аплодисменты*).

Мне кажется, что при обсуждении крупных вопросов нашей советской поэзии нам нужно иметь перед собою ту картину нашей жизни и ту картину мировую, которая сейчас стоит перед нашими глазами. Наша страна занимает сейчас мировую позицию, позицию огромной мощи. Наша страна стоит перед великими боями. Внутри страны мы имеем огромнейшие технико-экономические успехи. Мы имеем великолепные успехи в области классовой борьбы пролетариата, в первую очередь благодаря тому мудрому руководству, которое возглавляется т. Сталиным и которое воплощено в нашем Центральном комитете.

Мы наблюдаем огромный рост культуры в нашей стране — и экстенсивный, *вширь*, когда гигантские пласты новых людей поднимаются к настоящей культурной жизни, и рост этой культуры по вертикали, по интенсивному измерению этой культуры, рост этой культуры *вглубь*, сопровождающийся обогащением всех содержательных элементов человеческой трудящейся личности, которая в настоящий момент гораздо более дифференцирована, вопреки всем клеветам наших врагов, чем когда-нибудь раньше, и которая сейчас выступает на мировую арену в качестве надежды, воплощения надежд всего человечества, стоящего перед великой угрозой, которую готовит ему капитализм.

Отсюда вытекает исключительное усложнение всех задач во всех областях, и совершенно естественно, что отсюда вытекает и необычайное усложнение тех задач, которые мы

должны ставить на нашем литературном фронте вообще, на нашем поэтическом фронте в частности.

Совершенно не случайно, что в наше время, понимаемое в узком смысле слова — я говорю о том периоде, который мы сейчас переживаем, — чрезвычайно резко подчеркнута *проблематика качества* решительно на всех фронтах. Проблема качества — это проблема разнообразности, множественности особенных подходов, индивидуализирования, углубления работы и проч. Такова проблема качества в технике, проблема качества в области экономики, проблема качества в области руководства, проблема качества в области идеологии.

И если мы понимаем, — а мы все безусловно понимаем, — что поэтическое творчество есть один из видов идеологического творчества, что поэтическая продукция есть тоже своеобразная продукция и что поэзия, независимо от того, думает ли об этом поэт или нет, есть один из крупнейших факторов общественного развития в целом (кстати сказать, и древние, скажем греки, отлично понимали то, чего не понимают некоторые профессиональные литературоведы нашего времени, — прекрасно понимали общественно-воспитательную и воспитательно-боевую роль всей литературы в целом и поэтического творчества в особенности), — так вот я говорю, если мы имеем в виду эту проблематику качества, то и для нашего поэтического творчества сейчас *проблема качества*, проблема *овладения техникой* поэтического творчества, проблема *мастерства*, проблема овладения литературно-культурным *наследством* и ряд таких проблем, которые касаются качественной характеристики, — мне кажется, выдвигаются на первый план.

Это стоит в связи и с общими задачами нашей страны в настоящий момент. В то время как капиталистический мир, побуждаемый развитием своих противоречий, чреват чудовищными катастрофами и все социальные барометры показывают бурю и грозу, в нашей стране происходит сказочно-быстрый процесс вызревания нового, социалистического человека, и все проблемы строительства социализма — в том числе и его культурные проблемы — взлетают на новые, гораздо более высокие уровни.

Теперешний рабочий — это не тот рабочий, который был пять или шесть лет тому назад. Теперешний крестьянин, превратившийся в колхозника, уже совершенно не прежний крестьянин по своему складу. Та историческая необходимость, которая ведет дальше, вперед, усложняет, обогащает,

наполняет новым содержанием огромный человеческий резервуар, те люди, которые все активнее, все более страстно и более разумно выступают на исторической арене, требуют на всех фронтах более высокого качества и более сложного подхода ко всякой литературной продукции, в том числе и к поэтическому творчеству. Сейчас уже исчерпала себя полоса, когда можно было идти под полуироническим лозунгом: «Хоть сопливенькие, да свои». Нам нужно иметь сейчас смелость и дерзание выставлять *настоящие, мировые критерии* для нашего искусства и поэтического творчества. Мы должны догнать и обогнать Европу и Америку и по мастерству. На это мы должны претендовать *(аплодисменты)*.

Именно поэтому и в области литературы пришло время для *генеральной разборки*, для подытоживания опыта, для уточнения ориентации, для постановки новых задач, адекватных великой всемирно-исторической позиции победоносного пролетариата и всему ритму самой интересной эпохи в жизни человечества.

1. ПОЭЗИЯ

Конечным предметом настоящего доклада является *проблематика поэтического творчества* в СССР. Но раньше чем перейти к анализу этих проблем, полезно подвергнуть критическому рассмотрению ряд общих вопросов, касающихся поэтического творчества, тем более, что здесь еще много неясного, и эта неясность отражается прежде всего на нашей литературной критике, играющей большую роль, и притом не всегда положительную.

Здесь я прошу моих слушателей извинить меня, что некоторое количество времени они должны поскучать, но скука, как зло, будет лучше оттенять добро, которое последует в следующей части, где будет не так скучно и где я натолкнусь, может быть, на ожесточенные возражения. Можно сослаться здесь на блаженного Августина, который говорил, что зло существует только для того, чтобы оттенять добро. Исходя из ссылки на такой крупный авторитет, я прошу вас немного потерпеть *(аплодисменты)*.

Первым вопросом мы ставим вопрос о *поэзии как таковой*. «Encyclopaedia Britannica» дает на этот вопрос такой ответ: «Absolute poetry is the concrete and artistic expression of the human mind in emotional and rhythmical language» («Абсолютная поэзия есть конкретное и художественное выраже-

ние человеческого духа на эмоциональном и ритмическом языке»).

Нетрудно видеть, что это определение страдает тем основным недостатком, что оно поэзию, то есть конкретный вид искусства, определяет через *художественную* деятельность, которая сама должна быть определена с точки зрения специфичности искусства. Определение, следовательно, тавтологично. Между тем совершенно очевидно, что необходимо какое-то выделение *особых свойств поэтической речи, поэтического языка и соответственного поэтического мышления*, ибо мышление прочно и неразрывно связано с языком. Уже в старинной индийской поэтике имелось развитое учение *Анандавардханы* (X в. до н. эры) о двойном, «тайном» смысле поэтической речи. По этому учению не может быть названа поэтической речь, слова которой употреблены только и исключительно в прямом, «обычном» смысле. Что бы ни изображала такая речь, она будет прозаической. Лишь тогда, когда она, через ряд ассоциаций, вызывает и другие «картины, образы, чувства», когда «поэтические мысли сквозят, как бы просвечивают через слова поэта, а не высказываются им прямо», — мы имеем истинную поэзию. Таково учение о «дхвани», поэтическом намеке, скрытом смысле поэтической речи.[1] Подобные теории сочетались неоднократно с мистической интерпретацией поэтического творчества и поэтического переживания как касания «иных миров». В *древнем Китае* мы знаем в числе прочих целый блестящий поэтический трактат, поэму Сыкун Ту «Категории стихотворений», написанный на тему о божественном поэтическом вдохновении, где «Истинный Владыка», «Изначальный Предок», «Созидатель Превращений», «Духовидный Преобразователь», «Небесный Станок», «Чудесный Механизм», «Высшая Гармония» и т. д. и наконец «Черное Небытие» — Великий Дао — невыразимо живет в поэтическом «наитии».[2] Уходя глубокими корнями в *магию слова*, подобные представления нередко приводили и к прямому обожествлению слова, превращаемого в мистическую сущность. Так, у одного арабского философа имеется интерпретация «Слова» с большой буквы, греческого Λογος, не как разума, возве-

---

[1] Ак. Ф. Щербатской. Теория поэзии в Индии. Журн. мин. нар. просв. 1902 г., май, СПБ.

[2] В. М. Алексеев. Китайская поэма о поэте. Стансы Сыкун Ту (837—908). Перевод и исследование (с приложением китайских текстов). Петроград. 1916.

денного в степень мирового Демиурга, а как воплощения волеизъявления, творящего мир.[3]

Но самое характерное, что, как ни странно, эта магическая или полумагическая интерпретация — словесного искусства и поэтического искусства — через огромный круг времен перекинулась в нашу эпоху, и мы сравнительно недавно в нашем буржуазном литературоведении и в нашей буржуазной поэтике имели подобную интерпретацию поэтического творчества.

Это выражено в наше время *Н. Гумилевым* в поэтической форме:

В оный день, когда над миром новым
Бог склонял лицо свое, тогда
Солнце останавливали словом,
Словом разрушали города.
. . . . . .
Но забыли мы, что осиянно
Только слово средь земных тревог,
И в Евангелии от Иоанна
Сказано, что слово — это бог.[4]

В свое время *К. Бальмонт*, несомненный мастер слова, дал этой фетишизации речевых рефлексов «теоретическое» обоснование в работе: «Поэзия как волшебство», самое название которой ясно указывает на соответственный строй идей: «Мир нуждается в образовании ликов, — утверждает он, — в мире есть чародеи, которые магическою своей волей и напевным словом расширяют и обогащают круг существования».[5] Если этот поэт, по самой своей структуре неспособный к логическому мышлению, дает в «доказательство» своих тезисов лишь вереницу нарочито подобранных впечатляющих образов, долженствующих заменить мысль, то *А. Белый* сделал когда-то попытку философского углубления той же темы, причем *фетишизация слова* достигла у него поистине гималайских высот. «Если бы не существовало слов, — писал он, — не существовало бы и мира. Мое «я», оторванное от всего окружающего, не существует вовсе; мир, оторванный от меня, не существует тоже; «я» и «мир» возникают только в процессе соединения их в звуке».[6] Так, пы-

---

[3] См. ст. Борисова в «Известиях Академии наук СССР».

[4] Н. Гумилев. Огненный столп. Петербург — Берлин. 1927. Стр. 16—17.

[5] К. Бальмонт. Поэзия как волшебство. Изд-во «Скорпион». М. 1916. Стр. 21.

[6] А. Белый. Символизм. (Статья «Магия слов», стр. 429—430). Книгоиздательство «Мусагет», 1910.

таясь подойти к проблематике поэтической речи, авторы различных теорий впадали в чистейший мистицизм. Разумеется, на то были свои причины, причины большого социально-исторического характера, и их довольно легко нащупать и вскрыть. Но в данное время нас это не интересует: мы хотели лишь указать на самое *наличие* такого рода постановки вопроса, и притом в различные эпохи и в различных странах.

Конечно, подобные точки зрения, поскольку они идеалистичны и мистичны, никак и никоим образом не могут быть приемлемы для нас. Они — какое-то рафинированное варварство, резко противоречащее всему научному опыту. Но самым своим существованием они подчеркивают проблему *специфичности поэтического мышления и поэтической речи*, «тайну» «ведовства» и «волшебства», покрывало которой мистики набрасывают на головы своих читателей, запирая на все замки двери рационального познания.

Между тем никакой мистики в самих *явлениях* нет. Жизненный процесс, взятый как «переживания», имеет свои интеллектуальную, эмоциональную и волевую стороны. *Логическое* мышление, мышление в *понятиях*, мы условно отделяем от «мышления в образах», от так называемого «царства *эмоций*»; правда, реально поток переживаний целостен и неразделен; но все же в этом единстве имеется полюс интеллектуальный и полюс эмоциональный, хотя и не «в чистом виде», хотя и с переходами одного в другой. Было бы по существу совершенно неверно абсолютное механическое рассечение так называемой «духовной жизни» на замкнутые сферы чувства и интеллекта, или сознательного и бессознательного, или непосредственно чувственного и логического. Это — не отдельные домены абстрактных категорий. Это — диалектические величины, составляющие единство. И в то же время налицо — *различие* и даже *противоположность*, хотя эти противоположности и переходят друг в друга. Отсюда вытекает и известное различие типов мышления. *Логическое* мышление оперирует понятиями, которые выстраиваются в целую лестницу, с разными ступенями абстракции. Даже если перед нами высший тип логического мышления — диалектическая логика, — где абстрактное понятие включает свои конкретные определения, уже в понятии как таковом бледнеют чувственные краски, звуки и тона. Более того, познавательная деятельность уходит за пределы ощущений, хотя и *исходит* из них; она, обобщая опыт людей, осознает, например, субъективизм цвета и, приближаясь к действительному познанию мира, его объективной природы, незави-

симой от субъекта, «заменяет» цвет световой волной определенной длины. Все качественное различие и многообразие мира принимают в науке другие формы, весьма отличные от непосредственных ощущений, но зато гораздо более адекватные действительности, то есть более истинные. С другой стороны, весь мир эмоций — любви, радости, страха, тоски, гнева и т. д. до бесконечности, — весь мир хотений и страстей, не как объект исследования, а как переживание, и весь мир *непосредственных ощущений* тоже имеют пункты сгущения — *мышление в образах*. Здесь нет отвлечения от этого непосредственно переживаемого. Здесь процесс обобществления не уводит *за его* пределы (как то имеет место в логическом мышлении и в его высшем продукте, мышлении *научном*). Здесь конденсируется само это чувственное, сугубо конкретное, сугубо «живое». Здесь получается не *научное* отражение действительного бытия, а чувственно-обобщенная картина феноменологического ряда, не «сущности», а «явления». Это вовсе не значит, что здесь — иллюзия или сон. Ничего подобного! В явлении *является эта сущность*. Сущность *переходит* в явление. Чувства не отгораживают нас от мира. Но объективная реальность здесь *по-другому* «отражается»: в *науке* она отражается как мир качественно разнообразных видов материи, в *искусстве* — как мир чувственных образов; в *науке* — электроны, атомы, гены, стоимость и т. д., в *искусстве* — цвета, запахи, краски, звуки, образы; тип мышления здесь другой, чем в мышлении логическом. Здесь обобщение происходит не путем угасания чувственного, а путем *замены* одним комплексом чувственных признаков целого множества других комплексов; этот «заместитель» становится «символом», «образом», типом, эмоционально окрашенным *единством*, за спиной которого прячутся и в складках одежды которого скрываются тысячи других чувственных моментов. Всякое такое единство чувственно-конкретно. Поскольку происходит *отбор* таких единств и их *фиксация*, то есть конструктивное творческое воспроизведение этих переживаний, постольку мы имеем *искусство*. Слово есть крайне сложная величина: продукт многотысячелетнего развития, оно, как клеточка «духовного организма», включает всю проблематику мышления, с обоими его началами: и образом и понятием. В *научной терминологии* оно растет как знак «чистого понятия», в *поэтической речи* — оно образно прежде всего. Поэтому и закономерности отбора слов и их сочетания будут различны, то есть другими словами: *поэтическая речь* будет иметь неизбежно свои спе-

цифические особенности. Замечательный исследователь этих вопросов, *А. Потебня*, развивавший в основе теорию *В. Гумбольдта*, но давший много крайне оригинальных решений, формулирует полярность науки и искусства следующим образом:

«В обширном и строгом смысле все достояние мысли субъективно, то есть, хотя и условлено внешним миром, но есть произведение личного творчества; но в этой всеобъемлющей субъективности можно разграничить объективное и субъективное и отнести к первому науку, ко второму — искусство. Основания заключаются в следующем: в искусстве общее достояние всех есть только образ, понимание коего иначе происходит в каждом и может состоять только в неразложенном (действительном и вполне личном) чувстве, какое возбуждается образом; в науке же нет образа, и чувство может иметь место только как предмет исследования; единственный строительный материал науки есть понятие, составленное из объективированных уже в слове признаков образа. Если искусство есть процесс объективированных первоначальных данных душевной жизни, то наука есть процесс объективирования искусства. Различие степеней объективности мысли тождественно с различием степеней ее отвлеченности: самая отвлеченная из наук, математика, есть вместе с тем самая несомненная в своих положениях, наименее допускающая возможность личного взгляда».[7]

Нетрудно видеть ряд ошибок в этих формулировках: здесь нет отчетливой мысли об *истинности*, об объективности познания, и открыта лазейка к идеализму; здесь — явная недооценка общественного характера языка, всего творческого процесса и т. д.; здесь слишком *резка граница*, метафизически разделяющая разные стороны мышления; здесь, следовательно, мало *диалектики*. Но в то же время здесь много верного и заслуживающего безусловного внимания. Развивая оборванную нить наших рассуждений, мы можем сказать, что система понятий через науку смотрит вовне: *исходя* из ощущений, мы все более выходим за их границы, тут мы познаем объективную предметность мира, постоянно обрабатывая новые и новые факты и совершенствуя науку, двигаясь по бесконечному пути превращения относительной истины в истину абсолютную, по дороге разрушая устаревшие системы науки. В области искусства мы не *выходим* из

---

[7] А. А. Потебня. Полн. соб. соч. Т. I. Мысль и язык. Изд. 4-е, Госиздат Укр., Одесса, 1922, стр. 166.

пределов феноменологического ряда; здесь, как сказано выше, объективный мир *по-другому* отражается; здесь эмоции берутся не как объект научного исследования; здесь даже природа «очеловечивается». Поэтому здесь «горячее», эмоциональное, образное и метафорическое начало относительно противопоставляется «холодному», интеллектуальному, логическому началу:

Вода и камень,
Стихи и проза,
Лед и пламень.

Поэзия понимается в широком и в узком смысле слова. Всякая образная речь есть речь поэтическая; с этой точки зрения «Мертвые души» или «Капитанская дочка» суть поэтические произведения. Под поэзией в *узком* смысле слова разумеется не просто фиксация чувственных образов в слове, но притом ритмическая речь и даже речь рифмованная. Не следует думать, однако, что здесь есть абсолютные границы: ритмические и рифмованные правила математики в *Индии* имеют лишь звуковой образ и постольку они *элемент* поэзии, но это еще не поэзия. Философский трактат «De rerum natura» («О природе вещей») *Лукреция Кара* имеет уже много образов, и не только звуковых, — это уже поэзия. Здесь, следовательно, одно переходит в другое.

Поэтическое творчество и его продукт — поэзия — есть определенный вид *общественной жизнедеятельности* и в своем развитии, несмотря на специфическую природу поэтического творчества, подчиняется закономерностям *общественного развития*. Как мы увидим это на подробном рассмотрении вопроса ниже, «словесный» характер поэтического творчества не есть какой бы то ни было аргумент против *социологической* трактовки поэзии. Наоборот, только при марксистском анализе поэзии мы поймем ее *во всем* масштабе, во всей целокупности ее определений. Правда, марксисты крайне мало занимались специфическими *проблемами языка*. Но более глубокий анализ его явлений неизбежно приводит к социологической трактовке самого *слова*. Иначе и не может быть: ведь за каждым словом вскрывается палеонтология языка; ведь в нем отложилась вся предыдущая жизнь человечества, которое проходило через разные общественно-экономические структуры, с разными классами, группами, разными кругами опыта, труда, социальной борьбы, культуры. То, что *Потебня* называет «наследственностью слова» и что можно развернуть в эволюцию языка (или языков), есть

отражение реальной общественно-исторической жизни. В микрокосме слова заложен макрокосм истории. Слово, как и понятие, есть сокращенная история, «Abbreviatur» (сокращенный слепок) общественно-исторической жизни. Оно — ее продукт, а не Демиург истории и не Логос, творящий из ничего мир. Поэзия как *фиксация чувственных образов в слове*, как мы видели, по-особому обобщает мир эмоций. Но эти эмоции, эти переживания сами суть переживания *общественно-исторического* человека и, в классовом обществе, классового человека. Ведь даже такие эмоции, которые коренятся в самой бездонной биологической глубине человека, как эмоция эротического порядка, модифицируются в ходе исторического процесса. Фиксированные, отобранные образы не могут поэтому не входить в сферу социологического анализа: они суть общественные явления, явления общественной жизни. Наконец мышление в образах есть все же мышление. Эмоциональное здесь *переходит* в свою противоположность. С другой стороны, громаднейшее богатство идей, понятий, норм, идеологий, систем мировоззрения прямо входит в поэтическое единство как его неразрывная часть. Здесь интеллектуальное *переходит* в эмоциональное, то есть в свою противоположность. Поэтому поэтический образ как целостное единство не «чисто» эмоционален, и тем менее чисто эмоционально единство *системы образов*. Но отсюда вытекает, что рассматриваемая и с этой стороны поэзия есть *общественный* продукт, есть одна из функций конкретного исторического общества, отражающая и выражающая в специфической форме специфические черты своего времени и своего — поскольку речь идет о классовом обществе — класса.

Очень смешно видеть, как некоторые буржуазные теоретики, повторяя зады идеалистической философской эстетики или эстетической философии, которая представлена очень крупными именами, гигантами буржуазной мысли, такими, как *Кант*, *Шопенгауэр*, *Гегель*, твердят удивительно пресные и скучные «мысли» насчет того, что искусство вообще и поэзия в частности не имеют никакого отношения к практике, «интересу», воле. *Кант* в своей «Kritik der Urteilskraft» («Критика способности суждения») утверждал со всею силой это положение; *Шопенгауэр* противопоставляет «бескорыстное» художественное созерцание служебному характеру науки.[8] По *Гегелю*, предмет искусства «должен быть

[8] Шопенгауэр. Мир как воля и представление. Т. 1. М. 1900. Стр. 183, 184, 191—192.

созерцаем в самом себе, в своей независимой предметности, которая хотя и существует для субъекта, но только чисто теоретически, в созерцании, а не практически, *причем без всякого отношения* к желанию и воле».[9] Это все — абсолютная ерунда.

Возьмите искусство древней Греции. Аристофан — это политическая публицистика, но замечательно художественная. Там борьба партий, определенные политические установки, там высмеиваются политические противники и т. д. А трагики *Софокл, Эсхил, Эврипид?*

Всякий поймет, что недаром устраивались там соревнования поэтов, недаром толпа награждала их венками. Если бы мы сделали дальнейший шаг, и в Парке культуры и отдыха как лучшего народного певца народная толпа венчала бы лаврами, например, Сашу Безыменского, это было бы нечто от греческого мира *(аплодисменты)*.

Объективное, и притом активное, значение общественной функции поэзии — если ее формулировать наиболее общо — есть усвоение и *передача опыта и воспитание характеров*, воспроизводство определенных групповых психологий. Эта своеобразно познавательная, своеобразно воспитательная и своеобразно действенная роль поистине огромна, причем она перерастает временами в роль необычайно активной *боевой силы*. Необходимо здесь еще раз подчеркнуть, что субъективное переживание и «чисто научного» работника может быть так же вполне бескорыстно в смысле удаленности от всякой практики, как и художника-творца; что «созерцание» астрономической карты звездного неба может быть субъективно лишено каких бы то ни было моментов заинтересованности и практики. Но *объективно*, в целостной общественной связи, то есть общественно-функционально, и наука и *искусство* вообще, и *поэзия* в частности и в особенности играют, как сказано, огромную жизненную, в том числе практическую роль. Космогонии древней Индии, вавилонский «Гильгамеш», греческие «Илиада» и «Одиссея», китайские сказки, «Энеида» Виргилия, творения великих греческих трагиков, «Песнь о Роланде», русские былины и т. д. — разве это не были могучие рычаги своеобразной общественной педагогики, формировавшие людей согласно своим заповедям и канонам? Древние космогонии были настоящими поэтическими энциклопедиями. *Гомер* был основным предметом так назы-

---

[9] Hegels Werke. B. 10. §§ 253, 254.

ваемого «школьного» преподавания. В Риме зубрили и скандировали стихи Марона — вовсе не потому, что это было пустой забавой. Соответственное общество и социальные его верхи идеологически, в идеализированном виде, воспроизводили себя, внедряли свои мысли, думы, концепции, чувства, характеры, стремления, идеалы, добродетели. Ведь даже Аристотелево «очищение» есть средство своеобразной морально-умственной гигиены (см. рассуждения *Лессинга* в «Гамбургской драматургии» относительно моральной конечной цели трагедии). *Гораций* недаром ставил целью поэзии смешивать приятное с полезным, «miscere utile dulci». Известный арабский философ *Аверроэс* недаром говорил о трагедии как «искусстве хвалить», а о комедии — как «искусстве порицать»,[10] и т. д. В противоположность идеалистической философии, у нас *Н. Г. Чернышевский* в своей знаменитой диссертации выставил положение: «Общеинтересное в жизни — вот содержание искусства»,[11] и эта несколько грубоватая формула все же бесконечно ближе к действительности, чем бледные тени идеалистических «бескорыстных» определений, метафизика которых уносит нас в почти безвоздушную асоциальную «стратосферу».

То обстоятельство, что слово играет огромнейшую роль в поэтическом творчестве, что здесь специфика заключается в образном мышлении, — это не стоит ни в каком противоречии с социологической трактовкой поэзии, потому что даже самое слово есть продукт общественного развития и определенный конденсатор целого ряда содержательных общественных моментов. И поэтому перед нами, марксистами, стоит задача марксистски обработать и эту сторону дела, то есть вопрос языка, вопрос слова, вопрос словотворчества, вопрос развития языка и т. д., чему положена, мне кажется, довольно значительная теоретическая основа в нашей марксистской и около-марксистской литературе.

2. ПОЭТИКА КАК ТЕХНОЛОГИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО МАСТЕРСТВА

Здесь нам придется еще раз теоретически посчитаться и рассчитаться с *формалистами*, в то же время отведя им по заслугам полагающееся место в кооперации работников-

---

[10] См.: Ign. Kraischkovsky. Die arabische Poetik im IX Jahrhundert. «Le Monde Oriental». XXIII. 1920. Upsala.

[11] Н. Г. Чернышевский. Диссертация, стр. 95.

искусствоведов, и с упростителями в социологическом (в том числе и марксистском) лагере литературоведения. При этом мы берем сравнительно ранние работы, когда формалисты были еще таковыми в настоящем смысле этого слова. Формалисты исходили из соображений такого порядка: конститутивным принципом поэзии является поэтический *язык*, то есть в конечном счете *слово;* необходимо выяснить законы поэтического словосочетания (с разных сторон). Так как «поэзия есть язык в его эстетической функции», то «языковые приемы» есть *«единственный герой»* в науке о литературе.[12] Другими словами: специфика поэзии требует изучения этих приемов, составляющих единственный объект литературоведения. С этой точки зрения марксистская постановка вопроса представляется простым nonsens'ом, неуместным вторжением инородной проблематики и совершенно неадекватной методологии. Гораздо тоньше ставил вопрос *В. Жирмунский,* но в конечном счете и он уходил не особенно далеко от своих коллег. «Поэтика есть наука, — читаем мы у него, — изучающая поэзию как искусство... *Не* эволюция философского мировоззрения или «чувства жизни» по памятникам литературы, *не* историческое развитие и изменение общественной психологии в ее взаимодействии с индивидуальной психологией поэта-творца составляют в настоящее время предмет наиболее оживленного научного интереса, а изучение поэтического искусства, поэтика историческая и теоретическая»[13]

Теоретической подосновой этого вывода является тезис автора о реальной слитности так называемой «формы» и «содержания» в искусстве. «На самом деле такое разделение *что* и *как* в искусстве представляет лишь условное отвлечение. Любовь, грусть, трагическая душевная борьба, философская идея и т. п. существуют в поэзии не сами по себе, но в той конкретной *форме, как* они выражены в данном произведении...»[14] «Все факты «содержания» становятся также явлением формы».[15] Это и так и не так. Не так потому, что автор видит одно лишь *единство,* но не видит *противоположности:* он берет весь комплекс только формально-логически, а не диалектически. Это — во-первых. Во-вторых — что в данном случае гораздо более существенно — аргументация

---

[12] Р. Якобсон. Новейшая русская поэзия. Прага. 1921. Стр. 11.

[13] В. Жирмунский. Вопросы теории литературы. Ленинград. 1928. Стр. 17. Ст. «Задачи поэтики».

[14] Ibid., стр. 20

[15] Ibid., стр. 22.

автора порочна в корне. В самом деле, речь идет о науке, долженствующей понять (исторически и теоретически — мы оставляем здесь вопрос о всей условности этого противопоставления) поэзию как *искусство;* в этом живом и развивающемся своеобразном единстве имеются и элементы «любви, грусти... философской идеи». Они определенным (поэтическим) образом оформлены, но они в трансформированном виде вошли в «целое». Как же *понять* это «целое», не касаясь генезиса, происхождения, развития и прочих вопросов? Очевидно, нужно сделать вывод, как раз *обратный* тому, который делает В. Жирмунский, а именно: *так как* все означенные моменты вошли в некое синтетическое целое — произведение искусства, — то для всестороннего понимания этого целого нужно выйти *за* его пределы, обнаружив источники формообразования. Нельзя понять права, не выходя за пределы правовых формул. Нельзя понять религии, не выходя за пределы догматического богословия. Нельзя понять искусства, не анализируя его *связи* со всей жизнедеятельностью общества, ибо нельзя превращать искусство в метафизическую «вещь в себе». Более того, как мы видели выше, и самая «форма» *слова* «содержательна» не только как формообразующий момент всякого нового поэтического произведения: она «содержательна» и в другом смысле, а именно как конденсатор историческо-общественного опыта; подбор метафор в их конкретности тоже «дан» не в силу имманентной логики слов: он берется из жизненной обстановки, как и жанр, и стиль, и тысяча других вещей.

Узость и однобокость «чистого формализма» заставляют *В. Жирмунского* очень правильно критиковать теоретические построения *Б. Эйхенбаума.* Но, скатившись со своей позиции, автор неизбежно начинает противоречить сам себе. Анализируя в *другой* работе[16] наличность «внеположных моментов» в искусстве, он заключает: «Все эти примеры ставят вопрос о границах исторической (и добавим от себя: *не только* исторической. — *Н. Б.*) поэтики и о разграничении ее задач в пределах *более широкой науки о литературе*». Очень хорошо. Но тогда получается следующее: *либо* эта «более широкая наука» имеет своим предметом *искусство,* — тогда рушатся все основные построения автора; *либо* она есть наука, объект коей гораздо *шире* искусства, — тогда рушится тезис автора о слитности так называемой формы и так называемого содержания, то есть концепция автора рушится

[16] К вопросу о формальном методе, ibid., стр 162.

с *другого* конца. *В. Жирмунский* делает наконец отчаянную попытку дуалистического характера: он подразделяет искусства на два вида: 1) «чистые, формальные, беспредметные — как орнамент, музыка, пляска», где «самый материал, из которого они строятся, насквозь условный, отвлеченный, эстетический — не отягченный (!! — *Н. Б.*) смыслом, вещественным значением, практическим заданием», и 2) искусства «предметные или тематические» — «как живопись, скульптура, поэзия, театральное искусство», «отягченные значением», где «материал искусства не является специально эстетическим»...[17] Но эта попытка убивает автора *дважды*. Она убивает его потому, что такое деление просто не соответствует действительности: орнамент есть в огромной степени символизированные образы вещей, людей, растений и животных или весьма и непосредственно связан с «практической жизнью» другим путем (рисунки плетенки на глиняных сосудах); *музыка* отнюдь не «беспредметна» вообще, — достаточно назвать *Бетховена*, *Вагнера*, церковную музыку; есть даже «философская музыка» — например *Скрябин*; пляска имеет весьма большое жизненное значение (и даже чисто практическое): боевые танцы, эротика в танцах и т. д. Эта попытка убивает автора *второй* раз потому, что решительно противоречит его концепции, ибо на этот раз совершенно неправомерно выдергивает из эстетического целого ряд моментов, как «отягчающих» и нехудожественных.

Мы взяли *В. Жирмунского* как одного из самых тонких искусствоведов формалистического или «около-формалистического» лагеря. Его духовный заграничный собрат, проф. O. Walzel, бьется в сетях примерно таких же противоречий, в поисках «синтетического литературоведения» (synthetische Literaturforschung).[18]

Из предыдущего анализа вытекает и положительное решение проблемы. *Целостное* литературоведение должно включать выяснение закономерностей литературы в целом как жизнедеятельной общественной функции, как своеобразной «надстройки», *включая* выяснение закономерностей, условно говоря, и «формальных моментов».

Под видом этого литературоведения как условно специализированная отрасль может быть и наука об этих *формальных моментах*, которая тоже должна иметь социологическую

---

[17] Ibid., стр. 167.

[18] См.: O. W a l z e l. Das Wortkunstwerk. Mittel seiner Erforschung. Verlag Quelle u. Meyer. Leipzig. Особенно см. стр. 20—21.

подоснову; все это не исключает специальных исследований в отграниченных, условно *еще* более узких рамках и т. д.: следовательно, *полезна* и работа, выясняющая, например, специально закономерности техники стихосложения, или работа, посвященная исключительно проблеме образа, или работа, посвященная проблематике звука в его соотношении с образом, и т. д., и т. п., — все это будут частные «дисциплины», поставляющие материал для целостного литературоведения. Поэтому в высшей степени неправильна ориентация, наблюдающаяся нередко в нашей марксистской среде, а именно — чисто нигилистическое отношение к проблеме формы вообще. В таком случае литературоведение сводится только к поверхностной социально-классовой характеристике так называемого идейного содержания поэтического произведения, каковая в голом и элементарно-упрощенном виде переносится и на характеристику поэта как поэта. Между тем содержание и форма, как мы видели выше, хотя и образуют единство, но единство противоречивое. Во-вторых, при такой ориентации под содержанием разумеется собственно идейный *источник* содержания, а не его художественная трансформация. Это приводит, разумеется, к совершенно неправильным выводам.

Нужно понять со всей отчетливостью огромную разницу между *формализмом в искусстве*, который должен быть решительно отвергнут, *формализмом в литературоведении*, который точно так же неприемлем, и *анализом формальных моментов* искусства (что отнюдь не есть еще формализм), анализом, который в высокой степени полезен, а сейчас, когда нам нужно «овладеть техникой» повсюду, абсолютно необходим.

Формализм в искусстве есть самокастрация этого искусства, крайнее *обеднение* его компонентов, связанное с исключительным сужением круга, на который такое soi-disant искусство воздействует. Это есть индивидуализм, граничащий с солипсизмом, где звук *почти* перестает быть *«содержательной»* формой.

В поэзии такой феномен имеется в «заумном языке». Когда произносят:

Лулла, лолла, лалла-гу
Лиза, лолла, лулла-ли.
Хвои шуят, шуят.
Ги-и, Ги-и-у-у —

то чисто звуковое содержание (музыкальная мелодия стиха) находится в прямом контрасте с отдельными «человечески-

ми» словами. Слово перестает здесь быть *словом*, ибо теряется его смысловое значение. Все жизненное богатство поэзии исчезает. *В. Шкловский* в своей статье «О поэзии и заумном языке»[19] кончал эту статью «пророчеством» *Ю. Словацкого:* «Настанет время, когда поэтов в стихах будут интересовать только звуки». Эта надежда одного из самых выдающихся теоретиков формализма выясняет целиком всю его отрицательную роль по отношению к поэзии как искусству. Если *Поль Верлен*, блестящий мастер стиха, поэт тончайших и нежнейших настроений, требовал «de la musique avant toute chose» («музыки прежде всего»), то ему и в голову не приходило переходить на язык «Дыр бул щыр — убещур» à la *Крученых*. У формалистов есть своеобразная логика развития. *Если* считать так называемое «содержание» за «внеположные моменты», если всякий «смысл» есть лишь «отягчающая величина», если этот смысл стоит *«поперек дороги»* эстетической эмоции, тогда, конечно, основная магистраль развития поэзии может быть выражена в лозунге: «Долой «Фауста» и да здравствует «Дыр бул щыр!» Таким образом, *теоретическая* «эмансипация» от «смысла» приводит *практически* к «зауми». При этом нужно иметь в виду, что здесь речь идет не о *«словотворчестве»* и что мы отнюдь не стоим на точке зрения пресловутого адмирала Шишкова. Здесь речь идет о *ликвидации слова* как такового, об уничтожении всех понятий, о деквалификации образов, то есть об уничтожении поэзии как *словесного искусства*. Так развивается диалектика формализма: он начинает свое евангелие от Иоанна провозглашением тезиса «в начале бе Слово» и определяет *сущность* поэзии через слово, и *только* слово, чтобы кончить упразднением этого слова, то есть пожиранием своего стержневого принципа. Крайний индивидуализм этих построений указывает и на их социальные корни. Величайшая боязнь наплыва нового «содержания», идущего с революцией, опрокидывающей много камерных финтифлюшек отшельничества «гордых» буржуазно-интеллигентских «индивидуумов», думающих отсидеться в монашеско-профессиональной норе («А мы, мудрецы и поэты...»), — вот база этих построений.

Интересно проследить эволюцию *формализма в искусстве* как эволюцию распада буржуазного искусства. Я уже имел случай печатно однажды показать, каким образом в эпоху универсального декаданса, который переживает сей-

[19] См. сборник «Поэтика». Петроград, 1919.

час все *буржуазное* человечество, оно отбрасывает содержательный момент у любого искусства, то есть в конце концов *уничтожает самое искусство.* Так было с *живописью,* когда буржуазные художники, непрерывно обедняя элементы «содержания», довели живопись до предела «чистого» «декоративного пятна»: стоит голенький принцип — пятно, и дальше движение уже невозможно. Это же происходило со *скульптурой* через экспрессионизм, когда осталась одна изогнутая линия — и все; в *архитектуре* стали бояться излишнего «содержания», дошли до абсолютно простых геометрических форм, и в конце концов и здесь все уперлось в тупик.

Обеднение содержательных моментов мстит за себя тем, что происходит самоубийство данного рода искусства. Когда распад искусства доходит до последней черты, начинается угорелое метание в разные стороны, которое будет длиться до тех пор, пока *другой половине человечества,* пролетариату, трудящимся, не удастся создать синтетическое искусство, которое *соберет все богатство человеческого общества и воздвигнет памятник целостного человечества, которое не будет иметь никакого отношения ни к физическим, ни к духовным кастратам и будет смотреть на них с презрением и брезгливостью (аплодисменты).*

Формализм в литературоведении тесно связан, как вы видели, с формализмом в самом искусстве. Его вопиющая ошибка заключается в том, что он искусство принципиально вырывает из всего жизненного общественного контекста. Он создает иллюзию или фикцию совершенно независимого «ряда» явлений искусства. *Специфику* искусства он смешивает с его полной *автономностью.* Закономерности развития искусства он видит лишь в имманентных законах его формообразования, вне какой бы то ни было связи с важнейшими морфологическими проблемами общественной жизни вообще. Эта безжизненная, сухая и мертвая концепция должна быть отвергнута со всей решительностью.

От всего этого следует отличать *анализ формальных моментов искусства.* Он, как мы видели выше, необходим и в высокой степени полезен. Формалисты в этой частичной работе видели все: они выводили из этого материала всеобщие принципы. Это неверно и вредно. Но анализ формальных моментов искусства, глубокое изучение всех вопросов структуры поэтической речи есть обязательная часть более широкого круга работ. *И здесь есть кое-чему поучиться даже у формалистов,* которые этими проблемами занимались, в то

время как марксистские литературоведы относились к ним с полным *пренебрежением.*[20]

Этот вопрос приобретает особую остроту и актуальность как раз теперь, когда вновь и по-серьезному поставлена проблема *культурного наследства вообще* и проблема *овладения техникой искусства* в частности. Но прежде чем перейти к этому вопросу, необходимо сказать несколько слов об общей проблеме, а именно: ответить на вопрос, как *вообще возможно учиться* у «старых мастеров», у «классиков», у «предшественников» и т. д.? Это вопрос — далеко не праздный, и *ясность* здесь предупредит много ошибок. Суть его коротко можно формулировать так: любое поэтическое произведение есть целостное единство, где звуковые, смысловые, образные и т. д. компоненты синтетически объединены. С другой стороны, чисто *социологически* это тоже единство, ибо *все* компоненты и их синтез суть в целом «идеологические рефлексы» определенной эпохи и определенного класса. Как же, при таких условиях, возможно *учиться?* Не следует ли, наоборот, начисто отринуть все предыдущие «содержания», «формы», «методы», «приемы» и т. д.? Как известно, такие выводы *делались*, хотя нелепость их бьет в глаза. Общий ответ на этот вопрос дается *материалистической диалектикой*, по которой «отрицание» не есть голое уничтожение, а новая фаза, где «старое» существует «в снятом виде», выражаясь на языке *Гегеля.* В такого типа «движении» и возможна *преемственность*, которая диалектически сочетает и разрыв со старым, и своеобразное *продолжение* его. Дело в том, что много моментов, перенесенных в иное сочетание, в иной контекст, начинают жить иной жизнью, и таким образом получается *новое* «единство». Предпосылкой всего служит то обстоятельство, что единство не есть сплошная величина, а имеет внутренние противоречия. И в области материальной жизни мы имеем аналогичные вещи: когда мы импортируем новую машину, мы ставим ее в новый технико-экономический организованный комплекс, и тем самым «смысл» машины становится другим. То же примерно происходит и в идеологической области, конечно mutatis mutandis.

Вопрос имеет и совсем иную сторону. Можно ли *вообще* учиться быть *поэтом?*

---

[20] См.: М. Штокмар. Библиография работ по стихосложению. ГИХЛ, 1934. Вводная статья *Л. Тимофеева:* «Состояние и задачи современного стихосложения».

На этот вопрос совершенно, на наш взгляд, правильный ответ давал в свое время *Валерий Брюсов*. «Способность к художественному творчеству, — говорил он, — есть прирожденный дар, как красота лица или сильный голос; эту способность можно и должно развивать, но приобрести ее никакими стараниями, никаким учением нельзя. Poetae nascuntur (поэты рождаются)».[21] Развитие поэтических способностей достигается трудом. «Истинно великие поэты, одаренные гениальной способностью к творчеству, достигли технического мастерства лишь путем медленного искуса и долгой, терпеливой работы».[22] Так возникает проблема поэтики *как технологии поэтического творчества*. Другими словами: выяснение закономерностей в области так называемых формальных моментов может быть представлено в виде определенных норм. *Поэтика* представится в таком случае не только как часть литературоведения, но и получит, переложенная на другой логический тон, значение системы правил. Речь идет, конечно, не о школьном изложении предмета, хотя и таковое полезно в целях повышения общей поэтической культуры, а об осознанном понимании всей важности и *этого* момента. *Без* изучения *технологии поэтического творчества* нельзя учиться специфическому «мастерству», «ремеслу поэта», как, не очень правильно, выражался в своих «Опытах» тот же *Брюсов*. Разумеется, — и это, на наш взгляд, аксиоматическое положение — одной такой «технологией» «учеба» отнюдь не может и не должна ограничиваться. Этим не может ограничиваться даже та ее часть, которая относится к проблеме «культурного наследства». Ибо чем шире здесь горизонты по *всем* направлениям, тем плодотворнее условие наследства. Но без решения этой элементарнейшей задачи обойтись нельзя, и это нужно подчеркнуть с особой силой именно потому, что данная задача как-то не лежала и не лежит в поле зрения как раз *наших* поэтов и — что тоже крайне важно — наших присяжных *критиков*. Проблемы метрики и ритмики, проблемы словесной инструментовки, проблемы строфики и т. д. — все эти проблемы должны войти в круг тщательного изучения, и поэт действительно не должен уподобляться персонажу *И. Дмитриева*, персонажу, выступавшему с тезисом:

Он, не учась, учен, как придет в восхищенье.

---

[21] Валерий Брюсов. Опыты. Книгоиздательство «Гетикон». М. 1918. Стр. 7.

[22] Ibid., стр. 10.

Так, на наш взгляд, стоит вопрос о поэтике как *технологии поэтического творчества.*

Мне кажется, что на эту сторону дела теперь необходимо обратить самое серьезное внимание. Это относится также и к критике.

В настоящее время одна из главных задач критики состоит не только в том, чтобы дать точный социально-экономический и социально-политический эквивалент тому или другому поэту, направлению поэтического творчества и проч., но также и в том, чтобы тщательным образом разобрать его с точки зрения специфики поэтического творчества, с точки зрения языка, образов, строфики, словесной инструментовки и проч.

Без этого разбора литературная критика сейчас неполноценна. В то время, когда мы разбивали буржуазное общество, наша критика была тараном, который разбивал врага, мы вылущивали самое главное, самое острое — социально-политический эквивалент, и это было стрелой, которую мы пускали в буржуазного противника.

Но когда мы сами строим, когда нам нужно учиться мастерству, когда мы знаем, что определенное количество поэтов уже консолидировано на определенной политической платформе, когда мы отлично знаем, что идеологически они уже близки нам (конечно, тут будут рецидивы, и мы должны быть беспощадны ко всем врагам, ни в коем случае не должны снижать нашу бдительность), это, конечно, — не все. Нам необходимо в то же время поднять, как никогда, проблему мастерства, и критика при разборе объектов своего критического внимания должна брать под лупу эту очень важную, существенную сторону.

У нас, к сожалению, такая критика во всем полном объеме еще не выросла. Но это есть одна из задач, которая в настоящее время стоит перед нами на литературном фронте.

3. ПЕРЕЛОМ

Перехожу к рассмотрению поэтического творчества в нашей стране. Я должен оговориться — я не могу здесь дать полную картину (даже более сурово нужно сказать) поэтического творчества нашей страны как целого. Я не рассматриваю здесь наши растущие, громадные национальные литературы, нашу поэзию на национальных языках. Я рассматриваю только поэзию *русскую.* Я это делаю не потому, что недооцениваю значение поэзии национальных языков —

вряд ли меня можно в этом заподозрить. Но я здесь следую определенному правилу Козьмы Пруткова, у которого между прочим сказано так: «Не зная языка ирокезского, как ты можешь высказать о нем суждение, которое бы не было поверхностно и глупо» *(смех, аплодисменты)*. Я знаю, что есть любители, которые обо всем судят. Но если говорят, что переводы таджикских и украинских поэтов на наш язык — плохие переводы, то как я могу судить об этих поэтах? Я могу только сказать о них, что они стоят на советской платформе, что они борются с националистическими уклонами, но сказать, какая у них словесная инструментовка — я не могу. Я не могу дать полноценного суждения.

Повторяю еще раз — у нас растет общесоветская литература, в которой национальная литература имеет огромное значение. Это значение все будет возрастать. Здесь есть свои тенденции. Я имел честь вносить предложения по этому вопросу на специальном совещании у т. Горького, но я не имею смелости высказывать суждения о национальной поэзии, не будучи в состоянии ее изучить, потому что я не знаю языка. Мне легче высказать суждения о немецкой поэзии, или французской, или даже английской, чем, скажем, о поэзии Узбекистана и Таджикистана, потому что вследствие проклятого исторического прошлого я не обучался этим языкам. Придется учиться им, и это безусловно очень хорошо *(аплодисменты)*.

Товарищи, не подлежит сомнению, что исполинский характер переворота должен был вызвать и вызвал коренные изменения в классовой психологии и в идейном багаже всех слоев, классов и групп и громаднейшие эмоциональные потрясения и новообразования.

Из замечательных «старых» поэтов, которых так или иначе коснулись крылья гения революции, нужно назвать трех неравноценных и совершенно разных: это — *Блок, Есенин и Брюсов.*

В *Александре Блоке* мы, конечно, имеем поэта огромной силы. Его стих достигает чеканной монументальности и подымается до сверкающих высот *«Возмездия»*, которое охватывает в ярких образах целую эпоху перелома, предчувствие обвала и всю его трагедию. *«Двенадцать»* навсегда останутся памятником революционного хаоса первых лет мятежного кипения, где в самой фактуре стиха, разными ритмами, передан этот калейдоскоп, объединенный внутренней незримой логикой. Его *«Скифы»* написаны с силой предельной выразительности и охватывают огромный круг идей и образов.

Блок — за революцию, и своим «да», которое он провозгласил на весь мир, он завоевал себе право на то, чтобы в историческом ряду стоять на нашей стороне баррикады. И в то же время мы никак не можем сказать, что он — знаменосец нового мира. Квалифицированное дитя старой культуры, он чужие символы хотел поставить у врат новой эпохи. Это — поэт глубоко философский и в то же время глубоко эмоциональный. Но его философия идет от Владимира Соловьева, от религиозно-эротической мистики, от очищенного православия с католическим налетом; здесь есть нечто и от старого славянофильства, которому стал противен торгаш, подправленного народничеством; с великой болью Блок угадывал по вечерним кровавым закатам и грозовой атмосфере грядущую катастрофу и надеялся, что революционная купель, быть может, приведет к новой братской соборности. И оттого он «благословлял» революцию, и «Катьку», и «двенадцать», и заставлял «поступью надвьюжной» идти впереди революционного потока нежный образ Христа. Но разве эта опоэтизированная идеология, эти образы, эти поиски *внутреннего*, мистического смысла революции лежат в *ее* плане? Разве «тайный смысл», «дхвани» поэтической речи Блока хоть в малой степени родственен пролетариату? Разве это — прелюдия к новому миру? Конечно, нет: это, скорее, лебединая песнь лучших людей старого, которые оторвались от мрачных берегов, но совершенно не понимали и не видели новых путей. Героика «Скифов», где мускулатура образов и музыка стиха сливаются в отчетливый топот истории, на самом деле выражает *фиктивную* историю, ту, которую ждал Блок: это воспевание новой расы, азиатчины, самобытности, *скифского* мессианства, очень родственное философской позиции Блока, не напоминает ли оно некоторыми своими тонами и запахами цветов евразийства?

Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В тяжелых, нежных наших лапах?

Неизвестно, как развивалось бы творчество Блока дальше: ясно, что он воспринимал революцию *трагически*, но большим вопросом является, раскрывалась ли для него эта трагедия как *оптимистическая*. *Блок* уходил своими корнями в быт аристократическо-помещичьей усадьбы, и филигранные верхи этой культуры, с ее розами и крестами, довольно

крепко держали его изнутри. Социалистический машинизм и расцвет на этой основе новой культуры не витали перед его умственным взором: Христом он думал скорее благословить и в то же время заклясть образ развертывающейся революции и погиб на этом этапе, не сказав своих последних слов.

Более почвенным, гораздо менее культурным, с мужицко-кулацким естеством прошел по полям революции *Сергей Есенин*, звонкий песенник и гусляр, талантливый лирический поэт. Он совсем по-другому «принял» революцию. Он принял только ее первые этапы, или вернее, первый этап, когда рухнуло помещичье землевладение. Песенный строй его поэтической речи, опора на народную деревенскую ритмику, на узоры деревенских образов, глубоко лирический и в то же время разухабисто-ухарский тембр его поэтического голоса сочетались в нем с самыми отсталыми элементами идеологии: с враждой к городу, с мистикой, с культом ограниченности и кнутобойства. Его порывы к пролетариату были в значительной мере внешними рефлексами. Его настоящее поэтическое нутро было наполнено ядом отчаяния перед новыми фазисами великого переворота. Но в нем глубоко таилась надежда и на то, что история пойдет по другому пути. «Исповедание веры», настоящее credo его поэтического творчества имеется в его по-своему замечательной брошюре «Ключи Марии». Там мы найдем и «социализм». Но что это за социализм? Это «социализм» или рай, ибо рай в мужицком творчестве так и представлялся, где нет податей за пашни, где «избы новые, кипарисовым тесом крытые», где «дряхлое время, бродя по лугам, сзывает к мировому столу все племена и народы и обносит их, подавая каждому золотой ковш, сыченою брагой».[23] Этот «социализм» прямо враждебен пролетарскому социализму. «Нам противны занесенные руки марксистской опеки в идеологии сущности искусства. Она строит руками рабочих памятник *Марксу*, а крестьяне хотят поставить его корове».[24] *Есенин* поднимает настоящий бунт против «гонителей Св. Духа — мистицизма» и пророчествует о судьбах грядущей культуры поэтической речью библейского пророка: «То, что сейчас является нашим глазам в строительстве пролетарской культуры, мы называем: «Ной выпускает ворона». Мы знаем, что крылья ворона тяжелы, путь его недалек, он упадет, не только не

---

[23] С. Есенин. Ключи Марии. Изд. Труд. артели худ. слова. М. 1920.

[24] Ibid., стр. 39—40.

долетев до материка, но даже не увидев его; мы знаем, что он не вернется, знаем, что масличная ветвь будет принесена только голубем, крылья которого спаяны верой человека не от классового осознания, а от осознания обстающего его храма вечности».[25] Пророчество оказалось ложным во всех своих составных частях. Этот «голубь» запутался в сетях своих безысходных душевных коллизий. «Ворон» же превратился в могучего орла и зорко смотрит со своей огромной всемирно-исторической вышки...

Наиболее близко, совсем вплотную, подошел к революции пролетариата *Валерий Брюсов*, бывший «король символистов», идеолог верхов промышленной радикальной буржуазии, венчанный всеми лаврами и хризантемами славы в меценатских салонах культурной буржуазной аристократии, пожалуй единственный настоящий человек в этом литературном кругу, если судить по предсмертным работам *Андрея Белого* с их убийственными характеристиками. Как мог случиться такой исторический парадокс, что именно этот командарм буржуазной литературы пришел к нам и умер членом партии, на которую улюлюкали все силы старого мира? Почему именно *он*, при сокрушительном общественном кризисе, оторвался от своего класса и перешел в лагерь победоносной «черни»? Это объясняется глубоким интеллектуализмом поэта, тонким чувством эпохи, мышлением в категориях континентов, столетий и миллионов. Он сам был огромным культурным явлением: его интересовали и критская культура, и средневековье, и Атлантида, и поздние римские поэты; он жадно прислушивался к железным шагам истории, он восторгался героикой великих событий, и пафос горных вершин человечества все время раздувал холодный голубой пламень его замечательного жадного ума. Вот почему он не мог не заприметить расколотости буржуазного мира и, воспевая его и еще веря в его вечность, в его непреходящую мощь, он в то же время писал о грядущих коммунистических «гуннах», «чугунный топот» которых «по еще не открытым Памирам» уже слышало его чуткое ухо. Эти «Грядущие гунны», эпиграфом к которым стояло: «Топчи их рай, Атилла!», кончались патетической строкой:

И вас, кто меня уничтожит,
Встречаю приветственным гимном!

---

[25] Ibid., стр. 41—42.

Не случайно и то, что именно *Брюсов* ввел в наш литературный оборот такого могучего революционного поэта, как Эмиль Верхарн, с его «Восстанием», с его «городами-спрутами», с его «Кузнецом», «Трибуном», «Зорями», с его гневом и мыслью, с его пророческими прозрениями многокрасочности революционного половодья, с его мятежными порывами в грядущее, опоясанными драгоценной вязью блистательных образов и ритмов. *Брюсова* привлекало все торжественно-величественное, исторически-великолепное, всемирно-значительное. И как только повернулся руль истории и победоносная лавина революции загрохотала по всем равнинам бывшей империи, *Брюсов* резко оборвал со старым и прожил до дня своей смерти вместе с революцией, стоически перетерпев самые суровые, самые мучительные годы, когда со всех сторон веяли буйные смертоносные ветры интервенции, голода, заговоров, холода, болезней, тяжелой, варварской, поистине «троглодитской» нищеты. Еще раньше, когда интеллигенция повернулась спиной к Октябрю, *Брюсов* написал жестко-ироническую «инвективу», направленную по адресу «товарищей интеллигентов»:

Вам были любы трагизм и гибель
Иль ужас нового потопа,
И вы гадали: в огне ль, на дыбе ль
Погибнет старая Европа.

. . . . . .

То, что мелькало во сне далеком,
Воплощено в дыму и гуле...
Что ж вы коситесь неверным оком
В лесу испуганной косули? [26]

Он понимал всю *историческую необходимость* нового уклада, всю *неизбежность* его победы:

Пусть гнал нас временный ущерб
В тьму, в стужу, в пораженья, в голод:
Нет, не случайно новый герб
Зажжен над миром — Серп и Молот. [27]

Он видел через подзорную трубу своего острого ума эту победу и, в предчувствии своей собственной личной смерти, писал:

Дни просияют маем небывалым,
Жизнь будет песней; севом злато-алым
На всех могилах прорастут цветы.

---

[26] В. Брюсов. Избр. произв. Т. III. Гиз. 1927. Стр. 100: «Товарищам интеллигентам» (инвектива).

[27] Ibid., стр. 101. «Серп и молот».

Пусть пашни черны; веет ветер горный;
Поют, поют в земле святые корни, —
Но первой жатвы не увидишь ты.[28]

Поэтическая нить, которая ведет от «Грядущих гуннов», сгущена в целый клубок — «Светоч мысли», где в сжатых строках *Брюсов* пытается дать картину основных этапов всемирной истории.

Чисто социалистические прозрения поэта разбросаны щедрой рукой по страницам его работ.

Огромен его «Дворец центромашин»:

Из тьмы, из бездны иных столетий,
Встает, как некий исполин,
Величествен в недвижном свете,
Центро-дворец мото-машин.[29]

Замечательна картина грядущего переворота в деревне, реализованного много-много лет спустя после смерти этого неустанно пытливого поэтического ума. *Брюсов* оплакивает неизбежную гибель старого, но подымает заздравный кубок во славу грядущего:

Так что ж! В грядущем прекрасней
будет
Земли воскресшей живой убор.
Придут иные, те, кто могучи,
Кто плыть по воле заставят тучи,
Кто чрево пашни рождать принудят,
Кто дланью сдавят морской простор.[30]

Человек энциклопедических знаний, громадной культуры, впитавший в себя все соки ее живых родников, *Брюсов* страдал некоторой эклектичностью. Но одна центральная идея владела им: это — идея закономерности, закономерности, которую он искал повсюду, по всем направлениям используя свою поразительную эрудицию. В общую поэтическо-мыслительную сокровищницу социализма этот великолепный пришелец с чуждых берегов внес огромное наследие отобранных идей и образов. Трудолюбивый мастер культуры, он сейчас незаслуженно забыт, и мы считали своим долгом воскресить его замечательный облик *(аплодисменты)*.

---

[28] В. Брюсов. Неизд. стихи. Гиз. 1928. Стр. 84: «Бунт».
[29] В. Брюсов. Неизд. стихи, стр. 84.
[30] Ibid., стр. 91.

В совершенно ином аспекте выступают перед нами два другие поэта, тоже совершенно разные, оказавшие огромное влияние на все развитие поэтической культуры нашей страны. Это — *Демьян Бедный и Владимир Маяковский (аплодисменты).*

Демьян Бедный — настоящий пролетарский поэт *(аплодисменты).* Основным принципом его поэтического творчества является массовость, глубочайшая *народность*, влияние на *миллионы*. В этом отношении он занимает в истории советской поэзии совершенно исключительную позицию. Народность его идеологически не есть отнюдь народническая «народность», где по существу классы неразличимы и тонут в общем понятии «народ». Говоря терминами политики, можно сказать о «смычке рабочего класса с крестьянством под гегемонией пролетариата». Это есть идейная ось, доминанта, регулятивный принцип или «общественный смысл» его поэзии. Но широчайшее воздействие на массы определяется всей многосложностью компонентов его творчества. *Материалом* здесь служит «злоба дня». *Жанры* приспособлены к уровню миллионов: песня, басня, короткая реплика, сатира, поэма. *Образы* не страдают вычурностью, просты, но в то же время остры, житейски понятны, взяты из гущи жизни, дышат ею. *Язык*, с ними связанный неразрывно, — крепкий народный язык, тот, на котором говорят миллионы, меткий, разящий противника язык пословиц и поговорок, своими корнями уходящий в фольклор. По сравнению с так называемым литературным языком он, если хотите, примитивен. Но это — не нарочитый, искусственный примитивизм утонченных и обездушенных представителей усталой культуры, которую от утомительной сложности и вычурности гипертрофированной искусственности тянет к карикатурно воспроизводимым бушменским рисункам, негритянским танцам и т. д., что напоминает идиотическое сюсюкание взрослых перед ребенком. Это — здоровый относительный примитивизм самой массы, находящий свое выражение в поэтическом творчестве *Демьяна Бедного*. Его ритмика, лад его стихов есть тоже глубоко народный лад, и оттого многие из его стихов вошли в состав народной песни и распеваются по городам и селам, в армии и флоте, в центре и на самых отдаленных окраинах. Его грубоватый, простецкий *юмор* с хитринкой вызывает невольную улыбку, а весь заряд здоровой нутряной *бодрости*, крепкой как дуб, дает его творениям, летящим как ласточки-касатки во все концы великой страны, силу острого внушения и веры в прочность и непобедимость

революции. *Демьян* подымается иногда и до больших высот поэтического обобщения. Замечательна и незабываема его «Главная улица», где на материале Невского проспекта дана история борьбы и победы рабочего класса в полноценных и потрясающих образах. Но даже и здесь нет никакой литературщины: выразительная простота предстоит как образец зрелого и уверенного в себе мастерства. Творчество *Д. Бедного* есть живое опровержение предрассудков против так называемой «тенденциозной» поэзии, которые были когда-то широко распространены, несмотря на *Фрейлиграта* и *Гейне*, *Барбье* и *Беранже*.

В то же время мы должны сделать одно критическое замечание, которое вызовет, вероятно, в свою очередь критическое замечание моего друга, *Демьяна Бедного*. Это замечание состоит в том, что нам кажется, что теперь поэт не учитывает всех огромных перемен, невероятного роста культуры, усложнения ее, роста ее содержательного богатства, повышенного тонуса других измерений всей общественной жизни. Он берет новые темы, а все остальное остается почти старым. Поэтому он устаревает, и здесь лежит для него явная опасность.

Другой крупнейшей — и с поэтической стороны ярко новаторской — фигурой нашей поэзии является *Владимир Маяковский (бурные аплодисменты; все встают)*.

Этот буйный и колючий огромный талант с громоподобным голосом прорвался к пролетариату из кругов полумещанской литературной богемы и через футуристические бунты против всех заповедей и канонов, сухих заветов прошлого, могучими кулаками проломил себе дорогу в стан пролетарской поэзии, заняв в ней одно из самых первых мест *(аплодисменты)*.

В кипящей стихии революции, когда массы вышли на площади городов, когда рушились все ветхие устои, все привычные представления и рокот миллионов наполнил всю страну, Маяковский выдвинулся как могучий *голос улицы*. «Своеволье и буйство», напряженный пафос разрушения, полуанархическая периферия революционного процесса, еще не сдержанная стальной, дисциплинирующей волей пролетарского авангарда, были родными этой порывистой натуре, которая — со всеми своими страстями — вырвалась на волю из тюремной клетки буржуазного общества. Угловатый и неловкий, под треск пулеметов гражданской войны, этот рыкающий поэтический лев революции стал отливать строки своих строф, которые сами звучали как стрекот пулеметной

стрельбы. Их короткие удары обрушивались как действительные удары, и вся его взволнованная, прерывистая, короткословная ритмика, смелая и уверенная, казавшаяся наглой и почти хулиганской грубостью поклонникам и поклонницам классической музыкальной напевности, была в действительности адекватным отражением ритма улицы и площади, своенравной динамики революционного полухаоса, в недрах которого все более зрела чеканная, организованная сила нового рождающегося общества *(бурные аплодисменты)*.

Его образы и его метафоры поражали своей неожиданностью и непривычностью. Он запускал свою длинную, большую волосатую руку на самое дно развороченного быта и вытаскивал парадоксальные прозаизмы, которые вдруг поэтически оживали в его смелых стихах. Он не боялся высоко поднять на щит и воспевать то, что трезвенным умам казалось «светопреставлением». Его «площадная» муза гремела победным «Левым маршем», который навсегда останется замечательным поэтическим памятником этой героической эпохи *(аплодисменты)*.

Его знают все, и все чувствуют биение грозного пульса революции:

Разворачивайтесь в марше!
Словесной не место кляузе...
Тише, ораторы!
Ваше
слово,
товарищ маузер!
Довольно жить законом,
данным Адамом и Евой.
Клячу истории загоним.
Левой!
Левой!
Левой!

(Бурные аплодисменты).

Поэзия *Маяковского* глубоко действенна. Она менее всего «созерцательна» и «бескорыстна» в смысле эстетики идеалистических философов: это — тучи острых стрел, направленных против врага, это — огнедышащая, испепеляющая лава, это — боевой трубный глас, зовущий на борьбу. Во времена интервенции Маяковский прославился своими «агитационными» стихами, а по мере того, как развертывалась строительная работа, в его могучем голосе все более стали звучать строительные ноты: поэзия труда становилась

основным содержанием его творчества. Неустанно работая над словом («бесценных слов транжир и мот»), *Маяковский* обрушивал весь пафос своего негодования на мещанский быт, на «канарейку», которая выросла у него в настоящий символ бытовой желтизны, на душительство и затхлость бюрократов, на идейное косноязычие мещан. Кубарем катились от него враги, а он грозно наступал, его поэзия рычала и издевалась, и росла пирамида творческих усилий этого мощного, оглушительного поэта, — настоящего барабанщика пролетарской революции (*бурные аплодисменты*). *Маяковский* дал так много советской поэзии, что стал советским «классиком». Таково веление исторической «судьбы». Он «живет» почти в каждом молодом поэте, и навсегда вошли в нашу литературу приемы его поэтического творчества и мастерства.

4. СОВРЕМЕННИКИ

Развитие советской поэзии уже обнаружило такие ее черты, которые не могут не считаться большим завоеванием эпохи. На фоне капиталистического маразма, гипертрофированной и нездоровой эротики, пессимистической разнузданности и цинизма или же вульгарных потуг поэтических «расистов» à la *Хорст Вессель*, у нас выступает поэзия бодрая, глубоко жизнерадостная и оптимистическая, в основе своей связанная с победоносным маршем миллионов и отражающая огромные творческие порывы, борьбу и строительство нового мира.

Здесь нет ни мистического тумана, поэзии слепых, ни трагического одиночества потерявшей себя личности, ни безысходной тоски индивидуализма, ни его беспредметного анархического бунтарства; здесь нет покоя сытых мещан, гладящих холеной рукой вещи и людей, камерных финтифлюшек будуара и гостиной; здесь нет разнузданных страстей зоологического шовинизма, неистовых гимнов порабощения и од золотому тельцу. Советская поэзия имеет своих героев, свою тематику, она стала уже идеологическим рефлексом другого мира, который идет вперед, через победоносную гражданскую войну, через великие классовые битвы, в огромном трудовом напряжении бесчисленных мускулов и нервов, умов, чувств и страстей — к все более четким формам новой, социалистической культуры.

Разумеется, процесс фомирования поэтического творчества в нашей стране предполагал отнюдь не безболезненное

рождение новой тематики и новых форм и приемов поэтического мастерства. Классовая борьба, развившаяся в формах самых разнообразных, находила свое выражение и в этой сфере, и звону реальных мечей соответствовали удары мечей идеологических.

Многочисленные группировки, боровшиеся за утверждение и признание, имели и свой социологический эквивалент, хотя связь формы и содержания здесь неизбежно гораздо более сложна, ибо новый класс и новая эпоха, ставя на голову прежнюю социальную пирамиду, не уничтожают старого языка и законов его развития: процесс изменения здесь не может быть по самому существу *так же* радикален, как процесс изменения производственных отношений или политической надстройки; поэтому изменение «содержательных» моментов (тематики) не стоит и не может стоять в *точной пропорции* с изменением формальных моментов искусства.

Было бы исторической несправедливостью, если бы мы прошли мимо тех первых пролетарских поэтов, которые, выросши в предреволюционной грозной обстановке, первыми захватили позиции на полях нашей литературы. Это было время декларативной поэтической героики — героики абстрактной, если можно вообще говорить об абстракции в художественном творчестве. Но все же нужно сказать, что «Железный Мессия» *Кириллова* звучит и сейчас, и, быть может, еще более громко, чем в буйные, весенние годы революции.

Поэтов «Кузницы» нельзя третировать, «как Мендельсон третировал Спинозу», по выражению Маркса, хотя они и не были Спинозами в лагере поэзии. Идеологически это был уже настоящий *голос революции*, и притом такой голос, который стоял и на определенной технической высоте. Он пел о почти космическом перевороте, он универсализировал революцию, но он выражал в этой исторически односторонней форме могучий взрыв революции.

Под сильнейшим влиянием *Маяковского* выросла целая плеяда «комсомольских поэтов», в среде которых одно из первых мест принадлежит *А. Безыменскому (аплодисменты)*. Совершенно не случайна популярность этого поэта, особенно среди молодежи. Безыменский нашел яркую тематику: он выводил новых людей («Петр Смородин»), он подымался иногда до значительных обобщений («Комсомолия»), он превращал в поэзию неожиданное и новое («Партбилет»).

Его образы находились в резком контрасте с камерно-лирическим, традиционно-напевным. Он научился у Мая-

ковского перечеканке революционных прозаизмов и даже будничных деталей в поэтическую песнь. Он был безусловно поэтическим рупором нового племени комсомольцев и выражал тогда еще не расчлененную стихию коммунистической молодости, ее боевой задор. Это — поэт по преимуществу *«легкой кавалерии»* в борьбе и труде *(аплодисменты)*. Но он стал сдавать, когда понадобилась уже *тяжелая артиллерия* литературного фронта, когда жизнь усложнилась, когда потребовалась большая глубина и мастерство поэтического выражения *(аплодисменты)*. Товарищи, вы в критических местах не особенно выражайте свои страсти, — я боюсь, что мне влетит сверх той меры, которой я этого заслуживаю с точки зрения Аристотелевой справедливости *(смех, аплодисменты)*. С ним произошло примерно то же, что и с *Д. Бедным:* не сумев переключиться на более сложные задачи, он стал элементарен, стал «стареть», и перед ним вплотную выросла опасность простого рифмованного перепева очередных лозунгов, с утерей поэтической изюминки творчества *(аплодисменты)*. Товарищи, обязательно образуется групповщина, если вы будете так аплодировать *(смех, аплодисменты)*.

Свежее и глубже оказался безвременно погибший *Э. Багрицкий (аплодисменты; все встают)*. У него были большие идеологические сбои:

Мы — ржавые листья
На ржавых дубах...
. . . . . .
Потопчут ли нас трубачи молодые,
Взойдут ли над нами созвездья чужие —
Мы — ржавых дубов облетевший уют...

Но это не типично для него. Он подкупает широтой своей тематики, задором и каким-то культурным романтизмом своего творчества, глубиной чувства, в котором много мысли, яркости образа, звонкостью стиха.

А ветер как гикнет,
Как мимо просвищет,
Как двинет барашком
Под звонкое днище,
Чтоб гвозди звенели,
Чтоб мачта гудела.

Героика гражданской войны очень удавалась этому большому романтику, и чрезвычайно жаль, что литературная

наша критика старалась в свое время приглушить звучание этой струны покойного поэта *(аплодисменты)*. «Дума про Опанаса» останется надолго: она остра, эта «дума»; ее напряженный драматизм, ее образность и прекрасная простота стиха делают из нее большое культурное целое *(аплодисменты)*.

Романтиком гражданской войны по преимуществу является и *М. Светлов*. Он пережил большой душевный и идеологический кризис в начале нэпа, ярко отразившийся на его творчестве («Николаю Кузнецову», «Колька»), но выправился и несколько даже оброс излишней самоуверенностью, ставя себя в непосредственный ряд — да, да — с *Пушкиным и Толстым* («Мы с тобою, родная, устали как будто»).

Типичны для поэзии *Светлова* «Двое»:

Они улеглись у костра своего,
Бессильно раскинув тела,
И пуля, пройдя сквозь висок одного,
В затылок другому вошла.
Их руки, обнявшие пулемет,
Который они стерегли,
Ни вьюга, ни снег, превратившийся в лед,
Никак оторвать не могли...
Тогда к мертвецам подошел офицер
И грубо их за руки взял,
Он, взглядом своим проверяя прицел,
Отдать пулемет приказал.
Но мертвые лица не сводит испуг,
И радость уснула на них,
И холодно стало третьему вдруг
От жуткого счастья двоих.

Наибольшим успехом пользуется светловская «Гренада», с несколько искусственным сюжетом. *Светлов* явно подражает *Гейне*, и в его ироническом и в его романтическом аспекте. Это, конечно, отнюдь не резон, чтобы ставить М. Светлова на одну доску с «последним королем романтизма», как делали некоторые неумеренно восторженные критики: он, как и многие наши поэты, еще провинциален, широта его умственных горизонтов и высота мастерства не идут ни в какое сравнение с аналогичными свойствами творца «Книги песен». И тем не менее — это хороший советский поэт-романтик, который многое может дать, если будет *работать (аплодисменты)*.

Я хочу здесь сделать небольшое отступление вот какого свойства. Я уже слышал, что многие товарищи, в том числе и т. Светлов, не особенно довольны, чтобы не сказать боль-

ше, такими сдержанными характеристиками. Но я должен сказать, что у нас обычно привыкли выставлять критерии, которые я считаю уже изжитыми. Я считаю, что Светлов — один из наших очень крупных советских поэтов *(аплодисменты)*, но необходимо выставить положение, что измерять нашу поэзию теперь, в реконструктивный период, когда мы победоносно реализуем вторую пятилетку и ставим себе задачи громаднейшего масштаба, измерять ее критерием поэтического творчества, скажем, какой-нибудь нашей средней провинции или критерием, который распространен среди фармацевтов, — совершенно не годится. *Мы должны брать мировые критерии (аплодисменты).*

И вот, именно говоря о Светлове, мне хотелось бы сказать это. Конечно Светлов очень хороший советский поэт, но можно ли его сравнивать с Гейне? Возьмите Гейне и взвесьте его на весах. Что он представляет собой в области философии? Возьмите его известные очерки по истории германской философии, которые создали ему огромную славу во Франции, возьмите его «Лютецию», возьмите его гигантское знакомство с современной ему культурой, возьмите его необычайное проникновение в целый ряд исторических измерений — на Восток, в Грецию, в Рим, по всем направлениям,— какое величайшее богатство мыслей, какое гигантское богатство образов, тематики и прочее! И сравните с ним Светлова. Разве можно у Светлова найти «Лютецию», историю германской философии и т. д.?

Я это говорю не для того, чтобы снизить уровень Светлова, а для того, чтобы его возвысить, потому что у меня во всем докладе переориентация критериев. Теперь «сопливеньких» изжили. Нам нужно выдвигать мировые масштабы. И я всех мерю другими масштабами. Может быть, поэтому получается некоторая разница в оценках. Но мое страстное желание, чтобы вся наша поэзия и любой из наших поэтов перешли скорее в следующий класс, когда мы сможем сказать: не только по своей тематике, установке, платформе и т. д., но и по своему мастерству мы являемся образцом и стоим на самой высокой вышке человечества *(аплодисменты)*. Вот каким критерием я хочу все мерить *(аплодисменты)*. Прошу запомнить эту мою основную установку, чтобы в дальнейшем не было недоразумений.

Тройка «лириков» того же поколения — *Жаров, Уткин, Ушаков* — весьма разнородна, хотя очень часто их объединяют вместе. Самым культурным — во всех смыслах — является из них, на наш взгляд, *Ушаков*, и притом самым

талантливым. Это — поэт тонких нюансов, глубоко чувствующий и думающий, с образами хрупкими и нежными. Даже индустриальные, машинные, «бензинные» темы он дает в пересечении множества ассоциаций, которые не насилуют внутренней логики темы и не эпатируют читателя парадоксальными сопоставлениями и метафорами.

Весна,
Седеющие села,
Малиновки со всех сторон,
Перелетел за частоколы
Черешен розовый трезвон.
Но в синих снах
И в сонной сини,
И в нежной яблочной пурге
Возможно ль мыслить
о бензине,
Как не о друге,
а враге?

Жаров и *Уткин*, к сожалению, страдают огромной самовлюбленностью и чрезмерным поэтическим легкомыслием, переходящим в легковесность (*аплодисменты*). При наличии известной одаренности у Жарова не видно достаточной работы, где конечная простота является сложным результатом творческого процесса. Отсюда нередко налицо крикливая декламационность:

Я — делегат небесной рати
И от весеннего Цека,
Я — солнце — нынче председатель
И на земле, и в облаках!

Отсюда же и известная лозунговая элементарность, в чрезвычайно малой степени осложненная поэтическим образом:

Упорством
Вооружены
На фабрике и в шахте,
Мы
По-военному должны
Всегда
Стоять на вахте!

Или:

Скоро червонцем
Вздуем пожар!

И однако было бы неверным «отрицание» этого «комсомольского» поэта. Он выдвинул одним из первых проблему *лирики*. Тематически он выбился из узкого круга пуританских представлений, и солнечная жизнерадостность, песнопения революционной молодости, неугомонное буйство весенней крови, переливы революционной гармоники в деревне и на окраинах городов, песенный лад его поэтической речи — все это большие задатки, которые должны *расти*.

Если *Жаров* — это веселая околица советской поэзии, то томный *Иосиф Уткин* — это уже не гармоника, а гитара *(смех; аплодисменты)*. У него искусственный жест, быть может известный внутренний надрыв, который какими-то нитями привязывал его даже к Есенину:

Есть ужас бездорожья
И в нем — конец коню.
И я тебя, Сережа,
Ни капли не виню.

У *Уткина* больше размышления, он менее прост, чем *Жаров*, он больше работает над образом, его поэтическая речь напевна, и его поэзия овеяна дымкой грусти. Но и у него — наивная упрощенность и поверхностность и содержания и формы. Разве не наивно обращаться к «красивой женщине» с подобными сентенциями:

Женской нежностью томима,
Не богатых,
Не красивых,
Назови твоим любимым
Воина трудолюбивых.

Откуда такая «философия»? Почему все «не богатые» — уроды? Как можно воздействовать на «красивую женщину» такими аргументами? *(Смех)*. Кто на самом деле эта красавица? *(Смех)*. Почему труд и красота должны вести раздельное существование? И т. д.

Или форма:

Года летят как зябкие синицы,
Как конь летит из-под плетей...

Почему синицы «зябкие», когда на самом деле они переносят любой мороз? *(Смех)*. Почему синица летает, как «конь из-под плетей», если она на самом деле *порхает* на

малых порциях пространства? Образ — явно негодный, непродуманный, сделанный «под рифму». Таких досадных поэтических «опечаток», ляпсусов поэтического языка, можно найти изрядное количество у поэта, к которому, как и к *Жарову*, особенно уместно предъявить требование повышения поэтической культуры.

Среди поэтической «комсомольской» молодежи следует особо сказать о *Борисе Корнилове*. У него есть крепкая хватка поэтического образа и ритма, тяжелая поэтическая поступь, яркость и насыщенность метафоры и подлинная страсть. Классовая ненависть внука бедняка, как пес ползавшего перед «тушей розового барина», отстоялась в густой настой стиха:

Эту злобу внука,
ненависть волчью
дед поднимает в моей крови,
на пустом животе ползая за сволочью:
— Божескую милость собаке яви...
. . . . . .
Я ее, густую, страшной песней выпью
на поля тяжелые,
в черный хлеб и квас,
чтобы встал с колен он,
весь покрытый пылью,
нерадивый дед мой —
Корнилов Тарас.

У него «крепко сшитое» мировоззрение и каменная скала уверенности в победе. Само «я», исчезая, находит свое «продолжение жизни» («Продолжение жизни») в новой верениде людей и дел. Поступь железных шагов схвачена в наплластовании словесных масс:

Врага окружая огнем и кольцом,
медлительны танки, как слизни,
идут коммунисты, немея лицом, —
мое продолжение жизни.
. . . . . .
Я вижу вдали горизонты земли,
комбайны, качаясь по краю,
ко мне, задыхаясь, идут...
подошли, —
тогда я совсем умираю...

Корнилову особенно удаются отрицательные типы кулака, описания звериной злобы врагов; здесь его палитра многокрасочна и ярка, мазок широк и уверен, образы скульптурны и выразительны («Семейный совет», «Убийца»). «Три-

полье» местами достигает большой силы. Вот кулацкий сын грузит винтовки:

Сдвинул на ухо шапку,
осторожен и ловок,
снес в телегу охапку
маслянистых винтовок.

Вот кулацкий «бог» «в быту»:

Хрупал сахар в прикуску
и в поту,
и в жару
ел гусиную гузку,
золотую,
в жиру.

Вот пламя гражданской войны:

И уже начинались пожары в Триполье
огненные вставали, пыхтя, петухи,
старики уползали червями в подполье,
в сено,
часто чихая от едкой трухи.

Такими красочными местами изобилует эта поэма, ритмика которой от тяжелых строф переходит на легкую кавалерийскую скачку стиха, с цоканием подков и лихим песенным посвистом, как у *Багрицкого* и *Сельвинского*.

Упомянутыми выше поэтами более или менее определяется струя поэтического творчества, которая идет из комсомольско-партийной среды и связана наиболее тесно с жизнью масс. Но эти авторы ближайшим образом примыкают по приемам поэтического мастерства к нескольким поэтам очень крупного калибра, которые имеют на них решающее влияние. Мы говорим о *Борисе Пастернаке (бурные аплодисменты)*, *Н. Тихонове (бурные аплодисменты)*, *И. Сельвинском* и отчасти об *Н. Асееве (аплодисменты)*. Недаром *Э. Багрицкий* писал про себя:

А в походной сумке —
Спички и табак,
Тихонов,
Сельвинский,
Пастернак.

Это все замечательные поэтические индивидуальности, и на каждом из них следует остановиться особо.

Борис Пастернак является поэтом, наиболее удаленным от злобы дня, понимаемой даже в очень широком смысле.

Это поэт — песнопевец старой интеллигенции, ставшей интеллигенцией советской. Он безусловно приемлет революцию, но он далек от своеобразного техницизма эпохи, от шума битв, от страстей борьбы. Со старым миром он идейно порвал (или вернее, надорвал связь с ним) еще во время империалистической войны и сознательно стал «поверх барьеров». Кровавая каша, торгашество буржуазного мира были ему глубоко противны, и он «откололся», ушел от мира, замкнулся в перламутровую раковину индивидуальных переживаний, нежнейших и тонких, хрупких трепетаний раненой и легко ранимой души. Это — воплощение целомудренного, но замкнутого в себе, лабораторного мастерства, упорной и кропотливой работы над словесной формой, где материалом служат драгоценности «наследства» и глубоко личные — а потому поневоле суженные — ассоциации и переплетения душевных движений.

В кашне, ладонью заслонясь,
Сквозь фортку кликну детворе:
«Какое, милые, у нас
Тысячелетье на дворе?
Кто тропку к двери проторил,
К дыре, засыпанной крупой,
Пока я с Байроном курил,
Пока я пил с Эдгаром По?»

У Пастернака мы найдем и теоретическое оправдание такой поэзии. Вот, например, «Определение поэзии»:

Это — круто налившийся свист,
Это — щелканье сдавленных льдинок,
Это — ночь, леденящая лист,
Это — двух соловьев поединок.

Или, еще более резко, в стихотворении «Брюсову»:

Что мне сказать? Что Брюсова горька
Широко разбежавшаяся участь?
. . . . . .
Что сонному гражданскому стиху
Вы первый настежь в город дверь открыли,
Что ветер смел с гражданства шелуху,
И мы на перья разорвали крылья?

И наконец обобщающее место («Другу»):

Напрасно в дни великого совета,
Где высшей страсти отданы места,
Оставлена вакансия поэта:
Она опасна, если не пуста.

Вряд ли уместно здесь полемизировать против такой концепции по существу. Что были бы великие греческие трагики без «высших страстей»? Куда девался бы Аристофан? Как был бы возможен Шекспир? Или Гейне? Или даже Байрон, этот «лорд-карбонарий»?

Счастье *Пастернака* в том, что он далеко не последователен. Вслед за посланием к *Брюсову* он помещает великолепный панегирик, посвященный памяти Ларисы Рейснер; он воспевает «безумный» 1905 год в целой серии стихотворений; он пишет своего «Лейтенанта Шмидта», «9 января» — и все это в полноценных строфах настоящей поэзии. Он дал очень выпуклый образ Ленина:

Я помню, говорок его
Пронзил мне искрами загривок,
Как шорох молньи шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол.
Как вдруг он вырос на трибуне,
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот в комнату без дыма
Грозы влетающий комок.
Тогда раздался гул оваций
Как облегченье, как разряд
Ядра, не властного не рваться
В кольце поддержек и преград...

И тем не менее даже в его революционных стихах, революционых по своему идейному смыслу, можно найти ряд подходов к этому смыслу через ассоциации, совершенно неожиданные и часто узко индивидуальные.

Пастернак оригинален. В этом и его сила и его слабость одновременно. В этом его *сила*, потому что он бесконечно далек от шаблона, трафаретности, рифмованной прозы. В этом его *слабость*, потому что эта оригинальность переходит у него в эгоцентризм, когда его образы перестают быть понятными, когда трепет его задыхающегося ритма и изгибы тончайшей словесной инструментовки превращаются, за известной гранью, в перепады непонятных образосочетаний, — настолько они субъективны и интимно-тонки. У него можно найти бесчисленное количество прекрасных метафор, и дыхание его поэзии свежо и благоуханно: вот сад, «обрызганный, закапанный миллионом синих слез»; вот лодка, пристающая к берегу:

Пекло, и берег был высок.
С подплывшей лодки цепь упала
Змеей гремучею в песок,
Гремучей ржавчиной — в купаву.

Вот ощущение времени: «Год сгорел на керосине залетевшей в лампу мошкой».

Вот «Степь»:

Как были те выходы в степь хороши!
Безбрежная степь — как марина.
Вздыхает ковыль, шуршат мураши,
И плавает плач комариный.

Вот образ дождя в «Душной ночи»: «Лишь пыль глотала дождь в пилюлях». Замечательно тонки и «сушки с запахом рогожи», и нависшие ивы, что «целуют в ключицы» («Сложа весла»), и «пахнет сырой резедой горизонт» («Сестра моя — жизнь»...), и сотни других образов. Но что значит в «Возвращении»:

Чтоб щелкали с кольца
Клесты по канцеляриям
И тучи в огурцах
С отчаянья стрелялись.

Или в «Нашей грозе»:

В эмали — луг. Его лазурь,
Когда бы зябли — соскоблили.
Но даже зяблик не спешит
Стряхнуть алмазный хмель с души.

Игра на «ц» в первом примере и на «л» и «б» — во втором сочетается с образами, связанными ассоциациями, которые недоступны «обобществленному сознанию». Это уже нарушение законов сложной простоты. Таков *Борис Пастернак*, один из замечательнейших мастеров стиха в наше время, нанизавший на нити своего творчества не только целую вереницу лирических жемчужин, но и давший ряд глубокой искренности революционных вещей.

И. Сельвинский — это в известной мере антипод *Б. Пастернака*. Это поэт большого поэтического голоса, рвущийся на просторы широких дорог, массовых сцен, где слышны крики, где топочут кони, где льется удалая песня, где бьются враги, где кипит живая жизнь и где история месит свое крутое тесто.

...голое мастерство слишком бедно,
чтобы дышать ураганом эпохи... —

говорит он на одну сторону. И на другую:

А вы зовете: на горло песне!
Будь ассенизатор, будь водолив-де!
Да в этой схиме столько же поэзии,
Сколько авиации в лифте.

Его лозунг:

Бросьте, товарищи! Шире глазейте!

Это совершенно справедливо. Только жаль, что поэт — не без влияния критики — не всегда выдерживает свою собственную директиву и попытки работы — очень примечательные — над большими полотнами заменяет иногда рифмованной заводской стенной газетой. У Сельвинского прекрасна *песня*, опирающаяся на народную песню в точном смысле слова. Ее широкий размах, плавность ритма очень хороши: эта песня действительно льется сама.

Революционный флот стреляет (подражание старинной песне: «Как по морю, морю синему»):

Ну-ка, дуньте, боевые корабли,
Эх, товарищи-братишки, корабли,
Так, чтоб окуни под камни загребли,
Рыбы-окуни под камни загребли.

Или песня: «Заночуй, милочек», где «конница-буденница»

Конив напувала,
Со двора съезжала,
Со двора съезжала-ла-ла да
Саблями бренчала;
Саблями бряцала,
Песней величала —
Конники за домики
Цокали сначала.

Сельвинский, опираясь на песню, на разные говоры, при тщательнейшей работе над словом, его звуковой и смысловой стороной, в своей «Улялаевщине» и «Командарме» дал значительные вещи, которые прочно войдут в историю нашей поэзии как одни из самых крупных ее достижений. Но нам кажется, что напрасно поэт теперь, когда время «агитки» в стиле *Маяковского* уже прошло, повышает роль этой «агитки» в своем творчестве. Ему явно в ней тесно. Когда в «Электрозаводской газете» он пишет:

И снова жужжат за огнями огни,
И труд кладется на труд,
Словно в гортани налет ангин —
В печи на шарнирах круг, —

или когда там же мы читаем о женщинах завода:

Во-первых, подумайте — женщины:
Полторы тысячи женщин,
Звонких, как бубенчики,
Гордых, точно Ченчи —

то это звучит фальшиво, неубедительно и даже — да простит нас автор — немного смешно, ибо бросается в глаза вся искусственность принудительного втискивания более широких ассоциаций, намеков и образов в прокрустово ложе заводской газеты, неизбежно имеющей свою специфику. *Сельвинский* — несомненно революционный, очень большой, настоящий и притом культурный мастер стиха.

Н. Тихонов интересен с различных точек зрения: он упорно расширяет самую область тем, проникая в отдаленнейшие части Союза, вовлекая в поэтический оборот кавказские, среднеазиатские и другие национальные мотивы; он упорно работает над стихотворной формой, и навсегда останутся в памяти прекраснопесенные его баллады; он глубоко продумывает самые основы мировоззрения, неразрывно связывая интеллект и эмоцию в поэтическом единстве... Это — «умный поэт» прежде всего.

«Двенадцать баллад» *Тихонова* замыкают в себе огромную и сдержанную суровую страсть. Это — романтика мужественная и уверенная, где поэт точно берет под уздцы рвущиеся во все стороны трагические и торжественные аккорды, соподчиняя их единой мысли, звучащей как лейтмотив музыкального произведения.

Героика боевого долга — в «Балладе о синем пакете», доставленном на упавшем самолете:

Сразмаху земля навстречу бьет.
Путая ноги, сбегался народ.
Сказал с землею набитым ртом:
— Сначала пакет — нога потом.

Очень сильна «Баллада об отпускном солдате», где дана замечательная картина боя:

...Пулемет задыхался, хрипел, бил,
И с флангов летел трезвон,

Одиннадцать раз в атаку ходил
Отчаянный батальон...
Под ногами утренних лип
Уложили сто двадцать в ряд,
И табак от крови прилип
К рукам усталых солдат.

На «Махно» видно сильное влияние пушкинских «Песен западных славян»:

Понатешился батька посевцем,
Дарит ветер он красным доломаном
И уходит обратно к королевцам,
К синеусым молдавским банам.

«Смерть бойца» и «Баллада о гвоздях» останутся как одни из лучших образцов тихоновского творчества, а заключительные строки последней баллады:

Гвозди б делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей —

становятся уже прочным историческим афоризмом.

У *Н. Тихонова* мы найдем смелые и оригинальные сравнения, меткую вязь слов, звуков и смыслов:

Пить чай, развалясь осторожно,
Так, чтобы маузер лег не под бок.
(«Люди Ширама»).

Или:

Их окружает дьявольская ночь
Забытых мест и черных суеверий,
Трахомных глаз, проклятий за углом.
(«Весна в Дейнау»).

«Местный колорит» дан в неожиданном образе:

И трактор встал своей стальной утробой,
Как некий слон среди чарджуйских дынь.
(Там же).

Или о Тифлисе:

То хвастал пышной тканью
Или зурной хвалебной,
То падал в серной бане
Снопом воды целебной,

Сбегая с головы
Прокипяченной дрожью
На каменные швы
У моего подножья.

«Поэмы» *Тихонова* всегда глубоки, но стремление вскрыть внутреннее содержание, черпнуть поэтическим ковшом подспудные струи жизни иногда выражается и у Тихонова в том, что образы и слова вяжутся им по слишком субъективным координатам: очевидно, боясь быть слишком *внешним* или впасть в банальность, поэт иногда выходит за рамки общезначимого и в свою очередь нарушает законы «сложной простоты».

Н. Асеев — наиболее ортодоксальный «маяковец», труженик стихотворной формы, неутомимый поэт-агитатор, очень злободневный, очень «актуальный», — и притом поэт — несмотря на теоретические свои выпады — большой поэтической культуры. Он исключителен в своих требованиях:

Нет,
не найти вам
другого ритма,
кроме того,
что режет как бритва,
ие зазвучит вам
другая песня, —
эта пойся
и в уши бейся.

(«Боевая тревога»).

Он чрезвычайно далек от «чистой лирики»:

Если есть еще
о чем
писать стихи
в стародавней
деревенской соии —
лишь
о победителе стихий,
человеке
на фордзоие!

Безусловная талантливость этого поэта суживается, однако, его теоретической ориентацией. Он не видит, что «агитка» *Маяковского* уже не может удовлетворить, что она стала уже слишком элементарной, что сейчас требуется больше многообразия, больше обобщения, что вырастает потребность

в монументальной поэтической живописи, что раскрыты все родники лирики и что даже самое понятие актуальности становится уже иным. Поэтому, когда сейчас читаешь, например, «Им» (врагам революции):

Ваше орудие —
мелинит,
паника
и провокация;
наше —
уверенность,
ленинизм,
грамота,
электрификация, —

то это кажется сухим, слишком газетным, поэтически неубедительным.

Упомянем еще о талантливых *Луговском* и *Прокофьеве* и чрезвычайно красочном, «нутряном», с исключительно большими поэтическими возможностями *П. Васильеве*, который займет почетное место в нашей поэзии, если ему удастся обломать в себе острые углы собственнической дикости и окончательно причалить к социалистическим берегам *(аплодисменты)*.

Я хочу сделать еще одно отступление от моего печатного доклада: я пропустил в нем такого крупного поэта, — это лично мое мнение, но я считаю себя обязанным это сказать, — как *Василия Каменского (аплодисменты)*, который представляет собой очень крупную поэтическую величину *(аплодисменты)*.

Советская поэзия отнюдь не исчерпывается поэзией на одном русском языке. Быть может, наиболее примечательным завоеванием революции в области художественного творчества является как раз расцвет национальных литератур, появление талантливых самородков; повсеместно прорастает великая земля наша множеством поэтических цветов. Такие имена, как имена *Тычины* и *Сосюры* на Украине, *Янки Купалы* в Белоруссии, *Акопа Акопяна* в Армении, отличные поэты Грузии, новые поэты Азербайджана, Узбекистана и других стран, расцвет поэтического творчества персидского поэта-эмигранта *Лахути* — все это явления огромного культурного порядка, еще не могущие быть учтенными до конца. Поэзия на нерусских языках теперь уже не привесок к русской советской поэзии. Это — крупнейшая самостоятельная сила, замечательная часть общесоюзной поэзии, спаянная единством направления, социалистическая по

содержанию, национальная по форме. Она должна быть освещена отдельно товарищами, знающими соответственные языки. Это — важная задача, и задача необходимая. Без этого нельзя увидеть всего лица нашей советской поэзии.

Итак, наши плюсы ясны. Но значит ли это, что поэзия все же идет в ногу с эпохой? Отнюдь нет. Здесь мы безусловно должны констатировать то «отставание», о котором в настоящее время говорят так много и так упорно.

5. ИСТОРИЧЕСКАЯ ВЫШКА, УРОВЕНЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В СССР И ЗАДАЧИ ПОЭЗИИ

Когда мы сейчас ставим вопрос о задачах нашей поэзии, то приходится начинать с проблематики *самосознания нашей эпохи*. Ведь сейчас мы живем в совершенно исключительное время. Мы, СССР, — *вышка всего мира*, костяк будущего человечества. Нужно понять, продумать и прочувствовать это. Мы глядим на тысячелетия. Во все концы земли проникает наша великая идея. Мы живем не в декларации, не в мечтательной грезе великих умов и сердец. Мы живем как реальная сила, реальнейшая из реальных. Потенциально мы — все. Мы — наследники тысячелетий, всей культуры из века в век. Мы — продолжатели борьбы сотен и сотен поколений бойцов, пытавшихся раз навсегда свергнуть иго эксплоатации. Мы — передовая славная армия рабочих, изменяющая мир, грозная рать, которая готовится к новым боям. Мы — воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила всемирной истории. На самых высоких хребтах человеческой воли и действия мы строим и боремся, страдаем и побеждаем. Колоссальны и необозримы наши задачи и невероятно огромна наша историческая ответственность.

И вот с *этой* точки зрения мы должны прежде всего посмотреть на уровень нашего поэтического творчества. И когда мы посмотрим так, то мы увидим, что мы крайне отстали, что мы еще делаем только первые шаги по всемирно-историческому пути новой поэтической культуры. Разве поэтический *материал*, который имеется налицо в сокровищницах нашей поэзии, не бледен и не убог по сравнению с гигантским содержанием жизни? Разве мы хоть в маленькой степени изображаем великий коллапс старой культуры Запада и Востока? Разве не закрыта на семь печатей для наших поэтов чудесная книга истории? Разве наша собственная исто-

рия, история последних лет, схвачена во всем ее многообразии, в героических буднях и будничной героике, в живой диалектике тысяч и тысяч разнообразнейших проблем, мучительных переживаний, радостей творчества, коллизий и разрешений? Разве наши поэты достаточно усвоили замечательное наследство старого мастерства всех времен и народов, мандат на получение которого выдал им, теперь своим сынам, победоносный пролетариат? Нет и нет! Жестокая, некультурная провинция еще царит у нас. *Наша поэзия еще не поднялась* до понимания *всего* смысла нашей эпохи. Она еще не понимает, где она стоит. Ей еще не видна эта «Крыша мира», те «Памиры», о которых писал Брюсов и которые теперь *уже* «открыты». Дело ведь для *поэта* — вовсе не в том, чтоб уметь пересказать газетную статью или обнаружить минимум политграмоты, который теперь стал очень высоким. Дело в том, чтобы знать и вширь и вглубь, перечувствовать, выносить, оформить. Но на это не хватает образов и выразительных средств вообще. Их нет потому, что страшно низок, по сравнению с задачами, весь уровень нашей поэтической культуры и в ее содержательных, и в ее «формальных» определениях. Кто из поэтов у нас чувствует эпоху так, чтобы перед его умственным взором было большое всемирное полотно? Кто из поэтов у нас чувствует до конца наше историческое место в живом потоке современной истории? Таких поэтов нет еще. Мы еще не доросли. Мы хватаемся за куски и кусочки, в которых целое соприсутствует лишь как декларация. Вряд ли кто и ставит задачу во всей ее широте. Было бы, разумеется, абсурдным выставлять это требование для немедленного целостного выполнения. Но не об этом речь. Речь идет о том, чтобы *систематически подымать уровень поэтического самосознания.* Это — задача, которая для *поэта* требует не только изучения фактов прошлого и настоящего, но и изучения *поэтического их выражения.*

В ближайшей связи с этим стоит и другой вопрос, вопрос о *синтетических построениях поэзии, о монументальном творчестве.* Этого теперь требует наша эпоха, именно теперь. Если мы проследим эволюцию нашей поэзии, то без труда заметим, что, беря критерием тип поэтических произведений, мы имеем три больших периода этой эволюции.

Первый период: это — время новых лозунгов, первозданная свежесть борьбы, возвещение трудящимся всех стран новых принципов жизни, начало новой эпохи. В поэзии — декларативность, широчайший мыслительный разгон, даже космизм. Но все это — не плоть и кровь. Больше—

поэтическая схема. Поэзия в значительной мере героически-абстрактна, поскольку вообще можно говорить об абстрактности поэзии.

Второй период. Лихорадочная деловая работа. Строительство. Время требует конкретных знаний и умений, величайшей оперативности, внимания к мелочам, культуры малого, из которого складывается великое специализации. В области поэтического творчества — решительный поворот в сторону дробного отражения жизни.

«За каждой мелочью революцию мировую найти» — как сформулировал соответственную задачу *А. Безыменский.* «Космизм», «мировые совнаркомы» и т. д. сменились *дробным показом эмпирики.* Поэзия вступила в фазу диалектического отрицания предыдущего периода. Универсализм перешел в свою противоположность: дробное конкретное, части целого, анализ стали доминирующим типом творчества.

Третий период — это период, в который мы вступаем сейчас. В громадной степени выросла и усложнилась наша жизнь. Задачи овладения техникой производства еще не решены, но многое уже сделано. Культурные потребности выросли необычайно, интересы стали неизмеримо разнообразнее. Жажда знать все, жажда *обобщить,* на *новой* основе подняться до понимания процесса в его целом — огромна. Отсюда потребность в *синтетической* поэзии и синтетической литературе вообще. Этот период есть вступление в фазу обобщающей поэзии, где эпоха дается не в осколках целого, а, по возможности, во всех ее связях и опосредствованиях. Это — не простой возврат к исходной точке, не возврат к поэтическому декларативному схематизму, а синтез, который может возникнуть лишь на основе проделанной аналитической работы. Разумеется, вышесказанное деление нельзя понимать в абсолютном смысле. Содержание каждого периода отнюдь не исчерпывалось вышеуказанными чертами, и было бы простым неразумием или элементарным незнакомством с фактами это утверждать. В частности, задачи конкретного типа у нас ни в малой степени не исчерпаны. Но при всем разнообразии типов поэтического творчества все же выделяются некоторые важнейшие тенденции. Вот об этих тенденциях и идет у нас речь. Следовательно, отсюда необходимо сделать *второй вывод* (*первым* выводом у нас был вывод о необходимости подымать поэтическое сознание до уровня эпохи и ликвидировать провинциализм): *нужно, продолжая оформление конкретного и единичного, переходить к поэтическо-*

му обобщению, на основе конкретного и единичного переходить ко всеобщему, богатому и расчлененному целому.

Здесь мы натыкаемся на дальнейший вопрос, а именно — на *вопрос о многообразии и единстве поэтического материала.*

Когда-то *Карл Маркс*, зло издеваясь над буржуазной политической экономией, писал, что это — моральнейшая из наук, что ее идеал — «аскетический, но ростовщический скряга, и аскетический, но производящий раб». «Ее главный догмат, — писал он, — это самоотречение, отказ от жизни и от всех человеческих потребностей. Чем меньше ты ешь, пьешь, покупаешь книг, чем реже ты идешь в театр, на балы, в кафе, чем меньше ты мыслишь, любишь, теоретизируешь, поешь, рисуешь, удишь и т. д., тем больше ты сберегаешь, тем значительнее становится то твое достояние, которое не смогут съесть ни моль, ни ржавчина, — твой капитал».

Эта меткая характеристика бросает свет на положительный взгляд *Маркса.* Марксистский коммунизм ставит своей целью бесконечно разнообразное развитие человеческих потребностей. Это есть ориентация на полноценного, всесторонне развитого человека, а не на убогого, одностороннего, кастрата в том или другом отношении. Любить, теоретизировать, рисовать, мыслить, удить — Маркс несомненно нарочно ставил рядом такие несоизмеримые величины — это не только не «грех», — это все — прекрасные функции жизнедеятельного человека, для которого и сам труд становится «первейшей жизненной потребностью». К этому *мы идем,* идем, преодолевая огромные трудности, идем с боями, *но идем.* Отсюда следует совершенно определенный вывод: *материалом поэтического творчества может и должно служить все многообразие жизни. Единство* заключается не в том, что все поют периодически одну песню — то о свекле, то о «живом человеке», то о классовой борьбе в деревне, то о партбилете. Единство заключается не в том, что показываются одни идеальные типы и одни «злодеи», не в том, что уничтожаются — на бумаге — все противоречия и беды. Единство заключается в едином *аспекте,* аспекте социалистического строительства. Все жизненное богатство, все трагедии и конфликты, колебания, поражения, борьба тенденций — все это должно входить как материал поэтического творчества.

Чем лучше мы сумеем показывать многообразие этой жизни, чем лучше мы будем ухватывать эти основные исторические жилы, — что покупается точкой зрения, а не обед-

нением содержания, — тем лучше и тем выше будут стоять наша литература и наша поэзия.

Мне кажется, что именно сейчас, когда перед нами стоит, скажем, задача изображения типов, можно будет брать и изображать также и изолированные типы, скажем, изолированного политотдельщика, изолированного лоцмана красного флота и т. д. У нас сейчас это распространяется с очень большой быстротой. Но мне кажется, что нужно лоцмана показывать так, чтобы он был частицей этой жизни. Нужно политотдельщика показывать как фокус этой жизни, — так, чтобы все лучи шли от этого фокуса и, перекрещиваясь, показывали все многообразие нашей жизни. Тогда мы получим многообразное искусство.

Если мы этого не сделаем, то перед нами возникает опасность ведомственного отчуждения, бюрократизации поэтического творчества, когда заказ дается Наркомпросом, НКПС, профсоюзом транспортников, профсоюзом деревообрабатывающей промышленности и проч. *(аплодисменты)*.

Это, разумеется, уже не искусство. Во всяком случае налицо гигантская опасность, что такого рода искусство перестанет быть искусством. Не на этих путях нужно идти вперед.

Повторяю еще раз. Я не отрицаю возможности и такого рода изображений, но это лишь подступы. Отсюда мы должны идти дальше. Мы должны показать через эти фигуры весь могучий расцвет идущей вперед нашей социалистической жизни. Мы должны показать все жизненное богатство, все конфликты, колебания, поражения, борьбу тенденций, а не просто дать элементарное изображение, похожее на бревно, в которое воткнут красный флаг. Долой бревно с красным флагом в области поэтического творчества! Нам нужно показывать всю борьбу тенденций, все многообразие жизни!

Никто не может объять необъятное. Люди подходят с разных сторон к проблеме, пока не найдут достаточно широких обобщений. Поэтому, мне кажется, нелепы «запретительные» меры. Если, например, концепция показа живого человека, которая у нас процветала, была чрезвычайно односторонней, то отсюда *вовсе не вытекает*, что этот показ в связи с изменением руководства на «критическом фронте» должен быть выкинут за борт и фактически запрещен *(аплодисменты)*.

Итак, *третий* вывод: *материалом поэтического творчества должно служить все многообразие нашей замечательной эпохи, со всеми ее противоречиями; единство должно дости-*

гаться точкой зрения, с какой обрабатывается поэтически этот материал, а не обеднением самого материала; эта точка зрения есть точка зрения победоносной борьбы пролетариата.

Раз это так, — а это безусловно так, — то ясно и решение дальнейшего вопроса, вопроса *о единстве и многообразии формы*. Общую проблематику формы и содержания мы уже разрешили в первой части нашего доклада, показав соотношение формы и содержания, их диалектическое единство — с одной стороны, их диалектическую противоположность — с другой. В данном случае речь идет о единстве и многообразии *формы*. Нетрудно видеть, что если нам необходимо многообразие поэтического материала, то — в силу связанности формы и содержания — тем самым необходимо и *многообразие поэтической формы*. Ритмика элегии и военной песни не может быть одной именно потому, что звуковая сторона образа есть в то же время его содержательно-эмоциональная сторона. Но если мы допускаем и считаем желательным величайшее *многообразие* поэтического материала и, следовательно, тем самым величайшее *многообразие* поэтической формы, то что же в таком случае является объединяющим, формообразующим моментом? В самом деле, если есть единство формы и содержания, то единству материала (*многообразному* единству) должно соответствовать и *единство формы* (многообразное единство). Ответ на этот вопрос гласит: *единство* этого многообразия дается *единством стиля или единством метода*.

Таким образом, мы делаем *четвертый* вывод: *формами поэтического творчества должны быть самые многообразные его формы, объединяемые единым большим стилем или методом социалистического реализма*.

Но здесь мы подходим как раз к проблеме социалистического реализма, которую необходимо разобрать особо и с несколько большей подробностью.

Прежде всего мы хотим поставить в данной связи вопрос о *методе* в поэтическом творчестве и *стиле*. Нам кажется, что по крайней мере в данной области они совпадают. Возьмем несколько примеров. Если в области логического мышления имеется, например, позитивизм *О. Конта*, то ему в искусстве соответствовал натурализм *Э. Золя*. Позитивизм *Конта* — это метод и, если хотите, научно-философская система в одно и то же время. Натурализм *Золя* был эстетической интерпретацией, переводом на язык искусства научно-философской методологии позитивизма. Для искусства это было и *метод*

(ибо в самом процессе творческой работы он давал ее ориентирующие регулятивные идеи) и *стиль*, ибо и в содержании, и в форме, и в целом, то есть в их единстве, этот метод, застывая, литературно *овеществляясь* в готовом произведении, превращался в содержательный формообразующий конструктивный принцип. В *готовом* произведении единство *метода* превращается в единство *стиля*. Поскольку поэт работает при помощи *определенного* метода, он соответственно подбирает материал (ибо он никогда не может охватить *всего* в точном смысле слова, он всегда все же «отбирает» и «выбирает»); он подбирает образы, слова, звуки, ритм, сливающиеся в одно поэтическое целое, — одно тянет за собой другое по очень сложным законам. Но когда произведение *готово*, то его конструктивные принципы — это «застывший» метод, или, другими словами, метод нашел свое инобытие в конструкции этого произведения. Если мы имеем теперь *ряд произведений*, объединенных общими конструктивными принципами, то есть определенное *течение* в искусстве, в данном случае в поэзии, то эти *наиболее общие* (мы подчеркиваем: *наиболее общие*, то есть далеко не все) конструктивные принципы характерны для всего этого течения: это и *есть стиль* в собственном смысле слова.

Мы привели пример с Золя. Можно привести в качестве примера наш, российский, *символизм*. Его философской основой, то есть общей мыслительной, интеллектуальной ориентацией, был своеобразный *мистический идеализм*, помесь Канта с Владимиром Соловьевым. В поэзии этому соответствовал *символизм*. Мистический идеализм искал потусторонней мистической сущности за миром явлений и за реальным миром вообще. *Символизм* как метод означал перевод этой регулятивной идеи в область поэзии. Это означало, что из действительности нужно было делать *знаки* потустороннего мира; это в свою очередь означало такой подбор образов, зрительных, музыкальных, такой подбор компонентов, логических и эмоциональных, который соответствовал бы этому методологическому требованию. Но раз такая работа проделана, раз на этой основе возникло поэтическое течение, метод оформился *как стиль* — возник символизм как литературное явление: поэзия символизма стала фактом.

Вернемся теперь к вопросу о *социалистическом реализме*. Философской предпосылкой социалистического реализма является *диалектический материализм*. С этой точки зрения социалистический реализм есть особый метод в искусстве,

соответствующий диалектическому материализму, перевод последнего в область искусства. (Из этого отнюдь не следует, что каждый хороший поэт должен предварительно стать хорошим философом, связь здесь посложнее, но это — особый вопрос). Что же это значит? Что такое социалистический реализм, каковы его особенности? Чем он отличается от реализма вообще?

В отличие от диалектического материализма в науке, *социалистический реализм* не может себе ставить задачи, вытекающие из самого существа различия между наукой и искусством. После анализа, данного нами в первой главе доклада, ясно, что, описывая природу например, социалистический реализм не ставит своей задачей мыслить ее *обязательно* в электронах, световых и тепловых волнах, лучах и т. д. в противоположность звукам, цветам и другим непосредственно чувственным моментам; он не может себе ставить задачей, изображая общество, оперировать категориями стоимости, базиса и надстройки и проч. Он оперирует чувственными образами прежде всего, и даже интеллектуальные моменты получают определенную эмоциональную окраску. Без этого нет искусства вообще и поэзии в частности. Но *реализм* вообще и *социалистический реализм* в частности как метод — враг всякой потусторонности, мистики, всякого инобытия идеализма. В этом его главный и определенный признак.

«Omnis determinatio est negatio» — «Всякое определение есть отрицание», — говорил старик *Спиноза. Отрицательное* определение реализма есть то, что он — не идеализм, не мистика. Но это отрицательное определение есть в то же время *и положительное* его определение. Это значит, что *материалом изображения* служат чувственная реальность и ее движение, а не фиктивные ее сублиматы, действительные чувства и страсти, действительная история, а не варианты «мирового духа» всех степеней. Соответственно этому и *формальные моменты* здесь будут иные, чем, скажем, у символизма: совокупность образов, словесная инструментовка будут служить отнюдь не принципу выявления потустороннего, а наиярчайшему воспроизводству действительности и реальных движений чувства. Из этого, однако, не следует, что реализм с точки зрения *формы* исключает метафоры, в том числе и олицетворение. Все, что усиливает чувственное воздействие, входит и может входить в состав поэтического словаря, ибо *осознается* как метафора. «И Терек, прыгая как львица» — не противоречит реализму, как не противоречит

реализму обратная метафора с перенесением на живое образа мертвого: «Он лежал как пласт».

Чем отличается *социалистический реализм* от *реализма* вообще? Он отличается прежде всего *материалом* искусства. Мы неоднократно имели случай указывать, что *единство* формы и содержания не исключает их *противоположности*. Еще *Тредиаковский* писал: «В Поэзии вообще две вещи надлежит примечать. Первое: материю, или дело, каковое Пиита предприемлет писать. Второе: версификацию, то есть способ сложения стихов».[31] *Социалистический* реализм отличается от просто реализма тем, что он в центре внимания неизбежно ставит изображение строительства социализма, борьбы пролетариата, нового человека и всех многосложнейших «связей и опосредствований» великого исторического процесса современности. Мы должны при этом все время помнить, что в поэтическом единстве соприсутствуют и интеллектуальные, и эмоциональные, и волевые моменты, образуя единую нераздельность. Известные направляющие оценочные моменты, классовый знак, целеустремленность есть наличный момент любого произведения, хотя бы и в очень тонкой и сублимированной форме. Точка зрения победы пролетариата есть, разумеется, конститутивный признак всего творчества социалистического реализма, его «общественный смысл».

Но является ли это отличие единственным? Или есть методические, а следовательно, и *стилевые* особенности социалистического реализма, отличающие его от реализма буржуазного?

Конечно, такие моменты есть.

Эти моменты ближайшим образом связаны с содержанием материала и целеустремлением волевого порядка, диктуемого классовой позицией пролетариата. В рождающемся социалистическом обществе постепенно сглаживается разница между физическим и умственным трудом; возникает новый тип человека, у которого интеллект и воля не раздвоены: он действительно познает мир, чтобы его изменять; созерцательность, простое изображение объективного, без выяснения тенденций движения, без ориентации на практическое изменение предметного мира здесь уходят в прошлое.

---

[31] «Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих знаний. Чрез Василия Тредиаковского, С. Петербургския Императорския Академии Наук Секретаря». Сб. мат. для ист. Имп. Ак. наук в XVII в., изд. А. Куник, часть I, СПБ. 1865.

Поэтому *социалистический реализм* не может стоять на точке зрения натурализма *Золя*, предлагавшего изображать действительность «telle, qu'elle est» («такой, какой она есть»), и только. Он не может также принять поэтому и другого его лозунга: «L'imagination n'a plus d'emploi» («Воображение более не нужно»). Социалистический реализм смеет и должен «мечтать», опираясь на реальные тенденции развития.

В связи с этим стоит и вопрос о *революционной романтике*. Если социалистический реализм отличается своей активностью, своей действенностью; если он дает не сухую фотографию процесса; если он весь мир страстей и борьбы проецирует в будущее; если он героическое начало возводит на трон истории, то революционная романтика есть его составная часть. Романтизм обычно противопоставлялся реализму. Это потому, что *романтизм* был в большинстве случаев связан с идеалистическим парением в метафизические измерения и «иные миры», и взволнованная эмоция «высокого и прекрасного» уводила за пределы предметного мира. Это было, во-первых, потому, что *реализм* выражал собою узкий и созерцательный так называемый «объективизм». Узкий — потому, что не выявлял тенденций, ведущих к будущему. Созерцательный — потому, что ограничивался констатацией сущего, хотя, конечно, и не «в чистом виде». В наших условиях *романтизм*, прежде всего связанный с *героикой*, ориентирован вовсе не на метафизическое небо, а на землю, во всех ее смыслах: на победу над врагом и на победу над природой. С другой стороны, *социалистический реализм* не есть простая констатация сущего, а, подхватывая нить развития в настоящем, он ведет ее в будущее, и ведет активно. Поэтому *противопоставление* романтизма социалистическому реализму лишено всякого смысла.

Старый реализм был до известной степени *антилиричен*, в то время как старая лирика была — тоже до известной степени — *антиреалистична*. Социалистический реализм не может не ориентировать на человека. В конечном счете социализм есть рождение новых человеческих квалификаций, обогащение духовного содержания, развитие многосторонности, ликвидация убогости людей, растерзанных на классы, узкие профессии, городских и деревенских жителей.

Здесь я должен сделать одно замечание. Я не знаю, может быть, его не уловили здесь товарищи на съезде. Это замечание относится к оглашенному здесь письму Андрэ Жида. По-моему, терминология, которую употребляет Анд-

рэ Жид, неправильна. Он говорит о коммунистическом индивидуализме. С моей точки зрения, коммунистический индивидуализм — это сапоги всмятку, это сухая вода, логическая бессмыслица. Но у Жида есть правильная мысль о показе личности. Он смешивает два понятия — рост личности с ростом индивидуализма, рост индивидуума с ростом индивидуализма, обогащение содержания личности с ростом того, что разгораживает человека от человека. Индивидуализм в своем развитии имеет тенденцию разгородить людей. Когда, скажем, декадентский поэт разговаривает с сапожником, то сапожник не понимает поэта, а поэт — сапожника. Это есть выражение глубочайшего разделения труда, индивидуализма капиталистического общества. А мы хотим, чтобы мы друг друга прекрасно понимали, но чтобы каждый из нас был не остолоп и не кастрат, а замечательный парень, который может все делать, все понимает и который может развиваться и дальше, развивая свое внутреннее сознание до бесконечности. Нет здесь границ, нет пределов между богатством растущих личностей и великолепным триумфальным шествием общего коллективного богатства коммунистического общества, богатства экономического, технического, культурного *(аплодисменты)*.

Поэтому весь мир эмоций этого рождающегося человека, вплоть до «новой эротики», если позволено будет так сказать, есть область социалистического искусства. *Лирика* не находится в конфликте с социалистическим реализмом, ибо это не антиреалистическая лирика, ищущая потустороннего мира, а поэтическое оформление душевных движений рождающегося социалистического человека. *Социалистический реализм не антилиричен.*

Здесь можно поставить еще один смежный вопрос: социалистический реализм не антилиричен, но он *антииндивидуалистичен*. Это не значит, что он не показывает личности и не растит ее. Социализм, как сказано, означает *расцвет* личности, обогащение ее содержания, рост ее самосознания как личности; рост *индивидуальности* вовсе не есть здесь рост *индивидуализма*, то есть того, что разъединяет людей. Наоборот, чувствование коллективной связи есть одна из важнейших черт социализма, и опоэтизированная форма этого неизбежно должна отразиться и на стилевых особенностях социалистического реализма. Таким образом, *социалистический реализм антииндивидуалистичен.*

Старому реализму в обычном смысле слова противоречит такой тип поэтического произведения, который дает эпоху

в ее наиболее общих и универсальных определениях, воплощая их в своеобразных конкретно-абстрактных образах, образах предельного обобщения и в то же время гигантского внутреннего богатства. Таков, например, «Фауст» *Гете*. Это по форме вовсе не изображение конкретного исторического процесса, а — борения человеческого духа. И в то же время «Фауст» — это философско-поэтическая концепция утверждающей себя буржуазной эпохи. Другого калибра аналогичный тип поэзии мы имеем, например, в «Зорях» Э. Верхарна, в которых дан «символический» город «Oppidomagne», где разыгрывается социалистическая революция. Нам кажется, что такого типа поэзия, как «Фауст», с иным содержанием и, следовательно, и иной формой, но с сохранением предельности обобщения, безусловно *входит* в состав социалистического реализма, образуя самую монументальную форму поэтического творчества социализма.

Таковы основные *особенности* социалистического реализма в его основных чертах. Следовательно, мы здесь делаем *пятый вывод*, а именно: *социалистический реализм есть метод поэтического творчества и стиль социалистической поэзии, изображающий действительный мир и мир человеческих чувств, стиль, отличающийся от буржуазного реализма и по содержанию объектов поэтического изображения, и по своим стилевым особенностям.*

Теперь необходимо несколько вернуться назад. Мы видели выше, что *материалом* поэтического творчества должно быть все многообразие эпохи, где единство дается точкой зрения социализма. Мы видели, что *формами* поэтического творчества могут быть самые разнообразные формы, где единство дается единым стилем. Здесь мы можем сделать заключение, что этот *стиль* образует с *материалом* неразрывное *единство*. Так рождается поэзия социалистического реализма.

Мы видели, что развитие нашей поэзии предполагает *огромное повышение нашей поэтической культуры вообще*. Нужно сказать прямо: наша поэзия иногда — и как раз у людей, идеологически наиболее нам близких, — элементарна. Между тем одним из признаков значительного произведения является богатство ассоциаций и чувств, мыслей и намеков, которые оно будит. Если вы сравните целый ряд произведений наших поэтов с тем же *Верхарном*, вы увидите, сколько у последнего мыслей, часто даже философских, сколько проблем, сравнений, образов, сколько культуры. А ведь у нас нередко рифмованный лозунг принимается за

поэзию. Могут сослаться на *Маяковского*. Но печать времени в известной мере лежит и на нем: ибо жизнь усложнилась до чрезвычайности, и нужно идти вперед. Культура, культура и еще раз культура! Пора решительно кончать с групповой свистопляской и богемщиной. Нужно помнить, что действительные великие мастера, даже люди «легкого дыхания», как *Пушкин*, наш замечательный гений, «беспечный» и «легкомысленный», был тружеником, эрудитом и стоял на самой вершине современной ему культуры. Нелепо от всех поэтов требовать, чтобы они были обязательно отличными философами и критиками. Не случайно одни делаются философами, а другие поэтами. Последние работы *академика Павлова* объясняют физиологическую сторону этого явления. Но из этого не следует, что нужно отмести требование решительного по всему фронту подъема общей *культуры поэтов и культуры поэтической*. На теперешних уровнях оставаться нельзя. А те, кто хочет создать *на деле* «Магнитострои литературы», те, вооружившись целомудренным отношением к искусству, должны сделать все, чтобы быть хозяевами во всех кладовых мировой культуры.

Хочу сделать еще одно замечание. Мне неоднократно приходилось встречаться с жалобами поэтов и вообще литераторов на то, что им кто-то не дает «развернуться» и прочее. Я считаю это совершенно нелепым, потому что никто, никогда, ни при каких условиях никому не помешает, скажем, изучать языки, которых наши поэты почти не знают; изучать иностранную литературу и литературу национальностей, живущих у нас, которой наши поэты почти не знают; знать нашу жизнь, и не только нашу, но и западно-европейскую, так, как ее нужно знать. И если мы берем для примера таких людей, как Александр Сергеевич Пушкин, так ведь каждый из нас знает, что уже в 14 лет он показал исключительную эрудицию, знание современной иностранной и русской жизни. А у нас, товарищи, этого с гулькин нос! *(Смех, аплодисменты)*. С этим нужно кончить! Поэтому прошу вас, товарищи, не обижаться на кое-какие горькие слова, которые я вам здесь говорю. Давайте вместе с вами будем не только проникаться пафосом величайшей в истории человечества эпохи, но сделаем для себя из этого вывод: мы должны идти к литературе большой, к литературе громадной, литературе, мощной по своему содержанию. К литературе действенной, к литературе, которая и по своему *мастерству* будет стоять великим горным хребтом в истории человечества и в истории искусства!

Я кончаю свой доклад лозунгом: нужно дерзать, товарищи!

(Бурные аплодисменты всего зала, переходящие в овацию. Крики «ура». Весь зал встает).

Заседание закрывается.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Товарищи! Как я и ожидал, на съезде был сделан целый ряд ожесточенных нападок на мой доклад.

Я должен заранее извиниться перед товарищами, которым я буду со своей стороны возражать в своем заключительном слове, ибо я буду отбиваться по всем правилам искусства.

Должен заранее, однако, оговориться, что, к сожалению, ценность направленных против меня аргументов — и общекультурная, и специфическая — не представляется мне особенно высокой *(аплодисменты)*.

Необходимо прежде всего сделать ряд предварительных замечаний.

Мне приходится крайне сожалеть о том, что в дискуссии оппонентами почти ничего не было сказано по *большим принципиальным вопросам*, затронутым в докладе. Я дал определенное понимание *поэзии* и ее специфических черт; я поставил во всю широту *проблему мастерства;* в докладе имеется целая глава о *социалистическом реализме*. И т. д. Но — увы! — по этим вопросам товарищи оппоненты практиковали так называемую «фигуру умолчания». Об этом говорили как раз те, кто выражал полное согласие с моим докладом: чешский т. *Незвал*, словацкий т. *Новомеский*, грузинский т. *Сандро Эули*, который от имени всей делегации заявил о полной солидарности с докладом. Все это, вероятно, потому, что мне «неприятен интернационализм», как выразился т. *Кирсанов (смех)*.

Единственным товарищем из оппонентов, который здесь выступил по принципиальным вопросам, явился как раз наиболее культурно выступавший т. *Асеев (аплодисменты)*, которому я должен выразить мою большую благодарность за то, что он помог поднять прения на известную высоту, после того как они многочисленными вульгаризмами были уронены на вчерашнем вечернем заседании *(аплодисменты)*.

Однако я никак не могу согласиться с возражениями т. *Асеева*. *Во-первых*, я не могу принять упрека в том, что я в поэзии вижу только эмоции. Наоборот, я подчеркиваю *единство* эмоций и интеллекта, но одновременно и их диалектическую *противоположность*. Высшим типом поэзии (допролетарской) я назвал в докладе «Фауста», то есть поэтическую философскую энциклопедию своего времени. *Во-вторых*, т. *Асеев* напрасно хочет мне приписать как будто ту мысль, что я «отмахиваюсь» от проблем анализа формальных моментов искусства. Наоборот, я, строго различая *формализм и анализ формальных моментов*, утверждаю необходимость последнего. Школа академика Марра дает историко-социологическую трактовку языка. Но я в своем докладе ведь останавливался на социологической трактовке слова.

Перехожу теперь к оппонентам, особенно горячо на меня нападавшим. Сперва несколько слов для характеристики их «en bloc».

Тов. *Бедный* очень хорошо обмолвился, что он выступает в ряду «единомышленников» «единого фронта». Состав этого фронта весьма разнороден: тут есть *Демьян Бедный*, по существу дела отнюдь не являющийся ни восторженным, ни просто поклонником *Маяковского (смех, аплодисменты)*; тут есть «бедные родственники» *Маяковского*, которые прикрываются его именем, не понимая его существа *(смех, аплодисменты)*; тут есть т. *Сурков*, который говорил об «огромном таланте» Пастернака, и тут же есть тот же Демьян Бедный, по которому Пастернак — «симпатичнейшая личность» и непонятный никому «кузнечик» советской поэзии *(смех, аплодисменты)*; тут есть и т. *Безыменский*.

Таким образом, «единство» оппонентов заключается только в одном — в единстве беспринципного блока: это есть единство «фракции обиженных» *(аплодисменты)*.

Между прочим, некоторые держали в секрете, что они — представители «фракции обиженных», но т. *Демьян Бедный* по свойственной ему открытой русской натуре — он же, как известно, представился нам Ильей Муромцем! — прямо сказал в своей вчерашней, как он говорил, «живой речи», что его обидели. Его обидел Бухарин. Он, Илья Муромец, богатырь, которого князь Красное Солнышко обнес чашей, очевидно, «чашей славы», «чашей» в поэтическом смысле слова, метафорической чашей *(аплодисменты)*.

Но дело заключается в том, что обида, вообще говоря, это — очень плохой советчик. Здесь «эмоция» находится в большом конфликте с ясностью мысли.

Застрельщиком «фракции обиженных» выступил т. *Сурков (Сурков:* мне обижаться абсолютно не на что). Некоторых ничем не проймешь, это известно *(аплодисменты).*

Когда в начале моего доклада вся аудитория чрезмерно, не по заслугам мне аплодировала, я заявил, что отношу эти аплодисменты к партии, которая поручила мне читать здесь доклад. Но т. Сурков начал поучать: здесь, мол, партия не при чем. У меня, однако, другая информация. Основы доклада соответственными инстанциями рассматривались и утверждались. В этом — одна из функций партийного руководства.

Между тем у т. Суркова есть, мне кажется, одна вредная политическая мысль. Он говорил: «Партия здесь не при чем, это — оргкомитет». Но разве оргкомитет не руководится партией?

Здесь, следовательно, есть мысль об отрыве писательской организации от партийного руководства. А я утверждаю, что никакому товарищу Суркову не удастся оторвать наших писателей от партийного руководства *(продолжительные аплодисменты).*

Дальше у т. Суркова начинается квазилогический разбор того, что я говорил. Тов. Сурков делает мне упреки, будто я запутался в тисках противоречий: сперва-де указал, что в поэзии у нас кое-что есть, а потом сказал, что поэзия отстает. Аргумент несостоятельный. По сравнению с *прошлым* нашей революционной поэзии у нас сделано много. По сравнению с *потребностями* гигантски растущей жизни, по сравнению с грандиозными *задачами эпохи* мы отстаем. Вот и все.

Тов. Сурков упрекает меня в том, что я втискиваю развитие нашей поэзии в принудительную гегелевскую схему, и приводит факты, нарушающие «чистоту» схемы. Но ведь все это у меня заранее оговорено, заранее было указано на слабость этого аргумента. Но, вероятно, именно поэтому его и вытащил т. Сурков *(смех, аплодисменты).*

Тов. Сурков говорит: «Н. И. отметает социально-классовый анализ». Это уже ультрасерьезное обвинение, но откуда он это все выдумал? Где это у меня написано? Где он вычитал? Где он услышал? Где прочел? Всякий беспристрастный человек видел, что я рассматриваю не только поэзию как продукт общества и классовой борьбы, но даже самое *слово* считаю необходимым трактовать с этой же точки зрения.

Быть может, позволено будет сказать, что я не дал социально-классового анализа отдельных поэтов? Но и это не

так. Стоит только пробежать те характеристики, которые содержатся в моем докладе. Разве ничего не сказано о социальном генезисе *Блока*, о помещичьей усадьбе, о культурно-идеологических классовых истоках его поэзии, о той социальной лигатуре, которая определяет его социальную физиономию? Разве не сказано ничего о *Есенине* как идеологе кулачества? Разве старый *Брюсов* не определен как певец «радикальной» промышленной буржуазии? Разве не дан генезис *Маяковского?* Разве не определена социальная позиция *Пастернака?* И т. д. и т. п. Мне кажется, что было бы во много раз лучше, если бы т. Сурков внимательно прочитал или хотя бы прослушал мой доклад.

Но — увы! Тов. Сурков не ограничивается этим. Он выставляет против меня еще горшее обвинение: Бухарин-де ликвидировал пролетарскую поэзию. Я ее «ликвидировал», очевидно, потому, что не сказал: «Безыменский — Шекспир, Жаров — Гете, Светлов — Гейне». Но я и не хочу этого говорить! *(Аплодисменты).* Из того, что наша пролетарская поэзия еще не достигла высот, на которых стояли гении типа Шекспира или Гете, отнюдь не следует, что пролетарской поэзии нет или что она — quantité négligeable, ничтожная величина. В докладе своем я дал оценку *Д. Бедного* как поэта, занимающего *исключительную* позицию, творящего для миллионов, сделавшего вещи с образами «потрясающей силы». Я говорил о *Безыменском* как о популярнейшем поэте молодежи. Но я одновременно указывал на то, что нужно учитывать всю сложность теперешней жизни, огромный рост культуры, необходимость большего разнообразия поэтического ассортимента и повышения его качества. Если немного забежать вперед и перескочить к *Д. Бедному*, то можно взять один его образ. Он сказал, что творит для масс — на ширпотреб, а я — как гурман — предлагаю поставить на пьедестал деятелей торгсина. Так вот: разница между нами в том, что я хочу, чтобы в ширпотребе было поменьше брака, а качество всего ширпотреба не уступало бы качеству товаров из торгсина.

Таким образом, у меня налицо попытка ликвидировать *недостатки* современной пролетарской поэзии *(аплодисменты).* Но нельзя смешивать *поэзию с ее недостатками (аплодисменты).*

Тов. *Сурков* обвинил меня еще в одном смертном грехе— *в отсутствии перспективы.* Этого упрека я никак не могу принять. Ведь сам оппонент говорил о моей периодизации. Следовательно, он хоть это уловил из моего доклада. Но в озна-

ченной периодизации как раз и включена перспектива — развитие в сторону синтетического большого искусства; кроме того, вся последняя глава — о социалистическом реализме — говорит о перспективе. Здесь мне остается лишь пожать плечами.

Тов. *Сурков* обвиняет меня далее в том, что я на *«вершинах советской поэзии»* вижу *Пастернака* и *Сельвинского* (о *Тихонове* он почему-то не упомянул). Следовательно, (молчаливое заключение): *пролетарскую* поэзию Бухарин «ликвидирует», а в то же время непролетарскую возводит на пьедестал. Давайте объяснимся здесь. Как я «ликвидирую» пролетарскую поэзию — мы видели выше. Мы видели, что я ликвидирую *комчванство* в поэзии. А теперь насчет «вершин». В поэтическом произведении, как мы знаем, форма и содержание едины, но это единство — *противоречиво*. Поэтому «содержание» может быть хорошим, форма — плохой, и наоборот. Так вот: безусловно, пролетарские поэты гораздо глубже и интимнее проникают в сущность эпохи, борьбы, строительства, героики наших дней. Но это вовсе не означает, что *тем самым* они стоят *по мастерству* выше, скажем, Пушкина, хотя, как известно, он — отнюдь не пролетарский поэт. Неверно, что я *всех* пролетарских поэтов считаю ниже по мастерству, чем Сельвинского, Тихонова и т. д. *Д. Бедного*, например, я анализировал в числе пяти наиболее крупных поэтов-мастеров страны. Я ставлю, например, Пастернака как мастера очень высоко, но при этом даю развернутую его *критику*. Здесь *Сурков* говорил о Пастернаке, что у него *«огромный талант»*. Следовательно, по этому пункту спора нет. В чем же дело? *Сурков* говорит: нужно было сказать о другом видении мира. Верно. Но у меня по этому поводу *очень* остро сказано: сказано, что у Пастернака в корне неверная оценка поэзии, что он не чувствует эпохи, что он *наименее* актуален, что он живет в суженном кругу эгоцентрических переживаний и т. д. *Сурков* говорит еще: нужно было указать, что круг его читателей сужен. Merci! Но ведь и это у меня есть: что же значат мои слова о том, что это — интеллигентский поэт? Что означают мои слова об эгоцентризме Пастернака? И т. д. Следовательно, я-то подошел к Пастернаку со всех сторон, и у т. *Суркова* не осталось аргументов. Он должен выдумывать то, чего не было, чтобы иметь возможность говорить. Тов. *Сурков* заявляет: «Я десять лет был пропагандистом и агитатором и поэтому приучился последовательно и точно мыслить и договаривать все». И тут же чрезвычайно «последовательно» сказал, что у

него выпал «*основной* вопрос», очевидно, потому, что он хорошо научился мыслить и договаривать *(смех)*.

А засим он снова скакнул ко мне, набросившись на «щебечущих лирических птичек». Но что вы хотите этим сказать? Что лирика вообще не нужна? Тогда вы возвращаетесь на позиции покойной РАПП, да еще наиболее «скверной манеры», как говорят живописцы. Или мне бросается здесь обвинение в том, что я хочу дать «чистой лирике» главное место? Но это — вопиющая неправда, ибо все видели, что я защищал монументальное искусство, искусство широчайшего историко-философского диапазона, как главный и наиболее ценный его вид. Если *это* т. *Сурков* называет «лирической птичкой», то, очевидно, он недостаточно осведомлен ни в поэзии, ни в зоологии, и нужно ему поучиться и той и другой отрасли «духовной культуры» *(аплодисменты)*. Таковы аргументы т. *Суркова*.

Перехожу теперь к другому выступавшему здесь товарищу, *Кирсанову*. Он начал с очень революционных нот: «Мы должны быть против ярлычков» и цитировал по этому поводу Маяковского. Здесь всегда бывает так, что аплодируют Маяковскому, а говорящий думает, что аплодируют ему *(смех; аплодисменты)*.

Так вот, он говорил против ярлычков. Здесь я «целиком и полностью» с ним согласен. Но вряд ли можно обойтись без *оценок*. Наклеивание ярлычков и оценки вообще — это не одно и то же. Иначе была бы невозможна критика. Тов. *Кирсанов* обижается на меня за то, что, на мой взгляд, некоторым товарищам поэтам грозит опасность устареть. Но что же поделать? Я не мог не давать оценок и отдельных поэтов. Мне неизвестна литература без литературных произведений, и мне неведомы литературные произведения без литераторов, стихи — без поэтов. Разумеется, тут нельзя давать общеобязательных директив, и я всемерно поддерживаю этот последний тезис. Но из этого отнюдь не вытекает отрицание всякой «оценочной» работы, то есть *критики*. Конечно, все это сопряжено с риском кого-либо обидеть и кого-либо перехвалить. Но и это не есть аргумент против оценок. Для «спокойствия» можно ни о ком не говорить. Но такое «рассуждательство вообще» никак не мирится с духом марксизма, который требует *конкретности*. Таков мой ответ на тему об оценках.

Если, вообще говоря, давать общую характеристику речи т. *Кирсанова*, то, — да простит мне мой дорогой коллега по съезду, — она базируется на целой *системе* приписывания

мне высказываний, выдуманных самим т. *Кирсановым (аплодисменты)*.

Обвинение первое: *«Попытка Бухарина увести поэзию с боевых позиций участия в классовой борьбе, отвести в глубокий тыл»*. Под тылом разумеется, очевидно, «чистая лирика», поэтическое наследство Фета. Но ведь у меня установка на фундаментальную синтетическую поэзию, на социалистического «Фауста», на героику эпохи. Значит, т. *Кирсанов* здесь так же выдумывает, как и т. *Сурков*. Интересно то, что, например, словацкий поэт т. *Новомеский* говорил здесь: «Мы высоко ценим слова т. *Бухарина* о поэзии, которые знаменуют эпоху... мы ценим в этих словах грандиозность требований широты путей художественного поэтического творчества, проистекающих из идеи революционности». А т. *Кирсанов* говорит «об уводе в глубокий тыл!» Должна же быть «мера вещей» какая-нибудь!

Второе. Я закончил свой доклад лозунгом: «Нужно дерзать!» Весь съезд, все кулуары бешено аплодировали этому лозунгу, — очевидно, потому, что они поняли его так, как нужно понять, как это вытекало из всего доклада. Этим возгласом я воскликнул: *«Давайте всю огромнейшую эпоху в ее наиболее основных чертах претворять в наше все более высокое по своему мастерству искусство!»*

А *Кирсанов* говорит: «Если дерзать, это, по Бухарину, значит ставить *лепные балкончики* на огромном здании нашего искусства». Это поистине прелестно! Но не думайте, что разгоряченная фантазия т. *Кирсанова* на этом успокоилась. «Чем дальше в лес, тем больше дров». Ибо дальше *Кирсанов* развивает совершенно аналогичные фантастические идеи. Он прямо говорит: «Выходит, по Бухарину, что если страна спасла челюскинцев, то *ты не высказывай свою радость*, покопайся в себе, нет ли в тебе сукиного сына». Где я говорил такие пошлости? Где я давал т. *Кирсанову* такие странные советы? *(Аплодисменты.)* Просто непонятна эта ультрастранная аргументация. Даже в бреду я не мог бы себе представить, что найдется товарищ, который мне сделает упрек, будто я запрещаю радоваться по поводу спасения челюскинцев!

Кирсанов говорит далее, что Бухарину *«неприятен интернационализм» «Гренады»*. «Отводит поэзию в глубокий тыл», уводит от борьбы, лепит балкончики и т. д. Разумеется, как же ему быть интернационалистом! В чем здесь дело?

У меня в докладе сказано о «Гренаде»: пьеса с *несколько искусственным сюжетом*. Почему? Потому, что там *крестья-*

нин идет в революцию для того, чтобы отдать землю *испанским* крестьянам. Я думаю, что это — «крестьянский уклон». Ибо такой крестьянин не типичен. Все ведь клянутся Энгельсом, что нужно изображать типичные лица в типичных соотношениях. Здесь у т. Светлова нет ни того, ни другого. Поэтому я говорил о «некоторой искусственности».

А отсюда т. *Кирсанов* сделал вывод, что мне «неприятен интернационализм»! Это — очень странная игра! *(Смех.)*

Тов. *Кирсанов* говорит дальше: «Культурное наследие мы должны усваивать, но не так, как говорит Бухарин. Он говорит, что мы должны усвоить культурное наследство и внести «некоторые» новые методы. Если мы будем исходить из такого *крохоборчества*, то...» и т. д.

Я опять ссылаюсь на свою главу о соцреализме. Если, по мнению т. *Кирсанова*, соцреализм — это стиль крохоборчества, то пусть он так и скажет.

Может быть, он скажет, что я не защищал социалистического реализма? Но доказать ему это никак не удастся: все напечатано. Что же остается?

В выступлении Кирсанова, что ни слово, то перл. Это кладезь премудрости с отрицательным знаком, логическим, моральным и культурным *(аплодисменты)*.

Тов. *Жаров* — «делегат небесного ЦК». В его выступлении была одна мысль, что он является чуть ли не единственным представителем искусства, которое понятно, а все прочие — «гурманы». Что нужно быть понятным массам — это верно. Но верно и то, что наши массы уже переваривают не только «простую пищу». Массы зачастую теперь *сложнее* думают, чем активисты поэтического творчества. Вот этой «особенности момента» не замечает и т. *Жаров*, который смешивает усложнение и обогащение жизни масс с извращенными и гнилыми настроениями отбросов буржуазной цивилизации.

Я должен сказать, что т. *Жаров* занимает свое определенное место в поэзии. Это — поэт с тяготением к эстраде. Это — род поэзии, который тоже имеет свое место и смысл. Сделать из него крупнейшего представителя пролетарской поэзии я не мог.

Тов. *Безыменский* очень скупо сказал, что теоретически я неправ, сводя поэзию к одним эмоциям. Это «возражение» покоится на выдуманном «факте»; выше я на него ответил, полемизируя с т. Асеевым. Поэтому, когда т. *Безыменский* выходит на трибуну и доказывает, что коммунисты «обладают научным мышлением, а не только эмоцией», то я могу лишь удивляться проницательности т. *Безыменского*, на-

глядно опровергающего лозунг старого римского поэта «Nil admirari» («Ничему не следует удивляться»).

Безыменский продолжает: «С почтением Бухарин говорил только о нутре Васильева. Это просто невозможно». Простите, я говорил «о собственническом свинстве» Васильева. Как будто это — малопочтительная характеристика, по крайней мере с моей точки зрения.

Тов. *Безыменский* повторяет далее почти слово в слово придуманные фантастические утверждения своих коллег по «единому фронту» обиженных. Я, мол, написал о Пастернаке только лирическую рецензию без указаний на узость горизонта и т. д. Методика у т. *Безыменского* та же, что у Кирсанова: с упорством говорить, что у меня нет того, что на самом деле есть, и есть то, чего на самом деле нет. Хотя бы фокусник был хороший, а то вся аппаратура ведь торчит из-под полы. Что это за искусство? *(Аплодисменты.)*

«Наиболее близких нам людей Бухарин огульно обвиняет в элементарности». Вовсе не обвиняю, ибо это — не вина, а беда. Вовсе не огульно. И вовсе не так стоит у меня вопрос, как то изображает т. *Безыменский.*

Что констатировал съезд? Что проза наша *отстает* от жизни, она *мала* по сравнению с ней. А разве мы не знаем, то *поэзия* у нас наиболее *слабый* участок литературно-художественного фронта? Откуда лозунг *«учиться»*, о чем столь громко говорит *Сталин?* Откуда разговоры об отставании? Верно ли требование монументального искусства? Верно ли, что читатель нередко *перегоняет* писателя? Все это вопросы, над которыми т. *Безыменский* не хочет вовсе думать. А в этом — все. Здесь корни тех постановок вопроса, которые я защищаю.

На меня несколько товарищей набросилось, что я якобы топлю начисто *Маяковского* за его «агитки». Извините, я очень *высоко* ставлю *Маяковского,* и у меня есть формула, что он стал «классиком советской поэзии»; но отсюда не следует, что нужно фетишизировать даже такого крупного человека, как Маяковский; вы ведь идолопоклонники и фетишисты, если не понимаете, что *жизнь движется вперед.* Я вовсе не против агитки вообще, вовсе не против тенденциозной, в хорошем смысле этого слова, поэзии. Было бы нелепым это предполагать. Я говорил, что сама *агитация* теперь должна быть другой, что понятие *актуальности* изменилось, что простой пересказ в стихах передовиц и дробных оперативных лозунгов никого не удовлетворяет, что нужно идти к синтезу, могучему, богатому и многообразному

искусству. Вот в чем вопрос. Когда *Безыменский* говорит, что он против переложения передовиц в стихи, — это пункт очень важный, — здесь я соглашаюсь с Безыменским. Но я решаюсь добавить, что Безыменский должен применить эту директиву и к себе самому.

Теперь два слова относительно *Д. Бедного.* Демьян Бедный в своей речи заявил, что он выступает с этой эстрады для того, чтобы доказать, что он не покойник. Это я, видите ли, произвел его в покойники. Уверяю вас, что у меня таких кровожадных намерений отнюдь не было. Опять-таки *Д. Бедный,* как и прочие его единомышленники по единому фронту фракции обиженных, проглядел, что было сказано в моем докладе. А там было сказано: *именно потому,* что это — живой поэт, и перед ним трепещет жизнь всеми цветами радуги, всеми красками, именно *поэтому* я считаю своим долгом указать на некоторые опасности. Только и всего. *Демьян* выходит и говорит: «Я — Илья Муромец». Хорош Илья Муромец, который после одного маленького критического замечания, робкого указания на опасность превращается в покойника *(смех; аплодисменты).*

Демьян Бедный говорил: «Доклад Бухарина — доклад короткого дыхания», я-де не упомянул о Пушкине и Некрасове. Оставив в стороне Пушкина, о котором я как раз говорил, должен ответить, что и Демьян «не заприметил» «слона» в моем докладе. Я все время стремился доказать, что теперешнему поэтическому творчеству нужно придать больший размах, бóльшие охваты материала *и во времени и в пространстве.* Я выдвинул формулу, что наше поэтическое творчество еще, к сожалению, провинциально. Я усиленно подчеркивал мысль, что мы должны быть наследниками *действительно всей* культуры. Я написал специальный раздел об «исторической вышке». Но что поделаешь, если индивидуалистическое самолюбование застилает глаза и уши туманом?

Насчет устарелости. Демьян не захотел обсуждать проблемы. Он рассказал и подозрительный анекдот о царском генерале, обнаружив при этом необычайную осведомленность в специфическом разделе медицины, но настоящих аргументов я мало слышал: были бои, были «бивни», был «богатырь», был «Илья Муромец». Но даже этой *живостью* речи Демьян Бедный показал, что и здесь он отстает от жизни. Какие *образы* он брал? Он говорил, что поэзия должна быть *боевой.* А какой образ он дал в своей речи? Образ полной, розовотелой женщины à la Кустодиев, образ молодой купчихи, у которой «трогают интимно-лирические места».

Это — не Барбье, не Делакруа. Это — много «самобытнее» и неизмеримо провинциальнее, совсем под стать анекдоту о царском генерале. Или образ звонка, который когда-то ему позвонит, когда будет бой: «Выходи, мол». Но он позвонит при одном условии: если *Демьян Бедный* по-прежнему будет писать хорошие стихи *(аплодисменты)*.

Или образ мощи и силы, которую представляет собой Демьян Бедный в его представлении. Это — либо Илья Муромец, образ феодальный, либо «бивни», собственники коих по тактике *современной* войны могут служить лишь мишенью *(смех)*.

В *современном* бою нужны скорострельные пушки, авиационная техника, а отнюдь не «бивни» *(смех; аплодисменты)*.

Он говорит: «Ты выводишь нас преждевременно в расход». Нет, товарищи! Но я хочу, чтобы Демьян Бедный снова выступил на широкую арену могучего творчества, как раньше, а не ютился где-нибудь в «Пищевой индустрии» *(аплодисменты)*.

Подытоживая прения, я хочу сказать, что черта действительных разногласий проходит так: я настаиваю на необходимости повышать изо всех сил *качество* поэтической продукции, охватывая гигантскую тематику и совершенствуя форму; отсюда лозунги; *учиться* и *дерзать*, а мои оппоненты, стремясь представить меня ликвидатором пролетарской поэзии, почиют на лаврах, отстают и, считая себя чуть ли не гениями, не особенно восхищены проблемой сурового и напряженного *труда*. Ни на одном фронте нашей культуры не силен так индивидуализм, остатки обломовщины, перерастающей нередко в комчванство. Боязнь новых задач, успокоенность — вот что характерно здесь. Я не могу не упомянуть слов грузинского товарища *Сандро Эули*, который говорил:

«Никаких вельмож и честных болтунов мы не должны терпеть в советской литературе. Доклад т. *Бухарина* зовет на новую, высшую ступень, и я, представляя мнение грузинской делегации, выражаю полную солидарность с этим докладом».

Таково было мое действительное намерение, и я крайне рад, что как раз та национальная делегация, которая сделала самый интересный и содержательный доклад, солидаризировалась с моими выводами. Давайте дружно работать над созданием великой поэзии социализма, и не сетуйте на меня, если я действовал здесь оружием острого слова и логики *(бурные аплодисменты)*.

II

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА

Прежде всего, поскольку мы говорим о задачах производственной пропаганды, нужно это задание дополнить и производственной агитацией. Нужно говорить не только о производственной пропаганде, но и о производственной агитации. Не приходится долго распространяться по этому поводу. Эта задача сейчас встала перед нами в громаднейшем масштабе, что объясняется текущим моментом и тем, что наше правительство должно повернуть руль в сторону хозяйственной политики и хозяйственного строительства.

Само собой разумеется, что успех нашей работы в значительной степени должен быть обусловлен одним обстоятельством: насколько сознательно партийные товарищи относятся к этому вопросу. Надо сказать, что до сих пор партия этому вопросу уделяла чрезвычайно мало внимания и специализировалась, главным образом, на других вопросах, между тем вопрос о производственной пропаганде и агитации зависит от того, насколько вся партия целиком проникается сознанием необходимости повернуть руль в сторону этой пропаганды и агитации.

Первый вопрос — это вопрос о содержании производственной пропаганды и агитации. Я здесь намечу несколько отдельных рубрик, из которых каждая посвящается выяснению вопроса о различных стадиях нашего хозяйственного развития. Первая стадия — это стадия, которую можно назвать борьбой за территорию Советской Республики, затем стадия заготовки дровяного топлива, затем стадия заготовки сырья, хлеба и нефти и, наконец, последняя стадия, в которую мы теперь вступаем, это стадия восстановления нашей промышленности.

Второй вопрос, который стоит в связи с первым, это есть ознакомление широких кругов рабочих масс с состоянием

нашего хозяйства. У нас в этом отношении чрезвычайно мало или почти совсем нет никакой литературы, а тем не менее это деловое представление о нашем экономическом положении является одним из существеннейших элементов для повышения производительности труда в Советской Республике.

Затем необходимо остановиться на вопросе о завоеваниях нашей Коммунистической партии. Я лично думаю, что исходным пунктом для нашей производственной пропаганды и агитации нужно взять преодоление нами свободной торговли. Некоторое время тому назад ни на одном из собраний, ни на одном из митингов рабочих не было ни одного случая, чтобы выступавшие товарищи не получали массы записок по продовольственному вопросу, точно так же, как по вопросу о свободной торговле. Это были боевые вопросы, которые поддерживались значительной частью голодных и изверившихся рабочих. Теперь всякий из вас знает, что на рабочих собраниях в Москве подобных записок почти не получается. Если взять причину этого явления, то оно очень несложно: сейчас более или менее регулярно выдается паек. То обстоятельство, что паек выдается регулярно и что на собраниях не подаются записки по продовольственному вопросу и по вопросу о свободной торговле, это обстоятельство является принципиальным сдвигом в массовой психологии рабочего класса. Это сознание и нужно сделать исходным пунктом для демонстрации наших коммунистических методов.

Мы должны поставить дело таким образом: что было бы, если бы мы в продовольственном вопросе сдали нашу позицию под напором части голодных, изверившихся рабочих? Мы бы не смогли тогда накормить никого, мы бы отказались от завоеваний Октябрьской революции. Сейчас мы преодолели все затруднения, паек сейчас выдается регулярно, и этим мы доказали на опыте, что метод, применяемый нами, оказался лучшим при данных условиях; тем самым мы можем доказать преимущество общей работы на общий котел; в любой из областей нашей жизни мы можем показать преимущество наших методов в противоположность методам частной инициативы, свободной торговли, купечества, кулачества и инициативы фабрикантов и спекулянтов.

Следующим вопросом является вопрос о едином хозяйственном плане. Этот вопрос связан, конечно, с работой наших общих экономических учреждений. Вопрос этот сейчас дебатируется, но до сих пор не нашел своего разрешения; поэтому чрезвычайно трудно вести пропаганду по этому вопросу,

если наши экономические органы не дадут плана. Мне представляется, что в этом пункте нужно особенно важное место отвести вопросу о связи города с деревней, т. е. единый хозяйственный план нужно рассматривать не только с точки зрения промышленности, но и с точки зрения всего народного хозяйства, с точки зрения соотношений между городом и деревней. Это тем более необходимо, что мы не должны ограничиваться индустриальным производством, но мы должны распространить работу и на деревню, захватив в сферу агитации широкие круги крестьянства.

Дальше надо поставить отдельно вопрос о значении и о роли отдельных хозяйственных районов в зависимости от того, в какой сфере вы эту пропаганду ведете, потом, спускаясь еще ниже, нужно разрешить вопрос о роли отдельных предприятий, т. е. рудников, фабрик и т. д., и наконец, последний вопрос — это вопрос о технической рационализации производства, куда я включаю целый ряд вещей, например вопросы о нормализации производства, тейлоризации, — словом, вопрос о технической рационализации производственного процесса. Так мне представляется в общем и целом этот вопрос.

Теперь я перехожу к формам производственной пропаганды и агитации. Само собой разумеется, что то самое, что мы делаем по отношению к политической агитации и пропаганде, например, собрания, митинги, брошюры, газеты, должны применяться и здесь; разница заключается в том, что мы эти аппараты используем для других задач, что будет новое содержание; мы уже не будем говорить об Антанте и пролетарской революции, а центром нашего внимания будут вопросы организационные, экономические и технические. Здесь нам предстоит колоссальная работа, потому что здесь нужно произвести настоящую революцию во всех областях, начиная с хозяйства. Наши руководящие газеты должны иметь другой тон; три четверти своего содержания, которое они уделяли внешней политике, они должны отвести теперь вопросам экономическим и вопросам производственной пропаганды; меньшую часть они должны оставить для информации, оставить на политику в собственном смысле этого слова. Эта задача будет чрезвычайно трудная, потому что кадр литераторов, который подобрался, в значительной степени привык к иным вещам. Само собой разумеется, что не безболезненно пройдет эта революция, которая необходима для того, чтобы мы могли выполнить нашу производственную задачу.

Точно так же обстоит дело с брошюрами и книжной литературой. У нас имеется некоторая техническая литература в зародышевом виде, но она иногда поражает своей дикостью и нелепостью, например, в издании Наркомзема вы увидите такие издания, как толстая книга о нежинских огурцах; конечно, это вещь почтенная, но она не имеет актуального значения. Нам нужно создать совершенно новую литературу, литературу экономического характера, которой у нас нет, которая в значительной степени даже не была. Для ряда вопросов специально хозяйственных, отдельных отраслей, вопросов техники, экономики, организации промышленности, для этих вопросов у нас литературы совершенно нет. Существует частью такая литература английская, американская, но само собой разумеется, что вся эта литература написана под капиталистическим углом зрения, так что ее нужно переработать, чтобы она могла служить рациональным руководством в нашем деле. Затем необходимо издание специального справочника для рабочих разных квалификаций. Возьмем какого-нибудь токаря по металлу, какого-нибудь слесаря за границей: он обязательно имеет маленькую книжку с необходимыми показательными таблицами, с указанием некоторых наиболее правильных методов. Этой технической литературы у нас не имеется, ее абсолютно нет; такой литературы на наших книжных рынках было два с половиной экземпляра, а в настоящее время и она исчезла. Поэтому при страшной опасности, которой нам грозит кризис квалифицированного труда, нам необходимо создать эту литературу, без которой никакая производственная пропаганда, на мой взгляд, не имеет значения.

Создание такой литературы необходимо во что бы то ни стало наладить. Для этой цели нам придется предпринять некоторые необычные меры организации рабочих, нужно принудительно мобилизовать буржуазных спецов, инженеров и заставить такую литературу создать. Необходимо литературу печатать в миллионах экземпляров для того, чтобы внимание широких рабочих кругов было обращено в эту сторону, в сторону организации производственной техники, чего до сих пор абсолютно не было. Затем, я думаю, необходимо организовать выпуск плакатов, диаграмм и проч.; на каждой фабрике необходимо устройство особых витрин, где бы каждый рабочий, работающий на фабрике, мог получить следующие примерно сведения: о роли данного завода, что данный завод представляет из себя в системе народного хозяйства, затем производство данного завода, его ход и т. д.;

наконец, возможно, более полный список инвентаря завода, — словом, картину, выраженную в числах, в словах, в картограммах, диаграммах, плакатах, для обозначения роли завода в общехозяйственной системе. Такие показательные справочники могли бы принести большую пользу, и они должны быть включены в общую систему агитации; они давали бы рабочему возможность ориентироваться в тех вопросах, над которыми он раньше не задумывался, на которые не обращал внимания.

Наконец, товарищи, четвертый вопрос, который здесь выдвигается, это вопрос об организации заинтересованности масс в этих вопросах.

До сих пор мы созывали всех рабочих данной фабрики, и совершенно ясно, что все внимание устремлялось на вопросы общеполитического и общеэкономического характера, например, вопрос о пайках, о продовольствии вообще, о мобилизации и т. д.; и само собой разумеется, что теперь нужно что-то такое, что могло бы поставить внимание всех рабочих на несколько иные рельсы, на рельсы технического интереса.

Как же это сделать? По-моему, это можно сделать так, что мы должны перейти к созыву собраний отдельных категорий рабочих, рабочих определенной специальности, например токарей, слесарей и т. д.; мы им говорим, что у вас на заводе имеются такие-то ресурсы, и спрашиваем, что мы с этими ресурсами можем сделать, не могут ли они что-нибудь посоветовать в этом случае? Таким образом, центр внимания рабочих данной категории переносится на вопросы технической рационализации. Затем, после этого мы созываем другую категорию рабочих, с которыми обсуждаем точно так же вопросы по их специальности: с токарями, значит, о токарном деле, с слесарями — о слесарном и т. д., — и только после этого уже созываем общие собрания всех рабочих данного завода. Тогда получится полная картина данного предприятия, и мы сможем, с одной стороны, узнать максимум полезного, что нам нужно знать, чтобы улучшить данное производство, а с другой стороны, мы заинтересуем рабочих под углом зрения технического интереса, а в этом-то и состоит центр тяжести. Я думаю, что такой метод комбинированных собраний по определенным специальностям и общих собраний после них даст нам желательный результат и поведет нас по линии производственной пропаганды.

Вторым способом являются общие собрания для выслушивания докладов соответствующих экономических организаций, начиная с фабрично-заводского комитета, заводского

управления, заводских хозяйственных органов и т. д., где делаются замечания, предложения и все это обсуждается.

Метод третий — это создание инициативных групп по данному производству, куда прежде всего должна войти комячейка, а потом и все беспартийные группы, которые ставят производство в предприятии. У нас не было таких свободных соединений до сих пор, а если вы возьмете буржуазное государство, то вы там увидите много добровольных таких организаций, например, в Германии есть такие общества, как, например, общество по украшению городов и т. д. Нам, конечно, не нужны украшения, но нам нужны улучшения, и мы можем создавать эти инициативные группы, делая главными инициаторами наших коммунистов; мы должны создавать заводской патриотизм и потом хвастаться своими улучшениями, рекомендовать их другим и поддерживать их. Эти инициативные группы по улучшению производства, мне кажется, поскольку мы в особенности будем их комбинировать с собраниями по специальностям, будут направлять внимание рабочих по линии технических улучшений производства.

Сюда же относятся учет инвентаря на фабриках и заводах и вообще фабрично-заводской учет. Мы до сих пор только говорили об учетности, но дело это обстоит очень плохо, мы к этой работе почти не приступали, и опись фабрично-заводского имущества поставлена крайне плохо, а она имеет большое значение. В тех витринах на фабриках и заводах, о которых я говорил, нужно оповещать о всяких изменениях, которые происходят на заводе: привезем какой-нибудь новый станок, например, извещение об этом сейчас же должно появиться; одним словом, все мельчайшие изменения в ходе производства и в смысле его улучшения, и в смысле ухудшения должны регистрироваться и публиковаться во всеобщее сведение рабочих данного предприятия, чтобы они всегда были в курсе дела.

Наконец, товарищи, то, что я говорил относительно общих заводских собраний с предварительными собраниями рабочих данной специальности, — этот же метод нужно приложить во всероссийском масштабе, нужно перейти к созыву съездов рабочих данной специальности. Мы привыкли, например, что в буржуазные времена созывались съезды инженеров, и мы должны это делать и теперь; ведь эти инженеры воплощают в себе весь инженерский опыт; таково же должно быть положение относительно квалифицированных рабочих, — унтер-офицеров нашей промышленности; они ведь

также спецы, и если инженеры могут рассуждать относительно своей специальности, то токаря по металлу могут также съезжаться и рассуждать по вопросам своей специальности. На это мне могут сказать, что мы возвращаемся к цеховой организации вместо производственных союзов, но я не предлагаю ставить в порядке дня вопросы, которые ставятся на съездах профсоюзов. Я предлагаю в первую очередь ставить вопросы технического характера, которые ни на каких съездах профсоюзов не ставятся, о которых никогда не говорят, но о которых нужно сейчас говорить. В этом и состоит вся суть дела.

Это не будет нечто вроде цеховой секции при производственных союзах, это не будет постоянное учреждение, а это будут съезды или конференции специалистов данной отрасли. Вполне понятно, что токарь по металлу в области токарной работы есть специалист такой же, как инженер в инженерной области. Необходимо перейти к такого рода всероссийским съездам, и ими заинтересовать и поднять наш унтер-офицерский промышленный состав.

Говорят о вовлечении масс. У нас нет места, где бы рабочие могли выявить свой технический опыт. Для того, чтобы показать, что промышленность строится руками рабочего класса, нужно рабочих созвать для обсуждения этих технических вопросов. Для этого прежде всего нужен переход к всероссийским съездам. Не нужно смущаться тем обстоятельством, что это возврат к цеховым организациям, — я вовсе не предлагаю создавать цехового, узкопрофессионального союза. Это был бы регресс, движение вспять. Я предлагаю созывать техников-мастеров своего дела для обсуждения технических вопросов. Таким образом, говорить о том, что это есть поворот от громадных работ, которые сделаны, что это есть шаг назад, говорить так — это не понимать дела.

Само собою разумеется, мы должны перейти к созыву съезда техников-инженеров. Только пусть они не говорят относительно общеполитического момента и тому подобных вещей, но говорят о технической рационализации, о технических улучшениях. Наконец, я думаю, что нам нужно бросить еще лозунг съездов рабочих-изобретателей. У нас есть кое-какие учреждения, где якобы изобретения проверяются и проч., но мне лично известно, не как работающему в экономической организации, но в качестве редактора газеты, — что когда является токарь и говорит, что он изобрел то-то и то-то, то его посылают в союз рабочих-металлистов, в ВСНХ и т. д., и в конце концов он ничего не добивается,

никакого приложения его изобретение не получает. Такого места в Советской Республике нет, где бы каждый мог вылить свою душу, поделиться своим опытом. Говорят, что есть «Научно-Технический Отдел», но никто не знает даже его адреса. Нужно заинтересовать широкие круги рабочих-изобретателей. Нужно бросить лозунг созыва съездов рабочих-изобретателей. Конечно, половина изобретений может оказаться чудачеством, невежеством самомнения, но все же нужно открыть клапан, который бы показал, что и рабочие призываются к этому делу.

О привлечении масс мы говорим чрезвычайно много, но по этому вопросу мы чрезвычайно мало делаем. Я говорил, например, с весьма уважаемыми товарищами о том, чтобы в значительной степени бросить игру в многочисленный контроль. Мы строим контроль над контролем, и они исправляют 10%, а прожирают 20, 30, 50; поэтому такой контроль представляет колоссальный балласт на всем советском организме. Мне представляется нужным выбросить такой лозунг: «Лучше не контролируй плохой аппарат, а улучшай плохое, чтобы оно стало хорошим». Мы создаем одни контрольные функции над другими, создаем контроль в квадрате, контроль в кубе, и в конце концов всюду стоит контроль, и в то же самое время воровство существует. Поэтому мы должны придти к тому положению вещей, чтобы прежде всего пробудить сознание рабочих масс; нам нужно плохое улучшать и строить хорошее. Если мы так поставим дело производственной пропаганды, то в значительной степени эта задача будет разрешена, и это будет действительно деловое разрешение вопроса.

Наконец, в качестве последних съездов, которые я бы рекомендовал, это съезды агрономов. Нам нужно сознать, что мы стоим сейчас перед такой штучкой, которая в ближайшие годы может затормозить крестьянское хозяйство. Заготовка идет у нас все лучше и лучше, но крестьянское хозяйство и его производительные силы все понижаются. Вы знаете, до каких размеров дошло у нас падение скота, лошадей, коров и т. д.: рождения молодых животных почти нет, процент их сократился до чрезвычайности. Перед нами стоит задача поднятия сельского хозяйства. Таким образом, наряду со съездами, касающимися главным образом промышленности, нужно перейти и к съездам агрономов с представителями соответствующих крестьян.

Я кончаю и остановлюсь только на последнем вопросе: об организации пропаганды и агитации. Все дело производст-

венной пропаганды объединяется в особом бюро производственной пропаганды, состоящем при Центр. Совете профсоюзов. Я не знаю, принято ли это, но мне известно, что такой план выработан и он вполне целесообразен.

Такое бюро составляется из представителей ВЦСПС, Главполитпросвета, Высовнархоза и партийных комитетов. На местах организуются такие же соответствующие Бюро производственной пропаганды, и, таким образом, по всей линии эта производственная пропаганда объединяется, централизуется, руководится по единому плану путем одних и тех же методов. Остановлюсь еще на одном вопросе, который здесь непосредственного к делу отношения не имеет, но от которого зависит чрезвычайно многое. Если у нас книги, газеты и журналы будут распределяться так, как до сих пор, то мы можем сколько угодно писать — и ничего у нас из пропаганды и агитации не выйдет. Выходит новая книжка, допустим, очень хорошая книжка, единственная в нашей литературе по русскому хозяйству, и ее никто не видал, потому что Центропечать рассылает ее — я не знаю, послали ли ее на фронт, ее рассылают в библиотеки, в которые никто не ходит, а те, кому она в первую очередь нужна, — агитаторы, которые будут агентами, нашими руками и ногами, которым она должна служить руководством, — у этих людей этой книжки нет. Само собой разумеется, что нам нужно обратить на это сугубое внимание и поднять вопрос о правильном, целесообразном и рациональном распределении нашей литературы, по направлению ее в те кадры, которые являются нашими агитаторами и пропагандистами, и только тогда это будет деловым предприятием, которому суждена великая будущность.

ТЕОРИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

[СТРАНИЦЫ О РОЛИ НАУКИ В ОБЩЕСТВЕ]

Нам нужно перейти теперь от норм поведения к другому разряду общественных явлений, а именно к науке и философии. Философия, как мы увидим, опирается на все научные сведения. Сама же наука представляет из себя чрезвычайно сложную величину, если говорить о сколько-нибудь развитой науке. Прежде всего здесь дело не исчерпывается одними системами идей. В науках есть своя техника, свой вещной аппарат (инструменты, приборы, карты, книги, лаборатории, музеи и т. д.; стоит взять лишь какую-нибудь громадную лабораторию или научную экспедицию куда-нибудь на Северный полюс или в центральную Африку); здесь есть также и свой людской аппарат, иногда организованный в крупном масштабе (напр., научные съезды, конференции, научные общества и другие организации, со своими журналами и всевозможными изданиями); здесь есть, наконец, и система идей, мыслей, приведенных в порядок, которые и составляют науку в собственном смысле слова.

Прежде всего нужно установить следующее положение: всякая наука родится из практики, из условий и потребностей жизненной борьбы общественного человека с природой и различных общественных групп с общественной стихией или с другими общественными группами. «Дикарь обладает весьма разнообразным опытом. Он узнает растения, съедобные и ядовитые, находит животных, за которыми он охотится по их

следам, и умеет защитить себя от хищных животных и ядовитых змей. Он умеет использовать для своих целей огонь и воду, выбирать камни и дерево для своего оружия, научается плавить и обрабатывать металлы. Он научается считать при помощи пальцев, измерять пространства при помощи рук и ног. Он смотрит, подобно ребенку, на небесный свод, наблюдает вращение его и перемещение на нем солнца и планет. Но все свои наблюдения или большую часть их делает случайно или с *целью полезного их применения для себя.* Тот же примитивный опыт образует и зародыш различных наук. Но наука могла возникать лишь тогда, когда материальная обеспеченность доставила достаточно свободы и досуга, а с другой стороны, частым упражнением интеллект (ум человека. — *Н. Б.*) был настолько усилен, что возник достаточный интерес к *наблюдениям самому по себе...* (Мах. «Познание и заблуждение», изд. Скирмунта, М. 1909, стр. 92. Курсив автора). Наука, следовательно, появляется лишь тогда, когда рост производственных сил высвободил время для научных наблюдений. С другой стороны, материал, который первоначально имелся у науки, — это материал из области производства. Совершенно естественно, что непосредственное поддержание жизни путем производства, т. е. интересы производства, и давали толчок развитию наук. Практика породила теорию и толкала ее вперед.

Астрономия, напр., возникла из потребностей орнентнроваться в степи по звездам, из потребностн выяснить значение времен года для земледельческого хозяйства, из потребностн в точном делении времени (часы, напр., проверяются астрономнчески) и т. д. Физика стояла в непосредственной связи с техникой материального пронзводства и военного дела. Химия выростала на почве роста промышленного пронзводства, в особенности горного дела (начатки химии мы еще виднм в Египте и Китае в связи с пронзводством стекла, краснльным делом, эмалнровкой, производством красок, металлургией н т. д.; самое слово «химия» пронсходит от слова «chemi» (хеми=черный) и указывает на свое египетское пронсхождение). Так наз. алхимия была еще у егнптян и вызывалась стараннем найти закон превращення металлов в золото; в XV столетнн хнмии дала толчок также медицина. Минералогня (ученне о минералах) имела корнем своим производственное употребление минералов н нзучение свойств этих минералов для пронзводственных надобностей. Ботаника (наука о растнтельном царстве) первоначально опиралась на сведения о лекарственных растеннях, затем о полезных растениях вообще, а затем и обо всех растеннях. Зоология, т. е. знанне о животных, развивалась нз потребности знать полезные и вредные свойства нх. Анатомия, физнологня, патологня возникли на почве практнческой медицнны (первыми «ученымн» в этих областях былн егнпет-

ские, индусские, греческие и римские врачи: напр. грек Гиппократ, римляннн Клавдий Гален и др.). Географня и этнография развилнсь на почве торговлн и колоннальных войн. Наиболее торговые народы древности (напр., финикияне, карфагеняне и т. д.) былн и лучшнми географами. В средние века географня заглохла. Ее гигантскнй рост начинается уже в новое время, в XV столетии, в эпоху торгово-капиталнстнческих колониальных войн и велнких, связанных с этим полуторговых, полуразбойничьих, полунаучных путешествнй. Во главе этнх путешествнй и открытнй стояли торгово-пиратскне государства: Португалия, Испания, Англия, Голландия. Этнография развнлась тоже в связи с колониальной полнтикой (практнческий вопрос здесь: как прнспособить дикарей к работе на «культурную» буржуазию?). Математика, одна нз, казалось бы, самых далеких от практики наук, тем не менее целиком выросла из практикн. Ее первоначальными орудиями были, как н в областн матернального производства, пальцы рук и ног (счет по пальцам; пятеричная, десятичная, двадцатирнчная снстема счета; первоначальные обозначения углов н т. д. по сгибу колена; еднннцы меры пространства = локоть, фут и пр. См. M. Cantor, Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik, Lpz., 1907). Ее материалом былн потребности производства: измерение полей (геометрия значит землемерие), постройкн, измеренне емкости сосудов, кораблестроение, еще раньше счет скота, в торговые эпохи — калькуляцня, выведенне балансов и т. д. Егнпетские и греческне геометры, римские землемеры (agrimensores), александрийские нижснеры (вроде Герона Александрийского, который изобрел нечто вроде зародыша паровой машнны) — были и первымн математиками, (см. Rudolf Eisler, Geschichte der Wissenschaften, Lpz., 1906).

Не иначе пронсходило дело н с науками общественнымн (мы говорнлн уже об этом во «Введенни»). История возникла из потребности разобраться в «судьбах народов» в целях практнческой политики. Наука права началась с собирання н приведения в порядок (с так наз. «коднфикацнн») существовавших законов опять-такн с практическимн целямн. Политическая экономня родилась вместе с капитализмом, первоначально как наука купцов, служившая потребностям их общеклассовой политикн. Филологические науки первоначально складывалнсь как «грамматики» различных языков и вырастали на базнсе торговых сношений и потребностн оборота. Статнстнка начнналась с купцовскнх «таблиц», посвященных разным странам (отчасти и начаткн политической экономии: у отца политической экономии Вильяма Петти одно нз сочинений называется «Политическая арифметика») и т. д., и т. д. На наших глазах растут из производства и новые науки: напр., нз технического опыта в примененнн системы Тейлора вырастает так наз. «психотехннка», психофизиология труда, ученне об организацин производства и пр.

Развиваясь, науки разрастаются в своем объеме и дробятся (специализируются). Однако всегда можно доказать их прямую или косвенную зависимость от состояния производительных сил.

Как в непосредственной материально-производственной

деятельности общество «удлиняет» свои естественные человеческие органы и этими удлиненными «вопреки библии» органами, своей техникой, может захватывать гораздо больше материала для переработки, точно так же в науке человеческое общество имеет свое «удлиненное» сознание, которое увеличивает его умственную «дальнозоркость» — позволяет охватить, «понять» большее количество явлений, лучше в них «разобраться», а следовательно, и лучше действовать.

> Любопытно, что очень многие буржуазные ученые, когда говорят конкретно о науке, невольно становятся на эту материалистическую точку зрения. Но боже их сохрани свести концы с концами! Вот как говорит о «смысле науки» один из выдающихся русских ученых, проф. А. Чупров (сын): «Пока жизнь несложна, человечество во всем своем обыденном обиходе довольствуется «жизненным опытом» — этим случайным способом накопления обрывочных знаний и навыков, переходящих по традиции от отца к сыну. Однако с расширением круга интересов эти бесформенные знания перестают быть на высоте задачи, и является потребность в систематической работе, сознательно и планомерно направляемой к цели познания окружающего нас мира — к науке. Начиная давать себе отчет в том, что scientia et potentia humana in idem coincidunt, [1] и что quod in contemplatione instar causae est, id in operatione instar regulae est, [2] люди проникаются мыслью, что ignoratio causae destituit effectum, [3] и научаются ценить... знание как основу практической работы» («Очерки по теории статистики». СПБ., 1909, стр. 21—22).

Связь между состоянием науки и производительными силами общества многосложна. Она вовсе не так проста, как это иногда утверждают, и чтобы обнаружить ее в полной мере, нужно рассматривать вопрос с разных сторон. Мы знаем, что у науки есть (или бывает) своя техника, своя организация научного труда, свое содержание, свой метод и пр. Все эти составные части, конечно, влияют и друг на друга и на все состояние данной науки в данное время. Понятно поэтому, что необходимо рассмотреть вопрос о каждом из этих составных элементов и обнаружить его прямую или косвенную связь с экономикой и — в последнем счете — с техникой общества.

Прежде всего ясно, что для того, чтобы наука существовала вообще, нужно, чтобы производительные силы достигли определенного уровня своего развития. Там,

---

[1] Знание и сила человека совпадают.

[2] То, что в рассмотрении выступает как причина, то в действии является правилом.

[3] Незнание причины разрушает результат.

где нет прибавочного труда или где его размеры ограничены и не увеличиваются, там не может быть научного развития.

«Это стремление (к науке. — *Н. Б.*) может проявиться только по прошествнн того момента, когда человек дал удовлетворение своим другим потребностям (appetits)... Некоторые (научные) данные идут к нам из Кнтая, Индии, Египта, но — любопытная вещь! — они получили в этих странах только очень несовершенное развнтие». (A. B o r d e a u x, Histoire des sciencen phisiquet, chimiques et géologiques au XIX siècle. Paris et Liège, 1920, p. 11).

С о д е р ж а н и е н а у к и определяется в конечном счете технической и экономической стороной общества («практические корни», о которых мы говорили выше). Именно поэтому часто происходит, что одно и то же научное открытие, изобретение, постановка или решение одной и той же проблемы делаются одновременно в разных местах, и притом часто совершенно «независимо» друг от друга. Тогда соответствующие «идеи» «носятся в воздухе». Это значит, что они вырастают из всей сложившейся жизненной обстановки, которая упирается в состояние производительных сил.

А. Б о р д о прнводит в своей «Историн» следующне открытня, вызванные, как он выражается, «наличнем ндей в воздухе н обстоятельствами жизни» («par l'existance des idéees dans l'air et par les circonstanes de la vie»); открытне соотношеннй между теплотой и механической работой, нндукцня, нндукцнонная катушка, кольцо Грамма, счнсление бесконечно малых велнчин (кроме Лейбница н Ньютона, он упомннает их предшественнпков: «Fermad, Gavalieri и т. д. вплоть до Архнмеда»). Общий его вывод таков: «Что касается науки... то она обнаруживает... трудность узнать, кто же в действительности (т. е. какое л н ц о. — *Н. Б.*) сделал открытие» (l. c., p. 8). Нужно заметить, что практический смысл науки вовсе не предполагает, что к а ж д о е и в с я к о е научное положение н е п о с р е д с т в е н н о влияет на практику. Предположнм, что важно для практики положение A. Но для того, чтобы доказать это положение, нужны еще положення B, C, D. Сами по себе эти B, C, D не нмеют н е п о с р е д с т в е н н о г о практнческого значения (онн, как говорят, нмеют «чисто теоретическнй нптерес»), но, как звенья едпной научной цепн, онн тем не менее нмеют все же косвенное практическое значение. Неполезной н бесполезной научной системы нет, как нет бессмысленных, ни на что не годных механических орудпй.

Если постановка задач, главным образом, идет из области техники и экономики, то, с другой стороны, их р е ш е н и е в ряде наук зависит от изменений в н а у ч н о й т е х н и к е. Инструменты научного исследования чрезвычайно расширяют горизонты. В первой половине XVII столетия

был, напр., изобретен микроскоп. Само собой понятно, какое громадное влияние оказал он на развитие науки. Он двинул вперед ботанику (изучение строения растений), анатомию животных, анатомию человека, создал целую новую отрасль знания — бактериологию (учение о бактериях) и т. д. Понятна также роль астрономической техники (устройство обсерваторий, качество телескопов, фотографических аппаратов для съемки звезд и пр.). С своей стороны, научная техника зависит от материального производства вообще (она — продукт материального труда). В научном труде имеется обычно и соответствующая организация этого труда, которая точно так же определяет собой состояние научных знаний. Разделение научного труда (специализация в науке), организация крупных научных единиц (лабораторий, напр.), организация научных обществ и научный обмен, научный оборот — чрезвычайно много значит. А все эти стороны определяются в конечном счете опять-таки экономическими и техническими условиями (напр., современные химические лаборатории зависят от роста крупного производства; научный оборот тем больше, чем гуще экономические связи, и т. д.). Технические и экономические условия «определяют» науку и в других отношениях. При быстро растущей технике изменяются быстро и экономические отношения, вместе с ними и весь жизненный уклад. При таком положении вещей не только происходит быстрое развитие науки, но и самая наука руководствуется мыслью об изменяемости (она пользуется динамическим методом — см. гл. III). Наоборот, при консерватизме техники, ее медленном ходе, и экономическая жизнь развивается медленно, и вся психология людей видит во всем постоянство. Тогда наука топчется на месте и руководится принципом постоянства. Вместе с тем и классовые черты тоже проглядывают в науке в разных формах: то как отражение того способа мыслить, который имеется у данного класса, то как отражение интереса этого класса. А способ мыслить, «интерес» и т. д. определяется в свою очередь экономической структурой общества.

Вот некоторые примеры разных зависимостей. Известно, что в античном мире слабо развивалась техника. Поэтому слабо развивались и технические знания. «Это пренебрежение техникой имеет различные причины. Прежде всего античный мир... настроен крайне аристократически. Даже выдающиеся художники, вроде Фидия, расцениваются как ремесленники и не проламывают железной стены, которая отделяет аристократический круг... от ремесленников и

крестьян... Вторая причина слабого развития технических открытий (Entdeckungen)... лежит в античном рабском хозяйстве... Отсутствовали побудительные причины вводить машины, замещающие ручную работу... Наука была мертва, и интерес к техническим проблемам (за исключением некоторых забавных вещей, вроде водяных часов или водяного органа) замер (Hermann Diels. «Wissenschaft und Technik bei den Hollenen» in «Antike Technik». Verlag Teubner. Lpz. und Berlin. 1920, S. 31, 32, 33). Отсюда же проистекал и характер существовавшей науки: «Естественные науки могли развиться из ремесел в качестве побочного продукта. Но ремесло и вообще физический труд презирались в древнем мире, и существовала резкая грань между *рабами*, занимавшимися физическим трудом и наблюдавшими природу, и *господами*, которые занимались на досуге умозрениями, но природу часто знали только понаслышке. Этим в значительной части объясняется *наивное, туманное и фантастическое* в античном естествознании» (Э. Мах. Познание и заблуждение, стр. 94, подстр. примеч. Курсив автора). В средние века мы имеем слабую, плохо развивающуюся технику и феодально-крепостнические отношения в экономической жизни, где была выстроена целая лестница властей, кончая главным помещиком и в то же время монархом. Немудрено, что господствующая мысль была малоподвижна, противилась всему новому (за ереси сжигали на кострах и четвертовали), не занималась исследованием природы, а копалась в богословских вопросах, обсуждая, напр., проблему:

Какого роста был Адам,
И был брюнет он или рыжий,

сколько ангелов можно поместить на кончике иглы и т. п. Этот неподвижный, консервативный, богословский, пустой (формальный, «схоластический»), направленный против опытного исследования характер тогдашней науки объясняется условиями общественной жизни, в конце концов лежащими в основе общественного развития, техническими и экономическими условиями. Совсем другой оборот приняло дело с ростом капиталистических отношений. Здесь налицо не малоподвижная, а быстро растущая техника, здесь постоянно появляются новые отрасли производства, здесь необходимы механики, техники, химики, инженеры, а не богословы и не рыцари; военное дело тоже требует знания естественных наук и математики. Понятно, что такой переворот в технических и экономических условиях должен был вызвать поворот в науке: от схоластики, латинского языка, богословия и т. д. к опытному изучению природы, естественным наукам, «реальной» школе. Мы здесь даем пример общего поворота в содержании науки. Этот поворот, при подробном исследовании, обнаружился бы и в приемах исследования, и в орудиях научной мысли, и в целом ряде других сторон науки.

Примером отражения классовой психологии, а следовательно и классового строения общества, может служить упоминавшаяся нами ранее «органическая теория» в социологии. Вот что говорил по этому поводу проф. Р. Ю. Виппер: «Сравнение общества с организмом, термин «органическая связь личности с обществом», употребляемый в противоположность понятию о механических связях, — все эти сравнения, формулы и антитезы были

брошены в ход реакционной публицистикой начала XIX века. Противопоставляя организм механизму, эта публицистика имела в виду резко отделить свои требования от просветительных и революционных начал предшествующего века. «Государство-механизм» значило в ее терминологии: равные права лиц, в своей совокупности представляющих верховный народ; «государство-организм» значило: распределение людей по старинной социальной иерархии, подчинение лица своей «естественной» группе, т. е. подчинение каждого своему старому социальному авторитету. Органические связи в переводе на конкретный язык означали: крепостное право, цеховая регламентация, подчинение рабочих патрону, охрана дворянской чести и дворянских привилегий и т. п.» (Р. В и п п е р, Несколько замечаний о теории исторического познания. Сб.: Две интеллигенции. М., 1912. Стр. 47—48).

Мы приведем еще некоторые общие данные по истории м а т е м а т и к и, так как обычно считается, что именно математика как чистое созерцание не имеет никакого отношения к практической жизни. Мы пользуемся при этом капитальным трудом M. Kantor'a («Vorlesungen über die Geschichte der Mathematik», Lpz., Verl. Teubner. 1907. 1. Bd. 3. Aufl.). У в а в и л о н я н математические знания возникали и развивались на почве землемерия, измерения емкости сосудов, счета, потребностей в точном делении времени (календарь), т. е. распределения его по годам, суткам, часам и т. д. Математическими «инструментами» первоначально были пальцы, затем счеты; в географии — бечевка с колышками (обозначавшаяся сумерийским словом tim), затем инструмент, напоминающий астролябию. Математические знания тесно переплетались с религией, числа обозначали также и богов, их небесный чин и т. д. У д р е в н и х е г и п т я н математика достигла значительного развития. В очень старинном математическом «справочнике Амеса», названном так по имени переписчика (точное заглавие сборника гласит: «Инструкция для достижения познания всяких загадочных вещей, всех тайн, которые заключены в вещах» и т. д.), имеются такие отделы: «правила, как измерить круглый склад для плодов»; «правила для измерения полей»; «правила, как делать украшения» и пр. (l. c., S. 59). Арифметические и отчасти алгебраические действия показываются на задачах, содержание которых позволяет судить о практике. Это — распределение хлебов, распределение ржи, вычисление дохода и т. д. (стр. 77 и след.). Заключение этого математического руководства указывает тоже на связь с земледельческим хозяйством. Оно состоит в таком обращении к читателю: «Лови вредных насекомых, мышей, травы сорные свежие, пауков многих. Проси Ра (египетский бог. — *Н. Б.*) о тепле, ветре, воде высокой» (85). Инструментами счета служили сперва, по-видимому, пальцы, потом нечто вроде счетов (шнурки с камешками, такие же, как у перуанцев). Основой геометрии служило землемерие; наряду с задачами по измерению земельных участков Амес приводит и задачи по измерению объемов (объемов и поместительности овощных складочных пунктов, складов или магазинов). Греческий историк Д и о д о р писал про египтян: «Жрецы учат своих сыновей двоякого рода письму: так наз. священному и тому, который называют обыкновенным. Они усердно занимаются геометрией и арифметикой. Ибо раз река (т. е. Нил) ежегодно много раз изменяет поверхность земли, то она вызывает многочисленные споры о межах между соседями; эти же споры не могут быть легко изжиты, если землемер (геометр)

не восстанавливает действительного отношения непосредственной промеркой. Арифметика служит им (египтянам. — *Н. Б.*) в их домашне-хозяйственных делах» (стр. 103. Наш курсив. — *Н. Б.*). Астрономические, геометрические, алгебраические правила были в то же время связаны с религиозными обрядами; это были священные таинства, доступные лишь посвященным. Так наз. «гарпедонапты» («натягивальщики бечевы») обладали профессиональной тайной, как натягивать веревку, как располагать колышки, в каком отношении к меридиану и т. д. (вообще углы пирамид, их стороны, расположение их частей — все это имело и священно-научно-астрономический смысл, и поэтому, вероятно, учились «сыновья жрецов»). У римлян геометрия росла вместе с потребностями поземельной собственности, которая была так священна, что и боги имели ее. Наибольшего процветания («исключительный случай» по Кантору) математика достигает при Юлии Цезаре. Этот расцвет обусловливается двумя практическими задачами: составлением календаря (так наз. юлианский календарь; сам Цезарь написал книгу: «О звездах». — «De astris») и промеркой земель, принадлежащих Риму. Последняя задача была решена при Августе, причем, повидимому, к работам был приглашен знаменитый греческий инженер и математик — Герон Александрийский; впервые была составлена карта империи. Позднее у Колумелы (Columella) мы находим рассмотрение математики в связи с сельским хозяйством, у Секста Юлия Фронтина — важное для математики вычисление отношения окружности к диаметру (π) в связи с расчетом водопроводных труб; в так наз. арцерианском кодексе (юридическо-статистический справочник для чиновников VII—VI века до Р. Х.) — различные статьи по землемерию в связи с задачами налогового обложения (стр. 554). Что касается арифметики, то ее развитие обусловливалось, главным образом, развитием торговли. Вычисления процентов, которые были, по Горацию, обычным ежедневным делом (561), вычисления доли наследников в связи со сложным римским законодательством в этой области, счета купцов (563) — таковы были движущие причины развития этой математической отрасли. У древних индусов особенно развиты были астрономия, алгебра и начатки тригонометрии. Имеется масса сходного с остальными древними народами. В математических главах одного ученого сборника (Ариабхаты) название и содержание задач говорят о жизненной основе индусской математики. Вот, напр., стих, обозначающий один математический прием: «умножение становится делением, деление умножением; что было доходом, становится потерей, что было потерей, становится доходом» (стр. 617); в другом месте задача: «16-летняя рабыня стоит 32 нишка, сколько будет стоить 20-летняя» (618); далее идут задачи на проценты (причем месячный процент равен 5!); затем задачи на вычисление возможных торговых операций (стр. 619) и т. д. То, что в нашей алгебре обозначается буквами x, y и т. д. («неизвестные»), у индусов назывались словами «монета» (rûpakâ); положительные числа назывались словом «имущество» («dhana» или «sva»), отрицательные — «долгами» (rina или kshaya) (621). Архитектура и ее математические правила и здесь покрывались тайной и имели особливый астрономическо-божественный смысл. Измерение земли, постройка дворцов и храмов, расчеты объемов давали толчок индусской геометрии. У древних китайцев развитие математики шло примерно таким же путем. Пожалуй, еще резче выдвигался классо-

вый характер науки, монопольность ее (напр., было даже три способа писания цифр: государственно-чиновничий, научный и гражданско-купеческий). В одном из сборников законоположений (Tcheou-ly, «Чеоу-ли») мы находим следующие математические должности: потомственный чин придворного астронома (фонг-сианг-ши) и придворного астролога (пао-чанг-ши); главного начальника измерительных работ (лианг-джин), который намечал планы стен как дворцов, так и городов; далее там есть особый чиновник (ту-фанг-ши), который с помощью особого инструмента, отбрасывавшего тень (куэн), делал различные вычисления и т. д. (676).

Из этих примеров нетрудно видеть: 1) что содержание науки давалось из технической и экономической области; 2) что развитие ее, между прочим, определялось орудиями научного познания; 3) что различные общественные условия то тормозили, то способствовали «прогрессу»; 4) что способ научного мышления определялся экономической структурой общества (религиозный божественно-таинственный характер древней математики, когда иногда даже *число* представлялось божеством, есть отражение рабско-феодального строя с недоступным властелином, жрецами-чиновниками и т. д.); 5) что классовая структура общества налагала на математику свою *классовую печать* (отчасти в виде просто способа мышления, отчасти и в виде интереса, который не допускал «простых смертных» к священной тайне). В новейшее время имеются те же зависимости, только они сложнее и имеют, понятно, другую форму: не та техника и не те экономические отношения.

О ПЛАНИРОВАНИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ

(К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА)

Дробное разделение труда и анархическая структура хозяйства прежних эпох вызывали причудливые иллюзии идеологического порядка, иллюзии, имевшие тяжелую прочность народного предрассудка и в то же время застывавшие иногда в чеканные формы философских афоризмов. Именно отсюда рождались такие положения, как пифагорейское утверждение о том, что «вещи — это числа», возводившее математическую абстракцию на ступень субстанции мира. Именно отсюда росли грандиозные философские построения идеализма, вроде величественной в своем роде системы Гегеля, который движением понятий заменил движение материи и человеческую логику взгромоздил на трон мирового духа, превратив реальный космос в болтающийся привесок этого духа. Так профессионалы «духовного производства» — математики, юристы, философы и другие специалисты ученого цеха — превращали особенности своего труда и продукты своего труда в «независимую» от практики и оторванную от грешной материи священную суть мироздания.

Наука превратилась в фетиш, подобно тому как письменный прибор в древнем Египте превратился в божество. Господствующие классы и их «специалисты от идеологии» имели все основания окружать процесс познания общественной тайной: монополизируя средства производства, они монополизировали и средства «духовного производства», скрывая земную функцию науки, отрывая ее от порабощенной массы, направляя ее против интересов этой массы и обеспечивая авторитет «избранных». Научная символика нарочито культивировалась как специальные иероглифы китайской

грамоты, принципиально долженствующие быть недоступными для «черни».

Однако уже Бэкон особо подчеркивал тесную связь между развитием науки и могуществом человеческого общества над силами природы, т. е. связь между развитием науки и ростом производительных сил. С точки зрения рабочего класса, который, благодаря своему классовому положению, может с наибольшей полнотой вскрывать объективные связи вещей, «объяснять мир», чтобы его изменять, — не подлежит никакому сомнению практическая подоснова теоретических построений. Просто смешно, например, говорить о современной химии, позабывая о ее связи с промышленностью и войной, а следовательно, и о классовой ее направленности.

Для рабочего класса, стоящего у власти, мысль о связи между теорией и практикой особенно ясна. Будучи осознанной, эта связь становится нормой действия: создается сознательный упор, целевая установка, план научно-исследовательской работы.

Певцы «чистой науки» и «чистой истины» совершенно отрывают процесс познания от процесса труда, теорию от практики.

Они не видят и не желают видеть того основного факта, что наука есть особое и специфическое средство ориентации во внешнем мире и в обществе (с резко выраженной классовой характеристикой, поскольку речь идет о классовом обществе). Они не видят и не желают видеть того основного факта, что, раскрывая объективные закономерности природы и общества, наука тем самым является инструментом воздействия на природу и общество. Они не видят и не желают видеть того факта, что все развитие науки показывает, как эта наука двигалась практикой материального труда и классовой борьбы. «Чистая», т. е. независимая от практики конкретных общественных классов, наука не существовала нигде и никогда. Всюду и везде научный труд представлял собою одно из звеньев разделенного общественного труда, звено, которое объективно (т. е. независимо от субъективного сознания ученых) всегда связано с другими его звеньями и которое, в конечном счете, неизбежно повышает производительность общественного материального труда, где лежит основа общественного развития.

«Чистота» и «независимость» науки от практики означает лишь плохую увязку этих звеньев между

с о б о й. А это, в свою очередь, означает замедленное движение в с е г о общества и, следовательно, замедленное движение в с е й науки.

Таким образом, и здесь о б щ е с т в е н н а я с т р у к т у р а может быть «формой развития» и «оковами развития». Быстрые темпы этого общественного развития, быстрые темпы материальных изменений толкают вперед и развитие науки, которое, в свою очередь, решительно воздействует на практику. Вот почему только глубоким невежеством и ограниченным умственным кругозором можно объяснить в наше время оппозицию против приближения всей системы научно-исследовательской работы к сфере материального производства. Объективно (а иногда и субъективно) подобного рода позиция в наших условиях, т. е. в условиях диктатуры пролетариата и технико-экономической реконструкции, означает позицию классовых врагов социалистического строительства, которые хотят — под покровом лозунга защиты «чистой науки» — «отсидеться» и отнять у социалистического строительства рычаг н а у к и, и это в такое время, когда в капиталистических странах — невиданное с р а щ е н и е научно-исследовательских организаций с организациями финансового капитала (трестами и синдикатами) и военными организациями империалистического государства.

Мы должны идти по этому пути гораздо смелее, решительнее, последовательнее, порывая с анархическими традициями капитализма и переходя к сознательному планированию научно-исследовательской работы. Консерваторы и рутинеры, мыслящие в изжитых уже формах и категориях, не без возмущения встречают самую п о с т а н о в к у вопроса: это кажется им деспотическим посягательством на свободу исследования, на божественную творческую природу прихотливого духа, будто неизбежно обреченного на угасание, если его закупорить в душные измерения плана.

Они, однако, запоздали. Они не видят, что сама логика роста научно-исследовательской работы взрывает старые представления о предмете. В самом деле, разве не ясно, что прежняя кустарная организация научного труда уже давным-давно тихо скончалась? Разве не ясно, что тип отдельного ученого, изолированно и в полном одиночестве высиживающего свои догадки, отошел в вечность? Разве не очевидно, что схоластический монастырь, лаборатории алхимиков, тихие кабинеты отдельных университетских уче-

ных в передовых капиталистических странах еще в прошлом столетии сменились мощными научными фабриками, грандиозными лабораториями и институтами, с целой армией исследователей, с разделенным трудом, с особым ритмом работы, с координированием различных частей работы, с сосредоточением внимания на некоторых центральных проблемах, с тесной связью между этими учреждениями и заводами?

Разве подлежит сомнению гигантский рост бесчисленных ассоциаций, организаций, обществ научно-исследовательского типа?

Но то, что в капиталистическом обществе неизбежно натыкается на преграды, в наших условиях получает максимальный простор. Тенденция к коллективной организации науки, к упорядочению ее, к сознательному приспособлению ее практическим нуждам глубоко прогрессивна. Но ее душит анархическая, лоскутная природа капитализма, раздираемого конкуренцией. Условия планового социалистического хозяйства, наоборот, распахивают ворота этой тенденции, ставя ее на принципиально другую классовую основу, заставляя ее служить делу социализма и революционно преобразуя ее в план научно-исследовательской работы, т. е. систему установок, сознательно приспособленных к делу обслуживания великой социалистической реконструкции страны.

База под индивидуальным шаманом от науки, полупророком, оракулом, певцом интуиции, брезгливо отплевывающимся от жизни и ее бесчисленных голосов, подорвана, разрушена, уничтожена еще в рамках капитализма, и только полуфеодальная отсталость старой России выработала у нас принципиальных защитников «независимости» науки от практики. Сейчас, после великого революционного переворота, среди шума невиданной и напряженной стройки нам нужна организация научного труда на самой передовой основе. Нужна коллективная организация труда. Эта организация нисколько не отрицает роли талантов, гениев, особо одаренных «вождей» в научной области. Коллектив не есть стадо из однородных «средних величин». Но особо крупные работники, правильно расставленные, будут опираться здесь на массовую работу — тем больше будет производительность и их собственной работы и работы всего научного коллектива.

В хозяйственной деятельности есть разные функции. Если речь идет о капиталистическом предприятии — там есть и бухгалтеры, и инженеры, и рабочие, и директоры; но есть и «капитаны промышленности», выносящие «последние решения»: смелые организаторы, крупные дельцы с особым «нюхом» к конъюнктуре или особым талантом в деле организации промышленных гигантов. У них есть своя «интуиция», т. е. быстрота правильной ориентации и комбинирования, свойство, превратившееся в инстинкт.

Однако даже авантюристы эпохи торгового капитала опирались на свои команды. А современные капиталистические дельцы — Сименсы, Ратенау, Монды, Рокфеллеры — просто немыслимы без своих трестов, со всем их обслуживающим, калькулирующим, вычисляющим, управляющим, контролирующим, исследующим и т. п. аппаратом.

Если речь идет о социалистическом хозяйствовании (его общественном планировании), то тут — в силу сложности задач и их огромного масштаба — нужны кадры самого различного функционального типа, в том числе и таких квалификаций (научных, технических и организаторских), которые неизвестны капитализму. И здесь необходимо руководство «высшего типа», высшее руководство всем общественным хозяйством страны. Выработка «линии» в сложнейшей международной обстановке, выработка плана хозяйственного целого огромной мощности — все это требует больших способностей; но все это немыслимо без сложной предварительной работы целой сети хозяйственных, технических, научных, административных и других органов.

Певцы капитализма на все лады доказывали невозможность хозяйственного планирования. Этот тезис опрокинут нашей революцией, ее практикой, которая оказалась убедительнее всех логических аргументов.

Сейчас делают иногда принципиальные возражения против планирования научно-исследовательской работы, причем исходят обычно из того обстоятельства, что мы имеем дело с творческим процессом. Позабывают, однако, что Эдисоны немыслимы без огромных лабораторий. Позабывают, что научно-исследовательскую работу в ее целом нельзя сводить к моментам «осиянности» и интуитивных прозрений. Позабывают, что в научно-исследовательской работе и, в особенности, в точных науках рациональное начало особенно силь-

но, — недаром именно математика есть воплощение рационального начала. Позабывают, что теоретически неправильно отрывать рациональное мышление от «интуиции». Позабывают, что гениальные «догадки» опираются на систематическую, строгую, длительную работу. Позабывают, наконец, что теперь эта работа есть сложное целое.

Аргументы против планирования (т. е. против упорядочения научно-исследовательского труда в общественном его масштабе) в сущности направляются против какой бы то ни было осмысленной организации и направленности этого труда под предлогом его особого характера. Но особый характер научно-исследовательской работы есть аргумент за особый характер ее планирования, а вовсе не аргумент против самого принципа планирования.

В самом деле. В научной работе есть тоже разные функции: n-ное количество геологических разведок, n-ное количество экспериментов (разные их варианты, повторные опыты, «пробы» и т. д.); n-ное количество математических вычислительных операций; теоретическое обобщение этих опытов и вычислений, выводы, мыслительная работа, разгадка «задачи» (рациональная — в ходе работы или «случайная» — в порядке «внезапного» прозрения). Нетрудно видеть, что, если взять массовый масштаб «разгадок» и массовый масштаб «прозрений», то ясным станет зависимость этих разгадок от размаха, систематичности, количества, качества, темпов всех стадий работы.

Научная «интуиция» («молния осенила») будет тем лучше «действовать», чем полнее, интенсивнее, совершеннее будет поставлена экспериментальная база, массовая проверка, многогранность и совершенство подготовительных работ и т. д. и т. п. Это особенно правильно в наше время, при колоссальном расширении и уплотнении теоретических знаний, при небывалом росте «экспериментов» и «выкладок», при исключительном росте технических приемов исследовательской работы, при огромном усложнении ее организации, при повышении во много раз всего тонуса научной деятельности. Нетрудно понять поэтому, что пресловутая божественная молния интуиции, которая осеняет ученого, есть величина (при одинаковой одаренности данных лиц), функционально зависимая от всех этих факторов.

Но если вообще можно направлять работу в определенное русло, определять направление экспериментов, вы-

числительных операций, экспедиций, разведок и т. д.; если можно сосредоточить внимание на тех или других задачах; если эту работу можно распределять и во времени, т. е. вводить принцип очередности, — то ясно, что все это можно, при наличии определенных предпосылок (концентрация научно-исследовательских учреждений в руках государства), делать в общественном масштабе. Борьба против планирования в своей основе является борьбой против социалистического планирования: здесь лежит действительный социальный корень этой борьбы. И, наоборот, борьба за плановое начало в научно-исследовательской работе есть борьба за проведение классовой линии пролетариата, борьба за действительный союз науки и труда, повышающий во много раз мощь человечества и его жизненный уровень.

Отмахиваясь от задач социалистического строительства, противники планирования научно-исследовательской работы должны фактически протестовать против научной организации этой работы, как это ни странно и как это ни парадоксально звучит.

В «Лягушках» Аристофана есть любопытный диалог между Ксанфием и Эаком.

Эак

. . . . . .

Вот здесь, пред ними, совершится судьбище.
Здесь на таланты будут весить музыку.

Ксанфий

Они подвесят на безмен трагедию?

Эак

Они линейки вынесут, и гири слов,
И слитки изречений.

Ксанфий

Будут плиты лить?

Эак

И рычаги, и клинья. Эврипид клялся,
Что по словечкам разберет трагедии.

Примерно на таком же уровне «дискуссии» обретаются противники планирования научно-исследовательской работы.

С величайшей энергией рабочий класс нашей страны переделывает ее основные технико-экономические устои, вытесняя и ликвидируя классовых противников. Пятилетка стала знаменем миллионных масс. Ее задачи и задачи последующих лет, то есть конкретные хозяйственные планы, должны лежать в основе планирования научно-исследовательской работы. Это отнюдь не означает точных границ, обрубленных крыльев, искалеченного полета гениальной мысли. Это означает сосредоточение усилий десятков тысяч научно-исследовательских работников на основных проблемах реконструкции, где могут — и неизбежно будут — возникать еще более широкие проблемы, решение которых будет оказывать великое революционизирующее «обратное влияние» на хозяйственную и техническую жизнь пролетарской страны. Научно-исследовательская мысль отнюдь не должна плестись в хвосте практики: она должна идти впереди ее. Пролетариат вовсе не заинтересован в деляческом, крохоборческом, мелкотравчатом, торгашеском подходе к великим научным проблемам современности. Но он заинтересован в правильном сочетании работ над проблемами завтрашнего и работ над проблемами сегодняшнего дня. Пролетариат против «омертвления» научного «капитала», но он также против размена его на мелочную практику минуты, такую практику, которая из-за деревьев не видит леса.

Исключительные естественные богатства СССР, его великие дремлющие потенциальные силы, скрытый энергетический базис огромной мощности должны быть пущены в ход в возможно более короткие исторические сроки. Именно поэтому наиболее разумное, продуманное, целеустремленное направление научно-исследовательской работы, ее увязка с нуждами технико-экономической реконструкции, ее соответствующая организация, применение новых методов работы, гарантирующих нужные темпы этой работы, являются необходимыми условиями дальнейшего победоносного развития нашей революции.

Организационной предпосылкой планирования научно-исследовательской работы является кооперация научно-исследовательских учреждений Союза при непрерывном росте научных коллективов, их материальной базы, их аппаратуры, их внутренней организованности, их связи с производственными единицами, их ближайшего контакта со всей массой

технических работников и с рабочими организациями страны.

Планирование научно-исследовательского труда есть специфическая задача, решать которую нужно, считаясь со специфическими особенностями научно-исследовательской работы как таковой.

По своему основному содержанию планирование научно-исследовательской работы должно, опираясь на технико-экономические планы социалистической реконструкции хозяйства и выражая таким образом борьбу за классовую линию пролетариата, состоять в сосредоточении внимания на наиболее основных и решающих проблемах, имеющих значение для хозяйственной жизни страны (эти проблемы могут выдвигаться и из непосредственных задач социалистического строительства и в ходе самой научной работы); во-вторых, в сосредоточении внимания на очередных и наиболее актуальных проблемах, вытекающих из непосредственных технико-экономических нужд текущего дня; в-третьих, в разработке — под тем же углом зрения — достижений заграничной научно-исследовательской мысли; наконец, в-четвертых, в приспособлении всей этой работы — по срокам и очередности тематических разработок — к конкретным хозяйственным планам (здесь, следовательно, выдвигается проблема оптимального сочетания разработки вопросов «сегодняшнего» и «завтрашнего» дня).

Это планирование нуждается в некоторых добавочных определениях и в подчеркивании некоторых своих особенностей.

Оно, прежде всего, не должно вырождаться в сверхцентрализованную бюрократическую опеку, в мелочное quasi-планирование чиновнического порядка. Сверху указывается одно только главное направление работ, которое расшифровывается и распадается на детальные тематические планы лишь в соответствующих звеньях научно-исследовательских учреждений, которым должна быть предоставлена широкая инициатива в пределах общих задач. Удушение инициативы, сокращение размаха теоретической мысли должны быть решительно отметены. Планы отдельных учреждений должны включать обязательный резерв времени для такого рода проблем, которые конкретно заранее не предвидятся, но которые возникают в ходе работ и должны быть разрешены либо в силу своего подсобного характера, либо в силу своего самостоятельного интереса и значения. Эти планы должны включать время для повторных опытов,

причем, однако, следует исходить из директивы об обязательном ускорении темпов научно-исследовательского труда. Они, далее, должны допускать полезные виды параллелизма, где, при применении разных вариантов в методах и приемах исследования, может получиться плодотворное их соревнование, обогащающее конечные результаты исследования. Планы отнюдь не должны представлять собою механической сводки внутренне не связанных тем. План не есть каталог занумерованных вопросов. Он должен представлять собой систему тем, органически связанных друг с другом, где выделены наиболее важные темы, в развитие которых и около которых группируется круг более дробных вопросов.

Наконец, при учете эффективности научно-исследовательского труда необходимо иметь в виду не только количество тем, но также и их качество (их объем, их значение и т. д., что особенно важно в научно-исследовательской работе). Необходимо со всей решительностью отвергнуть здесь упрощенные подходы к вопросу (измерение по количеству сданных работ, по числу листов написанных трудов и т. д. и т. п.), систематически вырабатывая сложные показатели эффективности работ научно-исследовательских учреждений и в нужных случаях прибегая к качественному описанию соответствующих работ.

Планирование научно-исследовательского труда есть задача сугубо новая и крайне сложная. Если в области планирования материального труда был целый большой период «детских болезней» планирования, то, по всей вероятности, и в данной области будет достаточное количество таких болезней. Этим, однако, не должно смущаться ни в коей мере. Всякое крупное изменение, изменение коренного характера, связано с известными faux frais. Нужно только стремиться, чтобы этих faux frais было поменьше и чтобы трудности роста были изжиты возможно скорее.

Необходимо смелее и решительнее рвать с традициями старого академизма, смелее и решительнее идти навстречу рвущейся вперед жизни, навстречу миллионным массам, подымающимся заводским гигантам, ждущим пробуждения великим источникам энергии. Смелее, мужественнее, решительнее нужно идти по тому новому социалистическому пути, на который поставила нашу страну великая революция пролетариата.

ШКОЛА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА

Товарищи!

Сейчас мы находимся в стадии подготовительных работ по второму пятилетнему плану. Первая пятилетка, которую враги наши считали чуть ли не экономическим и техническим абсурдом, успешно заканчивается. Рабочий класс, под руководством партии и ее ЦК, начинает уже готовиться ко второму этапу грандиозных строительных работ, ко второму пятилетнему плану.

Работа над этими планами, которая предполагает, прежде всего, трезвый учет сделанного, с достаточной степенью ясности и достаточно красноречиво говорит о том, что одним из очень узких мест у нас является фронт квалифицированной рабочей силы. Проблема людей выделяется, таким образом, в качестве чрезвычайно острой, неотложной, трудной и глубокой проблемы. Недостаток квалифицированной рабочей силы, понимая эту последнюю в самом широком смысле слова (от элементарной квалификации малоквалифицированного рабочего до высших квалификаций инженерно-технического, педагогического персонала), есть выражение одного из наиболее опасных разрывов в деле нашего строительства.

Это строительство, грандиозный размах которого уже не смеют отрицать и наши самые заклятые противники и враги, своими успехами обязано, в первую очередь, энергии рабочего класса. Именно потому стоим мы среди всеобщего экономического кризиса, который потрясает капиталистические страны, как настоящая твердыня социализма, что пролетариат нашей страны стал из объекта истории ее субъектом, из наемного раба — превратился

в гегемона, руководителя, вождя, организатора огромной страны, ее хозяйства, ее государства, ее культурной жизни. Ставши у власти, рабочий класс оказался в состоянии развить такое гигантское количество добавочной энергии (что совершенно немыслимо было в рамках капитализма), обнаружил такую творческую волю, такие глыбы героического труда, упорства, целеустремленности, самопожертвования, что в результате мы достигли крупнейших успехов, невиданных в истории темпов строительства, огромных социальных сдвигов между классами, с быстрейшим усилением классовой позиции пролетариата и катастрофическим сужением остатков капитализма и даже его мелкобуржуазной основы.

Ставка на живых людей, на пролетарские массы и идущие за ними массы колхозников есть основная наша ставка. Но в то же время мы неизбежно сталкиваемся здесь с последствиями нашей прошлой исторической отсталости. Мы только начинаем играть роль индустриальной страны. Нищенское аграрное, полукрепостническое прошлое, с незначительным удельным весом индустрии, почти с средневековым строем в деревне, с варварской сохой, с культурной забитостью массы, с лучиной, недоверием и враждебностью к машине и т. д. — все это не может не висеть гирей на наших ногах.

Правда, великая революция в величайшей степени переделала и переделывает всю толщу народных масс, в первую очередь пролетарских. Правда, и деревня теперь совсем не та; ее не узнать, и она быстро движется вперед. Но корни старого еще находят свое отражение и в бедности, и в культурной отсталости. Эту бедность и эту отсталость мы должны преодолевать с возрастающей быстротой.

Сейчас мы должны ввозить громадное количество наиболее совершенного оборудования: машин, аппаратов, измерительных приборов. Мы должны ввозить самые новые типы станков, самые новые типы аппаратуры, ибо мы, чтобы «догнать и перегнать», должны перескакивать через несколько ступенек технического развития Западной Европы и Америки. С другой стороны, мы должны в возрастающей мере сами производить наиболее совершенные средства производства, конструировать, производить и бросать в технико-экономический оборот новые, впервые у нас в СССР рождающиеся средства производства. Мы должны вводить и применять самые новые технологические процессы. Мы должны форсированно

развивать целые — незнакомые прежней России — новые виды производства, открывая и применяя новые виды сырья и т. д. и т. п. Но эта совершенная материальная техника и этот поток ввозимого оборудования сталкиваются с потоком абсолютно неквалифицированных, технически совершенно «сырых» людей, новых рабочих, идущих из деревни, впервые попадающих на фабрику, сталкивающихся впервые лицом к лицу с новейшим станком, конвейером, электрическим проводом, химическим процессом, измерительным прибором.

Даже наш рабочий-коренник, «старый рабочий», тот «потомственный почетный пролетарий», который составлял ударное ядро и сокрушающую героическую силу великой революции, даже он технически отстал. Никак нельзя смешивать степень политической зрелости с высотой технической культуры. Сложность исторической жизни такова, что здесь нет простой прямой пропорциональности. В силу ряда исторических условий наш очень молодой пролетариат выдвинулся как руководящая сила революции и самый молодой капитализм умер раньше под его рукой, чем седовласые капиталистические разбойники Европы. Но огромная политическая школа, через которую прошел наш пролетариат, не дала ему, сразу и непосредственно, хозяйственно-технического тренажа. Со всей силой этот тренаж начинается только за последние годы.

Так обстоит дело с рабочим-коренником. Но нужно видеть, что этот слой рабочих, по вполне естественным причинам, составляет быстро убывающую по своему удельному весу величину. Бесконечные шеренги новых рабочих бурными потоками вливаются в великую реку пролетарского движения. Огромные слои, целая человеческая лавина, миллионные массы идут прямо от средневековой сохи в города, на фабрики, заводы, шахты, где механизация шагает семимильными шагами. Контраст между квалификацией машины и квалификацией рабочего получается вопиющий. Именно этим объясняются те неудачи, которые были у нас на Сталинградском тракторном заводе, на Нижегородском автостроительстве, в механизированных шахтах Донбасса и в целом ряде других мест. Именно поэтому наши капиталистические враги надеются, что у нас ничего не выйдет, что мы погибнем из-за нашей технической отсталости, что импортные машины мы поломаем, что с тонкими и сложными средствами производства мы не справим-

ся, что новейшими технологическими процессами мы не овладеем.

Мы со всем этим справимся и всем этим овладеем, как мы в свое время справились с военными задачами и задачами хозяйственного и политического управления. Но мы должны обучиться в наиболее короткие сроки. Мы должны обучиться хорошо.

Отсюда вытекает, что когда мы подходим к задаче повышения технической культуры в нашей стране, мы должны привести в движение все и всяческие рычаги, все и всяческие методы воздействия на массы, все силы технической пропаганды и технического обучения. Было бы поистине преступлением, если бы в этом деле различные ведомства спорили между собой, боясь «параллелизма». Здесь работы хватит на всех. Здесь спрос так огромен, поле деятельности так необозримо, что прямо смешно думать, будто может идти речь о необходимости монополизировать всю эту работу в ее разнообразнейших проявлениях.

В этом пункте у нас разительнейшее расхождение с капиталистическим миром. В Западной Европе, где бушует стихия кризиса, взявшего за горло всех великанов капитализма, наряду с сокращением производства, недогрузкой аппарата, ростом безработицы, сокращением исследовательской деятельности и т. д. поставлена как очередная задача сокращения квалифицированных сил. Перепроизводство инженеров, педагогов, ученых, исследователей таково, безработица и среди них достигла таких размеров, перспективы развития настолько плачевны, что руководящие буржуазные круги ставят себе целью закупорить входы в вузы и втузы, запереть покрепче двери к знанию, пускать только самых избранных. Германия идет впереди этого попятного движения — та самая Германия, которая обнаружила во время мировой войны такую сопротивляемость именно потому, что она была страной наиболее квалифицированного труда и наиболее многочисленного (относительно) слоя инженеров, техников, ученых. Теперь она делает судорожные попытки подрезать тот сук, на котором она сидит. Такова логика кризиса, который сам становится рычагом краха. Этот кризис, несомненно, будет мощным фактором переселения техников, инженеров и ученых в СССР. Но это отнюдь не должно ослаблять наших усилий в деле производства нашей собст-

венной квалифицированной рабочей силы.

Когда мы говорим, что техника сейчас решает все, это вовсе не значит, что мы отвлекаемся от людей, их борьбы и работы. В конечном счете люди делают машины, живой труд оплодотворяет мертвый, и даже автомат требует, в том или ином звене технически-производственной цепи, людского контроля. Эта людская проблема стоит перед нами как важнейшая проблема культурной революции, которая сейчас ставит задачу развертывания технической культуры.

Остановимся на некоторых чертах этого движения.

Прежде всего нужно заметить, что нам необходимо не «словесное», а, если так можно выразиться, «физическое» овладение техникой. Это значит, что нам не нужно рассуждательство о технике (это — «холостой ход», бесплодный суррогат «овладения техникой»); нам недостаточно голого интеллектуального общего понимания технологических процессов; нам необходимо уменье практически действовать и понимание соответствующих процессов. Этот вопрос об уменье, о навыках, о техническом тренаже есть крайне существенный вопрос. Мы должны решительно порвать со старой «словесной» традицией, которая была связана со всем прежним укладом российской жизни. К технике мы должны теперь подходить не со стороны, не в качестве сторонних наблюдателей или любопытствующих, которые могут рассуждать о ней, которые рассматривают технику, как известную иллюстрацию к жизни; мы должны подходить к технике как участники технического процесса, а сама техника должна представляться нам как составная — и притом в известном смысле решающая — сторона социалистического строительства.

Техника для нас — вовсе не «голая техника». Она берется в ближайшей связи с экономикой, классовой борьбой пролетариата за социализм, всей культурой рождающегося нового общества. Мы должны быть решительно против подмены техники «политической трескотней», что нередко случается. Но не менее решительно мы должны быть против принципа техники для техники, против голого, изолированного «техницизма», который отрывает проблемы техники от проблем классовой борьбы за социализм. Мы должны быть также против технического фетишизма, против возведения техники на пьедестал самоцели: техника есть для нас средство для наилучшего по-

крытия развивающихся потребностей трудящихся масс.

Таким образом, техника должна браться в связи со всей жизнью строящегося социалистического общества.

Если мы возьмем американцев, то у них, в царстве Желтого Дьявола, техническая культура, проникающая всю американскую культуру, поражает своей разодранностью, однобокостью, деляческой специализацией. Люди разобщены. Специалист своей профессии есть урод, не понимающий всего остального мира. Американский дантист, наверное, представляет себе весь космос наподобие больного зуба, который нужно выдирать. Если мы возьмем немцев, то для немецкой буржуазной технической культуры характерен абстрактный идеализм, который даже вокруг техники сочиняет гигантское пухлое облако идеалистических туманов и обязательно сводит техническую продукцию к «этическим» мотивам. Даже Шпенглер, который в своей только что выпущенной книге «Техника и человек» воспевает империалистическое душегубство, прославляет хищное животное, восторгается стонами жертв и открыто проповедует разбой, сдабривая все это ницшеанской приправой, даже этот автор в конце своей работы заявляет, что белые расы (в противоположность цветным, к коим он относит и русских) занимались техникой отнюдь не для житейских целей. Зверино-хищнические устремления прикрываются колпаком идеалистической философии.

Стиль нашей технической культуры должен быть совсем другим.

Мы твердо стоим на материалистической точке зрения. Мы развиваем технику как орудие в борьбе за покрытие человеческих потребностей. Мы — за материальный и культурный рост масс. Техника — средство для достижения этих целей. Она связана со всеми сторонами жизни. Особенно властно эта точка зрения диктуется плановостью социалистического хозяйства. Плановость требует не только специализации, но и понимания общих связей хозяйства и всей внутренней связи между разными сторонами общественной жизни. Рабочие данной фабрики и ее инженеры должны вырабатывать план своей фабрики. Но это значит, что они должны знать и установки всего народно-хозяйственного плана, и смежные отрасли производства, и вопрос о кадрах, и важность научно-исследовательской работы и т. д. и т. п. Нельзя в наших условиях иметь культурно-техническую надстройку

американского типа. Но еще менее можно носить немецкий идеалистический колпак. Социалистическое хозяйство требует своей технико-идеологической надстройки, соответствующей плановым принципам социализма.

Отсюда иное (у нас) соотношение между универсализмом и специализацией; раньше эти категории брались в их абсолютной противоположности: или универсализм без специализации, или специализация без универсализма. Из этого противопоставления не могли никак выпрыгнуть. Между тем теперь выход ясен: основой у нас является политехническая школа, за которой следует специализация.

Такая же тенденция имеется и в сфере машинной техники, в частности в развитии станков. Если же брать еще более высокие этажи производственной и культурной жизни, то мы можем сказать, например, что у нас уже намечается синтез теории и практики, умственного и физического труда, что является крупным шагом в сторону коммунистического общества. Теория уже не является у нас сверхкомплектным привеском, добавочным принудительным ассортиментом к практике; а практика отнюдь не рассматривается, как досадная помеха для «чисто теоретической» работы. Все более и более и то и другое становятся частями единого органического целого.

Я останавливаюсь здесь на этих, очень общих, вопросах не потому, что отношусь отрицательно к конкретным проблемам. Наоборот, конкретное и есть «сок жизни». Я не останавливаюсь на последнем только потому, что в моей докладной записке конкретные вопросы техпропаганды разработаны с достаточной полнотой, и я просто отсылаю к этой записке, чтобы не повторяться.

Несколько общих вопросов, связанных с организацией технической пропаганды. Если приподняться над деловой сутолокой повседневной жизни и постараться увидеть и «теоретически схватить» главное, то приходится констатировать, что у нас есть и могущественные государственные рычаги воздействия, и ряд, так называемых, общественных организаций, и своеобразное сочетание этих факторов.

К числу первых относится, прежде всего, школа, от низовых ее звеньев вплоть до втузов, со всеми своими разветвлениями и расчлененной системой организации; сюда же относится Красная Армия, которая в стране пролетарской диктатуры играет совершенно исключительную

культурную роль (как в области общей культуры, так и в области культуры технической): Красная Армия радикально переделывает мелкособственническую природу деревенских масс, психологически «коммунизирует» эти массы, ликвидирует элементарную безграмотность и в то же время сообщает значительное количество технических знаний. Целая сеть школ, курсов и т. д. примыкает к этим государственным организациям, образуя переходный мостик к ряду так называемых «общественных организаций». Ликвидацией элементарной неграмотности, техническим обучением и технической пропагандой занимаются и профсоюзы, и комсомол, и Осоавиахим, и Варнитсо, и общество «Техника массам», и научно-технические общества, и разнообразные кружки на фабриках и заводах, и ряд других организаций, обществ, ассоциаций.

Нужно сейчас не душить эту инициативу, а поддерживать ее, не стремиться что-то у кого-то вырвать, отнять, а, наоборот, поддерживать, развивать социалистическое соревнование, вводя в то же время известное единство плана на основе кооперации, сотрудничества, взаимопомощи между всеми соответствующими как государственными, так и общественными организациями.

Методическое руководство и выработка методологии, реконструирующей науку и технику на основе диалектического материализма, никоим образом, однако, не должны вырождаться в бесплодную схоластическую болтовню, где нет самого предмета, где рассуждательство о «методологии» отрывается напрочь от развития самой темы (в данном случае предметом является техника) и где вырабатывающие «методологию» какой-либо дисциплины не трудятся разрабатывать эту дисциплину, а рассматривают методологию наподобие узды или намордника, которые можно надевать на малознакомый предмет. В таком случае мы будем иметь пустую, распухшую квази-методологию, которая по существу бесплодна, но которая вытеснила самый предмет, съела его сердцевину.

Выработка и усовершенствование методологии обязательны и необходимы. Но методология должна быть теснейшим образом связана с самим предметом, и только в таком случае она может быть действительной путеводной нитью в лабиринтах гигантских задач, стоящих перед нами.

Возвращаемся к вопросу о наших основных организациях.

Здесь, прежде всего, необходимо отметить роль вузов и втузов. Есть такой взгляд, что втузы должны быть только школой учебы, и притом почти в старом смысле. По-моему, однако, втузы, эти государственные учреждения, должны в то же время быть одними из главных общественных рычагов технической пропаганды, наряду с научно-исследовательскими институтами и образцовыми заводами. Боязнь пустить студентов на такого рода работу есть преувеличенная реакция на то вредное явление, когда студентам не давали учиться, нагружая и перегружая их «общественными обязанностями» сверх всякой меры и сверх всяких сил и возможностей. С этим делом необходимо решительно бороться, его необходимо прямо-таки искоренить. Однако было бы неправильным запрещать студентам вести работу по линии своей специальности. Наоборот: такого рода «общественная работа» (техническая пропаганда по той самой линии, по которой идет учеба) повышает техническую квалификацию не только широких масс, но и самих студентов: необходимость ясно изложить предмет, объяснить ту или другую проблему требует ясности для себя самого. Это есть лучшее средство (если имеется массовая проверка со стороны слушателей) борьбы против того чванливого верхоглядства и того «коммунистического чванства» (Ленин), которое, к сожалению, еще имеет у нас место. А нам еще многому нужно учиться у Западной Европы и Америки: мы не «шапками закидаем», а догоним и перегоним в результате напряженного труда, интенсивной учебы, постоянной критической самопроверки, тщательной заботы о том, чтобы подхватить, критически проверить, практически применить любое техническое новшество, любое достижение заграничной и нашей науки.

В Соединенных Штатах Америки втузы играют огромную роль в деле технической и научной пропаганды. Значительную роль они играют и в европейских странах. Было бы поистине странно, если бы мы в СССР, где ставка на общественность есть решающая величина, оказались в этом отношении позади наших капиталистических противников.

А у капиталистических противников есть и другие «общественные» организации как известный корректив к организациям государственным. Такой организацией является, напр., германское фашистское общество «Динта», о котором ваш докладчик т. Гайсинович

выпустил в свое время хорошую брошюру. Эта «Динта» представляет собой серьезную общественную организацию, которая стремится воспитывать людей чуть ли не с детского возраста, охватить их определенной технически-культурной идеологией, где в фашистском духе создается известное единство между техникой, экономикой, идеологией. При этом даются довольно сложные знания по линии технической, а в то же самое время организуются политически-враждебные нам силы. Нам очень полезно знакомиться со всеми такими опытами и ни в коем случае от них не отмахиваться; нам надо уметь сражаться с противниками иногда тем же оружием, каким они маневрируют на этом фронте против нас.

Важнейшей предпосылкой действительного овладения техникой является создание технического рабочего актива. У нас в партии есть наш партийный актив, в комсомоле есть свой комсомольский актив. Нам нужно обязательно создать таким же самым образом крепко сколоченный, под партийным руководством действующий, рабочий технический актив. Под этим я разумею всю совокупность всевозможнейших кружков, обществ, ассоциаций, бригад (рационализаторских, изобретательских, технических, научно-исследовательских и т. д. и т. п.), которые работают на фабриках и заводах. Под руководством технических газет, от стенных до центральных, нужно создать сеть технических корреспондентов и на этой базе стремительно развивать техническое соревнование в борьбе за выполнение технических показателей, за техпромфинплан. Создание такой технической рабочей общественности, неразрывно связанной с политическим руководством партии и ее ЦК, есть важнейшая предпосылка успеха на фронте технической пропаганды.

В то же самое время нужно создать научно-инженерную общественность. Это является одним из крупнейших требований данного момента, одной из тех задач, которые мы должны во что бы то ни стало и в самое ближайшее время разрешить. Нам необходимо широчайшим образом пойти по линии настоящих, действительно добровольных организаций по борьбе за технику.

Нам нужно по-настоящему взяться за обсуждение технических проблем. Нужно помнить, что техника крепко-накрепко связана с политикой, с классовой борьбой. Нужно насмерть биться с идеологией «чистого техницизма». Но нужно не менее решительно бить ся и против

попыток отмахнуться от технических проблем, биться против вредных поползновений «отболтаться» от техники. Руководство техническими журналами нельзя, напр., понимать так, что $^3/_4$ журнала посвящено политическому введению, а $^1/_4$ тем проблемам, которые должны составлять самую суть журнала. Самую политику, которая должна проникать сквозь все поры нашей пропаганды, нужно переводить (уметь переводить!) на специфический технический язык. Нам нужно создать такую инженерно-техническую общественность, которая была бы основой горячих технических дискуссий, постановки новых научно-исследовательских проблем, живого обсуждения планов технической реконструкции страны. Нужно открыть широкую дорогу научно-технической мысли. Нужно превратить научно-технические общества в живые лаборатории этой мысли, выветрив из них всякий дух казенщины и бюрократической затхлости.

Позвольте мне в заключение тут же, на ходу, ответить на одну из записок, которую я получил во время моего доклада. В этой записке сказано: «Маркс, по-вашему, имел право строить методологию политехнизма, а Маркс сам признал, что он ничего не смыслит в технике, и даже не понимал, когда ему объясняли технологический процесс. А Ленин? А Крупская?

Если бы все понимали в технике, как понимал в ней Маркс, или в политехнической школе, как в ней понимает Н. К. Крупская, это было бы чрезвычайно хорошо (аплодисменты). Неужели вы думаете, что Маркс был похож на тех, о которых я здесь говорил, что они, часто ничего не понимая в самом предмете, берутся судить обо всем? (смех). Это совершенно неправильно. У вас ложное представление о предмете (смех).

Недавно в Институте Маркса и Энгельса обнаружилось изрядное количество работ Маркса, которые показывают, что этот гений занимался самым серьезным образом и вопросами техники. Более того, нужно сказать, что его схема развития техники, история наиболее важных технологических процессов, в особенности история машин, набросаны столь мастерской рукой, настолько блестяще, что они могут быть положены в основу научного изучения предмета. Так что, мне кажется, Маркс понимал кое-что в этом деле. С другой стороны, конечно, у него нет работ узкоприкладного характера. Маркс давал общую линию развития и имел на это полное право (аплодисменты).

Тов. Ленин этими вопросами не занимался, как специалист, но всем ведомо, что он понимал и в естественных науках, и в технике (аплодисменты). Такая его книжка, как «Материализм и эмпириокритицизм», обнаруживает, мягко выражаясь, довольно солидные познания в области естественных наук. Неужели это приходится доказывать? (аплодисменты). По моему мнению, Надежда Константиновна сама за себя скажет, так как она является здесь участником совещания (аплодисменты).

Маркс и Ленин были гениальными образцами глубоко-честного и глубоко-серьезного отношения к науке. Они были величайшими научными тружениками, и ничто не было им так противно, как верхоглядство, поверхностность, хвастовство и фанфаронство. Их убийственные характеристики других работ имеют серьезнейший базис работы пытливого, упорного и гениального критического ума. Они «рыли глубоко», под самые корни вопроса, и именно поэтому так плодотворна их работа: она отличается огромным богатством мыслей, идей, обобщений. У них нужно учиться врываться в самую суть предмета. У них нужно учиться тому, как бороться против «холостого хода», «видимости» решения проблем, «хожденья вокруг да около» без творческого проникновения в предмет, без выяснения проблематики и нахождения соответствующих действительных, а не иллюзорных решений.

Мы должны поднять и развивать широкое общественное движение по овладению наукой и техникой, ставить новые проблемы смело и безболезненно и пустить в ход все творческие идеи, дремлющие под спудом. У нас колоссальная в этом потребность. Ибо даже то, что мы создали в технике, мы еще мало изучаем и знаем. У нас, например, есть уже такие крупные заводы, каких нигде в мире нет. А скажите, пожалуйста, читал ли кто-нибудь из вас описание типа этих заводов, в отличие от американских гигантов? Таких описаний нет. Вот тут нужно применить марксизм и ленинизм, уметь обобщить тот громадный опыт, который у нас уже есть. (Шохин — «То же самое и в школе»). То же самое и в школе, — значит нужно «холостому ходу» объявить священную войну, иначе ничего не выйдет, будет головное «рассуждательство», на что мы большие мастера (смех). Итак — создание технического рабочего актива, создание научно-технической инженерной общественности, решительный курс на то, чтобы все обсуждалось по существу, и чем горячее, тем лучше! Чем энергичнее будут обсуж-

дать разные технические и научные проблемы, чем оживленнее будет дискуссия, чем больше будет поднята инициатива, тем плодотворнее будет работа, тем больше мы выудим талантливых людей, которые поднимутся из массы (аплодисменты), тем легче будет вырабатываться правильное решение научных и технических вопросов, тем победоноснее будет наше строительство.

Таким образом, мы должны, пока создаются новые организации вроде сектора технической пропаганды ВСНХ, опираться на общественность, кооперировать с государственными организациями теснейшим образом, в том числе и, в первую очередь, с наркомпросовскими организациями. Мы должны смело ориентироваться на быстрейшее развязывание всякой и всевозможной научной и технической инициативы. В то же самое время мы должны иметь и известные необходимые твердые планы, касающиеся всех этих процессов, т. е. обеспечивать правильное руководство.

При этих условиях производственно-техническая пропаганда сыграет огромную роль в борьбе за осуществление генеральной линии партии.

В заключение позвольте приветствовать вас от имени вновь рожденного учреждения и пожелать вам дружной, совместной с нами плодотворной работы. (Бурные аплодисменты).

МИРОВОЙ КРИЗИС, СССР И ТЕХНИКА

Товарищи! По поручению наркома тяжелой промышленности тов. Орджоникидзе, который, к сожалению, не может по болезни лично явиться сюда, я передаю горячее приветствие V съезду инженерно-технических работников от имени нашего наркомата.

Инженерно-технические работники СССР, страны строящегося социализма, с точки зрения всемирно-исторического развития, идущего через катастрофы — кризисы, войны, революции — к мировой коммунистической общине, являются авангардом всего инженерно-технического корпуса мирового хозяйства. Ибо, как бы ни сложились судьбы отдельных стран, каков бы ни был конкретный исторический переплет соотношений между ними, какими бы извилистыми путями ни шел пролетариат к власти, как бы длительно ни сопротивлялась ему квалифицированная техническая интеллигенция, — совершенно очевидно, что ведущим звеном в цепи всего развития от капитализма к социализму является пролетариат СССР, в рядах которого борются и советские работники инженерно-технического труда. И точно так же, как наш пролетариат является авангардом мирового пролетариата, сложившийся уже у нас инженерно-технический корпус социалистической стройки есть исторически авангард мировой техники, ибо он делает самое прогрессивное — и с точки зрения экономики, и с точки зрения техники — дело.

На заключительном заседании V Всесоюзного съезда инженерно-технических работников было бы полезно посмотреть, что происходит в странах капитала с техникой и ее живыми носителями, инженерами, в связи с мировым экономическим кризисом.

I. КРИЗИС КАПИТАЛИЗМА

Всем у нас, в стране, где марксизм является господствующей и государственно признанной доктриной, известно положение, которое было сформулировано и теоретически обосновано Марксом в его замечательном учении о «законах движения» капиталистического общества, — что самая глубинная причина кризиса коренится в конфликте между производительными силами и производственными отношениями капитала. Эта истина начинает протискиваться даже в некоторые буржуазные головы, — настолько потрясающе грозны удары текущей экономической катастрофы.

Так, например, K. M. Wild, член правления акционерного о-ва K. Bosch в Штутгарте, в речи на производственной конференции так называемого трудового объединения немецких инженеров-производственников, в октябре текущего года, говорил:

> «Средства производства переросли возможности человечества, ибо близорукий эгоизм народов и общественных классов делает невозможным успешное хозяйственное сотрудничество, которое техника блестяще подготовила».[1]

Конечно, здесь содержится клевета на «человечество», которое фигурирует у почтенного промышленника, как псевдоним капитала, — для прикрытия этого последнего; конечно, здесь содержится и намек на своекорыстие рабочего класса, который ставится на одну скамью «подсудимых» с буржуазией, и объявляется соучастником в преступлениях своих угнетателей; конечно, здесь налицо и призыв к пресловутому «хозяйственному сотрудничеству», которое якобы «блестяще подготовлено» техникой. Но за всеми этими историко-экономическими фальсификациями и яркой апологетикой все же сквозит мысль о кричащем противоречии между ростом производительных сил и социально-экономическим укладом общества.

Особенно важно, однако, подчеркнуть сейчас то положение, что теперешний кризис — вовсе не «один из кризисов», которые периодически, с силой стихийного бедствия, обру-

---

[1] См.: Das Industrieblatt, Heft 30, 25. Okt. 1932.

шивались на трудящиеся массы, уничтожая часть производительных сил.

Характер настоящего кризиса — иной, хотя бы уже по одному тому, что есть д в а мира, две хозяйственные системы, что мировое хозяйство, «единство» которого всегда было только относительным, теперь расколото на д в а сектора, с совершенно различными закономерностями развития. Перед нами поэтому не одна из фаз обычного капиталистического цикла: налицо кризис в с е й к а п и т а л и с т и ч е с к о й с и с т е м ы. Поэтому все суждения о теперешнем кризисе, которые опираются на его определение, как одну из фаз «нормального» промышленного цикла, в корне фальшивы, и те выводы, которые из такого диагноза делаются, в основе своей неправильны.

В настоящее время почти во всех ведущих технических журналах, американских, немецких, французских, английских и прочих, идет острая теоретическая дискуссия о п р и ч и н а х кризиса.

Эта проблема и с инженерской стороны, и со стороны присяжных экономистов ставится как проблема с о о т н о ш е н и я м е ж д у т е х н и к о й и э к о н о м и к о й, или, как это иногда «у них» формулируется, между «техникой» и «коммерцией».

Т е х н и к а есть важнейшая и решающая часть производительных сил. Поэтому вполне допустимо поставить проблему соотношения между развитием техники, с одной стороны, экономических отношений — с другой.

Если бы мы поставили вопрос о б о с н о в н ы х т е н д е н ц и я х т е х н и ч е с к о г о р а з в и т и я в эпоху монополистического капитализма (немецкий философствующий инженер сказал бы: «об имманентной логике технического развития»), то без труда обнаружили бы такого рода моменты:

1) электрификация,
2) химизация,
3) автоматизация,
4) конвейерно-поточная система труда.

Если, далее, все эти четыре русла технического развития взять не как механические слагаемые, а как элементы реально единого потока развития, в основе которого лежит переход от э н е р г и и п а р а к э л е к т р о э н е р г и и, то мы могли бы сказать, что основная общая т е н д е н ц и я технического развития есть т е н д е н ц и я к т е х н и ч е с к о м у к о м б и н и р о в а н и ю п р е д п р и я т и й на

основе электрификации. Это — очень прогрессивная тенденция, потому что ее реализация повышает в высокой степени эффективность всего народнохозяйственного комплекса и производительность общественного труда. Но эта тенденция не может быть реализована в пределах капиталистического строя. Борьба этой технической и прогрессивной тенденции с тормозами и рогатками, которые определяются экономической структурой капиталистического общества, и выражается в кризисе. Так, примерно, следует поставить вопрос, чтобы эту проблему понял инженер.

Итак, техническое развитие вступает в конфликт с экономикой капитала, что является существеннейшим моментом общего конфликта между производительными силами капитализма и его производственными отношениями:

1) основное противоречие заключается в противоречии между техническими мощностями производства и экономической мощностью потребления широких масс, что вызывается структурой капиталистического порядка; 2) далее, техническое комбинирование натыкается на дробный характер частнокапиталистических предприятий, на частную собственность и вытекающую из нее анархическую конкуренцию; 3) наконец, эта тенденция натыкается на международные экономические отношения, на государственные границы с их пошлинами, тарифными войнами, борьбой государства за рынки и сферы влияния.

Таким образом, налицо мощная техническая тенденция к универсализации хозяйства, с одной стороны; а с другой — как колючая проволочная изгородь, по которой бежит смертоносный электрический ток жадных капиталистических интересов, стоит экономическая структура капиталистического общества. Эта структура не позволяет реализовать технические тенденции, которые являются носителями дальнейшего прогресса.

Поэтому загнивающий капитализм, сотрясаемый могучими толчками кризиса, уже не в состоянии использовать:

1) ни своей машинно-аппаратной системы;
2) ни своей армии наемных рабов;
3) ни своей науки;
4) ни своих квалифицированных кадров.

Наоборот, он вынужден по всем этим линиям идти назад.

Машинно-аппаратная система, титаническая техника, созданная капитализмом, представляет собой в настоящее время на большой процент мертвую глыбу организованного вещества, которое общественно не функционирует, «стоит». Докризисная хроническая недогрузка сменилась огромным судорожным сокращением производственного базиса и колоссальной, невиданной ранее, недогрузкой. Количество перешло здесь в качество.

Армия наемных рабов в исключительно огромной степени увеличила свою «резервную», т. е. безработную, часть. Нельзя никоим образом считать, что сейчас безработица и по своим размерам, и по своим качественным признакам является такой же, какой она была во время обычных капиталистических кризисов. Еще во время Маркса, когда дебатировался этот вопрос, в ходу была так называемая «теория компенсации», которая гласила, что если машина вытесняет рабочих из одной отрасли промышленности, то эти вытесненные рабочие обязательно будут всосаны другой отраслью. Эта теория безраздельно господствовала в буржуазных кругах, как непререкаемый догмат экономического богословия.

А вот теперь один из профессоров Германии, А. Зальц, в экономическом специальном издании «Der Deutsche Volkswirt» говорит о значительном числе буржуазных экономистов, что у них «теория компенсации превратилась в теорию катастроф».[2]

А другой очень крупный немецкий исследователь, проф. Брифс, в журнале «Wege zur Arbeit» отмечает два характерные, по его мнению, факта:

это, во-первых, громадные размеры безработицы и, следовательно, отсутствие надежды на то, что в мало-мальски разумный срок эти безработные могут быть обратно всосаны в производственный процесс; во-вторых, «трудоэкстенсивное движение современной техники», которое кончает с оптимизмом «компенсационной теории».[3]

Наука, точные науки в первую очередь, опять-таки не могут быть использованы практиче-

---

[2] A. Salz. Die Kontrolle des technischen Fortschritts, «Der Deutsche Volkswirt». 6. Jahrg. № 49, 2. Sept. 1932.

[3] B. Briefs. Wege zur Arbeit. I, 2. S. 30.

ски. Говоря инженерским языком, мы выставляем такого рода положения:

1. Научный потенциал не может быть использован технически.

2. Технический потенциал не может быть реализован полностью в производстве.

3. Производство (произведенные товары) не может быть реализовано на рынке.

Теоретические достижения могли бы дать дальнейшее приращение технических мощностей, но эти достижения невыгодны (экономическая «рентабельность», «коммерция», интересы прибыли, капитал!), ибо невыгодно повышать и без того слишком большую продукцию. Техническая мощность заводов на огромный процент «пропадает», ибо даже сокращенное количество товаров не находит себе сбыта.

Квалифицированные кадры при таком положении вещей необходимо точно так же не расширять, а сокращать.

Итак, мы наблюдаем попятное движение, ускоренное движение назад по всему фронту.

Нередко среди наших «полудрузей» и «полупротивников» мы встречаемся с мнением, что большевики явно пристрастно преувеличивают глубину кризиса. Поэтому я считаю своим долгом заставить сейчас выступить перед вами ряд свидетелей, которых никто не осмелится заподозрить в непочтительных чувствах по отношению к его величеству капиталу.

Свидетель № 1, упомянутый уже проф. А. Зальц. Его свидетельские показания выражаются в том, что он пишет о

> «парадоксальности теперешнего положения, которое, между прочим, состоит в том, что поистине титаническому могуществу и знанию (Können und Wissen) соответствует одновременно обнищание широких народных масс и длительная затяжная безработица».[4]

Свидетель № 2, W. Dyckerhoff, в речи на собрании общества друзей «Dinta» (фашистской педагогической орга-

---

[4] A. Salz. Die Kontrolle des technischen Fortschritts. «Der Deutsche Volkswirt». № 49.

низации, воспитывающей рабочих технически и идеологически) заявил:

> «Бессмыслица стала фактом. Производственный аппарат остановился, миллионы людей чахнут и голодают, миллионы людей с величайшей радостью готовы были бы работать, но не могут получить работу. Напряженность, проистекающая из этого бессмысленного положения, все возрастает и угрожает целой нации. Никакое возвращение назад кажется невозможным, а впереди ждет варварство, готовое разрушить до конца еще сохранившуюся груду черепков».[5]

Свидетель № 3, на этот раз титулованный, Freiherr von Lüninck из Бонна, так характеризует теперешнее состояние капиталистического мира:

> «Хаос, распад, развал повсюду, куда ни взглянешь, — во всех областях социальной, экономической, национальной и духовной жизни».[6]

Свидетель № 4, глава научно-исследовательских учреждений Эдиссоновской компании, м-р Hirschfeld, пишет в одном из ведущих американских технических журналов «Mechanical Engineering» о временах катаклизма, которые «ведут нас» к вопросу «о плавательных способностях» «государственного и коммерческого корабля». Он считает современную «депрессию» не знающей аналогий («without parallel»), «мальстрёмом разрушения» («maelstrom of destruction»).[7]

Свидетель № 5, апологет из апологетов, оптимист из оптимистов, Панглосс буржуазной экономической науки, ловчайший адвокат «процветания» и американский «делец» в теории, проф. Гарвардского университета Т. Н. Карвер.

В статье, помещенной в апрельском номере «Current History», он с тихой меланхолией отмечает, что «теперешнее время — хорошее время для революционеров» и что

> «ничто не защищено (nothing is immune) от атаки. Религия, семья, собственность, правительство и даже

---

[5] W. Dyckerhoff, «Arbeitsschulung», № 1, 1932.

[6] Ibid.

[7] C. F. Hirschfeld. Whose fault?, «Mechanical Engineering», March, 1932.

воспитание... все стоит под ударами критики и находится на положении обороны»[8].

Мистер К а р в е р не без некоторого основания полагает, что главный поток «субверзивных идей» берется из арсенала к о м м у н и з м а. Но это ни в малой степени не спасает дела. Перед великим историческим судом дают свои «свидетельские показания» прежде всего с а м и ф а к т ы как «вещественные улики» капиталистических преступлений и капиталистической негодности. Коммунизм свидетельствует об этом расширением д в и ж е н и я. Но если уже с а м и б у р ж у а з н ы е и д е о л о г и и впали в прострацию, это означает, что дело обстоит очень и очень плохо, как ни утешают себя запоздалые и пошловатые апологеты капитала вроде жизнерадостного г-на К а р в е р а, который, впрочем, тоже стал уже подозрительно икать.

II. СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ТЕХРЕКОНСТРУКЦИЯ

Товарищи! Я привел показания крупнейших волкодавов капиталистического режима для того, чтобы показать, что они сами призадумываются над тем исключительным положением, которое создалось в капиталистическом секторе мирового хозяйства.

Ведь нет почти ни одной передовой статьи в руководящих технических изданиях, в которой не говорилось бы о кризисе; ведь нет ни одной статьи, которая бы не начиналась с утверждений о его невиданной глубине или об опасностях, с ним связанных. Сопоставим с этим факты н а ш е й действительности. У нас с н я т ы п у т и к а п и т а л и с т и ч е с к о г о р е ж и м а, и поэтому у нас не может быть п р и н ц и п и а л ь н ы х п р о т и в о р е ч и й м е ж д у т е н д е н ц и я м и т е х н и ч е с к о г о р а з в и т и я и э к о н о м и ч е с к о й с к о р л у п о й о б щ е с т в а. Наоборот, благодаря правильной политике партии и ее руководства мы движемся вперед с огромной быстротой.

Наши т р у д н о с т и совершенно другого порядка. Они развиваются с другими знаками, объясняются другими причинами, имеют совершенно отличные корки. Не надо забывать, в каких условиях мы сейчас работаем. Мы получили наследство крайне тяжелое: интервенция, блокада и граждан-

[8] Th. N i x o n C a r v e r. Capitalism survives. «Current History». April. 1932.

ская война подорвали основы экономической жизни, снизив производство по некоторым отраслям до десятых долей одного процента довоенного времени. Мы все это преодолели. Но и сейчас мы живем в условиях полубойкота. Ведь крики о нашем демпинге — это обратная сторона полубойкота, который направлен против нас капиталистическими странами. Все это создает исключительные трудности. Без солидного кредита, без солидных займов мы хотим в короткий исторический срок разворачивать — и разворачиваем! — невиданные исторические дела.

Соотношение техники и экономики у нас совершенно другое. Наша экономика есть форма развития техники, а не ее оковы. Политические предпосылки (диктатура пролетариата), плановый характер хозяйства и проч. обусловливают совершенно другой тип движения. Здесь следует прежде всего отметить открытие и освоение огромных естественных богатств, которые обнаружены в результате поисковых работ; эти открытия изменили в корне даже самое общее представление о том, что такое наша страна с точки зрения ее «естественных богатств». На этой базе шла лихорадочная стройка, которая изменила весь ландшафт нашей страны. Если бы мы сделали сравнительные аэрофотосъемки (15 лет тому назад и сейчас), то мы увидели бы совершенно различные картины.

Не так давно Е. Дизель в небольшой работе «Преобразование мира»[9] писал о превращении «натурального ландшафта в культурный ландшафт». Этот процесс шел у нас последние годы семимильными шагами.

В основе этой огромной перемены лежат факты чрезвычайно большого технико-экономического веса, а именно факты индустриализации страны и перехода к крупному механизированному сельскому хозяйству. Цифры, относящиеся к этим процессам, общеизвестны, и я хотел бы остановиться здесь на качественной стороне дела, потому что вопрос о технических сдвигах решается не одними голыми цифрами, но и качественными характеристиками.

Что нового произошло здесь?

---

[9] E. Diesel. Die Umstaltung der Welt. Zur Frage unserer technischen Schiksals.

То, что в решающих областях промышленности мы создали базу на основе совершенно новой техники.

В области металлургии мы освоили производство мощных блюмингов, прокатных станов и воздуходувок, производство ферросплавов, высококачественных сталей, сверхтвердых сплавов и т. д.; мы поставили производство своего алюминия и магния, новых высококачественных огнеупоров, редких металлов и элементов. В области машиностроения мы поставили производство гигантских водяных турбин и генераторов, мощных паровых турбин и дизелей, авиамоторов, врубовых машин, нефтебуров и компрессоров; мы приступили к советскому станкостроению; мы наладили производство сложных сельскохозяйственных машин, комбайнов разных назначений, колесных и гусеничных тракторов; мы можем уже строить мощные паровозы ФД и ИС, тепловозы и электровозы; мы поставили на ноги автозаводы и производим сами автомобили легковые и грузовые, мощные 3- и 4-осные грузовики, теплоходы и мотоциклы, гигантские самолеты; мы производим сами электротехническое оборудование, ставим радиостанции; мы имеем уже советские электросварочные агрегаты; мы производим усовершенствованные текстильные машины, типографские сложные машины и т. д. и т. п.

В области химической промышленности мы поставили азотную промышленность, производство новых удобрений, производство СК и ряд других важнейших производств.

Словом, мы создали базу тяжелой промышленности и, пожалуй, теперь нет уже машин, которые мы не могли бы производить в нашей пролетарской стране.

Это есть новая продукция, которая развивается у нас на новой технической основе, в новых пущенных заводах-гигантах. Мы имеем типы Кузнецкого строительства и Магнитки. Мы имеем такие электростанции, как Днепрострой. Мы имеем такие машиностроительные колоссы, как Уралмаш и Краматоровка, такие заводы, как Челябинский ферросплавный или Волховский алюминиевый. На весь мир известны СТЗ и ХТЗ, ГАЗ и 6. АМО. И число их множится с каждым годом.

Здесь мы сделали огромный бросок вперед.

Итак, мощная база тяжелой индустрии у нас уже есть,

и никто не может отрицать поразительных сдвигов. Поистине смешны люди, которые говорят, что индустриализация «провалилась». Эти люди, подпевающие нашим врагам, из-за деревьев не видят леса. Днепрострой ведь не провалился! Челябинский завод не стерт с лица земли. Магнитка твердо врастает в горные кряжи Урала. Советские гиганты прочно стоят на нашей советской земле и будут выпускать свою продукцию на благо нашего Советского Союза!

Мы и в с е л ь с к о е х о з я й с т в о ввели уже большой поток с.-х. орудий. Мы достигли уже крупных успехов на основе широкой коллективизации и строительства совхозов. Имея такую индустрию, мы, напрягши силы этих рычагов и для сельского хозяйства, пойдем к его дальнейшему мощному производственному подъему. Тогда мы уже будем двигаться дальше таким твердым шагом и с таким напором, что ускорение и впредь вовсе не будет идти по затухающей кривой, как об этом пели противники; это ускорение охватит своими темпами все отрасли народного хозяйства; мы будем образцом для всех стран и для всего рабочего класса этих стран, который идет и будет идти еще быстрее по нашему пути!

У нас в о б л а с т и н а у к и, если брать одну только тяжелую промышленность, за последние годы число институтов и их филиалов быстро возрастает в п р о т и в о п о л о ж н о с т ь тому, что происходит в капиталистическом обществе: в 1929 г. у нас было 70 институтов и их филиалов; в 1930 г. — 155; в 1931 г. — 230, в 1932 г. — 238.

Число н а у ч н ы х р а б о т н и к о в (без подсобного техперсонала и вообще без подсобного персонала) увеличилось п о ч т и в п я т ь р а з. Если принять число всех научных работников нашего наркомата в 1929 г. за 100%, то в 1932 г. мы имеем 480%. Это совсем другой лейтмотив развития, чем в капиталистическом обществе сегодняшнего дня.

Наши институты ставят перед собой проблемы самые разнообразные, от телевидения до добавочного количества сахара из патоки, от расщепления атома лития до небьющегося стекла «триплекс». Это очень хорошо. Хорошо, что мы не хотим отставать от Западной Европы и Америки ни в больших проблемах, которые могут оплодотворить огромные отрасли производства и всю совокупность нашей хозяйственной жизни, ни в малых проблемах. М ы и в о б л а с т и н а у к и о р и е н т и р у е м с я н а «д о г н а т ь и п е р е г н а т ь».

Число ИТР с высшим образованием увеличилось за то же время примерно в четыре раза. В 1929 г. мы имели их 57 тысяч, а в 1932 г. — 216. Примерно такой же коэффициент увеличения мы имеем и в отношении технического персонала со средним образованием.

Эта сравнительная картина того, что делается у нас, и того, что делается в капиталистических странах, говорит нам, что сектора развития указывают различные его направления. Поэтому и результаты неизбежно получаются разные; поэтому и конечный результат будет различен.

III. КРИЗИС И ВАЖНЕЙШАЯ ПРОБЛЕМАТИКА, СВЯЗАННАЯ С ТЕХНИКОЙ

После того как я нарисовал перед вами эту картину, я бы хотел остановиться на важнейшей проблематике, связанной с техникой, проблематике, которая выдвигается сейчас в капиталистических странах.

Это уже относится к области идеологии. Я извиняюсь перед вами за то, что на съезде ИТР ставлю такие проблемы. Но дело в том, что идеология, с точки зрения марксизма, вовсе не представляется пассивной силой и мыльным пузырем, ничего не значащим с точки зрения деловой и солидной инженерской работы. Это не так. «Люди делают историю», и еще Маркс сказал, что теория становится силой, когда она овладевает массой. Экономический кризис, который катится лавиной в капиталистическом секторе мирового хозяйства, вызывает глубочайшее, никогда невиданное идейное брожение в среде инженерства. Я не буду брать в первую очередь другие слои так называемых «умственных работников»: «чистых» философов, литераторов, гуманитариев всех видов и т. д., — для этого нужно искать более подходящее место, чем съезд ИТР. Я буду говорить, главным образом, о технических журналах. Нужно заметить, что дискуссии, которые здесь ведутся, выходят весьма далеко за пределы «чисто-технической» постановки вопроса. Иначе, впрочем, и не может быть, раз история повесила над всем капитализмом колоссальный вопросительный знак.

Дискуссия № 1. Это — дискуссия о техническом прогрессе вообще и о соотношении между техникой и экономикой, между «техни-

кой» и «коммерцией», проходящая буквально по всем ведущим техническим журналам. Как тут стоит вопрос? Он стоит так, как это формулирует в немецком журнале «Машиностроение» («Maschinenbau») Hellmich: он называет свою статью: «За и против техники». Он спрашивает себя, должны ли «мы» быть за технику или против техники. С нашей точки зрения, это совершенно нелепый вопрос. Это все равно, что спросить, как будет правильнее — ходить по плохим мостовым на голове или на ногах. Для нас тут нет проблемы, но там это является проблемой, ибо буржуазное общество, а следовательно, и буржуазная идеология действительно ходят на голове...

Г-н Hellmich пишет:

> «Необозримо (unübersehbar) войско писателей, которые дуются на технику, и даже желают его гибели или предсказывают эту гибель»[10].

Это — тоже свидетельское показание из буржуазного источника. Вы подумайте, до чего низко пал капитализм, если среди его идеологических вооруженных сил уже есть «необозримое войско» борцов против машин! Не английские «луддиты», не гауптмановские силезские «ткачи» — нет! Цвет культуры и цивилизации ставит вопрос о борьбе со средствами производства. Уэлс, покойный В. Ратенау, Попп, Эрматингер, философ О. Шпенглер — один за другим поднимали голос против техники. Hellmich особенно нападает на Шпенглера, «пророка грядущей гибели западной культуры».

В журнале «Ферейна немецких инженеров» (V. D. I) A. Nägel в статье «Техника и хозяйственный кризис» тоже обрушивается на «самый опасный яд» — учение Шпенглера, как зараза, действующее на умы буржуазных сыновей. Автор объявляет поход (до чего дошло дело!) против лозунга Шпенглера: «Проклятие технике»[11].

В том же журнале мы, наряду с манифестом союза немецких инженеров, имеем статью проф. E. Heidebrock'a: «Машина и безработица». Здесь мы читаем:

> «На высшей точке хозяйственного кризиса, который мы сейчас переживаем, когда мы чувствуем безра-

---

[10] «Maschinenbau», Band 11, Heft 1 (7—1—32).

[11] Nägel. Technik u. Wirtschaftskrise. V. D. I. 2 апр. 1932.

ботицу миллионов наших соотечественников как величайшее национальное бедствие, все громче звучит крик против машины, то есть против техники в широком смысле слова...»[12]

Американские инженеры тоже вынуждены, под напором такого «крика», доказывать пользу стекла, то бишь, техники. В журнале «American Machinist» мы находим, напр., статью W. Taylor'a, пространно доказывающего пользу механизации»[13].

Я нарочно привожу вам цитаты для того, чтобы потом никто меня не упрекнул в том, что я «преувеличил», «перегнул палку» и т. п.

Ряд этих цитат-примеров, который можно было бы увеличить до бесконечности, говорит сам за себя. Идет глубокая «переоценка ценностей», вполне соответствующая «сумеркам богов» капиталистического мира. В этом мире все громче и громче звучит лозунг «долой технику!». А мы идем под лозунгом, который был сформулирован т. Сталиным: «Техника в период реконструкции решает все». Можно, как угодно, играть в «кошки-мышки», заниматься схоластическим толчением слов. Но никак нельзя опровергнуть того факта, что директивной доминантой старого мира все более и более является идея отрицания техники, путем пожирания которой ее собственный родитель, капитализм, хочет продлить свое существование. И никак нельзя опровергнуть другого, параллельного факта, что в СССР ведущей идеей является идея социалистической технической реконструкции. Вопросы о соотношении «техники» и «экономики» дискутируются главным образом на фоне проблемы безработицы. Характерно здесь то, что противники техники имеют смелость обвинять ее во всех бедах, тогда как инженеры робеют и боятся нападать на «экономику», т. е. капитализм.

В связи с этим вопрос о технике подымается и до абстрактной высоты: о типе машинной цивилизации вообще. Уже распухла большая литература, наполненная плачем и стенанием: машина приводит к механизации всей жизни, к исчезновению личности, к человеку-номеру, к ис-

---

[12] E. Heidebrock. Maschine u. Arbeitslosigkeit. V. D. I. 22 окт. 1932.
[13] W. Taylor. What Mechanisation Does? «American Machinist», Nov. 12.

чезновению всякой духовной культуры, к водворению бездушной, отупляющей «механической» «цивилизации» (в противоположность «культуре»), к человеку-автомату, к пошлым зрелищам и дурацкому спорту тупых и обезличенных единиц человеческого рода и т. д. и т. п. В такого рода критике есть рациональное зерно, ибо капитализм, капиталистическое применение машин действительно означает превращение работающего индивидуума в придаток машины, в счетную единицу, в «рабочие руки». Но это не есть аргумент против машины вообще. Критика машинного капитализма не есть критика социалистической машинной системы. Социализм стремится к построению такого рода порядка вещей, где человек — господин над орудием, а не орудие — господин над человеком. Отсюда следует, что коммунистическое общество по всему стилю своей жизни отнюдь не может быть слепком с действительно античеловеческой цивилизации монополистического машинного капитализма. Но это — тема, которая уже выходит за рамки моей речи.

Дискуссия № 2, это — проблема индустриализации или реагаризации. Проблема эта заключается в том, что сейчас, из-за невозможности использовать даже существующую техническую мощность, выдвигается реакционная идея превращения промышленных стран в аграрные. Не нужно обладать очень большим умом, чтобы понять, что это не только реакционная, но и утопическая затея.

Количество населения есть функция производительных сил и, следовательно, технического прогресса. На этой основе возникло и мировое хозяйство с его населением; соответствующей плотностью этого населения и интенсивностью общественных связей.

Если, например, современную Германию, Францию, Бельгию или Англию «разиндустриализировать», то часть населения должна вымереть. Весь материальный уровень должен резко понизиться. От современной культуры не останется и следа.

Итак: у нас главный лозунг, наше знамя, это — индустриализация страны, превращение ее из аграрно-индустриальной в страну индустриальную. А там мы видим проповедь перехода от индустриально-аграрного уклада к укладу аграрному. Рак истории должен пятиться, — с точки зрения буржуазных декадентов — с удивительным изяществом назад.

Дискуссия № 3. Третья тема, которая сейчас дебатируется в технических журналах, это — вопрос о темпах технического развития. Говорят: техника губит все дело, миллионы людей выбрасываются на мостовые, голодают. И вот агенты и функционеры капитала, не хотящие все же расстаться с техникой, начинают искать компромиссных объяснений и компромиссных решений: все дело, мол, в том, что слишком быстро прыгает технический прогресс, его нужно немного поприжать (такую позицию занимает и Отто Бауэр). Отсюда — вопрос о «контроле над техническим прогрессом». В одной из статей в «Немецком экономисте» мы находим ответ сторонникам этого «контроля». Эти сторонники контроля над техническим прогрессом выставляют — не шутите! — идею плана. Но идея плана тут имеет реакционное значение: здесь предлагается «в плановом порядке» надеть узду на технический прогресс.

Ответ «Немецкого экономиста» гласит:

> «Но это утверждение (о скачках и т. д. *Н. Б.*) стоит на слабых ногах. Вот доказательство e contrario (от противоположного. *Н. Б.*). Почему в современной России (если действительно правильно часто встречающееся утверждение) нет безработицы? Разве там не имеет места технический прогресс? Или он идет медленнее, постепеннее, менее скачкообразно, чем в капиталистических странах без плана?»[14]

Но настоящего вывода, вывода о «виновности» капитализма, разумеется, не делается.

До каких геркулесовых столбов нелепости доходит дело, видно из статьи французского журнала «L'Economiste Français» («Французский экономист»), под заглавием: «Средство смягчить кризис и плановое хозяйство». Там всерьез аргументируют против... наказаний изобретателей:

> «Каково должно быть средство лечения? Невозможно употреблять репрессивные меры и наказывать изобретателей. Это было первыми средствами, которые употреблялись со свирепой энергией в начале веков. Прометей, бог изобретений, был наказан казнью мучи-

---

[14] A. Salz. Die Kontrolle etc. «Der Deutsche Volkswirt», № 49.

тельной и долгой. Только военные необходимости позволили Архимеду использовать сделанные им изобретения. Петроний рассказывает, что один римский император приговорил к смерти того, кто открыл металл.., который мог конкурировать с золотом и серебром. Это доказывает, что подобное занятие не ново».[15]

Итак: и здесь попятное движение, «возврат к более примитивным формам» (Зальц), что находит свое выражение в лозунге, который уже обращается в публике. Это — лозунг «моратория на технический прогресс».

У нас — всемерная поддержка технического прогресса.

У них — мораторий на технический прогресс.

Дискуссия № 4: крупное или мелкое хозяйство. Этот вопрос логически связан с вышеразобранными проблемами. Развитие производительных сил на всем протяжении капитализма было связано с ростом крупного хозяйства. Теперь развитие производительных сил требует организованного планового, социалистического сверхкрупного хозяйства. На этом капитализм и ломает себе шею. Но идеологи буржуазии и здесь «разрешают» вопрос так: нужна поддержка мелкого хозяйства, надо пятиться назад.

Вновь разогревается культурно-эстетическое варево о художественности, духовности, преимуществах и добродетелях мелкого производства. Это явление не ново. Возьмем хоть направление Д. Рёскина в Англии, эстетическое, мелкобуржуазное, приятно-реакционное. Рёскиных читали милые барыни в длинных перчатках. Это — «камерная» идеология, которая могла произрастать на мягких коврах гостиных, а теперь этими бирюльками хотят заниматься серьезно. Плохо чувствует себя крупный капитал, раз он хватается за фалды ремесла!

В то время как «мы» строим заводские гиганты, перешли на колхозы и совхозы, в это самое время «они» проповедуют возврат к земледельческим парцеллам и средневековому ремеслу.

---

[15] «L'Economiste Français». 60-e année. 2 vol., № 31.

Дискуссия № 5: изобретательство и наука. Здесь позиция «борющихся сил» предрешена предыдущими идейными установками.

«Science» в № от 8 сентября сообщает о торжественном открытии в Чикаго «Зала знаний», где инженер и ученый д-р Джуитт говорил о распространенности «сомнений» насчет техники и науки и упомянул об идее научных «каникул». Свэн Гардинг в «Current History» тоже пишет «о каникулах науки» («из университета — в очередь за супом») в связи с кризисом. «Wall Strret Journal» высказывется за десятилетние каникулы для науки, поддерживая предложение одного английского архиепископа. Картина получается более чем яркая.

Мораторий для техники, каникулы для науки!

Дискуссия № 6: проблема кадров. Эта проблема непосредственно вытекает из проблемы безработицы. Последняя охватила не только миллионы работников физического труда. Она вовлекла в свой водоворот большие массы интеллигенции вообще, научно-технической интеллигенции в частности. Перепроизводство научно-технической интеллигенции есть такой же факт кризиса, как перепроизводство немецкого оборудования или бразильского кофе. Так как все спорящие стороны стоят здесь на точке зрения капитализма, то они единодушны в лозунге сокращения количества студентов в технических школах, сокращения количества научно-исследовательских работников и т. д., хотя и протестуют против «скачков» на этом поприще (см., например, письмо немецких ученых Гинденбургу). Динамика процесса и здесь совершенно определенная.

Дискуссия № 7: проблема массы. «У них» она тоже дебатируется. Появилась сейчас испанская книжка, которая имеет огромный резонанс и в Германии. Хозе Ортега — вот имя и фамилия того, кто написал эту книжку: «Восстание масс». Здесь говорится, что главное зло и беда заключается в том, что масса приподнялась за счет значения «сока жизни», «головки», «аристократии духа», «элиты», «избранных». Эта плотва обезличила все на свете, она с ее «дурными инстинктами» — корень зла; она убивает «творческую личность» и т. д. и т. п. Здесь нужно ставить барьер перед этими темными (сиречь революционными) инстинктами масс. Люди понимают, что инстинкты масс — это «штучка». А если взять с точки зрения тех рассуждений,

которым я даю анализ в этом своем приветственном слове; если в рамках этих идей говорить о том, что происходит, то в чем дело? А дело вот в чем. Мы стоим за расширение образовательного процесса, за то, чтобы, по сути дела, последний, «предельный» рабочий стал техником, инженером и т. д., чтобы было изжито противоречие между умственным и физическим трудом. В конце концов, у нас к этому идет дело. Наши успехи основаны на том, что по своему положению в политике, хозяйстве, культуре, рабочий класс имеет возможность развернуть огромные скрытые, потенциальные силы. Но это возможно только при диктатуре пролетариата. Там — ориентация на «избранных», у нас ориентация на массу, которая должна сама себя переделывать, которая должна выдвигать авангард и своих передовиков, вождей; но мы этот авангард рассматриваем не как застывшую верхушку, а как звено в общей цепи великого процесса хозяйственного, культурного и политического развития; процесса, который есть процесс переделки всей массы трудящихся, процесс выявления новых энергий.

IV. ДВА ОСНОВНЫХ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ «ВЫХОДА» У БУРЖУАЗНЫХ ИДЕОЛОГОВ

Итак, у буржуазных идеологов намечаются два иллюзорных «выхода», два пути, якобы выводящих из кризиса.

Первый — это всеобщее, универсальное, бесповоротное, поспешное и паническое движение задом наперед назад.

Это — реакционный «выход» с курсом на отрицание техники, понижение производительных сил, с курсом на возврат к более примитивным экономическим формам и т. д. Он отражает с чрезвычайной яркостью тенденцию загнивания капитализма и закономерность классовой борьбы. Буржуазия не в силах идти вперед. Ее задача — в подавлении всего живого. Ее философия теперь — реакционная философия. Она нередко прямо и открыто апеллирует к религии. Так, например, упоминавшийся нами титулованный друг о-ва «Dinta» Freiherr von Lüninck говорит:

> «Таким образом, глубочайший корень обновления, о котором вообще можно думать, — обновления общества, государства и экономики — лежит не в области хозяйственной, не в области рациональной, не в поли-

тике, а в области иррационального, в вечных духовных и моральных ценностях, в конечном счете — в религии... Один источник выздоровления и обновления: восстановление власти бога во всех областях человеческой жизни, не исключая и экономики».

Итак, выздоровление и обновление должно принести власть бога во всех областях человеческой жизни, в том числе и в «экономике». Значит, можно к Сименс-Шуккерту или Круппу послать на выбор «отца» или «сына» или «духа святого» — все будут зачислены в штаты, и не останутся безработными!

Все это, конечно, весьма смешно: но фетишизм старого мира настолько велик, что люди серьезно говорят о восстановлении власти бога, а другие люди серьезно слушают.

Есть и д р у г о й «выход»: его намечает идеология «п л а н о в о г о к а п и т а л и з м а». Тут литература огромна, ее — безбрежное море. Разумеется, г-да капиталисты и их идеологи с изумлением приглядываются и к СССР. Своим рабочим массам они непрочь внушать, при помощи всех оттенков социал-демократии, фашистов и других «идеологов», что они — «сами с усами», и что не нужно никаких революций: они сами «урегулируют» и «спланируют» хозяйство, опираясь на целую новую «науку» так называемого «конъюнктуроведения». Следует, пожалуй, в скобках отметить, что о г р о м н у ю литературу в таком духе выпускают я п о н с к и е с о ц и а л-ф а ш и с т ы, которые ухитряются даже нашу пятилетку использовать для укрепления власти империализма.

В американском журнале «The Annalist» мы читаем о влиянии СССР (статья «Рост государственного капитализма в Европе»):

«Вдруг те самые люди, которые несколько лет тому назад кричали о большевизме, как о деле рук сатаны, теперь начинают открывать тайное пристрастие к нему в уголках своих сердец... Те, кто был наиболее некритичным в осуждении советского режима, начинают быть наиболее некритичными его почитателями».[16]

[16] «The Annalist» Nov., 11. 1932. E m i l L e n g i e l. The Growth of state Capitalism in Europe.

Выше мы видели уже, что даже плановая идея служит реакционным целям в руках капитала: и для обмана масс, и потому, что она соединена с идеей «планового» обуздания техники. Но суть дела в том, что эта идея утопична. Она идет по линии «организованного капитализма», капитализма без анархии, капитализма без основных свойств капитализма.

Это прекрасно видно тогда, когда люди начинают обсуждать методы введения такого капитализма.

Один из американских профессоров пишет:

> «Автор верит, что первым шагом на этом пути является распространение знаний о плановом хозяйстве среди нашего народа».[17]

Они распропагандируют всех, в том числе и капиталистов, и те будут все планировать на общую пользу.

Надо сказать, что в американской инженерной литературе прямо поражает какая-то провинциальная наивность, поистине безграничная.

Вообще в Америке (и за ней и в других странах) среди инженерской публики распространена идеология, по которой капиталист — один из функционеров общества. Американский экономист Карвер усиленно подогревает не особо новую идею, что классов нет (их «выдумал» Маркс), а есть разные профессии на основе разделения труда: как между машинистом и часовщиком нет принципиальной разницы, а все выполняют «общественную службу», так нет разницы между капиталистом и рабочим.

Только капиталист будет получать немножко больше.

Отсюда идея: распропагандировать капиталистов. Отсюда многие находят «разрешение» вопроса в личном самоусовершенствовании: давайте будем все добрыми, давайте будем все благородными, и тогда кризиса не будет. По-нашему это называется: «в огороде бузина, а в Киеве дядька». Многие немецкие инженеры подводят под свою рецептуру кантовскую мораль. Я всегда привожу в этом случае разговор Энгельса с Плехановым о Лаврове. Энгельс спрашивал Плеханова: «Скажите, пожалуйста, ведь Лавров — порядочный человек; так почему же он так часто говорит о морали?» Эти немецкие инженеры до приторности говорят

---

[17] G. H. Shepard. Planning for Prosperity. «Mechanical Engineering». Aug. 1932.

об этике. А главное в том, что сами-то они стоят на почве капитализма. А на этом пути нельзя найти решение вопроса.

Поэтому нельзя найти выход и в весьма популярной среди инженеров идее «национального единства» в ее разных вариантах. Эту идею подняли недавно на щит в своем манифесте немецкие инженеры (V. D. I.). Но ведь это не что иное, как повторение лозунгов мировой войны, но уже применительно к хозяйству. Лозунги эти давно выветрились, они давно разоблачены, и говорить о них серьезно, как о директиве, гарантирующей выход из кризиса капитализма, смешно.

Интересным явлением следует считать литературу школы Вэблэна. Вэблэн считает, в противоположность другим инженерам и экономистам, что капиталисты — это паразиты, что командирами производства являются инженеры; он выдвигает своеобразную концепцию на будущее время, концепцию инженерократии, господства инженерства. Смотрите, не заразитесь! Но и эта концепция не выдерживает критики, хотя она и стоит в стороне от обычных рецептов.

В самом деле. Разве капиталист, который получает прибыль, дивиденд, банковскую прибыль и т. д., позовет главного инженера и скажет ему: «Я пойду в пустыню Сахару по рецепту Кржижановского продувать воздух»?.. Добровольно он не уйдет, даже ради инженера. Его придется обязательно свергнуть. Но свергнуть капитализм даже американский инженер (если бы он так расхрабрился!) без рабочего класса никак не сможет. Следовательно, условие: союз с рабочим классом. Он сможет далее попытаться обмануть рабочий класс. Но когда рабочий класс доходит до такой стадии своего развития, что свергает капиталистический режим, тогда даже самый квалифицированный технический человек не в состоянии будет его провести. Следовательно, выход не в инженерократии, а в диктатуре пролетариата.

Есть единственный выход, и этот выход осуществляется нами. Мы его предлагаем: чем скорее инженеры примут этот путь, тем лучше.

Итак, мы можем сказать нашим заграничным коллегам: в споре между «техникой» и «коммерцией» мы целиком на стороне техники; мы здесь с вами. Но вы ищете выхода на ложных путях; вы связаны своими капиталисти-

ческими путами. Выхода нет в пределах капитализма. Выход есть, но он лежит вне этих пределов. Этот выход — социализм, к которому подводит все техническое развитие современности.

V. ЗАДАЧИ ИНЖЕНЕРСТВА СССР НА ДАННОМ ЭТАПЕ

Из того, что у капиталистов дело плохо, не следует, что капитализм уже мертв. Он еще силен, он еще нам вредит, он готовится к бою с нами. Его сил не нужно переоценивать, но нелепо их недооценивать. Лозунг российских головотяпов «шапками закидаем» нам вовсе не к лицу. Мы должны смотреть на вещи гораздо серьезнее и глубже.

Многое мы сделали, но еще больше нам предстоит сделать. Много славных побед мы одержали, но недостатков и трудностей у нас немало. Их нужно считать, изучать, преодолевать. Перед инженерством — огромное поле работы, благородной и благодарной.

На что должен обратить внимание инженер на данном этапе?

Во-первых, наш инженер, несомненно связанный с экономической жизнью вплотную, должен принимать большее участие в организации планирования, в разрешении проблем технической реконструкции и в обобщении технического опыта строительства.

Нетерпимо такое положение вещей, когда после огромного количества строек мы не извлекли всех уроков, не обобщили здесь всего того, что можно было бы обобщить для использования огромного опыта в целях дальнейшей технической реконструкции.

Второе — вопросы техпромфинплана. Об этом мне приходилось так много говорить, что я не буду здесь развивать этот вопрос. Но особенно сейчас нам нужно на это обратить большое внимание и главным образом разработать уже специализированный подход к разным видам нашей промышленности, к разным типам заводов, фабрик и т. д.

Третий вопрос — сердце всех этих вопросов. Это вопрос о техническом руководстве предприятий. К сожалению, этот вопрос не стоял на пленуме нашего съезда. Мне представляется, что этот вопрос есть

центральный вопрос, и без разрешения его мы не сможем радикально улучшить положение вещей на наших предприятиях.

В-четвертых. В связи с проблемой квалификации и переквалификации инженеров нужно установить другой тип связи заводского инженерства с научно-исследовательскими учреждениями, чтобы не было такого положения, когда эти два крыла деятельности друг с другом не соприкасаются, и получается система несообщающихся сосудов. Не может быть хорошего инженера, который будет плевать на научно-исследовательскую работу. Не может приносить достаточной пользы научный работник, который так или иначе не связан с инженерством. Это надо понять. Это надо особенно запомнить потому, что у нас есть крупнейшие недостатки в расположении сил. У нас есть квалифицированная головка ученых, есть заводское инженерство, но нет промежуточных слоев, которые служили бы передачей, мостом между теми и другими. У нас нет такого слоя, который бы продукт теоретической мысли немедленно переводил на конвейер фабрично-заводской жизни, в производство. Чем скорее эта проблема будет решена, тем будет для нас лучше. Все эти вопросы, вплоть до квалификации и переквалификации нужно поставить в центре внимания. Сейчас нужно больше дела, больше внимательного отношения и больше систематической работы.

Вопрос о подготовке кадров. На этот счет есть решение правительства о втузах. Оно ставит перед заводским инженерством целый ряд проблем о связи с втузами, о форме этой связи, о методах обучения на заводе и т. д.

Наконец, сугубого внимания заслуживает вопрос о нашей научно-технической общественности, вопрос, который так страстно дебатировался здесь на съезде. Здесь следует призвать всех к дружной и постоянной работе.

* * *

Два слова в заключение.

Во всем мире сейчас происходит яркая поляризация классовых сил. Тов. Молотов развернул картину того, как внутренние наши задачи связаны с классовой борь-

бой, которая на определенных участках фронта чрезвычайно обострилась. Эту же проблему можно поставить в области международной политики. Своим строительством мы ведем классовую борьбу. Любой из нас, принимающий участие в строительстве социализма, ведет эту борьбу со всеми странами капиталистического мира. Это факт. Любое наше достижение в любой области, которое представляет ценность с точки зрения нашего продвижения вперед, есть гирька на весах классовой борьбы нашего социалистического порядка вещей с капиталистическим миром.

Я уже сказал, что сейчас происходит поляризация классовых сил. На одной стороне коммунизм. На другой стороне — фашизм. Наша Академия наук отстаивает определенные позиции, позиции социализма. В Риме Академией наук созывается международный конгресс, где ставятся центральные политические вопросы. На этот конгресс съезжаются крупнейшие буржуазные идеологи (Вернер, Зомбарт в их числе) и от имени «Европы» защищают фашизм.

В «Jiornale d'Italia» от 22 ноября сообщается, что этот конгресс закрылся единодушным признанием фашистской Италии и «декларацией корпоративного принципа, как фундамента европейской реконструкции». От имени конгресса декларировали, что спасение Европы от кризиса — в фашизме.

«Jiornale d'Italia» сообщает:

> «Были обсуждены все проблемы европейской жизни: географические, этнографические, исторические, политические, колониальные, юридические, экономические, денежные, банковые».

И ученые провозгласили здравицу за фашизм.

Разве это не классовая борьба?

Далее, мы имеем манифест германских инженеров. Он не заострен против нас, но главная идея, доминирующая идея, — национальная идея, служба государству капитала.

Совершенно ясно, что если мы здесь ведем борьбу в рядах пролетариата, то всякий из наших заграничных коллег, который не имеет «физической силы ума» порвать с традициями капитала, даже если он субъективно этого не сознает, ведет классовую борьбу против нас и против пролетариата.

С повышением удельного веса СССР вообще, — а это повышение будет совершенно неизбежным процессом — мы понемногу будем отрывать наиболее передовые силы. Ваша задача будет заключаться в том, чтобы, показывая на деле преимущества нашего социалистического режима, отрывать все большие и большие куски от инженерского тела капиталистического мира для того, чтобы их пересаживать на наш технический организм в качестве плодотворной ткани.

К этому дело пойдет неизбежно. Нам только и здесь нужно иметь свою собственную тактику, успехи которой в значительной степени будут определяться не количеством выпущенных нами деклараций, а реальными достижениями нашего социалистического строительства.

Сейчас любая техническая проблема — будь то проблема крупного с.-х. орудия или какая-нибудь другая техническая проблема из области промышленности, сразу смыкается с проблемой классовой борьбы. Ведь немыслимо, например, сложную с.-х. машину употреблять в мелком индивидуальном хозяйстве. Целый ряд крупнейших технических орудий не влезает в другие рамки, кроме рамок социалистического хозяйства. Вот почему технические проблемы связаны с классовой борьбой, которая еще очень остра и может еще более обостриться. Разбитые классы еще не совсем уничтожены, хотя великий вопрос Владимира Ильича «кто кого» в основном решен. Но все же наши враги не раз будут пытаться нам помешать и протащить свое дело.

Они будут использовать все наши трудности — а их немало — для дезорганизации сил. Массовая переделка предполагает массовую ломку. Она требует и великих жертв, и великого напряжения. Здесь нужна выдержка и твердость. Здесь нельзя смущаться частичными прорывами: их нужно преодолевать. Нужно вести решительную борьбу с теми, кто из-за деревьев не видит леса, кто — подобно открытым врагам — превращает сумму трудностей в «провал», кто тащит назад, кто переползает на враждебные позиции, кто разлагает ряды штурмующей армии. Мы побеждали всегда громадной концентрацией основных идей, громадной концентрацией воли и действия. Это обеспечивалось дисциплиной нашей партии, единой и одной, ее ленинским штабом. В таких условиях всякое дрожание мелкобуржуазной стихии, всякая вылазка классовых врагов находит свое отражение внутри огромной партии или около нее. Отсюда—

возникновение оппозиционных и даже контрреволюционных платформочек и групп, вроде группы Рютина. Они еще будут возникать, ибо классы не ликвидированы, классовая борьба не отменена. Лишь в борьбе с ними, лишь в защите общепартийной линии, лишь вместе с партией, лишь в классовой неустанной борьбе, лишь под руководством ленинского центра можно решать и дальше великие строительные задачи.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

КРАТКИЙ ОБЗОР

Гигантский строительный процесс, который развертывается в СССР под руководством партии, ее ЦК, ее вождя и вдохновителя т. Сталина и который уже привел к блистательным победам первой пятилетки, имеет и свою количественную, и свою качественную сторону. Последняя выражается в целом ряде фактов исключительного значения: в области техники мы имеем не только числовой рост средств производства или рост их совокупной ценности, но и новые, качественно отличные, типы и марки машин и аппаратов, что, конечно, связано с количественным нарастанием технических мощностей; в области экономики мы видим не только простое количественное продвижение удельного веса социалистического сектора: мы имеем новую, социалистическую, экономику целого, всего хозяйства страны, где индивидуальный сектор есть лишь дробь; поэтому, если брать отношения между классами, мы имеем не только нумерическое, числовое, приращение сил пролетариата, но весь основной рисунок классовых отношений стал другим по типу: частный капитал исчез, кулачество в основном ликвидировано, индивидуальный крестьянин превратился в колхозника; количественно необычайно возросший пролетариат сочетается с другими, не прежними, категориями; вся классовая физиономия общества стала иной, наглядно показывая, какие победы одержал в своей классовой борьбе, под руководством своей партии, героический рабочий класс нашей страны. В связи с этим в огромной степени возросла плановость нашего хозяйства: переделка и перестройка мелкого индивидуального крестьянского хозяйства, с его товарной анархической стихией, которая

играла еще не так давно значительную роль, дали возможность планировать и сельскохозяйственное производство. Громадное развертывание строительства вызвало к жизни все более планомерное применение науки к производственному процессу: от поисковых геологических работ до авиа- авто-, радиостроительства. С другой стороны, особое заострение проблемы освоения техники породило массовое движение по поднятию квалификации в самых разнообразных формах, из которых особо зрелые и эффективные формы получили государственную санкцию (закон о техминимуме, квалификационные комиссии). Ударничество, соцсоревнование, работа по техминимуму, живой инструктаж, изотовское движение и т. д. потребовали и новых организационных форм, обеспечивающих величайшую оперативность действия, и соответствующей материальной базы: так выросла сеть техстанций, производственных кабинетов, технических библиотек уже в лоне самих предприятий и ряд обслуживающих учреждений центрального типа. В общем все функции по научно-техническому обслуживанию промышленности от работы научно-исследовательского порядка вплоть до кружков техминимума, чрезвычайно расширились, и мы можем смело сказать, что к XVII съезду партии в этом отношении наша тяжелая промышленность, несомненно, поднялась на несколько ступеней, что находит свое отражение в значительном, хотя и недостаточном, повышении решающих количественных и — что особенно важно — качественных показателей.

1. НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЕ ИНСТИТУТЫ ТЯЖЕЛОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

а) Организация

Тяжелая промышленность обладает наиболее мощной сетью своих исследовательских институтов. Ни какой-либо другой производственный наркомат, ни Наркомпрос, ни Академия наук не обладают столь значительной и качественно высокой экспериментальной базой, как наша тяжелая индустрия. Равным образом, и геологическая служба, в первую очередь, сосредоточена в НКТП. Научно-исследовательские институты НКТП распадаются на две главные категории: так называемые головные

институты, находящиеся исключительно в подчинении НИС'у НКТП, отраслевые институты, являющиеся юридически составной частью хозяйственных отраслевых управлений, но по другой линии соподчиненные НИС'у. Головные институты, в свою очередь, обнимают собой: 1) институты с резко выраженным теоретическим уклоном, с перспективной тематикой (физика, химия, физическая химия и т. д.); 2) институты комплексного типа; 3) институты, обслуживающие много отраслей производства и выходящие далеко за пределы организационных рамок какой-либо промышленной отрасли. При этом, однако, следует заметить, что все без исключения головные институты связаны с промышленностью и свою тематику намечают в связи с потребностями социалистического строительства. Число институтов, распределение их по типам (отраслям и дисциплинам), по районам и по центрам подчинения иллюстрируются таблицей (цифры относятся к 1 января 1934 г.):

	Институты	Филиалы	Всего
1. По отраслям, дисциплинам и т. д.			
Физика (включая оптику)	6	—	6
Электротехника	6	—	6
Энергетика	7	1	8
Топливо	5	4	9
Черная металлургия	6	—	6
Цветная »	5	—	5
Машиностроение	16	1	17
Химия (включая углехимию)	26	6	34
Горнорудная	5	11	16
Строительство (включая стройматериалы)	20	4	24
Межотраслевые институты	4	1	5
Геология и геодезия	6	2	8
Комплексные промышленные институты	7	—	7
Итого	121	30	151
2. По районам			
I. РСФСР	98	20	113
Москва	51	—	51
Ленинград	22	8	30
Урал	7	5	12
Сибирь	3	3	6
Средняя Волга	1	2	3

	Институты	Филиалы	Всего
Северный Кавказ	2	1	3
Горьковский край	3	—	3
Остальные районы	4	1	5
II. УССР	17	5	22
В том числе Харьков	11	2	13
III. БССР	1	1	2
IV. ЗСФСР	5	3	8
V. Ср.-азиатские республики	5	1	6
Итого	121	30	151
3. По подчиненности			
НИС НКТП	18	13	31
Главкам, секторам, объединениям, трестам	89	17	106
Уполномоченным НКТП	14	—	14
Всего	121	30	151

Нужно иметь в виду, что за последний год была проделана огромная работа по сокращению научно-исследовательской сети, по ликвидации карликовых и нежизнеспособных единиц, не имеющих достаточно квалифицированных кадров: исключительно быстрый экстенсивный рост сети, рост вширь, не всегда сопровождался достаточной обеспеченностью необходимого качества, что и привело к процессу самоочищения.

Состояние кадров по тем же группам институтов (не совсем точно, ввиду неполного совпадения числа давших сведения институтов) характеризуется такого рода цифрами:

Группы институтов и филиалов	Научный персонал	Инженеры, техники, лаборанты	Остальн. техн. и обслуж. персонал и рабочие	Всего	Состав научного персонала				
					Аспиранты	Члены ВКП(Б)	КСМ	Рабочие по соц. происхожд.	С высш. образованием
Физика	507	212	804	1523	53	60	28	34	426
Электротехника	747	477	2212	3436	3	115	34	218	469
Энергетика	733	450	1164	2347	28	159	38	120	675
Топливо	687	483	1383	2553	11	110	43	60	588

Черная металлургия	482	320	622	1424	36	92	19	54	436
Цветная металлургия	420	251	1485	2156	5	66	18	35	374
Машиностроение . . .	949	612	1922	3483	38	173	27	132	845
Химия	2118	1552	4326	7996	124	273	112	175	1853
Горнорудная	673	305	1100	2078	31	56	15	42	534
Строительство	1375	848	2172	4395	62	146	23	119	1191
Межотраслевые	223	28	157	408	88	42	11	23	107
Геология и геодезия	795	495	841	2131	5	96	21	44	637
Комплексные	115	34	189	338	—	17	7	12	91
Итого . . .	9824	606	18 377	34 268	434	1405	396	1075	8226
В процентах .	28,6	17,7	53,7	100	—	14,2	4,0	11,1	83,7

Наконец, для характеристики материально-финансовой базы институтской сети мы приведем сводную таблицу за истекший 1933 г. (цифры на 1934 г. намечены с абсолютным уменьшением):

Источники финансирования	Сумма (в тыс. руб.)	Статьи расхода	Сумма (в тыс. руб.)
1. Госбюджет	44 777,0	1. Зарплата научных работников и ИТР . . .	95 348,7
2. Республик, бюджет на научную работу, аспирантуру, курсы и техпропаганду	4648,0	2. Расходы на материалы, энергию и др. оперативные расходы	84 700,5
3. По договорам от хозорганов	145 821,0	3. Общеинстит. расходы (В том числе зарплата админ.-хоз. персонала 13 909)	28 355,3
4. От реализации продукции опытных производств и материальных ценностей	23 748,6	4. На содержание аспирантуры	5327,3
5. От своего хозоргана на аспирантуру, курсы и техпропаганду	2956,9	5. Курсы	1795,1
		6. Техпропаганда . . .	3358,8
Итого .	221 951,5	Итого .	218 885,7

Из приведенных таблиц по финансированию вытекает огромный удельный вес тематики, которая связана с хоздоговорами (145 млн. на 44 млн. госбюджетных плюс 23 млн. от реализации продукции опытных производств). Соотношение только этих цифр ясно показывает реальнейшую связь с производственным процессом, ибо хоздоговоры идут по линии прямых заданий промышленности

в самом узком смысле этого слова. С другой стороны, и госбюджетные темы суть не что иное, как перспективные планы самой промышленности; они строятся по двум осям: по оси перспективных нужд хозяйства и по оси проблем, выдвигаемых самой наукой и заграничными уровнями исследования. Было бы в высокой степени опрометчивым «резать» эту работу: это значило бы исходить из принципов близорукого делячества и дать обойти себя в тылу империалистским врагам Союза. Целый ряд институтов уже занял определяющее место в процессе материального производства: таков ЦАГИ, который является ведущим научным и научно-техническим штабом нашего авиа- и авиамоторостроения; таков Центральный иститут металлов в Ленинграде, Государственный оптический институт — для оптической промышленности, Механобр — для всего дела обогащения в СССР (он же концентрирует и все проектирование обогатительных и агломерационных фабрик), Нисалюминий — для алюминиевой промышленности и т. д. Теоретические институты — физико-технический в Ленинграде и Харькове, химический им. Карпова в Москве и другие — находятся тоже, как сказано, в теснейшей связи с соответствующими промышленными предприятиями. Однако потребности столь быстро растущего производства настолько огромны, что на многих участках наука должна еще теснее сомкнуться с промышленностью и в то же время в узловых теоретических вопросах еще более повысить свой уровень, решительно ускоряя темпы развития своих экспериментальных работ.

6) Работа и достижения научно-исследовательских институтов

Если из всех решенных за самое последнее время задач выделить лишь несколько наиболее крупных, то мы можем получить, примерно, такой список:

1. Результаты геологических экспедиций институтов (новые месторождения железа, угля, нефти, нерудных ископаемых, редких металлов, включая золото и т. д.).
2. Работы по алюминию (несколько методов, освоенных уже полностью промышленностью).
3. Разного рода спецстали и металлические сплавы.
4. Титано-магнетиты.
5. Освоение новых видов химического сырья (в частности, углубленная, комплексная проработка апатито-нефелиновой проблемы с промышленным освоением).

6. Синтетический каучук (несколько методов).

7 Газификация нефти (добыча 70—80% обычно остающейся в пласту нефти; до конца проработана лабораторно).

8. Новые эффективные установки по крекинг-процессу.

9. Химическое укрепление грунтов.

10. Новые конструкции самолетов и моторов.

11. Прямоточный котел, революционизирующий тепловое хозяйство.

12. Ряд оборонных работ.

Здесь нет возможности хотя бы в малой степени перечислить даже отобранные завершенные работы: ряд таких работ проведен по электротехнике, в связи с проблемами высоковольтной сети и задачами электрометаллургии (например, индукционные печи, сварочные агрегаты), техники связи, измерительных приборов; по химии ряда отраслей, в том числе по химии удобрений; почерной и цветной металлургии (в том числе и по замене дорогих металлов); по сельскохоз. машиностроению (значительное количество всевозможных конструкций нового типа) и т. д. и т. п. Необходимо отметить и ряд теоретических работ, чреватых крупными техническими выводами, идущих по линии наших физических и химических институтов: работы по строению кристаллов, по природе химических реакций, по теории адсорбции, электрокапиллярных явлений, по механическим свойствам адсорбционных слоев и стабилизации коллоидных систем, по оптическому изучению строения молекул, по разложению атомного ядра и ряд работ по электрофизике, оптике и др.

В связи с проблемами второй пятилетки весной 1933 г. была создана и проведена 2-я плановая конференция по научно-исследовательской работе, выходившая, как и 1-я конференция, далеко за пределы НКТП и представлявшая все лучшие научные силы страны. В соответствующих секциях были проработаны планы 2-й пятилетки и выделены те узловые и наиболее актуальные вопросы, которые должны лечь в основу конкретных годовых планов научно-исследовательской сети (см.: Вторая всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы в тяжелой промышленности. Резолюции. ОНТИ. Москва. 1933. Стр. 351). Эти материалы являются основными для учета и дальнейшего направления работы наших научно-исследовательских институтов.

Для оценки научно-исследовательских институтов необходимо иметь в виду и систему их работы. Эта

работа строится на принципе плана, который прочно укоренился сейчас в сознании подавляющего большинства научных работников нашей страны. Эта работа, далее, строится на принципе всемерного сближения теории и практики, т. е. прямого обслуживания научно-исследовательской сетью нужд социалистического строительства. Инициатива в этих вопросах и их проведении принадлежала в значительной мере НКТП, и в равных формах это оказало решающее влияние на всю совокупную научно-исследовательскую сеть (плановые конференции всех научно-исследовательских учреждений; ближайший контакт с Академией наук СССР; генеральные договоры между НКТП и Академией наук; связь головных институтов НКТП с институтами Академии). По линии сближения с заводами практикуется, кроме системы хоздоговоров, посылка институтских бригад, связь с фабрично-заводскими лабораториями, «монтаж» достижений институтов работниками института на заводе; проведено прикрепление 82 институтов к соответствующим 300 предприятиям в порядке систематического обслуживания этих последних; кроме того, ряд институтов имеет опытные полузаводские установки, опытные мастерские и опытные заводы, число которых, несомненно, будет расти.

Институты НКТП, будучи наиболее мощными учреждениями научно-исследовательского типа в СССР, принимают участие и в жизни мировой науки, завоевав здесь серьезную позицию: наша геология и геофизика, наша физика и химия, наша физическая химия и соответствующие институты с их выдающимися научными силами, получили полное признание на Западе; наши ученые принимают участие во всех важнейших мировых съездах и конференциях, многие из которых все чаще и чаще созываются в СССР. Кроме систематического участия в заграничной научной прессе, мы издаем на иностранных языках журнал по физике и приступаем к изданию такого же журнала по физической химии.

2. ФАБРИЧНО-ЗАВОДСКИЕ ЛАБОРАТОРИИ

Громадное заводское строительство, новый тип заводов и сверхзаводов подняли на более высокую ступень и строительство фабрично-заводских лабораторий. За последние годы построены лаборатории при заводах: «Шарикоподшипник» им. Кагановича, ХТЗ, Уралмаш,

СТЗ, Кузнецкий металлургический, Макеевский, Сталиногорский химкомбинат, Горловский азотно-туковый комбинат и многих других предприятиях. Ряд лабораторий приобрел уже известность, как первоклассные учреждения с большим размахом научно-исследовательских работ (например, на ленинградском заводе «Светлана»). Однако следует отметить крайнюю пестроту картин и значительную неоднородность положения фабрично-заводских лабораторий, ибо, к сожалению, есть еще заводы с лабораториями, ютящимися на задворках, с крайне жалкой экспериментальной базой и с совершенно недостаточными по своей квалификации кадрами.

Лаборатории заводов подразделяются на три категории: 1) центральные заводские лаборатории, 2) цеховые лаборатории и 3) экспресс-лаборатории (лаборатории быстрых анализов; они нередко совпадают с цеховыми лабораториями). По своим основным функциям фабрично-заводские лаборатории ориентируются, прежде всего, на контроль технологического процесса во всех его звеньях, от исходного сырья до конечного продукта. Однако в зависимости от своих возможностей, они должны ставить и некоторые научно-исследовательские задачи, непосредственно вытекающие из данного технологического процесса во всей его «заводской» конкретности, как обеспечивающие его улучшение. С другой стороны, они имеют своей задачей и оперативную работу по налаживанию правильного режима во всех звеньях производственного процесса, взятого с его технологической стороны: наблюдая его пороки, анализируя их причины, разрабатывая «рецептуру лечения», овеществляя ее в производственно-технических инструкциях и инструктируя людей на соответствующем рабочем месте. Детскими болезнями фабрично-заводских лабораторий (если не считать самого важного и еще не вполне изжитого, а именно, плохой постановки лабораторной службы вообще, ее малого удельного веса) являлось иногда увлечение научно-исследовательской работой за счет прямых контрольных задач, без чего фабрично-заводская лаборатория для завода, т. е., как таковая, не имеет смысла. Однако в настоящее время этот порок в значительной мере ликвидирован. Другим недостатком лабораторий нередко являлось отсутствие оперативных функций: они были пассивными «контролерами» — и только, предоставляя «делать выводы» другим работникам завода. Эта «болезнь» теперь тоже быстро проходит. Ряд конфе-

ренций фабрично-заводских лабораторий по отдельным отраслям, проведенных Советом лаборатории при НИС'е НКТП, провел последовательную ориентацию на превращение фабрично-заводских лабораторий в ведущий цех завода, на основе вышеупомянутых функций: 1) контрольной (как главной и решающей); 2) научно-исследовательской (в зависимости от экспериментальной мощности лаборатории); 3) оперативной (как необходимой и завершающей всю работу).

Чрезвычайно плодотворное влияние оказала на развитие лабораторного обслуживания предприятия практика внутризаводского технического планирования. По мере того, как для руководителей заводов, в процессе подсчета технических мощностей, выяснения всех возможностей экономии и освобождения от импорта и т. д., выяснилась и роль лаборатории, лабораторная служба становилась на ноги, превращаясь в руках директора в важнейший рычаг работы. Опыт ряда заводов, в первую очередь, ленинградских («Светланы» и «Севкабеля»), дал огромный стимул другим. Московский «Шарикоподшипник», ХТЗ, металлургический завод им. Дзержинского в Каменском, ГАЗ и др. стали на этот же путь с большими производственными результатами. Отсюда — все повышающаяся роль лабораторий и выравнивание всего фронта лабораторной службы.

Некоторые примеры: только в центральных лабораториях 7 заводов качественных сталей работает 428 чел., из них 80 инженеров со специальным образованием (сюда не входят данные о цеховых экспресс-лабораториях, которые имеются на «Серпе и молоте» в 6 цехах, на «Электростали» — в 2 цехах и т. д.); на автотракторных заводах положение рисуется следующим образом: ХТЗ — 183 чел., автозавод им. Сталина — 151, ГАЗ — 289; Сталинский завод создал 8 цехлабораторий, ГАЗ — 7 и т. д.; в лабораториях азотной промышленности одной научно-исследовательской работой заняты 170 чел., в том числе 80 специалистов с высшим образованием; в 1932 г. здесь было 12 цеховых лабораторий, в 1933 г. — 27; особо благоприятно обстоит дело в машиностроительной промышленности, которая раньше других отраслей обнаружила и решительный сдвиг в области качественных показателей.

3. МАССОВОЕ ОСВОЕНИЕ ТЕХНИКИ (ТЕХПРОПАГАНДА)

а) Организация

До лета 1933 г. дело техпропаганды на заводах было, на основе функциональной системы, подчинено помдиректору по производственным совещаниям. Как и на других фронтах промышленности, «функционалка» приводила к известному отрыву от оперативной работы, и техпропаганда, несмотря на ряд завоеваний, все же была «на отлете», и отчасти в связи с этим, отчасти по другим причинам (общая недооценка дела массового освоения техники) не была рычагом в руках директора предприятия и, более того, нередко рассматривалась хозяйственниками как известный накладной расход. Постановление ЦК по углю, имевшее столь положительное значение и давшее столь значительный производственный эффект (оперативность, конкретность, единоначалие, концентрация ответственности, ликвидация бумажного канцелярского способа руководства и т. д.), первоначально было извращенно понято, как ликвидация самой техпропаганды, что привело к глубокому прорыву в работе по освоению техники. Однако, в связи с проведенным через НКТП решением о новой положительной форме работы, эта последняя стала быстро и успешно развиваться на новой основе. Суть реорганизации в том, что дело массового освоения решено было подчинить всей оперативной цепи главных действующих на заводе лиц, руководителей предприятия: директор — главный инженер — начальник цеха — мастер — передовой рабочий, ударник. И здесь практика технического планирования точно так же сыграла в высокой степени положительную роль, особенно после упомянутой реорганизации. Положительный производственный эффект, данный на основе техпропаганды (в особенности в процессе работы по техминимуму, инструктажу, по соцтехэкзаменам и т. д.), подкрепленный межзаводским и межотраслевым соревнованием, создал крепкую основу для быстрого развертывания работы. Ряд наиболее передовых заводов (особо необходимо отметить «Светлану», «Севкабель», Макса Гельца, «Шарикоподшипник» № 1, автозавод им. Сталина, «Серп и молот», зав. им. Дзержинского в Каменском, ХТЗ, шахту № 1 в Горловке; всю систему б. Азнефти с прекрасно ведущейся работой по техпропаганде; или — если брать территориаль-

ный признак — Ленинград, Украина, Баку, Москва) дал сигнал остальным; дело массового освоения техники стало одной из основных задач всякого мало-мальски культурного руководителя предприятия. Само собой разумеется, что исключительную роль сыграли директивные указания т. Сталина: там, где партийные организации серьезно относятся к делу техпропаганды, там она развивается наиболее успешно. За последнее время все дело техпропаганды переходит в высший класс в связи с организацией научно-технической службы на заводе. Ряд научно-технических звеньев завода (лаборатория, конструкторское бюро, техбиблиотека, производственный музей или выставка, бюро технических исследований и т. д., техстанции — в Донбассе), начиная работать совместно, накопляя и обобщая технический опыт предприятия, становятся научно-технической базой всей массовой работы по техпропаганде. С другой стороны, целый ряд центральных учреждений (Центральный институт технико-экономической информации при Техпропе НКТП, центральная техбиблиотека, Объединенное научно-техническое издательство НКТП, аппарат центрального Техпропа НКТП, возглавляющий все эти учреждения и обеспечивающий связь с научно-исследовательскими институтами через НИС НКТП), в свою очередь, дает сверху поток сведений, указаний, средств, объединяя всю развертывающуюся работу и вырабатывая соответствующую методику, давая основные директивы и оперативно руководя местными организациями. Финансирование идет через отчисление в размере $^3/_4\%$ с зарплаты, которые находятся, главным образом, в распоряжении самих заводов, что дает возможность наиболее оперативно вести дело на местах. Из централизованных средств обеспечиваются: конференции, выставки, кампании, поддержка важнейших технических газет, финансирование Комсомола и др. организаций и т. д.

б) Научно-техническая консультация и информация, обмен опытом

За последние годы организована новая система техинформации и обмена опытом. До этого многие источники научно-технического характера вообще почти не использовались; особенно в загоне были: 1) патентная иностранная литература (в результате чего чуть ли не

80% изобретений оказалось «открытием Америки»), 2) отчеты заграничных командировок, 3) документация наших собственных заводов. В целях быстрой научно-технической информации и обмена опытом был организован Техпропом НКТП Центральный институт технико-экономической информации, как оперативный орган, обслуживающий промышленность. При нем имеются:

1. Бюллетень «Новости техники», дающий последнюю «рецептуру» технического характера по различным отраслям производства. Характерно, что, напр., специальный немецкий журнал по сельскохозяйственному машиностроению, «Landwirtschaft und Technik», из номера в номер дает по несколько выдержек из «Новостей техники». Бюллетень выходит 10 раз в месяц, тиражом 25 тысяч экземпляров. Есть ряд совершенно конкретных данных, полученных от заводов, с ценностным подсчетом принесенной заметками бюллетеня пользы.

2. Картотека «СО» (социалистического обмена опытом), освещающая производственно-технический и рационализаторский опыт, главным образом, наших заводов. Издано 30 т. карточек с проверенными рационализаторскими мероприятиями и изобретениями. В течение одного лишь конкурса по соцобмену опытом на 120 заводах было внедрено около 5 т. карточек (эффективность 5 м. р.).

3. Картотека «КИК» (картотека конструктора и изобретателя), дающая иллюстрированный материал из области мировой патентной литературы. Издано ок. 200 тыс. карточек (ок. 40 тысяч новейших патентов).

4. Картотека технической аннотации с указанием тем в периодической заграничной печати; в связи с этим стоит ряд т. н. «реферативных журналов» с переводами из ведущих иностранных технических журналов по отраслям, а также издание фотокопий с самых последних иностранных статей и переводов соответствующего материала.

5. Бюро технической справки, которое дает в ответ на запросы любую справку технико-производственного характера.

ЦИТЭИН организовал более 500 технико-информационных пунктов на заводах и в институтах. Внедрение материалов ЦИТЭИН уже дало многомиллионную экономию и заслужило соответствующую оценку со стороны коллегии НКТП.

Научно-техническая консультация

представляет собой другой фланг этой работы. Здесь речь идет, прежде всего, о систематическом консультационном влиянии центров нашей научно-исследовательской мысли на производственный процесс. Группой консультации Техпропа НКТП была поэтому проделана значительная работа по тщательному выяснению «консультационной мощности» ряда институтов (на какие вопросы завод может получить научный совет и где именно). В результате этой кропотливой работы выпущен тематический справочник по 70 институтам, готовится аналогичный справочник по всем институтам, гипроорганизациям, орга-организациям и крупнейшим ф.-э. лабораториям. Выявлена степень освоения московскими заводами, «оргами» и институтами импортных металлорежущих станков (150 марок и 500 моделей), и составлен на этой основе новый тип справочника с приложением инструкций. Выпущены проспекты консультаций отдельных институтов по отдельным важным техническим проблемам. Подготовляются издания заводских документов с проблемами освоения оборудования и др. техническими проблемами на основе проработки заводского опыта и с широким иллюстративным материалом, издание проспектов и каталогов инструкторского типа и т. д.

Особо стоит вопрос об устных консультациях. Здесь был организован ряд массовых технических консультаций, некоторые из них нашли отклик даже в заграничной прессе.

в) Научно-техническая печать и технические библиотеки, наглядные средства техпропаганды

Проблема освоения техники выдвинула на одно из первых мест техническую печать всех родов и всех видов, периодическую и непериодическую, книжную и газетную. Техэнциклопедии, справочники, учебники, монографии, каталоги, журналы, технические газеты (новая форма технической печати), трестовские и заводские бюллетени, технические страницы заводских многотиражек, стенные газеты и т. д. и т. п., — все это широким потоком разлилось по стране. В этом отношении мы сделали гигантский бросок вперед. В царской России количество технической литературы было поистине ничтожно: по данным Главного управления по делам печати Министерства внутренних дел в 1913 г., в рамках тематического плана, обслуживаемого

ОНТИ (Объединенное научно-техн. издательство НКТП), было издано 810 различных книг, с общим тиражом 1.015.000 экземпляров. В сравнении с этим (по данным Книжной палаты) технической литературы было выпущено:

Всего в СССР	В том числе ОНТИ
1931 г. 8 313 назв. 48 843 000 экз.	1931 г. 1 716 назв. 25 632 200 экз.
1932 г. 9 125 » 67 233 000 »	1932 г. 3 293 » 31 417 000 »

За девять месяцев 1933 г. ОНТИ выпущено одних непериодических изданий 2112 названий, из них около 570 названий учебников, более 70 капитальных справочников; к концу года выполнена целиком вся программа по учебникам для работы в кружках техминимума; издается 122 технических журнала.

Выпуск технической литературы по отдельным отраслям промышленности виден из следующей таблицы (цифры относятся к 1933 г.):

	Число названий	Общий тираж в %
Технико-теоретическая литература	233	19
Машиностроение и металлообработка	266	19
Металлургия	98	8
Горное дело, уголь, геолого-разведка	219	8
Химия	155	11
Строительное дело	98	12
Энергетика	153	11
Организация производства, техпропаганда	133	12

По особому постановлению ЦК ВКП(б) Техпропом и НИС НКТП организован руководящий научный журнал для специалистов высокой квалификации «Сорена» («Социалистическая реконструкция и наука»), завоевавший себе должную позицию среди соответствующих кругов, и руководящий журнал по техпропаганде «Техническая пропаганда» для техпроповских работников. Исключительно выросла сеть низовой технической печати на заводах: 32 финансируемых Техпропом заводские газеты, больше 300 техни-

ческих страниц в заводских многотиражках, около 80 трестовских бюллетеней. Созданы четыре областные технические газеты, их коих три финансируются непосредственно Техпропом.

Технические библиотеки приобретают все большее значение. В настоящее время в НКТП нет ни одного предприятия, где бы не было технической библиотеки. В 1 800 учтенных заводских библиотеках числится около 4 812 740 томов. Центральная библиотека НКТП в Москве является самым богатым книгохранилищем техлитературы в СССР, как по литературе советской, так и по мировой технической литературе вообще.

Наглядные средства техпропаганды (наглядные пособия, выставки, производственные кабинеты, музеи, техстанции) играют существеннейшую роль, как материальные точки опоры для всей развертывающейся техпропаганды в широком смысле и значении этого слова. К наглядным пособиям относятся, прежде всего, технические плакаты, технические диапозитивы для массовых форм работы и техминимума, объемные пособия, модели и макеты (в том числе капитальные пособия по методу Золотаревского); одних плакатов выпущено 145 названий с тиражом ок. 1 255 444 экземпляров; сюда же относятся таблицы, диаграммы (в том числе 111 технических таблиц по техминимуму). Организован специальный (производящий) Институт наглядных пособий. Плохо обстоит дело с кинофильмой, производство которой находится в состоянии совершенно неудовлетворительном. В зародыше — разборные модели, конструкторские наборы и т. д. Заводские и цеховые выставки, выставки брака, производственные кабинеты и т. д. уже вошли в практику наших заводов. Напр., на 67 машиностроительных заводах насчитывается: 31 постоянная выставка, 96 временных, 135 передвижек, 12 производственных заводских техкабинетов, 21 — цеховых. В Донецком и Подмосковном бассейнах организованы техстанции. В Баку функционирует целый ряд первоклассных учреждений такого типа, начиная с геологического музея и технических выставок, великолепно оборудованных. Из соответствующих учреждений, значительное количество которых организованоТехпропом НКТП, следует отметить: выставка зуборезная в Москве; выставка по утилизации отходов в Москве, в Ленинграде, в Харькове; выставки оптико-механической промышленности, советского судостроения,

пластмасс, диспетчерской службы в Ленинграде; выставка точного приборостроения в Москве; выставка по производству алюминия в Днепропетровске; выставка по бурению, добыче и переработке нефти в Баку; выставка по электрическим авариям в Харькове; музей Днепростроя; выставка по Косогорской плавке в Москве; выставка по экономии металла в Харькове; выставка ДИП в Ленинграде; постоянные промышленные выставки в Ленинграде (переросли в Дом техники), в Харькове, в Киеве, в Одессе; утильная выставка в Сталине, металлургическая в Днепропетровске; торфяная выставка на ст. Редкино; цементная выставка в г. Вольске; Дома техники: в Туле, в Люберцах, в Кузнецке; промышленная выставка XVII съезда в Политехническом музее в Москве и др.

г) Технический минимум, инструктаж, соцтехэкзамены

Совершенно понятно, что во всем деле массового освоения техники исключительное значение имеет работа по техническому минимуму. Поднять техническую квалификацию широких масс рабочего класса, работающего на совершенном оборудовании и в то же время быстро растущего, имеющего в своем составе огромный процент молодняка и совершенно новых слоев, — это и значит уничтожить разрыв между квалифицированной машиной и мало квалифицированной живой рабочей силой. Если стационарная (школьная) система обучения может пропускать еще далеко не всех, то широчайший охват своеобразной учебой (техпропагандой) и, прежде всего, через кружки техминимума, есть первоочередное хозяйственно-политическое дело. Это целиком и полностью подтверждается опытом, достаточно широким, богатым и разносторонним, ибо, действительно, велик и могуч подъем рабочих масс, идущих под лозунгами партии и т. Сталина к овладению техникой, которая в период реконструкции решает все.

Здесь необходимо прежде всего отметить, что и в этой области мы пережили 3 периода: 1-й, когда работа развертывалась на старой функциональной основе; 2-й период — затишья и временной дезорганизации (когда на местах уничтожалась нередко вся техпропаганда, как таковая); и 3-й — работа и новой организационной основе, давшая резкий скачок вверх. К сожалению, наиболее полные (хотя и далеко

недостаточные) цифры у ч е т а падают на наиболее неблагоприятный период. Здесь мы имеем картину, представленную таблицей:

Предприятия	Контрольные цифры охвата техминимумом	Фактический охват техминимумом	% выполнения к. ц.	Окончили техминимум в III кв.
48 предприятий тяжелого, среднего и точного машиностроения, автотракторостроения, транспортного и с.-х. машиностроения	75 658	54 887	72,5	15 912
6 заводов черной металлургии	11 585	10 139	87,4	5621
8 заводов электропромышленности	5470	5224	91,0	2548
Все предприятия Главцветметобработки	5863	5283	90,0	2376
12 предприятий химической промышленности	21 444	20 532	95,0	7924

	Контрольные цифры	Охват	Процент выполнения к. ц.
По металлургии			
Завод им. Ленина	1080	1080	100
« им. Петровского	821	2510	310
« им. Дзержинского	705	1446	205
« им. Войкова	900	932	102
Кулебакский завод	750	878	117
По машиностроению			
Завод им. Дзержинского	297	326	110
« Фрезер	505	617	122
« Пневматика	440	470	106
« револьверных станков	250	319	128
« «Красный Путиловец»	1997	2243	113
« им. Ильича	381	381	100
« Пресненский механический	150	172	107
« им. 1-го августа	99	147	149
Красный Инструмент	250	341	136
КЭС	699	726	104
Горьковский завод фрезерных станков	267	866	324

	Контрольные цифры	Охват	Процент выполнения к. ц.
По автотракторной промышленности			
Завод им. Молотова	3800	4058	106
Карбюраторный	250	510	205
Спартак	135	141	104
По транспортному машиностроению			
Севморзавод	1450	1500	103
Балтийский завод	1117	1220	109
Зеленодольский	314	396	126
По химической промышленности			
Трест ВИВ	2192	3062	162
Трест Восхим	4310	4404	102
Березниковский химкомбинат	808	928	114

Однако и в течение этого периода ряд важнейших предприятий перевыполнил свою программу. Выше мы даем сводные таблицы по этим заводам, объединяя их по отраслям.

При общей контрольной цифре этих 25 предприятий в 23 967 охват техминимумом выразился в 30 173, т. е. контрольные цифры по охвату перевыполнены на 26%.

Дальнейшее проведение работы, совпавшее, между прочим, с широким движением по соцтехэкзамену, развернувшимся по инициативе комсомола и со всей энергией поддержанным Техпропом НКТП, дало решительное нарастание темпов. По ряду московских, ленинградских, украинских заводов мы видим ликвидацию отставания по охвату, уничтожение ножниц между «охваченными» и «выпускаемыми» и во многих точках перевыполнение контрольных цифр. Необходимо со всей силой подчеркнуть здесь два момента, способствующих широкому развертыванию этой работы: во-первых, смык ее с широким изотовским движением, и во-вторых, смык ее с движением по соцтехэкзаменам. Изотовское движение обеспечивает живой массовый инструктаж, возглавляемый рабочими-ударниками и мастерами, которые активно и с величайшей энергией проводят

дело обучения. Именно здесь достигается огромная оперативность работы, именно здесь отсекаются канцелярщина, бюрократизм и пустая фразеология. Именно здесь дело обучения, дело техпропаганды, непосредственно увязывается с техническим руководством, начиная с мастера и кончая главным инженером и директором предприятия. С другой стороны, комсомольская инициатива (в условиях, когда уже изрядный процент техников и инженеров вербуется сейчас из комсомольцев) развернула движение наиболее активной молодежи, захватившей и значительнейшие прослойки взрослых рабочих. Соцтехэкзамены сделались общерабочим делом, системой работы, а не эпизодической кампанией. Это, в свою очередь, крайне стимулировало весь процесс, и работа по техминимуму вступила, несомненно, в полосу своего расцвета.

Кроме поддержки и конкретного руководства на отдельных участках этим мощным движением, Техпропом НКТП здесь проделана большая работа, программная, методическая и организационная. Программы и нормы техминимума разработаны. План выпуска 90 учебников выполнен полностью к 8 декабря 1933 г. В 1934 г. будет выпущено около 150 учебников. Следует отметить колоссально возросшую заботу об этом деле со стороны партийных организаций и директоров заводов, чего не было еще не в таком отдаленном прошлом; основные перспективы здесь: расширение охвата, учет кончивших техминимум, новая расстановка людей в связи с этим на заводе, организация кружков повышенного типа для сдавших экзамен, шефство обучающихся в кружках техминимума над наиболее отсталыми слоями рабочих.

Все дело — в руках технического руководства предприятия.

д) Повышение квалификации инженерно-технических работников

Значительно слабее обстоит дело с повышением квалификации ИТР, что объясняется, в известной мере, и меньшим вниманием к этому делу со стороны руководства техпропагандой, и еще не развернувшейся научно-технической базой для этого дела, а также отсутствием достаточного количества высококвалифицирован-

ных обслуживающих сил. Однако предпосылки для развертывания этого дела складываются вместе с ростом огромного технического опыта, накопление, собирание и научную проработку которого следует поставить в порядок дня, как одну из первоочередных задач. Приказом т. Орджоникидзе вменено в обязанность прохождение специальных курсов по линии стационарного обучения. По линии нестационарного обучения Техпропом разработано и спущено на места подробное положение о работе среди ИТР. Эта работа ведется в той или иной форме почти на каждом заводе. Она организуется вокруг анализа и изучения технологического процесса самого завода и распадается, примерно, на такие рубрики: исследовательская работа на заводе или участие в работе соответствующего отраслевого института; производственно-технические семинары в связи с технологическим заводским процессом; цикловые или эпизодические лекции; технические дискуссии, конференции, «суды»; составление технических статей, книг, справочников и т. д.; работа с заводскими авторами; командировки, экскурсии, обмен техническим опытом и т. д. Из заводов, которые наиболее горячо проводят соответствующую работу, необходимо отметить: «Севкабель» (Ленинград), где приказом директора эта работа вменена в обязанность, как часть служебной работы; «Серп и молот» (Москва), «Красный богатырь», завод им. Дзержинского (Каменское), Ростсельмаш, Путиловский завод и другие.

4. ПРОБЛЕМЫ

В настоящее время, наряду с количественным продвижением работы по освоению техники в самом широком смысле этого слова, необходимо решительное качественное ее улучшение. Это упирается в значительной мере в организацию работы по научно-техническому обслуживанию промышленности сверху донизу, от н.-и. институтов до цеха, до рабочего места.

Проблема технически-культурного завода стоит в центре всего. Речь идет не только об элементарной чистоте (очень важное и сугубо значительное дело), но и о рационализации всего совокупного заводского организма. Здесь мы, прежде всего, выдвигаем такого рода задачи, за реализацию коих бьемся:

1. Организация научно-технической службы на заводе: объединение в единое комбини-

рованное целое лабораторий, конструкторских бюро, техбиблиотек, производственных кабинетов, бюро технических исследований и т. д. и работа их по определенному плану; организация на этой базе систематической документации завода, обобщения его технического опыта, выработка производственных инструкций на базе и своего опыта (прежде всего) и всех научно-технических данных «со стороны».

2. На основе этой научно-технической службы постановка всего дела по массовому обучению рабочих и повышению квалификации инженеров.

3. Обязательное включение дела массового обучения в техпромфинплан завода: если к экономически-финансовым показателям теперь присоединились технические, а промфинплан перерос в техпромфинплан, то теперь необходимо включение сюда и всех мероприятий, направленных на переделку живых людей, этой решающей производительной силы страны.

4. Обязательная связь научно-технической службы предприятия 1) с институтами, 2) с другими заводами, 3) с центральными обслуживающими организациями (напр., ЦИТЭИН); отбор тем научно-исследовательского порядка и передача их в институты, выработка «заказов» для конструкторских бюро вне завода, выработка для директора завода требований к заводам-поставщикам и т. д. и т. п.

5. Превращение научно-технической службы предприятия в ведущий цех завода, определяющий весь ход технологического процесса, и в самое могучее средство в руках директора и главного инженера.

6. Ликвидация работы рывками с лихорадящей кривой, точный график на основе научно-технических данных, систематичность работы.

Проблема технического руководства в главках имеет точно так же исключительное значение. До самого последнего времени в главных управлениях не было как следует налаженной научно-технической службы. Если ставить вышеупомянутые требования по отношению к заводу, то их нельзя не предъявлять по отношению к главку. Отсюда вытекает:

1. Организация научно-технической службы главка. Стягивание в один кулак институтов данной отрасли, проектировочных организаций, конструкторских организаций и т. д.

Обобщение технического опыта, наметки технической политики данной отрасли и пр.

2. Уничтожение двойного подчинения специализированных институтов. Превращение научно-технической службы главка в его ведущий отдел. Создание такого положения, чтоб научно-техническая служба, с институтом во главе, определяла течение основных потоков технологического процесса так, как ЦАГИ определяет производственный процесс в авиа- и в авиамоторостроении.

3. Систематическое перенесение технического опыта одних заводов на другие.

4. Выработка требований технического характера по отношению к заводам — поставщикам и т. д.

Проблема организации теоретической службы промышленности. Помимо отраслевых и специализированных институтов мы, как сказано выше, имеем институты, не умещающиеся в лоно отдельной отрасли, в том числе и такие институты, которые ставят себе задачей перспективные проблемы.

Здесь необходимо:

1. Развивать теоретические работы, тщательно следя за заграничными достижениями.

2. Все эти институты централизовать в НИС НКТП.

3. Обеспечить полное единоначалие в управлении этими институтами: НИС есть их единый «хозяин».

4. Обеспечить увязку тематики всех институтов через плановые конференции.

5. Создать при НИС систему прочно поставленных на ноги научных ассоциаций.

6. Обеспечить связь головных институтов с отраслевыми.

7. Продолжать НИС обеспечивать увязку работ институтов НКТП с Академией наук и другими вненаркоматскими учреждениями.

Проблема руководства массовым освоением техники. Здесь, прежде всего, нужно обеспечить увязку этой работы с ее научно-технической и научно-исследовательской базой с одной стороны и растущим делом технического планирования — с другой. Это наверху должно быть достигнуто связью Техпропа с НИС'ом и с новым производственно-техническим сектором и с главками. Это внизу — должно быть достигнуто опорой на научно-техническую базу завода.

* * *

С такими установками мы шли к партийному съезду, съезду партии, которая стала сейчас самой могущественной носительницей технического и научного прогресса. В особенности теперь, когда кризис сводит хищные челюсти капитала, когда его идеологи проповедуют попятное движение по всему фронту, от техники до философии; когда открыто защищаются лозунги возврата к варварству; когда открыто воспевается культ крови и железа, культ профессиональных мясников; когда целые государства превращаются в комбинации казармы и живодерни, — именно теперь мы особенно горды той великой всемирно-исторической ролью, которая выпадает на нашу страну, наш рабочий класс, нашу партию. Союз науки и труда у нас заключен, союз прочный и нерушимый, лучшей гарантией которого являются наша новая пролетарская молодежь и гигантское массовое движение наших героических пролетариев. С полной уверенностью мы смотрим на грядущие битвы, сплачивая ряды, преодолевая и громя все уклоны, мобилизуя свои силы вокруг партии, ее замечательного боевого штаба и ее железного вождя.

РЕЦЕНЗИИ

Forschungsinstitute. Ihre Geschichte, Organisation und Ziele. Unter Mitwirkung zahlreicher Gelehrter hg. von D-r Rudolph Brauer, D-r Albrecht Mendelsohn-Bartholdy, D-r Adolph Meyer etc. 2 Bande. Paul Hartung Verl. Hamburg, 1930. (Научно-исследовательские институты. Их история, организация и цели. При сотрудничестве многочисленных ученых, редактировано д-ром Л. Брауэром, д-ром А. Мендельсон-Бартольди, А. Мейером и др. 2 тома. Изд. Пауль Гартунг. Гамбург, 1930).

Два фундаментальных тома посвящены научно-исследовательским учреждениям всех видов, от чисто академических вплоть до лабораторий промышленных организаций. Архитектоника всего издания такова, что в 1-м томе имеются вводные статьи обобщающего и установочного порядка, после чего следует описательная часть по странам (лучше и полнее всего разобрана сеть научно-исследовательских учреждений Германии). 2-й том целиком посвящен описанию научно-исследовательских институтов по странам. К сожалению, приходится отметить, что о богатой сети научно-исследовательских институтов Советского Союза в данном капитальном труде мы не находим ровно ничего, тогда как в издании фигурируют научно-исследовательские учреждения Болгарии, Венгрии, Чили и т. д. и т. п. Есть лишь отдельные упоминания о советских учреждениях (например, в статье об архивах, где высказывается удивление и порицание в связи с опубликованием нашими архивами тайных дипломатических документов «союзников»). Само собой разумеется, что при таком положении вещей в данном издании нет также ни слова о своеобразных проблемах научно-исследовательского труда, связанных с плановым хозяйством социализма (вопрос о единстве метода, вопрос о пла-

нировании научно-исследовательской работы, вопрос о коллективной организации этой работы, вопрос об организационном сочетании всех видов научно-исследовательских учреждений и т. д.).

Статьи носят далеко не равноценный характер. Это можно сказать и о статьях обобщающего характера и о статьях описательных.

Статьи обобщающего характера, дающие, так сказать, «философию» научно-исследовательской работы, поражают прежде всего тем, что в них нет никакого единства направления. Самые разнородные мысли и даже целые идеологические ориентации мирно уживаются друг с другом. «Синтез» здесь дан поистине одним лишь переплетчиком, объединившим идеологически растрепанный и разрозненный материал под твердой связующей оболочкой переплета. Адольф Мейер проповедует науку и научное исследование как самоцель. Вильгельм Оствальд издевается над «самоцелью», сближая эту ориентацию с паразитизмом схоластики. Проф. Рихтер считает, что современная наука требует уединения и индивидуальной работы больше, чем раньше. А. Мейер считает, что она организуется и индустриализируется (Industrialismus in der Organisation der Forschung), а проф. Вилли Гельпах (Hellpach) утверждает даже, что необходимо «целительное принуждение» в постановке задач, иначе работа бесплодна, и т. д. и т. д. Такой же великий разнобой мы видим и в других областях и при обсуждении проблем менее общего характера и значения. Если предъявлять к данному труду требования методологической выдержанности, единства точки зрения, целеустремленности, то он не выдерживает прикосновения даже самой снисходительной критики. Но при всем том внимательный читатель почерпнет и здесь богатый материал для собственных обобщений и заключений. Ибо проблемы, стоявшие и стоящие теперь перед капиталистическими научно-исследовательскими учреждениями, вырисовываются довольно выпукло, и с этой точки зрения несогласованность позиций авторов позволяет с особой отчетливостью проследить различные течения внутри буржуазных научно-исследовательских кругов и те объективные трудности и противоречия, которые за этим стоят.

Что касается статей описательного порядка, то они тоже страдают тем недостатком, что построены совершенно по-разному. В одних есть точные цифровые данные, в других преобладают общие характеристики. В одних есть

дробный анализ, классификация учреждений, добросовестное упорядочение всего фактического материала, в других — описание расплывчато, неопределенно, лишено и точных качественных характеристик, и точных количественных показателей. При всем этом эти статьи в целом дают б о г а т е й ш и й м а т е р и а л. Они по правилу написаны специалистами, самым тесным образом связанными с жизнью, работой, организацией соответствующих научно-исследовательских учреждений. Читатель совершенно ясно представляет себе и типы этих учреждений, и их функции, и их удельный вес, и их организационное сочетание с государственными и частно-капиталистическими организациями, и источники их финансирования и профили научно-исследовательских кадров, в них работающих. Благодаря очень большому количеству статей и авторов, благодаря фундаментальному характеру издания редакции удалось составить целую энциклопедию научно-исследовательских учреждений, которая при всех своих часто вопиющих недостатках должна служить необходимым пособием для всякого серьезно интересующегося проблемами научно-исследовательских учреждений капиталистического мира. Более того, данное издание есть е д и н с т в е н н о е издание такого рода, и в этом смысле оно незаменимо.

Невольно напрашивается мысль о необходимости аналогичного издания по с о в е т с к и м научно-исследовательским учреждениям, с выходом такого издания на иностранный книжный рынок.

Oswald Spengler. «Der Mensch und die Technik. Beitrag zu einer Philosophie des Lebens». C. H. Beck'sche Verlagsbuchhandlung. München, 1931. (Освальд Шпенглер. Человек и техника. Очерки по философии жизни. Издательство К. Бека. Мюнхен, 1931).

Снискавший себе огромную известность двухтомником «Гибель Запада» (Untergang des Abendlandes) О. Шпенглер выпустил новую работу — о т е х н и к е. Этот вопрос становится крайне модным, ибо кризис капиталистической экономики вызывает столь сильный кризис буржуазной идеологии, что начинают подвергаться пересмотру многие так называемые культурные ценности, в том числе и техника. На фоне этой своеобразной «самокритики» фигура Шпенглера

представляет значительный интерес: его фашистский цезаризм и «боевизм», его совершенно исключительный по откровенности цинизм в соединении с глубочайшим скепсисом представляют собою довольно оригинальное сочетание. Несомненная эрудиция, щегольство образами и аналогиями, конструктивная фантазия и смелое жонглерство идеями придают известную пряность его произведениям, от которых в то же время несется запах тлена, несмотря на все усилия автора сохранить мужественность рыцарской позы.

В книге крайне мало техники и крайне много так наз. «жизненной философии», в том числе «философии» по поводу техники.

Под техникой автор разумеет не средства производства и в особенности не машины (так он заявляет в начале книги, чтобы позабыть об этом в конце), а безбрежную «тактику жизни». «Техника — это тактика всей жизни. Она есть внутренняя форма метода (des Verfahrens) в борьбе, которая сама равнозначна жизни» (стр. 7); техника не всегда предполагает орудие: ср., например, технику льва, который хитростью добывает газель, дипломатическую технику, логическую технику (8). Жизнь есть борьба, и при том «борьба в смысле Ницше, борьба в силу воли к власти, свирепая, жестокая, борьба без пощады и милосердия» (13). «Человек — это хищное животное» (14). «Хищное животное есть самая высокая форма свободно движущейся жизни... То обстоятельство, что человек есть хищное животное, придает типу человека особо высокий ранг» (17). Благородство человечества и его техники есть, таким образом, его хищная природа и тактика разбоя. Вне разбоя нет и жизни: «жизнь можно уничтожить, но не изменить ее в ее существе» (21). Первобытный человек — это уединенный и отъединенный хищник. По Шпенглеру, следовательно, «в начале были ницшеанцы», покрытые волосами. «Душа этого сильного Одинокого (!!) насквозь (durch und durch) воинственна, недоверчива, ревнива по отношению к собственной власти и добыче. Она знает — тут Шпенглер начинает настоящую оду империалистской бестии, изображая ее под псевдонимом «первобытного» оробинзоненного дикаря — пафос не только «меня», но и «моего». Она знает буйное волнение (Rausch) чувства, когда нож врезается во вражье тело, когда запах крови и стоны подымают чувство триумфа. Каждый настоящий «мужчина» (слушайте, слушайте! — *Н. Б.*) даже в городах поздних культур чувствует в себе иногда дремлющий огонь

этой первобытной души» (34). Раздвоение деятельности на деятельность мышления и «деятельности руки» приводит к двум техникам и к двум человеческим натурам: «В каждом процессе есть техника руководства и другая техника, техника выполнения; но также не подлежит сомнению то обстоятельство, что бывают от природы приказывающие и повинующиеся субъекты и объекты политических и хозяйственных процессов. Это есть основная форма многообразно дифференцировавшейся человеческой жизни..., которая может быть устранена только с самой жизнью» (50). «История есть история войн тогда и теперь. Политика есть временный суррогат (Ersatz) войны с заменой ее борьбой духовным орудием» (53). Но техника сама одолела своего господина. Искусственная клетка техницизированной жизни есть для него западня. «Хищник, который превратил другие существа в домашних животных, поймав самого себя. Дом человека есть великий символ этого» (56). Техника отнюдь не сберегает работы, ибо толкает к новым и новым изобретениям. «Душа хищника ненасытима» (57). «Покой, счастье, наслажденье неизвестны как раз наиболее высоким экземплярам» (57). Они, изобретатели и руководители, никогда не думают о практической пользе, но они нуждаются в исполнителях. Отсюда — рабство. Вообще же «не число «голов» растет, а число рук. Группа вождей по натуре остается маленькой» (57). Развитие последних столетий — это борьба «между идеями императорства и папства в XII и XIII столетиях вплоть до борьбы между силами благородной расовой традиции — королевство, дворянство, армия — и теориями плебейского рационализма, либерализма, социализма» (65). Благородный дух изобретательств ничего общего не имеет с практическими последствиями его. Между тем «техника с ростом городов стала буржуазной» (70); «Вера в технику» развилась почти что «в материалистическую религию»... и ее поклонник есть филистер прогресса нового времени, от Ламеттри до Ленина» (71). Исполнители, «руки», бунтуют «против жизни одаренных, которые рождены как творцы» (74). Впрочем, ни «головы», ни «руки» ничего не могут переменить в железном ходе судьбы, которая влачит европейскую «фаустическую цивилизацию» к гибели.

Здесь Шпенглер развивает такой цикл идей. Группа наций белой расы имела мировую гегемонию. «Их политическая власть покоится на их богатстве, а их богатство состоит в мощи их индустрии» (75). Это богатство и мощь «обеспечиваются армиями и флотом, содержание которых

предполагает богатство индустриальных стран... Снова обнаруживается глубокое сродство, почти тождество между политикой, войной и хозяйством» (76). Но машина переросла своего творца: «механизация мира вступила в стадию опаснейшего перенапряжения» (78). «Цивилизация сама сделалась машиной, которая все делает или хочет делать на машинный образец. Думают только в лошадиных силах» (79). «Машина в конце концов есть символ, как и ее тайный идеал, perpetuum mobile, которое есть духовно-душевная, а вовсе не жизненная необходимость (seelisch geistige aber keine vitale Notwendigkeit)» (79). Машина начинает даже противоречить хозяйственной практике: скопление автомобилей на улице мешает движению; «в Аргентине, Яве и в других местах простой плуг мелких собственников оказывается хозяйственно выгоднее, чем большие моторы, и снова их вытесняет» (79—80) и т. д. Глупо думать об истощении угля, ибо выдумают ему смену. Но «западно-европейская техника погибнет раньше» (80). Ибо наступает утомление от механизации жизни. Повсеместно от науки и техники наблюдается поворот в сторону оккультизма, метафизическая спекуляция и т. д. «Начинается бегство от машин прирожденных вождей» (82), масса остается без пастырей. Происходит, с другой стороны, «измена технике» (84). Благородные белые расы, с их фаустической цивилизацией, очень неконспиративно обращались с техникой и наукой, обучили ей цветных (к коим Шпенглер причисляет также «население России и части Южной и Юго-восточной Европы», см. стр. 85, примечания). Вместо экспорта продуктов начался «экспорт секретов, методов, процессов, инженеров, организаторов» (86). «Но для цветных — русские все время включаются сюда — фаустическая техника не есть внутренняя потребность. Только фаустический человек думает, чувствует и живет в ее форме. Она ему психологически (seelisch) необходима, не ее хозяйственные последствия, а ее победы: navigare necesse est, vivere non est necesse (плавать необходимо, жить не необходимо. — *Н. Б.*)» (88). Поэтому техника обречена на гибель: «Эта машинная техника приходит к концу вместе с фаустическим человеком и будет в один прекрасный день разрушена и забыта, железные дороги и пароходы так же, как когда-то римские улицы и китайская стена, наши города-великаны, с их небоскребами, как дворцы старого Мемфиса и Вавилона». (88). Остается только гибель в рыцарской позе: «Стоять до конца (ansharren) на потерянной

позиции, без надежды, без спасения, это — наш долг. Стоять до конца, как тот римский солдат, кости которого нашли перед воротами в Помпее и который умер, потому что при извержении Везувия позабыли сменить караул. В этом — величие, это значит иметь доблесть расы. Этот честный конец есть единственное, чего н е л ь з я отнять у человека» (89). Этими словами заканчивается новая книга Шпенглера.

Если взять эту работу с логической стороны и отнестись к ней серьезно, то можно без конца откапывать в ней целые пласты ошибок и нелепостей, фактических несообразностей, противоречий и т. д. Неверна, вульгарна и в достаточной мере элементарно безграмотна концепция общественной жизни как б и о л о г и ч е с к о й борьбы. С другой стороны, этой концепции противоречит сугубый и д е а л и з м, по которому даже машина — «символ», по которому средства производства не жизненная необходимость, а игра творящего «фаустического человека». В корне неверно представление о первобытном человеке как Робинзоне ницшеанского склада мыслей. Перед этой фантазией Шпенглера даже робинзонады XVIII века выглядят продуктом глубокой науки. Сугубо неверно представление о в е ч н о с т и категорий насилия и разбоя, воспеваемых Шпенглером. Неверна и основа соответствующих тезисов: биологизирование в общественных науках и сбрасывание со счета исторической формы общества. Кстати, если в «Гибели Запада» Шпенглер ставил проблему своеобразной формы общества (хотя и ставил и решал ее антинаучно), то в новой книге от этого не осталось почти ничего, за исключением фашистски-площадных теорий касательно «белых» и «цветных». Совершенно архаической является попытка сведения классовой борьбы к борьбе «одаренных вождей» и «дикой массы». Так зоологически элементарно, кроме Шпенглера, почти никто не решается уже ставить вопрос. Совсем лишены какого бы то ни было научного значения потуги на предсказание гибели машин. Смешно читать рассуждения о преимуществах плуга над трактором, когда мировой а г р а р н ы й кризис вопиет о совсем других вещах (разорение фермеров). Нельзя без сомнения в умственных способностях автора слышать от него, «что советская власть в течение 15 лет (Шпенглер к тому же разучился, очевидно, считать) пытается только восстановить под другими именами политические, военные и хозяйственные организации, которые она уничтожила (84, примечания), и т. д. и т. п.

Но все же книжка представляет интерес. Она представляет интерес как один из документов эпохи, эпохи усиленного разложения и гниения капитализма. Шпенглер несомненно есть идеолог активного и боевого крыла империалистской буржуазии, амальгамированной с остатками родовой аристократии. Это крыло чрезвычайно далеко от пацифизма, гуманитарной фразы, демократической идеологии. Оно откровенно цинично, оно открыто проповедует евангелие насилия, порабощения и эксплоатации. Разве кто-либо решился так воспевать стоны жертвы, запах крови и лязг ножа. Выдвигать «новую» точку зрения на мир как на добычу (Beute). Видеть высшую человечность в свойствах хищного животного. Смысл жизни (ее «философию») в войне за добычу. Это есть идеология распоясавшегося империалистского бестиализма, против которой пацифизм бессилен: он есть лишь прикрытие этого бестиализма. Настоящим средством может быть лишь идеология воинствующего коммунизма, неразрывно связанная с революционной практикой. Эта теория и практика неизбежно победят: империализм болен, исторические дни его сочтены, революционный Везувий его сметет, и в отличие от истории с римским солдатом грядущие поколения не будут откапывать его костей: эти «кости» никому нужны не будут, да и поза гибнущего империалистского хищника никому не будет импонировать: даже этого утешения история не оставит г-ну Шпенглеру.

ПРЕДИСЛОВИЕ

[К КНИГЕ «ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ»]

История, как это определяли Маркс и Энгельс в «Немецкой идеологии», есть единственная наука. Техника — материально-вещественный компонент производительных сил. Производительные силы в их движении — основной рычаг общественно-исторического развития. Этими тремя положениями обрисовывается сфера и теоретического и практического значения истории техники как особой науки, как особой составной части истории, т. е. как специфической дисциплины.

Объектом этой дисциплины является техника, под которой мы подразумеваем ту часть средств производства, которая стоит между предметом труда и человеком. Если материальные производительные силы есть связный комплекс орудий труда и живых человеческих рабочих сил различной квалификации, адекватных этим орудиям труда (Arbeitsmittel), то эти последние, т. е. активная часть средств производства, образуют систему общественной техники. Мы отличаем, таким образом, материальные производительные силы от производительных сил вообще (последние включают и науку как не материальную производительную силу) и от еще более широкого понятия условий труда (куда входят и «естественные богатства» и целый ряд других условий), а технику — от материальных производительных сил.

В объект нашего рассмотрения мы не включаем поэтому непосредственно ни технических квалификаций рабочих сил, ни технических приемов их производственного поведения, т. е. технических приемов, адекватных определенному технологическому процессу, а следовательно, и его активной материально-вещественной части. Мы рас-

сматриваем только эту последнюю; именно история ее развития и есть объект нашей дисциплины, ее «предмет», остальные моменты, в первую очередь совокупность технических приемов, подлежат рассмотрению лишь по связи с этим «предметом».

Движение производительных сил, а следовательно, и техническое развитие (равно и упадок) неразрывно связаны с общественной формой этого движения, его общественно-исторической формой, т. е. с определенной общественно-экономической формацией. Длительно, à la longue, каждый «способ производства» имеет и свою специфическую техническую основу, особую систему активных средств производства (напр., феодальная техника, техника капитализма, техника социализма и т. д.). Однако история техники должна давать не только фазеологическую типологию техники, т. е. не только обобщенные черты техники, расположенные по рубрикам, соответствующим структурным фазам общественно-исторического развития, но и живой процесс изменения в пределах каждой фазы, конкретный переход одних технических форм в другие, в их хронологической последовательности и причинной связи.

Таким образом, история техники есть общественная наука, но особая общественная наука. Ее особый характер вытекает из особого характера той общественной реальности, которая составляет ее предмет, т. е. из особого характера техники как общественной категории. Этот особый характер состоит в том, что техника, являясь системой искусственных производительных органов человеческого общества, выражает соотношение этого последнего с внешней природой, опосредствуя тот «обмен веществ» между ними, о котором говорил Маркс. Отсюда особое значение здесь принудительной естественной логики, основанной на использовании законов природы (законов физики и химии в первую очередь).

Однако техника имеет общественное бытие, и за цифрами натурального, естественно-научного порядка и соответствующими закономерностями («чисто техническая» логика) стоят показатели экономической рациональности, экономической эффективности, направляющие определенным образом и руль технического процесса. Сама эта экономическая рациональность находит свое различное историческое выражение в различных исторических общественных формациях (напр., прямой критерий производительности труда при социализме, критерий прибыли в капиталисти-

ческом обществе, а следовательно, и чрезвычайно различные понятия «рентабельности»). Таким образом, здесь налицо сращение логики естественно-технического или «чисто технического» порядка, с общественно-экономической логикой, так сказать, очеловечивающей течение технических закономерностей. Ни в коем случае, однако, нельзя рассматривать оба эти момента как раздельные и лишь сосуществующие. Наоборот, они реально слиты, выражают друг друга, нераздельны. Это две стороны одного и того же явления, ибо техника в н е общества — nonsens.

Общественный, более того, общественно-исторический характер процесса технического развития отнюдь не ограничивается вышесказанным. Ведущие отрасли производства, мирные и военные отрасли, экономические потребности общества, деление их по линии производительного и личного потребления, специфические особенности эксплоататорских обществ с их двухбюджетным классовым строением личного потребления (предметы массового потребления и предметы роскоши); исторический характер потребительных ценностей, различные стимулы производственного процесса, влияние классовой борьбы на развитие техники, теоретическое естествознание и его воздействие на технику, различные формы движения техники (и упадок ее) — все это связано с ф о р м а м и и к о н к р е т н ы м и у с л о в и я м и и с т о р и ч е с к о г о о б щ е с т в е н н о г о р а з в и т и я. Все эти общественные условия и факторы воздействия, являясь порождением определенного состояния производительных сил, в свою очередь, обратно влияют на них по-разному в разной исторической среде. Вскрытие всех этих закономерностей — и общего, и конкретного, и определяющего, и производного порядка — как связей между фактами (или событиями), с конкретным изображением действительного исторического процесса, и есть задача истории техники.

Вышесказанным решается в своей основе вопрос и о так называемой и м м а н е н т н о й з а к о н о м е р н о с т и т е х н и ч е с к о г о р а з в и т и я, т. е. о «технической логике» развития, взятой «в себе», как логике развития независимого общественного (а у некоторых буржуазных теоретиков даже какого-то внеобщественного), «чисто технического» ряда явлений. Разумеется, подобно тому как в системе юридических норм, рассматриваемых в качестве отдельной «истории права», есть с в о я преемственность, последовательность и логика, так же и в развитии техники есть с в о я логика. Но и м м а н е н т н о с т ь этой логики ч р е з-

в ы ч а й н о о т н о с и т е л ь н а; ее нет как абсолютно независимого ряда, ибо 1) за нею стоит логика экономических показателей; 2) в каждый данный момент техническое развитие связано с «запросами времени», выражаясь общо; 3) могут быть жесточайшие конфликты между «имманентной тенденцией» и общественно-историческим контекстом. Чрезвычайно ярким примером последнего служит противоречие между тенденциями технического развития и капиталистической общественной формой эпохи капиталистического fin de siècle, противоречие, идеологическим рефлексом которого является антитехническое движение части современной буржуазии. Логика технического развития и имманентна и неимманентна; это есть его д и а л е к т и к а.

Отсюда с полной очевидностью вытекает, что, с одной стороны, ни в коем случае нельзя топить историю т е х н и к и в море социологических, историко-философских, историко-экономических или общеисторических положений: это было бы уничтожением специфичности этой науки, изчезновением ее особого объекта, специфического предмета научного познания. Данное требование нужно тем более подчеркнуть, что в то время, как, напр., право есть форма выражения производственных отношений etc., материальные орудия труда являются составной частью общественного базиса, лишь испытывающего обратное влияние общественных надстроек. С другой стороны, было бы вредным «десоциологизировать» историю техники, превращая ее в чисто техническую дисциплину, ибо тогда нельзя было бы понять важнейшие факты истории техники (хотя бы — если говорить о наиболее значительных проблемах — периоды упадка и особого подъема, их смену во времени и пространстве): никакой «чисто технической» «абсолютно имманентной» логикой нельзя объяснить относительный технический застой в капиталистических странах и мощный взлет техники в СССР. Эта точка зрения объективно неправильна и потому вредна.

История вообще и история техники в частности есть наука к о н к р е т н а я, н о н а у к а, равно удаленная как от п л о с к о г о э м п и р и з м а, берущего факты вне анализа их закономерной связи, каковая (связь) сама есть необходимая форма существования фактов, так и от м е р т в о г о с х е м а т и з м а, отрывающего эту закономерную связь от фактов и гипостазирующего закон, превращаемый в познавательный фетиш.

Это нужно подчеркнуть тем более, что и с т о р и я т е х н и к и есть совершенно новая наука, что здесь необходим

большой труд по накоплению материалов и их критической обработке, что здесь мы стоим перед рядом совершенно новых проблем и что скоропалительные обобщения, не основанные на изучении фактов, здесь были бы особенно вредны, ибо дали бы совершенно неверное направление всей работе.

Марксистское понимание процесса технического развития требует анализа объективных тенденций этого развития и объективных его закономерностей. Однако это не только не исключает, но, наоборот, предполагает рассмотрение активно творческих усилий классов, групп изобретателей и ученых, отдельных великих деятелей техники и науки, являющихся носителями технических идей своего времени, а также рассмотрение научно-технических организаций последнего времени. Нужно помнить, что сам характер технического творчества есть величина, исторически меняющаяся: если на заре человеческого развития оно носило полуживотный, грубо эмпирический и анонимный, безличный характер с геологически медленными темпами развития, то в настоящее время оно приняло характер рационального и в известной мере организованного научного воздействия на технику (научно-технические институты, лаборатории, университеты и т. д.). Поэтому, чем интенсивнее естественная наука, эта, по выражению Маркса, «теоретическая сторона производственного процесса», вторгается в область техники, тем пристальнее должно быть изучаемо ее влияние на техническое развитие; диалектика здесь такова, что наука эта, возникая из технического опыта, технической практики, отдифференцировывается от нее, становится «самостоятельной» силой, на определенный исторический период до известной степени отрывается от нее, чтобы затем снова, на гигантски обогащенной основе, погрузиться в технику самым непосредственным образом, сохраняя и развивая всю расчлененную систему своих специализированных отраслей.

История техники, будучи конкретной наукой, предполагает определенную ориентацию во времени и в пространстве. Здесь перед нею встают те же проблемы, что и перед историей вообще, частью которой является история техники. Мы должны быть далеки как от концепции так называемой «всемирной истории», концепции, которая совершенно без всяких оснований предполагает изначально данное единство человеческого рода, так и от новейшей концепции абсолютно замкнутых морфологических единств («культурных кругов»), концепции русских славянофилов, герман-

ских фашистов типа Шпенглера и т. д. Многие факты говорят за полицентрическое происхождение человека. Но во всяком случае мы твердо знаем, что постоянную и прочную связь между всеми народами мира впервые создал м и р о в о й р ы н о к, историческое детище промышленного капитализма. С другой стороны, мы также хорошо знаем, что абсолютно замкнутых кругов почти нигде реально не было, что в глубокой древности были связи Египта или Рима с Индией и Китаем и т. д. Но они были в одних местах прочны и регулярны, в других — мало уловимы и более или менее случайны, в третьих — их иногда не было вовсе. Именно этим и объясняется, что средиземноморский orbis terrarum долгое время был таковым в глазах подавляющей массы «европейских» людей.

В связи с этой проблемой стоит вопрос о самостоятельных т и п а х р а з в и т и я т е х н и к и и о так называемых «влияниях». A priori ни в коем случае нельзя отрицать и последнего. Но нужно помнить, что «одинаковые причины вызывают и одинаковые следствия» и что этот закон находит свое выражение в области развития техники. Нужно помнить далее, что — в особенности на известных ступенях общественного производства — непосредственное влияние природных условий было чрезвычайно велико и в значительной мере определяло технологический характер производственного процесса и его т е х н и к у. Исследование этих зональных или региональных о с о б е н н о с т е й совершенно обязательно с точки зрения конкретной истории техники.

Концепция изначальной «всемирной истории» и многочисленные «философии истории» часто связаны с представлением о н е п р е р ы в н о й в о с х о д я щ е й п р о г р е с с а, а следовательно, и т е х н и ч е с к о г о прогресса. Это представление не соответствует исторической действительности и должно быть отброшено как неверное. Мы хорошо знаем, что ряд древних культур исчез почти без следа, что далеко не везде и не всюду сохранилась историческая преемственность, что развитие было сугубо прерывистым и шло скачками, да и — как сказано выше — единое человечество (относительно единое) возникло лишь с возникновением мирового рынка.

Поэтому и с т о р и я т е х н и к и должна включать не только историю р а з в и т и я, но и историю у п а д к а техники, подобно тому как история вообще включает и историю упадка и гибели целого ряда цивилизаций. С другой

стороны, мы должны быть далеки от мрачного пессимизма современных буржуазных идеологов, которые гибель капитализма отождествляют с гибелью культуры и капиталистические тормоза технического прогресса трактуют как начало конца техники. Наоборот, все действительные исторические данные говорят за то, что великий конфликт между производительными силами (а следовательно, и основными тенденциями технического развития) и капиталистическими отношениями производства неизбежно кончится универсальной ликвидацией этих последних, всеобщим раскрепощением производительных сил и последующими блистательными триумфами техники и науки.

Наконец, на основе всего огромного исторического опыта мы должны отвергнуть теорию на веки вечные «избранных» народов. Без того, чтобы впадать в наивное учение об абсолютном «равенстве рас», мы должны показать историческую смену культур, огромные завоевания древних черных культур, американских индейцев, великой китайской и индийской цивилизации и т. д., навсегда покончив с претензиями империалистических идеологов «белой расы». В истории техники точно так же необходим этот громадный познавательный размах, сбрасывающий все шоры привычных буржуазных концепций.

Марксистская история техники должна показать, что действительно объективная наука, а следовательно, и практически максимально эффективная, может быть построена лишь пролетариатом, свободным от всех суеверий и предрассудков буржуазного общества.

Приложения

ОТ СОСТАВИТЕЛЕЙ

В книгу вошли доклады и статьи Н. И. Бухарина, ранее опубликованные в различных периодических изданиях или вышедшие отдельными брошюрами. Главная цель, которую преследовали составители, — сделать доступными для читателя некоторые произведения Н. И. Бухарина, ввести их в научный оборот, более полно показать многогранность его творческой деятельности, а также научных и организационных интересов, высочайшую образованность и культуру.

В научных трудах, включенных в сборник, весьма широких по своей тематике, отражаются различные стороны деятельности Н. И. Бухарина — наука, техника, искусство, философия. Они охватывают период с 1920 по 1936 г.

Труды Н. И. Бухарина воспроизводятся в том виде, как они были опубликованы при его жизни.

В книге два раздела. Внутри разделов материалы расположены в хронологическом порядке: по дате доклада или выступления либо по дате их опубликования в советской печати.

Труды Н. И. Бухарина предваряет его автобиография, написанная для «Энциклопедического словаря» Русского библиографического института «Гранат»; продолжает биографические материалы, опубликованные при жизни Н. И. Бухарина, статья «Н. И. Бухарин», вошедшая в 1-е издание Большой Советской Энциклопедии и составленная Д. П. Марецким.

Центральное место в книге занимают произведения Н. И. Бухарина, освещающие его деятельность в Академии наук СССР. В первый раздел включены доклады на Общих собраниях, сессиях и торжественных заседаниях, организуемых Академией наук СССР. В продолжение развития этой темы в «приложениях» публикуются ранее неизвестные документы о выборах Н. И. Бухарина в действительные члены Академии наук, хранящиеся в ЛО Архива Академии наук СССР, подготовленные Г. И. Смагиной, справка о деятельности его в высшем научном учреждении страны, составленная специально для нашего сборника д.и.н. А. В. Кольцовым, и статья проф. Г. М. Ярошевского «Бухарин — исследователь науки». В этот же раздел мы включили доклад Н. И. Бухарина «О поэзии, поэтике

и задачах поэтического творчества в СССР», сделанный им на Первом Всесоюзном съезде советских писателей.

Во второй раздел сборника вошли статьи, страницы из книги «Теория исторического материализма» о роли науки в обществе, выступления Н. И. Бухарина, которые отражают взгляды и творческую инициативу его по вопросам истории и организации науки и техники периода социалистической реконструкции народного хозяйства; представлены также наиболее характерные для автора материалы о создании и совершенствовании системы государственного руководства наукой и промышленностью.

Здесь же публикуются две рецензии на весьма заметные издания («Человек и техника» О. Шпенглера и «Научно-исследовательские институты. Их история, организация и цели»), появившиеся в Европе в то время, и написанное им предисловие к книге «История техники».

Произведения Н. И. Бухарина, включенные в сборник, снабжены кратким историко-фактологическим комментарием, подготовленным Г. И. Смагиной. Предпринята попытка проследить и дать, по возможности, полный список опубликования каждого сочинения. Однако эта работа не может считаться исчерпывающей и подразумевает дальнейшие изыскания.

Сборник снабжен именным указателем и списком сокращений, составленными Г. И. Смагиной.

Составители сердечно благодарят сотрудников ЛО Института истории естествознания и техники АН СССР, Библиотеки АН СССР, Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, ЛО Архива АН СССР и других учреждений за неизменно доброжелательную поддержку и всестороннюю помощь в работе.

1. ДОКУМЕНТЫ О ВЫБОРАХ Н. И. БУХАРИНА В ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ЧЛЕНЫ АКАДЕМИИ НАУК СССР

Из протокола заседания Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР от 28 ноября 1928 г.

§ 610. Заслушаны, согласно ст. 18 Устава АН, заключения Особой Комиссии по выборам о кандидатах, признанных ею достойными избрания в действительные члены АН по ОГН, с отзывами об этих кандидатах [см. ниже]. Положено баллотирование представленных кандидатов: М. С. Грушевского, Д. М. Петрушевского, М. Н. Покровского, Д. Б. Рязанова, Н. М. Лукина, М. К. Любавского, Н. И. Бухарина, Г. М. Кржижановского, П. П. Маслова, С. И. Солнцева, А. М. Деборина, Н. Н. Лузина, Б. Я. Владимирцова, В. М. Алексеева, А. Н. Самойловича, М. М. Покровского, П. Н. Сакулина и В. М. Фриче произвести в следующем очередном заседании ОГН 12 декабря 1928 г.

ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 177, л. 229 об.

Из протокола заседания Отделения гуманитарных наук Академии наук СССР от 12 декабря 1928 г.

Присутствовали: Президент академик А. П. Карпинский, непременный секретарь академик С. Ф. Ольденбург, академик-секретарь Отделения И. Ю. Крачковский.

Академики: П. К. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, Е. Ф. Карский, Ф. И. Щербатский, С. Ф. Платонов, М. Н. Розанов, М. Н. Сперанский, М. М. Богословский, В. П. Бузескул, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, Н. П. Лихачев, С. А. Жебелев и Е. В. Тарле.

Не присутствовали академики: А. И. Соболевский, В. М. Истрин, В. Н. Перетц и Н. К. Никольский.

§ 629. Академик-секретарь доложил о предстоящем баллотировании в действительные члены АН. На заседании ОГН под председательством

А. П. Карпинского присутствовало 17 человек, т.к. В. М. Истрин, В. Н. Перетц и Н. К. Никольский отсутствовали вследствие нахождения в отпуску, а А. И. Соболевский — вследствие болезни. Законное большинство для кворума заседания составляло 12 человек (из проживающих в Ленинграде и Москве 20 действительных членов АН, за исключением находящихся в отпуску). По произведенной баллотировке все представленные кандидаты оказались избранными, причем Н. И. Бухарин, М. К. Любавский. Д. Б. Рязанов, С. И. Солнцев — единогласно; В. М. Алексеев, Б. Я. Владимирцов, М. С. Грушевский, А. М. Деборин, Н. Н. Лузин, П. П. Маслов, Д. М. Петрушевский, М. М. Покровский, М. Н. Покровский, П. Н. Сакулин, А. Н. Самойлович, В. М. Фриче — 16 избирательными голосами против 1 неизбирательного; Г. М. Кржижановский, Н. М. Лукин — 15 избирательными голосами против 2 неизбирательных. Положено представить в ОС на утверждение.

ЛО ААН СССР, ф. 1, оп. 1а, № 177, л. 233.

Отзыв Технологического института им. Ленсовета

Бухарин Н. И. — крупнейший экономист нашего времени, родился в 1888 году в семье школьного учителя.

Еще на школьной скамье Б. принимает участие в революционном движении и в 1906 году вступает в партию большевиков. Ведя большую работу в качестве пропагандиста и агитатора, Б. вскоре избирается в Моск. К-т партии, куда еще до избрания он с 1908 года был кооптирован для работы.

Осенью 1907 года Б. поступает на юридический факультет Моск. ун-та. После нескольких арестов, последовавших в результате подпольной революционной работы, Б. в 1911 году направляется в ссылку, откуда бежит и затем эмигрирует за границу в Германию. За границей Б. принимает активное участие в рабочем движении и занимается литературной и научной работой.

В октябре 1916 года, после ряда репрессий, которым он подвергался как активный противник империалистической войны, Б. нелегально едет в Америку. В Нью-Йорке Б. редактирует газету «Новый мир»; одновременно с этим он совершает поездку по многим городам Соединенных Штатов, где организовывает лево-циммервальдское крыло американского социалистического движения.

Сразу же после февральской революции Б. возвращается в Россию и поселяется в Москве. По приезде он работает в Исполкоме Моссовета и в Моск. К-те партии.

На VI съезде партии он избирается в члены Центрального ее комитета, каковым состоит до сих пор.

Отзыв института народного хозяйства им. Г. В. Плеханова

Бухарин Н. И. — крупный общественный деятель и виднейший теоретик-марксист.

Б. имеет ряд научных работ как в области политической экономии, так и в области социологии.

Важнейшей заслугой Б. в политической экономии является впервые данная им марксистская — логическая и социологическая критика австрийской школы.

Б. является оригинальным и одним из первых исследователей в области экономики переходного периода.

Несомненно, что работы Б. представляют крупный вклад в эту совершенно новую область науки.

*Отзыв Ленинградского политехнического института.**

Бухарин Н. И. является виднейшим представителем революционного марксизма в области теоретической экономии.

В отличие от прежнего поколения революционных марксистов России, для которых центром тяжести были занятие проблемой рынков, в связи с борьбой с народничеством, и иссследование аграрного вопроса, теоретический интерес Б. устремлялся в малоизведанную область борьбы с quasi-научными, психологическими и эклектическими построениями современной буржуазной теории экономии. В результате этой работы Б. явились такие труды, как «Атака» и «Политическая экономия рантье».

Другая область плодотворной работы Б. — это проблема империализма и мирового хозяйства и связанные с ними вопросы теории государства и революции. Сильной стороной Б. является то, что он при анализе экономики финансового капитализма делает ударение на предельных тенденциях данной фазы капитализма, благодаря чему ему удавалось анализировать с чрезвычайной выпуклостью эти тенденции, брать финансово-капиталистические производственные отношения в их чистом виде, а также трактовать госуд. власть империализма как наиболее обобщенный аппарат классового принуждения, как концентрированное насилие буржуазии над пролетариатом.

Б. впервые для того времени удалось поставить в порядок дня марксистскую тезу о необходимости в процессе революции взрыва государственной машины капитализма и тезис о возможности социалистической революции в России.

Капитальным трудом Б. в этой области научного исследования является «Мировое хозяйство и империализм», написанный в 1915 году и содер-

---

* Ныне Ленинградский политехнический институт, с 1940 г. — имени М. И. Калинина.

жащий, кроме анализа империализма, еще анализ становления мирового хозяйства, которое он рассматривает как сочетание и борьбу тенденции интернационализации и национализации капитала в новых организационных формах.

Кроме того, Б. работал над анализом закономерностей превращения капиталистического общества в социалистическое. В результате этой работы появилась его книга «Экономика переходного периода», о которой Ленин в свое время дал отзыв: «Превосходные качества этой превосходной книги испытывают некоторую деквалификацию, поскольку они лимитируются тем обстоятельством, что автор недостаточно рундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким, фактическим материалом, владея им в совершенстве по литературе... Академию мы поздравляем с великолепным трудом ее члена 31/V-20 г.».

*Отзыв Ленинградского горного института.**

Бухарин Н. И. в настоящее время восполняет тот пробел, который образовался в комплексе социолого-общественных дисциплин после смерти В. И. Ленина.

Б. является одним из крупнейших выразителей марксистской научной мысли наших дней. Последователь К. Маркса, ближайший ученик и соратник В. И. Ленина, Б. является не только знатоком марксистско-ленинских учений, но и творцом новых открытий, обогативших эти учения и получивших свое распространение на всем земном шаре.

«Теория исторического материализма» — книга, выдержавшая ряд изданий и переведенная на все европейские и все азиатские языки, обосновала исторический материализм как метод марксизма, как марксистскую социологию. Здесь Б. не ограничивается систематизацией марксовых концепций, но смело продвигает марксистскую мысль в историко-материалистическом познании.

Б. представляет из себя значительную фигуру и незаурядный талант также и в области экономических наук. Его наилучшая работа «Политическая экономия рантье» вскрывает глубокую теоретическую подготовку и умелость пользования полученными знаниями.

Тонкий диалектик, умелый оппонент, всесторонне развитый противник Б. совокупностью своего таланта и знаний, на основе глубоких философских мышлений беспощадно разбивает своих противников, доводя положение их или до полного логического абсурда, или до порочного круга.

Нельзя не отметить и еще одной замечательной книги Б. «Империализм и накопление». Здесь, как и всюду, он стоит на страже марксовых теорий от каких-либо искажений, с чьей бы то стороны они ни исходили,

---

* Ныне Ленинградский горный институт, с 1940 г. — имени Г. В. Плеханова.

начиная от Струве, Туган-Барановского, Оппенгеймера и кончая Розой Люксембург, пытавшейся внести исправления во второй том «Капитала».

«Экономика переходного периода», получившая во многих своих частях полное одобрение В. И. Ленина, показала Б. делающим смелые попытки интересных синтетических построений.

Последняя полемика в области теории и практики социалистического строительства в своей решающей части многим обязана Б. как глубокому мыслителю с широким социально-политическим кругозором, умеющим своевременно и исчерпывающе реагировать на все явления общественно-экономической и политической жизни, начиная от вопросов местного значения и кончая проработкой мировых проблем.

Теоретик и практик, политический вождь и неустанный работник, пропагандист марксистско-ленинских учений и их воспитатель, Б. сейчас является звездой первой величины, которая должна украсить собою Академию наук по социально-общественной кафедре.

*Отзыв Воронежского государственного университета.**

Бухарин Н. И. родился в 1888 году и уже довольно рано погружается в революционную работу: С 1908 года он уже член Московского Комитета РСДРП. Арестованный в 1910 году и сосланный в Сибирь, он оттуда бежит за границу, где и проживает в эмиграции до 1917 года. В эмиграции он принимает деятельное участие в международном рабочем движении. Одновременно занимаясь литературной работой, выдвигается как талантливый литератор и теоретик марксизма. Своими талантливыми работами Б. по отдельным проблемам намечал всегда вехи, разрабатывая часто их впервые в литературе. Большое количество проблем им разработано впервые с точки зрения марксистского анализа. Из его работ наиболее известны: «Политическая экономия рантье», «Экономика переходного периода», «Теория исторического материализма», «К теории империалистического государства», «Теория пролетарской диктатуры», «Эпигонада», «К постановке проблем теории исторического материализма», «Ленин, как марксист» и большое количество других работ и статей. Б. является также одним из талантливых популяризаторов; чтобы судить Б., об этом достаточно вспомнить хотя бы его «Азбуку коммунизма», отчасти « Теорию исторического материализма». Имя Б. как талантливого теоретика марксизма широко известно за границей, многие его произведения переведены на иностранные языки и стали доступными всему миру.

---

* Ныне Воронежский государственный университет, с 1968 г. — имени Ленинского комсомола.

*Отзыв Ленинградского лесного института.**

Общественная работа, научные труды и личность Б. известны не только в научном мире, но и среди широких масс СССР и за границей. Выдающийся социолог, экономист и научный исследователь в области исторического материализма Б. выдвинул ряд новых проблем и углубил разработку методологии политической экономии в направлении ленинизма как научно-революционной теории.

Лесной ин-т, имея в своем составе экономические кафедры, отмечает особую научную ценность его работы в области исторического материализма, оказавшую громадное влияние на освоение марксистского метода целым рядом научных исследователей в области экономики и социологии, и выдвигает Б. кандидатом в Академию наук по социально-экономической кафедре.

*Отзыв Ленинградского института инженеров путей сообщения.***

Бухарин Н. И. родился в 1888 году. Учился в Московском ун-те (юридический фак-т). В 1906 году вступил в партию большевиков. До 1910 г. ведет интенсивную партийную работу в Москве. За это время несколько раз арестовывается. С 1911 г. эмигрант. За границей принимал участие не только в жизни организаций РСДРП, но и в революционном движении Норвегии, Соед. Шт. Сев. Америки. Один из руководящих участников Октябрьской революции. В настоящее время член Политбюро ЦИК, ВКП и член Президиума Исполкома Коминтерна, член ЦИКа СССР. Является одним из крупнейших выразителей марксистской научной мысли наших дней.

Теоретические работы Б. имеются как в области марксистской социологии и методологии, так и в области социальной экономики.

Из социологических работ Б. на первом месте стоит его «Теория исторического материализма», переведенная на все европейские и многие азиатские языки и выдержавшая и у нас несколько изданий. Здесь Б. обосновывает и развивает исторический материализм как метод марксизма, или как марксистскую социологию, и, не довольствуясь принятыми формулировками, он смело идет дальше, пытаясь продвинуть вперед марксистскую мысль в историко-материалистическом познании. О том, что вносит нового Б. в своей «Теории исторического материализма», он сам говорит в «Беглых очерках» — «К постановке проблем теории исторического материализма».

Как экономист-теоретик Б. всегда в курсе тех вопросов, которые он трактует. Здесь он в особенности интересен как глубокий и остроумный

---

* Ленинградский лесной институт в ноябре 1929 г. переименован в Лесотехническую академию, с 1935 г. — имени С. М. Кирова.

** Ленинградский институт инженеров путей сообщения в 1930 г. переименован в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, с 1949 г. — имени академика В. Н. Образцова.

критик. Его лучшая работа в области экономики — это «Политическая экономия рантье» 1919 г., переведенная также на многие европейские языки. В «Политической экономии рантье» Б. всей силой своего таланта обрушивается на представителей теории предельной полезности — психологистов (Бем-Баверка, Менгера, Визера). В своей критике теоретиков предельной полезности Б. интересен особенно тем, что подходит к австрийской школе, становясь на основу противника, и, логически, шаг за шагом разбивая его построения, оставаясь на его же основе, доводит положения противника или до логического абсурда, или до порочного круга. Тут же, как бы мимоходом, Б. дает ряд блестящих указаний на сущность и важнейшие особенности марксистского метода.

В другой своей критико-экономической работе под названием «Империализм и накопление» (1925) Б. с присущим ему остроумием и талантливостью обрушивается на теорию накопления и рынков Розы Люксембург, претендовавшей исправить II том «Капитала» и допустившей в своей книге ряд глубочайших искажений и неправильностей в понимании учения о рынках и империализме.

Одинаково остроумным критиком Б. выявляет себя и в ряде статей, направленных против П. Б. Струве, Туган-Барановского, Оппенгеймера и других, статей, помещенных в сборнике «Атака» (1924).

В своей «Экономике переходного периода» Б. дает анализ процесса перерождения социально-экономических категорий при переходе от капитализма к социализму.

Кроме указанных произведений Б., большое значение представляют его речи. Во всех своих выступлениях Б. всюду выявляет себя тонким диалектиком, в совершенстве владеющим методом марксизма, мыслителем с широким социально-политическим кругозором, умеющим подмечать и отзываться на самые различные стороны нашей общественной жизни.

*Отзыв Воронежского сельскохозяйственного института.**

Основные работы Бухарина Н. И. написаны в области политической экономии. Наиболее ранней работой является «Политическая экономия рантье». В ней автор дает блестящий критический анализ австрийской школы в политической экономии. Вторая экономическая работа Б. «Империализм и мировое хозяйство» развивает теоретические идеи В. И. Ленина о последней стадии капиталистической системы хозяйства. Третье исследование — «Экономика переходного периода» представляет оригинальнейший теоретический анализ экономической системы «военного коммунизма». В этой работе Б. впервые дал теоретическое изложение переходной экономики, в ней он заложил основание для целой теоретической школы

---

* Ныне Воронежский сельскохозяйственный институт, с 1967 г. — имени К. Д. Глинки.

политической экономии, которая сейчас получает широкое развитие в работах Айхенвальда, Лапидуса, Островитянова, Леонтьева, Хмельницкого, Марецкого и др.

Нельзя не указать также работу Б. «Теория исторического материализма», которая представляет талантливейшую попытку создать науку марксистской социологии.

В общем надо определению констатировать, что в лице Б. русская экономическая наука имеет виднейшего теоретика политической экономии, пользующегося мировой известностью не только как политический деятель, но и как теоретик. Все перечисленные выше работы переведены на немецкий и ряд других языков.

Отзыв Кубанского бюро секции научных работников

Бухарин Н. И. — выдающийся, разносторонний ученый-марксист. Как теоретик дал больше всего работ в области политической экономии. Здесь он внес много оригинального: поставил ряд новых проблем, уточнил некоторые стороны, марксистские формулировки и, в общем, в высокой мере плодотворно содействовал разработке марксистской методологии политэкономии.

В частности, в труде «Политическая экономия рантье» им дана широкая картина австрийской школы на основе ортодоксального марксизма. В «Мировом хозяйстве и империализме» Б. подверг анализу особенности финансовой фазы капитализма и блестяще доказал, что формы так называемого «ультра-империализма» не только не являются принципиально примиряющими противоречия капитализма, но, наоборот, представляют из себя дальнейшее «расширенное воспроизводство» капитализма со всеми его неразрешимыми противоречиями.

«Экономика переходного периода» является высокоталантливой научной попыткой выявить социально-экономические закономерности общественной формации, переходной от капитализма к социализму.

В «Империализме и накоплении капитала» Б. дал в развернутой форме марксову теорию накопления одновременно с глубокой критикой извращений, допущенных М. И. Туган-Барановским и Розой Люксембург в своих постановках этого вопроса.

Кроме этого, Б. дал ряд прекрасных социалистических работ, из которых «Теория исторического материализма» является непревзойденной по блеску изложения и популяризации наиболее трудных проблем марксистской социологии.

ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 11. № 62, л. 1—17 об.

Протокол Общего собрания Академии наук СССР от 12 января 1929 г.

Присутствовали:

Президент академик А. П. Карпинский
Непременный секретарь академик С. Ф. Ольденбург

Отделение физико-математических наук

Академики: И. П. Бородин, Н. В. Насонов, Н. С. Курнаков, А. Н. Крылов, П. П. Лазарев, С. Г. Навашин, А. Е. Ферсман, А. Ф. Иоффе, А. Н. Северцов, В. Л. Комаров, Я. В. Успенский, С. П. Костычев, Ф. Ю. Левинсон-Лессинг.

Отделение гуманитарных наук

Академики: П. К. Коковцев, Н. Я. Марр, В. В. Бартольд, В. Н. Перетц, Е. Ф. Карский, Ф. И. Щербатской, С. Ф. Платонов, М. М. Богословский, М. Н. Сперанский, И. Ю. Крачковский, П. А. Лавров, Б. М. Ляпунов, Н. П. Лихачев, С. А. Жебелев, Е. В. Тарле.

Не присутствовали:

Академикн: А. А. Белопольский, А. И. Соболевский, В. И. Вернадский, В. М. Истрин, И. П. Павлов, В. Н. Ипатьев, А. П. Павлов, Н. К. Никольский, М. Н. Розанов, В. П. Бузескул.

Выборы:

Во исполнение Постановлення ОС от 15 декабря 1928 г. после краткого сообщения НС о порядке производства баллотирования произведено баллотирование в действительные члены АН сорока двух каидидатов, избраиных ОФМ и ОГН, а именно: В. М. Алексеева, А. Д. Архангельского, А. Н. Баха, С. Н. Бернштейна, А. А. Борисяка, Н. И. Бухарина, Н. И. Вавилова, И. М. Виноградова, Б. Я. Владимирцова, К. К. Гедройца, М. С. Грушевского, И. М. Губкина, В. С. Гулевича, А. М. Деборина, Н. Я. Демьянова, Д. К. Заболотного, Н. Д. Зелинского, В. А. Кистяковского, Г. М. Кржижановского, Н. М. Крылова, Н. Н. Лузина, Н. М. Лукина, М. К. Любавского, Л. И. Мандельштама, П. П. Маслова, М. А. Мензбира, В. Ф. Миткевича, Г. А. Надсона, В. А. Обручева, Д. М. Петрушевского, М. М. Покровского, М. Н. Покровского, Д. Н. Прянишникова, Д. С. Рождественского, Д. Б. Рязанова, П. Н. Сакулина, А. Н. Самойловича, С. И. Солнцева, А. Е. Фаворского, В. М. Фриче, С. А. Чаплыгина и А. Е. Чичибабина.

Из живущих в Ленинграде и Москве 39 академиков присутствовало 30 избирателей, причем законное большинство (ст. 31 Устава АН) составляло 30 голосов. По произведенной баллотировке оказалось, что названные выше кандидаты соединили в свою пользу: В. М. Алексеев — 28 голосов против 2, А. А. Архангельский — 29 против 1, А. Н. Бах — 25 против 5, С. Н. Бернштейн — 28 против 2, А. А. Борисяк — 29 против 1, Н. И. Бухарин — 20 против 10, Н. И. Вавилов — 29 против 1, И. М. Виноградов — 28 против 2, Б. Я. Владимирцов — 27 против 3, К. К. Гедройц — 29 против 1, М. С. Грушевский — 26 против 4, И. М. Губкин — 20 против 10, Н. Я. Демьянов — 29 против 1, В. С. Гулевич — 27 против 3, А. М. Деборин — 18 против 12, Д. К. Заболотный — 23 против 7, Н. Д. Зелинский — 30, В. А. Кистяковский — 28 против 2, Г. М. Кржижановский — 20 против 10, Н. М. Крылов — 29 против 1, Н. Н. Лузин — 26 против 4, Н. М. Лукин — 16 против 14, М. К. Любавский — 25 против 5, Л. И. Мандельштам — 28 против 2, П. П. Маслов — 26 против 4, М. А. Мензбир — 30, В. Ф. Миткевич — 30, Г. А. Надсон — 28 против 2, В. А. Обручев — 30, Д. М. Петрушевский — 29 против 1, М. М. Покровский — 29 против 1, М. Н. Покровский — 24 против 6, Д. Н. Прянишников — 30, Д. С. Рождественский — 30, Д. Б. Рязанов — 27 против 3, П. Н. Сакулин — 25 против 5, А. Н. Самойлович — 27 против 3, С. И. Солнцев — 29 против 1, А. Е. Фаворский — 29 против 1, В. М. Фриче — 16 против 14, С. А. Чаплыгин — 30 и А. Е. Чичибабин — 30.

Ввиду сего В. М. Алексеев, А. Д. Архангельский, А. Н. Бах, С. Н. Бернштейн, А. А. Борисяк, Н. И. Бухарин, Н. И. Вавилов, И. М. Виноградов, Б. Я. Владимирцов, К. К. Гедройц, М. С. Грушевский, И. М. Губкин, В. С. Гулевич, Н. Я. Демьянов, Д. К. Заболотный, Н. Д. Зелинский, В. А. Кистяковский, Г. М. Кржижановский, Н. М. Крылов, Н. Н. Лузин, М. К. Любавский, Л. И. Мандельштам, П. П. Маслов, М. А. Мензбир, В. Ф. Миткевич, Г. А. Надсон, В. А. Обручев, Д. М. Петрушевский, М. М. Покровский, М. Н. Покровский, Д. Н. Прянишников, Д. С. Рождественский, Д. Б. Рязанов, П. Н. Сакулин, А. Н. Самойлович, С. И. Солнцев, А. Е. Фаворский, С. А. Чаплыгин и А. Е. Чичибабин, как получившие при баллотировании предусмотренное Уставом большинство двух третей голосов, признаны избранными.

П о л о ж е н о: о состоявшемся избрании означенных 39 лиц сообщить Президиуму для зависящих распоряжений и довести до сведения Управления делами СНК СССР, а также уведомить самих избранных.

Непременный секретарь *Сергей Ольденбург*

ЛО ААН СССР, ф. 1. оп. 1-а (1929), № 251, л. 1а-2 об.

2. НАУЧНО-ОРГАНИЗАЦИОННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКАДЕМИКА Н. И. БУХАРИНА В АКАДЕМИИ НАУК СССР

В конце 20-х — первой половине 30-х годов научная и научно-организационная деятельность Николая Ивановича Бухарина была тесно связана с Академией наук СССР. 12 января 1929 г. Общее собрание Академии наук избрало Н. И. Бухарина академиком.[1]

Выборам новых академиков и членов-корреспондентов АН СССР предшествовала большая подготовительная работа. Кандидатуры их выдвигались не только академиками, но и научными учреждениями, вузами, учеными всей страны. В печати велось широкое обсуждение кандидатов. В Академию наук поступали многочисленные отзывы о научной и общественной деятельности кандидатов. В «Записке об ученых трудах проф. Н. И. Бухарина»,[2] отзывах о нем, направленных в Академию наук исследовательскими учреждениями, вузами, научными работниками, давалась характеристика Бухарина как видного партийного и общественного деятеля, крупного ученого-обществоведа и организатора науки.

В результате проведенных в январе 1929 г. выборов академиками стали 42 ученых, членами-корреспондентами АН СССР — 54 ученых. Впервые в истории Академии наук академиками были избраны ученые-коммунисты: Н. И. Бухарин, И. М. Губкин, А. М. Деборин, Г. М. Кржижановский, Н. М. Лукин, М. Н. Покровский, Д. Б. Рязанов и В. М. Фриче.

Время, наступившее после избрания Бухарина академиком, ознаменовано крупными преобразованиями в жизни Академии наук. Был осуществлен ряд организационных мероприятий по ее перестройке. Необходимость перестройки вытекала из тех новых задач, которые встали перед наукой в конце 20-х — начале 30-х годов. Процесс перестройки коснулся буквально всех сторон деятельности Академии. Важнейшим его направлением была борьба за овладение учеными марксистско-ленинской методологией. Пересмотр и расширение сети академических учреждений, организация первых филиалов и баз, обновление кадров, переход к планированию и коллективным формам исследований, создание аспирантуры, проведение выездных

сессий — таковы некоторые из аспектов перестройки Академии наук. Перестройка была нацелена на повышение роли Академии наук как высшего научного учреждения страны.

Большая роль в перестройке Академии принадлежала ученым-коммунистам. В 1929 г. была образована фракция академиков-коммунистов, которой первоначально руководил М. Н. Покровский, а затем Г. М. Кржижановский. В состав фракции входил и Бухарин.[3]

7 марта 1929 г. Общее собрание образовало Организационную комиссию, поручив ей «разработку всех предложений, связанных с реорганизацией работы в Академии наук и реконструкцией академических учреждений».[4] Комиссией последовательно руководили академики С. Ф. Ольденбург, В. Л. Комаров и В. П. Волгин. В состав комиссии были включены многие академики, в том числе и Бухарин.[5]

Первое заседание Организационной комиссии состоялось 7 марта 1929 г. На нем обсуждались задачи комиссии, намечались конкретные формы ее работы. В своем выступлении Бухарин поддержал предложение академиков А. Д. Архангельского, А. Ф. Иоффе, С. Ф. Ольденбурга и Д. Б. Рязанова о необходимости определения задач Академии наук, разделения Организационной комиссии на ряд подкомиссий. Формулируя задачи Академии наук, он говорил: «Это, во-первых, бóльшее сближение теоретической работы с практикой, однако, без сужения рамок теоретических исследований. Отсюда вытекает актуализация АН в целом. Придется выработать способы организационной координации работы АН с другими учреждениями».[6] Бухарин подчеркивал необходимость обеспечить оптимальное соотношение коллективного и индивидуального научного творчества, высказывался за представление «большей автономии отдельным научным учреждениям».[7] Он присоединился к предложениям А. Ф. Иоффе относительно повышения роли Академии наук в организации научных исследований в стране.

Бухарин участвовал в заседаниях Организационной комиссии, состоявшихся 15 апреля, 28 и 30 октября 1929 г., 31 января 1930 г., на которых рассматривались вопросы перестройки Академии наук.[8] 28 октября 1929 г., когда комиссия обсуждала доложенный академиком А. Е. Ферсманом «Проект реорганизации Академии наук СССР», академики Н. И. Бухарин, С. Ф. Ольденбург и М. Н. Покровский внесли предложения уточнить в этом документе вопрос о роли и месте Академии в системе научных учреждений СССР.[9]

При руководящем участии Бухарина разрабатывался новый Устав АН СССР. (Первый ее Устав был принят в 1927 г.). 20 декабря 1929 г. Общее собрание ввело Бухарина в состав Комиссии «по вопросу о новой структуре и новом Уставе АН».[10] 18 февраля 1930 г. Президиум Комитета по заведованию учеными и учебными учреждениями ЦИК СССР утвердил состав Комиссии по выработке Устава Академии наук. Среди членов этой комиссии был Бухарин.[11]

Первое заседание Комиссии по выработке Устава состоялось 28 февраля 1930 г. На нем был заслушан доклад Бухарина «Об основных положениях изменеиия Устава».[12] Комиссия одобрила этот доклад как документ для последующего обсуждения. Оно проходило на заседаниях комиссии, созванных 3 марта, 1 и 2 апреля 1930 г. Обсуждалнсь буквально все пункты прокта нового Устава.[13] Бухарин участвовал во всех этих заседаниях. В частности, на заседании, состоявшемся 1 апреля 1930 г., он возражал против исключения нз проекта Устава указаний о том, что Академия наук работает во всех областях теоретического знания, содействует выработке единого научного метода на основе материалистического мировоззрения.[14]

23 мая 1930 г. ЦИК СССР утвердил подготовленный учеными Устав АН СССР.[15] Этим документом Академия наук руководствовалась до ноября 1935 г., когда был принят новый ее Устав, третий в советские годы.

В 1931 г., когда велась подготовка к очередным выборам новых академиков и членов-корреспондентов АН СССР, Президиум АН СССР избрал Бухарина председателем выборной комиссии по наукам социально-экоиомическим.[16] Бухарин подготовил Записку о научных трудах одного из кандидатов в академики — государственного и партийного деятеля, экономиста В. В. Осинского.[17] 29 марта 1932 г. В. В. Осинский был избраи в академики по Отделению общественных наук АН СССР.[18]

Бухарин принимал участие в подготовке выборов в Академию наук, состоявшихся в нюне 1935 г. Он входнл в состав двух выборных комиссий — по наукам историческим и востоковедным.[19]

В связи с учреждеинем в 1934 г. ученых степеней н званий в Академии наук развернулась работа, связанная с установлением квалификации ученых. Были образованы специальные квалнфнкационные комиссии. В состав квалификацнонной комиссии по экономическим наукам входил наряду с другими учеными Бухарнн.[20]

Как известно, на рубеже 20-х — начала 30-х годов в академнческнх учреждениях осуществлялся повсеместный переход к планированию научных исследований. Это был сложный и длительный процесс. Трудности заключались в том, что многие сотрудники Академии наук не смогли на первых порах осознать необходимость планирования научной работы. У них не было навыков и опыта в этом деле. Трудности усугублялись тем, что в обстаиовке, когда все более широкое распространение получали административно-командные методы управления народным хозяйством, нередко принципы планирования, применявшнеся в промышленности, механически переносились на науку.

Бухарин внес значительный вклад в теорию и практику планирования науки. В своих выступленнях в Академии наук он раскрывал значение планироваиия для повышения эффективности научной работы. О роли планирования Бухарин говорил 1 апреля 1930 г. на заседанни ученых, посвященном обсуждению деятельности Комиссии по истории знаний.[21] Проблемы планирования академической науки обсуждались 1 октября 1930 г. на за-

седании Отделения общественных наук, а 3 октября 1930 г. — на заседании Общего собрания; Бухарин выступал на обоих заседаниях.[22] В частности, 3 октября 1930 г. Общее собрание заслушало доклад академика Н. Я. Марра о плане работы АН СССР на 1931 г. Выступая в прениях по докладу, Бухарин предлагал выработать директивные постановления к составлению тематического плана АН СССР.[23]

В феврале 1931 г. был опубликован «Производственный план Академии наук Союза Советских Социалистических Республик на 1931 г.». Он являлся первым сводным планом деятельности Академии наук СССР.

В 1931 г. Академия наук приступила к изданию журнала «Вестник АН СССР». Примечательно, что в первом номере журнала была опубликована статья Бухарина «О планировании научно-исследовательской работы. (К постановке вопроса)». В статье подчеркивалось, что «планирование научно-исследовательского труда есть специфическая задача, решать которую нужно, считаясь со специфическими особенностями научно-исследовательской работы как таковой»[24]

В начале 1931 г. в Академии наук велась подготовка к проведению первой Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы. 3 марта 1931 г. Бухарин докладывал Общему собранию о задачах этой конференции. Для участия в ней была избрана делегация ученых Академии наук, в состав которой вошел и Бухарин.[25]

Конференция состоялась 6—11 апреля 1931 г. Ее открыл Бухарин. Он выступил на конференции с докладом «О планировании научно-исследовательской работы». В докладе содержался анализ широкого комплекса проблем, касающихся управления наукой, планирования и координации исследований. Задачи науки рассматривались в органической связи с практикой социалистического строительства.[26] Характеризуя сеть научных учреждений СССР, докладчик отмечал: «Целую сеть институтов имеет Академия наук, сосредоточивая лучших ученых страны»[27] Он подчеркивал, что в Академии наук находится ряд первоклассных институтов, «имеющих широчайшую мировую известность, вроде института академика И. П. Павлова».[28]

В заключительном слове, подводившем итоги выступлений участников конференции по вопросам планирования, Бухарин, поддержал предложение академика С. Ф. Ольденбурга о необходимости учета научной работы, укрепления материально-технической базы исследований.[29]

Материалы конференции, ее решения получили глубокий отклик среди ученых Академии наук. Делясь своими впечатлениями о конференции, С. Ф. Ольденбург писал: «Вступлением в работы конференции послужил обстоятельный и вместе с тем чрезвычайно боевой доклад Н. И. Бухарина... Доклад этот, заслушанный с напряженным вниманием, сразу поднял настроение конференции на значительную высоту, и на ней она держалась все время».[30]

Об итогах конференции 28 апреля 1931 г. Бухарин докладывал Общему

собранию. Было принято постановление, направленное на совершенствование работы по планированию исследований в Академии наук.[31]

Опыт, накопленный учеными в процессе составления годовых планов, позволил им приступить к подготовке плана деятельности АН СССР на вторую пятилетку. 29 марта 1932 г. Общее собрание заслушало доложенные академиком Н. Я. Марром «директивы к составлению плана работ АН на вторую пятилетку». Для детальной проработки «директив» была образована комиссия, среди членов которой находился и Бухарин.[32]

В 1932 г. был опубликован план работ АН СССР на вторую пятилетку.[33] Принципы планирования прочно входили в жизнь академических учреждений.

При участии Бухарина рассматривались планы работы отдельных академических учреждений. В октябре 1933 г. на заседании Группы истории, социологии и экономики он участвовал в обсуждении плана исследований Музея истории религии.[34] Тогда же на заседании Технической группы он высказал замечания о плане Комиссии технической терминологии.[35]

Руководство Академии наук привлекало Бухарина к решению вопросов, связанных с развитием сети академических учреждений. 20 декабря 1929 г. на заседании Общего собрания обсуждался доклад академика И. М. Виноградова о создании Демографического института. В принятом Общим собранием постановлении указывалось: «...организацию Демографического института при АН утвердить с привлечением для работ в институте тт. Бухарина и Струмилина».[36]

31 января 1930 г. на заседании Организационной комиссии Бухарин участвовал в обсуждении вопроса «О создании в Закавказье отделения Закавказской комиссии или специального исследовательского института по изучению природы и производительных сил Закавказья».[37] 1 апреля 1930 г. на одном из заседаний ученых-обществоведов Бухарин высказался за расширение деятельности Экономического кабинета Академии наук.[38]

Обсуждению положений о гуманитарных учреждениях Академии наук было посвящено заседание Группы истории, социологии и экономики, состоявшееся 30 сентября 1930 г. Вместе с другими учеными в рассмотрении Положения об Институте по изучению народов СССР участвовал Бухарин.[39] 1 февраля 1931 г. при его участии на заседании Общего собрания обсуждались проблемы, касающиеся организации исследований по физиологии в Академии наук.[40]

27 мая 1932 г. по предложению Бухарина Президиум АН СССР принял постановление об учреждении при Академии постоянной комиссии по автоматизации.[41]

При освещении деятельности Бухарина следует упомянуть его участие в научных заседаниях АН СССР.

В июне 1931 г. в Москве проходила чрезвычайная выездная сессия АН СССР, посвященная теме «Что может дать наука для осуществления лозунга „Догнать и перегнать"?». Как можно судить на основании письма

А. М. Горького непременному секретарю АН СССР академику В. П. Волгину (оно датировано 25 июня 1931 г.), Бухарин по поручению руководства Академии наук просил А. М. Горького выступить с докладом на сессии. (По ряду причин А. М. Горький не смог выполнить этой просьбы).[42]

21 июня 1931 г. Бухарин выступил на сессии с докладом на тему «Наука СССР на перевале всемирной истории». По свидетельству академика В. Л. Комарова, участники сессии высоко оценили доклад.[43]

В 1931 г. Академия наук издала доклад в виде отдельной брошюры под названием «Борьба двух миров и задачи науки».

«Техника и экономика переходного периода» — такой теме была посвящена речь Бухарина, произнесенная 29 февраля 1932 г. на торжественном годовом собрании АН СССР.[44] В 1932 г. Бухарин выступил на заседании АН СССР с речью об И.-В. Гете и на заседании АН СССР и Коммунистической Академии — с докладами о Ч. Дарвине.[45]

17 марта 1933 г. на заседании Общего собрания, посвященном 50-летию со дня смерти К. Маркса, был заслушан доклад Бухарина об историческом значении учения К. Маркса.[46] Анализ философского наследия В. И. Ленина давался в докладе Бухарина, прочитанном 23 января 1934 г. на заседании Общего собрания, созванном в связи с 10-летием со дня смерти В. И. Ленина.[47]

Как свидетельствуют стенографические отчеты заседаний Общего собрания и отделений АН СССР, Бухарин участвовал в обсуждении научных докладов, прочитанных учеными Академии наук. В частности, 8 марта 1933 г. на заседании Отделения общественных наук он высказал свои соображения о докладе академика А. С. Орлова «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса по поводу „Слова о полку Игореве"».[48] 3 марта 1933 г. на заседании того же отделения он выступил в прениях по докладу академика П. П. Маслова по вопросам изучения развития промышленности.[49] 6 октября 1933 г. Общее собрание заслушало доклад академика И. Г. Александрова «Будущий транспорт СССР». Среди ученых, участвовавших в обсуждении доклада, был Бухарин.[50]

Представление о направлении научных исследований Бухарина после избрания его академиком можно получить на основании отчета о деятельности АН СССР в 1929 г. Как видно из отчета, Бухарин разрабатывал методологические проблемы развития экономики и экономической науки.[51]

Одно из самых главных направлений деятельности Бухарина в Академии наук связано с организацией исследований по истории науки и техники. Как известно, работы в этой области велись Комиссией по истории знаний (КИЗ) — академическим учреждением, основанным академиком В. И. Вернадским в 1921 г.[52]

Работа Комиссии по истории знаний обсуждалась на заседании Организационной комиссии, состоявшемся 31 января 1930 г. В обсуждении участвовали академики А. Д. Архангельский, Н. И. Бухарин, В. И. Вернадский, И. М. Губкин и А. М. Деборин. Ученые высказались за создание

Московского отделения Комиссии по истории знаний.[53] 1 апреля 1930 г. деятельность комиссии, ее тематика вновь рассматривались на заседании ученых. Выступившие на нем академики А. Д. Архангельский, Н. И. Бухарин, В. И. Вернадский, В. П. Волгин, А. Н. Крылов, Н. С. Курнаков, Н. Я. Марр, А. Е. Ферсман и С. А. Чаплыгин отмечали важное значение историко-научных исследований, вносили конкретные предложения о содержании работы комиссии.[54]

5 апреля 1930 г. Общее собрание избрало комиссию для рассмотрения вопросов по реорганизации КИЗ. В состав комиссии входили академики Н. И. Бухарин, В. И. Вернадский, В. П. Волгин, А. М. Деборин, В. Ф. Миткевич и С. Ф. Ольденбург.[55] Было подготовлено Положение о КИЗ, которое 2 октября 1930 г. получило одобрение Общего собрания. «КИЗ имеет своей задачей изучение истории развития науки и техники с древнейших времен и до последнего времени»,[56] — указывалось в этом документе.

До 1 октября 1930 г. председателем КИЗ был В. И. Вернадский, а затем во главе ее стоял Бухарин.[57]

Ученые СССР участвовали во II Международном конгрессе по истории науки и техники, проходившем в Лондоне 27 июня — 3 июля 1931 г. В состав советской делегации входил и Бухарин. Он выступил на конгрессе с докладом «Теория и практика с точки зрения диалектического материализма».[58]

О значении, которое Академия наук придавала исследованиям по истории науки и техники, свидетельствовало преобразование КИЗ в Институт истории науки и техники, осуществленное в соответствии с постановлением Общего собрания от 28 февраля 1932 г. Постановление было сформулировано так: «§ 4. КИЗ переименовать в Институт истории науки и техники».[59]

Разрабатывалось Положение о новом институте. 14 мая 1932 г. оно было утверждено Президиумом АН СССР,[60] а 6 октября 1932 г. — Общим собранием. «ИИНиТ ставит своей задачей изучение на базе марксистско-ленинской методологии истории науки и техники всех стран с древнейших времен и до настоящего времени»,[61] — так в Положении определялись задачи института.

Директором института был утвержден Бухарин, заместителем директора — академик А. М. Деборин, ученым секретарем — М. А. Гуковский.[62] Первоначально институт работал в Ленинграде, а в 1936 г. был переведен в Москву.[63]

Структура института строилась с таким расчетом, чтобы обеспечить развитие исследований по главнейшим отраслям истории отечественной и зарубежной науки и техники. В 1932 г. в составе института функционировали секции по истории: 1) техники, 2) химии, 3) физики и математики, 4) биологии, 5) агрикультуры, 6) Академии наук[64] По мере развития института вносились изменения в его структуру. В частности, секция по истории техники была преобразована в секцию истории промышленной техники.[65] В 1937 г. в состав института входили сектора: 1) истории всеоб-

щей техники, 2) истории науки, 3) истории отраслевой техники, а также секция истории агротехники.[66]

Первоначально институт находился при Общем собрании, а затем был переведен в состав Отделения общественных наук.

Во главе секций и секторов института в разные годы стояли академики Н. И. Вавилов, С. И. Вавилов, Б. А. Келлер, И. Ю. Крачковский, В. Ф. Миткевич, С. Ф. Ольденбург и другие ученые.

Институт развернул интенсивную работу по подготовке трудов по истории науки и техники.

При руководящем участии института был подготовлен и в 1933 г. издан Академией наук коллективный труд «Памяти Карла Маркса. Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. 1883—1933». Редакторами издания являлись Бухарин и Деборин. В сборник вошла статья Бухарина «Учение Маркса и его историческое значение». В числе авторов находились А. М. Горький, академики А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, В. П. Волгин, А. М. Деборин, А. Ф. Иоффе, В. Л. Комаров, Н. С. Курнаков, Н. М. Лукин, И. И. Мещанинов, В. Ф. Миткевич, А. Н. Самойлович, Н. Н. Семенов, А. И. Тюменев, А. А. Чернышев и другие ученые.

Институт предпринял издание нескольких серий трудов. В первой серии выходил «Архив истории науки и техники». Это был основной печатный орган института. Первый выпуск «Архива» увидел свет в 1933 г. В открывавшей выпуск статье «От редакции» отмечалось: «История науки и техники, изучаемая при помощи марксистско-ленинского метода, должна раскрыть перед нами закономерности развития этих областей человеческой деятельности в связи с закономерным развитием социально-экономических формаций».[67]

В течение 1933—1936 гг. Академия наук издала 9 выпусков «Архива», объем которых составил около 400 п. л.[68] Ответственным редактором «Архива» был Бухарин. Членами редколлегии в разные годы являлись академики А. А. Борисяк, С. И. Вавилов, А. М. Деборин, Б. А. Келлер, Г. М. Кржижановский, Н. С. Курнаков, В. Ф. Миткевич, С. Ф. Ольденбург и другие ученые.

В «Архиве» имелись рубрики: «Статьи», «Сообщения и заметки», «Материалы», «Рецензии», «Хроника». На страницах «Архива» освещались актуальные проблемы истории отечественной и зарубежной науки и техники, публиковались новые документы и материалы. Читатель имел возможность получить представление о работах по истории науки и техники в СССР и за рубежом.

Помимо «Архива», институт издавал крупные монографические исследования. Такова монография Б. Л. Богаевского «Техника первобытно-коммунистического общества», вышедшая в 1936 г. в IV серии «Трудов» института. Предисловие к монографии написал Бухарин. В 1936 г. увидели свет «Очерки истории техники докапиталистических формаций» (под общей редакцией академика В. Ф. Миткевича). Должна быть также упомя-

нута вышедшая ранее, в 1934 г., работа М. И. Радовского и Д. В. Ефремова «История динамомашины» (под редакцией В. Ф. Миткевича). Были опубликованы труды о выдающихся деятелях науки и техники.

Регулярно проводились научные заседания института, на которых заслушивались доклады, посвященные проблемам истории науки и техники. Велась работа, связанная с популяризацией историко-научных знаний. Информация о деятельности института регулярно давалась в «Отчетах» АН СССР, «Архиве истории науки и техники» и других изданиях.[69]

Большое внимание уделялось организации Музея истории науки и техники, для которого были собраны ценные экспонаты. Как отмечалось в «Отчете о деятельности АН СССР в 1934 г», создание музея к весне 1934 г. было уже почти закончено.[70] Однако позднее в связи с переводом института из Ленинграда в Москву работа, связанная с развитием музея, была свернута, собранные коллекции перешли в Государственный Эрмитаж и другие ленинградские музеи.

20 ноября 1935 г. Общее собрание избрало Бухарина членом Президиума АН СССР.[72]

Научно-организационную работу в Академии наук Бухарин сочетал с деятельностью в ВСНХ, Народном комиссариате тяжелой промышленности и в комиссии содействия ученым при Совнаркоме СССР.

В период культа личности Сталина, грубых нарушений ленинских норм партийной и государственной жизни, произвола и массовых репрессий Бухарина необоснованно обвинили по делу так называемого «антисоветского правотроцкистского блока». 21 мая 1937 г. он был исключен из числа академиков и выведен из состава Президиума АН СССР.

Чудовищные обвинения во вредительстве обрушились тогда на сотрудников Института истории науки и техники. В 1938 г. деятельность института была прекращена. Но жизнь настоятельно требовала дальнейшего развития историко-научных исследований. Это глубоко осознавалось руководством Академии наук СССР. В 30—40-е годы в системе АН СССР был образован ряд комиссий по истории науки, в том числе Комиссия по истории Академии наук СССР (1938).

В начале февраля 1945 г. Президиум АН СССР организовал Институт истории естествознания. На базе этого института в сентябре 1953 г. был создан Институт истории естествознания и техники АН СССР, в деятельности которого получили развитие лучшие традиции, заложенные учеными Комиссии по истории знаний и Института истории науки и техники. Институт истории естествознания и техники АН СССР является главным историко-научным центром в нашей стране.

О том, какое важное значение Академия наук придавала историко-научным исследованиям, свидетельствовала состоявшаяся в январе 1949 г. сессия Общего собрания АН СССР, на которой обсуждались проблемы истории отечественной науки.

О большой роли науки в строительстве нового общества, о достиже-

ниях научно-исследовательских институтов Бухарин говорил в январе 1934 г. в речи на XVII съезде партии. «Мы отлично знаем, — подчеркивал он, — что наши ряды — это ряды бойцов за социализм, и потому это — ряды бойцов за технику, науку, за культуру, за счастье людей!»[73]

Выше была предпринята попытка кратко рассказать об организационной работе Бухарина в Академии наук, о его участии в академических делах. Анализ концепции Бухарина по проблемам организации науки требует специальных исследований. Нельзя упускать при этом из виду, что он был сыном своего времени. Печать того времени лежит на его статьях и выступлениях, посвященных науке. Не избежал Бухарин и ошибок.

При оценке деятельности Бухарина в области организации науки следует руководствоваться той характеристикой, которую дал ему В. И. Ленин. Более глубокому пониманию исторической обстановки в стране периода 20—30-х годов, уяснению роли Бухарина весьма содействует доклад товарища М. С. Горбачева «Октябрь и перестройка: революция продолжается».[74]

---

[1] Ленинградское отделение Архива АН СССР (далее — ААН), ф. 1, оп. 1 — 1929, д. 251, л. 2.

[2] См.: Заметки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению гуманитарных наук, избранных 12 января и 13 февраля 1929 г. Л., 1930. С. 13—15.

[3] За социалистическую науку. 1933. 10 октября.

[4] ААН, ф. 1, оп. 1 — 1929, д. 251, л. 12.

[5] Там же.

[6] Там же, ф. 2, оп. 1 — 1929, д. 95, л. 155.

[7] Там же.

[8] Там же, л. 140, 142—144, 153—154; оп. 1 — 1930, д. 126, л. 1.

[9] Там же, оп. 1 — 1929, д. 95, л. 142.

[10] Там же, ф. 1, оп. 1 — 1929, д. 251, л. 26.

[11] Там же, ф. 2, оп. 1 — 1930, д. 17, л. 20.

[12] Там же, л. 3; л. 159, л. 103—118; Ленинградская правда. 1930. 1 марта.

[13] ААН, оп. 1 — 1930, д. 17, л. 4—6; д. 160, л. 266—354.

[14] Там же, д. 160, л. 101—105.

[15] Уставы Академии наук СССР 1724—1974. М., 1975. [2-е изд.] С. 130—140.

[16] Вестник АН СССР (далее — ВАН). 1931. № 10. Стб. 64.

[17] См. Записки об ученых трудах действительных членов АН СССР по Отделению общественных наук, избранных в 1931 и 1932 гг. Л., 1932. С. 35—36.

[18] Академия наук СССР: Персональный состав. 1917—1974. М., 1974. Кн. 2. С. 25.

[19] ВАН. 1935. № 1. Стб. 102.

[20] Там же. № 11. Стб. 72—73.

[21] ААН, ф. 2, оп. 1 — 1930, д. 160, л. 255—256.

[22] Там же, д. 162, л. 76—87, 599—600.

[23] Там же, д. 162, л. 105—114.

[24] ВАН. 1931. № 1. Стб. 22.

[25] Там же. № 3. Стб. 49; ААН, ф. 2, оп. 1 — 1931, д. 25, л. 280—285, 288—290.

[26] I Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы. 6—11 апреля 1931 г.: стеногр. отчет. М.; Л., 1931. С. 13—62.

[27] Там же. С. 41.

[28] Там же. С. 40—41.

[29] Там же. С. 100.

[30] *Ольденбург С. Ф.* О значении первой конференции по плаиированию научно-исследовательской работы//ВАН. 1931. № 7. Стб. 3.

[31] ААН, ф. 2, оп. 1 — 1931, д. 26, л. 246—249; ВАН. 1935. № 5. Стб. 51.

[32] ААН, ф. 1, оп. 1 — 1932, д. 260, л. 43.

[33] План работ Академии наук СССР на второе пятилетие (1933—1937). Ч. 1. Общие осиовы плана. Л., 1932.

[34] ААН, ф. 2, оп. 1 — 1933, д. 3, л. 246.

[35] Там же, л. 189.

[36] Там же, ф. 1, оп. 1 — 1929, д. 251, л. 26.

[37] Там же, ф. 2, оп. 1 — 1930, д. 159, л. 91—96.

[38] Там же, д. 160, л. 19.

[39] Там же, д. 162, л. 553—569.

[40] Там же, оп. 1 — 1931, д. 25, л. 246—247.

[41] Там же, оп. 1 — 1932, д. 33, л. 117.

[42] Там же, оп. 1 — 1931, д. 21, л. 171.

[43] *Комаров В. Л.* Работы Чрезвычайной сессии//ВАН. 1931. Внеоч. иомер. Чрезвычайная сессия в Москве. 21—27 VI 1931 г. Стб. 15—16.

[44] В 1932 г. Академия наук трижды издавала брошюру Бухарина «Техника и экоиомика переходного периода. (Речь на торжественном годовом собрании Академии иаук СССР 29 февраля 1932 г.)».

[45] *Бухарин Н. И.:* 1) Гете и его историческое зиачеиие. Речь, произнесениая в торжествеиием заседаиии Академии иаук СССР, посвященном 100-летию со дия смерти Гете. Л., 1932. 46 с.; 2) Дарвинизм и марксизм. Доклад иа торжествеином заседании, посвященном 50-летию со дня смерти Чарльза Дарвина. Л., 1932. 35 с. (Наст. изд. С. 53—86, 87—119).

[46] ВАН. 1933. № 5. Стб. 1—9.

[47] Там же. 1934, № 1. Стб. 37.

[48] ААН, ф. 2, оп. 1 — 1933, д. 2, л. 24—25.

[49] Там же, д. 3, л. 361—367.

[50] Там же, л. 493—497.

[51] Отчет о деятельиости АН СССР за 1929 г. 1. Общий отчет. Л., 1930. С. 36.

[52] Подробиее см.: *Вернадский В. И.* Избр. тр. по истории науки. М., 1981. 560 с.

[53] ААН, ф. 2, оп. 1 — 1930, д. 159, л. 75—82.

[54] Там же, д. 160, л. 247—259.

[55] Там же, ф. 1, оп. 1 — 1930, д. 254, л. 34.

[56] Там же, л. 54.

[57] Отчет о деятельности АН СССР за 1930 г. Л., 1931. С. 50.

[58] Социалистическая реконструкция и наука. 1931. Вып. 1. С. 7—24, 196—208.

[59] ААН, ф. 1, оп. 1 — 1932, д. 260, л. 2.

[60] Там же, ф. 2, оп. 1 — 1932, д. 33, л. 108, 116.

[61] Там же, ф. 1, оп. 1—1932, д. 260, л. 67.

[62] Календарь-справочник АН СССР. 1933. Л., 1933. С. 35.

[63] ВАН. 1936. № 8—9. С. 102.

[64] Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. Л., 1933. С. 65.

[65] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. М.; Л., 1935. С. 430.

[66] Академия наук СССР. Календарь-справочник. 1937 г. М., 1937. С. 45.

[67] Архив истории науки и техники. Л., 1933. Вып I. С. V.

[68] Институт истории естествознания и техники. Краткая история. Структура института. Библиография. М., 1985. С. 9.

[69] См.: Отчет о деятельности АН СССР в 1932 г. С. 64—67; Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 429—436; *Гуковский М. А.:* 1) Институт истории науки и техники АН СССР//Социалистическая реконструкция и наука. 1933. Вып. 2. С. 180—184; 2) Работа Института истории науки и техники АН СССР в 1933 г.//Архив истории науки и техники. М.; Л. 1934. Вып. III. С. 337—342; 3) Институт истории науки и техники в 1934 г.// Там же. М.; Л. 1935. Вып. V. С. 611—617. См. также: Институт истории науки и техники Академии наук (на 1 января 1933 г.)//Архив истории науки и техники. М.; Л. 1933. Вып. I. С. 226—231. Краткую библиографию о работе института см.: Академия наук СССР. 1917—1972. Указатель литературы. М., 1974. С. 221—222.

[70] Отчет о деятельности АН СССР в 1934 г. С. 435.

[71] Институт истории естествознания и техники. Краткая история. Структура института. Библиография. С. 9. О музее см.: *Заборинский П. П.* Музей истории техники//ВАН. 1932. № 9, Стб. 70—71; *Каменский В. А.* Музей при Институте истории науки и техники Академии наук.//Там же. № 6. Стб. 44—47.

[72] ВАН. 1936. № 1. Стб. 103.

[73] XVII съезд ВКП(б): стеногр. отчет. М., 1934. С. 129.

[74] *Горбачев М. С.* Избр. речи и ст. М., 1988. Т. 5. С. 386—436.

Д. и. н. *А. В. Кольцов*

3. «БУХАРИН Н. И.». (Большая Советская Энциклопедия. 1-е изд. М. 1927. Т. 8. Буковые-Варле. СТБ. 271—284)

В 1925 г. по Постановлению ЦИК СССР было начато первое издание Большой советской энциклопедии, которое готовилось и вышло под редакцией академика О. Ю. Шмидта. Среди членов редколлегии и авторов статей, помещенных в томах Большой советской энциклопедии, — Н. И. Бухарин, В. В. Куйбышев, М. Н. Покровский, Г. М. Кржижановский, Е. А. Преображенский, К. Б. Радек, И. И. Скворцов-Степанов и др. Н. И. Бухарин для этого издания написал большую статью «Эксплоатация» (т. 63, стб. 331—336).

В настоящем издании печатается статья «Бухарин Н. И.», опубликованная в 8-м томе БСЭ, составленная выпускником Института красной профессуры, сотрудником газеты «Правда» учеником и близким другом Н. И. Бухарина — Д. П. Марецким.

Бухарин, Николай Иванович, один из вождей ВКП(б) и Коммунистического Интернационала, член ЦК и Политбюро ЦК ВКП(б), член Президиума Исполкома Коминтерна, редактор ЦО партии «Правда», член ЦИК СССР, один из руководящих участников Октябрьской революции, выдающийся теоретик коммунизма, экономист и социолог.

Б. родился в 1888, 27 сентября ст. ст., в семье учителя городской начальной школы Ивана Гавриловича Бухарина.

Уже с юношеских лет Б. принимает участие в революц. движении. В 1905 состоит в революц. организации учащихся, к-рая вскоре становится с.-д.-ской. Во второй половине 1906 вступает в партию большевиков, работает в Замоскворецком районе в качестве пропагандиста. Во время выпускных экзаменов (весной 1907) Б. впервые проводит забастовку рабочих на фабрике Сладкова. В 1907—08 — пропагандист, организатор, агитатор в Дорогомиловском подрайоне Хамовнического района. В 1908 Б. кооптирован в Московский комитет большевистской организации и назначается ответственным организатором Замоскворецк. района. Вскоре Б. проходит

в МК по выборам. Ведет жестокую борьбу с «отзовистами». Осенью 1907 Б. поступает на экономическое отделение юридического факультета Московск. ун-та. В ун-те, одиако, Б. «курса наук» систематически ие проходит, работая в партии в заиимаясь дома. Активно работает в с.-д. большевистской студенческой фракции. Весиой 1909 Б. впервые арестоваи на собрании Московского комитета большевиков. Выпущенный вскоре на свободу, Б. осенью 1909 опять арестован по тому же делу, ио освобождеи под залог до суда с предъявлением обвинеиия по 102 ст. В 1910 Б. времеино иа партийной работе в легальиых учреждеииях, где ведет борьбу с ликвидаторами и ликвидаторством. Участвует в профсоюзной прессе (в органе текстилей). В конце 1910 Б. снова арестовывается в связи с разгромом Московской партийной организации. До июия 1911 Б. сидит в Сущевке и в Бутырках, после чего его направляют до суда в административную ссылку в Онегу, откуда он вскоре бежит. В октябре 1911 Б. эмигрирует в Германию (Ганновер).

К осени 1912 относится первое личиое знакомство Б. с Лениным (Краков). Ленин предлагает Б. сотрудничество в «Правде» и в «Просвещении», после чего начиивается систематическая литературная деятельность Б., одновремеино принимающего активное участие в заграничном рабочем движеиии. Партия делегирует Б. представителем ЦО иа партайтаг германской с.-д-тии в Хемнице. Зимой 1912—13 Б. перекочевывает в Веиу, где подготовляет работу «Политическая экономия рантье» и где слушает, между прочим, лекции Бем-Баверка и Визера. К венскому же периоду заграничной полосы (1912/13 и 1913/14) относится большинство полемических теоретико-экономических работ Б. (против Струве, Туган-Барановского, Оппенгеймера, Бем-Баверка), ряд статей и корреспонденций в «Просвещении» и «Правде». Поддерживая непрерывный контакт, письменный и личный, с Лениным, Б. принимает теснейшее участие в работах для думской фракции большевиков (подготовка речей, докладов и пр.), попутно работая в русских социал-демократических кружках Вены и ведя борьбу с меньшевиками и с троцкистами.

В последние дни перед объявлеиием войны 1914 австрийская полиция арестовывает Б. в м-ке Лунце, как «шпиона», сажает его в военную крепость Мелк, и лишь после показаний знавших Б. лично вождей австрийской с.-д-тии, Б. освобождается и высылается, в сопровождеии жандармов, на швейцарскую граиицу. В Швейцарии, главным образом в Цюрихе и Лозанне, Б. пробыл до июля 1915. Состоя в большевистской заграничиой организации, вел борьбу с обороицами, принимал участие в Бернской партийной конфереиции. Тогда же Б. написал работу «Мировое хозяйство и империализм», появившуюся в сокращением виде в большевистском заграничном журнале «Коммуиист». В 1915 Б. с паспортом Долголевского через Францию и Англию, с кратковременной задержкой англ. полицией в Нью-Кастле, перебирается в Швецию.

В Швеции Б. завязывает связи с «молодыми», позднее левыми

циммервальдистами, группировавшимися вокруг Хеглунда (тогдашней революционной манеры), сотрудничает в их органе «Stormklockan». Участвует на полулегальном съезде «молодых» в Стокгольме, созванном в связи с опасностью вступления Швеции в войну (лето 1916). Шведские власти арестовывают Б. (одновременно с Хеглундом) за антимилитаристскую пропаганду, как «агента Ленина», собиравшегося якобы «взрывать мосты», «бросать бомбы» и пр. После полуторамесячного сидения и принудительных работ в стокгольмской тюрьме Б. высылается в Норвегию, где пишет ряд статей в органе «молодых» «Klassekampen». К скандинавскому периоду относятся теоретические разногласия Б. с Лениным по национальному вопросу и по вопросу о государстве (об этом ниже). После того, как работа Б. «К теории империалистического государства» не была помещена в большевистском сборнике «Социал-демократ», издававшемся в Швейцарии, Б. развил тему этой работы в ряде статей в тогдашних радикально-социалистических органах: в голландской «De Tribune», в норвежской «Klassekampen», в бременском журн. «Arbeiter Politik», в журн. «Jugendinternationale» и впоследствии в нью-йоркском «Новом мире». Перебравшись из Норвегии в Данию, Б. через два месяца едет в октябре 1916 нелегально в Америку.

В Нью-Йорке Б. редактирует газету «Новый мир», к-рая с его приездом занимает революционную интернационалистскую позицию. Б. поддерживает связи с Владимиром Ильичем. Совершает агитационное «турне» по городам Соед. Штатов; в процессе формирования лево-циммервальдского крыла американского социалистического движения Б. ведет борьбу с тогдашней позицией Троцкого. В «американский» период из Б. выработался зрелый оратор и агитатор. При первых известиях о Февральской революции Б. через Японию возвращается, после почти 6-летней эмиграции, в Россию. (По дороге, между прочим, Б. был арестован меньшевиками в Челябинске за агитацию среди солдат). По приезде Б. обосновывается в Москве. Он избирается в Исполком Моск. Совета и в Московский к-тет большевиков. Редактирует «Социал-демократ» и теоретический орган «Спартак». На VI съезде партии избирается в члены ЦК, членом коего состоит до сих пор. Б. участвует в Государственном и Демократическом совещаниях (одновременно выступая на общепрофсоюзном собрании за всеобщую стачку во время Госуд. Совещания). Является автором декрета № 1 Моск. Совета Р. и С. Д., состоит членом Московской городской думы. Б., вообще игравший в тот период политически руководящую роль в Московской организации, ведет ожесточенную борьбу с меньшевиками и эсерами, играет большую роль в противокорниловской кампании в предоктябрьский период, решительно выступает против колебательных тенденций (по вопросу о восстании и захвате власти) внутри партии, ведет интенсивную борьбу за их преодоление. Он состоит в ядре руководивших подготовкой восстания большевиков. Редактирует орган восстания «Известия Моск. Военно-Революц. к-та». Перед разгоном Учредительного собрания произносит в нем от име-

ни фракции большевиков большую декларативную речь. С конца декабря 1917 редактирует ЦО партии — «Правду» вплоть до обострения разногласий в партии по вопросу о заключении сепаратного мира с империалистской Германией. Выступая противником заключения мира и позиции Ленина, Б. возглавляет группу т. н. «левых коммунистов» и состоит одним из редакторов газ. «Коммунист». Этот брестский этап своей политической деятельности Б. впоследствии открыто признавал крупнейшей политической ошибкой. После восстания левых эсеров в 1918 Б. снова возвращается к работе в «Правде», будучи одновременно активнейшим работником ЦК.

На протяжении 1917—18, а также и позже Б. неоднократно бывал за границей по поручению партии и Коминтерна.

В 1918 в Германии Б. знакомится с Карлом Либкнехтом, заводит связи с группой «Спартак», устанавливает идейный контакт между большевиками и спартаковцами, будучи проводником влияния РКП на формирующееся большевистское течение в Германии. За несколько дней до начала ноябрьской революции Б. высылается вместе с нашим посольством. По дороге в Советскую Россию он получает поручение от нашей партии участвовать в делегации на Германском Съезде Советов, образовавшихся уже в Германии в результате революции. Однако по распоряжению ген. Гофмана Б. вместе с другими членами делегации (Мархлевским, Радеком, Раковским) задерживается в дороге и попадает в руки разъяренного немецкого офицерства, к-рое окружает «большевистский вагон» пулеметами и явно провоцирует расправу. Делегации удается сагитировать и «взбунтовать» сопровождающих ее немецких солдат против начальства. (В Германию делегация, как известно, все же не была пропущена немецким «социалистическим» правительством). В 1922 Б. был делегатом на т. н. Конференции трех Интернационалов в Берлине. В 1923 ездил в Норвегию, где вел борьбу с группой Транмеля.

В работах Коммунистического Интернационала Б. с самого начала его существования принимает руководящее участие. Б. участвует в подготовке созыва и работах 1-го Съезда, входит в состав советской делегации, избирается в Исполнительный Комитет, куда переизбирается на всех последующих конгрессах. На 2-м Конгрессе Коминтерна Бухарин выступает с докладом о парламентаризме, обосновывая принципиальную позицию коммунистов против позиции с.-д-тии, попутно выступая против «антипарламентаристских тенденций» в среде сторонников Коминтерна. На 3-м Конгрессе Б. принимает участие в дебатах по тактич. вопросам, борется с Леви, Гортером, «Германской Коммунистической Рабочей Партией», дает отпор «робко-оппозиционным» противникам нэпа в рядах РКП (выступление по докладу Ленина). На 4-м Конгрессе Комиитерна Б. выступает с большим теоретическо-политическим докладом по «программному вопросу», разбирает выдвинутые проекты, подытоживает теоретический крах 2-го Интернационала (в теории государства, в теории крушения, кризисов, перехода от капитализма к социализму), ставит проблему нэпа и для

других стран, ставит вопрос о. т. н. «национальных типах» социализма. (Проект программы Коминтерна помещен Б. в сборнике «Атака»). На 5-м Конгрессе Б. опять выступает по программному вопросу (в связи с рядом обозначившихся среди отдельных группок теоретических уклонов); при обсуждении тактики Германской компартии 1923 выступает против правого уклона ее руководства (Браидлер, Радек, Тальгеймер); ведет борьбу против Бордиги. В 1925 (май) им написаны директивные тезисы К. И. по аграрно-крестьянскому вопросу, а также письмо ИККИ к германской ультралевой. Позднее — тезисы об уроках английской стачки, ряд тезисов по китайскому вопросу и т. д. Одновременно он принимает самое активное участие в повседневной руководящей работе Исполкома. Особенно возрастает его роль в Исполкоме за последние годы (1926—27).

Б. ведет интенсивную работу в партии, в ЦК и Политбюро, а также является активнейшим участником парт. съездов и конференций. За десять лет революции Б. сделано огромное количество докладов, на парт. и рабочих собраниях, написано большое число парт. документов, прочитано несколько лекционных курсов, выпущено много брошюр, популярных книжек, журнальных статей, ряд крупных теоретических работ. В «Правде» напечатаны сотни передовиц и статей Бухарина.

Формирование миросозерцания и процесс идейного роста Б. шли следующим образом: «преодолев» еще в детском возрасте фетиши религии, Б. на гимназической скамье проходит через стадию писаревщины. От писаревщины 17-летний Б. переходит к марксизму.

В своей автобиографии Б. сообщает, что необычайная логическая стройность марксистской теории явилась решающим моментом в его идеологическом самоопределении. Революция 1905, участие в демонстрациях, митингах завершили самоопределение Б. в качестве революционного марксиста-большевика. Наиболее плодотворным, с точки зрения накопления научного «капитала», был для Б. университетский период, время сидения в тюрьме, а также заграничный период. Особенно привлекает Б. экономическая теория. С молодых лет Б. основательнейшим образом изучает марксистскую экономическую литературу. Отдает в молодые годы весьма солидную дань изучению аграрного вопроса и классиков политической экономии. Б. пишет свою первую теоретическую статью — критику книги П. Маслова «Теория развития народного хозяйства» (помещена в студенческом журнале). Б. много занимался также вопросами исторического материализма, был основательно знаком с буржуазной социологической литературой, с современной литературой по рабочему вопросу. Не оставлял он вне поля зрения и философию; между прочим, некоторое время увлекался Авенариусом. С детства питая пристрастие к живописи, Б. в дальнейшем сильно интересовался теорией и историей искусства. В отличие от прежнего поколения революционных марксистов России, для которых центром тяжести были занятия проблемой рынков, в связи с борьбой с народничеством, и исследование аграрного вопроса, теоретический интерес

Б. устремляется в малоизведаниую область борьбы с quasi-научиыми, психологическими и эклектическими построениями современной буржуазной теоретической экономии. Еще на семинаре проф. Н. Шапошникова Б. выступает с критическим рефератом о социальной теории распределения Туган-Барановского. Впоследствии, в Вене, он перерабатывает этот реферат в статью «Политическая экономия без цеиности» («Eine Oekonomie ohne Wert», появилась впервые в «Neue Zeit» 1913—14, перепечатаиа в сб. «Атака»). В венских библиотеках Б. сидит иад австрийцами, готовит «Политическую экономию рантье», пишет работы против Струве, Туган-Барановского, «либерального социалнзма» Оппеигеймера. В Швейцарии занимается математической школой политической экономии, старинными экоиомистами, богато собранными в Лозаннской библиотеке; проблемой империализма и мирового хозяйства. Важным для оцеики развития взглядов Б. критическим этапом следует считать швейцарско-скандииавский период, когда Б. выступил со статьями по вопросам теории государства и революции.

Занятия относительно иаиболее абстрактными областями экономической теории заставляли Б. при анализе экономики финансового капитализма делать удареиие иа предельных, более или менее закончеиных тендеициях даиной фазы капитализма. Сильной стороиой работ Б. было то, что ему удавалось анализировать с чрезвычайной выпуклостью эти теиденции, брать фиансово-капиталистические производственные отиошения в их, так сказать, «химически чистом» виде. Аналогичио этому, с особой яркостью Б. удалось трактовать и государствеиную власть империализма, брать ее как наиболее обобщеиный аппарат классового принуждения, как коицеитрированиое иасилие буржуазии над пролетариатом. При известных минусах это своеобразиое мышлеиие «пределами», связанное вдобавок с крайней левой политической позицией Б., иесомиенно, способствовало заострению анализа империализма и его госаппарата. Б. удалось нащупать ряд верных постаиовок по вопросу об империалистском государстве и революции. Так, им впервые для того времени была поставлена в порядок дня марксистская теза о иеобходимости в процессе революции взрыва государствеиной машины капитализма (см. перепечатаиную в сб. «Революция права» за 1925, полиостью не сохранившуюся статью Б. «К теории империалистского государства»). Им же отстаивался, многим казавшийся в то время «сногсшибательным», тезис о возможности социалистической революции в России. Но в анализе и в решении этих и смежиых проблем, как впоследствии признавал и сам Б., были уязвимые места. Беря тенденции совремеиного развития в их наиболее законченной схематичной формулировке, Б. не всегда в должиой мере улавливал эмпирическую конкретность явлений. Отсюда его тогдашняя полемика с ленинской трактовкой права наций на самоопределение (по национальному вопросу Б. стоял близко к позиции тов. Пятакова — Киевского). Отсюда известная

переоценка темпа осуществления государственно-капиталистических тенденций современного капитализма. Отсюда же некоторый схематизм в решении вопроса о государстве. Сосредоточив убийственные удары на критике империалистского государства, Б. пропорционально недостаточно останавливался на выявлении конкретного характера диктатуры пролетариата, хотя, конечно, упрекать Б. в непонимании необходимости пролетарской государственной власти в переходный период, явно несправедливо. (Ср. напр.: «... в переходный момент диктатуры пролетариата сохраняется форма государственной власти, ибо это есть форма классового господства, где господствующим классом является пролетариат»; или: «В нарастающей революционной борьбе пролетариат разрушает государственную организацию буржуазии, использует ее материальный остов, создает с в о ю временную г о с у д а р с т в е н н у ю о р г а н и з а ц и ю...» — из статьи Б. «К теории империалистского государства»). Про свои разногласия с В. И. Лениным по вопросу теории государства Б. в сборнике «Революция права» рассказывает следующее: *

«Против статьи в «Jugendinternationale» выступил с заметкой В. И. (напечатана в XIII т. Собр. соч.). Читатели легко увидят, что у меня не было ошибки, к-рая мне приписывалась, ибо я отчетливо видел необходимость диктатуры пролетариата; с другой стороны, из заметки Ильича видно, что он тогда неправильно относился к положению о взрыве государства (разумеется, буржуазного), смешивая этот вопрос с вопросом об отмирании диктатуры пролетариата. Быть может, мне следовало бы тогда больше развить тему о диктатуре. Но в свое оправдание могу сказать, что т о г д а было такое повальное соц.-демократическое воспевание буржуазного государства, при к-ром естественно было сосредоточить все внимание на вопросе о в з р ы в е этой машины.

Когда я приехал из Америки в Россию и увидел Надежду Константиновну (это было на нашем нелегальном 6-м съезде, и в то время В. И. скрывался), ее первыми словами были слова: «В. И. просил Вам передать, что в вопросе о государстве у него нет теперь разногласий с вами». Занимаясь вопросом, Ильич пришел к тем же выводам относительно «взрыва», но он развил эту тему, а затем и учение о диктатуре настолько, что сделал целую эпоху в развитии теоретической мысли в этом направлении» (сб. «Революция права», сб. 1, изд. Коммунистической академии, 1925, стр. 5).

Следует упомянуть, что как раз имению работы Б. побудили В. И. Ленина взяться за капитальную разработку марксистской теории о государстве (см. об этом «Ленинский сборник», вып. 2, стр. 284).

Однако необходимо признать, что отмеченные выше теоретические и политические пробелы во взглядах Б. имели своим логическим продолжением позднейшие политические ошибки Б., в первую голову, его пози-

---

* В этой статье под псевдонимом Nota Bene Б. развивал тему о государстве.

цию во время Брестского мира. Предвидя еще за границей (1915—1916) социалистический характер революции в России, Б. недоучитывал всей специфичности этой революции, ее переплетенности с буржуазно-демократической революцией, сложнейшего рисунка обстановки, огромнейшей роли крестьянства, диалектической тонкости ленинской стратегии: «уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени». Здесь сказалось известное идейное сродство Б., «левого коммуниста», с Л. Д. Троцким. Эти черты — формальная логика вместо диалектики; фраза, к-рая шире и левее содержания; непонимание роли крестьянства — Б. были преодолены и устранены в послебрестский период. Этот период был периодом возрастающего влияния Ленина на Б., к-рое облегчалось обстановкой их личной дружбы. Дав в 1921, во время профсоюзной дискуссии, еще один рецидив в направлении «левизны» и троцкизма, Б. при новых выступлениях Троцкого против линии партии беспощадно обрушивается на коренные ошибки троцкизма. В теоретической и практическо-политической областях, в позитивной и полемической формах, Б. разрабатывает «крестьянский вопрос», вопрос о смычке, о роли крестьянства в процессе социалистического строительства. При активнейшем участии Б. и с его теоретическим обоснованием были проделаны известные поворотные маневры партии (решения 14-ой партийной конференции и др.). Последние годы — годы особенно быстрого политического роста Бухарина.

Большинство теоретических работ Б. относится к политической экономии. Как экономист-теоретик Б. сильнее всего. Превосходный знаток Маркса, блестящий полемист, бьющий неожиданностью и разносторонностью критической аргументировки, Б. набрасывается на буржуазных экономистов с ожесточением, срывает с них покрывало пресловутой объективности, не только их логически опровергает, но вселяет к ним ненависть, разоблачает их как классовых врагов. Систематичность и революционность мышления в соединении с богатой теоретической фантазией делают из Б. не комментатора экономического учения Маркса à la Каутский, а теоретика — большевика, творчески применяющего наследство автора «Капитала». Б. уточнил и отточил целый ряд старых марксистских формулировок, внес нек-рые новые, выдвинул немало новых проблем, дал толчок разработке марксистской методологии политической экономии. Зная хорошо буржуазную теоретическую литературу, затрагивая порой самые отвлеченные области экономической теории, Б. умеет искусно увязывать теорию с «практикой», выявлять «социологический» эквивалент казуистики буржуазных гелертеров.

Б. давно занимала мысль дать систематическую критику буржуазной политической экономии после Маркса. Если, однако, политическая работа Б., поглощавшая львиную долю суточного бюджета времени Б., и помешала ему до сих пор осуществить этот замысел, то, во всяком случае, представить канву, подготовляющую возможность такой важной критической работы, Б. уже удалось: так, много различных замечаний, ссылок, методо-

логических наметок, примечаний разбросано во всех, особенно прежних, экономических работах Бухарина.

Книга «Политическая экономия рантье» (критика теории ценности и прибыли австрийской школы), написанная Б. 24 лет от роду, по праву признана выдающейся и лучшей марксистской работой против австрийцев. До работы Б. марксисты предпринимали только отдельные методологические рекогносцировки против субъективистов (напр., в прежних статьях Р. Гильфердинга). В «Политической экономии рантье» дана развернутая «логическая» критика построений психологической школы. Шаг за шагом Б. прослеживает, как основная методологическая контроверза Бем-Баверка и К° — невозможность вывести из субъективных оценок объективные категории хозяйства — обрекает австрийскую школу на бесплодные «казуистические» упражнения, приводит к целой системе порочных кругов, к-рые на деле и представляют собой экономическую идеологию рантье — «предельного буржуа». Между тем теория «предельной полезности» есть единственно последовательная и законченная контридеология, которую в состоянии противопоставить общественная наука буржуазии революционному марксизму. Критика Б-ным Бем-Баверка снабжена обширным критико-библиографическим комментарием, в к-ром «in nuce содержится параллельная и систематическая критика других ответвлений буржуазной теоретической мысли» (см. предисловие Б. к «Политической экономии рантье»).

Работа «Мировое хозяйство и империализм» (написана в 1915—16, хотя появилась в печати только в 1918 по не зависевшим от автора обстоятельствам) представляет собой переработку статьи, помещенной в свое время в большевистском заграничном сб. «Коммунист». В ней разрабатывается в основном тот же круг идей, который содержится в труде Ленина «Империализм», т. е. анализ современной фазы капитализма. Особое в бухаринской работе то, что этому предпослан анализ «становления» мирового хозяйства. Марксистская трактовка этой категории являлась тем более необходимой, что буржуазная экономическая литература создала целую Weltwirtschaftstheorie, начинив ее архипревратными апологетическими представлениями (напр., что «на смену капитализма» появляется мировое хозяйство, или — что мир идет навстречу идиллии т. н. «ультра-империализма»). Ход развития мирового хозяйства Б. рассматривает как сочетание и борьбу тенденций интернационализации и национализации капитала, в новых организационных формах (монополия, сращивание банкового капитала с промышленным, процессы комбинирования). Империализм Б. определяет как специфическую политику, адекватную финансово-капиталистическим производственным отношениям и являющуюся, под углом зрения мирового хозяйства, «расширенным воспроизводством капиталистической конкуренции».

«Экономика переходного периода» (Общая теория трансформационного процесса, ч. 1) написана в период жесточайшего хо-

зяйственного развала Советской России. «Экоиомика переходного периода» является попыткой проанализировать теоретическн главные закономерности превращения капиталистического общества в социалистическое, выявить специфические черты экоиомики революции, показать неизбежность распада социально-классовых связей и времеиного падения производительных сил, а также последующего восстановления их на новой основе и в новом сочетаиии, представить оригинальные изменения в соотношении города и деревни, проследить особую роль и изменяющиеся фуикции государствеиной власти, наконец, определить «фазы» трансформационного процесса. В Ин-те Леиииа хранится экземпляр «Экономики переходного периода» с интересиейшими пометками В. И. Леиииа на полях и в конце книги. Не лишне привести некоторые замечания В. И. иа полях и основиой отзыв В. И. о книге в целом. Вот некоторые выдержки. На стр. 8 «Экономики» Б. пишет: «Современный капитализм есть капитализм мировой. Это зиачит, что капиталистические производствеиные отношения господствуют в о в с е м м и р е и связывают все части иашей планеты крепкой экономической связью». Ленин подчеркивает слова «во всем мире» и на полях помечает: «ие во всем». На стр. 10 у Б.: «Ф и н а и с о в ы й к а п и т а л уничтожил анархию производства внутри крупио-капиталистических стран». В. И. отмечает слово «уничтожил» и пишет сбоку «не уничтожил».

На стр. 21 Б. дает определение государства «Государственная оргаиизация есть самая широкая организация класса, где концентрируется вся его сила, где сосредоточены орудия механического давления и репрессии, где господствующий класс организован именно, как к л а с с, а не как частица или маленькая группка класса». Л е н и и: — «Оч. хорошо!».

На стр. 46 у Б.: «Коикретное положение дел в экономике Европы 1918—20 ясно показывает, что этот процесс распада наступил и что нет никаких симптомов возрождения старой системы производственных отношений». Л е н и и — «ein bischen zu viel» (немножко много) и «qui prouve trop...» (кто слишком миого доказывает...).

На стр. 58 у Б.: «Социализм придется с т р о и т ь. Наличиые веществеииые и личные ресурсы являются лишь о т п р а в н ы м п у и к т о м развития, к-рое обиимает собой целую громадную э п о х у». Л е н и н на полях: «Оч. верно!».

На стр. 71 у Б.: «В данных условиях перед иами имеется, прежде всего, диалектическое и з м е и е и и е ф у н к ц и й р а б о ч и х о р г а н и з а ц и й. Совершенно ясно, что с п е р е с т а и о в к о й отиошеиий господства иначе быть ие может, ибо рабочий класс, взявший в свои руки государственную власть, неизбежно должеи стать и силой, выступающей как о р г а и и з а т о р п р о и з в о д с т в а». Л е н и н: — «Sehr gut» (очеиь хорошо!).

Стр. 150 у Б.: «Поэтому крах мировой капиталистической системы

начался с наиболее слабых народио-хозяйственных систем с наименее развитой государственной организацией». Ленин: «Неверно: с «средне-слабых». Без известной высоты кап(итали)зма у нас бы ничего не вышло».

Глава XI: «„Внеэкономическое" принуждение в переходный период» понравилось В. И., по-видимому, больше всего: вся она испещрена его пометками: «верно!», «верно!», «Оч. хорошо!», «c'est le mot!», «вот именно!», а в конце ее В. И. пишет: «вот эта глава превосходна!».

Шутки ради подражая непопулярной терминологии «Экономики», Ленин дает о ней в целом следующий отзыв: «Превосходные качества этой превосходной книги испытывают иек-рую деквалификацию, поскольку они лимитируются тем обстоятельством primo, что автор недостаточно фундирует свои постулаты солидным, хотя бы кратким, фактическим материалом, владея им в совершенстве по литературе. Бо́льшая фактическая фуидированность избавила бы книгу от дефектов аспекта «социологического» или, вернее, философского. Но это secundo: автор рассматривает экономические процессы недостаточно коикретно in actu, часто впадая в то, что носит название «terminus technicus» — «Begriffsscholastik», и ие давая себе отчета, что многие неудачные формулировки и термины вурцелируют в философии, попадая sub specie «Grundgedanken» под линию idealismi philosopchici seu agnosticismi [recht oft (неразборчиво) u.unkritisch von anderen übernommen], отнюдь не materialismi. Позволительно выразить надежду, что этот небольшой недостаток исчезнет в следующих изданиях, к-рые так иеобходимы нашей читающей публике, и послужат к еще большей чести Академии. Академию мы поздравляем с великолепным трудом ее члена. 31/V 20».

Основной недостаток «Экономики» был вскрыт опытом последующих лет диктатуры пролетариата. Автор, вместе со всей нашей партией (за исключением, м.б., В. И. Ленина), в то время, не предвидел нэпа как единственно правильной политики победившего пролетариата; в этом смысле «Экономика» — подлинное дитя своего времени, носящее на себе клеймо военно-коммунистического периода. Благодаря этому в «Экономике» не были правильно и точно спроектированы закономерности процесса восстановления распавшихся связей, закономерность движения к социализму «на рельсах нэпа». Но капитальный корректив, к-рый внесла в «Экономику» сама жизнь, до сих пор не опроверг правильности бухаринского анализа основных закономерностей трансформации процессов распада социально-классовых связей, тезиса о неизбежности временного снижения производственного уровня общества, особой важности оперировать точкой зрения воспроизводства анализа категории и т. д., и т. п.

Из других теоретических работ Б. по экономике наиболее значительна «Империализм и накопление капитала». Б. взялся за эту работу в связи с тем, что в среде немецких и русских марксистов одно время стала пользоваться известным кредитом народническо-

люксембургианская схема накопления капитала, якобы невозможного в условиях чистого капитализма; соответственно обозначились попытки ревизии ленинского учения об империализме с вывихами в сторону фаталистической теории крушения. Отсюда проистекала потребность взяться за разработку марксовой теории накопления и отстаивать ее от искажений люксембургианства и туган-барановщины. Кроме этих главных экономических работ, Б. дал много газетных и журнальных статей и брошюр по вопросам международной и советской экономики и по целому ряду частных вопросов.

Из социологических работ Б. важнейшей, кроме упомянутой выше статьи о государстве, следует считать «Теорию исторического материализма» (популярный учебник марксистской социологии) — книгу, живо и увлекательно написанную и популярно освещающую наиболее отвлеченные области исторического материализма. (Б. является виртуозом в деле популяризации, вообще обладая исключительно гибкой «клавиатурой» стиля: автор «вурцелирующей» «Экономики переходного периода» является вместе с тем автором архипопулярнейших «Азбуки коммунизма» и «Программы коммунистов»).

«Теория исторического материализма» содержит попытки дать некрые новые формулировки основных положений исторического материализма и продвинуть дальше разработку его проблем. В «Беглых заметках» («К постановке проблем теории исторического материализма») Б. дает перечень и мотивировку главнейших из имеющихся в его работе новых определений и проблем. Более всего критическому обстрелу в марксистской среде подверглись довольно существенные пункты, в к-рых Б. «отступает от обычной трактовки предмета»: его понимание «механического» и «органического»; его формулировка диалектического метода, исходящая из теории равновесия; его тезис о соотношении между природой и общественной системой как об исходной определяющей величине всего движения общества: производительных сил, экономического базиса, надстройки и их взаимовлияний. Ряд других положений Б. оказался вовсе или почти не замеченным критиками и «критиками». Сюда относятся: 1) материалистическая формулировка производственных отношений как «трудовой координации людей (рассматриваемых как «живые машины») в пространстве и времени»; — а такая формулировка нужна для того, чтобы отразить покушения синклита — австро-марксистов, буржуазных социологов, А. Богданова и др. — «спиритуализировать» производственные отношения, попытки изобразить их как «психические взаимодействия»; 2) точное разграничение понятий «надстройки» и «идеологии», к-рые многими марксистами сплошь и рядом грубо отождествлялись; 3) уточненная постановка вопроса о зависимости надстроек от базиса, предполагающая выявление особого конкретного рисунка элементов данной надстройки и исключающая грубое упрощенство à la Шулятиков; 4) определение надстройки как «отдифференцированного труда»;

5) разработка положения Маркса о «способе представления», формируемого «способом производства»; 6) теория материализации общественных явлений, неизбежность своеобразного процесса «аккумуляции культуры», растущего оседания ее в виде вещей — в качестве одного из основных законов всякого развивающегося общества; 7) исследование закономерности переходного периода и закономерности упадка, расшифровка и разработка положения Маркса о возможности гибели «борющихся классов», о возможности «гибели культуры», о временной или длительной социальной деградации и т. п. Книга содержит в себе и ряд других, может быть, и спорных, но, во всяком случае, интересных и будящих мысль «новшеств» Б., развитых им на основе ортодоксально-материалистического революционного понимания Маркса. Из специальных статей полусоциологического характера важнейшими являются: «Буржуазная и пролетарская революция» (в ней, в 1921 Б-ным впервые теоретически поставлена проблема возможного перерождения пролетарской диктатуры); «Энчмениада»; публицистический памфлет против академика Павлова «О мировой революции, нашей стране, культуре и прочем»; ряд статей о «кадрах», культуре, литературе, о вождях, партии и массах и др.

С 1924 Б. уделяет большое внимание теоретическим вопросам ленинизма. В ряде статей и докладов он разрабатывает аграрно-крестьянскую проблему; дает теоретический комментарий к «кооперативному плану» Ленина в связи со статьей В. И. «О кооперации»; анализирует, как в результате захвата власти пролетариатом претерпевает диалектическое изменение ряд постановок вопросов: о «классовой борьбе» и «гражданском мире»; о функциях госаппарата и общественных организаций; о соотношении города и деревни; о политике цен; о безработице и аграрном перенаселении, о механике внутреннего рынка и т. д.; разрабатывает вопрос о соотношении марксизма и ленинизма (статья: «Ленин как марксист» и др.). Обстановка обостренной внутрипартийной борьбы заставляла Б. ставить эти вопросы, по преимуществу, в связи с полемикой с оппозицией (троцкистской и объединенной). В этом плане Б. написана целая серия брошюр, сборник «К вопросу о троцкизме», «Путь к социализму и рабоче-крестьянский союз», «О характере нашей революции и о возможности победоносного социалистического строительства в СССР», незаконченная полемика против «Новой экономики» Е. Преображенского под заголовком: «К вопросу о нек-рых закономерностях переходного периода» и др.

Несколько особняком стоят работы Б.: «Классовая борьба и революция в России» и «От диктатуры империализма к диктатуре пролетариата» (два исторических памфлета Б.), «Цезаризм под маской революции» (против Устрялова), «Международная буржуазия и Карл Каутский, „ее апостол"».

И как политик и как теоретик Б. пользуется международной извест-

ностью. Важнейшие его работы — особенно популярные — переведены на иностранные — европейские и азиатские — языки. Собрания сочинений Б. до сих пор нет.

Д. Марецкий.

Основные соч. Б. (краткий перечень): Политич. экономия рантье. Теория ценности и прибыли австрийской школы, РИО ВСНХ, М., 1919; Мировое хозяйство и империализм (эконом. очерк), «Прибой», 1918; Экономика переходного периода, ч. 1, Общая теория трансформационного процесса, ГИЗ, М., 1920; Теория исторического материализма, ГИЗ, М., 1921; «Атака», сб. теоретич. статей (против Бем-Баверка, Струве, Туган-Барановского, Ф. Оппенгеймера и др.), ГИЗ, М., 1924; Империализм и накопление капитала, М.-Л., 1925; К вопросу о троцкизме, ГИЗ, М.—Л., 1925; Азбука коммунизма, ГИЗ, М., 1920; Классовая борьба и революция в России, изд. Московского комитета и Областного бюро, М., 1917; Три речи (К вопросу о наших разногласиях), ГИЗ, М.—Л., 1925; Цезаризм под маской революции, «Правда», М., 1925; Международная буржуазия и Карл Каутский, ее апостол, «Правда», М., 1925; На подступах к Октябрю. Статьи и речи. Май—декабрь 1917, ГИЗ, М.—Л., 1926; Борьба за кадры. Речи и статьи. «Молодая гвардия», М.—Л., 1926, и др. См. стенографич. отчеты съездов партии, конференций, выступлений на парт. активах, пленумах ЦК; стенограммы конгрессов Коммунистического Интернационала, Исполкомов Коминтерна. См. также статьи в журн. «Спартак», «Красная новь», «Вестник Коммунистической академии», «Под знаменем марксизма», «Большевик», «Революция и культура» и многочисленные статьи в «Правде».

Лит.: K. Vorländer, Von Machiavelli bis Lenin, Lpz., 1926, S. 274—275; W. Sombart, Der proletarische Sozialismus (Marxismus), Jena, 1924; K. Diehl, Ueber Sozialismus, Kommunismus und Anarchismus, 5 Aufl., Jena, 1923; J. Hirsch, Lumpenbourgeoisie, «Der Kampf», N 3, Wien, 1926; M. Werner, Der Sowietmarxismus, «Die Gesellschaft», N 7, B., 1927; R. Fülop-Miller, Geist ind Gesicht des Bolschewismus, Wien. 1926; N. Makeev and V. O'Hara, Russia, L., 1925; F. A. Mackenzie, Russia before dawn, L., 1923; E. van den Boom, Der Sozialismus nach dem Kriege, M.-Gladlach, 1923 («Die Sozialdemokratie in ihren Richtungen»); J. Bourdeau, La dernière évolution du socialisme au communisme, P., 1927; J. H. Carp, Het Bolsjewisme, Gravenhage. 1921; L. Barde, La menace du communisme, chapitres: La dictature du Prolétariat, La violence, La terreur rouge, Suppression des libertés bourgeoises, P., 1925; B. L. Brasol, The Bálance Sheet of Sovietism, chapter — VII, Soviet Foreign Poticy; H. H. Fisher, The Famine in Soviet Russia, 1919—1923, chapter—Official retalions, chapter—The causes of the famine.

Рецензии на книгу Б. «Теория исторического материализма»: F. Kaphahn, в журн. «Vergangenheit und Gegenwart», XV; G. Lukács, в журн. «Archiv für die Gesch. des Sozial. und der Arbeiterbeweg.» XI; W. B. Bodenhafer, в журн. «American Journ. of Sociol.», v. 32, July, 1926; см. также: Brothers in Lenin, в журн. «Living áge», v. 325, April 18, 1925.

4. АКАДЕМИК Н. И. БУХАРИН — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ НАУКИ

В конце рокового для страны 1929 г., ибо именно от этих месяцев пошел счет периоду, названному впоследствии периодом «культа личности», праздновалось 50-летие Сталина. Ленинская гвардия еще не была истреблена и помнила, с какой решительностью отверг попытку отметить свое 50-летие В. И. Ленин. Сталинское окружение соревновалось в славословиях в адрес того, кто был объявлен единственно законным преемником Ленина, твердя о его скромности, бескорыстности, преданности интересам простых людей.

По контрасту с этим внедряемым в общественное сознание мифом о Сталине средства массовой информации создавали миф о Бухарине (только что, в ноябре 1929 г., исключенного из членов Политбюро).[1] Его изображали проводником антипролетарской, кулацкой идеологии, врагом трудящихся. Дело представлялось так, что тот, в ком недавно видели одного из первых преемников Ленина, оказался своего рода оборотнем — защитником интересов «мироедов». Скомпрометировав и устранив от руководства партией Бухарина и его нескольких сторонников, Сталин приступил к исполнению своего замысла беспощадной сплошной коллективизации, принесшей вскоре неисчислимые бедствия стране.

С тех пор, как в апреле 1929 г. на Объединенном Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Бухарин был обвинен в предательстве, а его репутация теоретика партии[2] объявлена гипертрофированной тенденциозностью недоучившегося теоретика,[3] бухаринский вклад в разработку ключевых проблем марксистско-ленинской философии либо игнорировался, либо без самой малой попытки разобраться в нем оценивался негативно. Кое-кто из присутствовавших на упомянутом пленуме знал о Ленинском «Письме к съезду», где о Бухарине говорилось, что он «не только ценнейший и крупнейший теоретик партии. Он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился, и думаю, никогда не понимал вполне диалектики)».[4]

Сомнение в том, что Бухарин достаточно основательно владеет диалектико-материалистическим способом мышления, сложилось у Ленина под впечатлением его былых споров с Бухариным, в особенности в период известной дискуссии о профсоюзах.[5]

До этого Ленин сделал ряд критических замечаний на полях бухаринской книги «Экономика переходного периода» (1920 г.).[6] В частности, Ленин писал: «Наивно, почти по-детски наивно, Бухарин «взял» «термины» в «том значении», в к(ото)р(ом) они употр(ебляются) тов. А. Богдановым», — и не подумал, что и термины и значение их у Богданова «фундированы»... его ф и л о с о ф и е й, ф(илосо)фней идеализма и эклектизма».[7]

Однако грубейшим заблужденнем было бы полагать, во-первых, что философские воззрения Бухарина идентичны богдановским,[8] во-вторых, что эти воззрения можно экстраполировать на все последующее творчество Бухарина, как если бы они раз и навсегда застыли на уровне начала 20-х годов.

Поныне, цитируя Ленина, не обращают внимания на продолжение его письма, в котором содержится важная оговорка: «Конечно, и то, и другое замечание (наряду с Бухариным речь шла о Г. Л. Пятакове, — *М. Я.*) делаются мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся работника не найдут случая пополнить свои знания и изменнть свою односторонность».[9] Иначе говоря, ленинское письмо вовсе не выносило «окончательный приговор». Оно не исключало того, что Бухарин, как «ценнейший и крупнейший теоретик партин», «найдет случай пополнить свон знания и изменить свою односторонность».

Ведь молодой Бухарин, который уже тогда прославился как автор блестящих, марксистских работ, продолжал напряженно работать и искать новые решения в различных исследовательских областях и направлениях. Вряд ли можно сомневаться в том, что, боготворя Ленина (скончавшегося у него на руках), Бухарин, услышав «Письмо к съезду», воспринял критику в свой адрес, как личностно значнмую для своей жизненной программы.[10]

Ленин ценил не только Бухарина. Но именно его назвал любимцем партии. Это — особая оценка. Она была выставлена как за беспредельную страстную преданность Бухарина делу революции, так и за его личностно-психологический облик: высокую гуманность и духовность, истинно русскую интеллигентность, в которой неподдельный демократизм сочетался с отсутствием тени позерства и притязаний на вождизм. Его образованность н полет философской мысли никогда не становились барьером в дружеском общении с рядовыми коммунистами, людьми труда. Поэтому он и был антиподом Сталину не только в политическом и идеологическом отношении, но и как личность.

Сталин, презрительно назвав Бухариина «недоучившимся теоретиком», вскоре стал «наводить порядок» в философии. Собрав группу молодых

«икапистов» (слушателей философского отделения Института красной профессуры[11]), он направил их на разгром «меньшевиствующего идеализма».[12]

В литературе принято при описании ситуации в советской философии первой половины 30-х годов трактовать ее под углом зрения «борьбы на два фронта» — против «меньшевиствующих идеалистов» и «механицистов».[13] Если упоминается о Бухарине, то вскользь, как об «отступнике» от позиций марксизма.[14]

Нападки Сталина и сталинистов на Бухарина как теоретика имели политическую подоплеку. Пресловутый «год великого перелома» (1929 г.) резко обострил социально-экономическую ситуацию в стране. Стремительно свертывался нэп, за продолжение которого ратовали Бухарин и его сторонники, и Сталин требовал: «сильнее огонь направо», т. е. против «правой оппозиции», как главного «внутреннего врага».[15] На XVI съезде, где с покаянными речами выступили другие «правые уклонисты» — Рыков и Томский, Бухарин отсутствовал (якобы по состоянию здоровья).

В ноябре 1930 г., вскоре после XVI съезда ВКП(б), Бухарин уступил требованиям «покаяться» и написал об этом заявление в ЦК ВКП(б).[16] На этом карьера Бухарина, как одного из вождей революции, оборвалась. Ему было около 40 лет. Древние греки обозначали этот возраст термином «акме» — расцвет.

Какую линию жизни ему, с юности впитавшему идеалы социализма, беспредельно верному ленинскому делу, оставалось выбрать в ситуации, когда большинство его вчерашних соратников по ЦК поддержало Сталина? Чтобы засвидетельствовать, что он подчиняется решению большинства, Бухарин сделал покаянный жест. Но служить Сталину верой и правдой, стать проводником его воли, подобно Молотову и др., Бухарин не мог. Вместе с тем он обладал трезвым политическим мышлением и хорошо понимал, что любое открытое выступление против Сталина равносильно самоубийству.

Молодые «бухаринцы» (из Института красной профессуры — А. П. Слепков, Д. П. Марецкий и др.) еще продолжали некоторое время устно критиковать и авантюристический сталинский курс на индустриализацию и коллективизацию, которая обернулась разорением крестьянства, и самого Сталина за расправу с ленинскими кадрами и установление режима личной диктатуры. Вскоре они оказались в ссылке, и их ждали еще худшие репрессии. Их взгляды обобщил и выразил в гневном обращении «Ко всем членам ВКП(б)»[17] М. Н. Рютин, которого Сталин потребовал расстрелять. Конечно, обращение Рютина, где говорилось, что «права партии узурпированы ничтожной кучкой беспринципных политиканов во главе со Сталиным, ставшим на путь дикого личного произвола», до партии дойти не могло. Бухарину же после осуждения Рютина, оценка которым коллективизации была созвучна его собственной, пришлось

вновь выступать с заверениями в лояльности, чтобы не подвергать опасности своих учеников, связанных с ним.

Итак, открытая борьба со Сталиным не могла стать приемлемой для Бухарина альтернативой. Имелась еще одна — уйти в частную жизнь, отрешиться от участия в перестройке социального мира. Но квиэтизм был чужд мировоззрению Бухарина, с юности усвоившему как свое жизненное кредо 11-й тезис Маркса о Фейербахе.[18] Он часто повторял, как заклинание, гетевскую формулу: «В начале было дело», отдавая революционному деянию, направленному против сил зла, абсолютный приоритет перед другими началами, о которых в поисках корня человеческого бытия размышлял его любимый герой Фауст.

Проиграв схватку со Сталиным, в тактике которого видел измену ленинскому делу, Бухарин от самоотдачи этому делу не ушел. Как и в прежние критические моменты выпавшего на его долю исполненного трагизма жизненного пути, он не думал о личном, но вслушивался в гул всемирной истории. Как никто другой он сознавал, что капитализм вырождается в особую форму — форму фашистской диктатуры, которая как страшная угроза нависает над человеческой цивилизацией в целом, и что именно страна Советов «выступает на мировую арену в качестве надежды, воплощения надежд всего человечества».[19]

К каким бы специальным, «локальным» вопросам Бухарин в эти годы ни обращался, он их воспринимал сквозь отсвет битв и испытаний, которые история предназначила вынести стране социализма как главной силе противодействия фашистскому варварству. «Когда открыто воспевается культ крови и железа, ...когда целые государства превращаются в комбинации казармы и живодерни — именно теперь мы особенно горды той великой всемирно-исторической ролью, которая выпадает на нашу страну, наш рабочий класс, нашу партию».[20] Только в атмосфере предгрозового начала 30-х годов понятен бухаринский выбор. Несмотря на несправедливость обрушившихся на него обвинений, на несогласие со сталинскими методами, он считал себя призванным оставаться в гуще великой стройки в преддверии грядущих катаклизм и катастроф. Неустанно предостерегая о них, он наряду с разработкой планов, связанных с текущей практикой социалистического строительства, погрузился в изучение историко-культурных проблем, отстанвая и возвеличивая общечеловеческие ценности, истреблению которых угрожал стремительно набиравший силу фашизм.

Некоторые итоги занятий Бухарина этими проблемами отразили его работы «Гете и его историческое значение» и «Гейне и коммунизм». Рисуя яркими мазками картину «блеска и нищеты» немецкого общества на рубеже XVIII и XIX столетий, вдохновленного Великой Французской революцией и в то же время перепуганного ею, Бухарин говорил, что эта эпоха выдвинула людей, которые схватили ее «в самых высоких, всемирно-исторических определениях».[21] Он называл трех титанов: Гете, Гегеля и Бет-

ховена. Бухарииская идея, что «дух эпохи» воплощается в различных формах — поэтических, философскнх, музыкальных, — говорила о его новаторском исследовательском замысле постичь культуру как особую целостность. Задача, которую ему приходилось решать, определялась необходимостью, с одной стороны, преодолеть примитивный социологизм, ищущий в каждом творении искусства козни чуждых пролетариату замаскированных классовых сил, с другой — объяснить адекватную марксистской методологии социоисторическую обусловленность культуры.

Да, отмечает Бухарин, у великого Гете был свой микрокосм, «которому соответствует поэтическая микрология веймарского миннстра и испуганного революцией буржуа». [22]

Но у него был и другой мир — «Это — макрология капитализма... как величайшей прогрессивной силы своего времени», [23] благодаря чему «его орлиный взгляд уже прозревает контуры всемирного освобождения человечества». [24] Эпоха буржуазных революций и освободительных войн и выдвинула «сияющее созвездие Гете, Бетховена и Гегеля, в творчестве которых слышится мощная пульсация крови нового уклада всемирной истории». [25] Эта «пульсация» означает, по Бухарину, «мучение общественного человека, впервые причащающегося только теперь настоящей свободе». [26]

Стало быть, на великих изломах истории само сознание человеком своей глубинной общественной природы в качестве существа свободного выступает в наиболее целостных и универсальных художественно-философских творениях, таких как гегелевская «Феноменология духа», «Фауст» и 9-я симфония Бетховена.

«Всечеловеческая радость коллективного творческого труда, всемирного братства» — таков, подчеркивает Бухарин, венец этих монументальных творений. Он протнвопоставляет их высокое общечеловеческое предназначение попыткам идеологов нацизма «присвоить» себе Гете, возвести его в сан «индо-арийца» и «первобытного германца» по всем правилам реакционной и человеконенавистнической «расовой теории». [27]

Бухарин, заключая свою речь о Гете, говорил: «Всемирная история делает новый поворот... Она идет через великие страдания и великую борьбу... ведущую к концу иищеты, войн и угнетения... Рождается новое общество. Оно включит в себя все славное и героическое старого мира». [28]

В своей речи о Гете Бухарин цитировал оценку, которую дал великому немецкому поэту Энгельс. Силы и темперамент Гете толкали к практической жизни, а жизнь, окружавшая его, была жалка. «Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать и все же быть прикованным к ней, как к единственной, в которой он мог действовать, — перед этой дилеммой Гете находился постоянно». [29] Как пишет далее Энгельс, мы упрекаем Гете «не за то, что он был придворным, а за то, что в то время, когда Наполеон очищал огромные Авгиевы конюшни Германии, он мог с торжественной серьезностью заниматься ничтожнейши-

ми делами menus plaisirs ничтожнейшего немецкого двора».[30]

Бухарин сквозь призму этой оценки Энгельсом Гете был вправе воспринять и собственную судьбу. Его революционный дух и высокий интеллект требовали в ситуации, когда, как и на рубеже XVIII и XIX столетий, «всемирная история делает новый поворот», вторгаться в мир, изменять его собственным деянием. Он жил в Кремле и в известном смысле оказывался «придворным». Понимая, что представляло собой окружение, творившее культ Сталина, он не мог уподобиться филистеру, занимающемуся ничтожнейшими делами, когда в стране развернулось грандиозное строительство.

Несовместимость сталинских методов этого строительства с той целью, ради которой Бухарин пошел в революцию и коммунистическую партию, не породила у него сомнения в правоте этой великой цели. Это и определило особенности его деятельности в первые же годы после того, как Сталин лишил его руководящей роли в партии. Он ищет собственное место в борьбе за социалистическое переустройство страны с тем, чтобы независимо от сталинского диктата внести свою лепту.

После смерти Ленина Бухарин, будучи членом Политбюро, стал в силу своего высокого интеллекта, образованности и экономической подготовки одной из лидирующих фигур в партийном руководстве при разработке первого пятилетнего плана, приложив немало усилий, чтобы не погубить принципы нэпа и в то же время придать развитию страны динамизм. Он неизменно руководствовался, говоря языком тех лет, идеологией «смычки города с деревней», то есть тем принципом, с которым Сталин вскоре покончил.

Бухарин настаивал также на необходимости научно продуманного планирования. Обращение к науке (экономике, статистике, социологии и др.) было чуждо Сталину, уверовавшему во всесилие и мощь командно-силовых методов. Нарастала конфронтация этих двух альтернативных подходов. Бухарин решительно утверждал: «...мы победим при научном хозяйственном руководстве или же мы не победим вовсе».[31] Науку он противопоставлял «комчванству», которое ее игнорирует, считая, что и вненаучные средства хороши для достижения великих целей. Вопреки бухаринскому прогнозу победа была достигнута. Только теперь мы знаем во что она обошлась. Будучи отстранен от принятия решений на уровне высших эшелонов власти, Бухарин продолжал активно работать.

Как никто другой из лидеров Коммунистической партии, он был подготовлен к работе в области науки, техники, культуры. Со времен юности ему были присущи глубокие теоретические интересы, приведшие к философии марксизма, дух которой пропитывал его систематические занятия не только политикой и экономикой, но также искусством, литературой, естественными науками. Ему претило верхоглядство. Он должен был знать предмет «из первых рук», притом на языке подлинника. Владение языками как классическими (древнегреческий, латынь), так и европейскими (немец-

кий, английский, французский, итальянский) позволяло свободно ориентироваться в первоисточниках. Его привлекал не только Запад, но и Восток во всем многообразии его культуры как технической, так и воплощенной в искусстве.

Широкая образованность, информированность о путях развития мировой культуры и ее современном состоянии позволили Бухарину соотнести различные области знания под углом зрения единой методологии. Одним из отличительных свойств его ума являлся интегратизм, сформированный изучением диалектики Гегеля и Маркса, труды которого он осваивал и цитировал в подлиннике.[32]

Интегративный подход к истории социокультурных, духовных форм сочетался в бухаринских исканиях с установкой на синтез теоретического знания и практического действия. Он имел в виду, что социальный мир реально, практически преобразуется той силой, которую неизменно считал могучим субъектом истории, — трудящимися массами. Он обращался не к сталинскому ближайшему окружению, а к этим народным массам, воодушевленным идеалами революции. Вооружить их научным знанием, способным непосредственно изменить характер их производственной деятельности, поднять их научно-техническую культуру, а тем самым и производительность труда — таковой представлялась ему отныне миссия в условиях, когда он был отстранен Сталиным от политической жизни. Получив незначительный пост «под крылом» влиятельного и симпатизировавшего ему Серго Орджоникидзе, Бухарин с головой уходит в разработку программы технического перевооружения промышленности.[33]

Еще в 1920 г. Бухарин выступил на Московской губернской конференции с речью, в которой призывал развернуть техническую пропаганду среди рабочих, созывать съезды изобретателей, а печати сосредоточиться на вопросах экономики и организации производства.[34] В условиях гражданской войны Бухарин искал пути преодоления трудностей, связанных с дефицитом квалифицированного труда. Через 10 лет на одной из конференций по производственному обучению он вновь возвратился к этой теме. В эти годы стремительно развертывалась индустриализация, которой препятствовало нищенское аграрное полукрепостническое прошлое страны, висящее «гирей на наших ногах»,[35] — писал Бухарин. Закупалось новейшее оборудование, но его поток сталкивался с потоком неквалифицированных, технически совершенно «сырых» людей. Рабочий класс быстро рос за счет тех, кто вчера расстался со средневековой сохой. Исключительную остроту приобрела проблема технической культуры, причем, предупреждал Бухарин, овладение техникой — не самоцель, а «средство наилучшего покрытия развивающихся потребностей трудящихся масс».[36] Этот взгляд отражал общую гуманистическую ориентацию Бухарина, отвергавшего техницизм и сциентизм.

К великим преимуществам социалистического хозяйства Бухарин относил плановость, доказывая, что именно она открывает принципиально

новые перспективные утверждения союза человека, техники и науки. Эта идея получила у него историческое, философское и социологическое обоснование.

В XX в. развитие науки привело под воздействием потребностей производства и превращению ее из «малой» в большую к возникновению взамен прежних форм «кустарной» организации научного труда новой формы — «фабричной», когда центрами генерирования знания стали огромные исследовательские комбинаты, своего рода «фабрики мысли». Стихийно возникали неведомые прежней науке способы ее организации, управления ею, общения ее людей, их совместной деятельности. Эти процессы Бухарин интерпретировал в широком контексте исторического развития человеческой культуры, изменяющего отношение между наукой и производством. Но какие бы фазы ни проходили это развитие, в качестве его инвариантной характеристики Бухарин выделял изначальную связь духовного производства, одной из форм которого является наука, с материальным. Так обстояло дело на заре истории, когда потребности обуздания сил природы, земледелия, торговли и т. д. пробудили к жизни ростки научного знания. Практика порождала это знание. Приобретая относительно независимый от нее статус теоретического, обладающего особыми, отличными от технических навыков и представлений признаками, оно становилось орудием опережения практики. С развитием общества дифференциация труда привела к обособлению занятий наукой, создав иллюзию его отрешенности от материального бытия людей. Однако социальный прогресс, настаивал Бухарин, ведет не к разрушению, а к укреплению связей между созданием материальных и созданием духовных ценностей. Сама наука стала превращаться в своего рода производительную силу.

В работе «Техника и экономика современного капитализма» (Л., 1932) Бухарин провел детальный анализ того, как возрастающее применение науки ведет к изменениям в организации производства, труда, управления. В этом производстве имеются как материально-вещественная сторона, которую обслуживает вся совокупность естественных (физика, химия, математика) и технических наук, так и человеческое «измерение» (субъективный фактор), ставшее, в свою очередь, предметом специальных дисциплин (психотехника, теория управления и др.). Научное знание превратилось в составную часть производственного процесса. Эта общая закономерность действительна и для капиталистической и для социалистической системы. Преимущества хозяйствования в условиях социализма позволили реализовать принцип планирования. На его основе вся страна превратилась в огромную строительную площадку. Поскольку же наука является интегральной частью производства, то стало очевидно, что и она не может успешно развиваться безотносительно к плановому началу.

Как известно, идея организации и планирования науки в государственном масштабе принадлежала В. И. Ленину. Над ней размышляли крупнейшие умы Советской России — В. И. Вернадский, А. Ф. Иоффе, С. Г. Стру-

милин и др. Она стала компасом и для Н. И. Бухарина, определив направленность его работы, с одной стороны, в Наркомтяжпроме, служившем мощным мотором великой стройки, с другой — в Академии наук (ряд членов которой считал ее своего рода бастионом «чистого» знания). Бухарин начинает действовать в направлении сближения черновой работы тех, кто воздвигал новые промышленные гиганты, с высоким напряжением теоретической мысли. Его аргументы в пользу того, что и эта свободная, творческая мысль может успешно сообразовываться с народнохозяйственным планом, для многих были непривычны. Но Бухарин настойчиво обосновывал и отстаивал свои убеждения, и это облегчалось тем, что вся страна жила величественными планами, в реализацию которых, несмотря на полуголодное существование, на все лишения, самоотверженно вкладывали энергию миллионы.

По инициативе Бухарина под его непосредственным руководством была проведена представительная (с участием не только крупных ученых, но также инженеров, рабочих-ударников, студентов) Всесоюзная конференция по планированию научно-исследовательской работы, на которой он выступил с большим программным докладом.[37] Отметив важность самого факта созыва первого в мире когда-либо собиравшегося съезда для обсуждения такой необычной проблематики, он указал, что социальный смысл этого факта определяется заинтересованностью в том, «чтобы сделать науку *практическим рычагом нашего великого строительства*. Это, в свою очередь, предполагает ориентацию *на массы*, небывалую в истории *демократизацию знаний*, рост массовой технической и научной культуры».[38]

Тема «наука и план» становится лейтмотивом творчества Бухарина в этот период. Бухарин решительно отвергал мнение тех, кто, ссылаясь на специфику научного творчества, его неподверженность жесткой регламентации, полагал, что планирование пригодно только для стандартных, нетворческих видов деятельности. Выступать против планирования научного труда, подчеркивал он, значит отвергать возможность упорядочения его организации на контролируемых самой наукой началах; ибо план, как ему представлялось, должен изначально строиться не на благих пожеланиях, не на произвольных соображениях, а на данных, прошедших проверку рациональным анализом. В подтексте этих соображений крылась, как я думаю, скрытая полемика со Сталиным, который был склонен волюнтаристски диктовать характер и темпы производимых в стране преобразований, не сообразовываясь с реальными возможностями народного хозяйства, как это было с коллективизацией (а порой и с возведением гигантских промышленных объектов). Бухарин апеллировал к науке как рациональному знанию объективных законов. Поскольку же отныне сферой его интересов была научная деятельность, он ставил вопрос об ее научном плановом регулировании. При этом решение данного вопроса оценивалось им не как сугубо внутринаучное дело, а как осмысление этого дела в общественных, государственных масштабах, поскольку ученым следует определять на-

правление работ в «собственном доме», исходя из заданиого в координатах развития страны в целом.

Мы видим, что задачи социалистического строительства, решаемые посредством пятилетних планов, иаправили бухаринскую мысль на постановку принципиально иовых проблем, побудили отстаивать и развивать революциониую для своего времени ленинскую идею планирования научно-исследовательских работ. Это требовало самопознания науки, ее рефлексии по поводу собственной природы, по поводу возможностей и перспектив своего развития, характера отношений с другими социальными институтами и структурами.

В дальиейшем весь этот комплекс вопросов выступил в качестве предмета особой области знаний, известной под именем «науки в науке» или науковедения. Бухарин стоял у ее истоков, занявшись данной проблематикой в силу требований социальной практики, которая настойчиво стучалась в двери академических лабораторий. Ведь под планом научных исследований он имел в виду «систему установок, сознательно приспособленных к делу обслуживания *великой социалистической реконструкции страны*».[39]

При этом он вовсе не стоял за механический и прямой перенос тех принципов планирования, которые направляли работу Наркомтяжпрома, на организацию деятельности Академии иаук.

Ссылки на особый характер науки тех, кто считал ее сферой, где принцип планирования неприемлем, говорят, подчеркивал Бухарин, не против самого принципа, а о том, что применительно к научной деятельности он приобретает особый характер. В связи с этим Бухарин обсуждал вопрос о ее признаках, на которые обычно указывают, чтобы доказать невозможность уложить творчество в прокрустово ложе плана. Издавна предполагается, что открытия сопряжены со «вспышками гения», особой интуитивной «осиянностью». Не отрицая важности интуиции, Бухарин считал неверным отъединять ее от рационального мышления, от интеллектуальных действий «по правилам», от множества формализуемых операций (вычислительных, экспериментальных и т. д.). Напротив, без этой, казалось бы, чисто рутинной работы, поглощающей значительную часть жизни ученого, нет и озарений.

В малой по объему, но удивительно богатой идеями записке Н. И. Бухарин четко обрисовал круг коренных вопросов управления наукой, которые и поныне находятся в центре науковедческой теории и практики. Отмечу некоторые из них. Это прежде всего вопрос о соотношении теоретической мысли и запросов материального производства, социальной практики.

Научная мысль, писал Бухарин, черпая в практике глобальные проблемы, призвана опережать ее. Поэтому следует избегать «торгашеского подхода» к ним, «не размениваться на мелочную практику минуты». Необходимо конструирование новых организационных форм, которые обеспечили бы как кооперацию научных учреждений, так и их органическую связь с производством. Бухарин самым решительным образом возражал против

такого планирования, которое бы «обрубило крылья, искалечило полет гениальной мысли»,[40] выродилось в сверхцентрализованную бюрократическую опеку, задушило инициативу. Учитывая специфику научного творчества, он считал необходимым создать условия для многовариантности поисков, заведомого планирования их различных, пусть даже параллельных направлений. Научный план неизбежно сталкивал с проблемой оценки эффективности его выполнения. Бухарин отчетливо видел опасность погони за количественными показателями, ставшей в те годы столь модной, да и поныне влияющей на позицию руководителей. Количество работ, листов написанных трудов и т. п. следует, по его мнению, заменить качественным описанием работ.

Особое значение он придавал коллективной организации труда ученых, которая «нисколько не отрицает роли талантов, гениев, особо одаренных «вождей» в научной области». Имея перед глазами зарубежный опыт менеджмента, Бухарин наряду с исследовательским талантом выделял организаторский, отмечая, что те, кому он присущ, обладают особой интуицией (отличной от интуитивного постижения ученым отношений и свойств природных объектов). Она выражена в «быстроте правильной ориентации и комбинирования, превратившейся в инстинкт». Указывая на специфику способностей, которые необходимы для эффективного управления совместной исследовательской деятельностью, Бухарин затронул вопрос об интимной связи между планированием и организацией, а также о зависимости последней от личностных качеств руководителя.

Его критика противников планирования строилась на анализе науки как деятельности, которая предполагает распределение функций, — управление, контроль и т. п. Вместе с тем она имеет особую природу, требующую новых организационных схем. Поэтому, порицая стремление отвергнуть внедрение в науку плановых начал, энергично ратуя за них, Бухарин с неменьшей энергией отвергал установки, игнорирующие своеобразие научного труда, подчиняющие его предзаданному нормированию, ориентирующиеся на формальные показатели.

Его критика бюрократического подхода к планированию, который навязывал диктат центра, душил иинициативу, был слеп к тому, что стояло за цифрами, за «валом», хотя и высказывалась применительно к науке, рикошетом била по установкам, культивировавшимся Сталиным и его окружением, которое стремилось оглушить общественное сознание процентами выполнения планов, во что бы это ни обошлось и каковы бы ни были последствия. Природа научного труда вопиёт против формализма и администрирования в его оргаиизации. «Ведь в этой области особенно нужны смелость, инициатива, постановка новых вопросов, новых проблем; здесь нужна творческая фантазия; здесь нужно пробовать; здесь нужно искать; здесь нужно *сметь*. Вот почему *бюрократическое* планирование здесь особенно опасно: оно может оказаться петлей на научно-исследовательской работе, это может привести к артериосклерозу научной мысли».[41]

Сложность планирования в науке обусловлена необходмостью учитывать запросы социальной практики и в то же время сообразовываться с тем, что «имеется известная (относительная) внутренняя логика развития науки».[42] Обращение к внутренней логике не означает, что движение следующей ее «зову» мысли замыкается в кругу определенной дисциплинарной области, ибо «на границах смежных дисциплин обычно вспыхивают наиболее интересные (иногда делающие эпоху) постановки вопроса, на которых целесообразно сосредоточить усилия ученых».[43]

В связи со сказанным Бухарин рассмотрел обширный спектр возможных методов преодоления бюрократизма, чиновничьей опеки при конструировании планов исследований. Главный акцент он поставил на потенциале научного сообщества, таких формах его деятельности, как обмен опытом, взаимодействие дисциплин, дискуссии между представителями различных направлений и школ и т. п.[44] Важная роль была придана тому, что ныне называется информационной службой, причем особое внимание уделялось информированности о ситуации в мировой науке и технике. Без преувеличения можно сказать, что основные вопросы, над которыми бьется современная науковедческая мысль, Бухарин сделал предметом обсуждения более полувека назад.

Американский историк С. Коэн справедливо усматривает в ряде рекомендаций Бухарина (план исследований должен быть гибким и эластичным, должен учитывать непредвидимые обстоятельства и т. д.), а также в бухаринской критике «пошехонско-бюрократическо-головотяпского *метода* планирования»[45] нападки на сталинские предложения по первому и второму пятилетним планам.[46] И здесь явственно чувствуется бухаринская установка на то, чтобы принять во внимание ленинские предостережения, которые Сталин (сочетавший личный произвол с не знающим обратной связи бюрократическим диктатом) игнорировал. Опасность бюрократизма в научном планировании Бухарин трактовал как частный случай бюрократических извращений при составлении любых народнохозяйственных планов. «Ленин, — подчеркивал он, — давным-давно предупреждал против этой опасности, когда мы приступали к планированию хозяйства вообще».[47]

Проблема планирования рассматривалась Бухариным не только с организационно-хозяйственных позиций (хотя время требовало оперативных решений в связи с подготовкой к очередной (второй) пятилетке). Он видел здесь важнейшую тему социальной философии.

Изначально он, опираясь на марксистскую теорию, полагал, что хозяйственная жизнь при капитализме отличается от социалистического производства анархией, конкуренцией, кризисами и т. п., что неизбежно придает этой жизни иррациональный характер. Однако за стихией анархии неотвратимо действует закономерность, подобная, как говорил Маркс, закону тяжести.[48]

С переходом к социализму вступает в действие другая закономерность,

поясняя смысл которой, Бухарин сопоставил каузальность и телеологию. Каузальная (причинная) связь, доказывал он, реализуется в условиях социализма через телеологию (целесообразность). Это значит, что действие организуется соответственно цели, плану. Но это действие не отдельного индивида или группы лиц (у которых могут быть свои собственные корыстные цели), а всего общества как целого, как особого субъекта. Этот всенародный субъект руководствуется планом. Но последний, — пишет Бухарин, — «не падает с неба: он является сам выражением познанной необходимости».[49]

Поскольку эффективность плана определяется тем, насколько его «телеология» (потребная цель) сообразуется с «каузальностью», т. е. объективно действующими законами, то внедрение планирования в науку бессмысленно, если не базируется на знании присущих ей законов развития, иначе говоря, — без теории этого развития.

Я уже отметил новаторский смысл этих философских положений о каузальности и телеологии, зародившихся у Бухарина под давлением потребности в том, чтобы непосредственно участвовать в подготовке очередного плана народнохозяйственного развития страны. Принцип плановости он переносил из материальной сферы в духовную. В Советской стране, где этот вопрос не только оживленно обсуждался, но также решался практически, мысль о плановости науки не прозвучала столь необычно, как на Западе, где Бухарин высказал ее в докладе на втором Международном конгрессе по истории науки в Лондоне (1931 г.).

Доклад Бухарина и другие его выступления о методологиеских и теоретических аспектах планирования научных исследований, по мнению одного из западных историков науки, действительно были очень важны и «даже сейчас сгодились бы в качестве источника для научных администраторов, в том числе и в демократических (читай: капиталистических) странах».[50] Бухарин на конгрессе возглавил советскую делегацию.[51] В эти годы капиталистический мир испытывал глубокие экономические потрясения. Они сказывались на том, что происходило в лабораториях, придавая предельную осязаемость зависимостям «чистой» науки от социальных процессов. Такая зависимость являлась азбучной истиной, в центр интересов которой переместилась тема «наука и общество». На эту тему выступил Бухарин, высветив ее под углом зрения отношений между теорией и практикой, какими их интерпретирует диалектический материализм. Его доклад носил философский характер и лишь иллюстрировался отдельными историческими экскурсами. Применительно к своей теме он отмечал, что элементы централизованного планового хозяйства имелись уже в теократическом государстве Древнего Египта, где знание было недоступно основной массе работников и окружалось ореолом тайны.

В условиях промышленного капитализма образуется большой слой технической и научной интеллигенции, которая выступает в качестве особого субъекта умственного труда, отъединенного от физического. Положение,

при котором теоретическое знание отгорожено от людей практики, от тех, кто производит материальные ценности, преломляется в неадекватном образе самой науки как способа самопорождения и самоактуализации чистой мысли (наука для науки).

Касаясь современного капитализма, Бухарин утверждал, что и в этом случае, несмотря на огромные трестированные производственные комплексы и приданные им научные организации, воспроизводится анархия, работа же творческой мысли считается совершающейся по ту сторону практики. Поэтому и он — этот высоко развитый капитализм — «не может ни найти научного синтеза, ни дойти до самопознания науки, ни дойти до ее организации, ни дойти до ее *слияния с практикой*. Эти задачи, мучительно ощущаемые, выводят уже *за пределы капитализма*».[52]

В условиях социализма принцип планирования дает «не только синтез науки и практики». Реализация этого принципа в быстром и интенсивном экономическом и культурном росте страны Советов оценивалась Бухариным как «эмпирическая проверка исторического материализма», своего рода «операционализация» этой теории в практике хозяйственного строительства.

Бухарин предназначал свой доклад для исследователей истории науки. Какой же аспект этой истории он осветил? Очевидно, что не содержательный, касающийся эволюции проблем, идей, открытий и т. п. В центре его анализа — смена различных форм сочетания теории и практики, обусловленная переходом от одного исторического уклада к другому. Преимущество социалистического уклада усматривалось в том, что впервые в истории человечества плановость приобретает глобальный характер, охватывая общество в целом. Разобщенность между теорией и практикой уничтожается. Это означает не принижение науки, а «онаучение» практики. Субъектом научно-технического творчества становятся народные массы.

Бухаринские идеи о планировании науки как неотъемлемой составляющей социально-экономического планирования в общегосударственных масштабах, оказали влияние на прогрессивных западных ученых, в частности на Джона Бернала, писавшего: «Самый сбалансированный и гибкий план научных исследований может оказаться недостаточным. Его нужно согласовать с позитивным движением, с техническим, биологическим и социальным прогрессом, в котором участвуют все ресурсы общества. Основным требованием наступающей новой эпохи является объединенная через науку и развивающаяся с помощью научных исследований национальная экономика».[53]

Проблема отношений между обществом, практикой хозяйственной жизни и научной теорией определила в начале 30-х годов вектор движения бухаринской мысли. Одним из поводов углубиться в эту проблему стал для Бухарина дарвиновский юбилей. В 1932 г. широко отмечалось пятидесятилетие со дня кончины великого английского натуралиста. Бухарин выступил в Академии наук на торжественном заседании с блестящей

речью «Дарвинизм и марксизм».[54] Как обычно, он основательно изучил литературу вопроса (в частности, прочитал в подлиннике дарвиновские труды). Текст Бухарина свидетельствует не только о его философской, но также естественно-научной эрудиции — недиллетантском знании биологии, генетики, теории эволюции. Свободно оперируя этим знанием, он смог придать плоть и весомость своим выношенным до обращения к дарвинизму философским представлениям о социогенезе научных идей и характере взаимоотношений между теорией и практикой. Общие соображения об этом, высказанные им в докладе на лондонском конгрессе, выступили теперь в качестве верифицируемых таким арбитром, как история наукн.

Доклад открывало положение о том, что великая дарвиновская теория, объяснившая изменяемость видов, явилась обобщением реальной сельскохозяйственной практики. Указывая на отдельные не выдержавшие проверки частные элементы учения Дарвина (в том числе и восходящую к Ламарку версию о наследовании приобретенных признаков), Бухарин подчеркивал, что в целом оно ознаменовало новую эпоху в познании природы живого. Он отмечал, что достижения генетики Менделя—Моргана, закон гомологических рядов Н. Вавилова и другие последарвиновские открытия не только не отменили установленной Дарвиным основной закономерности эволюции органического мира, но, напротив, с ней гармонируют. Вместе с тем тот факт, что человек, как доказал Дарвин, является выходцем из животного стада, не дает оснований сводить к естественному отбору и борьбе за существование всемирно-исторический ход социальных процессов. Механизм этого хода, вскрытый Марксом, качественно отличен от механизма эволюции. Маркс высочайшим образом оценил дарвиновскую теорию, поскольку она обнажила естественнонаучные детерминанты такого неотъемлемого признака живого, как целесообразность его строения и функций, не прибегая, как это делалось во все предшествующие века, к понятию о цели (телеология).

Идеализму был нанесен сокрушительный удар в его главной цитадели. Все эти положения бухаринской речи воспроизводили с различной степенью приближенности соображения и оценки, уже высказанные в литературе. Родство дарвинизма (как учения, укреплявшего материалистическое мировоззрение) и марксизма, с одной стороны, и различие между ними — с другой, было признано советскими учеными повсеместно.

Принципиально новый момент, внесенный Бухариным, отражал то понимание отношений между практикой и теорией, которое было, как мы помним, связано с его общей концепцией планирования научных исследований, изложенной впервые в Лондоие (см. выше).

Что означал бухаринский вывод, согласно которому «только марксистский синтез обеспечивает прогрессивиую функциональную роль великому творению Дарвина»?

Конечно, в качестве целостного мировоззрения марксизм интегрировал под присущим ему углом все достижения науки, в том числе биологии, —

стало быть, и дарвиновское эволюционное учение. Однако Бухарин под марксистским синтезом подразумевал не только обобщение под эгидой диалектического материализма конкретно-научных знаний о природе вещей. Ведь неотъемлемым сущностным признаком этого синтеза он считал также интеграцию теории и практики. На первый взгляд можно было бы предположить, что он в первую очередь имел в виду практику идеологической борьбы, которая крайне обострилась в начале века (нападки витали-стов на теорию эволюции, активизация социал-дарвинистов и сторонников биологизации общественной жизни и т. п.). В этой борьбе ни одна философия не была способна отстоять столь блистательно и эффективно достоинство и истинную цену дарвиновских идей, как марксистская. Однако для Бухарина сфера практики не ограничивалась идеологией. Как отмечалось, следуя заветам Маркса, он, неизменно ища корни научных идей в недрах материального производства, в первую очередь обратился к социально-экономическим условиям, послужившим колыбелью дарвинизма. Дарвин, — писал Бухарин, — «...прямо вырос из почвенных сил прогрессивного сельского хозяйства Англии, с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливой добротностью эксперимента, трезвой проверкой фактов».[55] В этом тигле выплавлялась дарвиновская теория. Между тем для объяснения природы научного знания Бухарин считал не менее важным, чем выяснение его родословной, другую сторону дела, без которой осталась бы лишенной какого бы то ни было смысла социальная функция науки. Читатель, конечно, догадался о чем идет речь. О воздействии науки на реальную производственную деятельность людей. Вырастая из ее глубин, научная теория, настаивал Бухарин, призвана — пусть очень сложными, опосредствованными путями — в конце концов преобразовывать эту деятельность. Поэтому для Бухарина было недостаточно раскрыть земную тайну происхождения абстрактных сублиматов (говоря его языком) науки, каковыми являются ее теории, стало быть и дарвиновская. Поскольку наука рассматривалась как элемент производственно-технического прогресса, нужно было проследить характер воздействия, которое она на него оказывает. Обратившись к этому вопросу, Бухарин сомкнул дарвинизм с марксизмом под таким углом зрения, который прежде никем еще не был принят. Он увидел в дарвинизме теорию, позволяющую решать задачи переустройства сельского хозяйства советской России, так как в стране утвердился новый способ производства, а именно социалистический, закономерности формирования которого открыл Маркс. Это и позволило Бухарину дать новую, оригинальную трактовку отношений между дарвинизмом и марксизмом в плане не только объяснения социальных корней дарвиновской теории эволюции, но и раскрытия перспектив прямого воздействия этой теории на преобразование сельского хозяйства как одной из важнейших сфер производственной деятельности. В наше время в связи со становлением социологии как науки

вопрос о той конкретно-исторической почве, на которой зародилось учение Дарвина, стал одной из популярных тем этого направления. Указанному вопросу посвящена большая литература, касающаяся характера отношений между внешними (экстернальными) и внутренними (интернальными) факторами развития науки. Но вся эта литература отражает только одну сторону дела — зависимость научной теории (в данном случае — дарвинизма) от социокультурного ареала, в котором она возникла. Самобытность бухаринского подхода в том, что он не ограничивается этой стороной, но освещает, наряду с проблемой социогенеза, проблему «обратного» влияния созданий человеческого духа на повседневный труд людей, процессы их взаимодействия с природой. Поскольку же эти процессы «встроены» в производственные отношения, структуру и закономерный характер смены которых выявил марксизм, давший теоретические ориентиры организации социальной практики после победы Октября, то тем самым наметился благодаря марксизму особый путь внедрения в эту практику дарвиновских идей. Отныне дарвинизм выступил в качестве «научной производительной силы, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, превращающим сельское хозяйство в научно поставленную отрасль социалистической промышленности».[56] Для столь ответственного утверждения у Бухарина имелись веские доводы.

В первую очередь он имел в виду развернувшиеся в стране под руководством Н. И. Вавилова работы по генетике, селекции, ботанике. Бухарин цитировал Вавилова, который отмечал, что ныне настало время, когда исследователь может подойти к проблеме происхождения организмов как экспериментатор, как инженер, способный по научно продуманному плану создавать новые формы. Указывая на эти достижения, Бухарин писал о зоо- и фитоинженерии в общественном масштабе, о тех открывшихся благодаря социализму величественных перспективах планомерной специализации районов, рационального размещения под контролем экспериментальной науки производительных сил, селекционной практики в масштабах громадных пространственных зон.

Конечно, когда Бухариным писались эти строки, он хорошо знал, что́ в действительности происходит в разоренной сталинской коллективизацией деревне, той коллективизацией, из-за открытого противодействия которой его вытолкнули с политической сцены, а еще через несколько лет из-за идейного противодействия Сталину расстреляли как убийцу и шпиона. Но он не ставил знака равенства между тем, что творилось в стране по директивам Сталина, и тем, каким следовало бы строить, следуя ленинским прогнозам, социалистическое сельское хозяйство. Оно представлялось ему высокоразвитой на научных началах отраслью.

«Генетика, селекция, зоо- и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и новые, невиданные возможности практической реализации теоретических достижений — все это п р о л е т а р и а т подымает на щит».[57] Слово «пролетариат» выделено разрядкой. О кресть-

янстве, о колхозе, о политике Сталина, которая в те годы на все лады превозносилась его идеологическимн опричниками, — ни звука.

Бухарин зачитывает свою речь в апреле 1932 г., когда на столичных улицах появились бежавшие от голода жертвы сталинского плана «подъема» сельского хозяйства и бесчисленные теплушки увозили на лесоповал тех, кто вчера кормил страну.

Каким контрастом ко всему этому были бухаринские представления о воплощавшем идеи Дарвина и Маркса социалистическом сельском хозяйстве, построенном на принципах планирования, на витавших перед умственным взором Бухарина планах его «онаучивания», а не на сталинских планах раскулачивания. Бухарин был убежден, что его соображения адекватны и природе социализма и логике развития биологического знания, приведшей к генетике Менделя—Моргана и теории Вавилова, интерпретированных как компоненты синтеза, ядром которого был дарвинизм.

Сталину все эти теоретические мудрости были ни к чему. Он не хотел разбираться ни в мутациях, ни в проблеме происхождения культурных растений, ни в гомологических рядах, ни в синтетической теории эволюции. Вскоре начали его устраивать обещания «человека из народа» Лысенко обеспечить невиданный подъем урожайности. Он отдал ему на «поток и разграбление» биологическую науку. Так они и поделили между собой практику и теорию. Практику диктовал Сталин, «теорию» — Т. Д. Лысенко. Бухарин знал эффекты сталинской практики, но в нем теплилась надежда, что со временем научное планирование сельскохозяйственного производства, опирающееся на работы Вавилова и других биологов, позволит использовать великие преимущества социализма. Он не мог предвидеть, что через несколько лет, вслед за истреблением миллионов тружеников деревни, с благословления Сталина будет истреблена вавиловская школа, создавшая беспрецедентную научную инфраструктуру новой сельскохозяйственной практики.

Вопрос об отношении производства научных знаний к материальному производству обсуждался Бухариным, как мы видели, не только в теоретическом аспекте и не только с учетом событий в реальной истории общества на ее большом пробеге — от монополии на знание у древнеегипетских жрецов до дарвиновского учения, возникшего в условиях промышленного капитализма, и теории Вавилова, которая сложилась в советский период.

Этот вопрос рассматривался им как имеющий прямое отношение к задаче, поставленной Лениным, — создать систему планирования научно-исследовательских работ, систему, служащую, по его убеждению, непременной составной частью программы построения нового общества.

До сих пор я касался, притом весьма бегло, трактовки Бухариным науки в ее отношении к обществу и его истории, с одной стороны, в ее отношении к особому аспекту этой истории — материальному производству — с другой.

Имелся, однако, еще один ракурс исследования науки, а именно: касающийся ее связей с философией.

В 1933 г. Бухарин завершает свой последний теоретический трактат «Учение Маркса и его историческое значение», который по праву заслуживает того, чтобы быть оцененным как выдающееся произведение марксистской философии мысли в советский период.[58] В нем развивается ряд важных положений о природе человеческого познания, в том числе и познания, которому присуще достоинство научного. Опираясь на труды Маркса и на ленинские работы («Материализм и эмпириокритицизм», «Философские тетради»), неизменно определявшие методологическую ориентацию Бухарина, он обращается к коренным вопросам философии — от охватывающих сложную систему отношений сознания к бытию в ее глобальности, до конкретно-исторических социальных форм реализации этих отношений. Что же касается специально научного мышления, то оно, по Бухарину, обнажает перед исследователем свою природу не иначе, как в качестве компонента этой системы. С целью высветить оригинальность философского творчества Маркса Бухарин переводит традиционный вопрос о сознании и бытии на язык субъектно-объектных отношений. В таком переводе Бухарин усматривает принципиальную новизну подхода Маркса, его особую позицию. До Маркса отношения между субъектом и объектом рассматривались лишь как отношения между абстракцией интеллекта и объектом познания. Маркс в корне изменил всю постановку вопроса.

Применительно к объекту взамен природы как неизменной данности (каковой она представлялась в блеске поразительных успехов механического естествознания начиная от эпохи великой научной революции XVII века) выступил образ исторически изменчивого мира. Идея эволюции этого мира прозревалась многими мыслителями и до Маркса. Внесенный Марксом новый момент касался двух «ипостасей» истории природы:

а) ее преобразований, ведущих к порождению качественно отличных друг от друга форм движения материи,

б) ее развития, активным агентом которого выступает человек благодаря своей производственной деятельности.

Этот второй аспект был продуман Бухариным не только под влиянием указаний Маркса о процессе «очеловечения» природы. Говоря о том, что, «живя и работая в биосфере, общественный человек в корне переделал поверхность планеты»,[59] Бухарин ссылался на классическую работу В. И. Вернадского «Биосфера», где, как известно, уже заложены идеи, приведшие к учению о ноосфере как особой оболочке нашей планеты, создаваемой человеком своим разумом и трудом. Мне неизвестно о характере отношений между работавшим тогда в Академии наук В. И. Вернадским и ставшим в 1929 г. членом этой Академии Бухариным, который в дальнейшем возглавил организованную Вернадским Комиссию по истории знаний. Но знакомство Бухарина с трудами Вернадского, соотнесенными Бу-

хариным с марксистской трактовкой философского вопроса об объекте познания, бесспорно. Оно может служить еще одним свидетельством изучения Бухариным при продумывании философских проблем естественнонаучных источников.

Столь же новаторской, как трактовка Марксом объекта познания, является, подчеркивал Бухарин, его трактовка субъекта.

Если на домарксовом понимании объекта лежала неизгладимая печать созданного в эпоху подъема капиталистического способа производства механического естествознания, то сложившийся в ту же эпоху образ субъекта отразил присущий ей индивидуалистический, «атомистический» взгляд на человека. В условиях расщепленности труда на умственный и физический человеку, включенному в научно-познавательную ситуацию, приписывалась уникальная способность «чистого» мышления. Богатство жизненных функций субъекта сводилось к чуждым всему земному интеллектуальным актам. Его изначально социальная историческая сущность выпадала из поля зрения. Это и определило созданную домарксовой философией картину процесса познания как бесплотного отношения мифического суверенного Робинзона к чуждому ему бескачественному механизму природы. В марксизме же, доказывал Бухарин, — «*другой объект*, другой *субъект*, другое *соотношение* между ними».[60] Такое соотношение выступает как предметная деятельность, как практика изменения мира, в горниле которой конструируется субъект и исторически изменчивые способы представленности действительности в мышлении (формы, знания). Конечно, ныне, после проделанной советскими философами работы по освоению материалистической диалектики, бухаринская трактовка субъект-объектных отношений звучит привычно. Но будем помнить, что она развертывалась в начале 30-х годов.

Выдвинуть категорию предметной деятельности как основополагающую для продвижения в проблемах гносеологии значило сказать новое слово. Недаром Бухарин требовал сомкнуть гносеологию с праксиологией,[61] считая, что деятельность представляет собой интегральное образование, в котором синтезированы теория и практика.

Изучение Маркса позволило Бухарину внести в категорию деятельности два объяснительных принципа — историзма и системности. Он указывал, что смена способов производства влечет за собой преобразование интеллектуальных структур — «способов представления», — от которых, в свою очередь, зависит деятельное отношение к природе, производство материальной жизни. Бухарин настойчиво подчеркивал, что такие переходы от одних способов производства и представления к другим с необходимостью требуют конкретного анализа каждой формации в ее целостности, как он выражался, «целокупности», понимая под этим исследование интегральной структуры общества с раскрытием функций каждого из ее компонентов. Порой он называл такой анализ «морфологическим». Таких оборотов, как «системный подход», «восхождение от абстрактного к конкретно-

му», в его текстах нет, но обозначаемые ими принципы выделены Бухариным в трудах Маркса как основополагающие для методологии научного познания. В этом читатель без труда убедится, ознакомившись с трактатом Бухарина о Марксе.

Впрочем, Бухарин смотрел на социальные и когнитивные структуры куда более исторично и диалектично, чем многие современные адепты системного подхода, поскольку он требовал изучать каждую «целокупность» в единстве многообразия «со всеми формами противоречий, с взрывами и катаклизмами, с переходом одних форм в другие», ибо только такой подход «адекватен величественному и всеобщему историческому процессу развития».

Бухарин твердо придерживался ленинских образцов истолкования концепций, несовместимых с марксистским учением о природе познания. Со времен юности изучение марксизма он сочетал с изучением критической литературы о нем. Убежденный в том, что открытые марксизмом законы развития общественной жизни позволяют прогнозировать ее ход, предоставляя возможность каждому субъекту соотносить с этим рациональным прогнозом собственный выбор, Бухарин видел, как нарастает поток работ, полных нападок на учение Маркса. Он не только следил за этим потоком. Он считал, что его научная и партийная совесть требует подвергать тщательному разбору любые аргументы, выдвигаемые против историко-материалистических представлений об общественных формациях, классовой борьбе и др. Поскольку в центре его интересов были вопросы экономики, главным объектом его критики в дореволюционный период являлось множество концепций, либо отвергавших экономическую теорию Маркса, либо претендовавших на ее «исправление». Погрузившись в начале 30-х годов в проблематику, которая требовала выяснить характер связей между философией и наукой, Бухарин не ограничивается изложением почерпнутых в трудах Маркса представлений об отношении теории и практики, науки и общества, субъекта и объекта и т. п. Он, как и в прежний период, когда его исследовательская активность была сосредоточена на экономических темах, обращается к сонму критиков марксизма. Только на этот раз его острый ум выделяет философские концепции, несовместимые, по его убеждению, с диалектико-материалистической трактовкой познания, в том числе — научного познания.

Он следовал за Лениным и опирался на него. Уже в докладе на Международном конгрессе по истории науки он показал истинный смысл главного позитивистского постулата, согласно которому *«мне» «даны»* только *«мои» «ощущения»* (и мои ощущения даны только мне).

Конечно, Бухарин был хорошо знаком с ленинской критикой махизма и эмпириокритицизма (он ссылается на работы Ленина), и он ориентируется на нее, отвергая принятое позитивистами за аксиому. Вместе с тем со времени атаки Ленина на позитивизм, раскрывшей его негативное влияние на философские умонастроения естествоиспытателей, прошло два десяти-

летия. За этот период сам позитивизм эволюционировал. В положенных им пределах возникали новые вариации на старые темы, в частности логический атомизм Рассела, логический позитивизм Шлика, Франка, Карнапа и др. Познакомившись с книгами поименованных неопозитивистов, Бухарин усматривает и в них все ту же веру в первозданность сенсорного опыта как краеугольного камня научного знания. Вслед за Лениным он указывает на ложность этой посылки, на отражательный характер любых первоощущений, на представленность в них внешней реальности, которая не зависит от познающего субъекта.

Наряду с этими возражениями против неопозитивизма он указывает на еще одно принципиально важное обстоятельство — на зависимость неотчуждаемого от индивидуального субъекта чувственного опыта, который действительно служит каналом прямого общения с внешним миром, от исторического хода познания, от опыта прежних поколений. Но разве имеется другой способ передачи этого опыта кроме его обработки в формах, — на сей раз уже отчуждаемых от сознания, — а именно в формах понятий, которые запечатлеваются в языке и других знаковых системах?

«Лишь в случае первозданного Адама, только что сфабрикованного из глины и *впервые* увидевшего опять-таки *впервые* раскрытыми глазами райский пейзаж со всеми его атрибутами», — иронически замечал Бухарин, — можно было бы получить то «чистое» чувственное «сырье», которое неопозитивисты считают исходной «материей», из которой ткется научное знание о мире. Но то, что они принимают за исходный пункт, «суть общественный продукт: за каждым понятием стоит весь путь общественно-исторического развития (именно потому, что субъект — обобществленный субъект, за «я» уже скрывается «мы»).[63]

Стало быть, отклонение версии о «чистом» эмпирическом материале Бухарин соединял с положением о том, что чувственные образы человека всегда «нагружены» понятиями, а последние представляют собой продукты многих эпох, благодаря работе которых за каждой мыслью бьется океан всемирной истории. Это сопряжено с глубинной социальностью интеллектуальных структур, которыми оперирует отдельный ум. Социальность же требует, согласно Бухарину, принять за исходный пункт не ощущения, как таковые, а активное практическое действие, которое они обслуживают. Вклад этого действия в процесс познания был акцентирован, как известно, прагматизмом, на идеалистическую суть которого обратил внимание еще В. И. Ленин в момеит появления этого течения на философской арене.

Конкретизируя то, что в лениискоm «Материализме и эмпириокритицизме» было сказано в подстрочиике, Бухарин указывает на решительное различие между теми признаками, которыми Джемс и его приверженцы наделили категорию практического действия (у прагматистов, пишет Бухарин, «практика молитвы, торговли векселями и добычи руды не отличаются друг от друга») и марксистским понятием революционной практики.

Имелся еще один момент процесса познания, получивший превратное истолкование в западной философии XX века.

Ленин затронул его в связи с оценкой теории иероглифов. Но эта теория была применена «полуматериалистом» Гельмгольцем к описанию субъективных ощущений цвета, звука и т. д., которые, позволяя различать физические объекты, чужеродны им по своей «фактуре».

Между тем понятие о знаке было переведено из области чувственного познания в сферу абстрактных понятий, где действительно без оперирования условными знаками и шага нельзя шагнуть. В представленной новой поросли западных философов науки, или, как он их назвал, «философствующих физиков» (Рассел, Витгенштейн, Франк и др.), Бухарин увидел некоторое модернизированное подобие наблюдателя бледных теней в знаменитой «платоновской пещере». Действительный субъект, говорил Бухарин в упомянутом лондонском докладе, т. е. общественный и исторический человек, ни в малой степени не похож ни на платоновского наблюдателя теней, ни на стенографа, выдумывающего «удобные» знаки скорописи», ибо «простая символика, система знаков, фикций не может служить орудием объективных изменений, производимых субъектом».[64]

В работах Бухарина содержится критика и других идеалистических течений и идей, которыми была насыщена философская атмосфера Запада. Следуя опять же ленинскому подходу, он интерпретирует их как превращение в самостоятельную «прямую» линию одного из фрагментов спиралеобразного движения познания. С этих позиций он оценивает такие направления, как философия ценностей (Риккерт и др.), различные «организменные» концепции, отвергающие каузальные объяснения во имя телеологических описаний или интуитивных прозрений, проекты новой логики (Карнап, Витгенштейн, Франк и др.), возникшие в связи с успехами квантовой механики, теории относительности и других областей нового естествознания. Рациональные зерна этих философских направлений содержатся, полагал Бухарин, в рациональной форме в диалектическом материализме.

Развитие точных наук с особой остротой потребовало новой логики, ибо антиномии, которые созданы развитием этих наук (Бухарин упоминает о «дуализме» волны-частицы, соотношении материи и энергии, статистической и динамической закономерностях и др.), не укладываются в рассудочные категории старой «школьной» логики. И здесь, по его представлению, образовалась своего рода развилка: либо перейти к иррациональной, сверхразумной трактовке предмета, либо разрабатывать такой методологический аппарат, который бы соответствовал «более сложным объективно-диалектическим формам реальных связей и закономерностей бытия и становления». Нет оснований сомневаться, что в первой половине 30-х годов в мышлении Бухарина внутренне сопрягались вопросы, касающиеся природы научного знания, ее формы, структуры, или, применяя бухаринский термин, «морфологии», с вопросами, которые задавала практика организации исследовательского труда.

Напомним, что, размышляя о «трансплантации» в «организм» науки принципа планирования, Бухарин настаивал на том, что такая операция предполагает надежное знание строения этого «организма» и законов, по которым он функционирует и развивается. Это и потребовало от Бухарина обращения к философским, теоретико-познавательным проблемам науки. Если пользоваться современными терминами, то его искания могут быть истолкованы как конвергенция науковедческого направления (проблемы планирования, организации науки, ее связей с производством, специфики умственного труда и др.) с философским (проблемы субъектно-объектных отношений, структуры и динамики познания, логических форм и др.). Ни один из исследователей науки в ту эпоху — ни в нашей стране, ни за ее рубежами — не мыслил об этом объекте так интегративно и объемно, как Бухарин.

Интегратизм бухаринской мысли просвечивает в его исследованиях не только научного, но также художественного творчества. Со времен юности он увлекался искусством,[65] однако бури политической борьбы, начисто захватившие его страстную натуру, придали его таланту иную направленность. Отстраненный от руководящей роли в этой борьбе, он сосредоточился, наряду с публицистикой, на широком спектре проблем культуры — науки, философии, искусства. Замечу, что полновесно оценить бухаринский вклад в строительство социалистической культуры можно лишь охватив весь этот спектр, различные «линии» которого постоянно соотносились в его творческой лаборатории, образуя целостную «цветовую гамму» представлений о природе и закономерностях духовной жизни общества. Крупным событием в истории советской культуры в рассматриваемый период явился Первый Всесоюзный съезд советских писателей (1934 г.), а одним из самых значительных событий съезда стал доклад Бухарина «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР». Значительным и по теоретическому уровню, и по устремленности в будущее (в плане понимания задач советского искусства в целом — не только поэзии), и по впечатлению, которое он произвел на участников съезда, собравшего цвет художественной интеллигенции страны. Овация, которую зал устроил «правому уклонисту» Бухарину была реакцией на глубину, содержательность и прогрессивную направленность его доклада, в котором сочетались полет философской мысли с высоким профессионализмом, великолепная ориентированность в реальной расстановке поэтических сил с упором на совершенно особую социальную миссию, выпавшую на советскую литературу. Если природу научного познания Бухарин рассматривал исходя из диалектико-материалистической теории отражения (см. выше), то применительно к познанию художественному эта философия послужила для Бухарина отправным пунктом разработки представления о социалистическом реализме как особом методе художественного освоения действительности. О перспективности бухаринской разработки говорит хотя бы то обстоятельство, что к ней поныне обращаются в дискуссиях о специфике этого метода.[66]

Мы видели, что, рассматривая науку, Бухарин отмечал и ее «замешанность» на философии и их неслиянность. Под сходным углом зрения он интерпретировал искусство. Имея мировоззренческую направленность, оно представляет собой уникальную форму культуры, ни к каким другим ее формам несводимую. Отправляясь от учения великого русского филолога А. А. Потебни о сходстве и различии науки и искусства, Бухарин присоединяется к положению, согласно которому художник строит свой поэтический мир, мысля не понятиями как ученый, а образами. При этом Бухарин прослеживает демаркационную линию не только между образом и понятием, но и между сенсорным образом (ощущением, восприятием, чувственным представлением) и художественным. В последнем он видит особый «сгусток» действительности, в котором она различена сквозь кристалл личностных смыслов и глубинных переживаний поэта. Вместе с тем Бухарин стремился решить и другую искусствоведческую задачу — раскрыть признаки, по которым социалистический реализм следует отграничить от реализма вообще. Важнейший из этих признаков, по его убеждению, это воплощение эпохи «в своеобразных конкретно-абстрактных образах предельного обобщения и в то же время гигантского внутреннего богатства». [67]

Как отмечалось, следуя Ленину, Бухарин доказывал, что диалектический материализм позволяет не только постичь логику развития науки и причины «тектонических сдвигов» в сотрясаемом кризисами и революциями естествознании, но также обнажить подоплеку идеалистических направлений, возникших в качестве неадекватной философской реакции на эти сдвиги.

Равным образом Бухарин обрисовывал не только контуры социалистического реализма в искусстве как особого метода и стиля. Он обнажал идейный смысл других направлений: символизма, формализма, натурализма, отметив, что они (как и несовместимые с марксистской философией течения и школы — прагматизм, логический позитивизм и др.) не просто пустоцветы. И к их объяснению следует, по Бухарину, применить «технику» расшифровки превращенных форм. С этой точки зрения он дает обзор положения в литературоведении, где в 20-х годах тон задавала русская «формальная школа», указав, что, объявив языковые приемы единственным героем литературы», она превратила искусство в метафизическую «вещь в себе». Гносеологические истоки этого воззрения Бухарин усматривал в фетишизации слова, оказавшегося опустошенным из-за изъятия из него образно-смыслового содержания, а тем самым и лишеиным действенного влияния на реальную, социальную жизиедеятельность людей. Вместе с тем он подверг критике «наблюдающееся нередко в нашей марксистской среде нигилистическое отношение к слову». [68] За этим нигилизмом кроется прямолинейный, чуждый марксизму подход к вопросу о социальной функции искусства, сводящий литературоведение к «поверхностной социально-классовой характеристике так называемого идейного содержания произведения». [69] В противовес этому подчеркивается необходимость тщательного изучения

формальных аспектов искусства в единстве с содержательными, ибо без проникновения в тайны поэтической речи совершенно непостижима потрясающая сила его воздействия на личность человека в единстве ее эмоциональных, интеллектуальных и волевых проявлений. Я уже говорил о предвосхищении Бухариным великих, трагических испытаний, предстоящих родине социализма на том изломе человеческой истории, когда над расколотым миром быстро сгущались тени фашистского мракобесия.

Бухарин призывал деятелей художественной литературы к решительному подъему уровня поэтического самосознания, а это в его устах означало овладение мастерством выражения в присущих искусству формах мышления того, что «мы — воплощение исторического разума, основная, победоносная, движущая сила человеческой истории», «грозная рать, которая готовится к новым боям».[70] Обозревая путь, пройденный советской поэзией, Бухарин разделил его на три периода. Героически-абстрактная поэзия первых лет революции отличалась универсализмом и даже космизмом. Затем настало время «дробного» отображения действительности, на смену которому, согласно Бухарину, грядет новая синтетическая поэзия. Она воссоздаст действительность в ее целостности, богатстве всех трагедий и конфликтов, колебаний и противоречий. Конечно, подходя со столь высокими критериями к наличному литературному «хозяйству», Бухарин испытывал неудовлетворенность произведениями, в которых рифмованно пересказывались газетные статьи и учебник политграмоты. Ему представлялось, что поэтическое мышление на всемирно историческом переходе от капитализма к социализму не должно уступать по масштабности тому, что было рождено, когда в огне освободительных войн на пик истории вышел молодой буржуазный класс. Не случайно, говоря о Гете, Бухарин сопоставлял времена появления «Фауста» (и «Прометея» Бетховена), когда «сверкает всеми оттенками, нюансами и переходами перламутровая ткань общественного бытия и становления»,[71] с эпохой «рождения социализма... когда в гуле и грохоте кровавых войн и восстаний, в титанической борьбе миллионов складываются новые экономические отношения, новые формы быта, культуры и мировоззрения».[72] Бухарину виделось могучее искусство, адекватное занявшейся эре всемирной истории, а не «элементарное изображение, похожее на бревно, в которое воткнут красный флаг».[73] Он критиковал нашу поэзию за провинциализм: «Жестокая, некультурная провинция еще царит у нас. Наша поэзия еще не поднялась до понимания всего смысла нашей эпохи».[74]

Критика Бухариным некоторых популярных в то время поэтов (А. Безыменского, Демьяна Бедного и др.), перед которыми «вплотную выросла опасность простого рифмованного перепева очередных лозунгов»,[75] пришлась явно не по душе ряду делегатов писательского съезда. Раздражение многих вызвало и то, что Бухарин высоко оценил творчество считавшегося глубоко аполитичным, далеким от советской действительности Бориса Леонидовича Пастернака. Конечно, не все бухаринские трактовки выдержали

испытание временем. Явно односторонним было его восприятие поэзии Сергея Есенина, в которой не усматривалось ничего, кроме мистики и враждебности социализму. Негативное отношение к талантливому поэту было обусловлено тем, что в его лирике, противореча ее глубинной народной струе, звучали ноты, которые Бухарин считал вносящими диссонанс в оптимистический строй мироощущения полной энтузиазма молодежи, призванной созидать новое общество. Эти ноты породили в середине 20-х годов феномен, известный под именем «есенинщины», подвергнутой критике Бухариным в его «Злых заметках» (1927 г.). В контексте того периода идейно-политической борьбы партии за молодежь и следовало бы понять злость Бухарина по поводу эпидемии самоубийств и других негативных явлений, за которые Есенин, естественно, ответственность не нес. Но каким бы тенденциозным ни представлялось отношение Бухарина к Есенину, оно не дает оснований обесценить бухаринский вклад в строительство социалистической культуры. Между тем этот вклад поставили под сомнение, притом не тогда, когда на Бухарине стояло клеймо шпиона и убийцы. В 1988 г. писатель Ю. Л. Прокушев, ссылаясь на негативную оценку Бухариным Есенина, использует эту частную оценку для обобщающего вывода о том, что Бухарину «не хватило подлинно научного марксистского видения сложных, противоречивых явлений как самой революционной действительности, так и отражения ее в литературе».[76] Бухарин клеймится современным литератором «за безнравственное отношение к памяти Есенина».[77] Возникает, однако, вопрос, нравственно ли—на этот раз по отношению к памяти Бухарина—выступление самого Ю. Прокушева, который в стремлении инкриминировать Бухарину дефицит «подлинно научного марксистского видения» (повод—оценка Есенина) искажает его воззрения, утверждая, будто Бухарин дал «по существу негативную оценку Маяковскому в докладе о поэзии на первом съезде советских писателей».[78] Между тем о Маяковском Бухариным на этом съезде под бурные аплодисменты сказано следующее: «Крупнейшей и с поэтической стороны ярко новаторской фигурой является Владимир Маяковский».[79] И далее Бухарин охарактеризовал борьбу Маяковского как «поэтического льва революции» с ее врагами периода нэпа — мещанством, бюрократией и др., закончив свой анализ выводом: «Маяковский дал так много советской поэзии, что стал советским классиком... Он живет почти в каждом молодом поэте, и навсегда вошли в нашу литературу приемы его поэтического творчества и мастерства».[80] Замечу, что бухаринское видение Маяковского как истинно пролетарского поэта решительно расходилось с официальной позицией «рапповцев», влияние которых в качестве «правоверных» партийных идеологов (несмотря на ликвидацию РАПП а) оставалось достаточно сильным. Маяковского продолжали третировать и негативно оценивать, что побудило Л. Ю. Брик написать письмо Сталину, наложившему на этом письме известную резолюцию о Маяковском как талантливейшем поэте нашей эпохи. Но это произошло в 1935 г., то есть через полтора года после того, как Бухарин,

вопреки рапповской версии, выделил Маяковского в качестве правофлангового в шеренге советских поэтов. Одно дело, когда оценки творчества того или другого поэта обусловлены конкретной исторической ситуацией, да и в одной и той же ситуации, как известно, могущие служить предметом сколь угодно острых споров. Другое дело — недобросовестное обращение с оценками и попытка использовать их, чтобы считать истинно марксистское видение своей монополией, как это делает Ю. Прокушев.

Бухарин, таким образом, выступает перед нами как глубокий исследователь не только науки, но и искусства.

При всем различии объектов достаточно четко вырисовывается его общий подход. Он выражен в формуле, которая охватывает систему отношений между четырьмя факторами: «макрологией» (термин Бухарина) истории общества, философией, формами культуры (наука, искусство) и практикой. Эта «четырехчленка» служила для Бухарина путеводной картой в запутанном клубке теорий, направлений, школ. Он ориентировался на нее в трактовке и науки и искусства.

Мы имели возможность убедиться в родстве его воззрений на эти формы культуры. Это касается как социогенеза указанных форм (обе являются порождением общественно-исторического процесса), так и их ничем не заменимой «огромной, жизненной, в том числе практической роли», даже, если сам ученый или художник считает себя абсолютно независимым от социальной практики. И один и другой прямо или опосредованно связаны с ней. Если практика, в которой укоренена наука, это производственно-техническая деятельность, то практическая направленность искусства выражена в «магии» преобразования человека, в воспитании его характера, в способности перерастать в «боевую силу» его поведения. К стилевым особенностям бухаринской мысли наряду с интегратизмом (ныне это принято называть системностью) следует отнести историзм.

Он испытывал жгучую потребность в знании о прошлом, чтобы уловить закономерное в ходе времени. Мы видим, что решение сугубо практической задачи планирования исследовательских работ представлялось ему научно обоснованным лишь в том случае, если оно строится на прогнозе. В философском плане прогноз предполагает своеобразный симбиоз строгой каузальности с телеологией (см. выше), в переводе же на язык плана — взаимоориентацию знания об объективных закономерностях развития науки (каузальность) с целями такого субъекта, как общество (телеология).

Закономерности же развития науки не могут быть «вычитаны» ниоткуда, кроме как из ее истории. Сходные стилевые особенности отличали философские искания Бухарина, когда вслед за наукой их предметом выступило искусство. И здесь он следовал принципу историзма, имея в виду не только прошлое, но и будущее, прогноз о котором он строил прослеживая динамику всего процесса, его логику и социальный вектор. Свой доклад на писательском съезде он начал с выяснения инвариантных «параметров»

поэзии, какими их запечатлели памятники древнеиндийской и древнекитайской культуры, где уже были выделены особые свойства поэтической речи, а завершил этот доклад обзор с «исторической вышки» (говоря его словами) задач советской поэзии, использующей мечту социалистического реализма. При этом с целью прогнозировать будущее он обращал взор советских поэтов к прошлому, к переломным эпохам, рождавшим титанов, в творчестве которых воплощались нетленные общечеловеческие ценности, такие как радость свободного коллективного труда, всемирного братства и др. (см. выше).

Смысл построения социалистического общества виделся в том, чтобы навсегда утвердить эти абсолютные гуманистические ценности.

Здесь эстетика Бухарина выступила как имеющая нравственную подоплеку. Истинная классовость (с точки зрения пролетариата) усматривалась в торжестве общечеловеческих начал духовной культуры. Определяя эту позицию в качестве единственно адекватной марксизму, Бухарин противопоставлял ее расистской идеологии. Но она противостояла также антигуманистической практике, получившей в стране по диктату Сталина невиданные в истории масштабы со времен коллективизации и резко усугубившейся с кровавой кампанией истребления «врагов народа», получившей санкцию в версии об обострении классовой борьбы. Несовместимость этой версии с бухаринским убеждением в том, что рабочий класс призван историей добиться того, чтобы на земле восторжествовали свободный труд и братство народов, очевидна.

Полемика Бухарина со сталинскими установками перешла в начале 30-х годов из области политики и экономики в область культуры. Она носила скрытый характер. И тем не менее Бухарину удавалось в течение нескольких лет отстаивать и развивать ленинский подход, который отличала убежденность в том, что в условиях социализма энергия народных масс неизмеримо возрастает благодаря творческому развитию каждого индивида. Бухарин ратовал за ленинскую концепцию человека — свободной личности, которой Сталин противопоставил концепцию человека — винтика бездушной государственной машины. При социализме, по Бухарину, возникает новый тип человека, «у которого интеллект и воля не раздвоены: он действительно познает мир, чтобы его изменить: созерцательность, простое изображение объективного без выяснения тенденций движения, без ориентации на практическое изменение предметного мира здесь уходят в прошлое».[81] Главная же тенденция усматривалась в том, что у человека его «внутреннее сознание» расширяется «до бесконечности». «Нет здесь границ, нет здесь пределов между богатством растущих личностей и великолепным триумфальным шествием общего коллективного богатства коммунистического общества: богатства экономического, технического, культурного».[82] Четко проведя в полемике с Андрэ Жидом различие между индивидуализмом и индивидуальностью, Бухарин ратовал за безграничное развитие «внутреннего сознания», интеллекта и воли этой индивидуальности,

которое может быть обеспечено только богатством развития народной жизни.

Бухарин отмечал, что после того, как «гигантские пласты новых людей поднимаются к настоящей культурной жизни», [83] наряду с этим экстенсивным ростом идет интенсивный — «рост этой культуры *вглубь*, сопровождающейся обогащением всех содержательных элементов человеческой трудящейся личности». [84] Благодаря этому «росту вглубь» «чрезвычайно резко подчеркнута *проблематика качества* решительно на всех фронтах. Проблема качества — это проблема разнообразности, множественности особенных подходов, индивидуализирования, углубления подходов и проч.». [85]

Говоря языком наших дней, Бухарин ставил на передний план принцип плюрализма, абсолютно противопоказанный сталинщине с ее девизом «незаменимых нет», с принципом «единогласия» как монотонного воспроизведения голоса «хозяина», выдаваемого за монолитность, выдаваемого за единодушие, в котором нет ни единой живой души. Бухаринская концепция социалистической культуры выступала в противовес этому как истинно гуманистическая, утверждающая самобытность личности, ее незаменимость, ее способность к самоактуализации в общечеловеческих ценностях. Таковым представлялся Бухарину архетип, прообраз человека в его неизвращенной социальными антагонизмами сущности.

Бухарин был первым в истории науки академиком-коммунистом. Ему дали звание академика беспартийные ученые, составлявшие гордость и совесть русской науки (В. И. Вернадский, А. Ф. Иоффе и др.).

Бухарин достойно соединил в своем творчестве оба начала: академическое и коммунистическое. Служение науке и служение идеалам людей труда, строящих новый социальный мир, были для него нераздельны. Как коммунист, он учил, что «в эту великую эпоху историческое мужество, героическое дерзание, творческая смелость принадлежит только одному классу — *пролетариату*, и только одному движению — *коммунизму*». [86]

Превосходно зная историю, Бухарин указывал противникам марксизма на неправомерность трактовки этого учения как эсхатологического, подобного отражавшим чаяния народных масс древним религиозным движениям «за веру»: раннему христианству, иудейским «пророкам», средневековым анабаптистам и др. [87] Марксизм, подчеркивал он, коренным образом отличается тем, что «то, что раньше трактовалось с точки зрения суверенной религиозной мысли, подлежит целиком научной трактовке, которая может быть лишь историко-материалистической». [88] Марксизм в науке он понимал как распространение и на эту сферу системного изучения сопряженности теории с революционным изменением действительности. Пионерский шаг Бухарина состоял в том, что и здесь — в сфере активности человеческого духа — разделялись и соотносились теория и практика. Теория как самопознание науки, с одной стороны, практика изучения природы вещей — с другой. Из этого вырастала важная идея: опираясь на теоретическую

рефлексию о закономерностях науки как особой интеллектуальной рациональной форме труда, разработать схему ее организации и регуляции, представив эту схему в виде плана с тем, чтобы «онаучить» сам исследовательский поиск. В деятельности Бухарина сомкнулись запросы, исходящие из главного штаба руководства тяжелой промышленностью в огромной стране, и традиции высокого академизма. Вдохновленная Лениным и развитая Бухариным концепция теоретически продуманного планирования исследовательских работ в масштабах страны стала «завязью» нового направления и в науке и в государственной политике. Впервые она была реализована в Советском Союзе. Вскоре взрывное развитие науки, стремительный ход научно-технического прогресса вынудили переориентироваться на сходную стратегию другие промышленно развитые страны.

Теория науки мыслилась Бухариным нераздельно с историей общества. Текущие задачи и заботы советской науки, непосредственно вовлеченной в дела и дни пятилеток, просматривались им со всемирноисторической высоты. Первым и главным пунктом в повестку дня социалистического строительства Бухарин ставил ленинский завет о том, чтобы «наука не оставалась модной фразой», а «действительно входила в плоть и кровь, превращалась в составной элемент быта вполне и настоящим образом».[89]

Определяя задачи научной политики, Бухарин указывал: «Наука у нас, как того требовал Ленин, должна стать всепроникающим принципом».[90] Возражая тем, кто усматривал в плановости подавление свободы, аннигиляцию творческой личности, Бухарин напоминал, что во все времена деятельность ученых регулировалась планом, ибо любое исследование носит рациональный, стало быть упорядоченный соответственно определенным нормам и правилам, характер. Эту неэксплицированную, но незримо правящую исследовательским трудом программу Бухарин назвал «внутренним планом». Но если так, то элементы планирования научного познания являются столь же древними, как и оно само. Эти элементы, отмечал Бухарин, можно найти уже в древнеегипетской науке (см. выше). Они получили особое развитие в условиях современного капитализма, где широкие масштабы приобрел процесс сращивания научно-исследовательских объединений с промышленными трестами и органами государственной власти.[91]

В чем же тогда заключалась революционная направленность бухаринской разработки принципа планирования науки, если со времен египетских фараонов он имплицитно направлял производство знаний? В том, что этот принцип впервые получил теоретическое обоснование и был «переплавлен» соответственно началам марксистской философии в орудие социалистической реконструкции великой страны.[92] Бухарин подверг критике сетования западных социологов (в частности, Макса Вебера) по поводу того, что неизбежное пришествие социализма означает «царство египетско-подобной бюрократии, опирающейся на всю технику, науку и тренаж по управлению, царство рационализации и механизации жизни, уничтожения личности, царство посредственности и т. д.»[93] Отвергая эти взгляды, Бухарин отстаи-

вал преимущества социализма. Вместе с тем в подтексте его страстной проповеди о миссии социализма в истории человечества звучал протест против насаждавшихся Сталиным методов «египетско-подобной бюрократии и уничтожения личности». Здесь выступает социально-практический смысл творчества Бухарина как исследователя науки. Его замыслы и действия вдохновлялись надеждой на то, что благодаря демократизации и гуманизации науки, проникающей во все поры общества, удастся все же удержаться на ленинском пути.

---

[1] КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 48.

[2] Там же. Т. 4. С. 429—436.

[3] В этом выступлении Сталин также намекнул на «сговор» Бухарина с левыми эсерами в период дискуссий о мирном договоре с Германией, чтобы «арестовать Ленина и произвести антисоветский переворот». Это обвинение через 9 лет фигурировало на процессе над «правотроцкистским блоком». См.: Судебный отчет по делу антисоветского «правотроцкистского блока», рассмотренному Военной коллегией Верховного суда Союза ССР 2—13 марта 1938 г. Стенографический отчет. М., 1938. С. 331—390, 678—689.

[4] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 345.

[5] Ленин, как известно, считал позицию Бухарина в этой дискуссии эклектической. См.: *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 42, 43.

[6] *Ленин В. И.* Замечание на книгу Н. И. Бухарина «Экономика переходного периода»//Ленинский сборник. XI. 2-е изд. М.; Л. 1931. С. 345—403.

[7] Там же. С. 400.

[8] Такое бездоказательное утверждение можно, в частности, встретить в «Истории философии». М., 1965, т. 6, кн. 1, где читаем: «Методологической основой философии Бухарина была не диалектика, а богдановщина с ее «универсальными тектологическими законами» (с. 69). Тем самым (хотя книга издана после XX съезда КПСС) в ней воспроизводятся стереотипы, почерпнутые из литературы времен сталинщины, когда все, что по любому поводу было сказано «врагом народа», априорно считалось враждебным методологии марксизма.

[9] *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. Т. 45. С. 364.

[10] Нет свидетельств того, что Бухарин выражал свое отношение к ленинскому письму, подобно Сталину, который заверял различные делегации XIII съезда (письмо зачитывалось не всему съезду, а делегациям), что он учтет критику Лениным его — Сталина — личностных качеств (грубость, нетерпимость и др.). Но Бухарин несомненно принял во внимание ленинские указания, о чем свидетельствуют его работы 30-х годов, где подвергается резкой критике (со ссылкой на Ленина) махистская теория познания (см. ниже). В юности Бухарин, по свидетельству близко знавшего его Д. П. Марецкого, одно время увлекается философией Р. Авенариуса. Ленин, как отмечалось, считал ошибкой Бухарина обращение к некоторым близким махизму терминам Богданова. В дальнейшем Бухарин подчеркнул несостоятельность махизма и ряда других идеалистических школ.

[11] Институт красной профессуры — специальное высшее учебное заведение — был организован согласно подписанному В. И. Лениным постановлению СНК РСФСР от 11 февраля 1921 г. в Москве.

[12] Термин придуман самим Сталиным. Другой прецедент, когда бы философская школа была названа именем политической партии, истории неизвестен. Скорее всего, Сталин окрестил группу философов-коммунистов этим именем, используя то обстоятельство, что наиболее крупный из них — А. М. Деборин — до 1917 г. принадлежал к меньшевикам. Разгром этой группы понадобился Сталину, чтобы сменившие ее молодые «икаписты», зная, что они обязаны своим приходом на руководящие посты Сталину, начали создавать вокруг него ореол преемника Ленина и по философской части.

В дальнейшем, большинство «меньшевиствующих идеалистов», в том числе и Я. Стэн, читавший Сталину лекции по философии, были по указанию Сталина уничтожены. Однако (очередная сталинская прихоть) остался на свободе «глава» этого направления А. М. Деборин, которого после XX съезда КПСС ознакомили с «показаниями» на него его бывших учеников, «признавшихся» в том, что они были членами созданной им антисоветской организации. (Личное сообщение академика А. М. Деборина).

[13] См., например: История философии. М., 1965. Т. 6. Кн. 1. С. 143.

[14] Заслуживает внимания и то обстоятельство, что, рассматривая вопросы гносеологии и онтологии, эстетики и логики, диалектики и праксеологии, Бухарин полностью игнорировал как продиктованное Сталиным постановление о «меньшевиствующем идеализме» (январь 1931 г.), так и «баталии» вокруг него. См.: КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1984. Т. 5. С. 264—265.

[15] Правда. 1930. 27 мая.

[16] Там же. 20 ноября.

[17] Литературная газета. 1988. 29 июня. № 26.

[18] «Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его». (*Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 42. С. 226).

[19] *Бухарин Н. И.* Поэзия, поэтика и задачи поэтического творчества в СССР//Наст. изд. С. 234.

[20] *Бухарин Н. И.* Научно-техническое обслуживание промышленности//Наст. изд. С. 397.

[21] *Бухарин Н. И.* Гете и его историческое значение//Наст. изд. С. 59.

[22] Там же. С. 64.

[23] Там же.

[24] Там же. С. 60

[25] Там же. С. 82.

[26] Там же.

[27] Там же. С. 63—64.

[28] Там же. С. 86.

[29] Там же. С. 61.

[30] Там же.

[31] Правда. 1929. 20 января.

[32] См., например: *Бухарин Н. И.* Учение К. Маркса и его историческое значение//Наст. изд. С. 120—233.

[33] Он занял должность заведующего научно-техническим управлением ВСНХ, а затем — заведующего научно-техническим сектором Наркомтяжпрома.

[34] См.: *Бухарин Н. И.* Производственная пропаганда//Наст. изд. С. 305—313.

[35] *Бухарин Н. И.* Школа, общественность, техническая пропаганда//Наст. изд. С. 335.

[36] Там же. С. 339.

[37] *Бухарин Н. И.* Основы планирования научно-исследовательской ра-

боты. Доклад на 1-й Всесоюзной конференции по планированию научно-исследовательской работы.//Этюды. М.; Л., 1932. С. 236—305.

[38] Там же. С. 244.

[39] *Бухарин Н. И.* О планировании научно-исследовательской работы (К постановке вопроса)//Наст. изд. С. 327.

[40] Там же. С. 331.

[41] *Бухарин Н. И.* Основы планирования научно-исследовательской работы//Этюды. М.; Л., 1932. С. 293.

[42] Там же. С. 296.

[43] Там же.

[44] Там же. С. 297.

[45] Там же. С. 292.

[46] *Коэн С.* Бухарин. Бухарин и большевистская революция. Политическая биография. Нью-Йорк, 1980. С. 366.

[47] *Бухарин Н. И.* Основы планирования... С. 293.

[48] См.: Там же. С. 251—256.

[49] *Бухарин Н. И.* Теория и практика с точки зрения диалектического материализма. (Доклад на 2-м Международном конгрессе по истории науки и техники)//Этюды. М.; Л., 1932. С. 59.

[50] *Коэн С.* Бухарин... С. 366.

[51] В делегацию входили академики Н. И. Вавилов, А. Ф. Иоффе, В. Ф. Миткевич, профессора Э. Кольман, Б. Гессен и др. Доклады советских ученых внесли новую, неожиданную для западных историков методологическую струю в исследование науки — ее прошлого и настоящего. Доклад впоследствии репрессированного Б. Гессена «Социально-экономические корни механики Ньютона» поставил проблему отношений между «внешними и внутренними» факторами развития науки, придав импульс разработке нового направления — социологии науки (в частности, классическим работам Р. Мертона). Доклад Бухарина привлек внимание ряда ученых анализом обусловленной плановым ведением хозяйства взаимосвязи между исследователями и промышленным производством. От этого анализа отправлялся Джон Бернал, критикуя ситуацию в западной науке и отстаивая важность планирования исследований в государственном масштабе.

[52] *Бухарин Н. И.* Теория и практика с точки зрения диалектического материализма//Этюды. М.; Л., 1932. С. 56.

[53] *Бернал Дж.* Двадцать пять лет спустя//Наука о науке. М., 1966. С. 261.

[54] *Бухарин Н. И.* Дарвинизм и марксизм//Наст. изд. С. 87—119.

[55] Там же. С. 90.

[56] Там же. С. 118.

[57] Там же.

[58] *Бухарин Н. И.* Учение К. Маркса и его историческое значение// Наст. изд. С. 120—233.

[59] *Бухарин Н. И.* Теория и практика с точки зрения диалектического материализма (доклад на 2-м Международном конгрессе по истории науки и техники в Лондоне в 1931 г.)//Этюды. М.; Л., 1932. С. 44.

[60] *Бухарин Н. И.* Учение К. Маркса и его историческое значение. С. 147.

[61] Этот термин употреблялся им в ином смысле, чем Т. Котарбиньским. О знакомстве Бухарина с идеями Котарбиньского сведений нет.

[62] *Бухарин Н. И.* Теория и практика... С. 37.

[63] Там же.

[64] Там же. С. 44.

[65] Известно, что он был блестящим знатоком поэзии как русской, так

и зарубежной (не только поэзии Запада, но и Востока) и живописи, причем сам обладал художественным дарованием.

[66] Так, например, «Литературная газета» (от 20 июля 1988 г.) перепечатала большой фрагмент из доклада Бухарина на писательском съезде, посвященный теоретическому обоснованию метода социалистического реализма.

[67] *Бухарин Н. И.* О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР.//Наст. изд. С. 292.

[68] Там же. С. 249.

[69] Там же.

[70] Там же.

[71] *Бухарин Н. И.* Гете и его историческое значение. С. 65.

[72] Там же. С. 81.

[73] *Бухарин Н. И.* О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР. С. 285.

[74] Там же.

[75] Там же. С. 266.

[76] *Прокушев Ю. Л.* Только правду. Вопросы истории. 1988. № 6. С. 108.

[77] Там же.

[78] Там же.

[79] *Бухарин Н. И.* О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР. С. 262.

[80] Там же. С. 264.

[81] Там же. С. 289.

[82] Там же. С. 291.

[83] Там же. С. 234.

[84] Там же.

[85] Там же. С. 235.

[86] *Бухарин Н. И.* Гете и его историческое значение. С. 86.

[87] «Эсхатологические фантазмы мятежных движений прошлых тысячелетий относятся к научным прогнозам Маркса как магические формулы шамана к радиовещанию» (*Бухарин Н. И.* Учение К. Маркса и его историческое значение. С. 127).

[88] Там же. С. 123.

[89] *Ленин В. И.* Полное собр. соч. Т. 45. С. 391.

[90] *Бухарин Н. И.* Основы планирования... С. 275.

[91] См. Там же. С. 250. Бухарин не просто констатировал динамику этого процесса, но проанализировал его по данным организации науки в промышленно-развитых странах Запада.

[92] Особого рассмотрения заслуживает огромная практическая деятельность Бухарина по реализации его новаторских подходов к проблемам прогностики, планирования и организации исследований. Он твердо следовал установке сосредоточить на данных проблемах научно-технические н хозяйственные кадры, создав в этих целях общенаучный журнал «Социалистическая реконструкция и наука» (издавался начиная с 1931 г.).

[93] *Бухарин Н. И.* Основы планирования... С. 239.

Проф. *М. Г. Ярошевский*

КРАТКИЙ КОММЕНТАРИЙ

АВТОБИОГРАФИЯ. С. 7—11

Автобиография Н. И. Бухарина написана для «Энциклопедического словаря» Русского библиографического института «Гранат». Словарь, возникнув в 1910 г., с перерывами выходил до 1948 г.

Отличительной особенностью издания является наличие в нем нескольких отдельных тематических словарей, среди них автобиографии деятелей СССР и Октябрьской революции, которые являются приложением к циклу статей «Союз ССР». Автобиографии написаны по программе, предложенной составителями словаря. Наибольшее внимание в них уделено обстановке и условиям, повлиявшим на развитие и формирование личности, последующая деятельность в период до начала 1925 г. раскрывается кратко и схематично. При таком подходе прежде всего оценка деятельности дается в других статьях словаря, освещающих ход революции и социалистического строительства. Автобиография Н. И. Бухарина печатается по изданию: Энциклопедический словарь Русского библиографического института «Гранат». 7-е переработанное издание, до 33-го тома под редакцией проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева, проф. К. А. Тимирязева. Социология — Союз ССР. Т. 41. В. 2. [1929]. Стб. 52—56.

ГЕЙНЕ И КОММУНИЗМ. С. 12—26

29 апреля 1931 г. в рамках апрельской сессии Академии наук СССР в Ленинграде (26—31 апреля) состоялось торжественное заседание, посвященное 75-летию со дня смерти Генриха Гейне (1797—1856). Открыл заседание академик Н. С. Державин. С докладами выступили: А. В. Луначарский — «Гейне-мыслитель», М. Н. Розанов — «Гейне-лирик» и Н. И. Бухарин — «Гейне и коммунизм» (ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 1 (1931), № 26, л. 283—314; № 30, л. 7, 12 об.).

Творчество поэта сопровождало Бухарина с детства, отец Иван Гаврилович прекрасно знал русскую литературу, а из иностранной у него

«в большой чести был Гейне». Отец сумел привить эту любовь сыну, и, как отмечает Бухарин в Автобиографии, Гейне он знал «страницами наизусть» (наст. изд., с. 7—8). Доклад Бухарина был опубликован в «Литературной газете» (1931. 10 мая. № 25), журнале «Большевик» (1931. № 9. С. 51—60) и вошел в сборник «Этюды» (М.; Л. 1932. С. 177—191).

В настоящем сборнике приводится по последней публикации.

БОРЬБА ДВУХ МИРОВ И ЗАДАЧИ НАУКИ. С. 27—52

21—27 июня 1931 г. проходила выездная сессия Академии наук СССР в Москве, которая была посвящена теме «Что может дать наука для осуществления лозунга «догнать и перегнать» капиталистические страны?». Это была первая сессия Академии наук, работа которой протекала вне Ленинграда (до 1934 г., как известно, ведущие учреждения Академии находились в Ленинграде). Эта сессия явилась смотром научных сил Академии перед советской общественностью. В первый день с вступительной речью «На помощь социалистическому строительству» выступил вице-президент Г. М. Кржижановский, охарактеризовав роль и задачи Академии наук в борьбе за выполнение первого пятилетнего плана (Вестник Академии наук. 1931, внеочер. номер. Стб. 3—10). Затем с докладом, освещающим проблему в общем значении, «Наука СССР на перевале всемирной истории» выступил Н. И. Бухарин. «Блестящий доклад Н. И. Бухарина вместе с социальными заказами заводов, — как отметил академик В. Л. Комаров, — сразу дал сессии совершенно определенное направление; дал ей четкое лицо и установил столь же определенные взаимоотношения с аудиторией» (Вестник Академии наук. 1931. № 1. Стб. 16).

Сессия обсуждала вопросы о создании филиалов АН СССР и об увеличении числа технических кафедр. Были заслушаны специальные доклады по отдельным научным дисциплинам академиков А. Н. Крылова, И. М. Губкина, В. Ф. Миткевича, В. С. Гулевича, С. Г. Струмилина, А. В. Луначарского и др. Закрывая сессию, В. П. Волгин отметил, что «сессия подводит некоторый итог по реорганизации Академии наук и является как бы отчетом ее перед пролетариатом. Основное ее значение то, что она поколебала ту стену, которая отделяла квалифицированных работников Академии от пролетарской общественности» (Вестник Академии наук. 1931. № 1. Стб. 44). Готовя отдельное издание выступления, Бухарин изменил название доклада на «Борьба двух миров и задачи науки», указав в скобках первоначальный вариант. Доклад вошел в сборник «Этюды» (М.; Л., 1932. С. 9—34). В настоящем сборнике публикуется по отдельному изданию: *Бухарин Н. И.* Борьба двух миров и задачи науки (наука СССР на перевале всемирной истории). М.; Л., 1931. Сохранено название доклада, данное ему при публикации.

ГЕТЕ И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. С. 53—86

100-летие со дня смерти Иоганна Вольфганга Гете (1749—1832) широко отмечалось в стране (торжественные заседания, выставки, специальные выпуски журналов и газет, начало издания Собрания сочинений в 13 т. под редакцией Л. Б. Каменева, А. В. Луначарского и М. Н. Розанова и т. д. — Известия ЦИК. 1932. 23 марта. № 82; 26 марта. № 85). Академия наук СССР отметила 100-летие со дня смерти И. В. Гете проведением в Ленинграде двух торжественных заседаний: 26 марта 1932 г. в зале Филармонии и 30 марта в Большом зале Академии наук (Известия ЦИК. 1932. 28 марта. № 87; Вестник Академии наук СССР. 1932. № 4. Стб. 59—60). На торжественном заседании 26 марта после краткого вступительного слова президента Академии наук А. П. Карпинского были заслушаны доклады А. В. Луначарского «Гете и его время», В. Л. Комарова «Метаморфоза растений в произведениях Гете» и Н. И. Бухарина «Гете и его историческое значение», который был посвящен социально-философским воззрениям поэта. Заседание закончилось концертом, составленным из музыкальных произведений, связанных с сочинениями Гете. Доклад Н. И. Бухарина был опубликован в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1932. В. 4. С. 7—33). Вошел в сборники «Гете. Доклады, прочитанные на торжественных заседаниях в память Гете 26 и 30 марта 1932 г.» (Л. 1932. С. 8—43) и «Этюды» (М.; Л., 1932. С. 143—176), в этом же году выпущен отдельной брошюрой в издательстве «Академия наук». В настоящем сборнике доклад публикуется по отдельному изданию.

ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ. С. 87—119

19 апреля 1932 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов состоялось совместное торжественное заседание, организованное Академией наук СССР, Коммунистической академией при ЦИК СССР и Академией сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, посвященное 50-летию со дня смерти Чарлза Дарвина (1809—1882). С докладами выступили Н. И. Бухарин — «Дарвинизм и марксизм», Н. И. Вавилов — «Дарвин и его значение в истории биологических наук» и Б. М. Завадовский — «Дарвинизм и эволюционное учение» (Известия ЦИК. 1932. 18 апреля. № 108). Доклад Бухарина в сокращенном виде был опубликован в газете «За коммунистическое просвещение» (1932. 23 апреля. № 96), в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1932. В. 5. С. 10—34); по распоряжению Академии наук в этом же году был выпущен двумя изданиями и включен автором в сборник «Этюды» (М.; Л., 1932. С. 108—139). В настоящем сборнике доклад печатается по первому отдельному изданию.

26 апреля 1932 г. в Ленинграде во дворце им. М. С. Урицкого состоялось совместное заседание Академии наук СССР, Ленинградского отделения Коммунистической академии при ЦИК СССР и Общества биологов-

марксистов, посвященное 50-летию со дня смерти Ч. Дарвина. На заседании были заслушаны доклады М. А. Мензбира «Что дал науке Дарвин», Я. М. Урановского «Дарвинизм и классовая борьба», Н. И. Вавилова «Дарвин и его роль в развитии биологических наук», Н. И. Бухарина «Дарвин и Маркс» (ВАН. 1932. № 5. Стб. 50; Вестник Коммунистической академии. 1932. № 4—5. С. 119). Текст доклада пока не обнаружен.

УЧЕНИЕ МАРКСА И ЕГО ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ.
С. 120—233

17 марта 1933 г. в Большом зале Академии наук в Ленинграде состоялось Общее собрание Академии наук, посвященное 50-летию со дня смерти Карла Маркса. С докладом «К. Маркс и его историческое значение» выступил Н. И. Бухарин и «К. Маркс и классовая идеология современности» — А. М. Деборин (Вестник Академии наук. 1933. № 3. Стб. 1—10).

Доклад Н. И. Бухарина, в более расширенном виде и с немного уточненным названием, был опубликован в марте—июне 1933 г. в журнале «Социалистическая реконструкция и наука». В конце года был подготовлен большой академический сборник «Памяти К. Маркса», который состоял из докладов, читанных на торжественных заседаниях, посвященных памяти К. Маркса, и вышел под редакцией Н. И. Бухарина и А. М. Деборина. Сборник открывался докладом Бухарина (с. 7—99); в числе авторов были А. М. Горький, С. И. Вавилов, В. П. Волгин, В. Л. Комаров и мн. др. Материалы по подготовке сборника сохранились в ЛО Архива Академии наук СССР (ф. 154, оп. 1, № 68; оп. 2, № 100, 101), среди них машинописная рукопись расширенного доклада Бухарина (ф. 154, оп. 2, № 101, л. 209—380).

В настоящий сборник расширенный доклад Н. И. Бухарина «Учение Маркса и его историческое значение» включен по первой публикации в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1933. В. 3. С. 3—28; В. 4. С. 3—20; В. 5. С. 5—23; В. 6. С. 3—26).

О ПОЭЗИИ, ПОЭТИКЕ И ЗАДАЧАХ ПОЭТИЧЕСКОГО ТВОРЧЕСТВА В СССР
С. 234—304

17 августа — 1 сентября 1934 г. в Москве проходил I Всесоюзный съезд советских писателей (Культурная жизнь в СССР. 1928—1941. Хроника. М.: Наука. С. 411). Съезд открыл А. М. Горький. Съезд обсудил доклады о детской литературе, о поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества, о международной художественной литературе, о развитии национальных литератур союзных республик (Первый Всесоюзный съезд советских писателей. Стенографический отчет. М. 1934). Съезд утвердил Устав и избрал Правление Союза писателей СССР.

28 августа на девятнадцатом вечернем заседании с докладом «О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР» выступил Н. И. Бухарин. Доклад вызвал бурное обсуждение, и 30 августа в заключительном слове Бухарин попытался ответить на вопросы, которые возникли в ходе дебатов (Первый Всесоюзный съезд писателей. Стенографический отчет... с. 573—577). Некоторые участники съезда многое не поняли и сочли выступление Бухарина очень резким, поэтому 1 сентября он обратился в президиум съезда с письменным заявлением, в котором еще раз разъяснил, что оценки отдельных авторов «не могут быть, разумеется, поняты как директивные и общеобязательные. Я (Н. Бухарин. — *Г. С.*) отнюдь не стремился и не стремлюсь к подрыву авторитета или дискредитированию своих оппонентов как поэтов и ни в какой мере не хотел оказать такого давления на съезд. В своем докладе я указал на опасности и недостатки у отдельных товарищей — в целях исправления этих недостатков, как я их понимал — не более того» (там же, с. 671). Доклад был опубликован в газетах 30 августа 1934 г. (Правда, № 239; Известия ЦИК, № 204; Литературная газета, № 115).

В 1934 г. доклад Бухарина вышел двумя изданиями в издательстве «Художественная литература». В настоящем сборнике доклад и заключительное слово печатаются по стенографическому отчету съезда (с. 479—504, 573—577). При публикации сохранены все ремарки и курсивы, встречающиеся в тексте стенограммы.

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ ПРОПАГАНДА. С. 305—313

20—22 ноября 1920 г. в Свердловском зале Кремля проходила Московская губернская конференция РКП(б). На повестке дня стояли доклады: о деятельности Московского комитета РКП(б), о внешнем и внутреннем положении и задачах партии, об экономическом положении страны, о производственной пропаганде — и выборы Московского комитета. 21 ноября на вечернем заседании конференции с двухчасовым обширным докладом «Наше внешнее и внутреннее положение и задачи партии» выступил В. И. Ленин (Полн. собр. соч. Т. 42. С. 17—38). 22 ноября были заслушаны доклады Председателя ВСНХ А. И. Рыкова «Об экономическом положении России и ближайших перспективах» и Н. И. Бухарина «О производственной пропаганде» (Коммунистический труд. 1920. 23 ноября. № 204). Доклад Бухарина был опубликован в том же году отдельной брошюрой. Печатается по этому изданию.

ИЗ «ТЕОРИИ ИСТОРИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА». С. 314—323

«Теория исторического материализма», увидевшая свет в 1921 г., — один из талантливых и значительных теоретических трудов Н. И. Бухарина. Автор рассматривает исторический материализм как составную часть

марксистской философии и одновременно как общую социологическую теорию, как науку об общих и специфических законах фуикционирования и развития общественно-экономических формаций, приводит ряд своеобразных и оригинальных формулировок осиовиых категорий исторического материализма, дает меткую характеристику различных социологических школ и вскрывает псевдомарксизм примыкающих к марксизму течений. Книга родилась из лекций и семинарских занятий, проводимых Бухариным в Свердловском уииверситете в Москве, и после выхода стала популярнейшим учебным пособием не только в высших учебных заведениях страиы, но и среди «рабочих, ищущих марксистских знаний». Работа Бухарина получила высокую оценку у современиков. «Из социологических работ Бухарииа на первом месте стоит его известиая киига «Теория исторического материализма». Здесь Бухарин обосновывает и развивает исторический материализм, как метод марксизма, или как марксистскую социологию. Развиваемая Бухариным «Теория» не везде строго согласоваиа с утвердившимися в марксизме взглядами, но в кииге всюду сквозит несомненная талантливость, живая и яркая мысль, умеиие подходить к труднейшим вопросам просто, ясио, оригинальио, попутио и разрешая, и будируя... «Теория исторического материализма» является непревзойдениой по блеску изложеиия и популяризации наиболее трудных проблем марксистской социологии» (ЛО ААН СССР, ф. 2, оп. 11, № 62, л. 16). С 1921 по 1929 г. книга выдержала более 10 издаиий и переведена на все европейские и многие азиатские языки. В настоящем сбориике приводятся страницы о иауке как одиой из составных частей надстройки. Автор дает определеиие поиятию «наука», объясняет возникиовеиие, роль ее в обществе, связь иауки с практикой, с производством и т. д. Публикуется по первому издаиию (М., 1921. С. 180—191).

О ПЛАНИРОВАНИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ (К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА). С. 324—333

В коице 20-х — иачале 30-х годов остро встал вопрос о плаиировании иауки. Стало ясно, что только при помощи глубоко продумаииого плаиа исследований, основаниого иа общем плаие развития иародиого хозяйства, можио сконцентрировать усилия ученых на иаиболее актуальиых проблемах научно-технического прогресса и успешном решении задач, поставлеиных первым пятилетним плаиом. В апреле 1931 г. была проведеиа I Всесоюзная коиференция по планированию научно-исследовательских работ. Впервые в истории науки был поставлен, причем в широчайшем масштабе, вопрос о планироваиии исследовательской работы, что считалось невозможным и иесовместимым с так иазываемой свободой иаучиого творчества. На конференции с обстоятельиым докладом «Планирование научно-исследовательской работы» выступил Н. И. Бухарин (I Всесоюзная конфереиция по планированию научно-исследовательской работы. 6—11 апреля

1931 г. Стенографический отчет. М.; Л., 1931. С. 13—62). Публикуемая в настоящем сборнике статья «О планировании научно-исследовательской работы. (К постановке вопроса)» написана в период подготовки конференции и является одним из первых обращений автора к данной теме. В ней еще только намечаются пути правильного и осмысленного подхода к вопросам текущего и перспективного планирования, которые найдут более глубокое освещение в докладах и трудах Бухарина последующего периода (Основы планирования научно-исследовательской работы. М.; Л., 1931; Техническая реконструкция и текущие проблемы научно-исследовательской работы. М., 1932, и др.). Статья Н. И. Бухарина о планировании открывала первый номер созданного в 1931 г. нового журнала «Вестник Академии наук СССР». Статья печатается по этому изданию (стб. 13—24).

ШКОЛА, ОБЩЕСТВЕННОСТЬ, ТЕХНИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА. С. 334—346

10—16 августа 1931 г. проходила I Всесоюзная конференция по производственному обучению в фабрично-заводских семилетках (ФЗС), созванная Наркомпросом. На конференции обсуждались задачи приближения образования к требованиям науки, техники и социалистического строительства, лучшего вовлечения инженерно-технических сил в практическую работу школ ФЗС, а также программы политехнической школы, вопросы организации и содержания производственного обучения. Открыл конференцию нарком просвещения А. С. Бубнов (Известия ЦИК. 1931. 12 августа. № 221). 11 августа с большим докладом о программе политехнической школы и производственном обучении выступила Н. К. Крупская (Там же. 13 августа. № 222). 12 августа конференция заслушала доклад С. Е. Гайсиновича об организации и содержании производственного обучения в ФЗС (Там же. 14 августа. № 223). 13 августа от имени недавно организованного сектора технической пропаганды при ВСНХ СССР конференцию приветствовал Н. И. Бухарин (Там же. 15 августа. № 224). В своей речи Бухарин подчеркнул необходимость создания широкого технического актива из рабочих и научно-технической общественности, организации добровольных обществ из студентов ВТУЗов и научных работников НИИ, которые должны стать пропагандистами технических знаний среди трудящихся. Речь публикуется по отдельному изданию: *Бухарин Н. И.* Школа, общественность, техническая пропаганда. М.: Наркомпрос РСФСР — ОГИЗ. Учпедгиз. 1931.

МИРОВОЙ КРИЗИС, СССР И ТЕХНИКА. С. 347—373

25 ноября — 1 декабря 1932 г. в Москве в Колонном зале Дома Союзов проходил Всесоюзный съезд инженеров и техников. На съезде обсуждались задачи и перспективы технической реконструкции в годы второй пятилетки

и работа научных инженерно-технических обществ (Известия ЦИК. 1932. 26 ноября. № 326). На съезде были заслушаны доклады Председателя Совнаркома В. М. Молотова «О технической интеллигенции» (Там же. 30 ноября. № 330) и члена президиума Госплана СССР М. И. Рубинштейна «О задачах и перспективах технической реконструкции во второй пятилетке» (Там же. 29 ноября. № 329). 1 декабря на заключительном заседании с приветствием к съезду от Наркомтяжпрома и докладом «Мировой кризис, СССР и техника» выступил Н. И. Бухарин (Там же. 2 декабря. № 332). Доклад опубликован в газете «Правда» (1932. 15—16 декабря. № 345, 346) и в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1932. В. 9—10. С. 3—22). В сборнике публикуется по журнальному варианту.

НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОЕ ОБСЛУЖИВАНИЕ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. С. 374—397

26 января — 10 февраля 1934 г. в Москве проходил XVII съезд ВКП(б). Главное внимание на съезде было уделено проблемам социалистического строительства. XVII съезд ВКП(б) утвердил резолюцию «О втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд. 9. Т. 6. М., 1985. С. 102—146). Основной хозяйственной задачей пятилетнего плана (1933—1937 гг.) съезд признал завершение технической реконструкции всего народного хозяйства и освоение новой техники. Важнейшими условиями быстрого развития экономики и роста производительности труда становились дальнейшее совершенствование методов хозяйственного руководства, подготовка квалифицированных кадров, создание производственно-технической интеллигенции, развитие советской науки и техники. Статья Н. И. Бухарина написана после работы XVII съезда ВКП(б) и подводит некоторые итоги первой пятилетки; в ней автор подчеркивает, «что громадное развертывание строительства вызвало к жизни все более планомерное применение науки к производственному процессу», и иллюстрирует эту мысль, прослеживая все функции по научно-техническому обслуживанию тяжелой промышленности от организации научно-исследовательских работ до кружков техминимума. Статья напечатана в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1934. В. 3. С. 3—20). В настоящем сборнике публикуется по этому изданию.

РЕЦЕНЗИИ. С. 398—405

В настоящем сборнике печатаются по публикации в журнале «Социалистическая реконструкция и наука» (1931. В. 1. С. 180—183).

ПРЕДИСЛОВИЕ К КНИГЕ «ИСТОРИЯ ТЕХНИКИ».
С. 406—412

В марте 1932 г. на базе Комиссии по истории знаний был организован Институт истории иауки и техиики, директором которого стал академик Н. И. Бухарии. Организация института способствовала повышению уровня научиых исследований в области естествознания и техиики. В 1932 г. была начата работа иад большим коллективиым трудом по истории техники всех времеи и иародов (ЛО ААН СССР, ф. 154, оп. 1, д. 100, л. 6). «Вся подготовительная работа, состоящая в подборе соответствующего, весьма значительиого коллектива иаучных работиików, в проработке основ издания и составлении его плана, потребовавших ряда широких заседаний и совещаний, наконец, в обеспечении издательской базы, ведется под непосредственным руководством академика Бухариина и должна быть закончена в течение четырех лет», — читаем в «Отчете о деятельности Академии наук СССР за 1932 г.» (Л., 1933. С. 67). Результатом этой работы явился выход в 1936 г. в «Трудах института истории иауки и техники» (серия IV) «Истории техники» (т. 1, ч. 1); том был посвящен истории возникновения и развитии первобытной техники. Предисловие к этому изданию, которое было написано Бухариным, публикуется в иастоящем сборнике.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМО — Автомобильное московское общество
ВАН — Вестник Академии наук СССР
ВИВ — Всесоюзный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия
ВОСХИМ — Всесоюзное государственное объединение сахарного и химического машиностроения
ВСНХ — Высший совет народного хозяйства
ГАЗ — Горьковский автомобильный завод
ЗСФСР — Закавказская Социалистическая Федеративная Советская Республика
ЛО ААН — Ленинградское отделение Архива АН СССР
НИС — Научно-исследовательский сектор
НКТП — Народный комиссариат топливной промышленности
ОГН — Отделение гуманитарных наук АН СССР
ОНТИ — Объединение научно-технических издательств
ОС — Общее собрание АН СССР
САСШ — Северо-Американские Соединенные Штаты
СТЗ — Сталинградский тракторный завод
ФЗС — Фабрично-заводская семилетка
ХТЗ — Харьковский тракторный завод
ЦАГИ — Центральный аэрогидродинамический институт
ЦИТЭИН — Центральный институт технико-экономической информации

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Авенариус Р. 441
Адлер М. 137, 172, 179, 218
Айхенвальд А. 422
Акопян А. 280
Александров И. Г. 430
Алексеев В. М. 237, 415, 416, 423, 424
Алексеев Н. Н. 158
Анандавардхана 237
Анфантен 15, 17
Аристотель 95, 144
Аристофан 125, 330
Архангельский А. Д. 423, 424, 426, 430, 431
Архимед 318
Асеев Н. Н. 272, 279, 294, 295, 301

Багрицкий Э. Г. 266, 272
Байрон Д. 66, 78, 85, 274
Бакунин М. А. 220
Бальзак О. 15
Бальмонт К. 238
Барбье О. 262, 304
Бартольд В. В. 415, 423
Бауэр Б. 133, 163, 362
Бауэр О. 172
Бах А. И. 423, 424
Бебель А. 202
Бедный Д. 261—262, 266, 295, 297—298, 303—304, 476
Безыменский А. И. 245, 265, 283, 295, 297, 301—303, 476
Бек К. 400
Белов Г. фон 125, 129
Белопольский А. А. 423
Белый А. 238, 258
Бем-Баверк Е. 10, 11, 125, 178, 181, 195—196, 421, 438, 445, 450
Беранже П. Ж. 262
Бергсон А. 95
Бердяев Н. А. 123, 142
Берлиоз Г. 15
Бернал Д. 464
Берне Л. 16, 18, 22, 61
Бернштейн С. Н. 423, 424
Бертло М. 96
Бетховен Л. ван 53, 60, 62, 82—85, 248, 454, 455
Блок А. А. 25, 255—256, 297
Богаевский Б. Л. 432
Богославский М. М. 415, 423
Богданов А. А. 448, 452
Бокаччио (Боккаччо) Дж. 82
Бонн М. 36, 46
Бордо А. 318
Борисов 238
Борисяк А. А. 423, 424, 432
Бородин И. П. 423
Борткевич 195
Брандлер 441
Брауэр Л. 398
Брик Л. Ю. 477
Бриф Б. 351
Брэм А. Э. 7
Брюсов В. Я. 253, 255, 258—260, 273, 274, 297
Бубнов А. С. 492
Бузескул В. П. 415, 423
Булгаков С. Н. 190
Бухарин И. Г. 437
Бэкон Р. 106
Бэкон Ф. 65, 72, 133, 325
Бюхер К. 129
Бюхнер-Молешотт Л. 133, 144

Вавилов Н. И. 101, 116, 432, 465, 467, 484, 489
Вавилов С. И. 423, 424, 432, 489

Вагнер А. 107, 137, 205
Вагнер Р. 248
Валленштейн А. 54
Васильев П. 280, 302
Вебер М. 123, 125, 129, 165—166, 176, 183, 206, 481
Вейтлинг В. 13, 230
Вейц 39
Веллингтон А. У. 87
Верлен А. 250
Вернадский В. И. 6, 423, 430, 431, 435, 458
Вернер 371
Верхарн Э. 259, 292
Вессель Х. 264
Визер Ф. 10, 421, 438
Вик д'Азир Ф. 74
Вико Д. 110
Виланд 57
Виндельбанд В. 132
Виндшу 41, 51
Винкельман И. И. 57
Виноградов И. М. 423, 424, 429
Виппер Р. Ю. 129, 320, 321
Вирхов Р. 96
Витгенштейн 473
Владимирцов Б. Я. 415, 416, 423, 424
Волгин В. П. 426, 430—432, 489
Вольтман Л. 108
Вольтер (Аруэ Ф. М.) 57
Вольф К. Ф. 56
Вундт В. М. 132, 138
Вэблэн 368

Гайсинович С. Е. 342, 492
Гален К. 316
Гамбаров Ю. С. 486
Гардинг С. 364
Гартман Э. 155
Гартунг П. 398
Гегель Г. В. Ф. 13, 16—17, 20, 53, 60, 65, 76, 82—84, 122, 131, 133, 140—142, 144, 154, 155, 160, 202, 243, 252, 324, 454, 455, 457
Гедройц К. К. 423, 424
Гейне Г. 7, 12—26, 262, 267—268, 274, 292, 297, 487
Гельпах В. 399
Гервег Г. 15
Гердер И. Г. 66, 68, 78
Гертцель А. 35
Гессен Б. 484
Гете И. В. 53—86, 155, 430, 454, 455, 456, 476, 485, 488
Гизо Ф. П. Г. 93
Гильфердинг Р. 179, 353, 445
Гиппократ 316
Гитлер А. 181
Глинка К. Д. 421
Гоббс Т. 106, 107, 133
Голиаф 38
Гольбах П. А. 65
Горацио 322
Горбачев М. С. 6, 434, 436
Гортером 440
Горький А. М. 255, 430, 432, 489
Готгейм 41
Готье Т. 15
Гофман 440
Грамм З. Т. 318
Григорьев А. А. 25
Грушевский М. С. 415, 416, 423, 424
Губкин И. М. 423, 424, 425, 430, 487
Гувер Г. К. 36
Гуковский М. А. 431, 436
Гулевич В. С. 423, 424, 487
Гумбольдт А. фон 15
Гумбольдт В. 241
Гумилев Н. С. 238
Гулеплович Л. 129, 205
Гундольф Ф. 62, 63
Густав IV 54

Дарвин Ч. 75, 87—119, 155, 430, 465, 468, 488
Деборин А. М. 415, 416, 423, 424, 425, 430—432, 483, 489
Девриен А. Ф. 7
Державин Н. С. 486
Делакруа Э. 304
Демокрит 133
Демьянов Н. Я. 423, 424
Де Фриз Х. 101
Джемс В. 71, 150
Джентилс Д. 129
Джуитт 364
Дизель Е. 355
Диодор 322
Дирак П. 116
Дитцель Х. 193
Дмитриев И. 253
Долголевский 438
Допш А. 125, 129
Дриш 151
Дюринг Е. 91

Есенин С. А. 255, 257, 270, 297, 477
Ефремов Д. В. 433

Жаров А. А. 268—271, 297, 301
Жебелев С. А. 415, 423
Железнов В. Я. 486
Жид А. 290—291, 479
Жирмунский В. М. 246—248
Жорж-Занд см. Санд Ж.
Жоффр Ж. Ж. 33, 92

Заболотный Д. К. 423, 424
Заборинский П. П. 436
Завадовский Б. М. 488
Зальц А. 351, 352, 362, 363
Зелигмэн А. 129, 163
Зелинский Н. Д. 423, 424
Зиммель Г. 65, 125, 129
Зингер К. 48
Золя Э. 286, 287
Зомбарт В. 30, 37, 121, 122, 125, 126, 128—130, 160, 176, 183, 230, 371, 450

Ильина М. 109
Иогансен 101
Иоффе А. Ф. 423, 426, 432, 458, 480, 484
Ипатьев В. Н. 423
Истрин В. М. 415, 416, 423

Кайгородов 7
Калинин М. И. 417
Каменев Л. Б. 488
Каменский В. А. 436
Каменский В. В. 280
Кант И. 59, 65, 67, 96, 137, 140, 151, 243, 287
Карвер Т. Н. 121, 353, 354, 367
Карпинский А. П. 415, 416, 423, 488
Карский Е. Ф. 415, 423
Каутский К. 164, 172, 188, 216, 223, 444, 449, 450
Кейн И. К. 29
Келлер Б. А. 432
Кельзен Х. 203, 209—215, 217—218, 220, 223, 230
Кириллов 265
Киров С. М. 420
Кирсанов С. 294, 299—302
Кистяковский Б. А. 201, 211
Кистяковский В. А. 423, 424
Клопшток Ф. Г. 57
Ковалевский М. М. 129, 486
Коковцов П. К. 415, 423
Кольман Э. 484
Кольнаи 108
Колумела 322
Комаров В. Л. 423, 426, 430, 432, 435, 488, 489
Конде 54
Конт О. 107, 286
Корнилов Б. П. 271
Корш 8
Костычев С. П. 423
Котарбиньский Т. 484
Коэн С. 462, 484
Крачковский И. Ю. 415, 423, 432
Кржижановский Г. М. 368, 415, 416, 423, 424—426, 432, 437, 487
Кропоткин П. А. 220
Кроче Б. 129
Крупская Н. К. 344, 492
Крученых А. Е. 250
Крылов А. Н. 423, 431, 487
Крылов Н. М. 423, 424
Кугельман Л. 108, 109, 215
Кулишер И. 88
Купала Я. 280
Курнаков Н. С. 423, 431, 432
Кустодиев Б. М. 303
Кювье Ж. 95, 96, 98

Лабриола А. 172
Лавров П. А. 367, 415, 423
Лавров П. Л. 113
Лазарев П. П. 423
Ламарк Ж. Б. 75, 92, 98, 155
Ламетри Ж. 402
Лампрехт К. 129
Ланге 108
Лассаль Ф. 15, 193, 220, 222
Лапидус 421
Лахути А. 280
Леви 40
Левинсон-Лессинг Ф. Ю. 423
Лейбниц Г. В. 95, 318
Леонтьев 422
Ленин В. И. 3, 9—10, 112, 140, 143, 145, 148—149, 190, 200, 203, 204, 223, 274, 342, 344, 345, 402, 418, 419, 421, 430, 434, 438, 440, 443, 444, 446, 449, 451, 452, 456, 462, 468, 471, 473, 475, 481, 482, 490

Ленин Н. см. Ленин В. И.
Лессинг Г. Э. 78, 245
Либих Ю. 88, 96
Либкнехт К. 440
Линней К. 95
Лист Ф. 15
Лихачев Н. П. 415, 423
Лихтенштадт В. О. 69
Лория А. 108, 129, 205
Луговской В. А. 280
Лузин Н. Н. 415, 416, 423, 424
Лукин Н. М. 415, 416, 423, 424—425, 432
Луначарский А. В. 487, 488
Лысенко Т. Д. 468
Людовик XIV 55
Люксембург Р. 11, 190, 419, 421
Ляпунов Б. М. 415, 423

Майер Р. Ю. 96
Макиавелли Н. 211, 223
Мальтус Т. Р. 35, 92—93, 108, 111, 228
Мандельштам Л. И. 423, 424
Марецкий Д. П. 413, 421, 437, 450, 453, 482
Маркс К. 12, 15—18, 22, 24, 28, 73, 87—88, 93, 103—106, 109—112, 114, 120—233, 257, 265, 284, 344, 345, 348, 358, 406, 407, 410, 418, 430, 444, 449, 454, 457, 462, 466, 468, 470, 471, 484, 485, 489
Марр Н. Я. 295, 415, 423, 428, 429, 431
Мархлевский Ю. Ю. 440
Маслов П. П. 415, 416, 423, 424, 430, 441
Матьез Г. 129
Мах Э. 315, 320
Маяковский В. В. 261—265, 277, 279, 293, 295, 297, 299, 302, 477
Мейер А. 398, 399
Мейер Э. 125, 129
Менгер К. 421
Менделеев Д. И. 106, 127
Мендель Г. И. 101, 465
Мендельсон М. 265
Мендельсон-Бартольди А. 398
Мензбир М. А. 423, 424, 489
Менцель В. 61
Мерк 68
Мертон Р. 484
Мечников И. И. 70
Мещанинов И. И. 432
Минье Ф. О. 17, 93
Миткевич В. Ф. 423, 424, 431—433, 484, 487
Михельс Р. 129, 222, 229
Мишле Ж. 17
Молотов В. М. 370, 453, 492
Мольер Ж. Б. 8
Морган Т. Г. 101
Муромцев С. А. 486
Мюнстерберг Г. 149

Навашин С. Г. 423
Надсон Г. А. 423, 424
Наполеон Бонапарт 13, 58—59, 66
Незвал В. 294
Некрасов А. Д. 115
Некрасов Н. А. 287
Никольский Н. К. 415, 416, 423
Ницше Ф. 75
Новомеский Л. 294, 300
Ньютон И. 318

Образцов В. Н. 420
Обручев В. А. 423, 424
Ольденбург С. Ф. 415, 423, 424, 426, 428, 431—432, 435
Оппенгеймер Ф. 11, 187, 197, 205, 419, 421, 438, 450
Орбиньи д'А. 96
Орджоникидзе Г. К. 347, 457
Орлов А. С. 430
Осинский В. В. 427
Оствальд В. 399
Остлер Р. 90
Островитянов 422
Острогорский М. Я. 222
Оуэн Р. 74

Павлов И. П. 293, 423, 428, 449, 480, 485
Парето В. 129, 229
Пастер Л. 96
Пастернак Б. Л. 272—275, 297—298, 302, 476
Перетц В. Н. 415, 416, 423
Петрарка Ф. 82
Петри Г. 179, 195
Петрушевский Д. М. 415, 416, 423, 424
Петти В. 127
Писарев Д. И. 14, 25
Платонов С. Ф. 415, 423

Пленге И. 123, 127
Плеханов Г. В. 94, 172, 367, 417, 418
Покровский М. М. 415, 416, 423, 424
Покровский М. Н. 415, 416, 423, 424—426, 437
Попп А. 359
Потебня А. А. 241, 242, 475
Преображенский Е. А. 11, 437, 449
Прокофьев А. А. 280
Прокушев Ю. Л. 477, 478
Прудон П. Ж. 13, 228
Прутков К. 8, 225
Прянишников Д. Н. 423, 424
Пушкин А. С. 3, 79, 267, 293, 298, 303
Пятаков Г. Л. 10, 442, 452

Радовский М. И. 433
Радек К. Б. 437, 440, 441
Раковский Х. Г. 440
Рассел 473
Ратенау В. 359
Рафаэль (Раффаэлло Санти) 82
Рачинский С. А. 91
Рейснер Л. 274
Рёскин Д. 363
Рикардо Д. 127, 188
Риккерт Г. 149, 165, 179, 473
Робеспьер М. 58
Родбертус К. 220, 230
Рождественский Д. С. 423, 424
Розанов М. Н. 415, 423, 488
Ротштейн Ф. А. 90
Рубинштейн М. И. 493
Руссо Ж. Ж. 157
Рыков А. И. 453, 490
Рютин М. Н. 453
Рязанов Д. Б. 415, 416, 423, 424—426

Сакулин П. Н. 415, 416, 423, 424
Салтыков-Щедрин Е. М. 25, 414
Самойлович А. Н. 415, 416, 423, 424, 432
Санд Ж. 15
Светлов М. А. 267, 268, 297
Северцов А. Н. 109, 423
Сельвинский И. Л. 272, 275—277, 298—299
Семковский 172
Сен-Симон Л. Р. 13, 17, 21, 230
Сент-Илер Ж. 92
Сеченов Н. Н. 432
Скрябин А. Н. 248
Сладков 9, 437
Слепков А. П. 453
Словацкий Ю. 250
Смит А. 186, 188
Соболевский А. И. 415, 416, 423
Солнцев С. И. 415, 416, 423, 424
Соловьев В. С. 8, 287
Сосюра В. Н. 280
Спенсер Г. 107
Сперанский М. Н. 415, 423
Спиноза Б. 65, 67, 70, 265, 288
Сталин И. В. 232, 234, 302, 374, 390, 433, 451—456, 461, 462, 467, 468, 479, 485
Струве П. Б. 11, 160, 164, 196, 419, 421, 432, 438, 450
Струмилин С. Г. 429, 458, 469, 480, 487
Стэн Я. 483
Сурков А. А. 295—300

Тальгеймер 441
Тарле Е. В. 415, 423
Тейлор Ф. У. 316
Тённис Ф. 129, 130
Тилли И. Ц. 54
Тимирязев К. А. 7, 109, 486
Тимофеева Л. 252
Тихонов Н. С. 272, 277—279, 298
Толстой Л. Н. 267
Томский М. П. 453
Тредиаковский В. К. 289
Трёльч Е. 123, 128, 129, 146—147, 149, 163, 166, 176
Тремо П. 103
Троцкий Л. Д. 439, 444
Туган-Барановский М. И. 10, 129, 149, 171, 187, 190, 193, 195, 419, 421, 438, 432, 450
Тьерри О. 93
Тычина П. Г. 280
Тюменев А. И. 432
Тютчев Ф. И. 25

Урановский Я. М. 489
Успенский Г. И. 25
Успенский Я. В. 423
Уткин И. П. 268—270
Ушаков 268
Уэллс Г. Д. 359

Фаворский А. Е. 423, 424
Фейербах Л. 13, 15, 114, 132—134, 136—138, 140, 154, 161, 166—167, 183, 454
Ферри Э. 129
Ферсман А. Е. 423, 426, 431
Фидий 319
Филипченко Ю. А. 96
Фихте И. Г. 58, 59, 230
Фохт 155
Франк 473
Фрейлиграт Ф. 15, 262
Фридрих Вильгельм I 56
Фриче В. М. 415, 416, 423, 424, 425
Фронтина С. Ю. 322
Фурье Ш. 13, 209, 230

Хеглунд Ц. 10, 439
Хмельницкий 421

Чаплыгин С. А. 423, 424
Челлини Б. 82
Чернышев А. А. 432
Чернышевский Н. Г. 245
Чичибабин А. Е. 423, 424
Чупров А. И. 317

Шапошников Н. 442
Шекспир У. 66, 78, 274, 297
Шеллер М. 37, 129, 147, 176, 212
Шелли П. Б. 65, 78
Шеллинг Ф. В. И. 66
Шеффле А. Э. Ф. 107, 108
Шиллер Ф. К. 57, 68
Шишков А. С. 250
Шкловский В. Б. 250
Шлютер Г. 90
Шмитт 223
Шопенгауэр А. 67, 155, 243
Шпанн О. 37, 151, 172, 180, 181, 183, 206, 210, 212, 219
Шпенглер О. 125, 359, 400—402, 404, 405, 411, 414
Штаммер Р. 129, 169, 173, 179
Штокмар М. 252
Штольцман Р. 173, 179
Шульц 67
Шулятиков 448

Щербацкой Ф. И. 237, 415, 423

Эддингтон А. С. 37, 116
Эйнштейн А. 116
Эйхенбаум Б. 247
Эккерман И. П. 63
Энгельс Ф. 12, 15, 60, 73, 83, 96, 103, 106, 111, 113, 114, 132, 133, 135—136, 144, 146, 154—156, 158, 163, 167, 175, 179, 183, 200—202, 204, 207—209, 220, 227, 229, 367, 406, 430, 455, 456
Эпикур 133
Эрман Ж. 123
Эрматингер 359
Эренбург И. 9
Эритье Л. 129
Эули С. 294, 304
Эшли 90

Якоби 70
Якобсон Р. 245

Adler M. см. Адлер М.
Ammon A. 179

Bagner A. 137
Barde L. 450
Bauer O. см. Бауэр О.
Berdjajev N. см. Бердяев Н. А.
Bodenhafer W. B. 450
Bohm-Bawerk E. см. Бем-Баверк Е.
Bonn J. B. 123
Bonnet Ch. 95
Boom E. 450
Bordeaux A. 318
Bougle C. 169
Bourdeau J. 450
Buntschli 107
Brandenburg E. 176
Brasol B. L. 450
Braunthal A. 172
Brewster E. T. 95
Brief B. см. Бриф Б.
Brinkmann C. 90

Caird J. 88, 89
Cantor M. 316
Carnap K. 152
Carp J. H. 450
Carver T. N. см. Карвер Т. Н.
Castle W. E. 100
Chiapelli A. 123

Clapham J. H. 88
Clark 178

Dalemont J. 30, 35
Darwin Ch. см. Дарвин Ч.
Davenport 117
Dellbrück H. 205, 208
Diebri H. 174
Diehl K. 450
Diels H. 320
Diesel E. см. Дизель Е.
Dietzel H. см. Дитцель Х.
Drahn E. 130
Dyckerhoff W. 353
Duguit L. 205

East 117
Edwin R. 163
Eisler R. 316
Engels F. см. Энгельс Ф.
Eullenburg F. 160

Fabbri L. 221
Feuerbach L. см. Фейербах Л.
Fischer G. H. 181
Fischer H. H. 450
Frank P. 130
Fülop-Miller R. 450

Gerlich F. 122
Gmelin H. 223
Graziadie A. 187, 188
Groethuvsen B. 141
Gumplovitz F. см. Гумплович Л.
Gundolf A. 76
Gundolf F. см. Гундольф Ф.

Haesaert J. P. 29
Halevy El. 90
Hammacher E. 125
Hanisch G. 187
Hegel G. W. F. см. Гегель Г. В. Ф.
Heidebrock E. 359
Helander S. 130
Held A. 128
Hellmich 359
Hertwig O. 111
Hilferding R. см. Гильфердинг Р.
Hirsch J. 450
Hirschfeld C. F. 353

Jacobsohn G. 161
James W. 150
Jellinek G. 208
Jevon S. 123

Kaphahn F. 450
Kartor M. 321
Kautsky K. см. Каутский К.
Kelsen H. см. Кельзен Х.
Kjellen R. 107—108, 206
Kratschkovsky J. см. Крачковский И. Ю.
Kronacher 103
Kronenberg A. 155

Lascy H. 204
Lederer E. 172, 181
Lengiel E. 366
Lenz 117
Lexis W. 160
Levy H. 88
Loening E. 205
Loria A. см. Лория А.
Lukacs G. 450
Lunborg 117
Luxemburg R. см. Люксембург Р.

Mackenzie F. A. 450
Makeev N. 450
Malthus M. R. см. Мальтус Т. Р.
Marcus A. 123
Marriot J. A. R. 206
Marx K. см. Маркс К.
Masaryk J. 172, 195
Mensel A. 138, 205
Michels R. см. Михельс Р.
Mondolfo R. 137
Münsterberg G. см. Мюнстерберг Г.

Nägel A. 359
Nietzsche F. см. Ницше Ф.

Oneken 163
Oppenheimer F. см. Оппенгеймер Ф.
Orelli von C. 123
Osborn H. F. 95

Pantaleoni M. 129
Pareto V. см. Парето В.

Passow 125
Petry F. см. Петри Ф.
Plate L. 116
Plenge J. см. Пленге И.
Prinz A. 126

Quesnay F. 190

Review Q. 89, 107
Rickert H. см. Риккерт Г.
Rosenkranz K. 84

Scheler M. см. Шелер М.
Schmidt H. 95—96
Schmitt C. 211, 214
Schneider K. C. 117
Schulze-Gaevernitza 176
Seligman A. см. Зелигман А.
Shepard G. H. 367
Simmel G. см. Зиммель Г.
Small W. 193
Sombart W. см. Зомбарт В.
Spann O. см. Шпанн О.
Spengler O. см. Шпенглер О.
Stanley Jevons W. 181
Stammler R. см. Штамлер Р.
Steinbuchel 123
Stolzmann R. см. Штольцман Р.
Study E. 99, 151
Suranyi-Ungel M. 179

Taylor W. 360
Tönnies см. Тённис Ф.
Tremaux P. см. Тремо П.
Troeltsch E. см. Трёльч Е.

Vorlander K. 450

Wagner A. см. Вагнер А.
Walras L. 178
Walzel O. 248
Weber E. 123
Weber M. см. Вебер М.
Werner M. 450
Wild K. M. 348
Windelband W. см. Виндельбанд В.
Windschuh см. Виндшу
Wundt W. см. Вундт В. М.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вступительная статья ответственного редактора академика Е. П. Велихова 3
Бухарин Николай Иванович. (Автобиография) 7

I

Гейне и коммунизм 12
Борьба двух миров и задачи науки 27
Гете и его историческое значение 53
Дарвинизм и марксизм 87
Учение Маркса и его историческое значение 120
О поэзии, поэтике и задачах поэтического творчества в СССР . . . 234

II

Производственная пропаганда 305
Теория исторического материализма [Страницы о роли науки в обществе] 314
О планировании научно-исследовательской работы (к постановке вопроса) 324
Школа, общественность, техническая пропаганда 334
Мировой кризис. СССР и техника 347
Научно-техническое обслуживание промышленности 374
Рецензии 398
Предисловие [к книге «История техники»] 406

Приложения

От составителей 413
1. Документы о выборах Н. И. Бухарина в действительные члены Академии наук СССР (Публикация Г. И. Смагиной) . . 415
2. Научно-организационная деятельность академика Н. И. Бухарина в Академии наук СССР (А. В. Кольцов) 425
3. Бухарин Н. И. (Статья из БСЭ) 437
4. Академик Н. И. Бухарин — исследователь науки (М. Г. Ярошевский) 451
Краткий комментарий (сост. Г. И. Смагина) 486
Список сокращений 495
Именной указатель (сост. Г. И. Смагина) 496

Н. И. БУХАРИН

ИЗБРАННЫЕ ТРУДЫ